

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Litera

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-05-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-05-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул.Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Варфоломеева Ю.Н., Байкалов Н.С. Урбонимия новых городов Забайкалья (на примере города Северобайкальска)	1
Баранова Е.А. Проблема расширения бренда СМИ	10
Су К. Мотив сна в лирике М. Ю. Лермонтова: между реальностью и иллюзией	24
Чжан В. Сравнительный анализ русской и китайской литературных традиций: от перевода произведений Ф. М. Достоевского к культурному контексту	37
Анисимова О.В., Савушкина Т.А. От литературы "Новой волны" к современному англоязычному фэнтези: Желязны, Мартин, Гейман	49
Шавтикова А.Т. Репрезентация национальных стереотипов в юмористическом кинодискурсе	60
Лю М. Стандарты оценки качества перевода политического дискурса с применением больших языковых моделей	70
Ли Л., Лазарева О.В. Лигвокультурологические основы русских и китайский паремий о мужьях и женах	86
Сун С., Чан Ю. Стеклопанное пресс-папье в системе символов «1984»: фальсификация истории, контроль сознания и утрата человечности	98
Бахматова А.Д. Стратегии создания и записи новых слов XXI века в китайском и японском языках	110
Ма Л. Компаративный анализ лексических единиц как инструмент исследования культурно-языкового суверенитета в творчестве Н. А. Бердяева	131
Кукушкина О.В., Сунь Ц. Состав наименований негативных эмоций в русском языке	144
Чернова А.Н. Влиятельные женщины Санкт-Петербурга в деловой журналистике: медиапортрет и профессиональный статус	157
Ван Л. Особенности выражения инструментального значения в речи русских детей и китайских студентов, изучающих русский язык как иностранный	169
Новиков А.В. Формальные элементы постмодернизма: компаративный анализ романов «Дом листьев» Марка З. Данилевского и «2666» Роберто Боланьо	180
Бочаров И.И., Баранова Е.А. Механизмы конструирования пропагандистских сообщений в медиа	208
Ковешникова А.В. Специфика использования фразеологических единиц в художественной прозе В. Пелевина	219
Обама Ф., Лазарева О. Проблема перевода вербального компонента поликодового текста политической карикатуры на материале русского, английского и французского языков	234
Усова Е.В. Применение средств коммуникации при социальном конструировании исторической памяти	249
Лобанова Т.Н., Середенко В.М. Языковые средства экспрессии и аксиологические стратегии в медиатекстах по проблематике торговой войны Дональда Трампа между США и КНР	259

Чэнь К. Метафорический дискурс в традиционной китайской медицине на основе теории пяти стихий	270
Ергазы Н., Денисенко В.Н. Концепт «вежливость» в контексте семейных отношений	282
Гусейнова Л.Д. Языковые и социокультурные аспекты квебекских интернет-мемов	291
Чжан Ш. Изображение В. К. Плева в ретродетективах Николая Свечина	301
Дейкун И.Д. Гипертекст в художественной литературе как технология и как метафора. На примере "Бесконечного тупика" Д.Е. Галковского	313
Найденова Р.Р. Миф как основа нарратива в творчестве Маргарет Этвуд	327
Дубаков Л.В., Го С. Музыка сельской жизни в романах «Сандро из Чегема» Фазиля Искандера и «Циньские напевы» Цзя Пинва: гармония природы и прошлого	339
Камбак Б. Социальный статус русского языка в Турции	351
Каверина В.В., Ху Ч. Орфография сложных прилагательных с количественным числительным в первой части в XVIII–XIX вв.	362
Ермолова К.А. Метафорическое употребление лексемы «театр» в публицистическом стиле современного русского языка	372
Англоязычные метаданные	385

Contents

Varfolomeeva Y.N., Baikarov N.S. Urbonymy of new towns in Transbaikalia (case-study of Severobaikalsk)	1
Baranova E.A. The Problem of Media Brand Expansion	10
Su K. The Dreams in M. Y. Lermontov's Lyrics: Between Reality and Illusion	24
Zhang W. Comparative analysis of Russian and Chinese literary traditions: F. M. Dostoevsky's works translation and adaptation to the cultural context	37
Anisimova O.V., Savushkina T.A. From the literature of the "New Wave" to contemporary English-language fantasy: Zelazny, Martin, Gaiman	49
Shavtikova A. National Stereotypes Representation in Humorous Film Discourse	60
Liu M. Standards for Assessing the Quality of Political Discourse Translation Using Large Language Models	70
Li L., Lazareva O.V. Linguocultural foundations of Russian and Chinese proverbs about husbands and wives	86
Song X., Chang Y. The Glass Paperweight in the Symbolic Framework of 1984: Historical Falsification, Cognitive Control, and Dehumanization	98
Bahkmatova A. Strategies of new words formation in Chinese and Japanese in the 21st Century	110
Ma L. Comparative analysis of lexical units as a tool for studying cultural and linguistic sovereignty in the works of N. A. Berdyaev	131
Kukushkina O.V., Sun J. Composition of negative emotions' naming in the Russian language	144
Chernova A.N. Influential Women of St. Petersburg in Business Journalism: Media Portrait and Professional Status	157
Wang L. Features of the expression of instrumental meaning in the speech of Russian children and Chinese students studying Russian as a foreign language.	169
Novikau A.V. Formal elements of postmodernism: a comparative analysis of the novels House of Leaves by Mark Z. Danielewski and 2666 by Roberto Bolaño	180
Bocharov I.I., Baranova E.A. Mechanisms for constructing propaganda messages in the media	208
Koveshnikova A.V. The specifics of using phraseological units in the artistic prose of V. Pelevin	219
OBAMA F., Lazareva O. The problem of translating the verbal component of political cartoons in English, Russian and French	234
Usova E.V. The use of communication tools in the social construction of historical memory.	249
Lobanova T.N., Seredenko V.M. Language Expressive Means and Axiological Strategies in Media Texts on the issues of Donald Trump's Trade Wars between the US and China	259
Chen K. Metaphorical discourse in traditional Chinese medicine based on the theory of the five elements	270

Yergazy N., Denisenko V.N. The concept of «politeness» in the context of family relationships	282
Guseynova L.D. Linguistic and sociocultural aspects of Quebec Internet memes	291
Zhang S. The image of V. K. Pleve in Nikolai Svechin's retro-detectives	301
Deikun I.D. Hypertext in literary art as a technology and as a metaphor. An example from "Endless Dead End" by D.E. Galkovsky.	313
Naydenova R.R. Myth as the foundation of the narrative in the works of Margaret Atwood.	327
Dubakov L., Guo X. The Music of rural Life in the novels «Sandro from Chegem» by Fazil Iskander and «The Shaanxi Opera» by Jia Pingwa: harmony of Nature and the Past	339
Kambak B. The social status of the Russian language in Turkey"	351
Kaverina V.V., Hu C. The spelling of compound adjectives with quantitative numerals in the first part in the XVIII–XIX centuries	362
Ermolova K.A. Metaphorical use of the lexeme "theater" in the publicistic style of the modern Russian language	372
Metadata in english	385

Litera

Правильная ссылка на статью:

Варфоломеева Ю.Н., Байкалов Н.С. Урбонимия новых городов Забайкалья (на примере города Северобайкальска) // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.73648 EDN: VWBSWE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73648

Урбонимия новых городов Забайкалья (на примере города Северобайкальска)

Варфоломеева Юлия Николаевна

ORCID: 0000-0003-2914-5804

доктор филологических наук

доцент; институт истории и филологии; Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова

670000, Россия, респ. Бурятия, г. Улан-Удэ, Советский р-н, ул. Смолина, д. 24а

✉ yulvar83@mail.ru

Байкалов Николай Сергеевич

ORCID: 0000-0002-2511-9003

доктор исторических наук

директор; институт истории и филологии; Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова

670000, Россия, респ. Бурятия, г. Улан-Удэ, Советский р-н, ул. Смолина, д. 24а

✉ baikalchik@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.73648

EDN:

VWBSWE

Дата направления статьи в редакцию:

11-03-2025

Дата публикации:

02-04-2025

Аннотация: Актуальность настоящей работы связана с вниманием современной

лингвистики к проблемам изучения языка города – многогранного явления, изучаемого на сегодняшний день с лингвистической, исторической, культурологической и других сторон. Целью исследования является классификация урбонимов новых городов Забайкалья на примере города Северобайкальска. Город выступает важнейшим поселением, возникновение которого неразрывно связано со строительском Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, поэтому исследование советского наследия и новых практик номинации особенно интересно. В зону рассмотрения попадают самый стабильный пласт ономастики – годонимы и самый подвижный – эргоурбонимы, очень быстро отражающие социальные и культурные изменения. Годонимы несут в себе информацию об истории и культуре территории, ее географическом положении и особенностях, способствуют формированию образа города и коллективной идентичности жителей. Эргоурбонимы выполняют множество функций, в том числе имиджевую и навигационную, они отражают культуру, историю, традиции, географическое положение обслуживаемой территории. Методы исследования отвечают поставленным задачам: для отбора эмпирического материала (годонимы и эргоурбонимы) был использован метод сплошной выборки. Для классификации урбонимов и интерпретации результатов применялись структурно-описательный и количественный методы, позволяющие сосредоточиться на содержательной стороне урбонимов и вычислить частотность групп годонимов. Научная новизна состоит в том, что работы по изучению годономии и эргоурбонимии новых городов Забайкалья практически отсутствуют (за исключением статей авторов настоящей публикации). В статье привлекается неиспользованный фактический материал, проанализировано 177 годонимов (названия улиц, переулков, проспектов, кварталов) и более 270 эргоурбонимов (названий кафе, столовых, магазинов, ателье, парикмахерских, гостиниц и других объектов города Северобайкальска), описаны их функции. Результаты исследования состоят в выявлении 11 тематических групп годонимов и 11 групп эргоурбонимов, среди которых представлены наименования, отсылающие к советскому прошлому, географические, метафорические, навигационные названия и др. В системе годонимов велика роль советского прошлого, эргоурбонимы в большей степени отражают современные тенденции развития ономастической системы. Работа будет полезна лингвистам, историкам, культурологам и рекламистам. Результаты могут быть использованы для составления справочника-словника урбонимов разных поселений, рекомендаций по образованию номинаций.

Ключевые слова:

язык города, ономастика, урбоним, годоним, эргоним, город Северобайкальск, классификация годонимов, типы эргоурбонимов, новый город, Забайкалье

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-01656, <https://rscf.ru/project/24-28-01656>

Введение

Актуальность настоящей работы связана с вниманием современной лингвистики к проблемам изучения языка города [11, с. 22-30] - многогранного явления, изучаемого на сегодняшний день с лингвистической, исторической, культурологической и других сторон [4, с. 7]. Урбанонимия, выступающая как система номинаций городских объектов [8], включает в себя годонимы - названия улиц, выступающие одними из самых стабильных

элементов в ономастике и эргонимы- наименования организаций и учреждений [12, с. 151], являющиеся, пожалуй, одними из самых подвижных. Из синтеза понятий эргоним и урбоним Р.И. Козлов [9] создает термин эргоурбоним, используемый в лингвистической практике [4, 5]. Эргоурбонимы - названия коммерческих городских предприятий, локализованных на территории конкретного городского поселения [4, 5]. Рост количества разных коммерческих предприятий (парикмахерских, гостиниц, торговых центров и т.п.) в конце СС - начале ССІ в. привел к настоящему буму номинаций. В отличие от годонимов, эргоурбонимы очень быстро «откликаются» на экономические и имиджевые изменения города, поэтому исследование двух указанных пластов ономастической системы выступает актуальной лингвистической задачей, что способствует выявлению уникальной языковой среды города.

Годонимы несут в себе информацию об истории и культуре территории, ее географическом положении и особенностях. Годонимы способствуют формированию образа города и коллективной идентичности жителей [3]. Эргоурбонимы выполняют множество функций, в том числе имиджевую и навигационную, состоящие в формировании имиджа территории и способствующие ориентации в городском пространстве [5]. Эргоурбонимы отражают культуру, историю, традиции, географическое положение обслуживаемой территории.

Ономастическая теория развивается на настоящий момент достаточно активно: прежде всего, можно выделить работы уральской ономастической школы [6, 7]. Новым в области ономастики следует признать исследование полевой организации топонимов [10]. При наличии работ в области топонимики Забайкалья [13, 14] следует констатировать, что урбонимия Северобайкальска мало исследована. Отдельные труды касаются изучения годономии БАМовских поселений [3] и топонимического пространства новых городов Забайкалья [2].

Основную теоретическую базу исследования составляют труды Р.И. Козлова [9], Ю.В. Вайрах [4], Р.М. Амировой [1] введших термин «эргоурбоним» и описавших специфику эргоурбонимии г. Иркутска и Казани, М.В. Голомидовой [7, 8], исследующей урбонимию современного города и др. **Объектом** данной работы выступают годонимы - самые стабильные и эргоурбонимы - самые подвижные элементы ономастической структуры.

Эмпирическая база исследования состоит из картографических материалов: 2ГИС карты и схемы [15], ресурса MapData [16] с перечислением всех улиц населенного пункта, а также данных личного наблюдения.

Обсуждение и результаты

К новым городам Забайкалья в данной работе относятся образованные в советский период на слабозаселенной территории поселки, которые переводятся в статус городов. Одним из таковых выступает город Северобайкальск, возникший как палаточный лагерь в 1974 г. и переведенный в статус города республиканского подчинения в 1980 г. Город выступает важнейшим поселением, возникновение которого неразрывно связано со строительском Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.

На февраль 2025 года в городе Северобайкальске насчитывается 177 улиц. Годонимы классифицируются по разным основаниям: историческим, словообразовательным, семантическим. В данной работе представлена тематическая классификация.

Первую группу годонимов Северобайкальска составляют названия, содержащие в своей основе апелляцию к советскому прошлому, например, улицы 18 Съезда ВЛКСМ, Октября, 60 лет ВЛКСМ, Проспект 60 лет СССР, Первомайская, Советская, улица 25-летия БАМ, Бамовская улица, Бамовский переулок, улицы Локомотивная и Магистральная, Строителей, Мостостроителей, переулок Строителей и др.

Ко второй группе можно отнести годонимы, обусловленные географическим положением города, связанные с имеющимися гидронимами и названиями других природных объектов: улицы Северная, Южная, Заречная, Сибирская, Ольхонская (по названию крупнейшего острова озера Байкал), Байкальская, Байкальский переулок, километр Байкальское шоссе 4, Кичерский переулок (по названию поселка в Северо-Байкальском районе), Нийская улица (по названию реки в Иркутской области), Родниковый переулок и др.

Некоторые названия улиц выглядят немотивированными, однако, существование их обусловлено исторически. Так, в город Северобайкальск в период строительства Байкало-Амурской магистрали стекались рабочие со всего Союза, например, из Ленинграда, что вылилось в возникновение Ленинградской улицы и Ленинградского проспекта. Кроме того, в городе имеются улицы Московская, Уральская, Камчатская, Крымская, Владимирская, переулки Волгоградский, Волжский, Уральский, Прибалтийский и др. Сюда же можно отнести названия, связанные с ойконимом: километр Дороги Северобайкальск-Байкальское 3, Километр Дороги Северобайкальск-Нижнеангарск 5 и др.

К третьей группе следует отнести названия, которые отсылают к именам известных деятелей, это, прежде всего, революционеры, политики, летчики, авиаконструкторы, космонавты, писатели: улицы Ленина, им Крупской, Дзержинского, Чкалова, Туполева, им Туполева, Сухова, Космонавта Волкова, Переулок Волкова, улицы Намсараева, имени Богача Владимира Романовича, Степана Разина и др.

Четвертую группу образуют названия, созданные на основе метафорического или метонимического переноса, причем чаще всего восходящие к советской риторике: улицы Мира, Апрельская, Весенняя, Звездная, Зеленая, Дружбы, Труда, Свободы, Юбилейная, переулки Пионерский, Майский, Апрельский и др.

Пятая группа представлена наименованиями, характеризующими социальную структуру общества. Поскольку на БАМ ехала, прежде всего, молодежь, это зафиксировано в названиях улиц: Молодежная, Студенческая, Комсомольская, Спортивная, проспект Юности и др.

К шестой группе относятся годонимы – названия профессий, это в первую очередь наименования тех, кто строил БАМ: переулки Пролетарский, Тоннельный, улицы Тоннельщиков, Строителей, Связистов, Проходчиков, Рабочая, Мостостроителей, Геологическая. Встречаются годонимы, отсылающие к популярным в советское время профессиям и роду деятельности лиц, проживающих на данной территории: улицы Космонавтов, Профсоюзная, Аграрная, Полиграфистов, Охотника, переулки Совхозный, Охотника.

Седьмая группа содержит навигационные годонимы, которые помогают ориентироваться в пространстве, поскольку «описывают» положение улицы относительно объектов инфраструктуры: улицы Вокзальная, Железнодорожная, Заводская, Магистральная, Складская, переулки Железнодорожный, Клубный, Пляжный проезд, Школьный и др.

В восьмой группе представлены этнические названия, стоит отметить, что для рассматриваемого города не свойственны названия, апеллирующие к коренным народам, проживающим на данной территории, а лишь те, что отсылают к славянским народам: улица Славянская. Данное обстоятельство объясняется «молодостью» города и его возникновением в связи со строительством БАМ в советский период.

Девятая группа состоит из растительных названий, в основном это отсылки к произрастающим на данной территории деревьям и кустарникам: квартал Еловый, улицы Малиновая, Рябиновая, Сосновая, Сиреневый переулок и др.

Десятая группа представляет собой названия, содержащие характеристики местности: улицы Линейная, Просторная, Светлая, Объездная, Нагорная, Сейсмическая (город находится в зоне высокой сейсмической активности), переулки Объездной, Солнечный и др.

Нумерационные топонимы в Северобайкальске значительно распространены: 1-й квартал, Квартал ½, 2-й квартал, 3-й квартал, 4-й квартал, 5-й микрорайон, 6-й квартал, Улица 7 мкр 3 Линия, 7-й микрорайон, 8-й микрорайон, СОТ Ветеран 14-я линия – всего 28 наименований.

Границы между группами достаточно зыбкие, так названия улиц 18 Съезда ВЛКСМ, Октября, 60 лет ВЛКСМ, Проспект 60 лет СССР могут быть отнесены и к советским, и к нумерационным, улица Зеленая к метафорическим и характеризующим местность и т.д.

В процентном отношении распределение топонимов по группам представлено в Таблице 1.

№	Наименование группы	%
1	Советские	9,6
2	Географические	19,3
3	Меморативы	9
4	Метафорические	9,6
5	Социальные	3
6	По названию профессий	11,9
7	Навигационные	6,7
8	Этнические	0,6
9	Растительные	3,7
10	Характеристики местности	5,9
11	Нумерационные	20,7

Таблица 1. Группы топонимов г. Северобайкальска, %.

Как видно из Таблицы 1, среди топонимов «уверенно лидируют» географические и нумерационные. Менее всего представлены этнические, социальные и растительные. В целом, разные группы топонимов содержат отсыл к советской истории, она прослеживается и в географических, и в метафорических топонимах, а также в меморативах, социальных и профессиональных названиях.

Эргоурбонимы г. Северобайкальска также достаточно разнообразны. Продолжая тематическую классификацию, можно выделить следующие группы наименований.

Первую группу составляют эргоурбонимы, содержащие отсыл к советскому прошлому, к таковым можно отнести название аптеки Советская или кафе СССР. Имеются названия,

отсылающие к строительству Байкало-Амурской магистрали: магазин продуктов БАМ.

Вторую группу составляют географически обусловленные названия, в Северобайкальске это, первую очередь, те, которые имеют отношение к озеру Байкал (кафе Ольхон, клиника Байкал, рестораны Байкал, Баргузин, Центр Байкальского гостеприимства сувениры Байкала, супермаркет Северный Байкал) или шире - к Сибири, Азии: кафе Сибирский гурман, Азия, магазин ПанАзия, Саяны.

Третья группа представлена именами, причем не только греко-славянскими: продуктовый магазин Руслан, позная У Альбины, Виктория, кафе Елена, продуктовые магазины Маргарита, Натали, Надежда, Вика, Мед Глебушка, но и бурятскими (позная Дари, кафе Гаянэ), тюркскими (кафе Назира). Кроме прочего, среди имен появляются названия, отсылающие к литературе, мифологии, истории: продуктовые магазины Гермес, Юпитер, бар Пегас, кафе Гелиос; парикмахерская Руслан и Людмила, кафе Чингисхан.

Четвертая группа образована метафорическими эргоурбонимами: магазины Апрель, Аромат, Мир детства, Эконом, Продуктовая корзина, Улов (все для рыбалки), магазин зоотоваров Дружок, ресторан Гости, парикмахерская Пчёлка, столовая Добрая, бар Элитный, столовая Дальнобойщик, магазины Планета, Маяк, Сытый папа, Хлеб-соль. Основная часть подобных названий мотивирована.

К пятой группе можно отнести навигационные наименования: Центральная аптека, торговый зал Проспект, магазин Бульвар и др.

Шестую группу составляют иноязычные или транслитерированные наименования: сервисный центр DIGIS, магазин натурального мыла STENDERS, ресто-клуб Aura, GARDEROB, кафе BurgerFamily, SuperBurger, турфира ЭКОЛЭНД кафе Rassvet, Wi-fi, магазин Sportcity, ателье MODISTA, магазин ULTRA, БуузаHouse, Сагаан дали. Как видно из названий, доминируют англоязычные варианты, есть бурятские.

Названия, отсылающие к животной или растительной тематике составляют седьмую группу: магазины Яблоко, Манго, кафе Фламинго и др.

Далее представлены группы эргоурбонмов, не имеющие параллелей в годонимической классификации.

В восьмой группе сконцентрированы функциональные эргоурбонимы, востребованные в советский период и активно употребляемые до настоящего времени: Юрист, Магазин канцелярских товаров, Столовая, Продукты, Кафе, Компьютеры, Продуктовый магазин, Буфет, Цветы, Чебуречная, Бижутерия, Сумки, Ремни, Торговый Центр, Спорттовары, Немецкая обувь, Газеты, Аптека, Шашлык, Овощи-Фрукты, Ковры, Автосервис, Бензоинструмент.

Девятая группа представляет собой уменьшительно-ласкательные наименования, характеризующие главным образом детские объекты: детский магазин Кроха, Пчёлка kids. В других случаях подобные названия могут вызывать вопросы: кафе Байкалочка, сеть магазинов Северяночка, Домик продуктов, продуктовый магазин Островок, ателье Пуговка. Как правило, подобным названиям есть объяснение, например, магазин Домик продуктов имеет крайне малую площадь и т.д.

Десятую группу составляют брендовые: DNS, Светофор, MTC, WILDBERRIS, OZON, KARI др.

Одиннадцатая группа состоит из названий, основанных на языковой игре или рифме: мини-маркет Пиво рыба и текила, рыболовный магазин Клёвая точка, супермаркет Мясо сосиски и виски, кафе Чудо+Блюдо, магазин Мясофф и др.

Наиболее востребованные группы эргоурбонимов: географические, содержащие в своем составе имена, функциональные, иноязычные или транслитерированные, метафорические.

Как видно из материала, в сравнении с консервативными годонимами, эргоурбонимы быстро откликаются на социально-исторические изменения.

Заключение

К **выводам** работы следует отнести следующие: при том, что годонимы выступают наиболее консервативной составляющей ономастической системы, годонимия Северобайкальска достаточно разнообразна, в результате исследования выделены одиннадцать тематических групп. В названиях улиц велика роль советского наследия: годонимы, отсылающие к советскому периоду истории, советской символике, меморативы советской эпохи, метафорические названия, профессии, востребованные в советскую эпоху.

Эргоурбонимия Северобайкальска так же представлена одиннадцатью тематическими группами, что говорит о достаточном разнообразии наименований. Кроме традиционных способов номинаций, схожих с теми, которые были использованы при образовании годонимов, появляются современные: калькирование, использование иностранных слов, имен брендов, языковой игры, смешение латиницы и кириллицы и др. Эргоурбонимы гораздо более подвижны, изменчивы, отражают современные тенденции жизни общества. В целом, урбонимы помогают ориентации в городском пространстве, формируют представление о населенном пункте, отражают историю и современные тенденции развития общества.

При дальнейшем исследовании темы можно будет проследить изменения в системе номинаций в связи с разными событиями в обществе и др. Например, интересно будет провести анализ системы новых номинаций после «ухода» брендовых названий. Кроме того, интересно выявить населенные пункты с более консервативными тенденциями развития урбонимов и те, которые отражают актуальные тенденции в большей степени. Изучение не только эргоурбонимов и годонимов, но и названий других объектов городской среды составляет **перспективу исследования**.

Библиография

1. Амирова Р. М. Функционирование коммерческих эргонимов города Казани в условиях двуязычия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 3(57). Ч. 1. С. 74-77. EDN: VKNUNR.
2. Байкалов Н. С., Варфоломеева Ю. Н. Топонимическое пространство новых городов Забайкалья: советское наследие и современные номинации // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 6. С. 1309-1330. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1309-1330. EDN: NDZJVU.
3. Байкалов Н. С., Поплевина А. И. Годонимы в социокультурном пространстве городских поселений Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМа) // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 1. С. 19-23. DOI: 10.30853/manuscript.2019.1.3. EDN: YUQVJR.
4. Вайрах Ю. В. Эргоурбонимия города Иркутска: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты исследования: автореф. канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2011. 24 с. EDN: WZUBSP.

5. Варфоломеева Ю. Н. Имиджевая и навигационная функции текстов городской среды (на материале эргоурбонимов г. Улан-Удэ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 12. С. 3758-3763. DOI: 10.30853/phil20210613. EDN: YLEEJO.
6. Вепрева И. Т., Харитонова А. В. Ономастическое пространство Екатеринбурга: уровневая организация маркеров региональной идентичности // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20. № 3. С. 184-199. DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.3.037. EDN: LUVORC.
7. Голомидова М. В. Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург: образ города в динамике топонимического текста // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14. № 1. С. 29-53. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-2. EDN: KYVTIY.
8. Голомидова М. В. Урбанонимы в контексте культуры современного города // Ежегодник научно-исследовательского института русской культуры. Екатеринбург: УрГУ, 1995. С. 76-86.
9. Козлов Р. И. Эргоурбонимы как новый разряд городской ономастики: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Уральский гос. ун-т, Екатеринбург, 2000. 23 с. EDN: QDJIZN.
10. Мкртычян С. В., Заонегина В. В. Верификация модели топонимического пространства на диахроническом материале // Вестник Тверского государственного университета. Серия "Филология". 2023. No 2 (77). С. 59-68. DOI: 10.26456/vtfilol/2023.2.059. EDN: HWMRFG.
11. Подберезкина Л. З. Лингвистическое градоведение (о перспективах исследования языкового облика Красноярска) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: научно-методич. бюл. Вып. 6. Красноярск-Ачинск, 1998. С. 91-98.
12. Подольская Н. В. Словарь ономастической терминологии. 2-е изд., переработ. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.
13. Пушкарева Ю. Г., Доржиева Г. С. Улицы Улан-Удэ: история и современность. Улан-Удэ: ВСГУТУ, 2016. 168 с.
14. Федотова Т. В. Топонимический словарь Забайкальского края. Чита: ЗабГУ, 2017. 272 с. EDN: MVIPVT.
15. ГИС – электронный справочник с картами городов [электронный ресурс]. URL: <https://2gis.ru> (дата обращения: 20.02.2025).
16. MapData – Карта России с городами, информация о городах и улицах России [электронный ресурс]. URL: <https://mapdata.ru> (дата обращения: 20.02.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Актуальность рецензируемой статьи связана с вниманием современной лингвистики к проблемам изучения языка города - многогранного явления, изучаемого на сегодняшний день с лингвистической, исторической, культурологической и других сторон. Стоит согласиться, что «урбанонимия, выступающая как система номинаций городских объектов, включает в себя годонимы - названия улиц, выступающие одними из самых стабильных элементов в ономастике и эргонимы- наименования организаций и учреждений, являющиеся, пожалуй, одними из самых подвижных». Следовательно, данный материал достаточно интересен и актуален, а рассмотрение указанной в заголовке темы продуктивно и концептуально. В целом, на мой взгляд, работа сложена удачно, авторская точка зрения объективна, позиционна. Стиль исследования соотносится с собственно научным типом: например, «Годонимы несут в себе информацию об истории и культуре территории, ее географическом положении и

особенностях. Годонимы способствуют формированию образа города и коллективной идентичности жителей [3]. Эргоурбонимы выполняют множество функций, в том числе имиджевую и навигационную, состоящие в формировании имиджа территории и способствующие ориентации в городском пространстве [5]. Эргоурбонимы отражают культуру, историю, традиции, географическое положение обслуживаемой территории», или «Первую группу годонимов Северобайкальска составляют названия, содержащие в своей основе апелляцию к советскому прошлому, например, улицы 18 Съезда ВЛКСМ, Октября, 60 лет ВЛКСМ, Проспект 60 лет СССР, Первомайская, Советская, улица 25-летия БАМ, Бамовская улица, Бамовский переулок, улицы Локомотивная и Магистральная, Строителей, Мостостроителей, переулок Строителей и др. Ко второй группе можно отнести годонимы, обусловленные географическим положением города, связанные с имеющимися гидронимами и названиями других природных объектов: улицы Северная, Южная, Заречная, Сибирская, Ольхонская (по названию крупнейшего острова озера Байкал), Байкальская, Байкальский переулок, километр Байкальское шоссе 4, Кичерский переулок (по названию поселка в Северо-Байкальском районе), Нийская улица (по названию реки в Иркутской области), Родниковый переулок и др.» и т.д. Методология исследования соотносится с рядом современных разработок. Фактические данные выверены, серьезные сбои не обнаружены. Материал можно использовать при изучении ряда гуманитарных дисциплин. Примеров, на мой взгляд достаточно, основная тема раскрыта полно. Автор приходит к выводу, что «годонимы выступают наиболее консервативной составляющей топонимической системы, годонимия Северобайкальска достаточно разнообразна, в результате исследования выделены одиннадцать тематических групп. В названиях улиц велика роль советского наследия: годонимы, отсылающие к советскому периоду истории, советской символике, меморативы советской эпохи, метафорические названия, профессии, востребованные в советскую эпоху...» и т.д. Основные требования издания учтены, цель как таковая достигнута. Рекомендую статью «Урбонимия новых городов Забайкалья (на примере города Северобайкальска)» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Баранова Е.А. Проблема расширения бренда СМИ // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.72933
EDN: VGSOHO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72933

Проблема расширения бренда СМИ

Баранова Екатерина Андреевна

ORCID: 0000-0003-1794-9936

доктор филологических наук

профессор; кафедра коммуникационного менеджмента и управления отношениями; Российский
государственный социальный университет
Корреспондент; ИД "Комсомольская правда"

129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4

✉ kat-journ@yandex.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.72933

EDN:

VGSOHO

Дата направления статьи в редакцию:

03-01-2025

Дата публикации:

02-04-2025

Аннотация: Некоторые крупные медиакомпании столкнувшись с кризисом, связанным с появлением Интернета, постепенно пришли к идее расширения медиабренда. Они стремились создать модели доходов, которые бы выходили за рамки взимания платы за контент и продажи аудитории рекламодателям. Их целью было использовать ценность бренда СМИ, расширяя его до новых продуктов и услуг. Цель данной работы состоит в том, чтобы изучить, как медиакомпании используют брендовый капитал с положительными, сильными и уникальными ассоциациями для облегчения вывода на рынок новых, не традиционных для СМИ товара или услуги. Предмет исследования — влияние медиабренда на коммерческую жизнеспособность деятельности СМИ в условиях цифровизации. Объект исследования — проблема расширения медиабренда. В статье рассматривается опыт зарубежных и российских компаний в области горизонтального

(медийного) и вертикального (немедийного) расширения медиабренда. Исследование впервые фокусируется на опыте медиахолдинга "Комсомольская правда", который предпринял инициативы, направленные на разработку других источников дохода для расширения границ бизнеса. Используя метод глубинных интервью, проводимых с сотрудником службы интернет-продаж медиахолдинга в 2019, 2025 гг., автор изучил длительный процесс создания полноценного книжного издательства на базе медиахолдинга «Комсомольская правда». Опыт данного СМИ может быть использован в практической деятельности редакций российских медиакомпаний. Автор пришел к выводу о том, что в XXI в. медиакомпании стали активно использовать капитал бренда с положительными ассоциациями для облегчения вывода на рынок товаров или услуг. Реализация неновостных продуктов более сложна и целесообразна только для сильных брендов с сильным имиджем. Он может оказывать большое влияние на отношение к дополнительному продукту, так как потребители полагаются на свое впечатление от оригинального бренда. Сильные медиабренды позиционируются в сознании людей, даже когда они их не потребляют. Медиакомпании занимают уникальное положение в создании и расширении своего капитала бренда. Тот факт, что они владеют и контролируют инструменты коммуникации, охватывающие огромное число потребителей каждый день, является огромным активом.

Ключевые слова:

Медиабренд, Расширение медиабренда, Электронная коммерция, Интернет-магазины СМИ, Клубная система медиакомпаний, Медиаконвергенция, Ненновостные продукты СМИ, Имидж СМИ, Брендинг, Капитал бренда

Введение

Тема развития современных медиабрендов часто рассматривается исследователями в контексте создания модели бренда СМИ через принципы его структурирования на основе анализа речевых средств, которые закрепляются в сознании реципиента [\[1, С. 14\]](#). Высказывается мысль о том, что, например, через тексты и стиль издания «создается личность бренда» [\[6, С. 557\]](#). Стиль в данном случае «рассматривается как авторский стиль журналиста и как инструмент создания индивидуальности бренда – образа в умах потребителей, подобного человеческому характеру» [\[5, С. 7\]](#).

Ракурс других исследований направлен на формирование бренда средств массовой информации на площадках социальных сетей, создания положительного образа СМИ на платформах соцсетей и мессенджеров; продвижения контента на этих медиаплатформах для улучшения взаимодействия с пользователями [\[9\]](#).

Увеличение конкуренции на рынке информации в связи с развитием Интернета и социальных сетей актуализировало необходимость изучения медиабрендов в контексте их расширения. В Обзорах тенденций мировой прессы уже в течение нескольких лет фиксируется «проблема снижения традиционных источников доходов, в частности, доходов от печатной рекламы и тиража» [\[21, Р. 17\]](#).

В связи с тем, что продавать и контент, и аудиторию стало сложнее, медиакомпаниям приходится искать иные продукты сбыта помимо контента и аудитории. Поэтому СМИ развивают сегодня продажу различных товаров на сайте, ищут новые продукты и услуги для продаж, их связь с коммерческим производством становится все более тесной:

медиакомпаниями расширяют свою продуктовую линейку — группу взаимосвязанных продуктов, выпускаемых под одним брендом и продаваемых одной и той же компанией. Тема расширения медиабренда все чаще звучит в исследованиях российских и зарубежных авторов [\[2, 13, 14, 19, 22\]](#). Система взаимосвязанных продуктов выстроена так, чтобы активно вовлекать аудиторию, формировать потребность в продуктах и (или) услугах.

Печатные СМИ (прежде всего газеты), которые первыми столкнулись с кризисом, связанным с появлением Интернета, первыми пришли к «идее расширения бренда» [\[23, P. 11\]](#). Они стремились создать модели доходов, которые бы выходили за рамки взимания платы за контент и продажи аудитории рекламодателям. Их целью было использовать ценность бренда, расширяя его до новых продуктов и услуг. Капитал бренда (или его ценность) — это то, что бренд означает с точки зрения уникальности, важности и предпочтения аудитории. Таким образом, «бренды могут быть одним из самых ценных нематериальных активов компании» [\[15, P. 425\]](#).

Тема, связанная с использованием расширения бренда в разных секторах потребительских товаров, не утрачивает актуальности на протяжении многих лет, данный факт подтверждают многочисленные работы зарубежных и российских авторов [\[7, 16, 18, 19, 22\]](#) и др. Исследователи сходятся во мнении, что для того, чтобы продукт в полной мере использовал расширение, он должен хорошо соответствовать ценности основного бренда. В противном случае расширение не получит достаточно капитала для продвижения продукта.

Тема расширения бренда в контексте медиаиндустрии охватывает исследования, связанные с поиском СМИ альтернативных источников дохода в процессе цифровой трансформации [\[8, 11, 17, 23\]](#).

Использование стратегии брендинга медиакомпаниями

Философия брендинга означает переход от маркетинга, ориентированного на продукт, к попыткам поставить восприятие потребителей в центр и сознательно планировать и управлять этим восприятием, используя бренды, которые обещают удовлетворение потребностей на определенных уровнях качества и ценности [\[23, P. 1\]](#).

Медиабренды предлагают ценностные представления о том, чего могут ожидать их клиенты с точки зрения контента. Например, некоторые медиа-бренды, такие как «Дискавери» (Discovery) или «Эм-Ти-Ви» (MTV), ассоциируются у многих с такими понятиями как «драйв» и «инновации» [\[22, P. 3\]](#).

Брендинг как маркетинговая стратегия направлен на то, чтобы дифференцировать организацию, услугу или продукт компании от конкурентов. Кроме того, бренды демонстрируют тесную связь с компетентностью, надежностью и качеством.

У бренда создается имидж, который приводит к выработыванию у потребителей симпатии, а потом и лояльности к бренду. Положительный опыт потребителя в отношении определенного бренда повышает доверие к бренду [\[20, P. 13\]](#).

Ежегодный рейтинг «Бизнес Вик» (BusinessWeek) и «Интербренд» (Interbrand) «Лучшие мировые бренды» показывает, насколько ценными могут быть, например бренды «Кока-Кола» (Coca-Cola) или «Майкрософт» (Microsoft). В этом ежегодном рейтинге брендов

очень мало медиакомпаний (как правило, всегда есть «Дисней» (Disney), «Рейтер» (Reuters)).

Надо учитывать, что лишь немногие СМИ обслуживают международный или глобальный рынок и, следовательно, могут позиционировать себя как глобальные бренды. Не столько возможность выхода на международный уровень, сколько связь с компетентностью, авторитетом и качественным производством делает брендинг подходящей и многообещающей стратегией для медиакомпаний. Поскольку важной целью брендинга является дифференциация, брендинг сегодня является очень распространенной стратегией в медиаиндустрии.

СМИ начали исследовать значения, которые несут их бренды в конце 1990-х — начале 2000-х гг.: анализировать образы и чувства, которые они вызывают у аудитории. Средства массовой информации в условиях цифровизации разрабатывали различные стратегии для создания капитала бренда [\[24\]](#), то есть уникального набора характеристик и ассоциаций, которые обеспечивали бы ему дополнительную ценность. Одними из первых в мире расширением границ своего бренда стали заниматься испанские газеты. Медиакомпания «Анидэд Едиториал» (Unidad Editorial), которой принадлежат газеты «Эль Мундо» (El Mundo), «Экспансьон» (Expansion) и «Марка» (Marca), предприняла инициативы, направленные на проверку силы цифрового бренда сайта издания «Эль Мундо» — elmundo.es — и разработку других источников дохода для расширения границ бизнеса. Руководители медиакомпаний были особенно инновационны в поисках возможных расширений бренда в период с 2002 по 2005 г., когда было реализовано большинство проектов. Они составляли 35 % от общего объема доходов издания [\[23, Р. 2\]](#).

Электронная коммерция

Одним из первых ярких примеров поиска новых товаров и услуг для сбыта (помимо контента и услуги в виде аудитории рекламодателям) стала электронная коммерция — создание СМИ собственных интернет-магазинов. «В мировой практике немало примеров создания интернет-магазинов на сайтах средств массовой информации (или интернет-магазинов — самостоятельных ресурсов, запущенных СМИ)» [\[2, С. 88\]](#). Интернет-коммерцией СМИ стали заниматься с конца 1990-х г. Расширение бренда СМИ может быть горизонтальным (назовем его медийным) и вертикальным (немедийным). При горизонтальном расширении бренда развитие товарного ассортимента достигается за счет того, что внутри одной товарной категории добавляются взаимодополняющие друг друга продукты. В случае с расширением бренда СМИ — это могут быть, например книги, CD-, DVD-диски.

Вертикальное (или немедийное расширение бренда СМИ) предполагает выпуск более сложных продуктов под своей торговой маркой. Примером немедийного расширения бренда СМИ может быть выпуск самой разной продукции — от газонокосилок до парфюмерии. При немедийном расширении бренда значимость силы материнского бренда возрастает и оказывает наибольшее влияние на отношение к дополнительному продукту. Потребители могут испытывать неуверенность при принятии решения о покупке, поэтому полагаются прежде всего на свое общее впечатление от материнского бренда.

Сегодня на сайтах средств массовой информации (или интернет-магазинах — самостоятельных ресурсах, запущенных СМИ) можно купить совершенно разные товары. На онлайн-ресурсе «Уолл-Стрит Джорнэл» (Wall Street Journal) — <https://wsjshop.com> —

можно приобрести различные кружки, зонты, кепки и другие товары. Как правило, средства массовой информации запускают продажу каких-либо товаров в партнерстве с определенными торговыми марками. На запущенном газетой «Дэйли Мэйл» (Daily Mail) сайте <http://www.mailshop.co.uk> можно увидеть товары для дома и сада. Многие СМИ торгуют брендовой продукцией — товарами с изображением логотипа издания. Например, в интернет-магазине газеты «Нью-Йорк Таймс» (New York Times) можно найти брендовую одежду и тетрадки. Российские СМИ также создают интернет-магазины на сайтах, где продают брендовую продукцию. Например, на сайте издания «Аргументы и факты» можно приобрести оцифрованные книги различной тематики. «Проект «Книги» возник в результате сотрудничества ИД «АиФ» с компанией «ЛитРес» — крупнейшим правообладателем электронных копий русскоязычных книг в сети» [\[4, с. 50\]](#).

Интересным примером является опыт испанских компаний: практически все испанские газеты реализовали стратегии электронной коммерции с самого начала своего существования в Интернете. Так, например, руководители «Эль Мундо» полагались на силу бренда издания при разработке своей стратегии электронной коммерции: сайт газеты использовался в качестве платформы для продвижения сторонних продуктов. Электронная коммерция в данном случае основана на рекламной модели. «Речь идет о продаже аудитории через оплату за приобретение клиентом товара и комиссию с продажи» [\[23, Р. 4\]](#).

Изначально продажи даже не осуществлялись через веб-сайт газеты: покупателям приходилось совершать покупку по телефону.

Партнер предоставлял продукты, определял цены, дистрибуцию, хранение, доставку и занимался послепродажным обслуживанием. Сайт elmundo.es был посредником, который сохранял право собственности на бизнес под брендом «Теондас де Мундо» (Tiendas del Mundo). На сайте сосуществовали несколько поставщиков, каждый предоставлял разные продукты и отвечал за логистику. Газета не могла консолидировать закупки, которые пользователь сделал у разных поставщиков, делать совместные поставки или создавать единый счет, который включал бы все эти закупки.

Конкретные условия и проценты с продаж, которые получало издание, согласовывались с каждым поставщиком в зависимости от типа продукта. Процент с продаж обычно составлял от 25 % до 45 % [\[23, Р. 4\]](#).

Когда продукт был особенно успешным, его также продавали в качестве рекламы от «Эль Мундо» в газетном киоске.

Руководители отметили силу влияния бренда El Mundo: он придавал свою надежность цифровым покупкам.

Модель просуществовала три года. В середине 2014 г. компания решила закрыть магазин, поскольку его коэффициент конверсии был низким: пользователи посещали сайт СМИ, но ничего не покупали.

Доход от электронной коммерции на сайте elmundo.es был разным. Знание оригинального бренда оказывает положительное влияние на формирование отношения к дополнительному продукту. Однако читатель менее открыт для «коммерциализации» газеты.

Примеры поиска новых товаров и услуг для продажи СМИ аудитории говорят о том, что в условиях цифровой экономики традиционные экономические массовые коммуникации

видоизменяются, границы между ними размываются, а отношения В2С, субъект-объектные отношения между бизнесом и потребителями, аудиторией превращаются в отношения субъект-субъектные, приобретая черты равноправия между участниками информационного процесса.

Вопрос прибыли, получаемой в результате создания собственных интернет-магазинов, является достаточно дискуссионным. Есть примеры неудачных попыток развития онлайн-магазинов. «В «МК» пробовали развивать интернет-магазин на сайте как новый источник дохода, но этот проект пришлось закрыть. Как показала практика, люди предпочитают крупные интернет-магазины с более дешевыми ценами, так как там работа поставлена на поток» [\[4, С. 54\]](#).

Тем не менее, мировые СМИ продолжают активно экспериментировать с электронной коммерцией. Яркий пример тому – недавняя инициатива «Ассошиэйтед Пресс» (Associated Press). Информационное агентство в 2024 г. запустило платформу для электронной коммерции под названием «Ай-Пи Байлайн» (AP Buylane), чтобы диверсифицировать источники дохода. В сотрудничестве с компанией «Табула» (Taboola), которая продвигает спонсируемый контент на множестве сайтов, AP Buylane изначально сосредоточилась на нативных текстах, предлагая рекомендации по различным категориям: выбору кредитных карт, вложению инвестиций, страхованию [Associated Press is working on an e-commerce platform along with Taboola: Axios URL: <https://www.ecommercenext.org/associated-press-is-working-on-an-e-commerce-platform-along-with-taboola-axios/> (дата обращения: 03.25.2025)]. Потом были введены дополнительные категории покупок, такие как товары для дома, косметика и мода, тем самым медиакомпания расширила свою привлекательность для более широкой потребительской базы.

Контент на AP Buylane, включая подробные обзоры продуктов, создается специальной командой Taboola.

«Совместно с компанией, «Ассошиэйтед Пресс» стремится создать устойчивую модель, которая не только диверсифицирует ее доход, но и усиливает ее взаимодействие с потребительской аудиторией, все больше склоняющейся к онлайн-покупкам» [Associated Press is working on an e-commerce platform along with Taboola: Axios URL: <https://www.ecommercenext.org/associated-press-is-working-on-an-e-commerce-platform-along-with-taboola-axios/> (дата обращения: 03.25.2025)].

Медиахолдинг как издательский дом: опыт ИД «Комсомольская правда»

ИД «Комсомольская правда» стал продавать книги под своим брендом с 2005 г. Раньше их можно было купить в точках периодической печати и в офлайн-магазинах. Издательский дом предлагал тогда качественные книжные коллекции по цене в четыре раза дешевле рыночной стоимости. Это были исторические, часто раритетные книги, биографии, обучающая литература, а также книги журналистов «Комсомольской правды».

В 2016-м появился сайт shop.kp.ru. – электронный магазин ИД «Комсомольская правда». Большим спросом пользовались книжные коллекции «Великие художники», «Великие композиторы», «Великие архитекторы». Возникла потребность продавать их напрямую покупателям, минуя книжные и киосковые сети. У «Комсомолки» было несколько своих офлайн-магазинов. Однако уже в 2014 году бум на книжные коллекции стал проходить и к 2021 г. закрылись все офлайн-магазины «Комсомолки».

Офлайн-магазины очень хорошо развивались за счет коллекционного бума, сейчас книги больше в таком объеме не продаются, поэтому в ИД стали тестировать другие продукты. В конце 2018 г. ассортимент товаров в разделе «интернет-магазин» на сайте «Комсомольской правды» заметно расширился: помимо книг появились такие товары, как газонокосилки, лампы, различная одежда, косметика и др. В ИД «Комсомольская правда» решили, что потребителю могут быть интересны данные товары. Прошел год, и оказалось, что 95 % продаж составляют книги [\[4, С. 54\]](#). Также раздел «Книги» был самым посещаемым. В ИД полностью свернули линейку остальных товаров, поскольку в обороте они составляли мизерную долю. Предполагаемое положительное влияние знания материнского бренда (ИД «Комсомольская правда») на формирование положительного отношения к дополнительному продукту не подтвердилось. Людям понятнее идея купить книгу в издательском доме, чем, например холодильник или газонокосилку. Для того чтобы объяснить потребителю, почему именно на сайте «Комсомольской правды» нужно покупать данные товары, необходимо потратить много времени и денег. Процент от продаж в онлайн-магазинах издания не настолько велик, чтобы окупить даже половину расходов редакции [\[4, С. 55\]](#).

«После 2017-го года ИД «Комсомольская правда» стал расширять линейку выпускаемой книжной продукции. На сайте shop.kp.ru появились книги совершенно другой тематики, которые обеспечивают сегодня хорошие продажи. Это прежде всего кулинарные и медицинские книги», – отмечает Светлана Акользина, руководителем службы интернет-продаж ИД «Комсомольская правда». [Интервью автора со Светланой Акользиной, руководителем службы интернет-продаж ИД «Комсомольская правда». 04.03.2025]. Один из главных бестселлеров издательского дома – это «Обман веществ» Зухры Павловой. Книга вышла еще в 2021 г., но интерес к ней не снижается до сих пор. Еще один такой хит – книга «Вдохновение» блогера Дарьи Левиной – сборник советов в области кулинарии, рукоделия, создания домашнего уюта. Вся линейка этого автора пользуется неизменным спросом.

Осенью 2024 года вышла книга еще одного известного блогера, Аиды Сеницыной, «Легкость Быт и Я. Как совмещать уборку и любовь к себе», «она тоже моментально стала бестселлером: сегодня только по данной книге у нас несколько тысяч предзаказов!» – рассказывает С. Акользина. [Интервью автора со Светланой Акользиной, руководителем службы интернет-продаж ИД «Комсомольская правда». 04.03.2025].

В ИД «Комсомольская правда» сегодня есть специальный сотрудник, который ищет авторов, работает с ними. Есть подрядчики, редакторы, верстальщики, художники – все они создают книги, которые выпускает и продает медиахолдинг. С авторами заключается договор, они получают роялти с продаж. С каждым автором и по каждой книге условия договора индивидуальны.

Для рекламы книг ИД «Комсомольская правда» задействует все ресурсы медиахолдинга: газету, сайт, соцсети, радио. Сами авторы книг выступают в качестве экспертов в различных материалах, приходят на радио. Многие авторы книг – это известные блогеры: Дарья Левина, Аида Сеницына. Таким образом, медиахолдинг успешно использует такой инструмент продвижения товаров как инфлюенс-маркетинг [\[10\]](#).

Таким образом, «ИД «Комсомольская правда» работает как полноценное книжное издательство, которое выпускает бестселлеры. Другие книжные издательства обращаются к медиахолдингу по вопросу возможного сотрудничества с нашими

авторами», – рассказывает С. Акользина. [Интервью автора со Светланой Акользиной, руководителем службы интернет-продаж ИД «Комсомольская правда». 04.03.2025].

«Комсомолка» стала работать как книжное издательство с 2017 года, когда интерес к книжным коллекциям у аудитории упал, и надо было искать новые продукты сбыта. Так и было принято решение запустить полноценное книжное издательство. Все книги, которые есть в интернет-магазине на сайте shop.kp.ru, это книги, выпущенные издательством «Комсомольская правда».

Среди покупателей книг медиахолдинга есть постоянные читатели «Комсомольской правды», они часто узнают о выходе новых книг именно на страницах газеты. Но есть, покупатели, которые узнают о книгах из других источников: книжная продукция «Комсомольской правды» часто выставляется на разных ярмарках, например, «Нон-Фикш». Есть книги с тиражами больше 10-15 тысяч экземпляров, это говорит о том, что медиахолдинг успешно конкурирует с солидными издательствами.

«Есть люди, которые узнают бренд «Комсомолки» уже не как газеты, а как книжного издательства: приходят именно на стенд «Комсомольской правды», чтобы посмотреть, какие у нас есть новинки. То есть, покупатели книг медиахолдинга – это не только люди, которые знают «Комсомольскую правду» как СМИ», – отмечает С. Акользина. [Интервью автора со Светланой Акользиной, руководителем службы интернет-продаж ИД «Комсомольская правда». 04.03.2025].

В книжном бизнесе за последнее 10 лет многое изменилось: имя издательства уже не так важно, люди больше смотрят на сам продукт, а не на бренд, который его выпускает. ««Комсомольская правда» как одна из ведущих медиакомпаний страны, со 100-ей историей, многомиллионной аудиторией, всё-таки еще положительно влияет на покупки книг, является знаком качества, но надо понимать, что в основном для аудитории 40 +», – говорит С. Акользина. [Интервью автора со Светланой Акользиной, руководителем службы интернет-продаж ИД «Комсомольская правда». 04.03.2025].

Пример ИД «Комсомольская правда» говорит о том, что интернет-магазин для СМИ — это не только возможность дополнительной коммуникации с аудиторией, поддержка бренда средства массовой информации. Медиахолдинг «Комсомольская правда» фактически выстроил отдел продаж сторонних товаров. Это другая сфера деятельности. В 2017 году, когда медиахолдинг стал превращаться в полноценное книжное издательство, в его структуре появилась служба интернет-продаж, которая занимается интернет-магазином, ведет все маркетплейсы. Сотрудники подразделения взаимодействуют с заказчиками, занимаются оформлением заказов, ведением личных кабинетов на Вымпел-маркете, Ozon, «Яндекс.Маркете» – на площадках, где также распространяется и продается книжная продукция издательства «Комсомольская правда».

Клубная система как новая услуга медиакомпаний

Клубную систему можно рассматривать как новую услугу, которую продают современные СМИ, основанную на силе бренда.

«Ежедневная газета «Гардиан» (The Guardian) собрала свыше 800 тыс. платных подписок, не ограничивая доступ к своим материалам. При этом, чтобы получить доступ к контенту онлайн-версии газеты, пользователю необходимо создать личный профиль на сайте. Став членом клуба, постоянным читателем газеты, можно осуществлять регулярные пожертвования. Так, 300 тысяч пользователей сайта являются регулярными спонсорами издания». [Отраслевой Доклад. Российская периодическая печать, 2018.

URL: <http://www.fapmc.ru/rospechat/activities/reports/2019/pechat1.html> (дата обращения: 10.01.2025)].

Клубная система может предполагать и проведение платных семинаров и других мероприятий для читательской аудитории в стенах редакции. «Осенью 2016 г. такую систему запустил американский журнал «Атлантик» (Atlantic). Пользователи, заплатившие 12 долларов в месяц или 120 долларов в год, помимо доступа к эксклюзивным материалам, просмотрам веб-страниц без рекламы получают возможность попасть в редакционную кухню или на встречу с именитыми авторами» [1, С.89]. Например, журнал организовал для участников клуба телеконференцию с журналистами, работающими в Белом доме.

Для запуска подобных клубных программ нужны преданные бренду издания читатели.

Один из самых дорогостоящий для русскоязычных подписчиков — членство в «Сноб». На январь 2025 года подписка составляет 35 000 рублей. За эти деньги можно получить возможность комментировать все материалы на сайте и посещать различные события, организуемые редакцией.

В 2001 г. подразделение новых медиа крупнейшей шведской газеты «Афтонбладет» (Aftonbladet) стало искать новые способы привлечения пользователей на сайт и новые источники денежных поступлений. Было решено начать программу «Викткабин» (Viktklubben) – «Клуб снижения веса», которая в мае 2003 г. привлекла 115 000 подписчиков [3, С. 240].

Избыточный вес — большая проблема во многих западноевропейских странах, поэтому проект сразу начал привлекать интерес. Подписчики платили членские взносы участников — от 25 до 30 евро в год. Проект был разработан при содействии специалистов по похудению стокгольмской клиники. На сайте разместили обширные базы данных по продуктам питания, рецептам приготовления пищи, фитнесу. Программы упражнений были представлены в форме видеофильмов. Участники клуба могли анонимно рассказывать о своих успехах. Кроме того, «Клуб снижения веса» зарабатывает на продаже книг и шагомеров, но доходы от этой деятельности небольшие [3, С. 240].

Заключение

При расширении бренда неновостных продуктов средств массовой информации, важность исходного бренда больше, чем при продаже медийных товаров. Он может оказывать большее влияние на отношение к дополнительному продукту, так как потребители полагаются на свое впечатление от оригинального бренда [17].

Реализация неновостных продуктов более сложна и целесообразна только для сильных брендов с сильным имиджем.

Необходимо учитывать не только соответствие продукта, но и его соответствие имиджу бренда. При расширении бренда неновостных продуктов средств массовой информации, важность исходного бренда больше. Он может оказывать большее влияние на отношение к дополнительному продукту, так как потребители полагаются на свое впечатление от оригинального бренда. Реализация неновостных продуктов более сложна и целесообразна только для сильных брендов с сильным имиджем.

Необходимо учитывать не только соответствие продукта, но и его соответствие имиджу

бренда. Сильные медиабренды позиционируются в сознании людей, даже когда они их не потребляют. Медиакомпании занимают уникальное положение в создании и расширении своего капитала бренда. Тот факт, что они владеют и контролируют инструменты коммуникации, охватывающие тысячи или даже миллионы потребителей каждый день, является огромным активом.

Библиография

1. Барашкина Е.А., Выровцева Е.В., Горшкова Л.А., Масленкова Н.А. Речевая модель медиабренда как субъекта коммуникации: постановка проблемы // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2024. № 3. С. 14-35. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2024.1435 EDN: PKUBWN.
2. Баранова Е.А. Инновационные способы финансирования печатных СМИ и поиск путей сокращения расходов в условиях медиаконвергенции // Litera. 2022. № 3. С. 87-97.
3. Баранова Е.А. Медиаконвергенция как системообразующий фактор трансформации института СМИ: дис. ... док. филол. наук: 10.01.10. - М. 2019. EDN: NNDGFO.
4. Баранова Е.А. Медиаменеджмент. Теория и практика: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2024. EDN: CGMUCS.
5. Васильченко М.А. Стиль в структуре медиабренда (на примере cover-stories американского и российского изданий журнала "Форбс"): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. - М. 2021. EDN: OTKUUI.
6. Васильченко М.А. Стиль как структурный элемент медиабренда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. № 16 (4). С. 557-575. DOI: 10.21638/spbu09.2019.402 EDN: BTUWKF.
7. Гвоздецкая И.В. Стратегическое развитие брендов компании // Брен-менеджмент. 2024. № 3. С. 170-178.
8. Калайтанова Н.Н. Диверсификация и расширение журнального бренда // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 6. С. 204-213. EDN: TIHREJ.
9. Кушербаева Д.А., Машкова С.Н. Особенности продвижения казахстанских СМИ в социальных сетях // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия Журналистика. 2021. № 3(136). С. 75-83. DOI: 10.32523/2616-7174-2021-136-3-75-83 EDN: DQARFJ.
10. Писарева Е.В. Инфлюенс-маркетинг как инструмент эффективной коммуникации в цифровой среде // BENEFICIUM. 2023. № 4(49). С. 85-91. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2023.4(49).85-91 EDN: BYBJVA.
11. Семенова К.Л. Тенденции развития медиабрендинга гляцевых журналов в России и за рубежом // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2019. Т. 4. № 2. С. 142-158. EDN: FUPKTM.
12. Baek S., Nam S., Chang B. Feedback effect of brand extension in cable networks established by parent newspaper brands: Applying expectation disconfirmation theory // Journal of media economics. 2017. V. 30. No 4. P. 173-190.
13. Baranova E., Zheltukhina M., Shnaider A., Zelenskaya L. New Media Business Philosophy in Conditions of Mass Media Convergence // Online Journal of Communication and Media Technologies. 2020. No 10 (4). Pp. 1-9.
14. Barland J. Innovation of New Revenue Streams in Digital Media // Nordicom Review. 2013. Special Issue. Pp. 99-112.
15. Cid A., Blanchet P., Robichaud F., Kinuani N. A Sectorial Validation and Application of a Conceptual Framework for Creating a Brand Management Strategy // Businesses. 2023. No 3. P. 424-440. DOI: 10.3390/businesses3030026 EDN: XXBRJQ.
16. Elliott R., Wattanasuwan K. Brands as symbolic resources for the construction of identity // International journal of advertising. 1998. V. 17. No 2. Pp. 131-144.
17. Hem L., De-Chernatony L., Iversen N. Factors influencing successful brand extensions //

Journal of marketing management. 2023. V. 19. No 7-8. Pp. 781-806.

18. Holt D. Why do brands cause trouble? A dialectical theory of consumer culture and branding // Journal of consumer research. 2002. V. 29. No 1. Pp. 70-90.

19. McDowell W. Issues in marketing and branding // Handbook of media management and economics. N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 2005.

20. Na M., Rong L., Ali M.H., Alam S.S. The mediating role of brand trust and brand love between brand experience and loyalty: a study on smartphones in China // Behav. Sci. 2023. Pp. 2-21.

21. Nel F., Radcliffe D. World Press Trends Outlook 2023-2024. Frankfurt: WAN-IFRA, 2024.

22. Ots M. Media Brands and Branding // JIBS Research Reports. 2008. No 2008-1. Pp. 1-7.

23. Sangil L., Campos-Freire F., Pérez-Latre F. Monetization of digital newspapers: Experimentation with brand extension and buying influence // Profesional de la información. 2023. V. 32. No 1. Pp. 1-15.

24. Saulite L., Ščeulovs D. Importance of news media branding in a contemporary media environment // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2023. V. 9, No 3. Pp. 1-16.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Проблема расширения бренда СМИ».

Предмет исследования – специфика расширения медиабрендов в различные категории товаров и услуг.

Методология исследования основана на комплексном применении таких методов, как анализ научных источников, изучение практического опыта, обобщение данных и их систематизация, описание результатов исследования, их анализ и интерпретация.

Актуальность исследования обусловлена трансформацией средств массовой информации в условиях цифровизации, высокая конкуренция в этой сфере велика и СМИ вынуждены искать альтернативные источники дохода. Сегодня медиакомпании стали расширять свою продуктовую линейку: осуществляют продажу различных товаров на своих сайтах, ищут новые продукты и услуги для продаж, их связь с коммерческим производством становится все более тесной.

Научная новизна исследования заключается в системном анализе и обобщении отечественного и зарубежного опыта расширения бренда СМИ.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы); использование стратегии брендинга медиакомпаниями (автор рассматривает брендинг как маркетинговую стратегию; отмечено, что имидж бренда вызывает у потребителей симпатии, следовательно, и лояльности к бренду, что позволяет расширять продуктовую линейку и получить альтернативный источник дохода); использование стратегии брендинга медиакомпаниями (автор отмечает, что брендинг позволяет дифференцировать организацию, услугу или продукт компании от конкурентов, кроме того, бренды демонстрируют тесную связь с компетентностью, надежностью и качеством; важна разработка эффективных стратегий для создания капитала бренда, что является уникальным набором характеристик и ассоциаций, которые обеспечивали бы ему дополнительную ценность и доходность); электронная коммерция (рассмотрен опыт создания СМИ собственных интернет-магазинов; отмечено, что обращение к электронной

коммерции является одним из первых ярких примеров поиска новых товаров и услуг для сбыта); медиахолдинг как издательский дом: опыт ИД «Комсомольская правда» (рассмотрена трансформация издательского дома с 2005 г., т.е. с того момента как ИД «Комсомольская правда» стал продавать книги под своим брендом, по настоящее время; отмечено, интернет-магазин для СМИ — это не только возможность дополнительной коммуникации с аудиторией, поддержка бренда средства массовой информации, но и возможность выстроить продажу сторонних товаров, что является другой сферой деятельности); клубная система как новая услуга медиакомпаний (клубная система реализуется современными СМИ как новая услуга, основанная на силе бренда; СМИ могут предоставлять участникам клуба разного рода привилегии: проведение семинаров и других мероприятий для читательской аудитории в стенах редакции, организация телеконференций с журналистами, возможность комментировать все материалы на сайте СМИ и т.д.); заключение (автор делает общие выводы); библиография (включает 16 источников).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Исследование будет интересно тем, что изучает трансформацию СМИ в условиях цифровизации. Исследование имеет практическую значимость: сегодня для результативного образования бренда медиакомпания стремятся идти навстречу потребителю, разработка эффективных стратегий требует серьезной аналитической работы подразделений самих компании, а также комплексных научных исследований.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы цель, объект, предмет, научная новизна и методологические основы проведенного исследования.
2. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ именно современных источников является недостаточным.
3. Следуют перепроверить текст на предмет опечаток и описок (например, «рассказывает А. Акользина» — далее указано «Интервью автора со Светланой Акользиной»; Стать членом клуба читателей TJournal можно мене, чем за 100 р. В месяц.; с появлением интернета (слово «Интернет» пишется с большой буквы, «интернет-» пишется с маленькой буквы как первая часть сложных слов); лишние пробелы: Интернет- коммерцией; mailshop. со.uk ; онлайн- магазинов).
4. Нужно упорядочить упоминания иностранных названий («Дискавери» (Discovery); бренды Coca-Cola или Microsoft; «Нью-Йорк Таймс»; руководители El Mundo; брендом Tiendas del Mundo (Магазины мира) и т.д.).
5. Необходимо проверить наличие в тексте ссылок на первоисточники, а также корректность оформления ссылок.
6. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.

В целом рукопись соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным статьям. Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть опубликован в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Стоит согласиться, что «тема, связанная с использованием расширения бренда в разных секторах потребительских товаров, не утрачивает актуальности на протяжении многих лет», данный факт подтверждают многочисленные работы зарубежных и российских

исследователей. Они сходятся во мнении, что для того, чтобы «продукт в полной мере использовал расширение, он должен хорошо соответствовать ценности основного бренда». Представленная к публикации статья, на мой взгляд, концептуальна, достаточно интересна, целостна. Автор отмечает, что «тема расширения бренда в контексте медиаиндустрии охватывает исследования, связанные с поиском СМИ альтернативных источников дохода в процессе цифровой трансформации». Стиль данного труда соотносится с собственно научным типом, термины / понятия вводятся в основной массив с учетом открытых коннотаций: например, «философия брендинга означает переход от маркетинга, ориентированного на продукт, к попыткам поставить восприятие потребителей в центр и сознательно планировать и управлять этим восприятием, используя бренды, которые обещают удовлетворение потребностей на определенных уровнях качества и ценности», или «брендинг как маркетинговая стратегия направлен на то, чтобы дифференцировать организацию, услугу или продукт компании от конкурентов. Кроме того, бренды демонстрируют тесную связь с компетентностью, надежностью и качеством» и т.д. Варианты иллюстративного уровня актуальны: «Ежегодный рейтинг «Бизнес Вик» (BusinessWeek) и «Интербренд» (Interbrand) «Лучшие мировые бренды» показывает, насколько ценными могут быть, например бренды «Кока-Кола» (Coca-Cola) или «Майкрософт» (Microsoft). В этом ежегодном рейтинге брендов очень мало медиакомпаний (как правило, всегда есть «Дисней» (Disney), «Рейтер» (Reuters))». Текст дифференцирован на смысловые блоки, это вполне уместно; при этом работу необходимо вычитать, устранить «неточности», «опечатки»: например, «увеличение конкуренции на рынке информации в связи с развитием Интернета и социальных сетей актуализировало необходимость изучения медиабрендов в контексте их расширения...», или «выбору кредитных карт, вложению инвестиций, страхованию [Associated Press is working on an e-commerce platform along with Taboola: Axios URL: <https://www.ecommerce.next.org/associated-press-is-working-on-an-e-commerce-platform-along-with-taboola-axios/> (дата обращения: 03.25.2025)]» и т.д. Ссылки и цитаты даются в верифицированном режиме: например, «Например, в интернет-магазине газеты «Нью-Йорк Таймс» (New York Times) можно найти брендированную одежду и тетрадки. Российские СМИ также создают интернет-магазины на сайтах, где продают брендированную продукцию. Например, на сайте издания «Аргументы и факты» можно приобрести оцифрованные книги различной тематики. «Проект «Книги» возник в результате сотрудничества ИД «АиФ» с компанией «ЛитРес» — крупнейшим правообладателем электронных копий русскоязычных книг в сети» [4, С. 50]». На мой взгляд, автору удалось раскрыть тему, точно обозначить проблему, а также объективно манифестировать собственный взгляд на рассматриваемый вопрос. Материал представлен в режиме непрямого диалога с читателем (причем заинтересованным), и это тоже стоит оценить положительно. Использование т.н. промежуточных выводов поддерживает динамику и логику разверстки мыслей: «Таким образом, «ИД «Комсомольская правда» работает как полноценное книжное издательство, которое выпускает бестселлеры. Другие книжные издательства обращаются к медиахолдингу по вопросу возможного сотрудничества с нашими авторами», – рассказывает С. Акользина. [Интервью автора со Светланой Акользиной, руководителем службы интернет-продаж ИД «Комсомольская правда». 04.03.2025]». Стоит признать, что тема может быть рассмотрена и далее, следовательно, дискуссионный ценз данной работы выдержан. Выводы по работе соотносятся с основной частью; автор итогом отмечает, что в ходе расширения бренда СМИ «необходимо учитывать не только соответствие продукта, но и его соответствие имиджу бренда. Сильные медиабренды позиционируются в сознании людей, даже когда они их не потребляют. Медиакомпании занимают уникальное положение в создании и расширении

своего капитала бренда. Тот факт, что они владеют и контролируют инструменты коммуникации, охватывающие тысячи или даже миллионы потребителей каждый день, является огромным активом». Основные требования издания учтены, библиография к работе достаточна; материал можно использовать в режиме освоения ряда социальных, экономических, гуманитарных дисциплин. Рекомендую статью «Проблема расширения бренда СМИ» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Су К. Мотив сна в лирике М. Ю. Лермонтова: между реальностью и иллюзией // Litera. 2025. № 4. С. 24-36.

DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.73755 EDN: VORXGH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73755

Мотив сна в лирике М. Ю. Лермонтова: между реальностью и иллюзией

Су Кэ

аспирант; филологический факультет, кафедра истории русской литературы; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ ZXCVBNM0515@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.73755

EDN:

VORXGH

Дата направления статьи в редакцию:

19-03-2025

Дата публикации:

02-04-2025

Аннотация: В данной статье исследуется мотив сна в лирическом наследии М. Ю. Лермонтова как ключевой элемент его художественной системы, иллюстрирующий философские размышления поэта о судьбе, реальности и иллюзии. Анализируя поэтические произведения Лермонтова, автор выделяет основные функции мотива сна: уход от действительности, пророческие откровения, осознание иллюзорности мира и символику смерти. Особое внимание уделяется дуализму сна и яви, в котором герой балансирует между реальным и фантастическим измерениями в поисках истины, сталкиваясь с ещё более глубокой неопределённостью. Актуальность статьи исследования заключается в обогащении опыта изучения русской литературы и в углублении анализа произведений М.Ю. Лермонтова. Кроме того, в отечественном литературоведении тема сна в лирике М. Ю. Лермонтова привлекает пристальное внимание филологов. Это и определяет актуальность настоящего исследования.

Методологической основой исследования послужили элементы компаративного и структурного анализа, позволяющие выявить особенности художественного воплощения сна в творчестве Лермонтова. В качестве основного использованы такие методы, как описательный метод, метод системно-семантического анализа и сравнительный метод. В процессе работы установлено, что сон у поэта не только выполняет сюжетные и образные функции, но и служит средством передачи философских концепций, связанных с экзистенциальными вопросами человеческого бытия. Результаты исследования показывают, что мотив сна в лирике Лермонтова многозначен: он отражает границу между явью и иллюзией, предвещает неизбежность судьбы и одновременно служит средством проникновения в иные миры сознания. Научная новизна исследования состоит в расширении и углублении мотива сна в лирике М. Ю. Лермонтова. Выводы статьи подчеркивают важность данного мотива для понимания мировоззрения Лермонтова и его представлений о жизни, смерти и недостижимости подлинного знания. Мотив сна занимает важное место в поэзии Лермонтова.

Ключевые слова:

мотив сна, Лермонтов, романтизм, реальность и иллюзия, пророческий сон, судьба, экзистенциальная философия, метафизика сна, границы сознания, художественный мир

"Мотив сна — один из самых устойчивых в мировой литературе." [\[5, с.3\]](#).

Мы начнём изучение "литературных снов" с анализа их роли в древнегреческой и римской мифологии и лирике, поскольку именно в античной литературе зародились многие известные мотивы и образы, которые стали фундаментом для их дальнейшего развития и отправной точкой для метафорических сравнений, которые впоследствии превратились в традиционные.

Мотив сна занимает значительное место в русской литературе XIX века, превращаясь не только в художественный прием, но и в способ выразительного отражения философских и психологических исканий авторов. Сны и сновидения во все времена интересовали писателей и поэтов. Можно вспомнить произведения мировой литературы, в названиях которых вынесено слово «сон»: «Сон в летнюю ночь» В. Шекспира, «Сон» Дж. Г. Байрона, «Сновидение» А.С. Пушкина, «Дядюшкин сон», «Петербургские сновидения в стихах и прозе», «Сон смешного человека» Ф.М. Достоевского, «Тяжелые сны» Ф. Сологуба и др.

В русской литературе сны всегда играли большую роль. Многие писатели делали сон полноценным действующим лицом своих произведений. Сны героев позволяют лучше понять характеры, причины их поступков, отношение к людям и к себе. Во сне освобождается подсознание человека, поэтому он не может лгать, притворяться. Сон одного из действующих лиц литературно – художественного произведения может служить как бы рамкой или обрамлением основного сюжета, своеобразно подчеркивая его и выделяя на фоне второстепенных подробностей. Очень часто сны носят символический смысл, «предсказывают» развитие сюжета.

В дальнейшей эволюции творчества Лермонтова сновидческие мотивы усложняются. Появятся разные формы "снов" – пророческие откровения, повторяющиеся сны-воспоминания или видения о прожитом и, наконец, самая сложная форма – сны о грядущем, провидения собственной судьбы. [\[9, с.180\]](#).

Хотя Лермонтов в одно и тоже время сделал огромный вклад в сокровищницу русской беллетристики и драматургии, но он прежде всего лирик с яркой художественной личностью и развитой не по летам художественной душой. В его лирике, в которой душа кровоточит, отчётливо представляется то совсем похожий на него, то сходный с ним лирический герой. Характер, темперамент этого образа проникает во все его поэмы, романы и драмы без всякого исключения, создавая целостный образы. [\[1, с.14\]](#).

В романтической поэзии, к которой в существенной мере относится творчество М. Ю. Лермонтова, сон выступает в качестве символа перехода между реальностью и иллюзией, служа границей, отделяющей сознание от бессознательного, жизнь от смерти, истину от обмана. Лермонтов активно использует этот мотив для передачи внутреннего мира своих лирических героев, выражая их стремление к недостижимому идеалу или, наоборот, предостерегая от роковых иллюзий: в его стихотворениях сон становится как желанным побегом от мрачной действительности, так и пророческим видением неизбежной судьбы, границей, за которой скрываются мечты, надежды и предчувствия трагического финала. Использование данного мотива связано не только с традициями романтизма, но и с личным мироощущением поэта, где реальность часто представляется подавляющей, а иллюзия является одновременно желанной и рискованной; сновидения в его лирике нередко окрашивают печальные и трагические тоны, а даже самые светлые образы сопутствуют чувству обреченности, что указывает на двойственность сна: он не только предоставляет утешение и кратковременное блаженство, но и подчеркивает нежность этого состояния, раскрывая его как иллюзий.

Сон как уход от реальности

В лирике М. Ю. Лермонтова мотив сна часто выступает как отражение стремления героя избавиться от мучительной реальности, найти укрытие от боли, одиночества и неудовлетворенности. В отличие от бодрствования, которое у поэта зачастую связано с разочарованием, конфликтом с миром и осознанием собственной обреченности, сон дарует иллюзорное чувство гармонии и покоя. Однако это бегство оказывается временным, а грань между сном и действительностью становится все более размытой: лирический герой всё чаще осознает призрачность своего утешения и неизбежность пробуждения, возвращающего его в суровый мир.

Одним из наиболее выразительных произведений, раскрывающих тему сна как бегства от реальности, является стихотворение «Сон» (1841). В этом произведении Лермонтов строит композицию на контрасте двух состояний: сна и действительности. Герой во сне видит мир, наполненный гармонией: «светлый и чудный» пейзаж, ощущение покоя и даже любовные переживания создают атмосферу умиротворенности. Однако этот мир оказывается лишь иллюзией, тогда как реальность несет страдание и смерть. Умирая в знойной пустыне, герой осознает, что сон – это только мираж, не способный изменить судьбу. Такой прием иллюстрирует двойственность сна: с одной стороны, он приносит утешение, но с другой – разоблачает обманчивость надежд и неизбежность трагического финала.

После того как М.Ю. Лермонтов записался в армию, он принял на себя обязанности солдата и храбро сражался плечом к плечу с своими соратниками за Родину. Его взгляды на жизнь и ценности кардинально изменились. В его позднем периоде творчества можно заметить, что он не ограничивается только личным аспектом раннего творения, кроме того, включает в себя социальный аспект. Его творение больше не является чувственным импульсом, замененным рациональным мышлением; больше не говорит о личной выгоде, замененной беззаветной преданностью своей Родине. И так

создал лирику «Сон» в 1841 году. В.С. Соловьев дал интерпретацию лермонтовского стихотворения «Сон» (1841): «Лермонтов видел, значит, не только сон своего сна, но и тот сон, который снился сну его сна, – сновидение в кубе» [\[8, с. 389\]](#). Другая важная ветвь – это мотив любви и смерти проникают в лирику «Сон» (1841). Рассмотрим отрывок из стихотворения «Сон» (1841 год):

«Глубокая еще дымилась рана,

По капле кровь точилась моя.»

«Меж юных жен, увенчанных цветами,

Шел разговор веселый обо мне. »

«И в грустный сон душа ее младая

Бог знает чем была погружена; » [\[6, с. 197\]](#)

В стихотворении же Лермонтова «Сон» (1841) венок из цветов включен в образный ряд «родной стороны», к которой устремляется душа лирического героя, преодолевая пространственные границы: «Меж юных жен, увенчанных цветами». Образ венка в лирическом контексте утверждает индивидуальный рай, ценности жизни, молодости, любви, радости и гармонии, антитетичные смерти. [\[4, с. 21\]](#)

Такова любовь в смертном сне, и лирический герой выводит мотив смерти из абсолютного трагизма. В.С. Соловьев дал интерпретацию лермонтовского стихотворения «Сон» (1841): «Во всяком случае, остаётся факт, что Лермонтов не только предчувствовал свою роковую смерть, но и прямо видел её заранее. А та удивительная фантазмагория, которую увековечено это видение в стихотворении «Сон», не имеет ничего подобного во всемирной поэзии и, я думаю, могла быть созданием только потомка вещего чародея и прорицателя, исчезнувшего в царстве фей. Одного этого стихотворения, конечно, достаточно, чтобы признать за Лермонтовым врожденный, через голову многих поколений переданный ему гений» [\[8, с. 389\]](#).

К 1841 году ситуация в жизни поэта резко изменилась. Он уже пережил разочарование в службе, столкнулся с непониманием и гонениями со стороны официальных кругов, побывал на Кавказе, где обострились и окрепли его мятежные настроения. В этот год он пишет «Сон» — уже совсем другой по тональности, более зрелый и трагичный. Это одно из стихотворений, отражающих настроения Лермонтова незадолго до дуэли с Мартыновым и гибели поэта.

«Сон» принадлежит к тем многозначительным произведениям Лермонтова, которые возбуждали наибольшее количество разных домыслов и толкований. [\[10, с. 251\]](#)

В «Сне» 1841 года образы более просты и конкретны: описан реальный пейзаж кавказских гор, служащий жестким фоном для трагического положения героя. Сон здесь — бегство от действительности, но бегство обречённое. Грезы о доме и любимой — это призрачный оазис среди жестокости и смерти. В отличие от романтического пространства, где преобладают абстрактные понятия, здесь противопоставлены два мира — мир смерти и мир иллюзорного спасения. Поэт тем самым подчёркивает трагизм бытия: реальность неумолима, а мечта о покое и любви — всего лишь краткий миг иллюзии.

Однако в созданном замкнутом пространстве стихотворения «Сон» отсутствует пространственная перспектива, перед смертью герой не имеет возможности увидеть неба, пространство при родное максимально ограничено — «Уступы скал теснились кругом», в черновике физическому видению мешает действие неживой природы — «пыль вилась». [\[3, с. 136\]](#).

Поздний «Сон» пропитан трагизмом и осознанием неизбежного конца. Лежащий в горном ущелье герой уже не просто мечтатель; он — человек, оторванный от жизни, приговорённый к смерти обстоятельствами, которые он не в силах изменить. Этот контраст усиливает драматизм всей ситуации: грёзы о домашнем уюте делают ужасающую реальность ещё болезненнее. Сон перестаёт быть символом свободы, а становится маркером недостижимой гармонии.

Учитывая множество образов и поднятых тем, оправданно сказать, что «Сон» 1841 года можно рассматривать как энциклопедию художественной философии М.Ю. Лермонтова. «В «Сне» 1841 года образы более просты и конкретны: описан реальный пейзаж кавказских гор, служащий жестким фоном для трагического положения героя. Сон здесь — бегство от действительности, но бегство обречённое. Грезы о доме и любимой — это призрачный оазис среди жестокости и смерти.

Сюжетное построение «Сна» очень своеобразно: замыкаясь, оно приводит к началу, образуя круг. Его можно назвать «зеркальным»: сон героя и сон героини — это как бы два зеркала, взаимно отражающие действительные судьбы каждого из них и возвращающие друг другу свои отражения [\[10, с. 252\]](#).

И явно ощущается почти сценическая зарисовка «Сна» 1841 года — это лирико-эпическая миниатюра, насыщенная конкретными деталями: упоминание гор, спускающихся скал, яркий контраст светлого, уютного мира сна с тёмной и враждебной действительностью. Формальная сторона стихотворения лаконична, изображения точны, а ритмика поддерживает напряжённый эмоциональный настрой.

В стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» сон представляется не просто побегом от реальности, а как стремление к состоянию вечного покоя. Герой мечтает погрузиться в «чудный сон», свободный от страданий и тревог. Однако этот образ сна лишен романтического оптимизма: он пронизан усталостью и тоской по недостижимому. Здесь Лермонтов продолжает традицию, в которой сон соприкасается с темой смерти: герой жаждет забвения, которое не приносит ему радости, а лишь подчеркивает его трагическую обреченность.

Интересно проследить связь мотива сна с темой утраченного идеала, часто встречающегося в лирике Лермонтова. В стихотворении «Как часто, пестрою толпою окружён...» поэт показывает, как сны помогают герою восстановить в памяти ушедшие времена, образы далекой любви и юности. Здесь сон выступает как мост между прошлым и настоящим, попытка вновь пережить мгновения счастья, которые были утрачены. Однако, как и в других стихотворениях, эта иллюзия оказывается неустойчивой: реальность неумолимо возвращает героя в холодный и враждебный мир, заставляя осознать неизбежность утраты.

Мотив сна у Лермонтова тесно переплетается с его романтическим мировосприятием и пониманием принципиальной несовместимости желаний и реальности. Сон служит средством ухода от мучений, однако он никогда не становится истинным способом освобождения. Он предоставляет лишь мимолетное чувство согласия, что в конечном

итоге оказывается иллюзией. Лирический герой Лермонтова неизбежно возвращается в мир разочарований и одиночества, из-за чего мотив сна становится критически важным в его философии, согласно которой попытки убежать являются неосуществимыми, а уклонение от действительности только усиливает её неотвратимость.

Сон как пророчество

В поэзии М. Ю. Лермонтова мотив сна часто выходит за пределы индивидуальных переживаний, превращаясь в инструмент предсказания судьбы. В лирике Лермонтова сновидения нередко содержат знамения будущего и предчувствия грядущих трагедий. Такой подход обусловлен не только традицией романтизма, рассматривающей сны как способ связи человека с высшими силами, но и глубоким философским осмыслением рока и предопределённости, характерным для мировоззрения поэта.

Одним из наиболее ярких примеров пророческого сна в лирике Лермонтова является стихотворение «Сон» (1841), где герой видит во сне прекрасный пейзаж — «долину Дагестана», где течёт «прохладный ручей» и цветёт «золотая роза». Однако этот иллюзорный мир вскоре сменяется суровой реальностью: герой оказывается в пустыне, сражённый пулей врага, и уже не способен изменить свою судьбу. В этом стихотворении сон выполняет двойную функцию: с одной стороны, он позволяет герою на мгновение забыть и ощутить гармонию, с другой — предвещает неминуемую гибель. Этот контраст усиливает трагическое звучание произведения, делая мотив сна важным элементом предсказания судьбы.

В стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» сон приобретает ещё более глубокое философское значение. Лермонтова начинается с мотивов одиночества. Образ дороги символизирует собой жизненный путь человека. Будущее словно в тумане, эпитет «кремнистый» указывает на трудность судьбы. Природа же, наоборот, находится в умиротворении и согласии с Богом. Для ее изображения поэт выбирает величественные слова, стараясь в красках описать всю красоту ночи. Мятущаяся душа персонажа противопоставляется спокойному пейзажу. Хаос и внутреннюю борьбу лирического героя передают риторические вопросы, восклицания.

Размышления о прошлом и будущем снова возвращают нас к образу дороги, но персонаж больше не хочет идти по ней. Лирический герой мечтает о «чудном сне», который принесёт ему покой, избавив от тревог и страданий. Рассмотрим следующий отрывок в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» :

«Но не тем холодным сном могилы...

Я б желал навеки так заснуть,

Чтоб в груди дремали жизни силы,

Чтоб дыша вздымалась тихо грудь; » [\[6, с. 208\]](#)

Однако этот сон не просто отдых — в нём скрывается предчувствие смерти, которая представляется единственным способом достичь желаемого умиротворения. Таким образом, в данном стихотворении сон становится не просто иллюзией, а пророчеством, символизирующим конец жизненного пути. Герой осознаёт, что его тоска и одиночество неразрешимы, и единственным спасением для него становится уход в мир грёз, который уже не подразумевает пробуждения.

Пророческие сны в лирике Лермонтова часто касаются не только индивидуальной

судьбы, но и глобальных исторических процессов. В стихотворении «Предсказание» (1830) сон становится способом провидения, через который герой получает знание о грядущих потрясениях в России. Поэт рисует пугающую картину будущего, в которой «настанет год, России черный год», предвещая волнения, насилие и гибель народа. Здесь сон выходит за рамки личного и приобретает почти пророческий характер, ставя Лермонтова в ряд с великими предвидящими судьбу страны.

Особый интерес вызывает применение мотива пророческого сна в стихотворении «Дума» (1838). Хотя сновидения здесь не упоминаются прямо, тон произведения напоминает видение будущего, предчувствие неминуемого краха поколения. Лирический герой, выступая в роли отстранённого наблюдателя, словно сквозь сон видит картину духовного вырождения и бессмысленного существования современников. Этот эффект создаёт впечатление пророческого сна, в котором человеку открывается возможность заглянуть в будущее и осознать трагическую неизбежность происходящего.

В лирических произведениях Лермонтова сон выступает не только как граница между реальным и иллюзорным, но также как важное средство предсказания судьбы. Герои поэта зачастую видят сны, предвещающие их собственную гибель или предчувствующие исторические катастрофы. В отличие от романтического подхода, где сны воспринимаются как ключ к познанию глубин мироздания, у Лермонтова пророческие сновидения чаще несут трагический характер и предопределенность. Человек оказывается бессилён перед заранее установленной судьбой, а сны служат лишь проекцией того, что уже предreshено. Таким образом, мотив сна в лирике Лермонтова трансформируется в ключевой элемент философии, где индивидуум лишен возможности изменить написанный свыше сценарий своей жизни.

Граница между реальностью и иллюзией

В лирике М. Ю. Лермонтова мотив сна занимает центральное место, создавая уникальное художественное пространство, в котором стираются границы между действительностью и воображением. Сновидения его героев обычно трудно отделить от реального мира, поскольку они органично вплетаются в повествование, и читатель оказывается в сложном промежуточном состоянии между сном и явью. Лермонтов прибегает к этому прием, чтобы подчеркнуть сложность человеческого восприятия и невозможность окончательного познания истины в мире, где всё подвержено постоянным метаморфозам.

Одним из наиболее ярких примеров размытости границы между реальностью и сном выступает стихотворение «Сон» (1841). Оно построено так, что читателю неясно, в какой момент герой осознает своё нахождение в ином измерении. Сначала он видит «чудный» сон — «долину Дагестана», прохладный ручей и благоухающую розу; созданная поэтом картина напоминает идиллический мир, полный гармонии. Однако постепенно приходит осознание, что это всего лишь иллюзия: герой оказывается смертельно ранен, лежа в пустыне, и этот мир грёз существует только в его угасающем сознании. Переход от сна к реальности осуществляется плавно, создавая ощущение их полного слияния. Лермонтов не просто показывает сон как отдельную реальность, но использует его для подчеркивания трагизма человеческого существования, когда даже в последние мгновения жизни доступна красота, оказывающаяся лишь обманчивой тенью прошлого.

Аналогичный прием наблюдается в стихотворении «Как часто, пестрою толпою окружен...», где герой физически присутствует в светском обществе, но мысленно переносится в мир грёз и воспоминаний. Он не просто вспоминает прошлое, а заново

его переживает, словно погружается в сон наяву. Перед ним вновь оживают картины юности и чувства, когда-то наполнявшие душу, но реальность вновь заставляет его вернуться к «бездушной» толпе. Это стихотворение ярко демонстрирует, насколько зыбка граница между иллюзией и реальностью: воспоминания столь же иллюзорны, как и сны, но способен заставить человека возвращаться в мир грёз.

Тема слияния сна и яви достигает особой глубины в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...», где граница между этими состояниями практически исчезает: герой стремится к «чудному сну», который избавит его от боли, тоски и одиночества. Однако этот сон имеет двойственное значение: с одной стороны, он предлагает забвение и покой, недоступные в действительности; с другой стороны, он является аллюзией на смерть, где единственный способ достичь умиротворения — это уход из жизни. Такой мотив делает границу между сном и явью почти незаметной, порой располагая героя на границе между двумя мирами.

В стихотворении «Демон» иллюзорное восприятие реальности проявляется иным образом: герой — падший ангел, изгнанный из света — живет в мире, напоминающем сон, наполненном тоской и отчуждением, а его чувства к Тамаре создают дополнительный слой иллюзии: стремясь к любви, его прикосновение приносит лишь смерть. В данном произведении сон становится символом несбыточной мечты, отражая несоответствие желаемого и возможного: демон пытается пробудиться к новой жизни, но его мир оказывается затянувшимся сновидением без выхода.

В творчестве Лермонтова мотив сна не лишь служит художественным приемом, но и представляет собой средство передачи его философского взгляда на мир. В его поэзии граница между реальностью и иллюзией постоянно размывается, создавая ощущение, что сама жизнь — это лишь сон, обманчивый мираж, где человек безуспешно ищет смысл. Герои Лермонтова оказываются в плену этой двойственности: сновидения могут даровать утешение, однако одновременно напоминают о неотвратимости судьбы, предвещая трагические события. Иллюзии, кажущиеся спасением, в конечном итоге приводят к неизбежному столкновению с жестокой и непримиримой реальностью. Вот почему мотив сна в его лирике находит глубокое философское значение, выступая символом одиночества, предопределенности и неразрешимого конфликта между человеческими желаниями и суровой правдой жизни.

Философский смысл сна в поэзии Лермонтова

Мотив сна в поэзии Лермонтова обретает глубокий философский смысл, отражая представления поэта о судьбе, иллюзорности бытия и внутреннем мире человека. Для Лермонтова сон предстает не просто как физиологическое состояние, а как особая форма существования, где стираются границы между реальностью и вымыслом, между жизнью и смертью. Образ сна в его творчестве служит средством осмысления экзистенциальных вопросов, демонстрируя трагизм человеческой природы и невозможность достижения истинного счастья.

Лермонтов легко включает потенциально диалогические конструкции в

лирические монологи. [\[2, с. 26\]](#) Рассмотрим ещё раз следующий отрывок в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» :

«Но не тем холодным сном могилы...

Я б желал навеки так заснуть,

Чтоб в груди дремали жизни силы,

Чтоб дыша вздымалась тихо грудь; » [\[6, с. 208\]](#)

Здесь мы видим переход от реальности к сну в творчестве поэта, и затем обратно от сна к реальности! Это отражает философскую идею о том, что человеческая жизнь ограничена, но в то же время бесконечна!

Концептуализация поэтических лексем, создающих словарное пространство тем любви, сна и смерти, т.е. наделение их художественной ценностью и статусом, придание им значения философских категорий, начинавшись в ранней лирике, продолжалась на протяжении всего творчества и получила завершение, возможно, преждевременное, в одном из последних стихотворений «Выхожу один я на дорогу» (1841). [\[7, с. 89\]](#)

Особое место в философии сна у Лермонтова занимает его взаимосвязь с темой судьбы и предопределённости. В сновидениях герои получают пророческие видения, раскрывающие их будущее, однако эти откровения не дают возможности изменить судьбу — напротив, они лишь подтверждают неизбежность будущих событий. Сон становится способом предчувствия судьбы, оставаясь неизменным знамением — Лермонтов подчеркивает свой фатализм: человеку дано увидеть свою дорогу, но не дано свернуть с неё, невзирая на грозное будущее.

Не менее значимо и ещё одно измерение мотива сна в лирике поэта — его связь с темой смерти. Лермонтов часто изображает сон как предвестник окончательного забвения, как символ ухода из мира страданий, однако этот мотив имеет двойственную природу: с одной стороны, смерть-сон воспринимается героями как избавление от боли и одиночества, с другой стороны, даже во сне их сознание продолжает терзаться неразрешёнными вопросами. Этот образ подчеркивает трагизм лермонтовского мироощущения: человек обречён на бесконечный поиск истины, однако ни жизнь, ни сон, ни даже смерть не предоставляют ему окончательной разгадки.

Мотив сна в лирике Лермонтова выходит за рамки традиционного художественного приёма, обретая глубокий философский смысл. Сновидения становятся не только способом ухода от реальности, но и пространством предчувствий, откровений и метафизических размышлений; герой Лермонтова постоянно ищет истину, но сам сон только усиливает его сомнения, демонстрируя иллюзорность счастья и неумолимость судьбы. Пророческий характер сновидений в поэзии Лермонтова является символом роковой предопределённости, где проявляется трагическая неизбежность будущего.

Сон в его лирике также ассоциируется со смертью, воспринимаемой не как окончание существования, а как переход в иное состояние, где вопросы остаются без ответов, а сознание продолжает терзаться сомнениями. Это подчёркивает ключевую мысль Лермонтова: человек обречён на вечный поиск, но ни явь, ни сон, ни смерть не способны предоставить окончательные ответы. Таким образом, мотив сна отражает глубину философских взглядов поэта, его скептическое отношение к жизни и стремление к познанию недостижимого, сновидение становится зеркалом, в котором проявляется трагизм человеческого существования, стирая границы между реальностью и иллюзией, оставляя героя один на один с бесконечными вопросами о жизни, судьбе и смерти.

Заключение

Таким образом, сновидение в поэзии Лермонтова предстает не просто как художественный приём, а как мощный философский символ, отражающий сложное

отношение поэта к реальности и его размышления о судьбе, истине и смысле жизни. Через мотив сна Лермонтов демонстрирует постоянный поиск человека, который, однако, оказывается обречённым на бесконечность, поскольку сновидения лишь усугубляют внутренний разлад, а не предоставляют ответы. Сон в творчестве Лермонтова воспринимается не как отдых или забытие, а как особая форма существования души, в которой переплетаются страх, надежда, предчувствие и неизбежность.

Мотив сна в лирике М. Ю. Лермонтова представляет собой сложный и многогранный символ, который помогает поэту исследовать границы реальности и иллюзии. Через образ сна Лермонтов выражает свои чувства, мысли и стремления, а также создает уникальный мир, где реальность и фантазия тесно переплетаются, давая нам возможность увидеть жизнь с разных сторон.

Всё, что сделал М. Ю. Лермонтов, произвело на все эпохи и все нации беспредельное воздействие и стало вечным бессмертием.

Библиография

1. Гу Юньпу. Исследование Лермонтова. Пекин: Издательство пекинского университета, 2014. 292 с. (顾蕴璞, 莱蒙托夫研究, 北京:北京大学出版社, 2014, 292 页)
2. Киселёва И.А. Функции диалога в поздней лирике М.Ю. Лермонтова // Культура и образование. 2019. № 3 (34). С. 21-29. DOI: 10.24411/2310-1679-2019-10303 EDN: JLSQST
3. Киселёва И.А., Поташова К.А. Динамическая поэтика в истории текста стихотворения М. Ю. Лермонтова "Сон" // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 130-145. DOI: 10.15393/j9.art.2020.6742 EDN: PUOTBR
4. Косяков Г.В. Художественная флористика в поздней лирике М.Ю. Лермонтова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2024. Т. 18. № 1. С. 17-31. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.2 EDN: FDEUTA
5. Кумбашева Ю. А. Мотив сна в русской лирике первой трети XIX века: дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2001. – 230 с. EDN: NLWHNX
6. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 6 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. 388 с.
7. Москвин Г. В. Концепты "Смерть", "Сон", "Любовь" в лирике М. Ю. Лермонтова // Лермонтовские чтения – 2009. – СПб.: Лики России, 2010. – С. 84-89.
8. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. – 702 с.
9. Ходанен Л. А., Ямадзи Асута. Поэтическая мифология снов в творчестве М.Ю. Лермонтова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 4. С. 179-183. EDN: TXHRCL
10. Эйхенбаум Б. М. Варианты и комментарии // Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч. : в 5 т. – М.; Л. : Academia, 1936. – Т. 2: Стихотворения, 1836-1841. – С. 159-274.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена мотиву сна в лирике М. Ю. Лермонтова. Отмечается, что «мотив сна занимает значительное место в русской литературе XIX века, превращаясь не только в художественный прием, но и в способ выразительного отражения философских и психологических исканий авторов». Следует признать, что в последние годы в литературоведении возрос интерес к анализу мотива, так как на

примере отдельного мотива возможно выявление особенностей не только конкретного текста, но и всего творчества одного автора или определенного периода. Особый интерес представляет анализ тех мотивов, которые наиболее актуальны в каждую конкретную эпоху, несут наибольшую смысловую нагрузку. Так, мотив сна является одним из самых распространенных и устойчивых во всей мировой литературе, но в особенности в те периоды ее развития, которые характеризуются «стремлением к недостижимому идеалу», что свойственно прежде всего романтическому типу мышления: «Хотя Лермонтов в одно и тоже время сделал огромный вклад в сокровищницу русской беллетристики и драматургии, но он прежде всего лирик с яркой художественной личностью и развитой не по летам художественной душой». Всё это подтверждает актуальность предмета исследования.

Теоретической основой работы явились труды таких российских ученых, как Ю. А. Кумбашева, В. С. Соловьев, Б. М. Эйхенбаум, Юньпу Гу, посвященные мотиву сна в русской лирике первой трети XIX века и творчеству М. Ю. Лермонтова. Библиография насчитывает всего 6 источников, в том числе два – собрание сочинений поэта. Несмотря на то, что библиография соответствует специфике рассматриваемого предмета, находит отражение на страницах статьи, а все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями, такое количество собственно научных источников (4) недостаточно для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Также автор(ы) совершенно не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года. Обращаем внимание, что редакция рекомендует «минимум 10–15 наименований». Методология проведенного исследования определена поставленной целью и задачам: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, системного анализа, обобщения; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; метод концептуального анализа и анализа поэтического текста, элементы интертекстуального анализа.

В ходе исследования мотив сна в лирике М. Ю. Лермонтова рассматривается как отражение стремления героя избавиться от мучительной реальности, найти укрытие от боли, одиночества и неудовлетворенности; как инструмент предсказания судьбы; как средство для создания уникального художественного пространства, в котором стираются границы между действительностью и воображением. Анализируется философский смысл сна в поэзии Лермонтова. Делается обоснованный вывод о том, что «сновидение в поэзии Лермонтова предстает не просто как художественный приём, а как мощный философский символ, отражающий сложное отношение поэта к реальности и его размышления о судьбе, истине и смысле жизни.... Сон в творчестве Лермонтова воспринимается не как отдых или забытие, а как особая форма существования души, в которой переплетаются страх, надежда, предчувствие и неизбежность».

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключаются в том, что она вносит вклад в развитие феномена мотива сна в русской лирике, в изучение идиостиля М. Ю. Лермонтова, расширяя представление о его авторской картине мира, о специфике его обращения к мотиву сна, а также в возможности использования ее результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по истории русской литературы и русской поэзии.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Исследование выполнено в русле современных научных подходов. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после расширения библиографии, в том числе актуальными работами.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Точечный анализ того или иного мотива явление не редкое для истории литературы. Довольно много серьезных теоретических исследований т.н. сетки мотивов, мотивного комплекса и т.д. И все же работы в массе критических наработок возникают вновь. Предметная область рецензируемого труда касается мотива «сна» в творческом наследии Михаила Ю. Лермонтова. Автор работы вначале отмечает, что «мотив сна занимает значительное место в русской литературе XIX века, превращаясь не только в художественный прием, но и в способ выразительного отражения философских и психологических исканий авторов. Сны и сновидения во все времена интересовали писателей и поэтов». Действительно, это так, с этим можно согласиться; «сон» становится не только мотивом в чистом виде – это и иные вариации функционирования. В критических изысканиях отмечается, что «в русской классической литературе сны всегда играли большую роль. Многие писатели делали сон полноценным действующим лицом своих произведений. Сны героев позволяют лучше понять характеры, причины их поступков, отношение к людям и к себе. Во сне освобождается подсознание человека, поэтому он не может лгать, притворяться». Фактор сращения сознательного и бессознательного наиболее силен во сне, следовательно, указанный фронт интересен для художников слова, писателей и поэтов. Не является исключением и наследие М.Ю. Лермонтова, где «сновидческие мотивы усложняются. У поэта появляются разные формы «снов»: пророческие откровения, повторяющиеся сны-воспоминания или видения о прожитом и, наконец, самая сложная форма – сны о грядущем, провидения собственной судьбы...». На мой взгляд, суждения по ходу работы объективны, автор стремится к должной аналитике: например, «Лермонтов активно использует этот мотив для передачи внутреннего мира своих лирических героев, выражая их стремление к недостижимому идеалу или, наоборот, предостерегая от роковых иллюзий: в его стихотворениях сон становится как желанным побегом от мрачной действительности, так и пророческим видением неизбежной судьбы, границей, за которой скрываются мечты, надежды и предчувствия трагического финала», или «в лирике М. Ю. Лермонтова мотив сна часто выступает как отражение стремления героя избавиться от мучительной реальности, найти укрытие от боли, одиночества и неудовлетворенности. В отличие от бодрствования, которое у поэта зачастую связано с разочарованием, конфликтом с миром и осознанием собственной обреченности, сон дарует иллюзорное чувство гармонии и покоя» и т.д. Как видим, стиль сочинения все же направлен на научный тип речи, ориентир выверенности суждений выдержан. Литературной базой статьи становятся известные стихотворения М.Ю. Лермонтова, где «сон» действительно особенно важен. Текст 1841 года рассмотрен полновесно и до, но повторение ряда аналитических тезисов не помешает: «в «Сне» 1841 года образы более просты и конкретны: описан реальный пейзаж кавказских гор, служащий жестким фоном для трагического положения героя. Сон здесь — бегство от действительности, но бегство обречённое. Грезы о доме и любимой — это призрачный оазис среди жестокости и смерти. В отличие от романтического пространства, где преобладают абстрактные понятия, здесь противопоставлены два мира — мир смерти и мир иллюзорного спасения». Литературный контекст дополняется далее и другими стихотворениями: например, «в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» сон представляется не просто побегом от реальности, а как стремление к состоянию вечного покоя...», или «в стихотворении «Как часто, пестрою толпою окружён...» поэт показывает, как сны

помогают герою восстановить в памяти ушедшие времена, образы далекой любви и юности. Здесь сон выступает как мост между прошлым и настоящим, попытка вновь пережить мгновения счастья, которые были утрачены», или «Пророческие сны в лирике Лермонтова часто касаются не только индивидуальной судьбы, но и глобальных исторических процессов. В стихотворении «Предсказание» (1830) сон становится способом провидения, через который герой получает знание о грядущих потрясениях в России» и т.д. Думаю, что «набора» текстов для иллюстрации достаточно, вариант разверстки темы реализован. На мой взгляд, хватает в работе и цитаций собственно художественной налички; при этом оформление соотносится с требованиями издания. Несколько «сбивает» с основного образа автор статьи при включение оценки «Думы», но и это обосновано: «Особый интерес вызывает применение мотива пророческого сна в стихотворении «Дума» (1838). Хотя сновидения здесь не упоминаются прямо, тон произведения напоминает видение будущего, предчувствие неминуемого краха поколения. Лирический герой, выступая в роли отстранённого наблюдателя, словно сквозь сон видит картину духовного вырождения и бессмысленного существования современников. Этот эффект создаёт впечатление пророческого сна, в котором человеку открывается возможность заглянуть в будущее и осознать трагическую неизбежность происходящего». Финальный блок, на мой взгляд, полновесен, объемён: отмечено, что «Мотив сна в лирике Лермонтова выходит за рамки традиционного художественного приёма, обретая глубокий философский смысл. Сновидения становятся не только способом ухода от реальности, но и пространством предчувствий, откровений и метафизических размышлений; герой Лермонтова постоянно ищет истину, но сам сон только усиливает его сомнения, демонстрируя иллюзорность счастья и неумолимость судьбы. Пророческий характер сновидений в поэзии Лермонтова является символом роковой предопределённости, где проявляется трагическая неизбежность будущего», «сновидение в поэзии Лермонтова предстает не просто как художественный приём, а как мощный философский символ, отражающий сложное отношение поэта к реальности и его размышления о судьбе, истине и смысле жизни. Через мотив сна Лермонтов демонстрирует постоянный поиск человека, который, однако, оказывается обречённым на бесконечность, поскольку сновидения лишь усугубляют внутренний разлад, а не предоставляют ответы» и т.д. Выводы по тексту, таким образом, созвучны основной части, противоречия не выявлены. Материал работы можно использовать при изучении истории русской литературы, а также оценки творчества М.Ю. Лермонтова. Цель как таковая достигнута, рассмотрение вопроса соотносится с рядом актуальных методологических принципов. Рекомендую статью «Мотив сна в лирике М. Ю. Лермонтова: между реальностью и иллюзией» к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан В. Сравнительный анализ русской и китайской литературных традиций: от перевода произведений Ф. М. Достоевского к культурному контексту // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.73923 EDN: WTUTES
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73923

Сравнительный анализ русской и китайской литературных традиций: от перевода произведений Ф. М. Достоевского к культурному контексту

Чжан Ваньцин

ORCID: 0009-0003-0337-1907

аспирант, Институт иностранных языков, кафедра теории и практики иностранных языков;
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6

✉ zhangwanjing2025@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.73923

EDN:

WTUTES

Дата направления статьи в редакцию:

27-03-2025

Дата публикации:

03-04-2025

Аннотация: Предметом исследования является специфика взаимодействия литературных традиций России и Китая, рассмотренных в рамках сравнительного анализа оригинала и перевода произведений Достоевского и представленных в контексте культурных особенностей обоих народов. Цель заключается в выявлении ключевых особенностей оригинала и перевода произведений писателя на китайский язык и их соотношения с китайской литературной традицией в рамках развития русско-китайских культурных связей. Основные задачи: рассмотреть, как центральные темы и мотивы произведений Достоевского воспринимаются и интерпретируются в рамках китайской литературной традиции, как адаптируются в переводах; определить значимые культурные факторы, характерные для Китая, которые оказывают существенное влияние

на восприятие произведений писателя (выявить специфику факторов и их взаимосвязь с китайской литературной традицией). Методологию исследования представляют: методы сравнительного анализа, позволяющие сопоставить оригинал и переводы (их семантические, синтаксические особенности) в контексте русской и китайской литературных традиций; методы контент-анализа, направленные на изучение специфики интерпретации ключевых тем, мотивов (страдания, искупления, морального выбора); методы культурной антропологии, используемые для понимания культурного контекста, в котором осуществляется перевод. В соответствии с выводами исследования отметим, что переводы произведений Достоевского на китайский язык демонстрируют существенные культурные трансформации, обусловленные различиями в менталитете, мировоззрении. Так, были выявлены следующие факторы, влияющие на восприятие произведений: лингвокультурные особенности текста; особенности перевода, отражающие уровень межъязыковой и межкультурной коммуникации; социальная и историко-культурная специфика литературных традиций. Многие темы и мотивы (страдание, искупление) находят свое отражение в китайских интерпретациях, акцентирующих внимание на социальном аспекте. Например, тема моральной ответственности и выбора в китайской литературной традиции может восприниматься через призму конфуцианских идей о долге перед обществом, семьей. Таким образом, новизна исследования заключается в том, что впервые проводится сравнительный анализ не только оригинала и перевода произведений Достоевского, но и культурного контекста их восприятия и интерпретации, что позволяет понять, как русская и китайская литературные традиции пересекаются и взаимодействуют друг с другом.

Ключевые слова:

литературные традиции, культурные трансформации, произведения Достоевского, культурный контекст, центральные темы, художественные приемы, интерпретация, межкультурный диалог, адаптация текста, философские идеи

Введение

На протяжении многих десятков лет художественные произведения Ф. М. Достоевского, с их глубокими психологическими и экзистенциальными вопросами, вызвали интерес у китайских читателей, что (в т. ч.) оказало существенное влияние на формирование новой парадигмы восприятия русской классической литературы, обусловившей дальнейшие взаимоотношения России и Китая и предопределившей пересечения литературных традиций этих двух стран [\[1, 2\]](#). Русская и китайская литературные традиции (каждая из которых имеет свои специфические особенности), сегодня обнаруживают многие точки пересечения: тем самым создается уникальное культурное пространство, где особое место отводится философским вопросам, поднятым писателем (в частности, связанным со страданием, искуплением, моральным выбором и пр. [\[3\]](#)), а также социально-историческому контексту, в котором развивались российское и китайское общества.

В связи с этим *актуальность темы* исследования определяется рядом факторов: во-первых, важностью изучения произведений Ф. М. Достоевского как значимого культурного феномена, который оказал огромное влияние на философов, писателей, художников всего мира, включая Китай (изучение его произведений в сопоставлении с их переводом на китайский язык позволяет выявить, как оригинальные темы и мотивы,

заложенные в произведениях писателя, адаптируются и интерпретируются в рамках китайской культуры; во-вторых, необходимостью сравнительного анализа литературных традиций России и Китая для понимания культурной динамики и уровня межкультурного диалога, способствующего расширению границ литературной критики и интерпретации. Это позволяет взглянуть на произведения Ф. М. Достоевского сквозь призму китайской философии и эстетики, тем самым выявить более глубокие философские, а также социальные и исторические аспекты языка, которые могут быть интересны как филологам, так и широкой аудитории.

В целом проблема сопоставления оригинала и перевода художественных произведений писателя рассматривалась многими современными учеными, среди которых: Ай Хуэйжун, чье исследование посвящено анализу рецепции Ф. М. Достоевского в художественных произведениях китайских писателей [11]; И Фань Ван и Н. В. Халина, уделяющие особое внимание историческому контексту, в котором осуществляется перевод художественных произведений Ф. М. Достоевского (в частности, авторами были выделены следующие особенности рецепции творчества писателя в Китае: «высокая оценка художественного таланта, умения создавать яркие и запоминающиеся образы, мастерство в использовании языка, внимание к сложным философским вопросам и пр.» [2, с. 210]); Чжао Хун и О. В. Дубкова, изучающие опыт и традиции перевода на китайский язык произведений писателя с исторической и художественно-эстетической точек зрения [4]. Особый интерес вызывает работа Инь Лу, в рамках которой изучаются способы осмысления и специфика художественной трансформации русского культурного и литературного опыта (творчества Ф. М. Достоевского) в произведениях китайских писателей [5], и пр. Однако существующие работы, несмотря на их разнообразие и глубину, целый ряд вопросов оставляют открытыми, особенно в контексте проблем взаимовлияния культур и литературных традиций, что в целом обусловило формулировку цели и задач исследования.

Цель исследования заключается в выявлении ключевых особенностей оригинала и перевода произведений Ф. М. Достоевского на китайский язык и их соотношения с китайской литературной традицией в рамках развития русско-китайских культурных связей. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) рассмотреть, как центральные темы и мотивы произведений Ф. М. Достоевского воспринимаются и интерпретируются в рамках китайской литературной традиции, как они адаптируются в переводах;
- 2) определить значимые культурные факторы, характерные для Китая, которые оказывают существенное влияние на восприятие произведений писателя (в т. ч. выявить специфику факторов и их взаимосвязь с китайской литературной традицией).

Новизна исследования заключается в том, что впервые проводится сравнительный анализ не только оригинала и перевода произведений Ф. М. Достоевского, но и культурного контекста их восприятия, что позволяет глубже понять, как русская и китайская литературные традиции пересекаются и взаимодействуют друг с другом. Исходя из этого, *теоретическая значимость* определяется тем, что разработанные в ходе исследования новые подходы к переводу и интерпретации литературных произведений, учитывающих особенности литературных традиций и культурных особенностей России и Китая, могут быть использованы в дальнейших исследованиях, направленных на анализ взаимовлияния различных культур и литературных традиций.

Практическая значимость заключается в том, что результаты исследования могут быть

использованы для разработки методических пособий по переводу литературных произведений, а также для создания учебных программ, которые будут способствовать лучшему пониманию и интерпретации зарубежной литературы в контексте китайской культуры. Это может помочь переводчикам и литературоведам более глубоко осмыслить культурные и языковые барьеры, а также разработать новые подходы к межкультурной коммуникации.

В рамках настоящей работы применялись разнообразные *методы исследования*, включающие сравнительный анализ, который позволяет сопоставить как тексты оригинала с его переводами, так и в целом русскую и китайскую литературные традиции; методы контент-анализа, направленные на изучение специфики интерпретации ключевых тем и мотивов; методы культурной антропологии для более глубокого понимания культурного контекста, в котором осуществляется перевод. Таким образом, все вышеизложенное определяет необходимость использования комплексного подхода к изучению особенностей оригинала и перевода произведений Ф. М. Достоевского на китайский язык.

1. Особенности восприятия и интерпретации центральных тем и мотивов произведений Ф. М. Достоевского в рамках китайской литературной традиции

Исследование специфики восприятия и интерпретации центральных тем и мотивов Ф. М. Достоевского в китайской литературной традиции открывает новые горизонты для анализа как самих произведений писателя, так и культурного контекста, в котором его произведения были переведены на китайский язык. В качестве примера можно привести одну из ключевых тем Ф. М. Достоевского, отражающих внутренний мир человека, в частности, речь идет о **теме моральной ответственности и выбора**. В китайской литературной традиции, где важную роль играют концепции гармонии, коллективизма и морального долга, восприятие данной темы может принимать совершенно иные формы. Например, аспекты персонализма, столь значимые для писателя [\[6\]](#), могут восприниматься через призму конфуцианских идей о долге перед обществом и семьей. Все это, соответственно, приводит к своеобразным интерпретациям персонажей, таких как Родион Раскольников, Иван Карамазов и др., чьи внутренние конфликты и переживания могут быть переосмыслены в контексте коллективной ответственности и социальной гармонии. Например, отрывок из потока сознания Раскольникова:

рус.: «...для себя, для комфорта своего, даже для спасения себя от смерти, себя не продаст, а для другого вот и продает! Для милого, для обожаемого человека продаст! Вот в чем вся наша штука-то и состоит: за брата, за мать продаст! Всё продаст! свободу, спокойствие, даже совесть, всё, всё на толкучий рынок снесем. Пропадай жизнь! Только бы эти возлюбленные существа наши были счастливы» [\[7, с. 32\]](#);

кит.: «为了她自己，为了自己生活的舒适，甚至为了拯救自己的性命，她决不会出卖自己，而现在为了别人她却要出卖自己！为了一个她杀爱的人，为了一个她奉若神明的人，她却愿意出卖！全部奥秘就在这里，为了哥哥，为了母亲，她可以出卖自己！彻底出卖！啊，必要时我们会压制我们的道德情感，并且把自由、宁静，甚至良心，所有的一切，都拿到有旧货市场上去拍卖。连生命也毫不顾惜！只要我们热爱的人能够幸福» [\[8, 页 46\]](#) (досл.: Ради себя, ради комфорта своей жизни, даже ради спасения своей жизни она никогда бы себя не продала, но теперь она продает себя кому-то другому! Ради человека, которого она любит, ради человека, которому она поклоняется как богу, она готова продать себя! Весь секрет здесь, ради брата, ради матери она может себя продать! Распродано полностью! Ах, когда это необходимо, мы подавим наши

нравственные чувства и поставим свободу, мир, даже совесть, все... все они будут вывезены на аукцион на рынок. Нам даже плевать на собственную жизнь! Пока люди, которых мы любим, могут быть счастливы).

В китайской культуре акцент на коллективизм и гармонию часто приводит к тому, что личные страдания человека и его моральные дилеммы рассматриваются в более широком социальном контексте [4]. Это создает дополнительные слои интерпретации, которые могут изменить акценты в понимании персонажей и их мотивов. В данном случае китайскими читателями такой персонаж, как Раскольников, может быть воспринят в контексте идей конфуцианства, где семья и общественные связи имеют первостепенное значение. Внутренний конфликт Раскольникова может быть переосмыслен как не просто борьба между добром и злом, а как поиск своего места в социальной иерархии; его действия восприниматься не только как личностная трагедия, но и как попытка изменить свою судьбу ради блага других, что создает парадоксальную ситуацию, когда его преступление обретает оттенок жертвы ради общества.

Такое понимание темы моральной ответственности и выбора человека тесно связано и с тем, как в китайской литературной традиции воспринимается идея «шэнь» (神; пиньинь *shén*) – духовной сущности, которая «привязывает» человека к его обязанностям перед обществом [9]. Так, Раскольников, совершающий убийство, может быть воспринят как человек, который, будучи одержим личной идеей о справедливости, забывает о своих моральных обязательствах перед близкими и обществом. Здесь же следует обратить внимание и на концепцию «человечности» (仁; пиньинь *rén*) в конфуцианстве, которая также может оказывать значительное влияние на восприятие китайскими читателями моральных дилемм персонажей Ф. М. Достоевского. Эта концепция подчеркивает важность поиска баланса между личными желаниями и обязанностями перед обществом, что может привести к переосмыслению внутренней борьбы персонажей в контексте социокультурных ценностей.

Отсюда вытекает еще одна тема – **тема страдания**, пронизывающая многие произведения Ф. М. Достоевского. В китайской литературной традиции страдание воспринимается как неотъемлемая часть жизни, и многие классические произведения китайских писателей (Лу Синь, Мо Янь, Юй Хуа и др.) также посвящены рассмотрению этой темы. Однако в отличие от произведений Ф. М. Достоевского, где страдание зачастую приводит к искуплению и духовному просветлению, в китайской литературной традиции преобладает более пессимистичный взгляд на природу человеческого существования. Эта специфика в интерпретации страдания создает уникальный контекст для понимания героев Ф. М. Достоевского, и китайские читатели могут находить в их мучениях как общие черты, так и существенные различия. Так, в «Преступлении и наказании»:

рус.: «Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть...» [7, с. 159];

кит.: «对于一个胸襟博大、深谋远虑的人来说，精神上的痛苦和肉体上的折磨往往是在所难免的。我觉得，真正的伟人应该忧天下之大忧» [8, 页 272] (досл.: Для человека с широким кругозором и дальновидностью душевная боль и физические муки часто неизбежны. Я думаю, что по-настоящему великий человек должен беспокоиться о самых больших проблемах мира).

В романе «Идиот» Ф. М. Достоевский продолжает исследовать тему страдания, углубляя понимание человеческой природы через призму страдающего героя – князя Мышкина:

рус.: «Подумайте: если, например, пытка; при этом страдания и раны, мука телесная, и, стало быть, всё это от душевного страдания отвлекает, так что одними только ранами и мучаешься, вплоть пока умрёшь. А ведь главная, самая сильная боль, может, не в ранах...» [\[10, с. 18\]](#);

кит.: «想想看:例如, 如果是酷刑; 同时, 痛苦和伤痕、身体上的折磨, 也因此, 这一切都转移了精神上的痛苦, 让你只被伤痕所折磨, 直至死去。但最主要的、最剧烈的疼痛也许不在伤口处...» [\[11, 页 25\]](#) (досл.: Подумайте об этом: например, если это пытка; в то же время боль и шрамы, физические пытки, и, следовательно, все это переносит душевную боль, оставляя у вас только шрамы до самой смерти. Но основная и самая сильная боль может ощущаться не в месте раны).

Тема страдания в произведениях Ф. М. Достоевского служит не только средством проникновения в глубины человеческой души, но и способом исследования моральных и философских вопросов. Писатель зачастую обращается к страданиям своих персонажей как к инструменту их самопознания и трансформации. Герои, размышляющие о страдании, сталкиваются с экзистенциальными вопросами, которые требуют от них глубокой рефлексии и, в конечном итоге, ведут к искуплению или пониманию своих собственных недостатков и слабостей. Так, в приведенных выше отрывках Ф. М. Достоевский акцентирует внимание на внутренней боли и страданиях, которые, по его мнению, являются частью *великого сердца и широкого сознания*. В этом контексте страдание становится не просто негативным опытом, а, вероятно, даже необходимым условием для достижения глубины понимания и человеческой мудрости.

Сравнивая это с китайской литературной традицией, можно заметить, что в произведениях таких китайских писателей, как Лу Синь или Мо Янь, страдание часто представляется как неизбежность, как часть человеческой жизни, без гарантии искупления или осмысления (в произведениях этих авторов акцентируется внимание на «безысходности и цикличности страданий» [\[5, с. 18\]](#)). При этом важно отметить, что в целом в китайской культуре страдание воспринимается как результат социальных условий, исторических обстоятельств или культурных норм [\[12\]](#), что создает более пессимистическое восприятие человеческой судьбы. Таким образом, тема страдания в творчестве Ф. М. Достоевского и в китайской литературной традиции выполняет различные функции и имеет разные культурные контексты. У писателя оно становится путем к осмыслению и искуплению, в то время как в китайской традиции оно часто воспринимается как неотъемлемая часть судьбы, без надежды на светлое будущее.

Большой интерес вызывает **мотив внутреннего конфликта и поиска смысла жизни** персонажей Ф. М. Достоевского, который находит отклик в китайской литературной традиции. Однако в произведениях писателя внутренний конфликт становится центральным элементом, способствующим развитию персонажей и их духовной глубины. Такие герои, как Родион Раскольников, князь Лев Мышкин, Иван Карамазов, борются с собственными демонами, искушениями и моральными дилеммами, что делает их стремление к самопознанию и поиску смысла жизни особенно драматичным:

рус.: «Итак, принимаю бога, и не только с охотой, но, мало того, принимаю и премудрость его, и цель его, нам совершенно уж неизвестные, верую в порядок, в смысл жизни, верую в вечную гармонию, в которой мы будто бы все сольемся, верую в

Слово, к которому стремится вселенная и которое само «бе к богу» и которое есть само бог, ну и прочее и прочее, и так далее в бесконечность. <...> Ну так представь же себе, что в окончательном результате я мира этого божьего – не принимаю и хоть и знаю, что он существует, да не допускаю его вовсе. Я не бога не принимаю, пойми ты это, я мира, им созданного, мира-то божьего не принимаю и не могу согласиться принять» [13, с. 137];

кит.: «所以我不但十分乐意接受上帝, 而且也接受我们所完全不知道的他的智慧和他 的目的, 信仰秩序, 信仰生命的意义, 信仰据说我们将来会在其中融合无间的永恒 的和谐, 信仰那整个宇宙所向往的约言, 它'和上帝同在', 它本身就是上帝, 诸如 此类, 不可胜数.<...> 但是你要知道, 归根结蒂, 我还是不能接受上帝的世界, 即使知道它是存在的, 我也完全不能接受它, 你要明白, 我不是不接受上帝, 我是不接受上帝所创造的世界, 而且决不能答应去接受 它» [14, 页 169] (досл.: Поэтому я вполне готов принять не только Бога, но и Его мудрость и Его цели, которые нам совершенно неизвестны, веру в порядок, веру в смысл жизни, веру в вечную гармонию, в которой, как говорят, мы будем едины в будущем, веру в обещание, к которому стремится вся вселенная, что она «с Богом» и сама является Богом, и так далее и тому подобное. <...> Но знайте, что, в конечном счете, я все же не могу принять мир Божий. Даже если я знаю, что это существует, я не могу этого принять. Поймите, я не отвергаю Бога, но я отвергаю мир, созданный Богом, и никогда не соглашусь принять его).

Такие внутренние терзания отражают не только личные трагедии, но и более широкие философские и этические вопросы, которые волнуют человечество в целом. При этом зачастую внутренний конфликт многих героев Ф. М. Достоевского не всегда находит разрешение; порой персонажи остаются в состоянии мучительного сомнения и неопределенности. Это формирует ощущение открытого финала и заставляет читателя задуматься о собственном взгляде на экзистенциальные вопросы. Аналогично, в китайской литературной традиции мотив внутреннего конфликта и поиска смысла жизни также занимает важное место. К примеру, в произведениях Лу Синя можно увидеть, как его персонажи сталкиваются с противоречиями между их внутренними стремлениями и жестокой реальностью окружающего мира [5]. Такого рода борьба является отражением социального давления и культурных ожиданий, что создает у читателя ощущение безысходности, при этом глубокого осмысления своего места в жизни. Персонажи китайской литературы часто стремятся к самоосознанию, их путь ведет к внутреннему миру и согласованию с внешними силами, в отличие от акцента (который ставит в своем творчестве Ф. М. Достоевский), на борьбе, страдании и последующем искуплении.

Кроме того, интерес вызывает специфика восприятия и интерпретации **тем и мотивов христианской любви, свободы, нравственности** и пр. В отличие от произведений Ф. М. Достоевского, где христианская мораль и идеи о духовном спасении занимают центральное место философских размышлений писателя, в китайской литературной традиции, как уже ранее отмечалось, акценты могут смещаться в сторону конфуцианских и даосских принципов, которые подчеркивают гармонию, социальные отношения и естественный порядок [12]. В этом контексте, например, христианская любовь может восприниматься не как универсальная ценность, а как одна из составляющих более широкого культурного и философского контекста, в котором важна не только индивидуальная душа, но и общественные связи. Все это в целом также оказывает существенное влияние на специфику восприятия и интерпретации китайскими читателями произведений Ф. М. Достоевского.

2. Ключевые культурные факторы, характерные для Китая, которые оказывают существенное влияние на восприятие оригинала и перевода произведений Ф. М. Достоевского

Анализ произведений Ф. М. Достоевского [7; 10; 13] и их переводов на китайский язык [8; 11; 14] позволил выделить ряд ключевых факторов, влияющих на восприятие основных тем и мотивов художественного текста: это, прежде всего, лингвокультурные особенности текста; особенности перевода, отражающие уровень межкультурной коммуникации; а также социальная и историко-культурная специфика литературных традиций. Так, *лингвокультурные особенности художественного текста, включающие национально-специфические коннотации и реалии*, характеризуют собой сложный комплекс языковых, культурных и социальных элементов, которые формируют представление о культуре того или иного народа [6]. В контексте произведений писателя и их переводов на китайский язык этот аспект становится особенно важным, так как в произведениях писателя делаются явные отсылки к русской культуре, психологии и социальной структуре, которые могут быть трудными для восприятия и передачи в другой языковой среде, в частности, китайской. Например, в «Преступлении и наказании»: «*черт возьми это всё!*» [7, с. 184] / «魔鬼把一切都奪走了!» [8, 页 211] (досл.: Дьявол все это забирай!). В данной цитате отражается национальный образ мышления и фразеологические особенности русской речи, которые требуют адекватной передачи в переводе, и т. д.

Что касается *особенностей художественного перевода, отражающих уровень межкультурной коммуникации*, то, прежде всего, важно отметить, что перевод художественного текста – не просто механическое замещение слов из одного языка на другой, а сложный процесс, включающий интерпретацию, адаптацию и творческое переосмысление [4]. В случае с произведениями Ф. М. Достоевского, переводчики, как правило, сталкиваются с необходимостью передать не только текстуальную составляющую, но и эмоциональный заряд, философские глубины и психологические нюансы, которые присущи тексту оригинала. Так, использование специфических лексических единиц, стилистических приемов, метафорических элементов, фразеологизмов требует от переводчика глубокого понимания контекста и культурных кодов как русского, так и китайского языков. Например: «*Нет бессмертия души, так нет и добродетели, значит, все позволено*» [13, с. 325] / 沒有靈魂不朽, 所以沒有美德, 這意味著一切都是允許的 [14, 页 379] (досл.: Нет бессмертной души, значит, нет и добродетели, и все дозволено). Здесь необходимо учитывать, что это высказывание затрагивает важные моральные и этические аспекты, которые могут быть восприняты по-разному, в зависимости от культурного контекста. Соответственно, большую роль играет не только знания языков, но и глубокое понимание философских и культурных основ, которые лежат в основе подобных высказываний.

Однако наиболее значимые факторы, влияющие на восприятие оригинала и перевода произведений Ф. М. Достоевского, связаны с социальной и историко-культурной спецификой китайских литературных традиций и особенностями восприятия русской литературы в Китае. Китайская литературная традиция, обладая своими уникальными нормами и канонами, как правило, трактует произведения Ф. М. Достоевского через призму своих культурных и исторических контекстов [2; 4]. Это может привести к тому, что персонажи, темы, мотивы и философские идеи могут восприниматься и пониматься несколько иначе, чем изначально задумывались писателем. Например, в китайской культуре, где акцент делается на коллективные ценности и гармонию, персонализм и внутренние конфликты, характерные для персонажей Ф. М. Достоевского, могут вызывать недоумение или даже отторжение у читателей. К тому же центральные темы и мотивы (страдания, искупления, морального выбора), как уже ранее обозначалось,

воспринимаются китайскими читателями достаточно неоднозначно, что создает дополнительные сложности при переводе текстов и интерпретации идей писателя. В этом контексте важно учитывать, что адаптация смыслов – не просто технический процесс, а глубокий творческий акт, который требует от переводчика понимания не только языка, но и историко-культурных, социальных, ментальных и пр. кодов обеих стран.

Заключение

Таким образом, рассмотрев ключевые особенности оригинала и перевода произведений писателя на китайский язык и их соотношения с китайской литературной традицией, приходим к следующим выводам:

Специфика восприятия и интерпретации центральных тем и мотивов произведений Ф. М. Достоевского определяется взаимодействием культурных контекстов и философских систем, существующих как в русской, так и в китайской литературной традиции. Это взаимодействие порождает уникальные интерпретации, которые позволяют китайским читателям не только воспринимать произведения писателя через призму их собственных культурных и исторических реалий, но и находить в них актуальные для себя вопросы и переживания. При этом анализ показал, что переводы произведений Ф. М. Достоевского на китайский язык демонстрируют существенные культурные трансформации, которые обусловлены, главным образом, различиями в менталитете и мировоззрении. Многие центральные темы и мотивы (страдание, искупление, моральный выбор) находят свое отражение в китайских интерпретациях, которые зачастую акцентируют внимание на социальном аспекте, а не на индивидуальном (личностном). Все это создает уникальные вариации на темы писателя, адаптируя их к культуре, где социальные нормы и традиции играют ключевую роль.

Рассмотрение факторов, оказывающих непосредственное влияние на восприятие произведений Ф. М. Достоевского и их перевода, позволило выделить наиболее значимые из них: лингвокультурные особенности текста; особенности перевода, отражающие уровень межкультурной коммуникации; социальная и историко-культурная специфика литературных традиций. Исходя из этого, можно утверждать, что процесс перевода произведений Ф. М. Достоевского в китайской литературной среде представляет собой сложный, многоуровневый диалог культур, в котором происходит не просто механическая передача текста, но и его переосмысление и адаптация к новому культурному контексту. Такой подход позволяет исследовать перевод не как простую языковую трансформацию, а как творческий акт интерпретации, где переводчик выступает посредником между двумя «культурными мирами». При этом особую значимость приобретают не только лингвистические, но и социокультурные, философские, эстетические и пр. аспекты художественного перевода.

Библиография

1. Ай Хуэйжун. Рецепция творчества Достоевского в китайских переводах, художественных произведениях и научных исследованиях // Научный диалог. - 2020. - № 11. - С. 154-176. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-154-176 EDN: RUAYBR.
2. И Фань Ван, Халина Н. В. Аксиология диалога культур: "китайская" рецепция творчества Ф. М. Достоевского в XX-XXI вв. // Культура и текст. - 2024. - № 2 (57). - С. 210-223.
3. Валеева Г. В. Проблема добра и зла в творчестве Ф. М. Достоевского // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. - 2017. - № 3 (23). - С. 49-54. EDN: ZXFYST.
4. Чжао Хун, Дубкова О. В. Перевод и исследование творчества Ф. М. Достоевского в Китае в XXI в. // Коммуникативные исследования. - 2021. - Т. 8. - № 4. - С. 671-686.

DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).671-686 EDN: OLZOLI.

5. Инь Лу. Художественная метафизика Ф. М. Достоевского в творческой рефлексии китайских писателей 1920-1930-х гг.: Лу Синь, Мао Дунь, Юй Дафу: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. - Краснодар, 2019. - 24 с.
6. Мачкарина О. Д., Кравцов В. А., Малышко А. А., Васильева В. Н. Персонализм Ф. М. Достоевского и его роль в формировании концепции личности в русской философии // Вестник Мурманского гос. техн. ун-та. - 2012. - Т. 15. - № 3. - С. 662-665. EDN: RGQVRH.
7. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. - Т. 6: Преступление и наказание: Роман в 6 частях с эпилогом / текст подгот. Л. Д. Опульская. - Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. - 423 с.
8. 陀思妥耶夫斯基 全集. 第七卷罪与罚 (上). 陈荣主编. 力冈、袁亚楠译. - 石家庄: 河北教育出版社, 2010. - 351 页 [Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Т. 7. Преступление и наказание (часть 1). Под ред. Чэнь Шеня. Перевод Ли Гана и Юань Яньнана. - Шицзячжуан: Hebei Education Press, 2010. - 351 с.].
9. Шэнь. Каталог терминов // Большая российская энциклопедия. - 2022. - URL: <https://bigenc.ru/c/shen-7f88f2?ysclid=m8q659aouy720266409> (дата обращения: 23.03.2025).
10. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. - Т. 8: Идиот: Роман / текст подгот. И. А. Битюгова, Н. Н. Соломина. - Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. - 511 с.
11. 陀思妥耶夫斯基 全集. 第九卷白痴 (上). 陈荣主编. 张捷、郭奇格译. - 石家庄: 河北教育出版社, 2010. - 442 页 [Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Т. 9. Идиот (часть 1). Под ред. Чэнь Шеня. Перевод Чжан Цзе и Го Цигэ. - Шицзячжуан: Hebei Education Press, 2010. - 442 с.].
12. Токарев Д. А. Понятие страдания в философии древних даосов в сравнении с конфуцианством // Международный научно-исследовательский журнал. - 2020. - Ч. 2. - № 5 (95). - С. 203-205. DOI: 10.23670/IRJ.2020.95.5.078 EDN: IDSELO.
13. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. - Т. 14: Братья Карамазовы. Кн. 1-10 / текст подгот. В. Е. Ветловская, Е. И. Кийко. - Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. - 510 с.
14. 陀思妥耶夫斯基. 卡拉马佐夫兄弟 (上, 下). 臧仲伦译. 石家庄: 河北教育出版社, 2009. - 817 页 [Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы (часть 1 и 2). Перевод Цзан Чжунлуня. Шицзячжуан: Hebei Education Press, 2009. - 717 с.].

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье представлен сравнительный анализ русской и китайской литературных традиций на материале художественного дискурса Ф. М. Достоевского. Актуальность работы определяется интересом исследователей как к творчеству Ф. М. Достоевского, как «значимого культурного феномена, который оказал огромное влияние на философов, писателей, художников всего мира, включая Китай: изучение его произведений в сопоставлении с их переводом на китайский язык позволяет выявить, как оригинальные темы и мотивы, заложенные в произведениях писателя, адаптируются и интерпретируются в рамках китайской культуры», так и необходимостью изучения литературных традиций России и Китая «для понимания культурной динамики и уровня межкультурного диалога, способствующего расширению границ литературной критики и интерпретации».

Теоретической основой научной работы послужили труды таких российских и зарубежных исследователей, как Г. В. Валеева, Н. В. Халина, О. В. Дубкова, Д. А. Токарев, О. Д. Мачкарина, Инь Лу, Чжао Хун, И Фань Ван, Ай Хуэйжун и др., охватывающие широкий круг вопросов по творчеству Ф. М. Достоевского и рецепции его творчества в китайских переводах, художественных произведениях и научных трудах. Библиография насчитывает 14 источников, в том числе 6 литературных, соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Методология исследования продиктована комплексным подходом к изучаемому материалу: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод и сравнительный анализ, который позволяет сопоставить как тексты оригинала с его переводами, так и в целом русскую и китайскую литературные традиции; методы дискурс- и контент-анализа, направленные на изучение специфики интерпретации ключевых тем и мотивов; методы культурной антропологии для более глубокого понимания культурного контекста, в котором осуществляется перевод. В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы («выявить ключевые особенности оригинала и перевода произведений Ф. М. Достоевского на китайский язык и их соотношения с китайской литературной традицией в рамках развития русско-китайских культурных связей») и решены поставленные задачи («рассмотреть, как центральные темы и мотивы произведений Ф. М. Достоевского воспринимаются и интерпретируются в рамках китайской литературной традиции, как они адаптируются в переводах; определить значимые культурные факторы, характерные для Китая, которые оказывают существенное влияние на восприятие произведений писателя (в т. ч. выявить специфику факторов и их взаимосвязь с китайской литературной традицией)»), сформулированы обоснованные выводы о специфике восприятия и интерпретации центральных тем и мотивов произведений Ф. М. Достоевского, которая «определяется взаимодействием культурных контекстов и философских систем, существующих как в русской, так и в китайской литературной традиции» и «порождает уникальные интерпретации, которые позволяют китайским читателям не только воспринимать произведения писателя через призму их собственных культурных и исторических реалий, но и находить в них актуальные для себя вопросы и переживания» и др. Выделены наиболее значимые факторы, оказывающие непосредственное влияние на восприятие произведений Ф. М. Достоевского и их перевода.

Результаты, полученные в ходе работы, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят вклад в изучение собственно творчества Ф. М. Достоевского, а также культурного контекста их восприятия, что позволяет глубже понять, как русская и китайская литературные традиции пересекаются и взаимодействуют друг с другом. Разработанные в ходе исследования подходы к переводу и интерпретации литературных произведений, учитывающих особенности литературных традиций и культурных особенностей России и Китая, могут быть использованы в дальнейших научных изысканиях, направленных на анализ взаимовлияния различных культур и литературных традиций. Полученные результаты могут быть использованы для разработки пособий по переводу литературных произведений, а также для создания учебных программ, которые будут способствовать лучшему пониманию и интерпретации зарубежной литературы в контексте китайской культуры.

Содержание работы соответствует названию. Стиль изложения материала отвечает требованиям научного описания и характеризуется оригинальностью, логичностью и доступностью. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к

публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Анисимова О.В., Савушкина Т.А. От литературы "Новой волны" к современному англоязычному фэнтези: Желязны, Мартин, Гейман // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.73928 EDN: YGURTT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73928

От литературы "Новой волны" к современному англоязычному фэнтези: Желязны, Мартин, Гейман

Анисимова Ольга Владимировна

ORCID: 0000-0003-3116-2996

кандидат филологических наук

доцент, кафедра Высшая школа лингвистики и педагогики; Гуманитарный институт Санкт-Петербургского Политехнического Университета Петра Великого

194021, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 19

✉ lesoleil81@mail.ru

Савушкина Татьяна Александровна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков; Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)

197706, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Сестрорецк, Приморское шоссе, д. 270, кв. 32

✉ tasavushkina@yahoo.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.73928

EDN:

YGURTT

Дата направления статьи в редакцию:

27-03-2025

Дата публикации:

03-04-2025

Аннотация: Статья посвящена изучению эволюции фантастической литературы «Новой волны» в период с 60-х по 70-е гг. XX века на материале произведений трех

центральных представителей англоязычной современной литературы фэнтези – Роджера Желязны, Джорджа Мартина и Нила Геймана. Речь, в частности, идет о трансформации, которую фантастика претерпела на протяжении нескольких десятилетий, начиная с движения авторов т.н. «Новой волны» второй половины XX столетия, вплоть до литературы постмодерна первой четверти XXI века. Основное внимание сосредоточено на выявлении и характеристике таких ключевых черт современного англоязычного фэнтези, как интертекстуальность, включение в текст мифологических символов, обращение к теории психоанализа, а также смешение различных жанров. При написании данной работы был использован метод компаративистского, литературоведческого и историко-культурного анализа, а также метод изучения и обобщения сведений. Научная новизна предпринятого исследования заключается в попытке проследить истоки современного фэнтези, каноны которого были сформированы в творчестве американского писателя-фантаста Роджера Желязны. Анализ ключевых произведений рассматриваемых авторов позволил выявить не только общие черты, но и указать на вектор их трансформации и переосмысления в творчестве писателей-фантастов конца XX – начала XXI вв. Литература "Новой волны" 60-х – 70-х гг. совершила революцию в фантастической литературе, уничтожив границы, существовавшие между жанрами, сблизив массовую литературу с большой, способствуя их взаимному обогащению. Поэтизация прозы, использование многослойных аллюзий, теории психоанализа, синкретизм, а также смешение различных мифологических систем и современных реалий составляют творческое наследие Желязны, органично воспринятое его последователями – Мартином и Гейманом.

Ключевые слова:

зарубежная литература, Новая волна, англоязычное фэнтези, научная фантастика, научное фэнтези, Желязны, Мартин, Гейман, интертекстуальность, мифология

Несмотря на то, что жанр фэнтези является одним из самых молодых, он успел претерпеть существенные изменения, по-прежнему оставаясь востребованной литературной формой. Целью настоящего исследования является проследить развитие тенденций, зародившихся в фантастической литературе «Новой волны» в 60-е – 70-е годы прошлого столетия в творчестве современных писателей фэнтези.

В 60-е годы прошлого века в фантастической литературе начала формироваться так называемая «мягкая» научная фантастика, появившаяся благодаря движению «Новой волны». Термин был введен П.Ш. Миллером в начале шестидесятых как определение для новаторской научно-фантастической литературы, отринувшей устоявшиеся каноны «твердой НФ» так называемого «Золотого века». Его представители, критиковались молодым поколением за статичность и плоскость персонажей, а также шаблонность разрабатываемых сюжетов. Представителей старого и нового поколения также отличала «научная» составляющая их фантастики: если одни опирались на точные науки, то пришедшие им на смену писатели апеллировали к гуманитарным, что обусловило их неформальное обозначение как «гуманитариев» [\[1\]](#).

Вслед за своими коллегами из области кинематографии – представителями популярного французского течения *Nouvelle Vague* 50-х – 60-х гг. – англо-американские писатели-фантасты обратились к описанию внутреннего космоса человека, создавая при этом глубокие психологические портреты героев. Отказ от традиционных формул НФ и обращение к психологии и философии позволили фантастике сблизиться с большой

литературой.

В 50-е годы в США в рамках школы «черного юмора» зарождается литература постмодернизма, одним из наиболее знаковых представителей которых являлся Томас Пинчон. Его ранний рассказ «Энтропия» стал ярким примером того, как нефантастические писатели включают в свои тексты элементы традиционной научной фантастики в элитарной литературе. В свою очередь, фантасты, такие как Баллард, Олдис, Дик, Желязны, Воннегут, используют черты поэтики большой литературы (интертекстуальность, синкретизм, интермедийность).

Представители «гуманитариев», соединяя в своем творчестве научную фантастику с историей, мифологией, мистикой, компьютерными технологиями и пр., создали новые синкретические жанры, такие как научная фэнтези, киберпанк, стимпанк, альтернативная история и т.д. Став источником экспериментов, научная фантастика стерла границы между сказкой, научной фантастикой и фэнтези [2]. И сегодня можно увидеть множество примеров соединения фэнтези с викторианским романом (С. Кларк «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл»), детективом (Д. Адамс «Холистическое агентство Дирка Джентли») историческим романом (М. Стюарт цикл романов о жизни Мерлина) и сказкой (Дж. Роулинг цикл романов о Гарри Поттере, Н. Гейман «Звездная пыль») и др.

В авангарде этих экспериментов находился американский писатель польско-ирландского происхождения Роджер Желязны, ставший наиболее влиятельным представителем своего поколения [3]. Получив филологическое образование, Желязны испытал на себе влияние как классической английской литературы, так и работ представителей «твердой НФ» и одновременно своих современников – авторов «мягкой НФ». Широкая палитра интересов писателя (занятия боевыми искусствами, глубокая погруженность в психоанализ, знание восточной и европейской философии, актуальных лингвистических теорий, а также любовь к мировой мифологии) позволили ему создать произведения, жанр которых не всегда представляется возможным определить единственным образом. На страницах его книг легко уживаются достижения технологического прогресса и индуистские боги, Тристан и Изольда становятся героями психоаналитических экспериментов, а наследные принцы фэнтезийных королевств теряют память в автомобильной катастрофе на Земле. Сам Желязны отмечал: «Я не хочу, чтобы мое творчество подгоняли под рамки одного конкретного жанра... Поэтому я и старался охватить различные направления» [4].

Многие современники Желязны признавались в том влиянии, что в свое время оказал на них американский фантаст. Одно из самых известных произведений современного английского писателя Нила Геймана «Американские боги» часто сравнивается с циклом романов Роджера Желязны «Хроники Эмбера». При этом сам писатель признавался: «Я не ставил перед собой цели написать книгу в стиле Желязны. Полагаю, он был лучшим фэнтези/НФ писателем 60-х – 70-х, в годы, на которые пришелся пик его творчества. Я, правда, не стремился подражать ему, я лишь хотел написать книгу, которую, как мне казалось, он бы оценил» (Dornemann R., Everding K. Dreaming American Gods an Interview With Neil Gaiman). И все же именно ему и Кэти Акер Нил Гейман посвятил одно из своих самых известных произведений.

Другим учеником Желязны является не менее популярный американский писатель Джордж Мартин, хорошо знавший фантаста. Собственное отношение к личности и творчеству писателя Мартин выразил в предисловии к сборнику рассказов Желязны, а также в статье In Memoriam: Roger Zelazny: «Его творчество не похоже ни на что,

созданное ранее: поэтический язык его произведений, то, как в них обыгрывается миф...» [\[5\]](#); «Роджер Желязны оставил след в фантастической литературе. Так же, как он оставил след в моей жизни» (Martin G. In Memoriam: Roger Zelazny).

К характерным особенностям творчества писателя относится обращение к темам, связанным с вопросами бессмертия и демиурга. Бессмертный герой, обладающий значительной силой, однако вступающий в психологическую борьбу с самим собой, сомневающийся создатель миров, становится центральным персонажем большинства произведений Желязны. Писателю подобный герой открывает удивительную возможность узнать, что произойдет с человеком, который получит безграничную возможность учиться, расширять свой жизненный опыт, читать, знакомиться с бесконечным количеством новых людей. К сожалению, герои зачастую разочаровывают автора, не извлекая выгоды из открывающихся возможностей вечной жизни.

Демиург у Желязны – это тот же бессмертный герой, однако еще и наделенный способностью создавать собственные миры («Хроники Эмбера», «Остров мертвых», «Создания света, создания тьмы»). В контексте творчества Желязны демиург – это образ человека, наделенного творческой энергией, что находит свой выход через создание новой вселенной. Создавая ее, он не становится властителем или богом, но обретает там желанное вдохновение. Созданные миры похожи на произведения искусства или человеческого воображения. Так, в «Хрониках Эмбера» Корвин творит мир, напоминающий Авалон короля Артура; в «Острове мертвых» герой создает мир, будто сошедший с одноименной картины Арнольда Бёклина и т.д. Для Желязны любое художественное произведение – это целая вселенная, к которой каждый человек получает доступ, как только знакомится с этим творением. Таким образом, произведение искусства в интерпретации фантаста – это своего рода телепорт, позволяющий легко перемещаться между различными мирами.

Основная проблематика творчества писателя связана с психоаналитическими теориями Юнга, степень влияния которых трудно переоценить. В частности, центральное произведение Желязны является, пожалуй, наиболее яркой иллюстрацией этих теорий. Мир Янтаря состоит из двух противоположных, но тем не менее взаимосвязанных частей, представляя собой амбивалентную структуру: Хаос – бессознательное, и Янтарь – сознание («Со всех сторон нас окружает иррациональное, не согласующееся с разумом... Сознание должно обладать разумом, чтобы впервые открывать порядок в хаосе неупорядоченных индивидуальных случаев мирового целого, а затем... также творить этот порядок. Мы имеем похвальное и полезное к тому, чтобы по возможности искоренить в нас и вне нас хаос иррационального» [\[6, с. 112\]](#)). Обе составляющие являются неотъемлемыми частями функционирования человеческой личности [\[7\]](#).

С другой стороны, Желязны обращается к теории архетипов. Юнг определяет их как «суть трансцендентные по отношению к сознанию реальности... вызывающие к жизни комплексы представлений, которые выступают в виде мифологических мотивов» [\[8, с. 12\]](#); «Это господствующие силы, боги, т.е. образы доминирующих законов и принципы общих закономерностей, которым подчиняется последовательность образов, все вновь и вновь переживаемых душой» [\[9, с. 141\]](#). Первоначально создатель Янтаря Дворкин воплощает собой образ юнгианского старца. Стоит также отметить, что путь главного героя Корвина, приключения, в которых он оказывается, можно интерпретировать с точки зрения инициации. Все испытания, через которые проходит главный герой, становятся дорогой к обретению целостности и индивидуации, что, в свою очередь, имеет ключевое значение не только для персонажа, но и для существования мира, в целом. Согласно

Юнгу, «индивидуация заключается в том, чтобы стать отдельным существом и, поскольку мы понимаем под индивидуальностью нашу глубочайшую, последнюю и несравненную уникальность, – стать собственной самостью. Поэтому “индивидуацию” можно было бы перевести и как “самостановление” или как “самоосуществление”» [10, с. 235]. С точки зрения Желязны, человек является как создателем внутреннего мира, так и творцом окружающей его действительности.

Центральным в контексте вечного города Янтара является Образ, представляющий собой лабиринт, проходя через который принцы – его властители – обретают возможность создания теней [11]. Тени – продукты воображения янтаритов. Испорченный Образ ставит под угрозу не только сознание главного героя, но и само существование мира Янтара. Таким образом, Желязны показывает необходимость осознания ответственности каждого человека за себя и за окружающую его действительность, поскольку большое сознание может исказить и физическую реальность.

Язык Желязны отличается необыкновенной поэтичностью и использованием интертекстуальности, что у ряда литературных критиков и исследователей, равно как и у рядового читателя, в свое время вызывало восхищение, в то время как другие высказывали свою критику. Так, американский писатель-фантаст, литературный критик Теодор Стерджен сравнивал слишком частые отсылки к разнообразным литературным произведениям прошлого, известным персоналиям, а также обильное использование цитат с «мебелью», затрудняющей читателю «движение» вдоль сюжетной линии повествования. Среди многочисленных аллюзий, встречающихся в текстах Желязны, можно выделить отсылки к различным мифам народов мира (античному в «Этом Бессмертном», индуистскому в «Боге Света», скандинавскому в «Острове мертвых», кельтскому в «Хрониках Эмбера» [12]), к поэтическим произведениям (Шекспиру, Китсу, Браунингу, Спенсера и т.д.), к историческим событиям разных эпох [13]. Нередко в романах Желязны сюжетобразующую функцию выполняют живописные полотна: «Остров мертвых» Бёклина, «Герника» Пикассо, работы художников-импрессионистов. Таким образом, обилие цитат превращает текст писателя-фантаста в причудливое плотно, сотканное из различных мифологических образов и литературных аллюзий, богато украшенное изящными поэтическими вкраплениями и вставками из сюжетов живописных работ.

Продолжателями фантастической традиции Роджера Желязны по праву можно считать двух успешных современных писателей: англичанина Нила Геймана и американца Джорджа Мартина. Помимо дружбы с Желязны, друг с другом их объединяет целый ряд общих черт. К примеру, оба начинали карьеру с работы в качестве журналиста, что, в частности, сказалось на их художественной манере. Тот факт, что Гейман регулярно брал интервью, повлияло на его интерес к раскрытию личности героя с разных сторон, что позволило ему отточить мастерство создания разноплановых портретов персонажей собственных произведений. Мартин, в свою очередь, создавая историю вселенной своих книг, демонстрирует черты хроникального повествования.

Оба писателя с детства увлекались комиксами. Нил Гейман сочинил свой первый комикс в возрасте 16 лет, в то время как Мартин являлся увлеченным читателем, впоследствии признаваясь: «Супергерои – реализация фантазий о власти. Я всегда хотел быть Зеленым Фонарем. Он нашел волшебное кольцо и мог делать с его помощью все, что хочет. Я не хотел быть Бэтменом: ему постоянно нужно было тренироваться, делать физические упражнения. Я думал, если я найду это кольцо – то дело в шляпе, я обрету могущество. Увы, но я его так и не нашел» (Встреча с Джорджем Мартином в Гамбурге:

о детстве и юности, кризисе научной фантастики и власти).

Общим для обоих фантастов также является любовь к мифам народов мира. Будучи воспитан в католической семье, Мартин органично встраивает христианскую мифологию в тексты своих книг. Однако центральное место в его творчестве занимает мифология древних кельтов. Гейман, вслед за Желязны, использует более широкий спектр мифологических образов. Так, в «Американских богах», наряду, со скандинавскими встречаются также египетские и славянские божества; в «Сыновьях Ананси», действие которого происходит в мире «Американских богов», центральное место занимает африканский фольклор. Одновременно оба автора занимаются и собственным мифотворчеством. Так, у Мартина – это религия Бога Света или Железорожденных (отметим, что в случае Бога Света речь идет об аллюзии на одноименный роман Роджера Желязны, который Мартин называет лучшим произведением, созданным в жанре научной фантастики, который он когда-либо читал). Гейман, в свою очередь, создает собственный пантеон богов нового технологического поколения (идея, эта, однако, не оригинальна, т.к. похожих героев можно найти в трилогии Уильяма Гибсона – отца киберпанка – о Муравейнике) [\[14\]](#). Отечественный литературовед Екатерина Викторовна Лозовик отмечает, что Гейман «привлек внимание исследователей неожиданной степенью мифореставрации, позволившей автору не только выстроить собственную вселенную, но и восстановить в тексте основные принципы мифологического сознания: поиск героем себя и, как следствие, восстановление мифологического сознания» [\[15, с. 125\]](#).

Фантастов также объединяет любовь к творчеству мэтра литературы фэнтези Толкиена. Мартин, в частности, признавался: «Толкиен оказал на меня огромное влияние, однако после него наступил темный период в истории эпической фэнтези, во время которого появилось большое количество неудачных попыток подражать художественной манере писателя, и я не хотел, чтобы мое творчество соотносили с подобной литературой, в которой, на мой взгляд, наблюдается имитация худшего из его творчества, в то время как лучшее ускользает» (Flood A. Interview George RR Martin: 'When I began A Game of Thrones I Thought It Might Be a Short Story // Guardian, 2018). Ему принадлежат и следующие слова: «Я полагаю, каждый современный автор фэнтези творит в тени Толкиена, однако я бы никогда не смог воссоздать его голос, уникальный и неповторимый. Мы с ним абсолютно разные. Он был человеком из другого времени, с отличным от моего отношением к жизни, и хотя мы оба обращались к Средневековью, у меня совершенно другой взгляд на это время, на тему войны и вопросы сексуальности. Так что я просто рассказывал свою историю» (Flood A. Interview George RR Martin: 'When I began A Game of Thrones I Thought It Might Be a Short Story // Guardian, 2018). Таким образом, в своем творчестве Мартин стремится найти собственный голос и стать непохожим на своих учителей – Толкиена, Желязны, Хайнлайна.

Некоторые исследователи, в частности, Алиса Сергеевна Загряцкая, отмечают, что Джордж Мартин в цикле «Песнь Льда и Пламени» отказывается от характерной для Толкиена идеологии: «Наследуя Толкиену в том, что касается основ фэнтези (глубокая детализация, продуманность, обилие сведений о географии и народах), он отличается в том, что касается метафизики» (Загряцкая А.С. Мертвые жуки «Игры престолов» против света надежды Толкиена. Как философия времени определяет смысл фэнтези // Нож). В свою очередь, Гейман признается в том, что обнаружил две первых части «Властелина колец» в школьной библиотеке: «Я прочел их и продолжал перечитывать вновь и вновь. Я заканчивал "Две твердыни" и возвращался к первой книге, и так по кругу». Гейману принадлежат и такие слова: «Я пришел к выводу, что "Властелин колец", скорее всего,

был лучшим из когда либо созданных произведений, что поставило меня в затруднительное положение. Я мечтал стать писателем, когда вырасту (что было не вполне так, ведь я уже тогда мечтал стать писателем) и я хотел сочинить "Властелина колец" – проблема заключалась лишь в том, что эта книга уже была написана» [\[16\]](#).

Интерес также вызывает история создания заглавных произведений трех писателей. В случае Желязны, фантаст планировал написать одну книгу, в которой авария, описываемая в начале романа, в дальнейшем будет описана с различных точек зрения (источником вдохновения в данном случае послужил «Александрийский квартет» Лоренса Даррелла). Однако в процессе работы Желязны осознал, что одной книги будет недостаточно и сменил тактику: «Изначально я не планировал писать "Девять принцев в Янтаре". Я не был уверен в том, в какой ситуации окажется Корвин после того, как очнется в больнице. Это был удачный прием – заставить его вместе с читателем искать ответы на вопросы, которые возникли у него из-за амнезии... Я знал, что в дальнейшем появятся и другие герои – члены его семьи... Я попытался их представить» (Krulic Th. A Few Words From Roger Zelazny, Part Seven: Roger's Vision of Amber, 2016 // Reactor).

Своими идеями автор делился с близким другом и коллегой Дж. Мартином, о чем тот вспоминает в интервью отечественному изданию – журналу «В мире фантастики» (Злотницкий Д.А. «Я не готов делиться Вестеросом». Интервью с Джорджем Мартином // Мир фантастики, 2009). Вероятно, подобная задумка впоследствии явилась вдохновением и для самого Мартина в ходе работы над циклом «Песнь Льда и Пламени». В интервью The Guardian Мартин утверждал, что первая глава «Игры престолов» возникла в его сознании буквально из ниоткуда: «Когда я начал, я понятия не имел о том, что из этого выйдет. Я думал, что это будет рассказ. Сперва я написал отрывок, в котором герои находят щенков лютоволка. Затем я приступил к изучению семей, и мир начал оживать. Все это было в моей голове, так что я не мог этого не написать» (Flood A. Interview George RR Martin: 'When I began A Game of Thrones I Thought It Might Be a Short Story' // Guardian, 2018).

Гейман, в свою очередь, пришел к мысли о создании «Американских богов» в Исландии: «У меня не было никаких мыслей по поводу новой книги, пока летом 1998 года я не приехал в Рейкьявик. Именно там в моей голове сложились фрагменты сюжета, отдельные образы и общее представление о структуре. Так новая книга стала складываться. Это должен был быть триллер, детектив о загадочном убийстве, в котором должна была быть романтика и путешествия. Это должно было быть произведение об иммигрантах, о том, во что люди верили, приехав в Америку, и о том, что случилось с тем, во что они верили» (Gayman N. How Dare You).

Проводя параллели между вселенными рассматриваемых произведений, следует отметить, что каждый из авторов создал уникальный, неповторимый мир. Удивительные параллельные миры-тени в «Хрониках Эмбера» Роджера Желязны, вымышленная Америка в «Американских богах» Нила Геймана (по этому поводу у автора имеется эссе под заголовком *How dare you*, посвященное тому, как англичанин посмел писать об Америке, ее душе и национальной идентичности; в частности, отвечая на этот вопрос, Гейман утверждал, что создал вымышленную Америку в духе фэнтезийной вселенной [\[17\]](#)) и детально проработанный, населенный необъятным количеством персонажей, жестокий, наполненный историей мир Льда и Пламени Джорджа Мартина [\[18\]](#).

Несмотря на различия между этими мирами, присутствуют, однако, и общие черты. Во-первых, речь идет об активной эксплуатации кельтского и скандинавского мифов с

вкраплениями разнообразных несвойственных литературе фэнтези мифологических систем (каббала и античный миф – у Желязны, мифология народов Африки, Ямайки, славян – у Геймана, восточные мифы – у Мартина). В произведениях всех трех авторов важное место занимает образ дерева, отсылающий к скандинавскому мировому древу Иггдрасиль и к легендам об Одине [\[19\]](#). Так, в цикле «Хроник Эмбера» Желязны присутствует дерево Игг. Фамильярное сокращение его имени демонстрирует явную иронию автора и потерю пиетета по отношению к Мировой Оси. В «Американских богах» главный герой по имени Тень привязан к стволу ясеня – очевидно, также скандинавского Иггдрасиль.

В романах Мартина образ дерева трактуется по-иному. В его произведениях это скорее кельтское дерево. Чардрево Мартина представляет собой дерево с вырезанным на его стволе человеческим лицом и соком цвета крови. По преданию, через него боги наблюдали за миром людей. В давние времена существовала традиция разбивать богорощу у каждого замка, создавая тем самым место поклонения старым богам. По замыслу Мартина, Вестерос – этой северный край мужественных и благородных людей. Именно там по сей день сохранился этот древний обычай. Север – место, где не утрачена тесная связь с природой: дети Старков растут вместе с лютovolками, дикий лес, окружающий замок, является излюбленным местом их игр. Дикая природа – это то, что формирует северян. Пришедшая в их мир новая вера семи богов насаждается коварными южанами, вырубившими большинство богорощ. Стремительное исчезновение чардрев, таким образом, символизирует оскуднение, обеднение и обезличивание мира в целом [\[20, 21\]](#).

Другим образом, сквозным для всех трех произведений является ворон. В наиболее ответственный момент «Хроник» Желязны, когда главный герой должен спасти мир Янтаря, он встречает двух воронов – красного (созданного из крови героя) и черного. Имя последнего – Хьюги. Он сопровождает героя, беседуя с ним на философские темы. У Геймана читатель обнаруживает похожую сцену, когда на помощь главному герою – Тени – его отцом (Одином) отправлен ворон, с которым тот вступает в абсурдную беседу, которая заканчивается резким замечанием в адрес последнего. В романах Мартина трезлым вороном является человек способный видеть глазами птицы.

Помимо Одина и связанных с ним атрибутов во всех трех романах присутствует образ трикстера – Локки. У Желязны – это брат главного героя Брендан. У Мартина – их целая плеяда, наиболее ярким представителем которой является Мизинец. У Геймана в романе присутствует как сам Локки, так и сам Один зачастую приобретает черты трикстера. Во-вторых, стоит отметить богатство аллюзий, которыми испещрены тексты всех трех авторов. Помимо отсылок к произведениям классической литературы и эпическим произведениям, у Желязны и Геймана можно также встретить отсылки к современной массовой культуре: названиям песен, фильмов, именам известных личностей. В-третьих, центральные персонажи произведений этих авторов проходят своеобразную инициацию, требующую от них принесения жертвы. У Желязны и Геймана такой жертвой становятся тяжелые испытания и пролитая героями кровь. В-четвертых, речь идет об оригинальных атрибутах, порой наделенных волшебной силой и играющих решающую роль в судьбах героев. У Желязны – это Талисман Закона, у Мартина – Железный Трон, у Геймана – волшебные монеты, призванные помочь Тени в его квесте.

Стерев границы между формульной литературой и элитарной, между различными жанрами внутри фантастической литературы, в частности, между научной фантастикой и фэнтези, «гуманитарии» значительно расширили рамки жанра. Один из ярчайших

представителей движения «Новой волны» Роджер Желязны в своем творчестве сформулировал ряд важных черт «новой» фантастической литературы: смешение жанров, использование нескольких пластов интертекстуальности, соединение литературы и психоанализа, восприятие внутреннего надлома человека как энтропии. Многие из этих черт были восприняты следующим поколением писателей – Нилом Гейманом и Джорджем Мартином. Однако не только подход к созданию произведений стал источником вдохновения этих авторов. Их также объединяет использование схожих мифологических символов, глубокая проработка образов героев, а также попытка приблизить фантастические миры к современному читателю.

Библиография

1. Ахмедов Р.Ш. "Мягкая" и "твердая" научная фантастика. Общество будущего в трилогии А. Азимова "Основание" // Academic research in educational sciences. 2024. С. 494-501.
2. Манахов А.А. Фантастика и фэнтези: стилистические различия // Science and Education. 2023. № 2. С. 1279-1283.
3. Анисимова О.В. Портрет писателя: особенности художественного метода Роджера Желязны // Litera. 2021. № 4. С. 145-153. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.4.35298 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35298
4. Zelazny R. Fantasy and Science Fiction: A Writer's View // Intersections: Fantasy and Science Fiction. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1987. P. 55-62.
5. Martin G. Foreword. The Two Rogers // Shadows and Reflections. A Roger Zelazny Tribute Anthology. Tallinn: Positronic Publishing, 2017.
6. Юнг К.-Г. О психологии бессознательного // Юнг К.-Г. Психология бессознательного. М.: Канон+, 2003. С. 27-174.
7. Белецкая А.Ю. Постмодернистская концепция хаоса в цикле романов Р. Желязны "Хроники Эмбера" // МНКО. 2023. № 1 (98). С. 392-395. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-198-392-395 EDN: GWURIE
8. Бакусов В.М. Карл Густав Юнг: парадоксы жизни и творчества // Юнг К.-Г. Психология бессознательного. М.: Канон+, 2003. С. 6-24.
9. Юнг К.-Г. О психологии бессознательного // Юнг К.-Г. Психология бессознательного. М.: Канон+, 2003. С. 27-174.
10. Юнг К.-Г. Отношения между Я и бессознательным // Юнг К.-Г. Психология бессознательного. М.: Канон+, 2003. С. 175-316.
11. Анисимова О.В., Макарова И.С. Символизм англоязычной литературы: о лабиринте и корабле (на материале романов Роджера Желязны и Грегори Норминтона) // Вестник Армянского Университета. 2024. № 1. Ереван. С. 156-161.
12. Анисимова О.В., Макарова И.С. Mythopoetic Images of Irish Mythology in American Fantasy (the case of Roger Zelazny's "Chronicles of Amber" - Corwin Cycle) // Litera. 2023. № 4. С. 92-101.
13. Анисимова О.В. Аллюзии в «Хрониках Эмбера» Роджера Желязны (цикл Корвина) // Litera. 2017. № 1. С. 18-30. DOI: 10.7256/2409-8698.2017.1.22216 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22216
14. Ротанов А.Н. Жанровое своеобразие в творчестве Нила Геймана // Ташкентский литературоведческий форум - 2024. 2025. № 3. С. 84-88.
15. Лозовик Е.В. Миф и сказка в творчестве Нила Геймана // Дискуссия. 2013. № 4 (34). С. 124-132. EDN: PZSSDZ
16. Гейман Н. Три автора: о Льюисе, Толкине и Честертоне (выступление в качестве почетного гостя на Мифконе-35) // Н. Гейман. Вид с дешевых мест. М.: АСТ, 2017. С. 48-54.

17. Гейман Н. Да как ты смеешь?! Об Америке и о том, как о ней писать // Н. Гейман. Вид с дешевых мест. М.: АСТ, 2017. С. 83-85.
18. Теплов А.И. Сравнение космологии и хронотопа в "Отблесках Этерны" В. Камши и "Песне льда и огня" Дж. Мартина // Сибирский филологический форум. 2025. № 1. С. 93-109. DOI: 10.24412/2587-7844-2025-1-93-109 EDN: MWDIWW
19. Макарова И.С. Образное поле "корабль" в западноевропейской литературе. СПб.: Нестор-история, 2025. 540 с.
20. Полянская А.И. Образ матери в фэнтези-романе Дж. Мартина "Игра престолов" // Litera. № 4. С. 324-331.
21. Полянская А.И. Проблема классификации фэнтези-произведений // Вестник МГПУ. 2023. № 2 (50). С. 185-194.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает жанр фэнтези и его развитие от литературы «Новой волны» к современному англоязычному фэнтези. Отмечается, что «несмотря на то, что жанр фэнтези является одним из самых молодых, он успел претерпеть существенные изменения, по-прежнему оставаясь востребованной литературной формой». Актуальность работы обусловлена стремительным развитием этого жанра, читательской востребованностью и, как следствие, пристальным вниманием филологов. Несмотря на значительное количество научных трудов, посвященных анализу различных аспектов фэнтези, ряд актуальных вопросов остаётся открытым. Теоретической основой работы обоснованно явились труды таких российских и зарубежных исследователей, как К.-Г. Юнг, О. В. Анисимова, А. А. Манахов, А. И. Теплов, А. Ю. Белецкая, А. И. Полянская, Р. Ш. Ахмедов, R. Zelazny, G. Martin и др. Библиография включает 21 источник, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; историко-культурный и сравнительно-исторический методы, методы интертекстуального и дискурсивного анализа и др.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы («проследить развитие тенденций, зародившихся в фантастической литературе «Новой волны» в 60-е – 70-е годы прошлого столетия в творчестве современных писателей фэнтези») и решены поставленные задачи, сформулированы обоснованные выводы о том, что «стерев границы между формульной литературой и элитарной, между различными жанрами внутри фантастической литературы, в частности, между научной фантастикой и фэнтези, представители т. н. «гуманитариев» значительно расширили рамки жанра», в то же время многие черты «новой» фантастической литературы (смешение жанров, использование нескольких пластов интертекстуальности, соединение литературы и психоанализа и т. д.) были восприняты следующим поколением писателей, которых также «объединяет использование схожих мифологических символов, глубокая проработка образов героев, а также попытка приблизить фантастические миры к современному читателю» и др.

Теоретическая и практическая значимость исследования неоспорима и обусловлена его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с жанром фэнтези. Полученные результаты могут использоваться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по общей теории литературы, теории текста, по истории массовой литературы рубежа XX–XXI вв., в спецкурсах, посвященных литературе «Новой волны» (научной фантастике), современному англоязычному фэнтези и пр.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Содержание рукописи соответствует названию. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью.

Обращаем внимание автора(ов) на оформления источника 20 (отсутствует год издания): Полянская А.И. Образ матери в фэнтези-романе Дж. Мартина "Игра престолов" // Litera. № 4. С. 324-331.

Статья имеет заверченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Шавтикова А.Т. Репрезентация национальных стереотипов в юмористическом кинодискурсе // Litera. 2025. № 4.
DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.73951 EDN: VIOUXH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73951

Репрезентация национальных стереотипов в юмористическом кинодискурсе

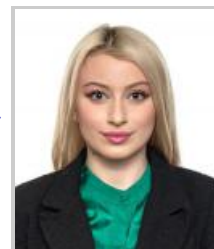
Шавтикова Аурика Тхазреталиевна

ORCID: 0000-0001-9672-852X

ассистент; кафедра иностранных языков филологического факультета; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ shavtikova_at@pfur.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.73951

EDN:

VIOUXH

Дата направления статьи в редакцию:

28-03-2025

Дата публикации:

04-04-2025

Аннотация: В этой статье рассматриваются национальные стереотипы и их проявления в кинодискурсе. Для анализа были выбраны сцены и диалоги из британского ситкома «Mind Your Language» (в российском прокате известного как «Выбирайте выражения») — комедийного сериала, который транслировался на канале ITV с 1977 по 1979 год. Выбор данного материала обусловлен обилием сцен и диалогов, комично иллюстрирующих культурные барьеры, возникающие при обучении английскому языку представителей различных национальностей в англоязычном академическом контексте. Объектом исследования являются стереотипы о тех или иных национальных группах и их использование в комедийном кинодискурсе как средства создания комического эффекта. Предметом исследования выступает анализ особенностей национальных стереотипов об индусах, французах, немцах, испанцах, азиатах и пакистанцах. С целью исследования ситуаций диалогического общения в сериале в работе был применен

конверсационный анализ. Для анализа национального стереотипа был применен контекстуальный анализ для полного и глубокого понимания с целью анализа внутренней структуры и содержания кинокартины, а также внешних факторов, которые влияют на создание и восприятие. Научная новизна данного исследования заключается в том, что статья предлагает новый взгляд на роль стереотипов как средства юмора в телевизионных продуктах, анализируя их влияние на восприятие зрителей и межкультурную коммуникацию. Основными выводами данного исследования являются то, что использование национальных стереотипов служит основой для создания комического эффекта и выполняет юмористическую функцию в кинодискурсе. Гиперболизация характерных черт представителей различных стран, таких как акценты, культурные особенности и манеры поведения, позволяет зрителям смеяться над этими стереотипами. Автор также отмечает, что, несмотря на потенциальную критику за чрезмерное использование таких стереотипов, они выполняют важную роль: разряжают обстановку и способствуют юмористическому восприятию межкультурных различий и недопонимания. Перспективные исследования могут сосредоточиться на анализе влияния национальных стереотипов в кинодискурсе на восприятие зрителей из разных культур, а также изучить эффективность юмора как инструмента для преодоления межкультурных барьеров и развития толерантности.

Ключевые слова:

лингвокультура, кинодискурс, комический эффект, национальный стереотип, межкультурная коммуникация, гиперболизация, культурные особенности, культурные барьеры, юмор, восприятие зрителей

Введение

Стереотипы представляют собой важный аспект исследования в области лингвистики, поскольку они являются устойчивыми когнитивными структурами, влияющими на восприятие и интерпретацию действительности [\[6\]](#). В российской лингвистической традиции стереотипы рассматриваются как многослойные образования, включающие как языковые, так и культурные компоненты (см. работы И.М. Кобозевой (1995), Е.Л. Вилинбаховой (2012), А.В. Прожиловой (2013), Т.Ф. Семашко (2014)). Они формируются под воздействием общественного опыта и закрепляются в языке через устойчивые выражения и фразеологизмы. В зарубежных исследованиях стереотипы часто определяются как упрощенные и генерализированные представления о социальных группах или явлениях, которые облегчают процессы обработки информации, но могут приводить к искажению восприятия (см. работы М.В. Hinner (2010), Т. Motsi, J.E. Park (2020)). Также, в лингвистике стереотипы проявляются в виде типичных образов, ассоциирующихся с определенными словами или выражениями, что может отражаться в дискурсивных практиках [\[15\]](#). Российские исследователи подчеркивают значимость национально-культурной специфики в формировании стереотипов, указывая на их связь с ментальными схемами и концептами. В свою очередь, зарубежные авторы акцентируют внимание на универсальности стереотипизации как когнитивного процесса, определяя ее через призму социальной психологии и коммуникации.

Существует несколько типов стереотипов, которые влияют на восприятие и интерпретацию окружающего мира. Одним из ключевых видов являются национальные стереотипы, формируемые вокруг характерных черт, приписываемых представителям

определенной нации или этнической группы [19]. Эти стереотипы часто основываются на культурно-исторических особенностях и могут как укреплять межкультурные связи, так и порождать предубеждения [23].

Национальные стереотипы – это упрощенные и часто обобщенные представления об особенностях, присущих представителям той или иной нации. Национальные стереотипы могут касаться внешности, поведения, характера и ценностей. В комических жанрах кинодискурса национальные стереотипы используются для создания комического эффекта, который строится на основе абсурдности, узнавании и неожиданности.

Методология и материал исследования

Для анализа национального стереотипа был применен контекстуальный анализ для полного и глубокого понимания с целью анализа внутренней структуры и содержания кинокартины, а также внешних факторов, которые влияют на создание и восприятие. В данной статье авторы исследуют национальные стереотипы, используя языковые примеры из британского ситкома «Mind Your Language». Сериал был создан Винсентом Каррером и вышел на экраны в 1977 году. Основной лейтмотив сериала заключается в комическом изображении культурных и языковых барьеров, возникающих в процессе обучения английскому языку учащихся из разных стран.

Результаты исследования

В сериале «Mind Your Language» выделяются 7 национальностей, на основе национальных стереотипов о которых строятся комические эффекты. В этой части мы проведем контекстуальный анализ этих стереотипов в отношении каждой из представленных национальностей.

Так, одним из национальных стереотипов, представленных в сериале, является стереотип об индусах. Национальный стереотип об индусах был изучен в работах многих лингвистов (см. работы Качру (1985), Саид (2006), Бхаба (2002)), которые считают, что индусы, как и другие восточные народы, изображаются как «экзотические, загадочные, отсталые и нуждающиеся в западном руководстве» [35: 120]. Лингвист Брадж Б. Качру (1985) отмечал, что в Индии английский язык имеет свои уникальные фонетические, лексические и грамматические особенности. Примером служит фигура персонажа Ранджита Сингха в исследуемом сериале, который приходит на уроки в традиционной индийской одежде, а также допускает следующие ошибки:

А) интерференционные ошибки при артикуляции: 'a thousand apologies', 'I am going to cinema';

Б) нарушения в видовременных соотношениях: 'I am come yesterday'.

В) дословный перевод фраз или калькирование на английский язык с хинди: 'What is your good name?';

Он изображается как человек с сильным акцентом, глубоко приверженный своим культурным обычаям и традициям. Его привычка взывать к богам в стрессовых ситуациях, использовать слово 'achcha' (в перев. с хинди означает «хорошо») с и без надобности, а также трудности с пониманием английской культуры вызывают смех, поскольку подчеркивают разрыв между его национальными особенностями и британским контекстом.

Что касается национальных стереотипов о французах, то французы любвеобильны и

«высоко ценят изыски своей национальной кухни и имеют безграничный аппетит» [2: 65], носят повязанный на шее шарф [10], а культура Франции описывается в исследованиях, как «фемининная, в ней гендерные роли четко не дифференцированы, люди противоположного пола ориентированы друг на друга и взаимозависимы, главная ценность – качество жизни» [31: 403]. Также «во Франции поддержание привлекательного и соответствующего моменту внешнего вида – национальный поведенческий стереотип – является формой выражения достойного отношения не только к себе, но и к другим» [31: 405]. Подтверждение национальных стереотипов о французах в исследуемом сериале представлено через студентку Даниэль Фавар, которая предстает как женщина с выразительным французским акцентом, при этом обаяние и романтические стереотипы о французах играют ключевую роль в её взаимодействиях. Французская студентка Даниэль Фавар изображается сквозь призму распространённых представлений о французах. Она кокетлива, уверена в своей привлекательности и часто акцентирует внимание на романтических аспектах жизни. Эти характеристики соответствуют общепринятым образам французов как романтических и элегантных людей. Комичность также усиливается моментами, когда она неправильно использует грамматику или путает времена, что не только демонстрирует её борьбу с языком, но и вызывает смех у публики, так как сочетание её акцента и грамматических ошибок выглядит очаровательно. К примеру, Даниэль старается придать существительным род (вместо 'the table' произносит 'a table', так как во французском языке слово 'table' женского рода), путает времена ('I am going to the cinema yesterday' вместо 'I went to the cinema yesterday'), неоправданная инверсия ('the cat black is' вместо 'the cat is black'), а также испытывает сложность с произношением 'th' 'h'. Комические ситуации возникают из-за её прямолинейности и недостаточного понимания культурных нюансов Великобритании. К примеру, Даниэль, рассказывая о себе, говорит:

- *Allo, allo, my name is Danielle. I am from France. I like ze wine, ze cheese and ze men* (прим. 'ze' используется автором вместо 'the' для передания фонетических особенностей произношения студентки из Франции), что в переводе означает 'привет, привет, меня зовут Даниэль. Я из Франции. Я люблю вино, сыр и мужчин' (здесь и далее перевод автора). Данная реплика Даниэль подтверждает стереотип о французах о том, что они открыты и непосредственны, что вызывает у британцев недопонимание и отторжение.

- *In France, we say what we think. Here you are so polite. It is very confusing.* Реплика 'во Франции мы говорим, что думаем. Здесь вы все такие вежливые, это странно' также подчеркивает несовпадение социокультурных кодов между британцами и французами, а также является примером стереотипа о французах – прямолинейны.

- *I am not a froggie, I am a French woman.* Реплика Даниэль 'я не лягушка, я французская женщина' дает нам понять, что представительнице французской культуры в исследуемом ситкоме неприятно, когда ее называют 'лягушкой', используя национальный стереотип о том, что все французы едят лягушек.

Эти аспекты укрепляют общий комедийный эффект и делают её персонажа Даниэль запоминающимся и смешным благодаря языковым барьерам и культурным особенностям.

Считается, что основными характеристиками национальных стереотипов об итальянцах считаются: экспрессивность и эмоциональность, для них важны семейные ценности, любят еду и искусство, темпераментны, общительны и обладают отменным чувством стиля [34]. Что касается вербальных и невербальных национальных стереотипов об итальянцах, то итальянцы славятся своей активной жестикуляцией и обладают громкой речью [32], а

также итальянский язык слышится окружающим как музыкальным языком [25]. Национальные стереотипы об итальянцах представлены в сериале через Джованни Капелли, итальянского студента, который изображается как энергичный и экспрессивный человек. Он часто путает слова и создаёт каламбуры, что соответствует стереотипу об итальянской жестикуляции и страсти:

- *I am not a cook, I am a spaghetti*. Реплика Джованни 'я не повар, я спагетти' содержит путаницу слов, что создает комический эффект.

- *I go to the toilet to sing*. Слова итальянского студента 'я иду в туалет петь', где он путает слова 'sing' и 'think' приводит к забавной ситуации.

- *I am very happy like a pizza with mozzarella*. Реплика 'я счастлив как пицца с моцареллой' выражает свою радость через привязанность к еде, что подтверждает национальный стереотип о том, что итальянцы возводят еду в культ.

Делая комплимент учительнице по английскому языку, Джованни сравнивает ее с итальянской машиной Феррари, которая в сознании представителя итальянской лингвокультуры является важным символом красоты и достатка: «*You are very beautiful, like Ferrari*». Джованни предстаёт перед зрителями как темпераментный и страстный, склонный к громкой речи и выразительной жестикуляции. Эти черты характера стереотипично ассоциируются с итальянцами в массовой культуре, вызывая улыбку у зрителей.

Что касается национальных стереотипов о немцах, то немцы пунктуальны, дисциплинированы, трудолюбивы, нацеленные на результат, формальны и сдержаны, рациональные и прямолинейные [31]. Более того, языковые особенности немцев, говорящих на английском языке: речь четка и структурирована, речь лишена эмоциональной окраски [31]; используют сложные грамматические структуры [27]; буквально переводят идиомы [36]. Данные особенности проявляются в изучаемом ситкоме через студентку из Германии Анну Шмидт. Она изображается как дисциплинированная и серьезная личность, что соответствует распространенному мнению о немцах как о строгих и педантичных людях. Её акцент и манера говорить подчеркивают эти качества, вызывая смех благодаря контрасту с более расслабленными и хаотичными персонажами. К примеру, подчеркивая свою приверженность системе, упорядоченности и педантичности, Анна говорит: «*In German, we have a saying: ordnung muss sein. It means 'there must be order'*», что в переводе означает 'в Германии у нас есть поговорка: *ordnung muss sein*, что означает «должен быть порядок»'. Также, не понимая эмоциональность и экспрессивность своих одногруппников, которая чужда ей, студентка из Германии Анна Шмидт говорит: «*I do not understand why you are all so emotional. It is not logical*» (пер. 'я не понимаю, почему вы все такие эмоциональные, Это не логично'). Анна как немка не демонстрирует свои негативные чувства и эмоции: «*I am not angry, I am just disappointed*» (пер. 'я не зла, я разочарована'). Так, Анна смягчает категоричное 'angry' на более нейтральный эпитет, возможно описывающий ее состояние не в полной степени - 'disappointed' – однако, на эпитет, который не будет иметь высокую эмоциональную окраску несвойственную немецкой лингвокультуре.

Так, национальный стереотип об испанцах привлекает внимание лингвистов, которые говорят о том, что испанцы – индивидуалисты [22], «Испания связывается с экзотикой, романтикой и героизмом» [11: 2], а самим испанцам свойственна «простота и воздержанность, граничащие с аскетизмом, которые можно считать типичными чертами

испанского характера и испанской жизни» [16: 279]. Подтверждением данным характеристик национального стереотипа в сериале является персонаж студента из Испании Хуан. В сериале «Mind Your Language» Хуан часто вызывает смех своим сильным акцентом и манерой общения. Например, он может путать произношение английских слов, заменяя звук 'j' на 'h', что характерно для носителей испанского языка. Кроме того, Хуан иногда использует типичные испанские междометия, такие как '¡Olé!' ('вау') или '¡Ay caramba!' ('усп!'). Его эмоциональность и вспыльчивость также подчеркивают стереотипы о жителях Испании как о горячих и экспрессивных людях. Во многих репликах Хуана прослеживается подтверждение национальным стереотипам об испанцах, к примеру:

- *Hello, my friends! I am Juan. I come from sunny Spain, where we have siesta and fiesta* (перев. 'привет, мои друзья! Я Хуан. Я приехал из солнечной Испании, где сиеста (послеобеденный сон) и фиеста' (праздник, выходной)). Данная реплика подчеркивает утверждение о том, что испанцы любят отдых и развлечения.

- *In Spain we say 'manana', it means 'tomorrow'... or maybe the day after tomorrow* (перев. 'в Испании мы говорим 'manana', то означает 'завтра'... либо послезавтра). Данная реплика подтверждает национальный стереотип об испанцах – непунктуальны и склоны откладывать дела на потом.

Эти черты делают взаимодействие испанского студента с другими персонажами комическим, поскольку создают контраст между его непосредственной реакцией и более сдержанным поведением окружающих.

Следующий национальный стереотип, представленный в сериале, - стереотип о пакистанцах. Так, «Пакистанцы нередко сталкиваются с дилеммой объяснения того, что на самом представляет их культура, учитывая не всегда достоверно освещаемая СМИ социально-культурной, многонациональной и поликонфессиональной жизни в стране» [1: 286], «пакистанцы выносливы и трудолюбивы» и «их отличает способность сохранять спокойствие в экстремальных ситуациях» [\[1\]](#). Ш.И. Акмалов отмечает, что «подобно другим народам Азии, пакистанцы обладают сложным кодексом правил поведения, среди которых главенствуют понятия социального статуса, репутации рода (или клана) и уровень материального достатка». Национальные стереотипы о пакистанцах представлены в сериале через Али Надима, персонажа из Пакистана, который часто вызывает смех благодаря специфическим языковым и культурным особенностям. Али путает английские идиомы и устойчивые выражения, что приводит к комичным ситуациям. Например, вместо того чтобы сказать «*raining cats and dogs*» (идиома, означающая сильный дождь), он может произнести что-то вроде «*raining dogs and cats*», что звучит нелепо и забавно для носителей языка. Так, Али Надим говорит некоторые реплики, которые отражают национальные стереотипы о пакистанцах:

- *Good morning, sir. I am Ali Nadim. I come from Pakistan, where we have many spicy curries.* В переводе реплика Надима 'доброе утро, сэр. Я Али Надим. Я приехал из Пакистана, где мы едим много острой еды (карри)' подтверждает также стереотип о том, что пакистанская еда отличается повышенной остротой.

- *In Pakistan, we respect our elders. We always listen to what they say* (перев. 'В Пакистане мы уважаем старших. Мы всегда слушаем, что они говорят'). Данная реплика Али подчеркивает стереотип о том, что в Пакистане как в мусульманском обществе более молодое поколение обязано прислушиваться к старшим и уважать их.

Трудолюбивы и дисциплинированы, уважают традиции и старших, сдержаны и скромны,

им присущ коллективизм, патриотизм и практичность, – все это ученые и лингвисты (см. работы Д.М. Ростомян (2013), Т.В. Хрущевой (2016), М.С. Рысятовой (2017), Ч. Жуньмей (2017)) приписывают к национальным стереотипам о китайцах и японцах. Национальные стереотипы об азиатах (японцах и китайцах) представлены через персонажей Чун Су Ли из Китая и Таро Накамуры из Японии. Они демонстрируют особенности произношения, вызывающие смех у зрителей за счет языка и манеры речи. Чун Су Ли, китайская студентка, часто говорит с сильным акцентом, заменяя звуки 'r' на 'l', что является распространенным стереотипом относительно азиатских акцентов в английском языке. Этот языковой барьер приводит к комическим ситуациям, особенно когда персонажи неправильно понимают друг друга или учителя. Например, вместо слова 'rice' она может произнести 'lice', что вызывает путаницу и смех. Таро Накамура, японский студент, также изображен с акцентом, который затрудняет четкое произношение и понимание. Кроме того, его стремление следовать правилам и уважение к авторитетам контрастирует с поведением других студентов, что добавляет юмористический элемент в их взаимодействия: «*In Japan we are very polite. We always say 'yes' even if we mean 'no'*» (перев. 'В Японии мы очень вежливые. Мы всегда говорим «да», даже если имели в виду «нет»').

Выводы

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что использование национальных стереотипов служит основой для создания комического эффекта и выполняет юмористическую функцию кинодискурса. Гиперболизация характерных черт представителей различных стран, таких как акценты, культурные особенности и манеры поведения, позволяет зрителям смеяться над стереотипами. Несмотря на потенциальную критику за чрезмерное использование, эти стереотипы выполняют важную задачу – они разряжают обстановку и способствуют юмористическому восприятию межкультурных различий и недопониманий. Таким образом, репрезентация национальных стереотипов в кинодискурсе не только выполняет одну из важнейших функций для комедийных жанров – юмористическая, но и побуждает зрителей задуматься о разнообразии мировых культур через призму легкого и добродушного юмора.

Перспективные исследования могут сосредоточиться на анализе воздействия национальных стереотипов в кинодискурсе на восприятие зрителей из разных культур, а также изучить эффективность юмора как инструмента для преодоления межкультурных барьеров и развития толерантности.

Библиография

1. Акмалов Ш. И. Национально-психологические особенности пакистанцев и их влияние на национальную идентичность // Academic research in educational sciences. - 2022. - С. 283-289.
2. Алтунина Т. С., Мучкина Е. С. Вербализация стереотипного знания о французах в цикле романов С. Кларка // Инновации. Наука. Образование. - 2021. - № 33. - С. 1994-2001. - EDN OVDTPPL.
3. Бушуева Л. Д., Бушуева Т. В. Кинезика, кинесика и биомеханика - взаимосвязь в движениях // Актуальные проблемы и перспективы теории и практики физической культуры, спорта, туризма и двигательной рекреации в современном мире. - 2017. - Т. 17. - С. 7. - EDN: ZMHLKJ.
4. Вилинбахова Е. Л. Стереотип в лингвистике: объект или инструмент исследования? // Проблемы языка: Сб. науч. статей по материалам Первой конференции-школы "Проблемы языка: взгляд молодых ученых". - М.: Институт языкознания РАН, 2012. - С.

19-28. - EDN: UCUTJJ.

5. Горегляд Е. Н., Кулиев А. А. Франция и французы: стереотипы восприятия в контексте межкультурной коммуникации // Французский язык на перекрестке культур: актуальные вопросы и перспективы исследования. - 2019. - С. 98-102. - EDN: WRNWVZ.

6. Дорошина Л. Ф. К вопросу о лингвистическом статусе этновербальных стереотипов // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. - 2013. - № 2 (25). - С. 46-54. - EDN: QLJLHZ.

7. Жуньмэй Ч. Языковая репрезентация этнокультурных стереотипов носителей русского языка о китайцах // Вопросы психолингвистики. - 2017. - № 3 (33). - С. 218-229.

8. Капкова С. Ю. Языковая игра как способ реализации комического // Universum: филология и искусствоведение. - 2014. - № 2 (4). - С. 7. - EDN: RVRSFB.

9. Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник Моск. ун-та. Сер. - 1995. - Т. 9. - С. 102-116.

10. Ковако В. М., Голованова И. С. Стереотипы русских о французах // Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета. - 2017. - № 1 (35). - С. 238-240. - EDN YPVCNJ.

11. Ларионова М. В. Россия и Испания в зеркале газетно-публицистического дискурса: метафоры и стереотипы // Вестник МГИМО Университета. - 2010. - № 2. - С. 247-254. - EDN: NBOJBL.

12. Молчанова Г. Г. Когнитивная невербалика как поликодовое средство межкультурной коммуникации: кинесика // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2014. - № 2. - С. 13-30. - EDN: SECFQJ.

13. Поддубная Н. Н. Приемы создания комического эффекта в коротком юмористическом рассказе (на примере немецкого шванка) // Филология и человек. - 2010. - № 2. - С. 163-168. - EDN: NDBVDN.

14. Прожилов А. В. К вопросу о стереотипах в лингвистике // Вестник Хакасского государственного университета им. НФ Катанова. - 2013. - № 6. - С. 78-82.

15. Проститова М. В. Роль национальных стереотипов в аспекте когнитивной лингвистики // Филология и лингводидактика в современном научном и образовательном пространстве. - 2021. - С. 133-146. - EDN: ZNYXWN.

16. Раевская М. М. К вопросу о стереотипах национального сознания: испанский национальный портрет эпохи Возрождения // Современная филология: теория и практика. - 2013. - С. 275.

17. Ростомян Д. М. Проблемы межнациональной толерантности в условиях мегаполиса // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. - 2013. - Т. 195. - С. 143-145. - EDN: RCWRVF.

18. Рысятова М. С. К вопросу изучения национальных стереотипов в современной этнической психологии // Проблемы теории и практики современной психологии. - 2017. - С. 253-256. - EDN: YSGBAP.

19. Семашко Т. Ф. Междисциплинарный генезис понятия "этнический стереотип" // Science and Education a New Dimension: Philology. - 2014. - С. 102-105.

20. Тарасова А. А. Кинезика как средство невербальной коммуникации // Новая наука - новые возможности. - 2022. - С. 223-234. - EDN: IOHQPH.

21. Хрущева Т. В. Роль стереотипов в межкультурной коммуникации (на примере гетеростереотипов о русских и китайцах) // Филологический аспект. - 2016. - № 12. - С. 78-87. - EDN: XIPFET.

22. Чеснокова О. С. Фразеологизмы как отражение этнических стереотипов в культуре и профессиональной деятельности испанцев // Дискурс профессиональной коммуникации. - 2020. - Т. 2. - № 2. - С. 71-82. - DOI: 10.24833/2687-0126-2020-2-2-71-82 - EDN:

BBEXTI.

23. Шаова О. А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет): дис. - 2005. - EDN: NNGCLJ.

24. Щекотихина И. Н. Стереотип: аспекты и перспективы исследования // Вестник Ленинградского государственного университета им. АС Пушкина. - 2008. - № 5 (19). - С. 69-80. - EDN: JWMKQF.

25. Barzini, L. The Italians. New York: Atheneum, 1964.

26. Bhabha, H. K. The location of culture. London: Routledge, 1994.

27. Clyne, M. Language and Society in the Germanic Speech Communities. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

28. Dugalich N. M., Shavtikova A. T., Izildin O. Strategies for Creating the Image of a Politician in an Arabic Polycode Text of the Series "اختيار" // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. - 2023. - Т. 14. - № 3. - С. 946-959. - DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-946-959 - EDN: ISLZAW.

29. Hinner M. B. Stereotyping and the Country-of-Origin Effect // China Media Research. - 2010. - Т. 6. - № 1.

30. Kachru, B. B. The alchemy of English: The spread, functions, and models of non-native Englishes. Oxford: Pergamon Press, 1986.

31. Levitin, D. J. The Organized Mind: Thinking Straight in the Age of Information Overload. New York: Dutton, 2012.

32. Morris, D. Bodytalk: A World Guide to Gestures. London: Jonathan Cape, 1994.

33. Motsi T., Park J. E. National stereotypes as antecedents of country-of-origin image: The role of the stereotype content model // Journal of International Consumer Marketing. - 2020. - Т. 32. - № 2. - С. 115-127.

34. Perinbanayagam, R. S. The Dravidian Self. New York: Peter Lang, 1998.

35. Said, E. W. Orientalism. New York: Pantheon Books, 1978.

36. Ward, D. German Phrase Book. Footscray: Lonely Planet, 2010.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Языковая система многообразна, она вбирает весь опыт, который, так или иначе, формируется человеком. Не является исключением и такое явление как стереотип. Рецензируемая статья касается анализа репрезентаций национальных стереотипов в юмористическом кинодискурсе. На мой взгляд, тема работа достаточно интересна, точечных исследование именно в таком русле не так много. Автор в начале труда отмечает, что «стереотипы представляют собой важный аспект исследования в области лингвистики, поскольку они являются устойчивыми когнитивными структурами, влияющими на восприятие и интерпретацию действительности». Известен факт, что стереотипы формируются под воздействием общественного опыта, далее же они закрепляются в языке как вариант через устойчивые выражения или фразеологизмы. Стоит согласиться, что «российские исследователи подчеркивают значимость национально-культурной специфики в формировании стереотипов, указывая на их связь с ментальными схемами и концептами», «в свою очередь, зарубежные авторы акцентируют внимание на универсальности стереотипизации как когнитивного процесса, определяя ее через призму социальной психологии и коммуникации». Удачно, на мой взгляд, представлена данная оппозиция, она задает интенцию к конструктивному

разбору темы. Текст статьи информативен, структура выдержана в рамках научного изыскания. Автор стремится к объективности изложения материала: например, «существует несколько типов стереотипов, которые влияют на восприятие и интерпретацию окружающего мира. Одним из ключевых видов являются национальные стереотипы, формируемые вокруг характерных черт, приписываемых представителям определенной нации или этнической группы. Эти стереотипы часто основываются на культурно-исторических особенностях и могут как укреплять межкультурные связи, так и порождать предубеждения» и т.д. Методология исследования ориентирована на современные позиционные принципы; лингвистическим материалом являются национальные стереотипы, которые используются в британском ситкоме «Mind Your Language». Этот сериал был «создан Винсентом Каррером и вышел на экраны в 1977 году. Основной лейтмотив сериала заключается в комическом изображении культурных и языковых барьеров, возникающих в процессе обучения английскому языку учащихся из разных стран». Таким образом, основные / базовые компоненты верны; тема соотносится с одной из рубрик издания. Аналитическая составляющая работы выровнена, автор стремится максимально верифицировать проблему, разобраться в вопросе. Удачно вводится в текст иллюстративный фон: например, «- Allo, allo, my name is Danielle. I am from France. I like ze wine, ze cheese and ze men (прим. 'ze' используется автором вместо 'the' для передания фонетических особенностей произношения студентки из Франции), что в переводе означает 'привет, привет, меня зовут Даниэль. Я из Франции. Я люблю вино, сыр и мужчин' (здесь и далее перевод автора). Данная реплика Даниэль подтверждает стереотип о французах о том, что они открыты и непосредственны, что вызывает у британцев недопонимание и отторжение» и т.д. Его, на мой взгляд, достаточно, он полновесен, разнообразен. Стиль сочинения соотносится с научным типом. Термины и понятия используются в режиме унификации: «делая комплимент учительнице по английскому языку, Джованни сравнивает ее с итальянской машиной Феррари, которая в сознании представителя итальянской лингвокультуры является важным символом красоты и достатка: «You are very beautiful, like Ferrari». Джованни предстаёт перед зрителями как темпераментный и страстный, склонный к громкой речи и выразительной жестикуляции. Эти черты характера стереотипично ассоциируются с итальянцами в массовой культуре, вызывая улыбку у зрителей». Тема работы раскрыта, цель достигнута; серьезных фактических нарушений нет, текст не нуждается в серьезной правке. Автор приходит к выводу, что «репрезентация национальных стереотипов в кинодискурсе не только выполняет одну из важнейших функций для комедийных жанров – юмористическая, но и побуждает зрителей задуматься о разнообразии мировых культур через призму легкого и добродушного юмора». Удачно, на мой взгляд, в самом финале обозначена перспектива изучения данного вопроса. Формальные требования издания учтены, материал удачно использовать при изучении иностранных языков, а также дисциплин лингвистического порядка. Список источников объемён, цитации выверены. Рекомендую статью «Репрезентация национальных стереотипов в юмористическом кинодискурсе» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лю М. Стандарты оценки качества перевода политического дискурса с применением больших языковых моделей // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.73946 EDN: VVANQM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73946

Стандарты оценки качества перевода политического дискурса с применением больших языковых моделей

Лю Мяо

ORCID: 0000-0003-2346-0600

кандидат филологических наук

доцент, факультет русского языка и литературы; Пекинский университет

100871, Китай, г. Пекин, ул. Ихэюань, 5

✉ liumiaolm@pku.edu.cn

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.73946

EDN:

VVANQM

Дата направления статьи в редакцию:

29-03-2025

Дата публикации:

05-04-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования является разработка комплексной системы стандартов оценки качества перевода политического дискурса с применением больших языковых моделей. Исследование сфокусировано на создании интегративного подхода к оценке перевода китайского политического дискурса на русский язык, что особенно актуально в контексте укрепления российско-китайского стратегического партнерства. Разработанная трехуровневая модель оценки учитывает специфику политического дискурса, характеризующегося высокой степенью терминологической насыщенности, концептуальной специфичности и идеологической маркированности. Модель базируется на параметрах информационной целостности, языковой точности и межкультурной удобочитаемости, обеспечивая комплексный анализ перевода на всех

уровнях: от лексического и синтаксического соответствия до передачи семантических отношений и культурно-прагматических аспектов. Особое внимание в рамках исследования уделяется применению технологических возможностей больших языковых моделей для автоматизированной диагностики переводческих проблем и повышения объективности оценки перевода политических текстов. Предлагаемая система учитывает требования «Базовых норм перевода китайского политического дискурса», адаптируя их к контексту российско-китайской межкультурной коммуникации. Методология исследования основана на системном анализе классических и современных моделей оценки перевода, с последующим функциональным моделированием интегративного подхода, объединяющего лингвистические теории, компьютерные методы и возможности больших языковых моделей для оценки переводов. Научная новизна исследования заключается в преодолении разрыва между теоретическими моделями оценки перевода и их практической реализацией за счет интеграции традиционных лингвистических подходов, компьютерных методов и требований отраслевых стандартов с технологическими возможностями больших языковых моделей. Впервые предложена детализированная структура оценки качества перевода политического дискурса с 10 параметрами второго уровня и 36 параметрами третьего уровня, что обеспечивает всесторонний анализ переводческой деятельности. Доказано, что применение больших языковых моделей значительно повышает эффективность и объективность оценки благодаря глубокому семантическому анализу и автоматизированной диагностике переводческих проблем. Разработанная система имеет высокую практическую ценность, будучи применимой как для анализа готовых переводов, так и для прогнозирования потенциальных трудностей при переводе политических текстов в контексте российско-китайской межкультурной коммуникации.

Ключевые слова:

стандарты оценки, политический дискурс, большие языковые модели, интегративный подход, информационная целостность, языковая точность, межкультурная удобочитаемость, автоматизированная диагностика перевода, российско-китайская коммуникация, переводческие параметры

Введение

В условиях глобальной трансформации мирового порядка и формирования полицентричной системы международных отношений эффективная межкультурная коммуникация становится фундаментальным фактором геополитического взаимодействия. Российско-китайское стратегическое партнерство, достигшее беспрецедентно высокого уровня в XXI веке, выступает ярким примером конструктивного диалога цивилизаций, основанного на взаимном уважении и понимании национальных интересов. Важнейшую роль в обеспечении такого диалога играет адекватный перевод политических текстов, которые, в силу высокой степени терминологической насыщенности, концептуальной специфичности и идеологической маркированности, требуют особых подходов к оценке качества переводческой деятельности. Именно соответствие перевода политического дискурса его прагматическим функциям определяет эффективность международной коммуникации на высшем уровне. Однако обеспечение этого соответствия становится всё более сложной задачей, поскольку в условиях информационного общества и цифровой дипломатии традиционные методологические парадигмы оценки качества перевода демонстрируют определенную ограниченность. Эта ограниченность

обусловлена как возросшими объемами межъязыковой коммуникации, так и прогрессирующим усложнением самого политического дискурса, что актуализирует необходимость разработки специализированных критериев оценки.

Проблематика оценки качества перевода исторически развивалась в рамках двух направлений: лингвистического и вычислительного. В области разработки стандартов оценки качества перевода российская школа переводоведения, заложенная А. В. Фёдоровым [11], сформировала фундаментальные критерии эквивалентности, которые были развиты в работах Л. С. Бархударова [2] через призму многоаспектности переводческой деятельности. Значительный вклад в создание стандартов оценки внес В. Н. Комиссаров [3], предложивший многоуровневую систему критериев, включающую функциональную адекватность и социокультурную конвенциональность как ключевые параметры оценки политических текстов. Западная переводоведческая традиция внесла существенный вклад в стандартизацию оценки через работы К. Reiss [4], связавшей критерии оценки с функциональной типологией текстов, J. House [5], разработавшей модель на основе регистровых параметров, и М. Williams [6], предложившего аргументативно-центрированный подход, релевантный для оценки перевода политических текстов с их сложной аргументативной структурой.

Параллельно развивались компьютерные методы автоматической оценки качества перевода, такие как метрики BLEU и NIST, позволяющие квантифицировать степень совпадения переводов с эталонными текстами, и методы предиктивного моделирования качества без использования эталонов (Quality Estimation) [7]. Также развивались подходы на основе ключевых языковых явлений, где важную роль сыграла работа Юй Шивэня [8], фокусирующаяся на оценке способности систем точно передавать определенные языковые структуры, и методы сравнения качества переводов, в которых традиционные балльные оценки уступили место ранжированию, показывающему более высокую согласованность между экспертами, что подтверждено исследованиями [9] и с 2010 года применяется на семинарах WMT.

Анализ этих методов показывает, что автоматические метрики обеспечивают эффективность и объективность оценки, в то время как лингвистические подходы лучше учитывают семантическую глубину и культурные аспекты перевода. Однако оба направления столкнулись с методологическими ограничениями, и лишь с появлением больших языковых моделей в конце 2022 года открылись принципиально новые возможности для создания интегрированных систем оценки качества перевода. Исследования в области стандартизации оценки качества с применением БЯМ развиваются в нескольких направлениях. Разработаны комплексные метрики, позволяющие объективизировать оценку по множеству параметров одновременно [10], [11], предложены критерии оценки культурно-прагматической адекватности политического перевода [12]. Сформулированы стандарты многоуровневой оценки с учетом структурно-семантических и функциональных особенностей текста [13], созданы адаптивные системы критериев для различных типов политического дискурса [14]. В методологическом плане переосмыслены фундаментальные критерии эквивалентности и адекватности в контексте возможностей БЯМ [15], а также предложены новые параметры оценки, учитывающие прагматический потенциал перевода в сфере межгосударственной коммуникации [16-18]. Несмотря на то, что за последние 2-3 года появился ряд исследований, посвященных применению больших языковых моделей в оценке качества

перевода, эти работы либо носят обзорный характер, либо сконцентрированы исключительно на технических аспектах, либо ограничиваются только лингвистическими и переводческими теориями. Крайне редко встречаются исследования, которые объединяют эти два подхода и при этом ориентированы на специфические текстовые области с разработкой конкретных систем оценки.

В настоящем исследовании предлагается интегративный методологический подход к разработке таких стандартов, синтезирующий достижения лингвистической теории перевода и компьютерных методов анализа с функциональными возможностями БЯМ. Такая методологическая конвергенция позволяет преодолеть лимитирующие факторы отдельных подходов и сформировать комплексную систему стандартов оценки качества перевода. Особое внимание уделяется политическому дискурсу, характеризующемуся высокой степенью культурной обусловленности, имплицитностью, наличием идеологически нагруженной лексики и риторических приемов, что делает его перевод особенно сложной задачей. Предлагаемая система оценки включает многоуровневые критерии, охватывающие как структурно-семантическую эквивалентность, так и прагматическую адекватность, с применением БЯМ для углубленного анализа контекстуальных и коннотативных аспектов перевода политических текстов.

Целью данного исследования является разработка научно обоснованной и технологически реализуемой системы стандартов оценки качества перевода китайского политического дискурса на русский язык. Для достижения поставленной цели сформулированы следующие исследовательские задачи:

- (1) Проанализировать существующие лингвистические и переводоведческие модели оценки качества перевода;
- (2) Рассмотреть компьютерные методы автоматической оценки переводов;
- (3) Обосновать принципы интеграции традиционных теорий и технологий больших языковых моделей;
- (4) Разработать комплексную модель оценки качества перевода, учитывающую информационную целостность, языковую точность и межкультурную читабельность.

Научная новизна исследования заключается в разработке интегративной модели стандартов оценки качества перевода политического дискурса, основанной на методологическом синтезе лингвистического и технологического подходов с имплементацией функциональных возможностей больших языковых моделей.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом в развитие методологии оценки качества перевода и концептуализацией роли БЯМ в переводческом процессе. Практическая ценность обусловлена возможностью применения разработанных стандартов для оптимизации качества перевода китайского политического дискурса на русский язык, что способствует интенсификации российско-китайского стратегического взаимодействия и повышению эффективности межкультурной коммуникации в контексте современных геополитических трансформаций.

1. Оценка качества перевода с позиций лингвистики и переводоведения

Лингвистические и переводоведческие подходы к оценке качества перевода представляют собой фундаментальную основу для понимания многоаспектной природы перевода. В данном разделе рассматриваются ключевые теоретические модели, которые легли в основу предлагаемой интегративной системы оценки.

1.1 Модель оценки перевода Reiss

К. Reiss, ведущий представитель немецкой школы переводоведения 1970-х годов, предложила функциональный подход к оценке качества перевода в работе «Критика перевода: Возможности и ограничения»^[4]. Опираясь на модель Karl Bühler^[19], выделившего три функции языка, Reiss разработала типологию текстов: информативные, экспрессивные и оперативные, позже добавив аудиовизуальные тексты. Ключевой тезис Reiss: «Тип текста является первостепенным фактором, влияющим на выбор метода перевода»^[4, с. 17]. Система оценки Reiss включает внутриязыковые факторы (семантические, лексические, грамматические, стилистические) и внеязыковые (ситуация, тема, время, место, адресат, отправитель, эмоциональный фактор).

Хотя Reiss не разработала количественные методы оценки, её подход стал основой для последующих исследований. Как отмечает Чжан Мэйфан^[20], теория имеет ограничения: классификация языковых функций упрощена, а критерии типологии текстов дискуссионны.

1.2 Функционально-прагматическая модель House

J. House является одним из наиболее влиятельных теоретиков в современном переводоведении. Ее модель оценки качества перевода, разработанная в конце 1970-х годов, до сих пор широко обсуждается и применяется. Теория House представлена в двух ключевых работах: «Модель оценки качества перевода»^[21] и переработанная версия «Оценка качества перевода: пересмотренная модель»^[5]. Теоретическая база модели House основана на системно-функциональной лингвистике с использованием теории регистра Halliday. House рассматривает перевод как замещение исходного текста текстом на целевом языке при сохранении семантической и прагматической эквивалентности. Ее модель оценки включает анализ регистра (поле, тональность и модус), где поле относится к теме и содержанию текста, тональность – к отношениям между участниками коммуникации, а модус – к каналу и способу использования языка. В пересмотренной версии модели House вводит понятие жанра как социально признанного типа текста, имеющего существенное значение для оценки качества перевода. House подчеркивает важность функциональной эквивалентности, предлагая концепции «явного перевода» и «скрытого перевода». Явный перевод очевидно представляет собой переводной текст, тогда как скрытый перевод стремится создать функционально эквивалентный текст в культуре целевого языка. Ошибки в переводе House классифицирует как «явные ошибки», включающие очевидные языковые ошибки, и «скрытые ошибки», связанные с нарушением функциональной эквивалентности.

Несмотря на значительное влияние модели House, она подвергалась критике со стороны некоторых ученых. По мнению Юань Хуна^[22], хотя модель предлагает детальный анализ, ей не хватает количественных стандартов для объективной оценки. Тем не менее, теория House обеспечивает комплексную основу для оценки качества перевода, особенно благодаря вниманию к контекстуальным факторам и функциональной эквивалентности.

1.3 Оценочная модель Williams

Malcolm Williams является одним из важнейших теоретиков в области оценки качества перевода начала XXI века. В своей книге «Оценка качества перевода: подход, ориентированный на аргументацию»^[6] он предложил инновационную модель оценки

качества перевода, объединяющую традиционные лингвистические методы с теорией аргументации. Williams утверждает, что все тексты обладают универсальной аргументационной структурой, что делает его подход применимым к различным типам текстов в переводческой практике. Модель Williams включает анализ аргументационной схемы (тезис, основания, обоснование, поддержка, квалификатор и опровержение), организационных отношений (проблема-решение, вывод-причина), пропозициональных функций и связующих элементов, типов аргументации, риторических фигур и нарративных стратегий. По мнению Williams, эти параметры охватывают всю информацию и цели текста на макро- и микроуровнях, обеспечивая комплексный подход к оценке перевода. Процесс оценки в модели Williams предполагает определение аргументационной схемы и структурных отношений в исходном тексте, анализ связности целевого текста, оценку ключевых сегментов, сравнительный анализ пропозициональных функций, типов аргументации и нарративных стратегий с последующей общей оценкой качества перевода. Williams разработал оценочные шкалы с различными параметрами и весовыми коэффициентами для разных типов текстов. Например, для аргументативных текстов больший вес придается аргументационной схеме и стилистическим аспектам, тогда как для статистических отчетов более важны пропозициональные функции и терминология.

Несмотря на системность и практическую ценность модели Williams, особенно для оценки сложных аргументативных текстов, она подвергается критике за сложность применения, требующую глубоких знаний лингвистики и теории аргументации, а также за недостаточную четкость некоторых количественных критериев оценки.

1.4 Концепция оценки перевода Newmark

Peter Newmark, известный британский теоретик перевода, внес значительный вклад в исследование оценки качества перевода. Хотя он не разработал формальную модель оценки, его идеи по этому вопросу широко представлены в работах «Подходы к переводу» [23] и «Учебник по переводу» [24]. Подход Newmark к оценке качества перевода основан на его понимании сущности перевода как искусства воссоздания информации и идей оригинального автора на другом языке. Newmark предлагает функциональную оценку, учитывающую тип текста (экспрессивный, информативный или воздействующий), и подчеркивает важность языковой точности, для чего разработал метод «компонентного анализа», предполагающий детальное исследование оригинала и перевода на уровне слов и предложений. Важное место в теории Newmark занимает учет культурных факторов и введенное им понятие «культурных слов». Он различает семантический и коммуникативный перевод, считая, что разные методы подходят для разных типов текстов и должны оцениваться соответственно. Newmark также разработал систематическую классификацию переводческих ошибок, включающую языковые, культурные и прагматические ошибки, что позволяет проводить объективную оценку качества перевода.

1.5 Вклад китайских ученых в теорию оценки перевода

Исследования оценки качества перевода в Китае начались несколько позже, чем на Западе, но отличаются значительными результатами. Китайские ученые не только познакомили научное сообщество с западными теориями, но и разработали собственные модели оценки качества перевода. Рассмотрим три наиболее влиятельные китайские модели.

1.5.1 Модель наилучшей аппроксимации Гу Чжэнкуня

Гу Чжэнкунь предложил модель «наилучшей аппроксимации» [25], основанную на многомерной взаимодополняющей теории стандартов перевода. Он разработал систему стандартов: «абсолютный стандарт (оригинал) – высший стандарт (наилучшая аппроксимация) – конкретные стандарты». В этой системе высший стандарт – «наилучшая аппроксимация» – определяется как «степень достоверности, с которой перевод имитирует содержание и форму оригинала». Пэн Чуньянь [26] модифицировала эту систему, подчеркнув многомерность, социальный характер и эволюционность стандартов перевода.

1.5.2 Модель функциональной лингвистики Сы Сяньчжу

Сы Сяньчжу разработал модель оценки на основе системно-функциональной лингвистики. По его мнению, «сущность перевода заключается в эквивалентности значений оригинала и перевода на семантическом, прагматическом и текстовом уровнях» [27]. Эта модель предполагает анализ переходности, наклонения и модальности в предложениях оригинала и перевода для выявления концептуальных и межличностных значений, а также отклонений перевода от оригинала. Затем проводится классификация и оценка этих отклонений для определения степени эквивалентности текстов.

1.5.3 Модель теории релевантности Хэ Саннина

Хэ Саннин применил теорию релевантности к оценке качества перевода. Он считает, что максимальная релевантность перевода заключается в стремлении к совпадению с оригиналом, что является теоретической основой оценки качества [28]. Хэ Саннин подчеркивает, что оценка качества перевода «связана с совпадением значений оригинала и перевода на всех уровнях – от предложения до текста, от стиля до воздействия на читателя, стремясь к максимальной релевантности контекстуальных эффектов». Его модель включает микроэлементы оценки: «межъязыковую релевантность», «текстовую релевантность» и «общую релевантность».

Модели оценки качества перевода, разработанные как западными, так и китайскими учеными, отражают эволюцию теории перевода и стремление к объективной оценке. Хотя лингвистические модели создают теоретическую основу, их практическое применение часто затруднено сложностью и низкой эффективностью. В этом контексте автоматизированные методы оценки предлагают решения, повышающие скорость и объективность процесса.

2. Компьютерные методы автоматической оценки качества перевода

Современные методы автоматической оценки качества перевода предлагают эффективные решения для преодоления ограничений лингвистических моделей. Основанные на компьютерных технологиях, они обеспечивают количественный, быстрый и объективный анализ переводов. Четыре основных подхода – оценка с эталоном, оценка без эталона, тестирование ключевых языковых элементов и сравнительное ранжирование – дополняют традиционные теоретические модели оценки.

2.1 Оценка с использованием эталонного перевода

2.1.1 Алгоритм BLEU

Алгоритм BLEU, предложенный Papineni коллегами из IBM в 2002 году, оценивает качество перевода путем сравнения n-граммного совпадения между машинным переводом и одним или несколькими эталонными переводами [29]. Метод вычисляет

точность n-грамм, применяет штрафной коэффициент за краткость и взвешенное геометрическое среднее для точности n-грамм разной длины. Преимущества BLEU включают простоту вычисления и быстроту, а также объективную оценку от 0 до 1. Однако метод имеет ограничения: он не оценивает семантическую эквивалентность, фокусируясь лишь на лексическом совпадении, недостаточно чувствителен к структурным изменениям и требует нескольких эталонных переводов для надежной оценки.

2.1.2 Алгоритм NIST

Алгоритм NIST, разработанный Doddington в 2002 году [\[30\]](#), является усовершенствованной версией BLEU. Он также использует n-граммное соответствие, но вводит концепцию информационного веса. NIST вычисляет точность n-грамм с учетом информационного веса, использует арифметическое среднее вместо геометрического и оптимизирует штрафной коэффициент для длины предложения. Ключевое нововведение — присвоение более высоких весов редким n-граммам, что повышает точность и различительную способность оценки. Несмотря на эти усовершенствования, NIST сохраняет некоторые ограничения методов на основе n-грамм.

2.2 Оценка качества без эталонного перевода

Оценка качества без эталона (Quality Estimation, QE), предложенная Specia и коллегами в 2010 году [\[7\]](#), использует методы машинного обучения с учителем для прогнозирования качества перевода без эталонных текстов. Этот подход включает извлечение лингвистических и статистических признаков из исходного текста и машинного перевода, обучение модели на размеченных данных и прогнозирование оценки качества. Преимущества QE включают гибкость и практичность, возможность применения на уровне слов, предложений и документов. Однако метод требует качественных обучающих данных, тщательного выбора признаков и имеет ограничения в обобщающей способности.

2.3 Тестирование на основе ключевых языковых элементов

Методы оценки на основе ключевых языковых точек оценивают качество перевода через заранее определенные языковые элементы, охватывающие ключевую семантику и распространенные ошибки. Пионерская работа в этой области была проведена Юй Шивэнь из Пекинского университета в начале 1990-х годов [\[8\]](#). Его команда разработала комплексную систему оценки для китайско-английского машинного перевода, включающую тестовые спецификации и специальный язык описания качества перевода. Система классифицировала языковые тестовые точки на 9 категорий, охватывающих аспекты от лексики до перевода сложных предложений. Хотя этот метод обеспечивает всесторонний анализ, он требует значительных затрат на разработку и имеет ограниченную гибкость.

2.4 Сравнительное ранжирование по оценке качества перевода

В области сравнительной оценки произошел переход от числовых оценок к методам ранжирования качества. Исследования показывают [\[9\]](#); [\[31\]](#), что при определении относительного превосходства переводов достигается большее согласие между оценщиками, чем при абсолютной оценке (коэффициент Каппа для ранжирования 0,37-0,56 против 0,22-0,25 для оценок). С 2010 года ранжирование стало официальным методом человеческой оценки на конференциях по машинному переводу (WMT). Задача ранжирования формализуется как упорядоченная классификация и решается с помощью

алгоритмов машинного обучения. Хотя ранжирование не отражает степень качественных различий, оно обеспечивает относительно надежный и практичный подход к оценке машинного перевода.

Автоматические методы оценки перевода предлагают эффективные решения для задач, где традиционные лингвистические подходы сталкиваются с трудностями. Однако они ограничены в понимании глубокой семантики и культурных нюансов. Оптимальный подход к оценке качества перевода, особенно для такой специфической области как китайский политический дискурс, должен сочетать лингвистическую теорию с вычислительными методами, учитывая также отраслевые руководства, такие как «Базовые нормы перевода китайского политического дискурса на английский язык».

3. «Базовые нормы перевода китайского политического дискурса на английский язык» как основа оценки

При разработке критериев оценки перевода китайского политического дискурса необходимо учитывать жанровые особенности текста. Как отмечает Reiss, тип исходного текста является определяющим фактором в процессе перевода, влияя не только на стратегию переводчика, но и на весь процесс принятия решений при переводе [\[4\]](#).

«Базовые нормы перевода китайского политического дискурса на английский язык» определяют китайский политический дискурс как «особую форму выражения, сформированную партией и правительством в процессе государственного управления» (далее «Нормы») [\[32, с. 2\]](#). Согласно этому документу, основной принцип перевода политического дискурса — баланс между верностью оригиналу и читабельностью, при приоритете верности в случае невозможности достижения обоих. Документ устанавливает четыре общих требования: глубокое понимание оригинального текста перед началом перевода; учет особенностей мышления иностранной аудитории при сохранении верности оригиналу; совершенствование перевода ключевых концепций с углублением их понимания; международное сотрудничество и учет мнений носителей языка перевода. Эти принципы и требования формируют важную основу для разработки критериев оценки качества перевода китайского политического дискурса.

4. Интеграция теорий оценки качества перевода на основе БЯМ

Проведенный анализ лингвистических теорий и компьютерных методов оценки качества перевода показывает необходимость комплексного подхода к оценке перевода китайского политического дискурса. Такой подход должен учитывать как теоретическую глубину традиционных лингвистических моделей, так и эффективность компьютерных методов, а также специфику политического дискурса. С появлением крупных языковых моделей появилась возможность преодолеть ограничения существующих методов оценки.

История развития моделей оценки качества перевода отражает эволюцию от чисто лингвистического подхода к междисциплинарному. Лингвистические модели, представленные работами Reiss [\[4\]](#), House [\[5\]](#) и Newmark [\[23\]](#), заложили теоретическую основу, подчеркивая важность типа текста, функциональной эквивалентности и культурных факторов. Параллельно развивались компьютерные методы оценки – от анализа ключевых языковых элементов [\[8\]](#) до автоматических систем оценки (BLEU, NIST) и новейших методов машинного обучения [\[7\]](#). Каждый из этих подходов имеет свои преимущества и ограничения в контексте оценки качества перевода. На основе анализа существующих моделей и с учетом требований «Норм», для создания эффективной

системы оценки перевода политических текстов были выбраны следующие теоретические основы:

- (1) Теория типов текста [\[4\]](#) как основа для оценки соответствия перевода жанровым особенностям политического дискурса;
- (2) Анализ типов ошибок [\[23\]](#) для выявления лексических, синтаксических и семантических отклонений;
- (3) Метод ключевых элементов оценки [\[8\]](#) для проверки перевода на лексическом, синтаксическом и прагматическом уровнях;
- (4) Оценка перевода культурно-маркированной лексики [\[23\]](#), особенно важная для политических текстов с китайской спецификой;
- (5) Система взвешенных параметров оценки, адаптированная к особенностям политического дискурса.

Использование крупных языковых моделей позволяет интегрировать преимущества различных подходов, обеспечивая как глубину анализа, так и эффективность автоматической оценки качества перевода китайского политического дискурса.

4.1 Параметры оценки качества перевода на основе больших языковых моделей

В соответствии с пятью классическими теориями оценки качества перевода, рассмотренными ранее, и требованиями «Норм», мы разработали систему оценки качества перевода китайского политического дискурса, основанную на трех ключевых критериях. Несмотря на терминологические различия в работах разных исследователей (например, «стиль» у Reiss и «прагматика» у House), наш подход основывается на фундаментальном принципе, указанном в «Нормах»: «Основной принцип перевода китайского политического дискурса заключается в балансе между точностью и удобочитаемостью» [\[32, с. 4\]](#). Исходя из этого, мы определили три основных измерения для оценки качества перевода: информационная целостность, языковая точность и межкультурная удобочитаемость.

4.1.1 Информационная целостность

Информационная целостность представляет собой критерий, ориентированный на исходный текст, и оценивает степень передачи информации оригинала в переводе. Большие языковые модели могут эффективно анализировать семантические структуры исходного и переводного текстов, идентифицировать ключевые информационные точки и сравнивать соответствие между ними, что повышает эффективность оценки и позволяет выявлять мельчайшие расхождения, которые могут быть пропущены при ручной оценке.

4.1.2 Языковая точность

Языковая точность ориентирована на переводной текст и оценивает степень правильного использования языковых норм и выразительных средств целевого языка. Большие языковые модели способны быстро идентифицировать лексические и синтаксические ошибки, обнаруживать несоответствующие словосочетания или способы выражения и предлагать более аутентичные альтернативы.

4.1.3 Межкультурная удобочитаемость

Межкультурная удобочитаемость ориентирована на читателя целевого языка и оценивает, насколько перевод соответствует языковым привычкам и культурным ожиданиям целевой аудитории. Большие языковые модели могут анализировать языковой стиль перевода, идентифицировать выражения, способные вызвать культурное недопонимание, и предлагать альтернативы, более соответствующие культуре целевого языка.

4.2 Параметры оценки качества перевода на основе больших языковых моделей

Процесс определения параметров представляет собой комплексный процесс, учитывающий многие факторы. Наш подход сочетает теоретические основы классических теорий перевода, требования отраслевых стандартов и технические возможности больших языковых моделей. Следуя стратегии «ориентации на отраслевые стандарты, руководства по лингвистике и теории перевода, реализации с помощью компьютерных технологий», мы разработали детальные параметры для каждого из трех основных измерений.

4.2.1 Параметры информационной целостности

1) Степень целостности информации

- (1) Переведены ли ключевые политические термины или концепции
- (2) Опущены ли важные данные или статистическая информация
- (3) Переведены ли важные компоненты предложений или абзацев
- (4) Переведены ли примеры или цитаты из оригинала

2) Степень достоверности информации

- (1) Изменено ли значение политических терминов или профессиональной лексики
- (2) Правильно ли переведены числа, даты или единицы измерения
- (3) Правильно ли переведены многозначные слова
- (4) Правильно ли переведены идиомы или устойчивые выражения

3) Семантические отношения

- (1) Правильно ли выражены причинно-следственные связи
- (2) Правильно ли выражены отношения противопоставления
- (3) Правильно ли выражены параллельные отношения
- (4) Правильно ли выражены условные отношения

4.2.2. Параметры языковой точности

1) Лексический уровень

- (1) Правильность словоизменения (склонение существительных, прилагательных, числительных и т.д.)
- (2) Правильность спряжения глаголов

- (3) Правильность глагольного вида
- (4) Правильность использования частей речи
- 2) Синтаксический уровень
- (1) Правильность порядка слов
- (2) Согласование подлежащего и сказуемого
- (3) Правильность структуры придаточных предложений
- (4) Правильность предложных сочетаний
- 3) Избыточное выражение
- (1) Наличие лишних знаменательных слов
- (2) Наличие лишних служебных слов
- (3) Наличие ненужных повторений
- 4) Пунктуация и орфография
- (1) Правильность использования знаков препинания
- (2) Правильность написания слов
- (3) Правильность использования прописных и строчных букв

4.2.3 Параметры межкультурной удобочитаемости

- 1) Уровень стиля
- (1) Сохранен ли стиль политических документов
- (2) Сохранены ли тон и интонация оригинала
- (3) Адекватна ли длина предложений (не слишком длинные или короткие)
- (4) Уместен ли перевод риторических приемов
- 2) Эмоциональный уровень
- (1) Точно ли передана эмоциональная направленность оригинала
- (2) Точно ли выражена эмоциональная интенсивность оригинала
- (3) Точно ли выражена убедительность или воздействие оригинала
- 3) Культурный уровень
- (1) Правильно ли переведены культурные ключевые слова
- (2) Учтены ли культурный фон и когнитивные привычки читателей целевого языка
- (3) Правильно ли обработаны различия в политической культуре

Разработанная система оценки качества перевода китайского политического дискурса охватывает основные элементы, рассматриваемые в традиционных теориях перевода, такие как точность передачи информации и нормативность использования языка, а также

особо подчеркивает важность межкультурной коммуникации для удовлетворения специфики и сложности перевода политического дискурса. Технические преимущества БЯМ, включая семантическое понимание, грамматический анализ, обширную базу знаний и понимание контекста, значительно повышают точность и эффективность оценки по всем трем измерениям.

Заключение

Проведенное исследование представляет интеграцию лингвистических теорий и технологических возможностей больших языковых моделей в сфере оценки качества перевода политического дискурса. Разработанная трехуровневая модель, охватывающая параметры информационной целостности, языковой точности и межкультурной удобочитаемости, создает методологически обоснованную систему для объективной оценки переводческой деятельности.

Предложенная система с 10 параметрами второго уровня и 36 параметрами третьего уровня, дополненная весовыми коэффициентами и столбальной градацией качества, обеспечивает необходимую гибкость при оценке различных жанров политического дискурса. Интеграция БЯМ существенно повышает эффективность выявления структурных и стилистических несоответствий, а также способствует автоматизированной диагностике переводческих проблем.

Библиография

1. Федоров А. В. Введение в теорию перевода: (лингвистич. проблемы). – 2-е изд., перераб. – Москва: Изд. лит. на иностр. яз., 1958. – 374 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – 235 с.
3. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. – Москва: Международные отношения, 1980. – 167 с.
4. Райс К. Возможности и границы критики перевода. – Мюнхен: М. Хюбер, 1971. – 124 с.
5. House J. Translation Quality Assessment: A Model Revisited. – Gunter Narr Verlag, 1997. – 207 p.
6. Williams M. Translation quality assessment: An argumentation-centred approach. – University of Ottawa Press, 2004. – 209 p.
7. Specia L., Raj D., Turchi M. Machine Translation Evaluation versus Quality Estimation // Machine Translation. – 2010. – Vol. 24. – P. 39-50. DOI: 10.1007/s10590-010-9077-2 EDN: QNHKQW
8. Юй Шивэнь. О некоторых исследованиях в области вычислительной лингвистики // Применение языка и письменности. – 1993. – № 3. – С. 55-64.
9. Callison-Burch C., Fordyce C. S., Koehn P., Monz C., Schroeder J. (Meta-) Evaluation of Machine Translation // In Proceedings of the Second Workshop on Statistical Machine Translation. – 2007. – P. 136-158.
10. Kocmi T., Federmann C. Large language models are state-of-the-art evaluators of translation quality // arXiv preprint arXiv:2302.14520. – 2023.
11. Денисенко В. В., Чесников Л. С. Стратегии оптимизации и методы оценки для точной настройки больших языковых моделей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 4-1 (91). – С. 180-184. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-4-1-180-184 EDN: MGIFYI
12. Лю М., Шао Ц., Се Г. Автоматизированный перевод политического дискурса: от больших языковых моделей к мультиагентной системе MAGIC-PTF // Litera. 2024. № 11. С. 28-46. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.11.72197 EDN: GFRZMO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72197

13. Чжао Цзюньфэн, Ли Сян. Исследование построения и применения переводческих агентов на основе больших языковых моделей // Преподавание иностранных языков с помощью электронных технологий. – 2024. – № 5. – С. 22-28, 75, 108.
14. Ли Дэфэн, Ван Хуашу, Лю Шицзе. Национальные возможности переводческих технологий и большие языковые модели // Шанхайский перевод. – 2025. – № 2. – С. 18-24.
15. Lu Q., et al. Error analysis prompting enables human-like translation evaluation in large language models // arXiv preprint arXiv:2303.13809. – 2023.
16. Huang H., et al. Towards making the most of Llm for translation quality estimation // CCF International Conference on Natural Language Processing and Chinese Computing. – Cham: Springer Nature Switzerland, 2023.
17. Zhang B., Haddow B., Birch A. Prompting large language model for machine translation: A case study // International Conference on Machine Learning. – PMLR, 2023.
18. Чжао Янь, Чжан Хуэй, Ян Ичэнь. Сравнительное исследование качества больших языковых моделей в переводе текстов - на примере перевода "Цветения" // Преподавание иностранных языков с помощью электронных технологий. – 2024. – № 4. – С. 60-66, 109.
19. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. – Йена: Густав Фишер, 1934. – 434 с.
20. Чжан Мэйфан. Функциональный подход к исследованию перевода. – Шанхай: Шанхайское издательство образования по иностранным языкам, 2005. – 233 с.
21. House J. A Model for Translation Quality Assessment. – TBL-Verlag Narr, 1977. – 344 p.
22. Юань Хун. Объяснительная сила типологии текста и функциональной лингвистики в оценке качества перевода // Журнал Хунаньского института гуманитарных наук и технологий. – 2007. – № 1. – С. 158-161.
23. Newmark P. Approaches to Translation. – Oxford: Pergamon Press, 1981. – 344 p.
24. Newmark P. A textbook of translation. – Vol. 66. – New York: Prentice Hall, 1988. – 402 p.
25. Гу Чжэнкунь. О многомерной взаимодополняющей теории стандартов перевода // Китайский перевод. – 1989. – № 1. – С. 16-20.
26. Пэн Чуньянь. Новая теория стандартов перевода - пересмотр системы стандартов перевода, установленной профессором Гу Чжэнкунем // Научный журнал Университета Сунь Ятсена. – 2004. – № 5. – С. 237-241.
27. Сы Сяньчжу. Исследование модели оценки качества перевода с точки зрения функциональной лингвистики // Преподавание иностранных языков. – 2004. – № 4. – С. 45-50.
28. Хэ Саньнин. Исследование моделей оценки качества перевода. – Пекин: Центральное издательство переводов, 2015. – 256 с.
29. Papineni K., Roukos S., Ward T., Zhu W. J. "BLEU: A Method for Automatic Evaluation of Machine Translation." // In Proceedings of the 40th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. – 2002. – P. 311-318.
30. Doddington G. "Automatic Evaluation of Machine Translation Quality Using N-gram Co-occurrence Statistics." // In Proceedings of the Second International Conference on Human Language Technology Research. – 2002. – P. 138-145.
31. Duh K. "Ranking vs. Regression in Machine Translation Evaluation." // In Proceedings of the Third Workshop on Statistical Machine Translation. – 2008. – P. 191-194.
32. Базовые нормы перевода китайского политического дискурса на английский язык / Под ред. редакционной группы. – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2023. – 234 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает оценка качества перевода политического дискурса с применением больших языковых моделей, актуальность изучения которой аргументируется, с одной стороны, важнейшей ролью «адекватного перевода политических текстов, которые, в силу высокой степени терминологической насыщенности, концептуальной специфичности и идеологической маркированности, требуют особых подходов к оценке качества переводческой деятельности» в обеспечении конструктивного межкультурного диалога, с другой стороны, недостаточным количеством комплексных исследований интегративного методологического подхода к разработке стандартов оценки качества перевода политического дискурса, синтезирующего достижения лингвистической теории перевода и компьютерных методов анализа с функциональными возможностями больших языковых моделей: «Несмотря на то, за последние 2-3 года появился ряд исследований, посвященных применению больших языковых моделей в оценке качества перевода, эти работы либо носят обзорный характер, либо сконцентрированы исключительно на технических аспектах, либо ограничиваются только лингвистическими и переводческими теориями. Крайне редко встречаются исследования, которые объединяют эти два подхода и при этом ориентированы на специфические текстовые области с разработкой конкретных систем оценки».

Теоретической основой работы выступили труды таких российских и зарубежных исследователей, как Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров, К. А. Бюлер, В. Федоров, К. Райс, В. В. Денисенко, Л. С. Чесников, Хэ Саньнин, Сы Сяньчжу, Пэн Чуньянь, Р. Newmark, J. House, Т. Космі, С. Federmann и др., посвященные различным аспектам теории и практики перевода, современным переводческим технологиям, большим языковым моделям, моделям оценки качества перевода и т. д. Библиография статьи насчитывает 32 источника, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология исследования определена поставленной целью («разработка научно обоснованной и технологически реализуемой системы стандартов оценки качества перевода китайского политического дискурса на русский язык») и задачами («проанализировать существующие лингвистические и переводоведческие модели оценки качества перевода; рассмотреть компьютерные методы автоматической оценки переводов; обосновать принципы интеграции традиционных теорий и технологий больших языковых моделей; разработать комплексную модель оценки качества перевода, учитывающую информационную целостность, языковую точность и межкультурную читабельность») и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, обобщения; описательный метод; дискурсивный и сравнительно-сопоставительный методы; социокультурный анализ и др.

В ходе работы последовательно рассматриваются ключевые теоретические модели, которые легли в основу предлагаемой интегративной системы оценки (модель оценки перевода Reiss, функционально-прагматическая модель House, оценочная модель Williams, концепция оценки перевода Newmark), а также вклад китайских ученых в теорию оценки перевода; компьютерные методы автоматической оценки качества перевода (оценка с эталоном, оценка без эталона, тестирование ключевых языковых

элементов и сравнительное ранжирование); «базовые нормы перевода китайского политического дискурса на английский язык» как основа оценки; интеграция теорий оценки качества перевода на основе больших языковых моделей. Разработана трехуровневая модель оценки качества перевода, охватывающая параметры информационной целостности, языковой точности и межкультурной удобочитаемости, что создает методологически обоснованную систему для объективной оценки переводческой деятельности.

Полученные результаты, безусловно, имеют теоретическую значимость и определяются вкладом в развитие методологии оценки качества перевода и концептуализацией роли больших языковых моделей в переводческом процессе. Практическая ценность обусловлена возможностью применения разработанных стандартов для оптимизации качества перевода политического дискурса с китайского на русский язык, что «способствует интенсификации российско-китайского стратегического взаимодействия и повышению эффективности межкультурной коммуникации в контексте современных геополитических трансформаций».

Стиль изложения отвечает требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. Содержание работы соответствует названию, логика исследования четкая. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ли Л., Лазарева О.В. Лингвокультурологические основы русских и китайский паремий о мужьях и женах // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.74023 EDN: TKAUIM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74023

Лингвокультурологические основы русских и китайский паремий о мужьях и женах

Ли Лусы

кандидат филологических наук

независимый исследователь

117198, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1368683201@QQ.COM

Лазарева Олеся Викторовна

кандидат филологических наук

доцент; кафедра общего и русского языкознания; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ lazareva-ov@rudn.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.74023

EDN:

TKAUIM

Дата направления статьи в редакцию:

03-04-2025

Дата публикации:

10-04-2025

Аннотация: Предметом исследования являются паремии, которые в российской лингвистике трактуются как устойчивые воспроизводимые изречения поучительного характера. Пословицы традиционно рассматриваются как короткие общеизвестные народные изречения, содержащие мудрость, истину, мораль и традиционные взгляды,

зафиксированные в метафорической и запоминающейся форме. Пословицы передаются из поколения в поколение, отражают систему ценностных доминант и морально-нравственных установок этноса. При широкой трактовке фразеологии пословицы считаются частью фразеологической системы. В китайском языкознании пословицы рассматриваются как раздел фразеологии; пословицы функционируют в форме: 成语 (дословно «готовое выражение») – идиома, чэньюй; 谚语 – пословица; яньюй; 歇后语 (дословно «речение с усечённой концовкой») – недоговорка-иносказание (выражение с определенной недосказанностью); сехоуэй; 惯用语 (дословно «привычное выражение») – фразеологическое сочетание; гуаньюньюй; 俗语 (дословно «просторечное выражение») – поговорка; суйюй. В настоящей статье использовались методы сравнительно-сопоставительного и компонентного анализа и лингвокультурологического комментирования. В русском и китайском паремиологическом фонде репрезентирован исторический опыт, представлена оценка жизненных явлений, отражены ценностные доминанты лингвокультуры. Научная новизна заключается в том, что паремии демонстрируют, как в диахронии по-разному меняется система морально-нравственных норм и оценок в России и Китае. Лингвокультурологические основы русских и китайских паремий о муже и жене связываются с системой морально-нравственных традиционных патриархальных ценностей. Самой важной ценностью семейных отношений является согласие и взаимоуважение, при этом констатируется зависимое положение жены, но не исключается равноправие мужей и жен. Описание мужей и жен в паремиологическом фонде китайского и русского языков является амбивалентным. Основными выводами проведенного исследования являются уникальные и универсальные характеристики концептуальной картины мира народа, выражаемые лингвокультурные основы паремий в Китае и России.

Ключевые слова:

паремия, пословица, паремиологический фонд, лингвокультурологические основы, китайское языкознание, русское языкознание, муж, жена, китайский язык, русский язык

Введение

Паремиологический фонд любого языка является отражением национальной системы ценностей, репрезентацией доминант национальной концептуальной картины мира. Паремии демонстрируют как в диахронии меняется система морально-нравственных норм и оценок.

Т.Г. Бочина справедливо утверждает, что «целый ряд народных изречений отражает когнитивный переход от отождествления и уподобления предметов к их различению и противоположению, к новому этапу познания сущности явлений, фиксируя тем самым отказ от былых стереотипов», т.е. пословицы репрезентируют изменение ценностной парадигмы народных представлений [\[1\]](#).

Безусловно, паремиология любого языка всегда привлекала внимание многих ведущих зарубежных и отечественных лингвистов таких как В.В. Виноградов, В.М. Мокиенко, Н.Ф. Алефиренко, Ю.Е. Прохоров, В.Н. Телия, Л.Б. Савенкова, О.В. Ломакина, М.Л. Ковшова Т.Г. Бочина, Е.Е. Иванов, И.А. Бредис, Г.Л. Пермяков и пр.; особый интерес паремиология вызывает в китайском языкознании, назовем китайских ученых-паремиологов: Ма Гофань, Му Хуаин, Г.О. Готлиб, Сунь Вэйчжан, Ся Чжэннун, Чэнь Чжили, Хэ Чанфэй и др.

Методология исследования

В настоящей статье использовались методы сравнительно-сопоставительного и компонентного анализа и лингвокультурологического комментирования.

Результаты исследования

Для всестороннего анализа паремий русского и китайского языков с компонентами муж/жена следует уточнить понимание лингвистических терминов: пословица, паремия, паремиологический фонд и пр.

В целом, паремии в российской лингвистике трактуются как устойчивые воспроизводимые изречения поучительного характера. В.М. Мокиенко уточняет, что пословица представляет собой «законченное образное или безобразное изречение, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией» [\[2, с.103\]](#).

Множественность дефиниций пословиц в русской лингвистике объясняется различными классификационными признаками, положенными в основу анализа данного феномена языка и речи.

Так, Л.Б. Савенкова считает пословицей «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение, хотя бы часть элементов которого наделена переносным значением и которое пригодно к использованию в дидактических целях» [\[3\]](#), при этом акцентируется внимание на обобщающем характере пословиц.

Ю. Е. Прохоров полагает, что ценность пословиц состоит в фиксации народного опыта, он указывает, что «пословица – устойчивое в речевом обиходе, ритмически и грамматически организованное изречение, в котором зафиксированы практический опыт народа и его оценка определенных жизненных явлений» [\[4, с. С. 355\]](#).

В концепции Т.Г. Бочиной, существенным признаком пословиц признается диалогичность и амбивалентность, при этом указывается, что «пословица – резюме свернутого диалога», а также «пропозиция (пословица = предложение), и обобщенная информация (пословица = текст)» [\[5, с. 27\]](#).

М.А. Бредис рассматривает паремии как «общеупотребительное краткое обобщение человеческого опыта», пословица – «стандартизированное для типичных жизненных ситуаций и выраженное в речи законченным устойчивым предложением» выражение «чаще всего с переносным смыслом» [\[6, с.86\]](#).

В современных русскоязычных паремиологических исследованиях понимание пословицы зачастую сопоставимо с определением, предложенным В. Мидером: «Пословица – короткое, общеизвестное изречение народа, содержащее мудрость, истину, мораль и традиционные взгляды в метафорической, фиксированной и запоминающейся форме, и которое передается из поколения в поколение» [\[7, p. 5\]](#).

Дискуссии по поводу характеристики пословиц как лингвистического феномена и как жанра фольклора не завершены. Однако следует уточнить, что в большинстве «современных исследований термин *паремия* используется как родовое наименование для обозначения различных классов народных афоризмов, прежде всего пословиц, поговорок, загадок и примет, а также присловий, прибауток и под.» [\[8, с. 268\]](#).

В китайском языкознании теоретическое осмысление сущности паремий обусловлено национальной спецификой и особенностями языковой системы.

В китайском языкознании также, как и в русском, не существует единого мнения по поводу определения сущности пословиц. Однако традиционно пословицы соотносятся с фразеологизмами. Самой известной классификацией (которая в настоящее время подвергается ревизии) является система Ма Гофаня, который еще в 50-е годы XX века указывал, что все устойчивые воспроизводимые обороты китайского языка следует разделить на несколько видов:

1. 成语 (дословно «готовое выражение») – идиома, чэньюй.
2. 谚语 – пословица; яньюй
3. 歇后语 (дословно «речение с усечённой концовкой») – недоговорка-иносказание (выражение с определенной недосказанностью); сехоуэй
4. 惯用语 (дословно «привычное выражение») – фразеологическое сочетание; гуаньюньюй
5. 俗语 (дословно «просторечное выражение») – поговорка; суюй [\[9\]](#).

По мнению Ма Гофаня, все воспроизводимые выражения на китайском языке имеют обязательную устойчивость формы и содержания, «привычность» в употреблении, историчность (то есть длительную историю бытования в языке), а также отражают исторические факты и традиции народа. Укажем, что в устойчивых воспроизводимых оборотах китайского языка в качестве компонентов часто употребляются этномаркеры (по терминологии О.В. Ломакиной), которые представляют собой лексические единицы, обычно не имеющие аналогов в других языках. Этномаркеры в китайских пословицах – это прецедентные имена китайской лингвокультуры, названия артефактов (элементов народного костюма, музыкальных инструментов, мифологических персонажей и пр.). Этномаркеры содержатся и в пословицах с компонентами муж и жена.

Приведем пример из «Китайско-русского фразеологического словаря» (чэньюй):

«半部论语 ban bu lun yu»

旧时对儒学经典之一《论语》的 夸赞之辞，掌握半部《论语》，人的能力就会提图，就能治理国家。

器 宋•罗大经《鹤林玉露》卷七：“赵普再相，人言普山东人，所 学止《论语》……太宗尝以此论 问普。普略不隐，对曰：‘臣平生所知，诚不出此。昔以其半辅 太祖定天下，今欲以其半辅陛下 致太平。’”

器况且从前古人以~治天下，就是 半部亦何妨。(清•李宝嘉《官场现形记》第六十四回)。

«Половина Лунь юя» – знания, достаточные для управления государством («Лунь юй» – великое произведение, приписываемое Конфуцию, овладение хоть половиной которого достаточно для управления государством)» [\[10\]](#).

Терминология, характеризующая китайские устойчивые выражения, включает еще один термин – шую (熟语 – дословно "знакомое, готовое выражение"). Шую – родовое понятие, объединяющее комплекс устойчивых оборотов. Некоторые китайские лингвисты, полагают, что шую включают в себя фразеологические сочетания (гуаньюньюй), чэньюй, пословицы (яньюй), поговорки-недосказания (сехоуэй). Об этом, например, говорит Сунь Вэйчжан в монографии "Китайская фразеология (шую)" [\[11\]](#).

Термин шую в «Словаре современного китайского языка» толкуется следующим образом: «Устойчивое словосочетание, может использоваться только целиком, не допускает произвольной замены своих составных компонентов, кроме того, не может быть проанализировано с точки зрения словообразования» [\[12\]](#).

Несмотря на различие пониманий сущности паремий (и фразеологизмов) и множественность точек зрения на природу устойчивых выражений в русском и китайском языкознании, возможно выявить универсальное и уникальное начало в ценностной парадигме двух лингвокультур.

Солидаризируясь с авторским коллективом монографии «Паремиология на перекрестках языков и культур», отметим, что среди названных аспектов анализа пословиц как лингвистических единиц (дискурсивный, историко-этимологический, лингвокультурологический, переводоведческий, сравнительно-сопоставительный), важнейшими представляются лингвокультурологический и сравнительно-сопоставительный, так как они дают основание для выявления сходства и различия национальных картин мира [\[13\]](#).

В китайской и русской паремиологии количество пословиц о семье и семейных отношениях является значительным, что свидетельствует о важности института семьи в российском и китайском социуме.

Н.Ф. Алефиренко отмечает, что по представленности в языке «духовные ценности могут быть общечеловеческими, национальными, сословно-классовыми, групповыми, семейными, индивидуально-личностными».

Поскольку семья представляет собой, по мнению Н.Ф. Алефиренко, «общество в миниатюре», то семейные ценности играют огромную роль «в становлении культуры», к семейным ценностям относят «все положительные фамильные традиции (нравственные, профессиональные, художественные или даже чисто бытовые)» [\[14\]](#).

Семейные отношения в русской и китайской паремиологии показывают сложности отношений мужа и жены, родителей и детей, а также бабушек и дедушек с младшим поколением. Паремии о семье демонстрируют как складывались семейные связи братьев и сестер, родителей мужа (свекра и свекрови) и жены (тещи, тестя), многочисленных дядюшек и тетюшек, усыновленных детей. В русской лингвокультуре важной частью семьи были крестные родители детей, в китайской – особую роль играли родители мужа, отношения между братьями.

Например: 尺布斗粟 *chi bu dou sum*

比喻兄弟间因利害冲突而不和。

器《史记·淮南衡山列传》：“一尺布，尚可缝；一斗粟，尚可舂；兄弟二人不相容。”

器他们虽然是亲兄弟，却常常因为各自的私利，出现一些~之争。

«Один чи ткани, один доу чумизы» – ссора между братьями из-за дележа богатства; столкновение интересов между братьями [\[10\]](#).

Паремиологический фонд и русского, и китайского языков демонстрирует амбивалентность народных представлений о мужьях, женах, их взаимоотношениях. Отметим, что паремиологический фонд – это совокупность паремий «широко употребительных на разных этапах исторического развития языка, включая современный

период» [\[15, с.64\]](#).

Китайская и русская лингвокультура отражают патриархальный взгляд социума на семью. Это находит выражение в том, что в основу большинства пословиц положен традиционный андроцентрический взгляд на систему семейных отношений.

Положительные и отрицательные оценки семейных отношений в основном представляют мужской взгляд на мир.

买来的马, 娶来的妻, 愿打就打, 愿骑就骑 Жена – это как купленная лошадь, над которой можно издеваться сколько угодно.

«Жена – кабальный батрак.

И жена да боится своего мужа.

Жене (бабе) спускать – на себя пенять (добра не видать).

Бей жену к обеду, а к ужину опять (опеть), чтоб щи (шти) были горячи (гореци) и каша маслёна» [\[16\]](#).

Мужья и в Китае, и в России представлены в паремиях как хозяева по отношению к своим женам, они принимают решения, наказывают жен, требуют от них подчинения.

В китайских пословицах мужья несут полную ответственность за своих жен, но при этом имеют право на наложниц, хотя это и не оценивается положительно.

欲成家, 置两犁; 欲破家, 置两妻 Если хочешь создать семью, купи два орудия производства; если хочешь разорить семью, женись на большем количестве наложниц.

乘马越换越好, 妻子越换越糟 Чем больше вы меняете лошадь, на которой едете, тем лучше она становится. Чем больше вы меняете свою жену, тем хуже она становится.

В русском паремиологическом фонде также встречаются пословицы, которые констатируют, что чем больше женится мужчина, тем хуже жены.

«Первую жену жених сам выбирает, вторую – Бог даёт, а третью – чёрт посылает» [\[16\]](#).

Но при этом в русских паремиях порицается супружеская неверность.

«За законной женой будь доволен и одной.

Кто замужню жену любит – того избежь в раны.

На чужемужню жену не заглядывайся» [\[16\]](#).

Русские паремии не просто отражают доминирование мужа, но положительно оценивают домашнее насилие, которое воспринимается как норма и даже имеет положительную коннотацию.

«Бей жену молотом, она станет золотом.

Бей жену обухом, припади да понюхай: дышит да морочит, ещё хочет.

Бей жену к обеду, а к ужину опять [без боя за стол не сядь]» [\[16\]](#).

И в тоже время в русской паремиологии значительное количество пословиц говорит о

том, что жену нужно любить, «жалеть», тогда в доме будет согласие и достаток.

«Держи жену в ласке, дочку в сохранности – ссоры не будет» [16].

Среди китайских пословиц обнаруживаются такие, в которых насилие в отношении жены (женщины) считается недостойным.

好狗不和鸡斗, 好男不如女斗 Хорошая собака не дерется с курицей, а хороший мужчина не дерется с женщиной (женой).

Но при этом в китайской паремиологии констатируется, что жены полностью зависят от мужей.

嫁鸡随鸡, 嫁狗随狗 Если ты выйдешь замуж за курицу, ты следуешь за курицей, если ты выйти замуж за собаку, ты следуешь за собакой.

嫁汉随汉, 穿衣吃饭 Выйти замуж за мужчину и надо зависеть от него в одежде и еде.

活是丈夫家的人, 死是丈夫家的鬼 Когда женщина выходит замуж, она становится человеком своего мужа в жизни и призраком в смерти, и она должна быть верна своему мужу.

Китайские пословицы констатируют не просто главенствующее положение мужчины (мужа), но и акцентируют внимание на том, что муж несет ответственность за всех домочадцев (и за жену, и за детей, и за своих престарелых родителей).

老儿不发狠, 婆儿没布裙 Если муж не трудится, чтобы заработать деньги, жена не может надеть даже полотняное платье.

男人挣钱, 女人腰圆 Если муж зарабатывает много денег, у жены будет достойная жизнь.

В русских и китайских паремиях констатируется, что женщины и мужчины должны обязательно создавать семью. Без хорошей жены невозможно вести хозяйство. В русских паремиях многократно повторяется, что жена должна быть «доброй», «злая» жена считается наказанием, она разрушает дом и семью. При этом «злая» жена – это не только качество характера, но и неумение построить отношения с мужем и всеми родственниками, это неумение вести хозяйство, это лень и праздность женщины.

«Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не видать (не знать)».

С доброй женой горе – полгоря, а радость – вдвойне.

Злая жена страшнее дурного сна.

Злая жена – та же змея.

«Перед злой женою сатана – младенец непорочный» [16].

В русском паремиологическом фонде множество пословиц констатируют важность ума жены, ее умения содержать дом, поддерживать мужа.

«У хорошей жены и дурак-муженёк в умниках слывёт».

У хорошей жены и мужу цены нет.

«У хорошей жены и плохой муж будет молодцом» [16].

Потеря (смерть) жены признается большим горем для мужа и семьи, а потеря мужа

делает женщину полностью беззащитной. Смерть мужа – это не просто горе, полная гибель угрожает и жене, и детям.

«Бывала ли (ль) у тебя беда – умирали ли (ль) у тебя жена?»

За мужнину жену есть кому заступиться.

Какой бы муж ни ворона, но жене оборона» [16].

Следует заметить, что в русской паремиологической картине мира наблюдается амбивалентность в отношении оценок «злой» жены и «злого» мужа. «Злой» (плохой) муж также, как и злая жена признается бедствием для семьи.

«Злобный муж всем не дюж» [16].

Особое внимание в русской паремиологии уделяется хозяйственности и трудолюбию жены, умению вести хозяйство. Во многих паремиях констатируется, что красота жены, скорее, не приносит пользы семье, но многие мужья любят своих красивых жен и разрешают не работать много.

«Жена мила пусть бы не доила, лишь бы (чтобы) по двору ходила» [16].

В китайской и русской паремиологической системе признается, что в семье самое главное – согласие между мужем и женой, в таком случае семья будет процветать. Но помимо согласия должно быть уважение и любовь между супругами, тогда помимо благополучия будет и счастье.

夫妻恩爱苦也甜 Муж и жена, любящие друг друга, найдут сладость даже в тяжелой жизни.

夫妻安, 合家欢 Муж и жена живут в гармонии, и вся семья счастлива.

夫妻不和, 子孙不旺 Мужья и жены не ладят друг с другом, их потомство не процветает.

Когда муж с женой разлучаются в силу обстоятельств, то это приносит супругам страдание.

Приведем пример чэньюй из «Китайско-русского фразеологического словаря»:

别鹤孤鸾 *bie he gū luan*

另11: 离别; 鸾: 凤凰一类的鸟。离别的鹤, 孤单的鸾。比喻远离 的夫妻。器 三国魏•稽康《琴赋》: “王 昭、楚妃, 千里别鹤。”晋•陶 潜《拟古》诗: “上弦惊别鹤, 下弦操孤鸾。”器你们两位曾『这么大岁数了, 就凑 合着过吧, 又何必非要弄成个~不 可呢? 心劳燕分飞, 别鹤离鸾, 离鸾别 凤, 孤雌寡鹤 «Одинокий феникс, простившийся с журавлем» – разлученные супруги [10]. В русских паремиях отмечается важность согласия между мужем и женой, а также фиксируется, что в семье связь между супругами неразрывна. *«Муж и жена – одно дело, одно тело, один дух. Муж да жена – одна душа.*

Муж жене милее родной матушки; жена мужу ближе отца-батюшки» [16].

Кроме того, в некоторых паремиях имплицитно утверждается, что умная жена управляет мужем, выстраивает всю хозяйственно-бытовую сторону жизни семьи, а в некоторых пословицах отмечается, что жена – душа, морально-нравственная основа в семейных отношениях. *«Муж в дому что глава на церкви, жена в дому что труба на бане.*

Муж говорит: «Я – голова»; жена говорит: «Я – шея, как поверну, так и будет».

Муж – голова, а жена – сердце.

Муж – голова, жена – душа» [\[16\]](#).

Темой ряда китайских и русских паремий становится жизнь женщины после смерти мужа. В русских паремиях указывается, что жена без мужа сирота, за нее некому заступиться, ее жизнь становится невероятно тяжелой.

«С мужем – мужа; без мужа – и того хуже, а вдовой да сиротой – хоть волком вой» [\[16\]](#).

Особо порицается поведение людей, которые вдову обижают. Но в тоже время не одобряется и желание женщины выйти замуж еще раз, в то время, как мужчине нужно жениться повторно.

«Кто вдову избидит, того Бог ненавидит.

Одним куском не наешься (не наелся), [а так и] вторым задавишься (подавишься). Трудно получить удачу во втором замужестве

Возьми, вдовец, себе жену, а деткам (детям) мачеху»! [\[16\]](#).

В китайских паремиях также не приветствуется желание женщины выйти замуж второй раз, в то время как мужчине рекомендуется повторно жениться.

一女不吃两家茶 Женщина не должна пить чай из двух семей (то есть не должна выходить замуж повторно).

烈女不更二夫, 忠臣不事二君 Добродетельная и целомудренная женщина не выйдет замуж за второго мужчину, а верный министр не будет служить двум монархам.

老婆是墙上的泥坯, 去了一层又一层 Жена – это как грязь на стене, нужно снять еще один слой, если он разрушен, то его можно покрасить заново, если жена умерла, то можно жениться снова.

Русские и китайские пословицы констатируют разделение труда между мужьями и женами, что рассматривается как естественная жизненная дихотомия.

男勤耕, 女勤织, 足衣又足食 Мужчина усердно пашет землю, женщина усердно ткёт полотно, и будет достаточно одежды и пищи.

男不作媒, 女不保债 Мужчины плохо справляются с материнскими обязанностями и, как правило, не занимаются сватовством; женщины всегда робеют и боятся брать на себя ответственность и, как правило, не гарантируют долги.

«Муж молоти пшеницу, а жена пеки паленицы» [\[16\]](#).

Выводы

В целом, в русской паремиологии пословицы о мужьях и женах отражают традиционный патриархальный андроцентрический взгляд на мир.

Муж – глава семьи, он принимает решения, много работает, обеспечивает жену и детей; хороший муж делает жену счастливой, наставляет и любит ее (*у хорошего мужа и дура жена – умница*). И в тоже время паремии о муже зафиксировали отрицательные качества: глупость, леность, пьянство, жестокость по отношению к жене и детям (*жену бей, так и щи вкусней*). Жена бывает «доброй», тогда в семье мир и благополучие,

когда жена «злая», то в семье большие беды, мужу трудно с ней жить (*злая жена сведёт мужа с ума*).

Но самое главное, что русские паремии воспроизводят базовую систему ценностей и оценок русской лингвокультуры, в рамках которой закреплена ценность семьи, счастье которой в согласии жены и мужа, во взаимной любви и помощи (*красна жена складом, а семья ладом; муж и жена – одно дело, одно тело, один дух*).

В китайском паремиологическом фонде содержится большая группа пословиц, в которых также зафиксирован патриархальный андроцентрический взгляд на мироустройство, система традиционных ценностей паремий включает парадигму семейных морально-нравственных установок. Положительные и отрицательные оценки качеств мужа и жены связываются не только с мужскими или женскими обязанностями, но с требованиями социума, регулирующего семейную иерархию. Но, как и в русском паремиологическом фонде, самое главное – взаимопонимание, взаимоуважение, любовь и согласие между супругами. Заметим, что эти ценностные доминанты паремий соседствуют с отражением полной зависимости жены от мужа.

В русском и китайском паремиологическом фонде репрезентирован исторический опыт, представлена оценка жизненных явлений, отражены ценностные доминанты лингвокультуры. Ядром лингвокультурного духовного опыта китайского и русского народов, отраженного в системе пословиц, являются семейные ценности.

Библиография

1. Бочина Т.Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Казан. гос. ун-т. — Казань, 2003. — 50 с.
2. Мокиенко В.М. Русские пословицы в школе (опыт учебной лексикографии) // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 1-1 (61). — Т. 1. — С. 101-105.
3. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. — Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 2002. — 239 с.
4. Прохоров Ю. Е. Пословица // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. — М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. — 703 с.
5. Бочина Т.Г. Диалогичность русской паремии // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и тексте. Пословица и языковая картина мира / Под ред. О.В. Ломакиной. — М.: URSS, 2015. — С. 26-47.
6. Бредис М.А. Представления о денежных отношениях в пословицах: на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Бредис Михаил Алексеевич; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. — М., 2017. — 346 с.
7. Mieder W. Proverbs: A Handbook. — Westport, CT: Greenwood Press, 2004. — 304 p.
8. Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2020. — Т. 11. — № 2. — С. 265-284. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284.
9. Ма Гофань. Очерки по фразеологии. — 成语简论马国凡. — 辽宁出版社, 1959. — 51 с.
10. Готлиб О.Н., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь: около 3500 выражений / О. М. Готлиб, Му Хуаин; Иркутский гос. лингвистический ун-т, Северо-восточный пед. ун-т (г. Чанчунь, КНР), Гуманитарный ин-т. — 2 изд. стереотип. —

Иркутск: ИГУ, 2019. — 596 с.

11. Сунь Вэйчжан. Китайская фразеология. — 长春: 吉林教育出版社, 1989年 - 4;2;389页。
12. 现代汉语词典. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. — 北京: 商务印书馆, 1997. — 1958页.
(Словарь современного китайского языка (ССКЯ) / Исправленное издание / Отдел редактирования словаря НИИ Лингвистики Китайской академии социальных наук. — Пекин: Шаньуньшугуань, 1997. — 1958 с.
13. Паремология на перекрёстах языков и культур: монография / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина [и др.]. — М.: Российский ун-т дружбы народов, 2021. — 245 с.
14. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. — М.: Флинта: Наука, 2016. — 282 с.
15. Иванов Е.Е. Паремнологический минимум и основной паремнологический фонд // Паремология в дискурсе. — М.: Ленанд, 2015. — С. 48-66.
16. Мокиенко В.М. Большой словарь русских пословиц: около 70000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева; Междунар. ассоц. преподавателей русского яз. и лит., Российское о-во преподавателей русского яз. и лит., Санкт-Петербургский гос. ун-т, Межкафедральный словарный каб. им. проф. Б. А. Ларина. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. — 1023 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена лингвокультурологическим основам русских и китайских паремий о мужьях и женах. Актуальность работы не вызывает сомнения: менталитет, культура, история народа отражаются в его языке и особенно ярко представлены в паремнологических единицах, выполняющих функцию сохранения и наследования житейской мудрости и опыта через поколения. Они емко и образно передают традиционные ценности и взгляды отдельной национальной группы или народа, особенности взаимоотношений их носителей и, следовательно, вызывают научный интерес ученых. Значительное количество пословиц о семье и семейных отношениях в китайской и русской паремологии свидетельствует о важности института семьи в российском и китайском социуме.

Теоретической основой научной работы выступили труды по вопросам лингвокультурологии; теории фразеологии; различным аспектам паремологии таких российских и зарубежных ученых, как М. А. Бредис, Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Н. Ф. Алефиренко, В. М. Мокиенко, Т. Г. Бочина, Л. Б. Савенкова, Ма Гофань, Сунь Вэйчжан и др. Библиография статьи насчитывает 16 источников, в том числе лексикографические, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология проведенного исследования носит комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, обзор научной литературы, описательный и сравнительно-сопоставительный методы, компонентный, когнитивный и лингвокультурологический анализы («среди названных аспектов анализа пословиц как лингвистических единиц (дискурсивный, историко-этимологический, лингвокультурологический, переводоведческий, сравнительно-сопоставительный) важнейшими представляются лингвокультурологический и сравнительно-сопоставительный, так как они дают

основание для выявления сходства и различия национальных картин мира»).

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования уточнено понимание лингвистических терминов «пословица», «паремия», «паремиологический фонд»; проведен сравнительно-сопоставительный анализ пословиц о мужьях и женах в изучаемых языках; сделан вывод о том, что «в русском и китайском паремиологическом фонде репрезентирован исторический опыт, представлена оценка жизненных явлений, отражены ценностные доминанты лингвокультуры. Ядром лингвокультурного духовного опыта китайского и русского народов, отраженного в системе пословиц, являются семейные ценности».

Теоретическая значимость работы очевидна и заключается в сравнительно-сопоставительном и лингвокультурологическом анализе паремиологического корпуса русского и китайского языков, посвященного институту семьи, семейным отношениям и ценностям в диахронии и синхронии. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов как в исследованиях по теории языка, сравнительной лингвистике, семасиологии, лексикологии, лексикографии, так и в процессе преподавания вузовских курсов по фразеологии и лексикологии русского и китайского языков.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стил ь изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сун С., Чан Ю. Стекло́нное пресс-папье́ в системе символов «1984»: фальсификация истории, контроль сознания и утрата человечности // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.74003 EDN: UDENGI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74003

Стекло́нное пресс-папье́ в системе символов «1984»: фальсификация истории, контроль сознания и утрата человечности

Сун Сюеин

ORCID: 0000-0003-0131-3802

аспирант; Школа искусств; Пекинский университет

100871, Китай, Пекин, ул. Летнего Дворца, д. 5, Пекинский университет, Красный корпус 6

✉ ZSSL101@outlook.com

Чан Юйкай

ORCID: 0009-0007-1086-918X

кандидат филологических наук

постдокторант; факультет русского языка; Пекинский университет

100871, КНР, г. Пекин, район Хайдянь, ул. Ихэюаньлу, д. 5, Пекинский университет, корпус факультета иностранных языков

✉ chang.yukai2015@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.74003

EDN:

UDENGI

Дата направления статьи в редакцию:

04-04-2025

Дата публикации:

11-04-2025

Аннотация: Предметом исследования является символическая функция стеклянного

пресс-папье в романе Джорджа Оруэлла «1984» как ключевого элемента, раскрывающего механизмы тоталитарного контроля над историей, памятью и человечностью. Объектом анализа выступает многогранная роль данного артефакта в нарративе произведения: материальное воплощение утраченного прошлого, метафора сопротивления идеологии «Ангсоца» и символ хрупкости свободы. Автор подробно рассматривает связь пресс-папье с фальсификацией истории через «Министерство правды» и «дыры забвения», его роль в актуализации памяти Уинстона, а также контраст между эстетикой артефакта и технологической дегуманизацией («телеэкраны»). Особое внимание уделяется разрушению пресс-папье как аллегории подавления инакомыслия. Символика объекта коррелирует с другими элементами романа: хрупкость отражает судьбу Уинстона, а прозрачность — всепроникающий надзор. Применены методы структурно-семантического анализа текста (лексико-синтаксические паттерны), интерпретация символов в контексте философии тоталитаризма и сравнительный анализ с элементами «Океании» («новояз», «телеэкраны»). Новизна исследования заключается в системном анализе стеклянного пресс-папье как ранее не изученного символа, интегрирующего ключевые темы романа: фальсификацию истории, контроль сознания и утрату человечности. Основными выводами проведенного исследования являются: Пресс-папье выступает материальным носителем «запрещённой» памяти, чья хрупкость отражает уязвимость индивидуального сопротивления и неизбежность поглощения личности тоталитарной машиной. Например, его разрушение мыслеполицией («стекло разлетелось на осколки») напрямую коррелирует с психологическим сломом Уинстона. Уничтожение артефакта символизирует завершение процесса дегуманизации, где технологический контроль («телеэкраны») заменяет эстетику и эмоциональность прошлого, а фрагментарные воспоминания не способны сформировать альтернативный исторический нарратив. Контраст между артефактом и тоталитарными инструментами раскрывает диалектику силы и слабости в борьбе за историческую правду, подчёркивая тщетность индивидуального бунта в условиях всеобъемлющего надзора. Особым вкладом автора является демонстрация того, как Оруэлл через малый объект передаёт глобальные антиутопические идеи, сохраняющие актуальность в контексте современных вызовов цифрового авторитаризма, таких как массовая слежка через социальные сети или алгоритмическая манипуляция информацией. Результаты работы расширяют понимание символической архитектоники «1984» и её связи с философско-политическими дискурсами XX–XXI веков, предлагая новые перспективы для анализа современных форм тоталитаризма.

Ключевые слова:

Символика стеклянного пресс-папье, Тоталитарный контроль, Фальсификация истории, Дегуманизация, Память и забвение, Технологический авторитаризм, Надзор и слежка, Антиутопическая литература, Сопротивление инакомыслию, Идеология Ангсоца

Британский писатель Джордж Оруэлл (George Orwell), названный «холодной совестью поколения» за едкую сатиру и философскую глубину политических аллегорий, создал один из ключевых антиутопических текстов XX века — роман «1984». Это произведение раскрывает механизмы тоталитарного подавления, причем рефлексия о роли технологий в укреплении авторитаризма сохраняет особую актуальность для современности. В нарративе романа Орвелл использует систему символов для передачи тем сопротивления и надежды, среди которых центральное место занимает коралловый пресс-папье — на первый взгляд маргинальный объект, но несущий глубинные смыслы,

которые определяют актуальность данного исследования.

В последнее время анализ «1984» преимущественно фокусируется на макропроблематике: исследования языка как инструмента идеологии для формирования эмоциональной идентичности и государственных нарративов [1, с. 1-10]; анализ тоталитарного дискурса, систематически деформирующего концепт свободы через языковое насилие [2, с. 786-791]; интертекстуальные сопоставления с произведениями Ф. Кафки для выявления общих тем, сформированных военным контекстом [3, с. 237-241] и т.п. При этом лакуной остаётся анализ конкретных символических объектов. Настоящее исследование предлагает новаторский подход через призму «стеклянного пресс-папье» как ключевого образа, что определяет его научную новизну.

Основной целью данной работы является комплексный анализ символической функции стеклянного пресс-папье в романе Джорджа Оруэлла «1984» как ключевого элемента, раскрывающего механизмы тоталитарного контроля над историей, памятью и человечностью. В фокусе исследования — деконструкция многогранной роли этого артефакта в нарративе, который служит не только материальным воплощением утраченного прошлого, но и метафорой сопротивления индивидуума систематизированному насилию идеологии «Ангсоца».

В романе создаётся тоталитарное государство «Океания» (Oceania), где повсеместно действует «мыслеполиция» (Thought Police). Главный герой Уинстон (Winston), член Внешней партии «Ангсоца» (Ingsoc), работает в «Министерстве правды» (Minitrue), в Отделе записей. Его обязанность — «корректировать» документы, отправляя прежний «абсурд» в «дыры забвения» (Memory holes) для уничтожения, что по сути является фальсификацией истории, переписыванием фактов и созданием «псевдофактов», или, как резюмирует автор, «заменой одной бессмыслицы другой». Уинстон — один из немногих в «Океании», сохранивших независимость суждений. Через описание его попыток найти подтверждение реальности в личных воспоминаниях, а также через историю сопротивления Уинстона и его возлюбленной Джулии (Julia) режиму «Ангсоца», Оруэлл передаёт ужас тоталитарного общества. При этом образ стеклянного пресс-папье (Glass Paperweight) становится лучом света, противостоящим мраку и удушью системы. Его мягкая и тёплая текстура даёт утешение, символизируя запретную любовь героев и осколки сохранившейся человечности в «Океании». Статус «неуничтоженного артефакта прошлого» делает пресс-папье ответом на личные воспоминания Уинстона и духовной опорой, побуждающей его к противостоянию «Старшему Брату».

Роман «1984» раскрывает опасности тоталитаризма, предупреждая человечество об угрозе, причём Оруэлл особо акцентирует риск усиления авторитаризма через технологический прогресс в современном обществе. Наиболее ярким инструментом контроля в «Океании» становится тотальная слежка за членами «Ангсоца» и населением. Под властью партии жизнь людей подобна кораллам и пузырькам в «прозрачном, дождевидном» стеклянном пресс-папье [4, с. 99], лишённым укрытий от посторонних глаз. Технологии слежки в романе представлены в устрашающем изобилии: с первой страницы читатель сталкивается с вездесущими «телеэкранами» — в офисах, столовых для партчиновников, на площадях, улицах [4, с. 4]. Даже «последнее убежище» — комната мистера Чаррингтона — скрывает телеэкран за картиной, а в сцене суда представитель Внутренней партии с гордостью заявляет, что в «Золотой стране», где установка телеэкранов невозможна, действуют подслушивающие устройства «Ангсоца». Ничто не ускользает от взора «Старшего Брата»: жители «Океании», как кораллы в пресс-папье, лишены приватности, полностью обнажены перед властью.

Стеклянное пресс-папье, будучи «реликвией прошлой эпохи» [\[4, с. 99\]](#), представляет собой традиционный артефакт с эстетической функцией, образуя полярную противоположность продуктам технологической цивилизации — «телеэкранам» и «подслушивающим устройствам». Этот контраст воплощает не только экспансию современных промышленных технологий, вытесняющих традиционное художественное мастерство, но и доминирование утилитаризма и прагматизма модерна над бескорыстной эстетикой прошлого. Количественная диспропорция — вездесущие «телеэкраны» против единственного уцелевшего «артефакта» — создаёт резкую антитезу силы и слабости, зеркально отражая противостояние всемогущего «Ангсоца» с его армией мыслеполицейских и одинокого бунтаря Уинстона, бросающего вызов «Старшему Брату».

Хрупкая красота стеклянного пресс-папье и его окончательное разрушение становятся зеркальным отражением судьбы Уинстона, который, смело ища любовь и историческую правду под гнётом системы, в итоге был сломлен тоталитаризмом. Их объединяет не только идентичность статуса, но и общая беспомощность перед лицом режима. Статус «последнего уцелевшего артефакта», присвоенный пресс-папье Оруэллом, наделяет его функцией, аналогичной «дырам забвения» и «Министерству правды» — демонстрации фальсификации истории и конструирования нарративов для легитимации власти. Будучи малым материальным объектом, пресс-папье материализует абстрактную монументальность «Министерства правды», а его повседневная обыденность усиливает эмпатию читателя к символизируемым идеям, углубляя подсознательный ужас перед тоталитаризмом. Мягкость и прозрачность стекла метафорически отражают двойственность существования членов «Ангсоца»: физическое выживание и ментальное состояние, служащее двум инструментам укрепления власти. Разрушение артефакта и уничтожение его осколков мыслеполицией символизируют механизм устранения инакомыслия и подавления бунтарского потенциала в системе «Старшего Брата».

Стеклянное пресс-папье, «невзначай» упоминаемое Оруэллом, кажется незначительным элементом декора, но фактически связано с развитием сюжета и предвосхищает в третьей части романа судьбу Уинстона, неся в себе антитоталитарный посыл автора. Однако в существующих исследованиях этот объект почти не изучен.

Анализ «1984» традиционно начинается и завершается в рамках политико-литературной интерпретации. За 70 лет после публикации романа большинство критиков сосредотачивались на его политической составляющей — отражении взглядов автора, эпохи и современных социально-политических проблем. Многие исследователи рассматривали произведение в контексте предыдущих работ Оруэлла и жанра антиутопии, некоторые — через призму физического и психического состояния писателя во время создания текста. Однако акцент на символической риторике Оруэлла, его мастерстве вплетения и развития символов в нарратив, позволит полнее объяснить архитектуру романа, эволюцию психологии протагониста и политико-управленческие метафоры, актуальные для реального мира.

За шесть десятилетий исследования в основном развивались в русле политической науки, лингвистики, экзистенциализма и феминизма: Лингвистический подход: анализ языковой философии автора и стратегий власти через призму «новояза». Ключевые работы: Джон Уэсли Янг. «Тоталитарный язык: новояз Оруэлла и его нацистско-коммунистические предшественники» [\[5\]](#). Уильям Луц. «За пределами "1984": Стратегии двойного языка в пост-оруэлловскую эпоху» [\[6\]](#). Бахтияр Сабир Хама: критика манипуляций языком власти для подавления мышления. Политологический анализ: изучение механизмов тоталитаризма, разрушения человечности и сопротивления

системе. Данное направление остаётся наиболее разработанным.

В новом тысячелетии политические интерпретации романа вышли за рамки поверхностного идеологизма, сосредоточившись на глубинных проблемах тоталитаризма. Исследования всё чаще сочетают теории власти Ханны Арендт (Hannah Arendt, 1906–1975) и Мишеля Фуко (Michel Foucault, 1926–1984) с экзистенциальным анализом разрушения добродетелей, цивилизации и морали. Тони Джексон (Tony E. Jackson), синтезируя концепции «паноптикума» Фуко и психоаналитическую парадигму Жака Лакана (Jacques Lacan), исследует, как «Ангсоц» контролирует сознание через манипуляцию языком, превращая граждан в саморегулирующиеся сущности [7]. Сайед Раза (Syed Raza) и Абдул Аван (Abdul Awan) подчёркивают прозорливость Оруэлла в анализе социально-политических механизмов, акцентируя его предупреждения об опасности манипуляции человеческой природой [8, с. 21-37].

Культурно-критическая рефлексия о современных политических реалиях через призму романа остаётся ключевым направлением. Каноническими стали работы Ирвинга Хая (Irving Howe) «1984—Utopia Reversed» [9, с. 560-568], Марка Шопера (Mark Schorer) «An Indignant and Prophetic Novel» [10, с. 161], Джона Стрейчи (John Strachey) «The Strangled Cry» [11, с. 25-32] и Лайонела Триллинга (Lionel Trilling) «Orwell and the Future» [12, с. 81-83].

Психоаналитические интерпретации, как у Джеральда Фидерера (Gerald Fiderer) [13, с. 3-21], Фареса Али и Ананда Убале (Fares Mohammed S. Ali, Anand Ubale) [14], исследуют садомазохистские паттерны персонажей, связывая их с проблемами социального управления и коллективной психологии. Роберт Реш (Robert Resch) через критику ностальгирующего среднего класса «Океании» в лице Уинстона предлагает рефлексию о роли буржуазии в реальном мире [15].

Разрушение человеческой природы и нравственных устоев методами тоталитарного контроля по типу "Ангсоц"

Партия «Ангсоц» последовательно внедряла ряд новых этических норм с целью разрушения традиционных нравственных устоев, например, утверждая этическую концепцию «любви к Большому Брату» вместо «любви к родителям», и осуществляла непрерывный мониторинг соблюдения этих новых этических норм через различные каналы надзора. Подобно тому, как полиция мыслей разбивает стеклянное пресс-папье, «Ангсоц» путем уничтожения существовавших ранее ценностных норм и системы морально-этических установлений, формулирует новые правила игры, вынуждая людей жить в непривычном, отличном от прежнего обществе. Ощущение чуждости заставляет людей, живших в прежнюю эпоху, осторожно приспосабливаться к новым условиям, забывая о прошлом.

«Разрушение старого» не только лишает молодое поколение исторической памяти, но и одновременно отрицает человеческую природу и морально-этические нормы, сформировавшиеся в прежнем обществе. Создатели новых правил обладают абсолютным правом их толкования. Методы «Ангсоц» по разрушению старого и утверждению нового не только лишают «старых людей» чувства стабильности, но и в определенной степени обеспечивают устойчивость власти, концентрируя ее в одних руках.

Конкретные проявления этого процесса включают: деконструкцию семьи как наименьшей единицы социального объединения, разрушение кровных связей, искоренение эмпатии,

сострадания и эротического удовольствия как присущих животной природе инстинктов. Все чувства заменяются любовью к «Большому Брату» и ненавистью к «предателям родины».

«Стеклянное пресс-папье» и уничтоженный инстинкт человеческой эмпатии

Как исторический реликт «прошлой эпохи», стеклянное пресс-папье, с одной стороны, воплощает уничтоженные «Ангсоцем» артефакты и ценностные нормы прежнего мира, а с другой — символизирует сохранившиеся в «Океании» остатки неуничтоженной человечности и эстетического чувства. Под властью «Ангсоца» «партийность» и «человечность» становятся антагонистами, причём последняя лишена пространства для существования: члены партии, обладая физической силой, лишены эмоциональных колебаний и врождённых чувств. Лишь редкие «носители человечности» вроде Уинстона испытывают мгновенные порывы сострадания, что предопределяет их гибель — подобно разбитому пресс-папье.

Артефакт, «наполненный духом прошлого» (it seemed to possess of belonging to an age quite different from the present one), с его «мягкостью, подобной дождевой воде» (The soft, rain-watery glass) [4, с. 99], контрастирует с жёстким, жестоким обществом «Океании», где царит взаимная подозрительность. В начале романа Уинстон описывает кинопоказ: вертолёт сбрасывает бомбы на спасательную шлюпку с детьми, а мать, прикрывающая их своим телом, гибнет вместе с ними. Члены «Ангсоца» встречают сцену «аплодисментами», тогда как женщина из пролетарской зоны «внезапно закричала, что нельзя показывать такое при детях, пока её не выдворила полиция» [4, с. 10]. Орвелл прямо отождествляет тоталитаризм с отсутствием сострадания: лишённые самостоятельного мышления «ангсоцовцы» утрачивают милосердие, эмпатию и способность к сопереживанию, заменяя их холодной отстранённостью.

Как заявляет О'Брайен: «В нашем мире нет чувств, кроме страха, ярости, торжества и самоуничтожения. Всё остальное подлежит уничтожению» [4, с. 280]. Уинстон называет реакцию женщины «типично пролетарской» (typical prole reaction) [4, с. 11], подчёркивая авторскую симпатию к пролетариату — носителям сострадания, «мягкому свету во тьме», сохранившим остатки человечности [4, с. 274].

Примечательно, что Оруэлл не возлагает надежд на детей «Океании»: выращенные в идеологии ненависти, новое поколение жестоко, кровожадно, обожает казни и аплодирует кинематографическому насилию. Такое изображение отражает авторскую убеждённость: люди, выросшие под гнётом дегуманизирующего режима «Ангсоца», превзойдут в бесчувственности даже нынешних партийцев. Уничтожение естественной эмпатии — чисто политический инструмент, столь же противоестественный, как стирание исторических артефактов вроде пресс-папье. Коралл внутри артефакта — «розоватый, причудливой формы, напоминающий розу или актинию... прекрасный объект» (there was a strange, pink, convoluted object that recalled a rose or a sea anemone) [4, с. 95] — своей эстетической завершенностью противостоит утилитарному миру «телеэкранов», символизируя «человечность», антагонистичную «партийности».

Однако коралл, будучи мёртвым скелетом полипов, воплощает двойственность сохранившейся в «Океании» человечности: хрупкость, остатки чувств, обречённые на поглощение идеологией; пустота, партийцы, сохранившие физическую оболочку, но утратившие сущность человека — мыслящих и чувствующих существ.

«Ангсоц»: фальсификация исторического нарратива и идеологическая

дисциплина в тоталитарном режиме

После захвата власти в "Океании" партии "Ангсоц" требовалось срочно установить легитимность своего правления, что выразилось в реализации партийного лозунга: "Кто контролирует прошлое, контролирует будущее; кто контролирует настоящее, контролирует прошлое" ('Who controls the past,' ran the Party slogan, 'controls the future: who controls the present controls the past.')[4, с. 37]. Это достигалось путем строгого мониторинга для выявления всего связанного с "прошлой эпохой", беспощадного уничтожения исторических свидетельств и документов, лишения личных воспоминаний и устранения сравнительных ориентиров при переписывании истории. "Старший Брат", демонстрируя понимание "текстуальной природы истории", создал многоуровневую систему легитимации власти через учреждение "Министерства правды", уничтожение исторической правды, фальсификацию текстов, идеологическую дисциплинаризацию и физическое устранение носителей памяти. Стеклопакет как конкретный материальный объект служит одновременно подтверждением личных воспоминаний Уинстона и материальным воплощением абстрактного механизма "Министерства правды".

"Стеклопакет" и уничтоженные следы истории

Как реликт прошлой эпохи, стеклопакет своей "старинной" природой непосредственно связано с "историей" до основания Океании и объективными реалиями того периода. Таким образом, стеклопакет представляет собой часть исторической правды. Его уничтоженные и переплавленные собратья символизируют историческую правду, искаженную и стертую "Ангсоцем". После масштабной кампании по уничтожению старины, инициированной партией, материальных свидетельств исторической правды почти не осталось - "прошлое" сохранилось лишь в обрывочных воспоминаниях стариков. А память, как отмечал Пьер Нора, "в современную эпоху отделилась от истории"[16]. Функция истории перестала быть поиском истины или извлечением уроков, превратившись в инструмент легитимации власти.

Морис Хальбвакс также считал, что память - не просто индивидуальные фрагментарные свидетельства о прошлом, а социально конструируемый современностью инструмент реконструкции [17]. Для утверждения легитимности своего правления в Океании "Ангсоц" не только уничтожал исторические артефакты и правду, символизируемые стеклопакетом, но и создавал такие учреждения, как "Отдел записей". Посредством фальсифицированных школьных учебников истории [4, с. 5], "коррекции" прежних документов для их соответствия как фактам, так и "непогрешимости партии" [4, с. 76], партия переписала историю Океании. Это убедило народ, что до установления нынешнего режима люди жили в хаосе и насилии, создав образ "Ангсоца" как спасителя и связав партию с понятием "счастливой жизни". Такое восприятие, проникнув в массовое сознание, на подсознательном уровне отождествило свержение "Ангсоца" с возвратом к "темным временам". Одновременно с установлением легитимности, через манипуляцию памятью "Ангсоц" осуществлял психологический террор, укрепляя свою власть над Океанией.

Уинстон, как сотрудник Отдела записей "Океании", живший еще до установления власти "Ангсоца", благодаря этому двойному статусу не только прекрасно знал историческую правду, но и понимал, как "исправлялись" недавние события и правительственные указы. Это делало его более чувствительным к личным воспоминаниям, чем других. Случайно найденные старые газеты и другие забытые уничтожить документы, противоречащие текущей пропаганде [4, с. 82], периодически вызвали у него сомнения

в партийной информации.

Когда он ощутил бессилие от невозможности найти в окружающей действительности ни единого свидетельства недавних событий, не искаженного волей "Ангсоца", в нем зародилось - или укрепилось - желание искать предметы, которые могли бы подтвердить его детские воспоминания. Первым найденным им точным соответствием воспоминаниям стал стеклянный пресс-папье, который он сразу заметил в лавке мистера Чаррингтона.

Можно сказать, что пресс-папье, "дыры забвения" и "Министерство правды" (Minitrue) образуют три уровня, отражающие системность подхода "Ангсоца" к реконструкции исторического нарратива, демонстрируя читателю различные уровни фальсификации истории. Кроме того, пресс-папье как предмет повседневного обихода вызывает у читателя чувство узнавания, облегчая сопереживание всему, что оно символизирует, и усиливая подсознательный ужас перед тоталитаризмом.

"Стеклянное пресс-папье" и отчуждённая личная память

Уничтожение артефактов прошлого, исторических документов и возможностей сравнения представляло собой методы "Ангсоца" по манипуляции объективной реальностью. Параллельно партия лишала людей их памяти для легитимации своей власти. Память Уинстона служит у Оруэлла движущей силой сюжета, а стеклянное пресс-папье становится катализатором его пробуждающихся воспоминаний о "старых временах" - поиска материальных свидетельств, попыток восстановить историческую правду и надежды использовать "истину" для разрушения ложной исторической конструкции партии, и даже подрыва легитимности "Ангсоца"[\[4, с. 81\]](#).

В исследованиях "1984" традиционно акцентируется "телесное сопротивление" тоталитаризму [\[4, с. 157\]](#). Однако существует и другая форма сопротивления, пронизывающая весь роман - личная память Уинстона как инструмент противостояния дискурсу "Ангсоца". В большинстве случаев это сопротивление связано с физической близостью с Джулией. После того как Уинстон попался на удочку О'Брайена, каждое их свидание в комнате над магазином сопровождалось чтением "Теории и практики олигархического коллективизма" и присутствием стеклянного пресс-папье. Приманкой для Уинстона стало то, что содержание книги совпадало с его личными воспоминаниями - он находил в ней подтверждение своим изолированным воспоминаниям. Для него книга, как и пресс-папье, стала вещественным доказательством его памяти, временным убежищем от "всевидящего ока Старшего Брата" и ложного исторического нарратива "Ангсоца". Можно сказать, что с момента появления книга образует с пресс-папье единый символический комплекс, олицетворяющий попытку Уинстона использовать правду личной памяти для разрушения лживой истории, навязанной жителям Океании.

Сам статус пресс-папье как "последнего уцелевшего реликта" предвещает неизбежный провал сопротивления Уинстона - разрозненные воспоминания не могут сформировать целостный исторический нарратив. После основания "Океании" "Ангсоц" уничтожил большинство бывших революционных лидеров по обвинениям в контрреволюции или измене. Бежавший Гольдштейн и оставшиеся Джонс, Аронсон и Резерфорд [\[4, с. 81\]](#) позже стали объектами "Недели ненависти" - гениального хода партии для перенаправления народного недовольства экономическими, классовыми и другими проблемами. Как и стеклянное пресс-папье, эти трое были "реликтами древнего мира, последними образцами былой партийной славы". Их воспоминания могли подтвердить и поддержать память Уинстона, но вездесущая мыслеполиция и всеобщая слежка делали невозможным даже разговор в кафе "Каштан". Вскоре все трое "предателей" бесследно

исчезли. Старик в пабе, выкрикивавший "пинту", хранил в памяти о "прошлой эпохе" лишь "кучу бесполезного хлама" [4, с. 91-96]. Все документы были переписаны, новые системы мер разорвали возможность сравнений. Уинстон не мог найти в обществе никого, чья память резонировала бы с его собственной - ни единого человека, помнившего "прошлую эпоху", не говоря уже о возможности сформировать целостный исторический нарратив, способный опровергнуть пропаганду "Ангсоца".

Разрушение стеклянного пресс-папье предвещает конечную капитуляцию Уинстона перед тоталитарным режимом и его успешную "перековку", символизируя завершение работы "Ангсоца" по фальсификации истории. Арест, допросы и "преображение" Уинстона становятся актом уничтожения последних следов "реликтов старого мира". Как заявляет О'Брайен: "Ты - последний человек... Твой род прекратился. Мы - наследники" ('You are the last man,' said O'Brien.) [4, с. 283]. "Последний человек" был перевоспитан - через тотальный надзор, уничтожение и реконструкцию истории "Ангсоц" завершил идеологический контроль, укрепив легитимность тоталитарного правления. Отрицание дореволюционного прошлого стало необходимым шагом для нового порядка, где все "старое" должно было исчезнуть, включая саму память о нем.

Заключение

"Ангсоц" прилагал огромные усилия для укрепления своей власти путем устранения инакомыслящих - фактически весь роман вращается вокруг этой цели. Фальсификация истории для легитимации режима, уничтожение человечности и моральных устоев ради стабильности - всё это лишь средства для искоренения инакомыслия. Стеклянное пресс-папье как случайно уцелевший реликт "прошлой эпохи" представляет собой аномалию в историческом нарративе партии. Без него отдельные воспоминания не могли бы доказать существование альтернативной реальности - подобно "нелюдям", исчезнувшим в небытие, чьи заслуги и ошибки были стерты, а свидетели их существования запуганы до молчания. Если "прозрачность" пресс-папье символизирует всепроникающий надзор "Ангсоца", то его "хрупкость" олицетворяет уязвимость каждой личности перед тоталитарной машиной - готовность в любой момент лишиться идентичности, голоса и самой жизни.

Жители "Океании" не добровольно становились хрупкими как стекло - тоталитаризм "Ангсоца" был искусственно создан через: 1) изоляцию индивидов и разрушение социальных связей; 2) лишение индивидуальности. Всеобщая слежка и атмосфера страха, где каждый может оказаться мыслеполицейским, разрушили базовое доверие между людьми. Общество распалось на атомизированных индивидов - подобно кораллам, оторванным от рифа, они стали электронами в свободном состоянии, столь же беззащитными перед режимом, как и пресс-папье. Как отмечала Ханна Арендт: "Изолированный индивид может сохранить себя лишь в рамках всеобъемлющего порядка, иначе он рискует вновь исчезнуть в массе" [18, с. 9].

Под властью "Ангсоца" люди утратили право на свободное существование, став всего лишь "датчиками" в системе наблюдения - неотличимыми от "телеэкранов", фиксирующих признаки "мыслепреступления". Для партийной элиты рядовые члены и пролетарии - всего лишь расходный материал, отношения "вещи и хозяина". В антиутопии Оруэлла человек дегуманизируется до бесчувственного объекта.

Пресс-папье как "последний уцелевший артефакт" - досадный промах в кампании по уничтожению прошлого. Подтверждая воспоминания Уинстона, оно косвенно подтолкнуло его к сопротивлению. В этой миниатюре он бессознательно воплотил всё

прекрасное из прошлого и всё утраченное в настоящем. Хотя оно не доминирует в повествовании, его судьба символизирует участь всех персонажей: разрушение предвещает не только крах личности Уинстона и тщетность индивидуального бунта, но и неизбежность исчезновения правды, идентичности и человеческих чувств в тоталитарном обществе - что полностью реализуется в описанном в "Приложении" будущем.

Через этот образ Оруэлл раскрывает пять аспектов тоталитаризма: 1) уничтожение человечности; 2) разрушение морали; 3) фальсификация истории; 4) контроль сознания; 5) подавление индивидуальности. История пресс-папье показывает тщетность сопротивления отдельного человека, предупреждая об абсурдности и ужасе тоталитаризма. Пророчество Оруэлла, основанное на реалиях послевоенного мира с его технологическим прогрессом и милитаризацией науки, сохраняет актуальность и в демократическом XXI веке как предостережение против тоталитаризма в современных одеждах.

Библиография

1. Нурутдинова А.Р., Исмагилова Г.К., Туганова С.В., Вагнер К.Р., Гагарина В.Р., Дмитриева Е.В. Феномен языка и риторики в политике: лингвистическая манипуляция СМИ как инструмент массового убеждения (на примере русского и английского языков) // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. Т. 135, № 13. С. 1-10.
2. Слободнюк С.Л. К вопросу о возможности словаря архетипов кризисного сознания: "свобода", "право", "закон" // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. С. 786-791.
3. Литвяк О.В., Каменчук А.С. Репрезентация "кафкианской" и "оруэлловской" реальности в литературном движении модернизма XX века // Современное педагогическое образование. 2020. С. 237-241.
4. Orwell, George. *Nineteen Eighty-Four*. London: Penguin Books in association with Martin Secker & Warburg Ltd, 1989. P. 99. [= Оруэлл Дж. 1984. Лондон: Издательство "Пингвин"; Издательство Мартина Секкера и Варбурга, 1989. С. 99].
5. Young, J.W. *Totalitarian Language: Orwell's Newspeak and Its Nazi and Communist Antecedents*. Charlottesville: University Press of Virginia, 1991. [= Янг Дж.У. Тоталитарный язык: новояз Оруэлла и его нацистские и коммунистические предшественники. Шарлотсвилл: Издательство Вирджинского университета, 1991.].
6. Lutz, William (Ed.). *Beyond Nineteen Eighty-Four: Doublespeak in a Post-Orwellian Age*. National Council of Teachers of English, 1989. [= Луц В. (ред.). После 1984: Двусмысленность в посторуэлловскую эпоху. Национальный совет преподавателей английского языка, 1989.].
7. Jackson, Tony E. *Oceania's Totalitarian Technology: Writing in Nineteen Eighty-Four* // Criticism. 2017. Vol. 59, No. 3. Pp. 375-393. DOI: <https://doi.org/10.13110/criticism.59.3.0375>. [= Джексон Т.И. Тоталитарные технологии Океании: письмо в романе "1984" // Критика. 2017. Т. 59, № 3. С. 375-393.].
8. Awan, A. G., & Raza, S. A. The Effects of Totalitarianism and Marxism towards Dystopian Society in George Orwell's Selected Fictions // *Global Journal of Management and Social Sciences*. 2016. Vol. 2, No. 4. Pp. 21-37. [= Аван А.Г., Раза С.А. Влияние тоталитаризма и марксизма на дистопическое общество в избранных произведениях Джорджа Оруэлла // Глобальный журнал менеджмента и социальных наук. 2016. Т. 2, № 4. С. 21-37.].
9. Howe, Irving. *1984-Utopia Reversed* // *New International*. 1950. November-December. Pp. 560-568. [= Хоу И. 1984 - утопия наоборот // Нью Интернэшнл. 1950. № 11-12. С. 560-568.].
10. Schorer, Mark. *An Indignant and Prophetic Novel* // *New York Times Book Review*. 1949.

- 12 June. P. 1, 16. [= Шорэр М. Возмутительный и пророческий роман // Нью-Йорк Таймс Бук Ревью. 1949. 12 июня. С. 1, 16.].
11. Strachey, John. The Strangled Cry // The Strangled Cry. London: The Bodley Head, 1962. Pp. 25-32. [= Стрейчи Дж. Удушенный крик // Удушенный крик. Лондон: Бодли Хед, 1962. С. 25-32.].
12. Trilling, Lionel. Orwell and the Future // New Yorker. 1949. 18 June. Pp. 78, 81-83. [= Триллин Л. Оруэлл и будущее // Нью-Йоркер. 1949. 18 июня. С. 78, 81-83.].
13. Fiderer, Gerald. Masochism as Literary Strategy: Orwell's Psychological Novels // Literature and Psychology. 1970. Vol. 20. Pp. 3-21. [= Фидерер Дж. Мазохизм как литературная стратегия: психологические романы Оруэлла // Литература и психология. 1970. Т. 20. С. 3-21.].
14. Ali, Fares Mohammed S., and Anand Ubale. Research article George Orwell and the idea of sadism in nineteen eighty-four: A psychoanalytic perspective. 2024. [= Али Ф.М.С., Убалэ А. Джордж Оруэлл и идея садизма в романе "1984": психоаналитический подход. 2024.].
15. Resch, Robert Paul. Utopia, Dystopia, and the Middle Class in George Orwell's Nineteen Eighty-Four // Boundary 2. 1997. Vol. 24, No. 1. DOI: <https://doi.org/10.2307/303755>. [= Реш Р.П. Утопия, дистопия и средний класс в романе Джорджа Оруэлла "1984" // Boundary 2. 1997. Т. 24, № 1.].
16. Нора, Пьер. Места памяти / пер. Хуан Яньхун и др. Нанкин: Изд-во Нанкинского университета, 2015. [= Nora P. Les Lieux de mémoire / пер. с фр. Хуан Яньхун и др. Нанкин: Изд-во Нанкинского университета, 2015.].
17. Хальбвахс, Морис. Коллективная память / пер. Би Жань, Го Цзиньхуа. Шанхай: Шанхайское народное изд-во, 2002. [= Halbwachs M. La Mémoire collective. Би Жань, Го Цзиньхуа. Шанхай: Шанхайское народное изд-во, 2002.].
18. Арендт, Ханна. Истоки тоталитаризма / пер. Лин Сянхуа. Пекин: SDX Joint Publishing Company, 2008. С. 9. [= Arendt H. The Origins of Totalitarianism. Лин Сянхуа. Пекин: SDX Joint Publishing Company, 2008. С. 9.].

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье является символический объект «стеклянное пресс-папье» в романе «1984» британского писателя Джорджа Оруэлла. Актуальность работы аргументируется тем, что изучение данного романа-антиутопии «преимущественно фокусируется на макропроблематике: исследования языка как инструмента идеологии для формирования эмоциональной идентичности и государственных нарративов; анализ тоталитарного дискурса, систематически деформирующего концепт свободы через языковое насилие; интертекстуальные сопоставления с произведениями Ф. Кафки для выявления общих тем, сформированных военным контекстом и т.п. При этом лакуной остаётся анализ конкретных символических объектов».

Теоретической основой работы выступили труды таких отечественных и зарубежных исследователей, как О. В. Литвяк, А. С. Каменчук, С. Л. Слободнюк, А. Р. Нурутдинова, Дж.У. Янг, В. Луц, Т. И. Джексон, Пьер Нора, Морис Хальбвахс и др. Библиография насчитывает 18 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на

страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология исследования определена поставленной целью (провести «комплексный анализ символической функции стеклянного пресс-папье в романе Джорджа Оруэлла «1984» как ключевого элемента, раскрывающего механизмы тоталитарного контроля над историей, памятью и человечностью») и задачами и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и сравнительно-исторический методы, текстуально-герменевтический анализ произведения, литературоведческий и художественный анализ. В фокусе исследования — деконструкция многогранной роли «стеклянного пресс-папье» в нарративе, которое служит не только материальным воплощением утраченного прошлого, но и метафорой сопротивления индивидуума систематизированному насилию идеологии партии «Ангсоца».

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи, сформулированы обоснованные выводы о том, что «стеклянное пресс-папье ... фактически связано с развитием сюжета и предвосхищает в третьей части романа судьбу главного героя, неся в себе антитоталитарный посыл автора», «через этот образ Оруэлл раскрывает пять аспектов тоталитаризма», «если "прозрачность" пресс-папье символизирует всепроникающий надзор "Ангсоца", то его "хрупкость" олицетворяет уязвимость каждой личности перед тоталитарной машиной - готовность в любой момент лишиться идентичности, голоса и самой жизни» и др.

Проведенное исследование имеет теоретическую значимость, которая определяется его вкладом в изучение конкретных символических объектов романа «1984» и расширяет представление об идиостиле Джорджа Оруэлла. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории литературы; стилистике художественной речи; в спецкурсах, посвященных творчеству и идиостилю Джорджа Оруэлла и др.

Обращаем внимание автора(ов), что Джордж Оруэлл в тексте дважды называется Орвеллом: см «В нарративе романа Орвелл использует систему символов для передачи тем сопротивления и надежды...», «Орвелл прямо отождествляет тоталитаризм с отсутствием сострадания...».

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Бахматова А.Д. Стратегии создания и записи новых слов XXI века в китайском и японском языках // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.74033 EDN: RWVIWL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74033

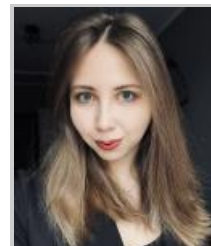
Стратегии создания и записи новых слов XXI века в китайском и японском языках

Бахматова Анна Дмитриевна

аспирант, институт стран Азии и Африки; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
китаист-лингвист, переводчик с китайского и английского языков

117152, Россия, г. Москва, Донской р-н, Севастопольский пр-кт, д. 3 к. 5, кв. 7

✉ annabakhmatova@yandex.ru

[Статья из рубрики "Язык"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.74033

EDN:

RWVIWL

Дата направления статьи в редакцию:

05-04-2025

Дата публикации:

12-04-2025

Аннотация: В XXI веке благодаря глобализации стали появляться новые объекты, понятия и явления, для наименования которых возникают новые слова (неологизмы). Языки, использующие иероглифику, имеют инструмент для записи неологизмов, который позволяет фиксировать новые слова не только через фонетические заимствования, но и посредством создания слов из значимых морфем-иероглифов, которые раскрывают суть обозначаемого понятия. В статье исследуются стратегии записи и способы образования новых слов XXI века в китайском и японском языках, а также их взаимосвязи. Осуществляется попытка выявить взаимовлияние японского и китайского словообразования друг на друга, принимая во внимание тот факт, что в неологизмах китайского и японского языков присутствуют слова с одинаковым иероглифическим составом. Для выявления механизмов формирования неологизмов и определения их

различий и точек пересечения была создана выборка из 70 наиболее частотных неологизмов английского языка, зафиксированных в Оксфордском словаре после 2000 г. Неологизмы разделены на семь тем, и каждому из них приведён японский и китайский аналог, а далее проведён их сравнительный анализ. Сравнительный анализ показывает, что японский язык в целом чаще использует фонетические заимствования, тогда как китайский язык склонен к калькированию и созданию новых сочетаний иероглифов. В научной лексике оба языка демонстрируют параллельное словообразование, когда оба языка независимо друг от друга образуют новые слова. Несмотря на некоторые иероглифические совпадения при параллельном корнесложении, японский и китайский язык формируют новые слова без влияния на иероглифическую лексику друг друга. Заимствования неологизмов из японского в китайский встречаются в некотором количестве в научной лексике (физика, химия, медицина), а заимствований из китайского в японский практически не существует за исключением некоторых редких феноменов массовой культуры. Глобализация в большей мере усиливает зависимость обоих языков от английского языка, чем друг от друга.

Ключевые слова:

неологизмы, иероглифика, кальки, полукальки, фонетические заимствования, словообразование, языковая глобализация, корнесложение, синология, японистика

В XXI веке, с ускорением научно-технического прогресса, в повседневной жизни стали все быстрее появляться новые объекты, понятия и явления, для наименования которых в подавляющем большинстве языков мира возникают новые слова. Языки, использующие иероглифику, имеют инструмент для записи неологизмов, который позволяет фиксировать новые слова не только через фонетические заимствования, но и посредством создания слов из значимых морфем-иероглифов, которые раскрывают суть обозначаемого понятия.

Проблематике словообразования в китайском и японском языках было посвящено значительное количество работ, освещающих этот вопрос для каждого из языков по отдельности, но компаративистских исследований немного. Например, в классических работах на тему графики китайских лингвистов Ван Фэнъян [\[1\]](#) и Ян Жунъю [\[2\]](#) представлено подробное описание механизмов создания лексики посредством иероглифики в современном китайском языке. Среди российских китаистов данной темой интересовалась А. А. Хаматова, посвятившая множество работ лексикологии в целом и новой китайской лексике в частности [\[3, 4\]](#).

На тему словообразования и письменности в Японии также существуют работы того же масштаба, например, труды Аракава Киёхидэ по японской лексикологии, иероглифике и компаративистике. В некоторых его работах затрагивается тема сравнения японского и китайского языков. К примеру, в своей работе «Значение иероглифов в современном японском языке. Сопоставительные исследования японского и китайского языков» [\[5\]](#) он анализирует процесс изменения и локальных интерпретаций китайских иероглифов, заимствованных в японский язык, и описывает изменения их изначальных значений. Эта тема интересовала многих лингвистов китайского происхождения, которые писали и публиковали статьи на японском языке, исследуя проблематику взаимного влияния китайского и японского языков. К таким авторам можно отнести Чэнь Ливэй [\[6\]](#) и Чэнь Шэнбао [\[7\]](#). Чэнь Ливэй в своих работах выделял разницу между прототипическим

порядком слов в китайском и японском языках и объяснял этим различие в структуре слов, а Чэнь Шэнбао сравнивал многие аспекты японской и китайской лексики, в которых заключаются основные её различия. В отечественной синологии и японоведении тема сравнения японской и китайской лексики была менее освещена, и среди работ, затрагивающих тему сравнения двух языков непосредственно, можно выделить статью Е. В. Маевского «Лексическая революция Мейдзи»^[8], где подробно описаны заимствования из японского в китайский язык новых экономических и социологических терминов.

Однако все эти работы в основном относятся к концу XX – началу XXI века. В последние годы наблюдается крайне мало работ, посвященных анализу и сравнению японской и китайской лексики, и тем более – взаимному влиянию языков на современном этапе. Поэтому данная статья, помимо всех перечисленных ниже целей, также нацелена на то, чтобы привлечь интерес к теме сравнения китайской и японской лексики, а также продемонстрировать взаимосвязи двух синтаксически и генеалогически разных языков на современном этапе посредством анализа новых слов, возникших в XXI веке.

Настоящая статья посвящена анализу стратегий записи и формирования новых слов в китайском и японском языках, появившихся в XXI веке, а также выявлению их взаимосвязей и взаимных влияний между двумя языками. Основная целью является выявление механизмов формирования и способов образования новой лексики в обоих языках и определение их различий и точек пересечений.

Основное отличие в системах письменностей двух языков заключается в том, что японский язык использует как иероглифическую, так и азбучную запись, тогда как китайский полностью полагается на иероглифику. Поэтому на современном этапе большинство новых терминов в японском языке фонетически заимствуется из английского и записывается азбукой *катаканой* ^[9], тогда как в китайском фонетические заимствования встречаются реже, а новые слова в основном заимствуются из иностранных языков через калькирование или создаются внутри китайского языка независимо от других языков ^[10]. Корнесложение продолжает оставаться в китайском языке основным способом создания новой лексики, а в японском – продуктивным способом ^[11]. Оба языка активно формируют новые слова, используя иероглифическую базу. Именно это порождает перекрёстное заимствование между китайским и японским, когда некий новый термин появляется сначала в одном языке, а затем адаптируется другим.

В рамках данной статьи мы проанализируем наименования новых явлений, возникших после 2000 г. и зафиксированных в английском языке в Оксфордском словаре английского языка (Oxford English Dictionary – далее OED) в таких областях, как социальные сети и Интернет, диджитализация и техника, социальные и экономические явления или движения, химия и медицина, физика и космология, биология, окружающая среда и экология, искусственный интеллект, виртуальная реальность и виртуальные расчёты. За основу нами были взяты слова именно на английском языке, так как именно он является языком глобализации, а OED наиболее точно фиксирует слова для новых явлений. Иногда в качестве сравниваемой единицы были взяты словосочетания, которые зафиксированы в OED в качестве отдельной словарной статьи, что означает, что в современном мире это словосочетание воспринимается как отдельное самостоятельное понятие.

В нашем исследовании были задействованы данные OED с официального сайта

(Оксфордский словарь английского языка: oed.com), фильтр на словарные статьи, опубликованные впервые 2000-2025 г. Автором были отобраны 70 наиболее популярных новых слов в обозначенных выше областях. Частотность слов проверялась по Корпусу современного американского английского языка (Corpus of Contemporary American English, COCA, english-corpora.org/coca). Для самых частотных 10 слов из каждой темы были подобраны китайские и японские аналоги, реальность и частотность употребления которых так же проверялась по национальным корпусам этих языков: Лингвистический корпус китайского языка Пекинского университета языка и культуры (bcc.bicu.edu.cn) – для китайского языка и Сбалансированный корпус современного японского письменного языка Государственного института японского языка и лингвистики (shonagon.ninjal.ac.jp) – для японского языка.

Также в процессе анализа новые китайские и японские слова были классифицированы по их способу образования. Нами были выделены следующие продуктивные способы словообразования для новой лексики китайского и японского языков:

1. **Фонетические заимствования** – это заимствования словарной единицы при сохранении её звуковой формы, фиксируемое знаками азбуки катаканы в японском языке [12], иероглифами – в китайском языке [13]. В данном случае иероглифы десемантизируются, и морфемы не несут смыслового значения. Например, в случае слова англ. bitcoin (рус. «биткойн») его китайский аналог 比特币 bǐtèbì, а в японском ビットコイン bittokoin. В обоих языках заимствуется в основном звучание, а не смыслы.

2.1. **Кальки (семантические заимствования)** – это заимствования словарной единицы посредством буквального перевода её частей на заимствующий язык за счёт его собственных морфем [14]. В случае китайского и японского языков калькирование производится через запись слова иероглификой, и значение слова становится выводимым из его составляющих [15]. Например, англ. artificial intelligence (рус. «искусственный интеллект») в китайском языке записывается, как 人工智能 réngōng zhìnéng (досл. 人工 réngōng «искусственный» и 智能 zhìnéng «интеллект»). В японском языке используется аналог 人工知能 jinkō chinō.

2.2. **Полукальки** – это заимствования словарной единицы частично посредством буквального перевода и частично фонетическим заимствованием [16]. Например, англ. nanomaterial (рус. «наноматериал») в китайском языке получило форму 纳米材料 nànmǐ cáiliào, где 纳米 nànmǐ – это фонетическое заимствование от. «nano-», а 材料 cáiliào дословный перевод части слова «-material». Похожий процесс происходит и в японском, только часть фонетического заимствования записана не иероглифически, а катаканой ナノ材料 nano zairyō, где ナノ nano – фонетическое заимствование от. «nano-», 材料 zairyō дословный перевод части слова «-material».

3. **Корнесложение** – это способ создания новых слов в китайском и японском языке, в рамках которого происходит создание нового слова из собственных морфем и без прямого перевода частей заимствуемой словарной единицы [17]. Например, английское слово binge-watch (рус. «беспрерывный просмотр контента») стоит из двух лексем: binge (рус. «разгул») и watch (рус. «просмотр»), но в китайском и японском эквивалентах эти значения не переводятся дословно, как было в случае с кальками, а напротив – создаются самостоятельные понятия для перевода всего слова binge-watch целиком. Ср. кит. 刷刷 shuājù (досл. «листать сериал») и яп. 一気見 ikkimi (досл. «просмотр на одном дыхании»).

Далее рассмотрим сравнительные таблицы по каждой из тем. В каждой из них справа указаны способы словообразования для каждого слова.

Таблица 1

№	Английский термин и его русский эквивалент	Год первого входа в OED	Китайский эквивалент	Японский эквивалент	Способ словообразования (кит. vs яп.)
Социальные сети, Интернет					
1.	Selfie / Селфи	2002	自拍 zìpāi досл. «сам» + «снимать»	自取り jidori досл. «сам» + «снимать»	полукалька vs полукалька
2.	Hashtag / Хэштэг	2007	主题标签 zhǔtí biāoqiān досл. «тема» + «этикетка»	ハッシュタグ hasshutagu от англ. «hashtag»	корнесложение vs фонетика
3.	Vlog / Влог	2002	视频博客 shìpín bókè досл. «видео» + «блог»	ビデオログ bideo rogu от англ. «videolog»	кит. морфема + фонетика vs фонетика
4	Podcast / Подкаст	2004	播客 bōkè от англ. «blog»	ポッドキャスト poddokyasuto от англ. «podcast»	фонетика vs фонетика
5	Phishing / Фишинг	2000	钓鱼式攻击 diàoyúshì gōngjī досл. «ловить рыбу» + «атака»	フィッシング fisshingu от англ. «phishing»	полукалька vs фонетика
6	Flash mob / Флэшмоб	2003	快闪党 kuàishǎn dǎng досл. «молния» + «группа»	フラッシュモブ furasshumobu от англ. «flash mob»	калька vs фонетика
7	Binge-watch / Просмотр запоем	2007	刷刷 shuājù досл. «листать» + «сериал»	一気見 ikkimi досл. «одно дыхание» + «просмотр»	корнесложение vs корнесложение
			表情符号		

8	Emoji / Эмодзи	2013	表情符号 biǎoqíng fúhào досл. «эмоция» + «знак»	絵文字 emoji досл. «картинка» + «знак»	корнесложение vs оригинал
9	Clickbait / Кликбейт	2016	标题党 biāotídǎng досл. «заголовок» + «группа»	クリックベイト kurikkubeito от англ. «clickbait»	корнесложение vs фонетика
10.	Streaming media / Потоковое мультимедиа	2024	串流媒体 chuànliú méitǐ досл. «поток» + «медиа»	ストリーミング sutorīmingu от англ. «streaming»	калька vs фонетика

Таблица 2

№	Английский термин и его русский аналог	Год первого входа в OED	Китайский аналог	Японский аналог	Способ словообразования (кит. vs яп.)
Диджитализация и техника					
11	Smartphone / Смартфон	2007	智能手机 zhìnéng shǒujī досл. «умный» + «телефон»	スマホ sumaho от англ. «smartphone»	калька vs фонетика
12	Smartwatch / Умные часы	2016	智能手表 zhìnéng shǒubiǎo досл. «умный» + «часы»	スマートウォッチ sumātowotchi от англ. «smartwatch»	калька vs фонетика
13	Blu-ray / Блю-рэй	2001	蓝光 lánguāng досл. «синий» + «свет»	ブルーレイ burūrei от англ. «blu- ray»	калька vs фонетика
14	Tablet / Планшет	2008	平板电脑 píngbǎn diànnǎo досл. «плоский» + «компьютер»	タブレット taburetto от англ. «tablet»	корнесложение vs фонетика
15	E-cigarettes / 	2015	电子烟 diànzǐyān досл.	電子たばこ denshi tabako досл.	калька vs полукалька +

	Электронные сигареты		«электронный» + «табак»	«электронный» + от англ. «tobacco»	фонетика
16	E-Reader / Электронная книга	2013	电子阅读器 diànzǐ yuèdúqì досл. «электронный» + «читать» + «аппарат»	電子ブックリーダー denshi bukkurīdā досл. «электронный» + от англ. «book-reader»	калька vs полукалька + фонетика
17	E-book / Электронная книга	2001	电子书 diànzǐshū досл. «электронный» + «книга»	電子書籍 denshi shoseki досл. «электронный» + «книга»	калька vs калька
18	Drone / Беспилотник	2016	无人机 wúrénjī досл. «не иметь» + «человек» + «машина»	無人機 mujinki досл. «не иметь» + «человек» + «машина»	корнесложение vs корнесложение
19	Bluetooth / Блютус	2013	蓝牙 lánáyá досл. «голубой» + «зуб»	ブルートゥース burūtūsu от англ. «Bluetooth»	калька vs фонетика
20	USB	2006	U盘 U-pán досл. U + «диск»	USBメモリ memori USB + от англ. «memory»	частично фонетика + кит. морфема vs фонетика

Таблица 3

№	Английский термин и его русский аналог	Год первого входа в ОЕД	Китайский аналог	Японский аналог	Способ словообразования (кит. vs яп.)
Социальные и экономические явления или движения					
21	Glamping / Глэмпинг	2016	奢华露营 shēhuá lùyíng досл. «роскошный» + «лагерь»	グランピング guranpingu от англ. «glamping»	корнесложение vs фонетика
22	Gaslighting / Газлайтинг	2004	煤气灯效应 méiqìdēng xiàoyìng досл. «газ» +	ガスライティング gasuraitingu от англ.	калька vs фонетика

			«свет» + «эффeкт»	«gaslighting»	
23	Mansplaining / Менсплейнинг	2018	男性说教 nánxìng shuōjiào досл. «мужчина» + «поучение»	マンスプレイニング mansupureiningu от англ. «mansplaining»	калька vs фонетика
24	Cyber-bullying / Кибер- буллинг	2009	网路霸凌 wǎnglù bàilíng досл. «Интернет» + от англ. «bullying»	ネットいじめ netto ijime досл. от англ. «internet» + яп. «издевательство»	полукалька + фонетика vs фонетика + полукалька
25	Crowdfunding / Краудфандинг	2007	众筹 zhòngchóu досл. «толпа» + «сбор»	クラウドファンディング kuraudofandingu от англ. «crowdfunding» 群衆資金 gunshū shikin досл. «толпа» + «средства»	калька vs фонетика (или корнесложение)
26	Millennials / Миллениалы	2002	千禧世代 qiānxǐ shìdài досл. «миллениум» + «поколение»	ミレニアルズ世代 mireniarusedai от англ. «millenials» + яп. «поколение»	корнесложение vs фонетика+яп. лексема
27	Post-truth / Пост-правда	2017	后真相 hòu zhēnxiàng досл. «после» + «правда»	ポスト真実 posuto shinjitsu досл. от англ. «post» + «правда»	калька vs фонетика + полукалька
28	E-commerce/ Электронная коммерция	2001	电子商务 diànzǐ shāngwù досл. «электронный» + «коммерция»	電子商取引 denshi shōtorihiki досл. «электронный» + «коммерческая сделка»	калька vs калька
29	Fake news/ Фальшивые	2019	假新闻 jiǎ xīnwén досл.	虚偽報道 kyogi hōdō досл.	калька vs калька

	новости		«ложный» + «новость»	«искусственный» + «репортаж»	
30	Sharing economy /Экономика совместного потребления	2022	共享经济 gòngxiǎng jīngjì досл. «общий» + «экономика»	共有経済 kyōyū keizai досл. «общий» + «экономика»	калька vs калька

Таблица 4

№	Английский термин и его русский аналог	Год первого входа в ОЕД	Китайский аналог	Японский аналог	Способ словообразова (кит. vs яп.)
Химия и медицина					
31	Click chemistry / Клик-химия	2023	点击化学 diǎnjī huàxué досл. «клик» + «химия»	クリックケミストリー kurikkukemisutorī от англ. «click chemistry»	калька vs фоне-
32	Photocatalysis / Фотокатализ	2006	光触媒 guāng chùméi досл. «свет» + «касание» + «вызывать»	光触媒 hikari shokubai досл. «свет» + «касание» + «вызывать»	корнесложение корнесложени
33	Metabolomics / Метабономика	2012	代谢物组学 dàixiè wù zǔxué досл. «смена» + «вещество» + «объединенное учение»	メタボローム解析 metaborōmukaiseki от англ. «metabolome» + «анализ»	корнесложение фонетика + я лексема
34	Microbiome / Микробиом	2013	微生物组 wēishēngwùzǔ досл. «микро» + «существо» + «объединение»	微生物叢 biseibutsusō досл. «микро» + «существо» + «сплетение»	калька vs каль
35	Telemedicine / Телемедицина	2002	远程医疗 yuǎnjù yīliáo досл. «далёкий» + «дистанция» + «лечение»	遠隔医療 enkaku iryō досл. «далёко отстоять» + «лечение»	калька vs каль
				バイオマーカー baiomākā от англ. «biomarker»	
	Biomarker /		生物标记 shēngwù biāoji		калька vs фоне-

36	Биомаркер	2004	досл. «биологический» + «показатель»	生体指標 seitai shihyō досл. «живой организм» + «индикатор»	(или калька)
37	Pharmacogenomics / Фармакогеномика	2005	药物基因组学 yàowù jīyīn zǔxué досл. «лекарства» + «ген» + «объединенное учение»	ゲノム薬理学 genomu yakurigaku от англ. «genom» + «фармакология»	корнесложение фонетика + полукалька
38	Covid / Коронавирус	2020	新型冠状病毒 xīnxíng guānzhuàng bìngdú досл. «новый вид» + «форма короны» + «вирус»	新型コロナウイルス shingata koronauirusu досл. «новый вид» + «форма короны» + «вирус»	корнесложение яп. лексема фонетика
39	Optogenetics / Оптогенетика	2017	光遗传学 guāng yíchuán xué досл. «свет» + «передача» + «учение»	光遺伝学 hikari idengaku досл. «свет» + «передача» + «учение»	корнесложение корнесложение
40	Liquid biopsy / Жидкостная биопсия	2023	液体活检 yètǐ huójiǎn досл. «жидкость» + «жизнь» + «проверка»	液体生検 ekitai seiken досл. «жидкость» + «живой» + «проверка»	корнесложение корнесложение

Таблица 5

№	Английский термин и его русский аналог	Год первого входа в ОЕД	Китайский аналог	Японский аналог	Способ словообразова (кит. vs яп.)
Физика и космология					
41	Quantum supremacy / Квантовое превосходство	2019	量子霸权 liàngzǐ bàquán досл. «квант» + «доминирование»	量子超越性 ryōshi chōetsusei досл. «квант» + «трансцендентность»	калька vs кальк
			等离子激发	プラズマエクス	

42	Plasmonics / Плазмоника	2023	等离子体 děnglízǐ jīyuán досл. «плазма» + «активный элемент»	プラズモニクス purazumonikusu от. англ. «plasmonics»	корнесложение фонетика
43	Magnetar / Магнитар	2000	磁星 cíxīng досл. «магнит» + «звезда»	マグネター magunetā от. англ. «magnetar»	корнесложение фонетика
44	Spintronics / Спринтоника	2002	自旋电子学 zìxuán diànzǐxué досл. «сам» + «поворот» + «электронный» + «учение»	スピントロニクス supintononikusu от. англ. «spintronics»	корнесложение фонетика
45	GMR / ГМС	2018	巨磁阻效应 jùcízǔ xiàoyìng досл. «огромный» + «магнит» + «предотвращать» + «эффект»	巨大磁気抵抗効果 kyodai jiki teikō kōka досл. «огромный» + «магнит» + «противостояние» + «эффект»	корнесложение корнесложение
46	Higgs boson / Бозон Хиггса	2013	希格斯玻色子 xīgésī bōsèzǐ от. англ. Higgs boson + «частица»	ヒッグス粒子 higgusu ryūshi от. англ. «Higgs» + «частица»	фонетика + кил лексема vs фонетика + яп лексема
47	Dark energy / Тёмная энергия	2004	暗能量 àn néngliàng досл. «тёмный» + «энергия»	暗黒エネルギー ankoku enerugi досл. «тёмный» + от англ. «energy»	калька vs полукалька + фонетика
48	Exoplanet / Экзопланета	2017	太阳系外行星 tàiyángxì wài xíngxīng досл. «солнечная система» + «внешняя звезда»	太阳系外惑星 taiyōkei gai wakusei досл. «солнечная система» + «внешняя звезда»	корнесложение корнесложение
49	Metamaterial / Метаматериал	2012	超材料 chāocáiliào досл. «превосходить» + «материалы»	メタ原子 meta genshi от англ. «meta» + «атом»	калька vs фонети + яп. лексема
			量子点	量子ドット	

50	Quantum dot / Квантовая точка	2007	liàngzǐ diǎn досл. «квант» + «точка»	ryōshi dotto досл. «квант» + от англ. «dot»	калька vs полукалька + фонетика

Таблица 6

№	Английский термин и его русский аналог	Год первого входа в OED	Китайский аналог	Японский аналог	Способ словообразования (кит. vs яп.)
Биология, окружающая среда, экология					
51	Carbon neutrality/ Углеродная нейтральность	2007	碳中和 tàn zhōnghé досл. «углерод» + «нейтральность»	炭素中立 tanso chūritsu досл. «углерод» + «нейтралитет»	калька vs калька
52	Carbon footprint/ Углеродный след	2007	碳足跡 tàn zújī досл. «углерод» + «след»	カーボンフットプリント kābon futtopurinto от англ. «carbon footprint»	калька vs фонетика
53	Neuroplasticity/ Нейропластичность	2016	神经可塑性 shénjīng kěsùxìng досл. «нервы» + «пластичный» + «свойство»	神経可塑性 shinkei kasei досл. «нервы» + «пластичный» + «свойство»	калька vs калька
54	Biodegradation / Биодеградация	2010	生物降解 shēngwù jiàngjiě досл. «живой организм» + «разложение»	生分解 seibunkai досл. «жизнь» + «разделение»	калька vs калька
55	Genetic engineering/ Генная инженерия	2012	基因工程 jīyīn gōngchéng досл. «ген» + «инженерия»	遺伝子工学 idenshi kōgaku досл. «ген» + «инженерия»	калька vs калька
56	Graphene /	2010	石墨烯 shímòxī досл. «графит» +	グラフェン gurafen	корнесложение vs

	Графен		«алкен»	от англ. «graphene»	фонетика
57	Nanomaterial / Наноматериал	2007	纳米材料 nànmǐ cáiliào от англ. «nano» + «материал»	ナノ材料 nano zairyō от англ. «nano» + «материал»	фонетика + полукалька vs фонетика + полукалька
58	Ozone layer / Озоновый слой	2005	臭氧层 chòuyǎng céng досл. «озон» + «слой»	オゾン層 ozon sō от англ. «ozone» + «слой»	калька vs фонетика + полукалька
59	Synthetic biology / Синтетическая биология	2022	合成生物学 héchéng shēngwùxué досл. «слияние» + «биология»	合成生物学 gōsei seibutsugaku досл. «слияние» + «биология»	калька vs калька
60	Gene Drive / Генный драйв	2021	基因驱动 jīyīn qūdòng досл. «ген» + «стимулирование»	遺伝子ドライブ idenshi doraibu досл. «ген» + от англ. «drive»	калька vs полукалька + фонетика

Таблица 7

№	Английский термин и его русский аналог	Год первого входа в OED	Китайский аналог	Японский аналог	Способ словообразовани (кит. vs яп.)
Искусственный интеллект, виртуальная реальность, виртуальные расчёты					
61	Blockchain / Блокчейн	2013	区块链 qūkuàiliàn досл. «блок» + «цепь»	ブロックチェーン burokkuchein от англ. «blockchain»	калька vs фонетик
62	Virtual reality / Виртуальная реальность	2013	虚拟实境 xūnǐ shíjìng досл. «виртуальный» + «действительность»	仮想現実 kasō genjitsu досл. «воображаемый» + «реальность»	калька vs калька
63	Neural network / Нейросеть	2003	神经网络 shénjīng wǎngluò досл. «нерв» +	神経網 shinkeimō досл. «нерв» +	калька vs калька

			«сеть»	«сеть»	
64	Machine learning / Машинное обучение	2000	机器学习 jīqì xuéxí досл. «аппарат» + «обучение»	機械学習 kikai gakushū досл. «механизм» + «обучение»	калька vs калька
65	Artificial intelligence / Искусственный интеллект	2023	人工智能 réngōng zhìnéng досл. «искусственный» + «интеллект»	人工知能 jinkō chinō досл. «искусственный» + «интеллект»	калька vs калька
66	Cryptocurrency / Криптовалюта	2019	加密货币 jiā mì huòbì досл. «засекреченный» + «валюта»	暗号通貨 angō tsūka досл. «шифр» + «валюта»	калька vs калька
67	Bitcoin / Биткоин	2014	比特币 bǐtèbì от англ. «bit» + «валюта»	ビットコイン bittokoin от англ. «bitcoin»	фонетика + полукалька vs фонетика
68	Paywall / Пэйволл	2012	付费墙 fùfèi qiáng досл. «платный» + «стена»	ペイウォール peivōru от англ. «paywall»	калька vs фонетика
69	Deep learning / Глубокое обучение	2020	深度学习 shēndù xuéxí досл. «глубокое» + «обучение»	深層学習 shinsō gakushū досл. «глубоко уровневое» + «обучение»	калька vs калька
70	Metaverse / Метавселенная	2008	元宇宙 yuán yǔzhòu досл. «изначальная» + «вселенная»	メタバース metabāsu от англ. «metaverse»	калька vs калька (или фонетика)

Проведенный сравнительный анализ показал, что в зависимости от темы способы образования новых слов отличаются. В процентном соотношении это можно представить следующим образом:

Социальные сети, Интернет:

- китайский: кальки (45%), корнесложение (40%);
- японский: фонетические заимствования (70%), корнесложение 20%

Диджитализация и техника:

- китайский: кальки (70%) и корнесложение (20%);
- японский: фонетические заимствования (70%).

Социальные и экономические явления или движения:

- китайский: кальки (70%), корнесложение (25%);
- японский: фонетические заимствования (60%), кальки 35%.

Химия и медицина:

- китайский: корнесложение (60%), кальки (40%);
- японский: фонетические заимствования (40%), кальки (40%).

Физика и космология:

- китайский: корнесложение (50%), кальки (40%);
- японский: фонетические заимствования (55%), кальки (20%).

Биология, экология

- китайский: кальки (85%), корнесложение (10%);
- японский: кальки (50%), фонетические заимствования (30%).

Искусственный интеллект, виртуальная реальность, виртуальные расчёты

- китайский: кальки (90%);
- японский: кальки (60%), фонетические заимствования (40%).

Основываясь на полученных данных, можно сделать следующие выводы:

(1) В японском языке иероглифическая запись предпочтительна для сложных понятий, а фонетическая запись через азбуку – для более простых понятий. Чем ближе тема к массовому потребителю (соцсети, бытовая техника, социальные явления), тем чаще используется катакана для записи фонетических заимствований, и соответственно, чем сложнее и уже термин (научные, технические, абстрактные понятия), тем выше вероятность использования иероглифической записи через кальки или корнесложение.

В китайском же языке во всех темах доминируют кальки и корнесложения, посредством которых значения понятий раскладываются на составляющие и тем самым становятся более понятными носителю [\[18\]](#). Фонетическая иероглифическая запись редка, но используется в некоторых случаях, где в названии, например, фигурирует имя собственное (ср. Higgs boson / Бозон Хиггса 希格斯玻色子 xīgésī bōsèzǐ) или наименование нового феномена представляет один вид из множества подобных ему (ср. 比特币 bǐtèbì «биткоин» имеет фонетическое заимствование, но общая категория, которой он принадлежит, записывается через кальку 加密货币 jiāmì huòbì «криптовалюта»).

При этом в обоих языках сохраняется следующая тенденция: чем сложнее понятие, тем проще его раскрывать с помощью корнесложения и тем понятнее станет термин для носителя. Например, физический термин ГМС (гигантское магнетосопротивление) не

заимствуется через свою английскую аббревиатуру GMR, а передаётся иероглифически через корнесложение: кит. 巨磁阻效应 jùcízǔ xiàoyìng / яп. 巨大磁気抵抗効果 kyodai jiki teikō kōka. Это делает термин хотя и не таким лаконичным, но вполне прозрачным, так как общее значение выводится из частей слов.

(2) Иероглифы и в японском, и в китайском языке применяются для записи фонетически «неудобных» слов, а именно тех слов, которые плохо ложатся на фонетику языка. В китайском языке практически все слова относятся к подобной категории и плохо перенимаются ещё и в силу своей неблагозвучности при переложении на китайский язык.

Японский же гораздо легче перенимает и адаптирует на свой лад иностранные слова, но всё же бывают случаи, когда английский термин плохо ложится на японскую фонетику (длинный, содержит непривычные звуки), в этом случае он чаще всего калькируется, а значит записывается иероглифами. Например, существует японский иероглифический термин 機械学習 kikai gakushū «машинное обучение» (досл. аппарат + обучение), созданный посредством калькирования, но также существует его редкая вариация マシンラーニング – фонетическое заимствование от англ. machine learning. Однако из-за того, что 機械学習 kikai gakushū лучше раскрывает суть этого понятия, マシンラーニング употребляется меньше.

(3) В японском языке возникает проблема конкуренции катаканы и иероглифов (фонетических заимствований и иероглифических слов). В современном японском языке иностранные термины чаще фонетически заимствуются и записываются азбукой катакана, но, если термин остается непонятным для носителей, параллельно возникает иероглифический аналог. Например, «краудфандинг» имеет как фонетическое заимствование クラウドファンディング kuraudo fandingu, так и калькированный термин 群衆資金 (досл. «массы людей» + «средства») или, к примеру, «биомаркер» имеет фонетическую запись バイオマーカー baiomākā и калькированный термин 生体指標 seitai shihyō. В приведённых двух случаях термины используются с одинаковой частотностью, в отличие от примера в п. (2).

Это объясняется тем, что катакана в японском языке и фонетическая иероглифическая запись в китайском удобны для быстрого заимствования, но страдают точностью передаваемого смысла, а иероглифы обеспечивают семантическую прозрачность, но при этом термины гораздо сложнее в создании. И поэтому японский язык прибегает к калькированию и иероглифической записи новых терминов, только если фонетическое заимствование из иностранного языка имеет какие-то недостатки, например, не слишком прозрачен смысл, сложно произносимое сочетание звуков и т.д.

(4) В научной и экологической лексике оба языка демонстрируют параллельное корнесложение или калькирование, когда оба языка независимо друг от друга образуют новые слова: «углеродная нейтральность» передаётся как 炭素中立 tansochūritsu в японском и 碳中和 tàn zhōnghé в китайском (в обоих случаях досл. «углерод» + «нейтральность», но выражено разными иероглифами).

Процесс заимствования иероглифической лексики иногда работает в обе стороны, и в большей степени в технологической сфере и массовой культуре. Например, японское 無人機 mujinki, «беспилотный летательный аппарат (дрон)» было воспринято китайским языком и адаптировано как 无人机 wúrénjī, хотя ранее в китайском языке использовались конструкции типа 无人驾驶飞行器 wúrén jiàoshǐ fēixíngqì «беспилотное летающее устройство». В обратном направлении в японский язык был заимствован китайский

термин 爆买 bàomǎi «покупки в большом количестве», который в японском языке получил аналогичную форму 爆買い bakugai.

Важным фактором является и государственная языковая политика относительно новых заимствований из иностранных языков [\[19\]](#). Основная экстралингвистическая причина преобладания корнесложений и иероглифических калькированных слов, использующихся для обозначения новых понятий в китайском языке заключается в том, что для сохранения чистоты китайского языка и предотвращения засилия англицизмов, на государственном уровне был принят Закон о государственном стандартном языке КНР《中华人民共和国国家通用语言文字法》от 2001 г. Согласно его положениям, иностранные термины сначала должны переводиться по смыслу, а не записываться фонетически. Также существуют директивы Канцелярии по делам языка и письменности КНР (国家语言文字工作委员会语言文字规范(标准)管理办法 «Порядок управления языковыми нормами (стандартами) Госкомитета по языку и письменности»), изданные в 2010 году, которые гласят, что при введении иностранных терминов следует отдавать предпочтение переводу, а не транскрипции, чтобы сохранить чистоту китайского языка. Всё это, безусловно, сказывается на способах образования новых слов в китайском языке и ограничивает фонетические заимствования. В Японии же не наблюдается подобного ограничения на фонетические заимствования со стороны государственных органов языкового планирования, поэтому сейчас катакана повсеместно применяется даже, например, в переводах названий иностранных фильмов, где это не требуется и не обусловлено причинами, перечисленными нами выше [\[20\]](#).

В целом японский язык демонстрирует тенденцию к фонетическим заимствованиям и сокращениям, а китайский активнее использует калькирование и создание новых словосочетаний. При этом в ряде случаев словообразование в двух языках идёт параллельно: появляются термины с одинаковым значением, но разной формой. Перекрёстные заимствования между китайским и японским также происходят, но они редки и ограничены. Особенно это заметно в случае заимствований из китайского в японский язык. Новейшие термины иногда могут заимствоваться из китайского из-за роста влияния Китая в технологической сфере, однако в целом большинство терминов, связанных с наукой и технологиями, наоборот, заимствуются из японского в китайский: «искусственный интеллект» кит. 人工智能 réngōng zhìnéng от яп. 人工知能 jinkō chinō, «беспилотник» кит. 无人机 wúrénjī от яп. 無人機 mujinki, «синтетическая биология» кит. 合成生物学 héchéng shēngwùxué от яп. 合成生物学 gōsei seibutsugaku и «нейропластичность» кит. 神经可塑性 shénjīng kěsùxìng от яп. 神経可塑性 shinkei kasei. Это связано с исторической ролью Японии в адаптации западных концепций через иероглифы. Ещё в эпоху Мэйдзи (1868-1912) китайский язык заимствовал огромный пласт научной лексики из японского языка [\[6\]](#), хотя сейчас влияние японского научного сообщества, очевидно, играет меньшую роль для Китая, поэтому и лексические инновации Японии заимствуются в китайский в очень ограниченном количестве. Важно отметить, что глобализация науки скорее усиливает зависимость обоих языков от английского, чем друг от друга.

Библиография

1. Ван Фэнъян. Иероглифика. Чанчунь: Цзилинь вэньши чубаньшэ, 1989. 986 с.
2. Ян Жуньлу. Общие рассуждения о современной иероглифике. Пекин: Чанчэн чубаньшэ, 2000. 285 с.
3. Хаматова А. А. Тенденции развития лексики китайского языка в начале XXI века // Вестник Иркутского гос. линв. ун-та. 2012. № 4 (21). С. 9-13.
4. Хаматова А. А. Словообразование современного китайского языка. М.: ВКН, 2022. 232

с.

5. Аракава Киёхидэ. Значение иероглифов в современном японском языке // Сопоставительные исследования японского и китайского языков. 1986. № 11. С. 71-84.
6. Чэнь Ливэй. Васэй-канго и китайский язык // Ежегодник Центра сравнительного японоведения Университета Отяномидзу. 2012. № 8. С. 217-222.
7. Чэнь Шэнбао. Китайские заимствования в японском языке. Киото: Институт японоведения, 1997. 91-й форум Института японоведения. С. 1-33.
8. Маевский Е. В. Лексическая "революция Мэйдзи" // Актуальные вопросы японского и общего языкознания: Памяти И. Ф. Вардуля / Отв. ред. В. М. Алпатов, М. Шалапина. М.: Вост. лит., 2005. С. 245-255.
9. Стрижак У. П. Основы теории и практики японской иероглифики. М.: Моногатари, 2012. 143 с.
10. Семенас А. Л. Лексика китайского языка. М.: Восток-Запад, 2005. 280 с.
11. Горелов В. И. Лексикология китайского языка. М.: Просвещение, 1984. 216 с. EDN: WAVIYJ.
12. Цутому Акамацу. Хаос в японской лексике // Лингвистика. 2020. № 56 (2). С. 3-18.
13. Шафеева В. Е., Гурулева Т. Л. Англоязычные заимствования в современном китайском языке // Научное обозрение. Реферативный журнал. 2018. № 2. С. 44-49.
14. Перфильева Н. В., Ху Пэйпэй. Способы ассимиляции английских заимствований в китайский язык // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 2. С. 287-301. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-287-301. EDN: XREMYH.
15. Сушкова И. М., Сунь Найсуй. Иноязычная лексика в современном китайском языке // Вестник науки Сибири. 2014. № 1 (11). С. 188-192. EDN: SCJNVB.
16. Чжан Кэ. Понимание термина "заимствованное слово" в русской и китайской лингвистике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 3. С. 724-734. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-724-734. EDN: ZIONGX.
17. Пашковский А. А. Слово в японском языке // Под общ. ред. и с предисл. И. Ф. Вардуля. Изд. 2-е, испр. М.: КомКнига, 2006. 306 с. EDN: HPMNVD.
18. Краевская И. О., Михайлова И. В. Особенности перевода специальной лексики сферы "Компьютерные технологии" с английского на китайский язык // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 10 (46). С. 1-6. doi: https://doi.org/10.18454/RULB.2023.46.19. EDN: FRYJKE.
19. Литовкина А. М. Векторы государственной языковой политики России и Китая в отношении национального языка и диалектов (сопоставительный аспект) // Русско-китайские исследования. 2022. Т. 6, № 4. С. 295-302.
20. Сиота Юдай. В поддержку увеличения иностранных слов в 6 раз. Исследования вариативности в японском языке // NHK. 2022. № 1, декабрь. С. 22-39.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье "Стратегии создания и записи новых слов XXI века в китайском и японском языках" автором рассматриваются графические проблемы отражения словообразовательных процессов в современных языках Юго-Восточной Азии. Исследование обладает структурой научной статьи и состоит из введения, основной части, заключения и библиографии.

Во введении автор представляет теоретическую базу исследования в области китайского и японского словообразования и компаративистики.

Научная новизна статьи заключается в отражении взаимовлияния китайского и японского языков в сфере образования новых слов и их графического отображения.

В качестве основного метода автор использует такие методы компаративной лингвистики и лексикологии.

В основной части описываются особенности китайских и японских продуктивных способов образования новых слов. Автор выделяет фонетические заимствования, кальки, полукальки и корнесложение.

В качестве материала использованы лексемы из разных областей науки и техники, а также интернет-сленг. Автор приводит в пример 7 таблиц, отражающих сравнение китайских и японских лексем, сопоставляя их по способам словообразования.

В результате сопоставительного анализа автор приходит к ряду выводов:

Во-первых, в японском языке иероглифическая запись предпочтительна для сложных понятий, а фонетическая запись через азбуку – для более простых понятий. В то же время в китайском во всех темах доминируют кальки и корнесложения. При этом в обоих языках сохраняется следующая тенденция: чем сложнее понятие, тем проще его раскрывать с помощью корнесложения и тем понятнее станет термин для носителя.

Во-вторых, иероглифы и в японском, и в китайском языке применяются для записи фонетически «неудобных» слов.

В-третьих, в японском языке возникает проблема конкуренции катаканы и иероглифов (фонетических заимствований и иероглифических слов). В современном японском языке иностранные термины чаще фонетически заимствуются и записываются азбукой катакана, но, если термин остается непонятным для носителей, параллельно возникает иероглифический аналог.

В-четвертых, в научной и экологической лексике оба языка демонстрируют параллельное корнесложение или калькирование, когда оба языка независимо друг от друга образуют новые слова.

В заключении автор делает важный и нетривиальный вывод о характере и направлении китайско-японских заимствований, а также о характере словообразования: «в целом японский язык демонстрирует тенденцию к фонетическим заимствованиям и сокращениям, а китайский активнее использует калькирование и создание новых словосочетаний. При этом в ряде случаев словообразование в двух языках идёт параллельно: появляются термины с одинаковым значением, но разной формой. Перекрёстные заимствования между китайским и японским также происходят, но они редки и ограничены. Особенно это заметно в случае заимствований из китайского в японский язык. Новейшие термины иногда могут заимствоваться из китайского из-за роста влияния Китая в технологической сфере, однако в целом большинство терминов, связанных с наукой и технологиями, наоборот, заимствуются из японского в китайский». Стиль статьи соответствует уровню научной статьи и не содержит существенных недочетов.

Библиография содержит необходимое количество отечественных и зарубежных источников.

Однако, в работе существуют небольшие недостатки.

Так, нечетко обозначены цели и задачи исследования.

Однако, это не влияет на общее положительное впечатление от статьи.

Таким образом, статья «Стратегии создания и записи новых слов XXI века в китайском и японском языках» является исследованием, открывающим новые перспективы в области японской и китайской лексикологии, и она может быть рекомендована к публикации в

журнале Litera.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают стратегии создания и записи новых слов в китайском и японском языках. Актуальность работы обусловлена, во-первых, интенсификацией появления новой лексики в языках («в XXI веке, с ускорением научно-технического прогресса, в повседневной жизни стали все быстрее появляться новые объекты, понятия и явления, для наименования которых в подавляющем большинстве языков мира возникают новые слова»), во-вторых, спецификой языков, использующих иероглифы, закреплять новые слова («языки, использующие иероглифику, имеют инструмент для записи неологизмов, который позволяет фиксировать новые слова не только через фонетические заимствования, но и посредством создания слов из значимых морфем-иероглифов, которые раскрывают суть обозначаемого понятия»), а также ее компаративным характером («проблематике словообразования в китайском и японском языках было посвящено значительное количество работ, освещающих этот вопрос для каждого из языков по отдельности, но компаративистских исследований немного»).

Теоретической базой исследования обоснованно послужили работы по проблемам словообразования в современных китайском и японском языках; по лексикологии изучаемых языков; современной иероглифике; языковой политики в отношении национального языка и диалектов таких российских и зарубежных ученых, как А. А. Хаматова, В. И. Горелов, Е. В. Маевский, А. Л. Семенас, В. Е. Шафеева, Т. Л. Гурулева, А. А. Пашковский, А. М. Литовкина, И. М. Сушкова, Сунь Найсюй, Н. В., Перфильева, Ху Пэйпэй, Чэнь Шэнбао, Чжан Кэ, Сиота Юдай и др. Библиография насчитывает 20 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология проведенного исследования определена поставленной целью («выявление механизмов формирования и способов образования новой лексики в обоих языках и определение их различий и точек пересечений») и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; методы дефиниционно-компонентного и словообразовательного анализа; статистический и сравнительно-сопоставительный методы. В исследовании задействованы данные с официального сайта Оксфордского словаря английского языка (oed.com), опубликованные впервые 2000-2025 г. Были отобраны 70 наиболее популярных новых слов в таких областях, как социальные сети и Интернет, диджитализация и техника, социальные и экономические явления или движения, химия и медицина, физика и космология, биология, окружающая среда и экология, искусственный интеллект, виртуальная реальность и виртуальные расчёты. Частотность слов проверялась по Корпусу современного американского английского языка (Corpus of Contemporary American English, COCA, english-corpora.org/coca). Для самых частотных 10 слов из каждой темы были подобраны китайские и японские аналоги, реальность и частотность употребления которых так же проверялась по национальным корпусам этих языков (Лингвистический корпус китайского языка Пекинского университета языка и культуры (bcc.blcu.edu.cn) и Сбалансированный корпус современного японского письменного

языка Государственного института японского языка и лингвистики (shonagon.ninjal.ac.jp).

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи, сформулированы обоснованные выводы: «японский язык демонстрирует тенденцию к фонетическим заимствованиям и сокращениям, а китайский активнее использует калькирование и создание новых словосочетаний», «в ряде случаев словообразование в двух языках идёт параллельно: появляются термины с одинаковым значением, но разной формой», «также происходят перекрёстные заимствования между китайским и японским, но они редки и ограничены» и др. Отмечается, что основная экстралингвистическая причина преобладания корнесложений и иероглифических калькированных слов для новых понятий в китайском языке заключается в том, что для сохранения чистоты китайского языка и предотвращения засилия англицизмов, на государственном уровне принят Закон о государственном стандартном языке КНР от 2021 г.

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в изучение словообразовательной системы современных китайского и японского языков, могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и применяться в вузовских курсах по лексикологии, словообразованию и развитию словарного состава данных языков.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью.

В дальнейшем рекомендуем автору(ам) такой объемный материал, представленный в виде таблиц, выносить в приложение.

Также обращаем внимание на языковые недочеты технического характера: см «Основная целью является», «В современном японском языке иностранные термины чаще фонетически заимствуются и записываются азбукой катакана».

Статья вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ма Л. Компаративный анализ лексических единиц как инструмент исследования культурно-языкового суверенитета в творчестве Н. А. Бердяева // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.74042 EDN: RUOSYU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74042

Компаративный анализ лексических единиц как инструмент исследования культурно-языкового суверенитета в творчестве Н. А. Бердяева

Ма Линь

ORCID: 0009-0004-2090-4880

аспирант; кафедра русского языка и методики его преподавания; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6

✉ LinMa2025@yandex.ru

[Статья из рубрики "Автор и его позиция"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.74042

EDN:

RUOSYU

Дата направления статьи в редакцию:

07-04-2025

Дата публикации:

14-04-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию лексических единиц в контексте культурно-языкового суверенитета, рассматриваемого через призму творчества Н. А. Бердяева. Цель исследования заключается в выявлении лексических элементов, которые служат отражением культурно-языкового суверенитета, а также философских взглядов Н. А. Бердяева, что позволяет глубже понять взаимосвязь между языком, культурой и философией. Среди основных задач исследования: проанализировать лексические единицы, отражающие культурно-языковой суверенитет и философские взгляды Н. А. Бердяева; классифицировать выявленные лексические элементы по тематическим категориям, чтобы проследить их связь с ключевыми концепциями и идеями, представленными в работах философа; изучить влияние культурно-языкового

контекста трудов Н. А. Бердяева на формирование лексических единиц и их значение в рамках русской философской традиции. Методологию исследования представляют методы компаративного анализа (что позволило сопоставить лексику, представленную в работах «Русская идея...», «Самопознание...», «Судьба России...» и др.), контекстуального анализа (дало возможность выявить влияние социальных, исторических, культурных факторов на формирование значений единиц в данных работах), интерпретации текстов (обеспечило анализ единиц, формирующих культурный контекст и смысловые связи). В результате исследования было установлено, что лексические единицы, используемые Н. А. Бердяевым, можно условно разделить на две основные группы: первая – лексические единицы культурно-языкового суверенитета в имплицитной ментальной сфере; вторая – лексические единицы культурно-языкового суверенитета в эксплицитной сфере исторической ментальности. При этом в первую группу входит лексика оценки католицизма и западной цивилизации, которая репрезентирует критическое отношение философа к европоцентристской парадигме, и лексика русского православия, демонстрирующая его понимание православия как глубоко личностной, экзистенциальной формы духовности. Во вторую группу – лексика русского эксплицитного культурализма, которая репрезентирует концепцию особой миссии России, и лексика русского мессианства, связанная с философемой «русской идеи» Н. А. Бердяева. Новизна исследования обусловлена тем, что впервые в рамках анализа работ Н. А. Бердяева «Русская идея...», «Самопознание...», «Судьба России...» и др. осуществляется систематизация лексики, отражающей культурно-языковой суверенитет, с акцентом на ее влияние на формирование отечественной философской и культурной идентичности.

Ключевые слова:

культурно-языковой суверенитет, творчество Бердяева, компаративный анализ, имплицитная ментальная сфера, эксплицитная сфера, культурная идентичность, лексика оценки католицизма, лексика русского православия, лексика русского мессианства, лексика эксплицитного культурализма

Введение

В условиях интенсивного взаимодействия разнообразных культур и языков возникает необходимость в глубоком осмыслении того, как язык отражает и формирует культурные идентичности. Одним из наиболее значимых представителей русской философской традиции, который активно исследовал вопросы национальной идентичности и культурной самобытности, является Николай Александрович Бердяев (чьи труды, насыщенные оригинальными концепциями и глубокими размышлениями о человеке, свободе и духе [\[1-4\]](#), представляют богатый материал для научного исследования).

Большой интерес вызывает подход философа к пониманию языка как инструмента не только коммуникации, но и выражения глубинного культурного опыта [\[5\]](#). При этом язык представляется живым организмом, который не только отображает, но и формирует мышление и восприятие мира (т. е. через язык не только передается какая-либо информация, но и создается определенный смысловой контекст, который влияет на понимание человеком себя и окружающей действительности). Исходя из этого, актуализируется проблема исследования лексических единиц, используемых в трудах Н. А. Бердяевым, как инструмента для исследования культурно-языкового суверенитета

(который определяется как способность культуры и языка сохранять свою уникальность и самобытность в условиях глобального взаимодействия и влияния со стороны других культур и языков [6]). В этом смысле лексические единицы рассматриваются как носители культурных значений и кодов. Их анализ позволит выявить уникальные черты русского языка и мышления, а также проследить влияние философской традиции Н. А. Бердяева на формирование культурных идентичностей в современных условиях. Таким образом, *актуальность темы* исследования заключается в ее способности раскрыть специфику лексических единиц как инструмента для изучения культурно-языкового суверенитета, а также в применимости полученных результатов для решения важнейших научно-практических задач, связанных с сохранением культуры и языка в современных условиях.

Соответственно, *цель исследования* состоит в выявлении лексических элементов, которые служат отражением культурно-языкового суверенитета, а также философских взглядов Н. А. Бердяева, представленных в таких трудах, как «Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в.» [1], «Самопознание: Опыт философской автобиографии» [2], «Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности» [3] и «Философия свободы» [4] (что и послужило материалом настоящего исследования). Для достижения выше обозначенной цели необходимо решить следующие *задачи*:

- 1) проанализировать лексические единицы, использованные в трудах Н. А. Бердяевым, для выявления их культурных значений и кодов, которые отражают культурно-языковой суверенитет и философские взгляды автора;
- 2) классифицировать выявленные лексические элементы по тематическим категориям, чтобы проследить их связь с ключевыми концепциями и идеями, представленными в работах философа;
- 3) изучить влияние культурно-языкового контекста трудов Н. А. Бердяева на формирование лексических единиц, а также на их значение в рамках русской философской традиции.

Новизна исследования обусловлена тем, что впервые в рамках анализа творчества Н. А. Бердяева осуществляется систематизация лексических единиц, отражающих культурно-языковой суверенитет, с акцентом на их влияние на формирование отечественной философской и культурной идентичности. Исходя из этого, *теоретическая значимость* определяется тем, что разработанный в ходе исследования подход к классификации лексических единиц не только обогащает существующие теоретические знания, но и открывают новые горизонты для понимания роли языка в формировании культурной идентичности. *Практическая значимость* заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы для разработки методических рекомендаций в области преподавания философии и культурологии, а также могут стать основой для последующих филологических исследований, направленных на изучение взаимодействия языка и культуры в разных исторических и социальных контекстах. Соответственно, конкретные рекомендации предполагают включение полученных результатов в:

- научные работы, подробно освещающие принципы систематизации лексических единиц с примерами их использования в текстах Н. А. Бердяева;
- учебные программы и курсы, акцентирующие внимание на лексических единицах, отражающих культурно-языковой суверенитет;

- методические рекомендации для преподавателей, нацеленные на использование выявленных лексических единиц в учебном процессе;
- исследования в смежных областях, раскрывающие специфику влияния языка на различные аспекты культурной идентичности, что является весьма актуальным как для филологов, так и социологов, культурологов и философов.

В рамках настоящей работы применялись разнообразные *методы исследования*, включающие компаративный анализ, контекстуальный анализ и интерпретацию текстов. В частности, компаративный анализ позволил сопоставить различные лексические единицы, используемые в различных языковых и культурных контекстах, выявить их сходства и различия, а также проанализировать, как различные языковые конструкции могут влиять на восприятие культурных значений и кодов. Контекстуальный анализ дал возможность выявить влияние социальных, исторических и культурных факторов на формирование значений слов и выражений, а также понять, как контекст может влиять на интерпретацию текстов. Метод интерпретации обеспечил анализ лексических единиц, формирующих культурный контекст и создающих смысловые связи, которые обуславливают идентичность и восприятие философских идей Н. А. Бердяева. Кроме того, в работе были использованы методы классификации и систематизации, которые позволили организовать собранные данные и выделить ключевые группы лексических единиц, обусловленных их семантической и функциональной спецификой.

Таким образом, все вышеизложенное определяет необходимость использования комплексного подхода к изучению взаимодействия языка и культуры, а также выявлению лексических единиц, отражающих культурную идентичность и философские взгляды Н. А. Бердяева.

I. Лексические единицы и их культурные значения и коды, отражающие культурно-языковой суверенитет и философские взгляды Н. А. Бердяева

Лексические единицы (как уже ранее было отмечено), являясь важными компонентами языка, не только способствуют передачи информации, но и несут в себе глубокие культурные значения и коды, отражающие особенности мировоззрения и философских систем [\[7\]](#). В рамках понимания культурно-языкового суверенитета и в целом философских взглядов Н. А. Бердяева, эти единицы становятся своеобразными мостами между языком и культурой, позволяя понять уникальность русской мысли и ее контекстуальность. В качестве примера можно привести понятие *русская душа*, в основу которой легли: «природная, языческая дионисическая стихия» и «аскетически-монашеское православие» [\[1, с. 31-32\]](#). В этой полярности русской души, по мнению философа, заключалась ее особая специфика, выражающаяся в сочетании страсти и смирения, свободы и преданности [там же], что, в свою очередь, формирует уникальный характер русской культуры и ее языкового выражения. Это понятие стало символом глубинного понимания русской идентичности, отражая как индивидуальные переживания, так и коллективные ценности, которые передавались из поколения в поколение.

Особое внимание Н. А. Бердяев в своих трудах уделял значимости категоризации в процессе самоосознания человека и его духовной жизни. В его трудах можно увидеть множество лексических единиц, которые становятся не просто важными понятиями, а своего рода категориями и символами более глубоких культурных и философских концепций (речь идет, прежде всего, о таких понятиях, как *свобода*, *дух*, *личность*, *смысл*, *творчество*, *сознание*, *родина*, *судьба* и др.). Например, понятие *свобода* в

контексте философии Н. А. Бердяева не ограничивается социальным или правовым аспектом: оно пронизывает всю систему отношений человека с миром и Богом, подчеркивая внутреннюю свободу как основополагающий принцип человеческого существования [4]. Культурно-языковая специфика понятия свободы в этом смысле тесно связана с русскими традициями и историческими условиями, в которых формировалась русская мысль [8]. Философ отмечает, что свобода не является абсолютной и независимой от моральных и духовных ориентиров: она «первичнее бытия <...> в свободе скрыта тайна мира» [4, с. 51]. Свобода подразумевает ответственность перед самим собой, обществом и высшими моральными законами (при этом она представляется как активный процесс самосознания и самореализации, что делает ее неотъемлемым элементом личностного роста русского человека).

Большое значение в трудах философа приобретают такие лексические единицы, как *любовь, страдание, свет, вдохновение, истина, вера* и др., содержащие в себе целый пласт ассоциаций и культурных координат, которые помогают глубже понять не только язык, но и душу русского народа, его историческую судьбу и духовные искания. Данные единицы также являются не просто абстрактными понятиями, они служат носителями глубокой культурной символики, отражающей философские взгляды Н. А. Бердяева на сущность человека и его место в мире. Например, понятие *любовь* рассматривается как высшая ценность, способная преодолеть эгоизм и разобщенность, соединяя людей в их стремлении к истине и красоте. Философ подчеркивает, что истинная любовь – это чувство, которое требует активного выбора, жертвенности и духовного роста: «В сильной эмоции любви есть глубина бесконечности. <...> Любовь есть выход из обыденности, для многих людей, может быть, единственный. Но таково начало любви. <...> В любви есть бесконечность, но есть и конечность, ограничивающая эту бесконечность. Любовь есть прорыв в объективированном природном и социальном порядке. В ней есть проникновение в красоту лица другого, видение лица в Боге, победа над уродством, торжествующим в падшем мире» [2, с. 63]. При этом философ подчеркивает, что любовь создает новый уровень взаимодействия между людьми, что имеет особое значение для формирования культурно-языкового суверенитета русского народа. В этом смысле любовь становится как личным объединяющим началом, так и важным социальным фактором, который в целом формирует моральные устои русского общества и определяет его культурные ориентиры.

Другой пример: лексическая единица *страдание*. Согласно точке зрения Н. А. Бердяева, страдание является важным этапом на пути к самопознанию и самореализации человека (это еще одно ключевое понятие, которое определяет смысл и значение человеческого существования [9]). Страдание служит неизбежным атрибутом жизни, который обладает преобразующей силой: через страдание человек может обрести истинное понимание себя и своего места в мире. Оно служит своего рода катализатором для личной трансформации и глубоких внутренних изменений. В этом контексте философ говорит о том, что именно в страдании человек может найти *истину* о себе, о других и о Боге; «духовные подъемы человечества в истории основываются именно на страданиях, на поисках избавления от зла» [2, с. 211]. В то же время страдание – не есть наказание, оно является действенным способом очищения и возвышения души. Такое понимание страдания позволяет человеку выйти на новый уровень осмысленности своей жизни и окружающего мира.

Подобные лексические единицы в контексте культурных значений и кодов являются важным инструментом для понимания и осмысления глубинных аспектов русской

культуры и мышления. Они подчеркивают уникальность и самобытность русского языка, а также его способность передавать сложные философские идеи, формируя тем самым культурно-языковой суверенитет. При этом особое значение приобретают такие лексические единицы, которые определяют коллективную идентичность и духовные ценности, связанные с православной традицией и русским народным сознанием (*соборность, общинность, исихазм, христианская ойкумена* и пр.). Такая лексика отражает не только исторический контекст, но и современные реалии, в которых эти понятия продолжают оказывать влияние на общественное сознание и культурную идентичность.

II. Классификация лексических элементов в рамках их связи с ключевыми концепциями и идеями, представленными в работах Н. А. Бердяева

Анализ материала исследования [\[1-4\]](#) позволил условно выделить две группы лексически единиц, определяющих коллективную идентичность и духовные ценности, связанные с православной традицией и русским народным сознанием:

1 группа: лексические составляющие культурно-языкового суверенитета в имплицитной ментальной сфере в текстах Н. А. Бердяева;

2 группа: лексические составляющие культурно-языкового суверенитета в эксплицитной сфере исторической ментальности в текстах Н. А. Бердяева.

Каждая из указанных групп, в свою очередь, включает в себя различные лексические единицы, которые отражают специфику и многогранность русской культурной идентичности и значения православной традиции в контексте русской философии и истории, в частности:

1. Лексические составляющие культурно-языкового суверенитета в имплицитной ментальной сфере в текстах Н. А. Бердяева

а) лексика оценки католицизма и западной цивилизации

Н. А. Бердяев в своих трудах активно изучал католицизм и западную цивилизацию как важные элементы культурного фона, в который вписывается история и философия России. Его критика западного подхода к жизни часто основывается на восприятии католицизма как стремления к рационализации и институционализации веры, что, по мнению философа, привело к утрате непосредственной связи с божественным, обезличиванию и механизации человеческой жизни: все это противоречит исконной русской духовности, ориентации на внутренний опыт и живое чувство веры [\[3\]](#). С целью представления католицизма и в целом западной цивилизации Н. А. Бердяев в своих трудах использует такие лексические единицы, как *политическая религия, негодная цивилизация, антихристианская культура, дьявольская мораль, духовное разложение* и др., формирующие в целом представление о западной цивилизации, как о некоей негативной силе, представляющей угрозу для подлинной духовности и культуры России;

б) лексика русского православия, ее видоизменение и переход в культурно значимую общеупотребительную лексику

Особое внимание философ уделял размышлению о богатстве и глубине русского православия, которое он рассматривал как основную опору русской духовности и культуры [\[1\]](#). Лексика русского православия, используемая в трудах Н. А. Бердяева, характеризует уникальность и самобытность русской веры: *духовный опыт, божественная*

истина, единство с божественным, святость, духовное возрождение (подобные единицы формируют образ православия как религии, пронизанной глубокими метафизическими смыслами). При этом философ определяет эволюцию православия в России через такие понятия, как *исихазм* → *разговор с Богом* → *правильно славить* → *народная религия* → *государственная религия*, т. е. он исходит из того, что православие в России не является статичной системой догматов, а характеризует собой живую традицию, способную к активному развитию и трансформации. В т. ч. речь идет о трансформации процесса проникновения в саму жизнь русского общества, в частности, за счет: *соборности* → *коммюнитарности (общинности)* → *коллективизма*, где «соборность означает высокую качественность сознания, коллективизм означает объективирующую консолидацию подсознательного, которое всегда играло огромную роль в исторических проявлениях» [10, с. 73-74]. В свою очередь, «коммюнитарность есть духовное начало людей, общность и братство в отношениях людей» [там же].

2. Лексические составляющие культурно-языкового суверенитета в эксплицитной сфере исторической ментальности в текстах Н. А. Бердяева

а) лексика русского эксплицитного культурализма

Лексика этой подгруппы зачастую представляет идеи о культуре как о живом организме, который развивается и трансформируется в ответ на внутреннее и внешнее влияние. В частности, философ подчеркивал значимость таких понятий, как *духовность, православие, новоевропейский гуманизм, культура (сверхкультура), христианская ойкумена (государство)* (понятие отражает стремление к духовному объединению всех христиан во имя общей веры и любви к Богу [11]). В целом все это понятия становятся не только определяющими для русской культурной среды, но и для формирования исторической ментальности русского народа. Важно отметить, что ключевым в лексике русского эксплицитного является представление о культуре как о средстве самовыражения и самоосознания. В данном случае философ говорит о культуре как о *творческом акте*. Культура, по его мнению, лишь тогда соответствует своему назначению, «когда постоянно творится, когда появляются новые культурные ценности, когда она осмысливает самое себя и пути своего развития» через творчество, которое всегда является «приростом, прибавлением, созданием нового, не бывшего в мире» (цит. по: [12, с. 466]). При этом культура служит не только отражением внешней реальности, но и внутренним процессом, который ведет к духовному возрождению;

б) лексика русского мессианства

Лексические единицы, относящиеся к данной подгруппе, в текстах Н. А. Бердяева обретают особое значение, так как они отражают уникальную философскую традицию, в которой Россия рассматривается как особая богоизбранная страна. Эта концепция находит свое отражение в таких понятиях, как *народ-богоносец, всеединство, русское мессианство, русская идея, миссия России, духовное возрождение, спасение мира* и т. д. Философ подчеркивал, что русский народ наделен особой духовной задачей, заключающейся в сохранении и распространении высших ценностей путем принесения себя в жертву [3]. Данные понятие в целом отражают идею о том, что Россия должна стать «примером» для других народов, играя роль духовного наставника в мире, который страдает от материализма и утраты нравственных ориентиров. В этом контексте Н. А. Бердяев говорит о важности духовного очищения и возвращения к корням, к православной вере, как к источнику силы и вдохновения для всего человечества.

Соответственно, данная классификация лексических элементов в рамках их связи с

ключевыми концепциями и идеями, представленными в работах Н. А. Бердяева, на наш взгляд, является наиболее исчерпывающей для понимания культурно-языкового суверенитета, раскрывающего глубокую взаимосвязь между языком, культурой и национальной идентичностью русского народа.

III. Влияние культурно-языкового контекста трудов Н. А. Бердяева на формирование лексических единиц и их значение в рамках русской философской традиции

Культурно-языковой контекст, в котором создавались труды философа, сыграл ключевую роль в процессе развития философской мысли в России, обеспечивая уникальное сочетание языка, философии и культуры. Такое сочетание позволило обогатить язык философии, в т. ч. за счет формирования новых понятий, которые стали важными в рамках русской философской традиции [\[13\]](#). Например, понятия *русская идея*, *народ-богоносец*, *соборность* стал приобретать глубинный и многозначный смысл, выходящий за рамки привычного понимания. Это связано не только с его философскими воззрениями, но и с культурно-историческим фоном, в котором он жил и работал – эпохой глубоких социальных, политических и культурных изменений, религиозных исканий и кризиса традиционных ценностей. В этих условиях труды философа стали не просто теоретическими исследованиями, а важными вехами в осмыслении всего человеческого существования.

Говоря о влиянии культурно-языкового контекста трудов Н. А. Бердяева на формирование лексических единиц, важно отметить, что выявляются тенденции заимствования лексики как из русской православной традиции, так и европейских философских течений (в частности, экзистенциализма, гуманизма, персонализма и пр.). Такое смешение культурных влияний позволило обогатить язык работ философа, делая его «более выразительным и многослойным» [\[14, с. 16\]](#). В частности, использование религиозной символики и аллюзий на библейские тексты в сочетании с философскими концепциями формирует особую языковую среду, в которой лексические единицы начинают нести как буквальное, так и метафорическое значение. Н. А. Бердяев вводит множество понятий и терминов, заимствованных из европейских философских традиций, которые он адаптирует для разъяснения специфики русской духовной реальности. В качестве примера можно привести понятие Н. А. Бердяевым первичной иррациональной свободы, которая соответствует первичному принципу, предшествующему Богу и миру и не содержащему никакой дифференциации (это понятие и в целом концепцию философ позаимствовал от Якова Беме, немецкого философа-мистика, который обозначал этот первичный принцип термином *Ungrund* – *лишенный основания, первичный хаос*) [\[15\]](#). Все это дает философу возможность создавать уникальный синтез идей, который помогает ему глубже понять не только философские концепции, но и социальные, культурно-исторические процессы своего времени.

Влияние культурно-языкового контекста также обнаруживается и в том, как Н. А. Бердяев вводит в текст метафоры и символы, заимствованные из художественной литературы и фольклора. Очень часто философ обращается к понятиям, которые знакомы русскому читателю, что помогает ему лучше донести свои идеи и концепции. В частности, использование понятия *соборности* в его трудах становится не только философским, но и культурным символом, отражающим стремление к единству и общности, которое присуще *русской душе*. Большой интерес вызывает и то, как Н. А. Бердяев строит свои аргументы, используя риторические приемы, характерные для русской литературы. Философ искусно сочетает логику и поэзию [\[14\]](#), что делает его

тексты интеллектуально насыщенными и эстетически привлекательными.

Соответственно, влияние культурно-языкового контекста на образование лексических единиц в трудах философа можно представить как динамический и многоплановый процесс. Он не только расширяет границы философского языка, но и способствует созданию нового понимания традиционных понятий, что дает возможность читателям воспринимать философские идеи как отражение глубинных культурных и исторических реалий (это особенно актуально в свете сложных трансформаций, происходивших в России в XX в.).

Заключение

Таким образом, рассмотрев лексические элементы, служащие отражением культурно-языкового суверенитета и философских взглядов Н. А. Бердяева, приходим к следующим выводам:

Лексика, отражающая культурно-языковой суверенитет и ключевые философские воззрения Н. А. Бердяева, служит важным инструментом для понимания и осмысления глубинных аспектов культуры и мышления русского человека. Они подчеркивают уникальность и самобытность русского языка, а также его способность передавать сложные философские идеи. В трудах философа важными понятиями становятся *свобода, творчество, духовность, личность* и др., которые позволяют не только учесть и «раскрыть» исторический контекст, но и обозначить современные реалии, в которых подобные понятия продолжают оказывать влияние на общественное сознание и культурную идентичность.

В соответствии с предложенной классификацией лексики, отражающей культурно-языковой суверенитет, все единицы используемые Н. А. Бердяевым, были разделены на две основные группы: первая – лексические единицы культурно-языкового суверенитета в имплицитной ментальной сфере; вторая – лексические единицы культурно-языкового суверенитета в эксплицитной сфере исторической ментальности. При этом в первую группу вошла лексика оценки католицизма и западной цивилизации и лексика русского православия (в т. ч. ее видоизменение и переход в культурно значимую общеупотребительную лексику), во вторую группу – лексика русского эксплицитного культурализма и лексика русского мессианства. На наш взгляд, такая классификация наиболее полно отражает специфику языка Н. А. Бердяева и является исчерпывающей для понимания культурно-языкового суверенитета.

Анализ влияния культурно-языкового контекста трудов Н. А. Бердяева на формирование лексических единиц, а также на их значение в рамках русской философской традиции, показал, что лексика, характеризующая культурно-языковой суверенитет, не только отражает уникальные аспекты русской ментальности, но и становится важным инструментом для глубинного анализа социальных, культурных процессов, что является первостепенным в понимании русской культурной идентичности на глобальном уровне.

Библиография

1. Бердяев Н. А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 315 с.
2. Бердяев Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. – М.: Мир книги: Литература, 2010. – 414 с.
3. Бердяев Н. А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности / предисл. Л. Полякова. – Репринт. воспроизведение изд. 1918 г. – М.: Издательство МГУ,

1990. – 240 с.

4. Бердяев Н. А. Философия свободы. – Харьков: Фолио; М.: Издательство АСТ, 2002. – 732 с.

5. Хилько Е. П. Языковая репрезентация национально-культурной специфики в работе Н. А. Бердяева "Русская идея" // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 22 (203). – С. 130-135. EDN: NTNQKD

6. Пияк С.А. Понятие культурного суверенитета в структуре Основ государственной культурной политики // Философия и культура. 2023. № 4. С. 217-226. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.4.40391 EDN: VCXCEV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40391

7. Корнилов О. А. Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов: автореф. дис. ... д-ра культур.: 24.00.04. – М., 2000. – 45 с. EDN: NLSUZR

8. Егорова О. С., Кириллова О. А. "Свобода" и "Воля" как ключевые концепты русской культуры // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – Т. 1. – № 4. – С. 161-167. EDN: PXIVNT

9. Карпов А. Н. Проблема страдания в философии Н. А. Бердяева: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. – М., 2008. – 33 с. EDN: NKVUZF

10. Войтенко В. П., Соколов В. А., Лубский Р. А. Коллективизм и индивидуализм в России как предмет теоретической рефлексии // Философия права. – 2019. – № 3 (90). – С. 71-77. EDN: MDVQAE

11. Сафронов Н. А. Концепция христианского государства // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. – 2020. – Т. 45. – № 4. – С. 775-780. DOI: 10.18413/2712-746X-2020-45-4-775-780 EDN: LWIWPI

12. Ковалева М. В., Телегин А. А. Н. А. Бердяев: феномен творчества в культуре // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. – 2018. – Т. 43. – № 3. – С. 465-469. DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-3-465-469 EDN: VNADKC

13. Вольтер О. В. "Русская идея". История и смысл: Концепция Н. А. Бердяева: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. – Краснодар, 2002. – 129 с. EDN: QDUPZP

14. Стародубец С. Н. Идеологизированная лексика как языковое выражение персоналистической картины мира в дискурсе Н. А. Бердяева: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Орел, 2000. – 20 с. EDN: PNMNQM

15. Лосский Н. О. История русской философии / предисл., с. 3-18 и коммент. В. А. Кувакина, М. А. Маслина. – М.: Высшая школа, 1991. – 559 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье «Компаративный анализ лексических единиц как инструмент исследования культурно-языкового суверенитета в творчестве Н. А. Бердяева» автором рассматриваются проблемы отражения в языке идей Бердяева сквозь призму новых лексем в русском языке.

Актуальность темы исследования заключается в ее способности раскрыть специфику лексических единиц как инструмента для изучения культурно-языкового суверенитета, а также в применимости полученных результатов для решения важнейших научно-практических задач, связанных с сохранением культуры и языка в современных условиях.

Цель исследования - выявление лексических элементов, которые служат отражением культурно-языкового суверенитета, а также философских взглядов Н. А. Бердяева,

представленных в его трудах.

Материалом исследования послужили следующие труды: «Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в.», «Самопознание: Опыт философской автобиографии», «Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности» и «Философия свободы».

Новизна исследования обусловлена тем, что впервые в рамках анализа творчества Н. А. Бердяева осуществляется систематизация лексических единиц, отражающих культурно-языковой суверенитет, с акцентом на их влияние на формирование отечественной философской и культурной идентичности.

В исследовании был использован комплексный подход, включающий следующие методы: компаративный анализ, контекстуальный анализ и интерпретацию текстов.

Исследование обладает структурой научной статьи и состоит из введения, основной части, заключения и библиографии.

Основная часть включает в себя 3 подраздела:

- 1) Лексические единицы и их культурные значения и коды, отражающие культурно-языковой суверенитет и философские взгляды Н. А. Бердяева
- 2) Классификация лексических элементов в рамках их связи с ключевыми концепциями и идеями, представленными в работах Н. А. Бердяева
- 3) Влияние культурно-языкового контекста трудов Н. А. Бердяева на формирование лексических единиц и их значение в рамках русской философской традиции

В каждом из трех подразделов автор последовательно анализирует лексику в трудах Бердяева, демонстрируя, каким образом формируется система культурно-философских концептов, репрезентирующих через язык уникальные черты сознания русского народа.

В результате данного анализа автор приходит к выводу о том, что все единицы, используемые Бердяевым в своих трудах, можно разделить на две большие группы: «первая – лексические единицы культурно-языкового суверенитета в имплицитной ментальной сфере; вторая – лексические единицы культурно-языкового суверенитета в эксплицитной сфере исторической ментальности. При этом в первую группу вошла лексика оценки католицизма и западной цивилизации и лексика русского православия (в т. ч. ее видоизменение и переход в культурно значимую общеупотребительную лексику), во вторую группу – лексика русского эксплицитного культурализма и лексика русского мессианства».

Стиль статьи соответствует уровню научной статьи и не содержит существенных недочетов.

Библиография содержит необходимое количество источников.

Таким образом, статья «Компаративный анализ лексических единиц как инструмент исследования культурно-языкового суверенитета в творчестве Н. А. Бердяева» является исследованием, открывающим новые перспективы в области изучения языка русской философской мысли и русской языковой картины мира и она может быть рекомендована к публикации в журнале Litera.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Принцип компаративного анализа языка является наиболее результативным. Как отмечает в начале рецензируемой работы автор, «в условиях интенсивного взаимодействия разнообразных культур и языков возникает необходимость в глубоком

осмыслении того, как язык отражает и формирует культурные идентичности». На мой взгляд, задел обозначенный в этом тезисе конструктивен и серьезен. Методологическая основа соотносится с объективно-выверенными принципами, по ходу исследования данный уровень выдержан полновесно. Отмечу, что новизна исследования заключается в том, что анализ лексических единиц осуществлен на примере творчества Н.А. Бердяева. Автор указывает, и это верно, что «актуальность темы исследования заключается в ее способности раскрыть специфику лексических единиц как инструмента для изучения культурно-языкового суверенитета, а также в применимости полученных результатов для решения важнейших научно-практических задач, связанных с сохранением культуры и языка в современных условиях». Считаю, что общая цель исследования выверена: она сводится к «выявлению лексических элементов, которые служат отражением культурно-языкового суверенитета, а также философских взглядов Н. А. Бердяева, представленных в таких трудах, как «Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в.» [1], «Самопознание: Опыт философской автобиографии» [2], «Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности» [3] и «Философия свободы» [4] (что и послужило материалом настоящего исследования)». Набор текстов объемов, таким образом автор стремится к объективности рассмотрения проблемы. Материал практически ориентирован: «результаты исследования могут быть использованы для разработки методических рекомендаций в области преподавания философии и культурологии, а также могут стать основой для последующих филологических исследований, направленных на изучение взаимодействия языка и культуры в разных исторических и социальных контекстах». Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом. Например, «лексические единицы (как уже ранее было отмечено), являясь важными компонентами языка, не только способствуют передачи информации, но и несут в себе глубокие культурные значения и коды, отражающие особенности мировоззрения и философских систем [7]. В рамках понимания культурно-языкового суверенитета и в целом философских взглядов Н. А. Бердяева, эти единицы становятся своеобразными мостами между языком и культурой, позволяя понять уникальность русской мысли и ее контекстуальность» и т.д. Цитации, ссылки даются правильно, с учетом требований издания. На мой взгляд, автор последовательно раскрывает тему, достигает цели, решая поставленные задачи. Считаю, что набор «основных» лексических единиц, раскрывающих сущность культурной идентичности достаточен: «большое значение в трудах философа приобретают такие лексические единицы, как любовь, страдание, свет, вдохновение, истина, вера и др., содержащие в себе целый пласт ассоциаций и культурных координат, которые помогают глубже понять не только язык, но и душу русского народа, его историческую судьбу и духовные искания. Данные единицы также являются не просто абстрактными понятиями, они служат носителями глубокой культурной символики, отражающей философские взгляды Н. А. Бердяева на сущность человека и его место в мире». Работе характерна должная аналитика, логика, научная открытость. На мой взгляд, автору удастся создать т.н. эффект диалога с читателем, определить конструктивно важные лексические единицы в творчестве Н. Бердяева, которые, так или иначе, характеризуют культурную идентичность, культурно-языковой суверенитет. Причем оценка сделана спектрально, что явно стоит оценить положительно: «особое внимание философ уделял размышлению о богатстве и глубине русского православия, которое он рассматривал как основную опору русской духовности и культуры [1]. Лексика русского православия, используемая в трудах Н. А. Бердяева, характеризует уникальность и самобытность русской веры: духовный опыт, божественная истина, единство с божественным, святость, духовное возрождение (подобные единицы формируют образ православия как религии, пронизанной глубокими метафизическими смыслами)». Текст дробится на смысловые

блоки, это удобно для читателя; жанровый канон научного исследования выдержан. Выводы по тексту созвучны основной части: автор указывает, что «анализ влияния культурно-языкового контекста трудов Н. А. Бердяева на формирование лексических единиц, а также на их значение в рамках русской философской традиции, показал, что лексика, характеризующая культурно-языковой суверенитет, не только отражает уникальные аспекты русской ментальности, но и становится важным инструментом для глубинного анализа социальных, культурных процессов, что является первостепенным в понимании русской культурной идентичности на глобальном уровне». Библиографических источников достаточно, их использование в тексте статьи продумано и верно организовано. Рекомендую статью «Компаративный анализ лексических единиц как инструмент исследования культурно-языкового суверенитета в творчестве Н.А. Бердяева» к открытой публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Кукушкина О.В., Сунь Ц. Состав наименований негативных эмоций в русском языке // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.73892 EDN: RLMMYO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73892

Состав наименований негативных эмоций в русском языке

Кукушкина Ольга Владимировна

доктор филологических наук

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

117574, Россия, г. Москва, р-н Ясенево, ул. Голубинская, д. 7 к. 2, кв. 379

✉ ovkukush@mail.ru

Сунь Цзялинь

аспирантка кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова

108802, Россия, г. Москва, р-н Коммунарка, Новомосковский округ, ул. Малое Понизовье, д. 4, кв. 262

✉ 1094106440@qq.com

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.73892

EDN:

RLMMYO

Дата направления статьи в редакцию:

31-03-2025

Дата публикации:

14-04-2025

Аннотация: Предметом исследования в статье является состав русских лексем, именующих негативные эмоции. В начале обсуждаются проблемы, возникающие при решении этой задачи. Для этого рассматривается содержание понятия «негативность». Обращается внимание на то, что при его использовании необходимо различать эмоции, приносящие страдания субъекту, и эмоции, негативно оцениваемые обществом и тем

объектом, на которые они направлены. Помимо этого обсуждается вопрос об объективных критериях, на основе которых можно отделить названия эмоций от эмотивной лексики другого типа – от обозначений проявлений эмоций, от наименований эмотивных качеств. В результате обсуждения в качестве главного критерия наличия у лексемы функции именования эмоции предлагается, вслед за О.Н. Ляшевской и Е.В. Падучевой, использовать ее устойчивую сочетаемость со словами и чувствовать. Во второй части статьи излагаются результаты применения этого критерия к предварительному списку слов-кандидатов. При его составлении использовался материал семантических словарей и разбиение на группы эмоций, предложенное Л.Г.Бабенко в словаре «Алфавит эмоций». Анализ проводился на основе поиска коллокатов в Основном корпусе Национального Корпуса русского языка. В итоге из исходного списка, куда входили лексемы, обозначающие не только эмоции, но и их проявления (события, качества и др.), были извлечены существительные, наиболее часто означающие то, что носители русского языка характеризуют как имена негативных чувств. Полученные результаты представлены в виде полных списков существительных, распределенных по группам негативных эмоций. В заключении делается вывод о том, что примененный метод позволяет установить лексическое ядро русских наименований негативных эмоций, а также установить наиболее лексически дифференцированные в русском языке группы таких эмоций. Такими группами оказались ГОРЕ, СТЫД и НЕПРИЯЗНЬ

Ключевые слова:

категория эмотивности, наименования эмоций, негативные эмоции, сочетаемость, коллокаты, корпусная лингвистика, семантические словари, семантические группы, анализ лексического значения, сопоставление языков

Как известно, проведенный А. Вежбицкой сопоставительный анализ позволил ей говорить о более высокой «эмоциональной температуре» русского текста по сравнению с некоторыми другими языками [\[3, с. 55\]](#), а также сделать вывод о том, что русский язык, по сравнению с «западными языками» «выступает как язык, уделяющий эмоциям гораздо большее внимание и имеющий гораздо более богатый репертуар лексических и грамматических выражений для их разграничения» [\[3, с. 44\]](#). В этом она видела проявление важного семантико-психологического закона [\[3, с. 49\]](#), который Р.В. Браун и М. Форд сформулировали следующим образом: «в языковых коллективах степень лексической дифференциации внутри некоторого семантического поля растет с ростом значимости данного поля для данного коллектива» [\[10, с. 238\]\[1\]](#).

В связи с высокой значимостью эмоций для носителей русского языка можно предположить, что степень лексической дифференциации эмоций в русском литературном языке будет очень высокой. Чтобы убедиться в этом и получить надежное основание для сравнения, нужно иметь исходный список русских наименований эмоций. Такой список полезен также и во многих других отношениях, например, в области РКИ, а также при автоматическом анализе русских текстов. Однако при его составлении возникают проблемы, которые требуют особого обсуждения. Основные из них рассматриваются ниже.

В русской лексикографии описанию эмотивной лексики уделяется большое внимание, поэтому для решения указанной задачи естественно обратиться к русским семантическим

словарям. Это прежде всего «Русский семантический словарь» под редакцией Н.Ю. Шведовой [7] и словари, созданные Л.Г. Бабенко и под ее руководством – см. Приложение к работе «Лексические средства обозначения эмоций в русском языке» [1], «Словарь-тезаурус синонимов русской речи» [8] и «Алфавит эмоций» [2]. В «Русском семантическом словаре» и «Словаре-тезаурусе синонимов» имеются особые разделы, в которых описывается основной состав русских слов с эмотивной семантикой, а Приложение и «Алфавит эмоций» целиком посвящены описанию таких лексических единиц и их семантической группировке. Однако анализ этих описаний показал (см. [9]), что эксплицитное деление на негативные и позитивные эмоции в них не проводится, а наименования эмоций не отделяются от эмотивных средств иного типа, т.е. выражающих разные виды эмоций, но не именующих их. В связи с этим возникает необходимость дополнительного анализа имеющегося материала и выборки из него единиц нужного типа.

Для выделения круга наименований негативных эмоций нужно сначала определить, что будет пониматься под 'негативностью'. От этого непосредственно зависит состав формируемого списка. При широком понимании в него нужно будет включать как наименования эмоций, которые заставляют субъекта страдать, испытывать негативные ощущения (ср. *обида*), так и наименования эмоций, негативно оцениваемых их объектом, доставляющим страдание ему, а не субъекту (ср. *презрение*). Представляется, что "негативно испытываемые" и "негативно оцениваемые" эмоции важно различать. В случае *презрение* собственно негативную эмоцию (страдание, неприятное переживание) испытывает тот, кого презирают, т.е. объект чувства, отношения. Субъекту же эта эмоция может приносить удовлетворение или даже радость. Таким образом, негативный характер таких эмоций, как *презрение*, *неуважение*, *лицемерие*, *высокомерие*, *злорадство* и т. п., связан прежде всего с их отрицательной оценкой объектом и обществом, а не с состоянием самого субъекта. В связи с этим нами было принято решение включать в формируемый список наименований негативных эмоций только существительные с субъектно-негативной семантикой, т.е. описывающие эмоции, приносящие самому субъекту неприятные ощущения, состояния.

После уточнения понятия 'негативность' возникает необходимость решить вторую, основную проблему — нужно найти объективные критерии выделения среди обширного круга эмотивной лексики тех слов, которые не просто имеют эмотивную сему, а именуют саму эмоцию. Первый и наиболее очевидный из таких критериев — частеречный. Хотя конкретная эмоция может и не иметь субстантивного наименования в русском языке (ср. *сердиться* и **сержение*), очевидно, что в общем случае такие наименования следует искать прежде всего среди существительных. Однако этого недостаточно, поскольку эмотивные существительные семантически неоднородны. В работах Л. Г. Бабенко они распределяются на разные семантические классы — состояние, отношение, качество, внешнее выражение, и др. Но семантически различаются даже существительные, относимые к классу 'эмоциональное состояние'. Так, в тематической подгруппе ГОРЕ в этом классе находим такие семантически разные слова, как *горе* и *беда*, *травма* и *злосудие* (см [2, с. 67-68]). При этом очевидно, что наименованием эмоции здесь является только слово *горе*, а остальные слова именуют некие события, характеризуя их с точки зрения вызываемых ими негативных эмоций типа 'горе'. Для отделения одних единиц от других необходим объективный критерий. Очевидно, что здесь нужно опираться на особенности сочетаемости. Исследование сочетаемости является, как известно, наиболее надежным, хотя и не абсолютным инструментом семантического анализа. Этот инструмент доказал свою эффективность и при анализе эмотивных существительных. Так,

в [Ляшевская, Падучева 2011] демонстрируется возможность разбиения русских эмотивных существительных на разные семантические классы на основе их сочетаемости с «вербализаторами». Как пишут авторы, «идея работы состояла в том, что онтологические (таксономические) категории имен эмоций можно охарактеризовать через сочетаемость с семантическими операторами, которые играют ВЕРБАЛИЗИРУЮЩУЮ роль, т.е. сопоставляют именам глагольно-именные конструкции приблизительно синонимичные глаголу, от которого образовано имя» [6, с. 24]. На основе анализа сочетаемости внутри имен эмоций авторами выделяются 5 основных семантических категорий:

- 1) категория **«чувство»**: выделяется по сочетаемости с *испытывать* (все слова) или *принести*;
- 2) категория **«отношение»**: этот класс рассматривается авторами как подкласс чувств, так как и для него типична сочетаемость с *испытывать*. Отличительная особенность – сочетаемость с *внушать*;
- 3) категория **«состояние»**: выделяется по сочетаемости с *быть в* (все слова), а также *прийти в*, *впасть в*, *испытывать* (часть слов). К этому классу отнесены также слова *безнадежность*, *безысходность*, для которых сочетаемость с «*быть в...*» представляется неузуальной;
- 4) категория **«событие»**: выделяется по сочетаемости с *случиться*, *произойти*;
- 5) категория **«свойство»**: выделяется по сочетаемости X-у *свойствен* Y.

Дополнительно выделяются еще два класса: (6) **«действие»**: имеет место сочетаемость с *сделать*, *высказать* и т.п.; существительное при этом называет речевое действие. Ср.: *сделать*, *высказать упрек*; *наносить оскорбление*; (7) **«содержание состояния»**: имеет место сочетаемость с *состоять в том, что...* Ср.: *мое недоумение состоит в том, что...*

Как отмечают авторы, «есть немало слов, которые в разных контекстах принадлежат к разным категориям» [6, с. 30]. Такое совмещение семантических категорий наблюдается, например, у слов *омерзение* (состояние и отношение), *горе* (состояние, событие, чувство), *неловкость* (чувство, событие), *разочарование* (чувство, состояние), *недоумение* (состояние, содержание). А у глаголов «доставляемых чувств», по наблюдениям авторов, неоднозначность типа 'чувство' / 'содержание' имеет регулярный характер [6]. Но такая синкретичность не мешает использовать принадлежность к определенной семантической категории в качестве основного критерия при решении обсуждаемой задачи. Есть все основания полагать, что наименования эмоций нужно искать среди первых трех категорий — 'чувство', 'эмоциональное отношение' или 'эмоциональное состояние'. При этом нужно учитывать, что в контексте *быть в ...* могут выступать и имена, характеризующие события с эмотивной точки зрения. Так, в сочетании *быть в беде*, *быть в опасности* существительное характеризует не эмоцию самого субъекта, а специфику ситуации, в которую он попал. Если слово обозначает только 'событие' (*случилась беда*, *травма*), 'свойство' (*склонен к раздражительности*) или 'содержание' и 'действие' (*упрек состоял в том, что...*, *делать упрек*), то его можно исключать из числа наименований эмоций.

Проведенный О.Н. Ляшевской и Е.В. Падучевой анализ сочетаемости показал, что наибольшей диагностической силой для выделения собственно наименований эмоций обладает глагол *испытывать* – сочетаемость с ним характерна для всех слов категорий *чувство* и *отношение*, а также для значительной части эмотивов категории *состояние*. Он

позволяет различить **горе** и беду, **опасение** и опасность, **недовольство** и упрек, **раздражение** и раздражительность и т.п. и отнести к наименованиям эмоций только первое слово из каждой пары.

Поскольку глагол *испытывать* имеет синоним *чувствовать*, то возникает вопрос о возможности использовать и последний в качестве маркера наименования эмоций. Это же касается гиперонима *чувство*. При многих эмотивах такая «тройная» сочетаемость допустима. Ср.: *испытывать страх, чувствовать страх, чувство страха*. Однако здесь есть и важные отличия, которые нужно учитывать при использовании этих единиц в качестве маркеров наименований эмоций. *Чувство* и *чувствовать*, в отличие от *испытывать*, могут управлять придаточным (*Его охватило чувство, что... / он чувствовал, что...*). Такое придаточное описывает эмотивное свойство ситуации, в которую попадает субъект, а не его собственное состояние. Так, *чувствовать опасность* означает, что человек понимает, что нечто представляет для него опасность, но он не обязательно испытывает при этом страх. Ср. с *испытывать опасение*, где описано эмоциональное состояние самого субъекта. У глагола *испытывать* такая валентность отсутствует. Поэтому сочетания типа *испытывать опасность* могут восприниматься как аномальные, и для их коррекции в них хочется вставить слово *чувство*. Возможна также их конкретно-событийная интерпретация, при которой слова с эмотивными семами воспринимаются как имена переживаемых событий. В этом случае чаще всего используется форма множ. числа эмотивов. Ср.: *испытывать разные опасности, беды (опасность, беду — хуже)*. Ср.:

Панин красноречиво изобразил Александру, какие беды испытывает Россия и что ее ждет еще впереди... (НКРЯ)

Опасности, испытываемые людьми, среди которых живет Е.Г. Киселева, равно как ею самой, в значительной степени прямые физические опасности: голод, бедность, насильственная смерть. (НКРЯ)

Способность глагола *испытывать* передавать значения типа 'претерпевать неприятные события' зафиксирована в словарях. Ср., например: «Изведывать на собственном опыте, претерпевать, прочувствовать что-л. (событие, переживание, ощущение)» [5]. Важно также то, что глагол *испытывать* имеет явную книжную окраску. Это может ограничивать его сочетаемость и сферу употребления. Обращает на себя внимание и следующая его особенность — по своей семантике он теснее связан не с эмоциональной, а с познавательной, т.е. рациональной, по сути, деятельностью. Его рациональную суть хорошо эксплицирует толкование, данное В. Далем. Ср.: «*испытывать* и *испытать*: пробовать, познавать, убеждаться исследованием, доходить опытом, разбирать, познавать в подробности, узнавать опытно» [4]. Таким образом, этот глагол, в отличие от *чувство* и *чувствовать*, интерпретирует эмоции как объект познания, а не просто восприятия. При этом все три единицы способны обозначать как физические, так и эмоциональные чувства.

Хотя глагол *испытывать* обладает наибольшей диагностической силой, его «книжность» и возможные лексикализованные ограничения на сочетаемость делают целесообразным использование при отборе имен эмоций диагностические контексты и двух других типов — с *чувствовать* и *чувство*. Представляется, что регулярное совместное употребление эмотивных существительных с этими тремя единицами может служить достаточно надежным средством для выделения среди них наименований собственно эмоций. При этом, однако, нужно учитывать, что автоматический отбор на этой основе не может обеспечить стопроцентную точность из-за способности лексем *испытывать*, *чувство* и

чувствовать сочетаться и с именами событий и свойств.

Выбрав диагностические критерии, мы проверили на их основе все слова из исходного списка эмотивных существительных. Этот список был составлен на основе указанных выше лексикографических источников и включал более 500 единиц. Анализ проводился корпусными методами. Как известно, при анализе сочетаемости важно учитывать фактор возможной ненормативности. Эту проблему во многом помогает снять использование корпусов текстов. Опора на определенный корпус текстов имеет существенные преимущества перед поиском контекстов в Интернете. На это справедливо указывают авторы рассмотренной выше работы, которые пишут по этому поводу следующее: «Специально отметим различие между материалом Национального корпуса, которым мы в основном пользовались, и данными Интернета. Коммуникативная потребность в вербализации отглагольных имен очень велика, что может приводить к нарушению существующих норм. Так, Яндекс дает более тысячи примеров явно ненормативного сочетания **охватило презрение*. Корпус не дает ни одного» [6, с. 31].

Корпус текстов позволяет исследователю указать точный объем и состав исследованного материала, что делает более достоверными полученные количественные результаты и выводы о норме. В нашем случае был использован, как наиболее представительный, Основной Корпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Оптимальный и наиболее точный способ корпусного анализа сочетаемости — это сбор «скетчей» (грамматически связанных сочетаний разного типа). В НКРЯ эта возможность инструментально реализована в «Портрете слова». Однако такие данные требуют большой и качественной предварительной разметки, поэтому скетчей в НКРЯ пока недостаточно. В силу этого мы использовали другой инструмент — поиск коллокаций. Он хотя и дает неизбежно какой-то процент шума из-за попадания в один контекст грамматически не связанных единиц, однако имеет и свое преимущество — возможность проанализировать и неконтактную сочетаемость, статистически оценив при этом силу связи коллоката и слова-ключа. В нашем случае в качестве ключа выступало слово-кандидат на наименование негативной эмоции, а в качестве коллокатов — леммы *испытывать, чувство, чувствовать*. Использовалась следующая методика: сначала для каждой единицы исходного списка искали контактные сочетания (расстояние поиска от -1 до 1); затем, если связь с *испытывать* не была найдена, окно поиска увеличивалось (расстояние от -3 до 3). В результате была составлена база данных, включавшая в себя следующую информацию: единица исходного списка, найденные для нее коллокаты и сила связи с каждым из них (по LogDice). Для многих единиц списка связь ни с одним из трех нужных коллокатов не была обнаружена даже при расширенном окне поиска, что послужило основанием для их отсева. Однако такой отсев не был автоматическим. Среди таких слов оказались и слова, для которых сочетаемость с *испытывать* представляется возможной и вполне нормативной, хотя она и не зафиксирована в Основном корпусе НКРЯ. Ср.: *испытывать обеспокоенность, хандру* и др. Такие слова также сохранялись в списке.

Примененная методика позволила выделить слова, которые могут быть отнесены к ядерной части списка, и те, которые являются кандидатами в него и требуют дальнейшего исследования. Ниже представлены итоговые результаты проведенного анализа. Слова даны с распределением по тематическим группам (на основе классификации словаря «Алфавит эмоций»). Группы расположены по алфавиту их наименований. Внутри группы единицы разделены на подгруппы по силе связи с *испытывать*. В подгруппу 1 входят слова, имеющие коллокат *испытывать* в минимальном окне (-1/1). В подгруппу 2 входят слова, имеющие этот коллокат только при

расширенном расстоянии поиска (-3/3). Внутри групп 1 и 2 слова расположены по убыванию силы связи с *испытывать* (см. цифру после слова). В большинстве случаев слова этих групп связаны также и с остальными двумя коллокатами. В подгруппу 3 входят слова, имеющие связь только с *чувство* и/или *чувствовать* (расстояние -1/1 или -3/3, сила связи не указывается). В конце каждой группы дается перечень слов, у которых сочетаемость нужного типа в основном корпусе не найдена, но она, с нашей точки зрения, не исключена. Они условно характеризуются как потенциальные члены группы.^[2]

БЕСПОКОЙСТВО

1. **волнение** 7,98; **беспокойство** 7,87; **тревога** 7,77; **напряжение** 6,73; **возбуждение** 6,68; **смятение** 6,04; **нетерпение***^[3] 5,87

2. нет

3. *аффект, исступление, напряженность, нервозность, озабоченность, потерянности экзальтация*

Потенциальные единицы: *взбудораженность, взвинченность, психоз, обеспокоенность*

Слово *озабоченность* – в «Алфавите эмоций» дано только в группе ДОБРОТА

ГОРЕ

1. **боль** 8,55 (перен.); **мука** 8,13; **мучение** 7,83; **стресс*** 7,76; **шок** 7,23; **страдание** 7,68; **горечь** 7,21; **потрясение** 6,71 (в т.ч. в сочетании *потрясение чувств*); **тяжесть** 6,59 (перен.; *тяжесть чего*); **горе** 6,06; **скорбь** 6,39; **огорчение** 6,35; **переживание** 6,02

2. **терзание** 7,19 ; **пытка** (перен.) 6,92

3. *расстройство* (в основном в сочетании *расстройство чувств*)

Самая сильная связь с *испытывать* обнаружена у слов, именующих как физические, так и духовные ощущения (**боль, мука, мучение**), поэтому для установления частотности обозначения ими эмоций необходим дополнительный анализ контекстов. Слова *расстройство* и **потрясение** входят в «Алфавите эмоций» еще и группу БЕСПОКОЙСТВО. **Мука** и **мучение** являются синонимами, но второе слово часто обозначает конкретное событие. У слова *трагедия* также отмечена связь с *испытывать* (5,89), но оно не включено в итоговый список, поскольку обозначает конкретное событие. Ср.: *нет и малейших признаков душевной трагедии, какую испытывает, отрываясь от старины, молодец из «Повести о Горе и Злочастии»* (Гудзий, НКРЯ).

ГРУСТЬ

1. **ностальгия** 7,86; **тоска** 7,22; **скука** 6,62; **отчаяние** 6,46; **грусть** 6,34; **печаль** 6,29; **гнет** (перен.) 6,26

2. **депрессия** 6,57, **безнадежность** 6,46

3. *уныние, подавленность, безысходность, меланхолия, угнетенность*

Потенциальные единицы: *ипохондрия, пришибленность, удрученность, хандра, сплин, протрация*

Безнадежность как доминанта и качество входит в «Алфавите эмоций» также в НЕВЕРИЕ.

ЗЛОБА

1. **злоба** 6,43; **гнев** 5,85

2. **злость** 7,07; **возмущение** 6,77; **ярость** 6,71; **негодование** 6,65; **бешенство** (перен.) 6,48

3. *ожесточение, озлобление*

Потенциальные единицы: *остервенение, озверение*

Злоба и **злость** являются синонимами.

НЕДОВОЛЬСТВО

1. **раздражение** 7,46; **досада** 7,09; **неудовлетворенность** 6,63,

2. **недовольство** 7,01; **возмущение** 6,77; **неудовольствие** 6,77

3. *протест*

Раздражение в «Алфавите эмоций» входит также в **ЗЛОСТЬ** и, как доминанта, в **БЕСПОКОЙСТВО**.

НЕВЕРИЕ

1. **разочарование** 7,54; **недоверие** 6,94

2. **подозрение** 5,99

3. *безвыходность, неверие, скептицизм*

Потенциальные единицы: *пессимизм, скепсис*

Безнадежность, безысходность – см. **ГРУСТЬ**; *ревность* — см. **СОМНЕНИЕ**

НЕПРИЯЗНЬ и ВРАЖДА

1. **отвращение** 8,58; **неприязнь** 7,60; **ненависть** 7,56; **брезгливость** 7,10; **зависть** 6,80; **гадливость** 6,18; **вражда** 5,98

6) **омерзение** 7,37; **антипатия** 7,31; **враждебность** 6,32

в) *недоброжелательность, нерасположение, нетерпимость, нелюбовь, предубеждение, отторжение**

Потенциальные единицы: *недружелюбие, недружелюбность, фобия*, остервенение,*

Неприязнь и **вражда** даны в «Алфавите эмоций» как самостоятельные группы. Ко второй группе относятся **вражда** и **враждебность**, которые можно рассматривать как синонимы. Среди группы **НЕПРИЯЗНЬ** преобладают наименования физического чувства типа "отвращение".

ОБИДА

1. **унижение** 6,69; **обида** 6,23

2. **оскорбление** 6,42

3. *униженность, ущемленность**

Потенциальные единицы: *уязвление, уязвленность, уничижение*

ОДИНОЧЕСТВО

1. **одиночество** 6,76

2. нет

3. *разобщенность, сиротство, изолированность*, покинутость* (перен.)

Потенциальные единицы: *изоляция, отверженность, разъединенность*

СМИРЕНИЕ

1. нет

2. **смирение** 7,11; **беспомощность** 6,81

3. *покорность**

Потенциальные единицы: *безропотность*

СОМНЕНИЕ

1. **сомнение** 7,18; **неуверенность** 7,23; **недоумение** 6,96; **ревность** 6,20

2. **раздвоение** (перен.) 6,63

3. *нерешительность, нерешимость, озабоченность*

Растерянность – см. СТЫД

СТРАХ

1. **страх** 8,93; **ужас** 7,68; **трепет** (перен.) 7,32; **робость** 7,17; **опасение** 6,48; **боязнь** 6,00

2. **паника** 6,32

3. *испуг, настороженность*

СТЫД (и вина)

1. **неловкость** 9,27; **угрызение** 8,52; **неудобство** 8,37; **стыд** 8,34; **смущение** 7,57; **растерянность** 7,54; **сожаление** 7,49; **стеснение** 6,70; **вина** 6,46; **раскаяние** 6,39; **замешательство** 6,08

2. **конфуз** 6,34; **позор** 5,92

3. *застенчивость, оторопь, скованность**

Потенциальные единицы: *бесчестье, обескураженность, смущенность, сконфуженность,*

Хотя **вина** относится психологами к базовым эмоциям, соответствующая отдельная группа в «Алфавите эмоций» не выделяется. В нее могли бы войти слова **вина, раскаяние, угрызение, сожаление**. Слово **сожаление** входит и в группу ГРУСТЬ.

Высокая частотность слов **неловкость, неудобство, стеснение** может быть связано с их передачей физических свойств и состояний. **Растерянность, замешательство, обескураженность, оторопь** могут быть с большим основанием отнесены к группе СОМНЕНИЕ или НЕУВЕРЕННОСТЬ. Слово **стыд** имеет стилист. синонимы *стыдоба, стыдобище* и *стыдобушка*. Сочетания *испытывать конфуз, позор* представляются сомнительными, но они представлены в корпусе. Ср.: (1) *Самгин застонал, — кроме боли, он испытывал еще и конфуз* (Горький, НКРЯ). (2) *Какое это мучительное чувство: испытывать позор за свою Родину* (Солженицын, НКРЯ).

РАВНОДУШИЕ

1. нет

2. **опустошенность** 6,19

3. *апатия, вялость* (перен.)

Подведем некоторые итоги проведенного анализа:

1. Число единиц, выделенных на основе сочетаемости с *испытывать* (см. группы 1 и 2), составляет, согласно полученному списку, 90. Эти единицы можно рассматривать как ядерные. Еще у 42 единиц обнаружена только связь с коллокатами *чувство* и *чувствовать*, но их также можно включить в ядро семантического класса «наименования негативных эмоций».

2. Самой большим группами по числу слов оказались ГОРЕ, СТЫД (включая *вина*), НЕПРИЯЗНЬ.

3. Наиболее тесная контактная связь с *испытывать* (расстояние -1/1, LogDice > 8) обнаружена у слов **неловкость** (9,27), **страх** (8,93), **отвращение** (8,58), **боль** (8,55), **угрызение** (8,52), **неудобство** (8,37), **стыд** (8, 34).

Как и любой семантический список, полученный перечень может быть в дальнейшем пополнен и уточнен. Однако есть основания считать, что в него вошли все русские наименования негативных эмоций, т.е. эмоций, доставляющих субъекту неприятные ощущения.

[1] Цитируется по [3, с. 49]

[2] Данные из НКРЯ получены в период 22-25 декабря 2024 г..

[3] Знак* после слова означает отсутствие существительного в «Алфавите эмоций».

Библиография

1. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 182 с.
2. Бабенко Л. Г. Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики / Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2021. – 432 с.
3. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание: [пер. с англ.] / А. Вежицкая; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучевой. – Москва: Русские словари, 1996. – 411 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль: в 4 т. – Т. 2: И-О. – М.: РИПОЛ классик, 2006.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.

Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000.

6. Ляшевская О. Н., Падучева Е. В. Онтологические категории имен эмоций / О. Н. Ляшевская, Е. В. Падучева. // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные технологии. – 2021. – № 3. – С. 45-50.

7. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Т. З. РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998.

8. Словарь-тезаурус синонимов русской речи: 600 ключевых понятий, 8000 синонимических рядов, 47 слов-синонимов / ред. Л. Г. Бабенко. – Москва: АСТ-ПРЕСС, 2007. – 512 с.

9. Сунь Цзялинь, Кукушкина О. В. Описание эмотивной лексики в русских семантических словарях / Сунь Цзялинь, О. В. Кукушкина. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2025. – № 1. – С. 98-108. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-01-8.

10. Brown R. W., Ford M. Address in American English // Language in culture and society / ed. D. H. Hymes. – New York: Harper and Row, 1964. – P. 234-244.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье "Состав наименований негативных эмоций в русском языке» автором рассматриваются графические проблемы номинации русских отрицательных эмоций. Исследование обладает структурой научной статьи и состоит из введения, основной части, заключения и библиографии.

Во введении автор представляет теоретическую базу исследования отечественных и зарубежных авторов в области семантики и лексикографии.

Научная новизна статьи определяется недостаточностью отсутствия разделения эмоций в предыдущих исследованиях на негативные и позитивные. Автор подчеркивает, что для выделения каждой эмоции в отдельную сему необходимо учитывать вербализующую роль семантических операторов.

Материалом для исследования послужили 500 единиц из лексикографических источников.

Метод исследования корпусный на основе НКРЯ.

На основании сочетаемости предлагается выделить 5 основных семантических категорий: чувство, отношение, состояние, событие и свойство. К дополнительным категориям относятся действие и содержание состояния.

На основании представленных в статье диагностических критериев автор формирует ядерную часть списка негативных эмоций в русском языке, а также предлагает ряд сем, относящихся к периферии семантического поля негативных эмоций.

В ядерную часть, по мнению автора, входят следующие категории: беспокойство, горе, грусть, злоба, недовольство, неверие, неприязнь/ вражда, обида, одиночество, смирение, сомнение, страх, стыд (и вина), равнодушие.

Полученный в результате исследования и анализа семантических категорий список ядерных русских негативных эмоций представляется достоверным и полным. Количество проанализированных в ходе работы с корпусом лексических единиц является необходимым и достаточным.

В результате данного анализа автор приходит к выводу о том, что «как и любой семантический список, полученный перечень может быть в дальнейшем пополнен и уточнен. Однако есть основания считать, что в него вошли все русские наименования

негативных эмоций, т.е. эмоций, доставляющих субъекту неприятные ощущения».

Стиль статьи соответствует уровню научной статьи и не содержит существенных недочетов.

Библиография содержит необходимое количество отечественных и зарубежных источников.

Однако, в работе существуют небольшие недостатки.

Так, нечетко обозначены цели и задачи исследования.

Кроме того, текст не в полной мере обладает структурой научной статьи. Не указана актуальность исследования. Заключение в работе недостаточно четко отражает суть проделанной аналитической работы, что затрудняет восприятие ценных научных результатов, представленных автором в ходе проведенного исследования.

Однако, это не влияет на общее положительное впечатление от статьи.

Таким образом, статья «Состав наименований негативных эмоций в русском языке» является исследованием, открывающим новые перспективы в области русской семантики и психолингвистики, и она может быть рекомендована к публикации в журнале Litera.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает состав наименований негативных эмоций в русском языке. Актуальность работы не вызывает сомнения и обусловлена значимой ролью эмоций в процессе мышления, в языке и в общении, высокой значимостью эмоций для носителей русского языка. Как верно отмечается в работе, в русской лексикографии описанию эмотивной лексики уделяется большое внимание, однако в имеющихся русских семантических словарях «эксплицитное деление на негативные и позитивные эмоции не проводится, а наименования эмоций не отделяются от эмотивных средств иного типа, т.е. выражающих разные виды эмоций, но не именующих их. В связи с этим возникает необходимость дополнительного анализа имеющегося материала и выборки из него единиц нужного типа.

Теоретической основой исследования обоснованно выступили как фундаментальные, так и актуальные труды таких отечественных и зарубежных ученых, как Л. Г. Бабенко, О. Н. Ляшевская, Е. В. Падучева, А. Вежицкая, О. В. Кукушкина, Сунь Цзялинь, R. W. Brown, M. Ford и др., посвященные лексическим средствам обозначения эмоций в русском языке; онтологическим категориям имен эмоций; вопросам описания эмотивной лексики в русских семантических словарях и др. Библиография статьи составляет 10 источников, в том числе лексикографические, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям, находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология исследования определена поставленной целью и задачами и носит комплексный характер. В работе используются как традиционные методы, доказавшие свою эффективность (описательный, сравнительно-сопоставительный, лингвостатистический, структурный методы, анализ словарных дефиниций, контент-анализ и контекстологический анализ), так и современные корпусные методы («сначала для каждой единицы исходного списка ищались контактные сочетания (расстояние поиска от -1 до 1); затем, если связь с 'испытывать' не была найдена, окно поиска увеличивалось (расстояние от -3 до 3). В результате была составлена база данных, включавшая в себя следующую информацию: единица исходного списка, найденные для нее коллокаты и сила связи с каждым из них (по LogDice). Примененная методика

позволила выделить слова, которые могут быть отнесены к ядерной части списка, и те, которые являются кандидатами в него и требуют дальнейшего исследования.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи, подведены итоги проведенного анализа. Отмечается, что «как и любой семантический список, полученный перечень может быть в дальнейшем пополнен и уточнен. Однако есть основания считать, что в него вошли все русские наименования негативных эмоций, т.е. эмоций, доставляющих субъекту неприятные ощущения».

Автор(ы) провели достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких современных научных направлений, как когнитивная лингвистика, психолингвистическая теория эмоций, прагматика; в разработку списка русских наименований негативных эмоций. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по языкознанию и теории языка, по стилистике, лексикологии и лексикографии.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль статьи отвечает требованиям научного описания. Рукопись имеет заверченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чернова А.Н. Влиятельные женщины Санкт-Петербурга в деловой журналистике: медиапортрет и профессиональный статус // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.73897 EDN: PPBGBE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73897

Влиятельные женщины Санкт-Петербурга в деловой журналистике: медиапортрет и профессиональный статус

Чернова Анастасия Николаевна

ORCID: 0009-0003-1058-6295

аспирант; институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

✉ anastasiamurzinaa@gmail.com

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.73897

EDN:

PPBGBE

Дата направления статьи в редакцию:

31-03-2025

Дата публикации:

16-04-2025

Аннотация: В условиях глобальной медиатизации возникает потребность научного осмысления деятельности СМИ: тема формирования общественного мнения посредством медиаобраза становится все более актуальной в контексте необходимости сохранения национальной идентичности. Зашифрованные в журналистском тексте коды и смыслы оказывают существенное влияние на поведенческие модели индивидов. Объект исследования – медиаобраз успешной женщины в деловой журналистике. Предметом исследования является профессиональный статус в медиапортрете влиятельной петербурженки по версии газеты «Деловой Петербург». Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как визуальность журналистского материала в деловом издании, соответствие медиаобраза женщины интересам национальной безопасности, влияние медиапортрета на общественное восприятие женской ролевой модели. Особое внимание

уделяется пониманию женских ролей внутри семьи как особо значимых для успешной самореализации женщины в социуме. Метод или методология исследования: при помощи метода контент-анализа на материалах специального выпуска ведущей деловой газеты Северо-Запада «Деловой Петербург» №25 (6081) за 07.03.2025 был выявлен медиаобраз современной влиятельной петербурженки в аспекте медиапортрета и профессионального статуса. Эмпирическую базу исследования составили 100 фото и текстов. Новизна исследования заключается в выявлении актуального медиаобраза влиятельной женщины Санкт-Петербурга из первичных данных, основанных на материалах ведущего делового издания Северо-Запада; предложено научное определение понятия «медиапортрет». Основными выводами исследования являются предположения о портрете деловой женщины: блондинка с прямыми распущенными волосами и славянской внешностью, возраст около 50 лет. Самое вероятное имя – Елена. Обязательным является наличие высшего образования, возможно, ученой степени. Профессиональный статус может быть обозначен как директор, владелица, руководитель; сфера деятельности – власть, культура или образование. Медиаобраз влиятельной женщины должен транслироваться не только через изображение и текст, но и содержать информацию о профессиональном статусе и семейном положении. Особым вкладом автора в исследование темы является выявление совместимости семьи и карьеры в женской ролевой модели, а также указание на недостаточность этих данных в медиаобразе влиятельной петербурженки.

Ключевые слова:

медиаобраз, профессиональный статус, деловое издание, медиапортрет, деловая женщина, семейный статус, медиатизация, влиятельная женщина, СМИ, образ женщины

Актуальность исследования определена потребностью в научном осмыслении успешного опыта формирования женской модели самореализации. Пока в Западных странах женщины вынуждены бороться за равноправие, а в некоторых странах Азии и Африки за выживание ^[28], в странах постсоветского пространства прекрасному полу доступно разнообразие путей самореализации. В России создание семьи гармонирует с построением карьеры, что делает жизнь женщин многогранной и динамичной. Определение медиапортрета женщины в деловой журналистике осуществляется посредством научного метода: проведен контент-анализ специального выпуска газеты «Деловой Петербург» №25 (6081) за 07.03.2025 «Деловой Петербург. 100. Влиятельные женщины Петербурга 2024» на предмет медиапортрета и профессионального статуса героинь спецвыпуска. Результаты исследования на материалах петербургского СМИ могут быть использованы частными лицами, учеными, журналистами, политиками за пределами региона, открывая возможности для самореализации большому количеству женщин.

Согласно переписи населения РФ 2021 г. на территории страны проживают 78 млн женщин и 68 млн мужчин (Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya), из них высшим образованием обладают около 15,5 млн женщин и 10,6 млн мужчин (Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom3_Obrazovanie), что свидетельствует о доступности гражданам высшего образования вне зависимости от половой принадлежности. Россия нацелена на сохранение традиционных ценностей (Президент России: [сайт]. URL:

<http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>), что не исключает раскрытие женского потенциала за пределами института семьи и брака, а наоборот поддерживает карьерное становление личности.

Доступность образования и перспективного будущего для девочек, девушек и женщин были сформированы в результате планомерных действий по развенчанию стереотипов, влияющих на профессиональную реализацию. СМИ способны трансформировать человеческое восприятие феноменов и менять поведенческие модели [29]. В этом ключе женский медиаобраз и медиапортрет становятся важными объектами для научного осмысления, поскольку определяют понятие «женщина» и моделируют социальную реальность – особенно значимым является женский медиапортрет в деловой журналистике, непосредственно влияющей на сферы бизнеса и политики.

На материалах ведущего петербургского делового издания «Деловой Петербург» было проведено исследование, позволяющее получить представление о женском медиапортрете. Выпуск газеты №25 (6081) за 07.03.2025, приуроченный к Международному женскому дню 8 марта, содержит упоминания 100 самых влиятельных жительниц города, состоявших в трудовой деятельности. Определение профессионального статуса героинь тематического номера составляет предмет исследования.

Методология исследования основана на применении метода контент-анализа фото-изображений и текстовых материалов, относящихся к участницам списка самых влиятельных женщин Санкт-Петербурга. В совокупности эти фото и тексты составляют базу для вычленения общего образа успешной петербурженки.

Обзор литературы

В условиях медиатизации, предполагающей не только трансляцию культурных символов в СМИ, но и трансформацию социальной реальности (что определяет диалектический характер этого процесса) [38] особое значение приобретают знаки и смыслы. Медиаобраз как феномен часто становится предметом исследовательской деятельности. Часто в научном поле встречаются работы на тему политических медиаобразов (стран или отдельных лиц, занимающихся политической деятельностью), региональных (территорий, национальностей), корпоративных (отраслей, организаций, должностей, профессий).

Самые цитируемые русскоязычные работы о медиаобразе принадлежат: Галинской Т.Н., обозначившей три тенденции в научном осмыслении медийных образов [9], Богдан Е.Н., определяющей данное понятие как особый образ реальности, предлагаемый медиа своей аудитории к восприятию [4]; Зубановой Л.Б., понимающей медиаобраз действительности как «коллективно-вырабатываемое ценностно-смысловое поле информации» [12]. Среди недавно вышедших исследований медиаобраза стоит выделить следующих авторов: Симакову С.И., раскрывающую тему в аспекте визуальности [17; 18; 19], Сидорскую И.В., разграничившую понятия «образа» и «имиджа» [16]; Мельник Г.С., обозначившую в нескольких работах содержание медиаобраза России за рубежом и в сознании россиян [11; 15; 23].

Важным структурным составляющим медиаобраза является медиапортрет – это понятие практически не раскрыто в научном поле. Говоря о медиапортрете можно назвать имена Тарасовой А.Н., рассматривающей его как жанр на материалах СМИ Франции [22], Чумикова А.Н., обращающегося к понятию в статьях о современном информационном

поле [25] и социологическом измерении медийного контента [26]. В контексте данной работы медиапортрет понимается как совокупность визуальных характеристик рассматриваемого медиа объекта, составляющих значительный компонент медиаобраза. Особую ценность составляет научное осмысление медиапортрета в рамках социологии, поскольку визуальный образ можно рассматривать как передатчик «смысловых констант» цивилизации [17].

Медиа становятся неотъемлемой частью жизни каждого цивилизованного человека, создавая индивидуальные картины мира посредством медиатизированной информации – Е.Л. Вартанова предлагает понятие «человек медийный» (*homo medius*), обозначающее члена общества, «бытие которого определяется и в значительной степени формируется содержанием СМИ как продуктом, производимым отдельной отраслью современной экономики, медиаиндустрией, и потребляемым в процессах массовой/социальной коммуникации, а также коммуникационными отношениями и интересами индивида» [6]. Так, содержание медиапортрета влиятельных женщин в деловых СМИ напрямую определяет бизнес реальность через бытие участников экономических отношений.

Природе печатных медиа свойственна визуальность. Документальный характер фотографии наполняет ее свойством реальности, свободной от субъективных оценок [18]. Об этом пишет и Р. Барт, «ничто написанное не в силах сравниться по достоверности с фото. Несчастье языка, возможно, и присущее ему сладострастие, связано с тем, что он неспособен проверить собственную аутентичность» [2]. Поэтому главным образом эмпирическую базу исследования составляют размещенные в выпуске газеты фотографии петербурженок.

Это исследование сосредоточено не только на анализе визуальных материалов СМИ, но также на содержании текстовой части, позволяющей определить ключевые характеристики упомянутых лиц с точки зрения социальных ролей: профессиональный и семейный статус. Выступая ретранслятором символических форм в культурном пространстве, медиа заново воспроизводят социальную реальность [24]. Научное осмысление, какая ролевая модель кроется за номинацией «влиятельная женщина» позволяет достигнуть понимания образа, предлагаемого ведущим деловым изданием Санкт-Петербурга своей аудитории.

Под семейным статусом в контексте текущего исследования подразумевается семейное положение индивида (состояние в браке, наличие детей, внуков). Профессиональный статус в рамках этого исследования предлагается трактовать как социальное положение индивида в соответствии с его профессиональной деятельностью, определяющее самоидентификацию и позицию в системе социальных отношений, исходя из представлений о правах и обязанностях присущих специальности.

Особую значимость понимание профессионального аспекта списка самых влиятельных женщин, опубликованного в региональном СМИ, составляет перспектива влияния журналистского текста на аудиторию: выбор профессии индивидов выходит за рамки индивидуально-личностного процесса и совершается под воздействием внешних обстоятельств и давлением агентов социализации [13] – социальных институтов, значимых близких и СМИ, воздействующих и на первых, и на вторых. Гипотетически самая часто встречающаяся профессия и отрасль труда в обозреваемом списке может стать ориентиром профессионального выбора для молодого поколения.

В русскоязычном научном поле наиболее популярным трудом о профессиональном статусе является работа авторства Головановой Е.И., посвященная изучению категории профессионального деятеля в лингвистическом аспекте [10]. В последнее время успехом в академическом поле пользуются научные работы, посвященные исследованиям статуса применимо к отдельным специальностям [1; 3; 7; 20; 27 и др.] и профессиональной идентичности студентов высших учебных заведений [5; 8; 14; 21 и др.]. В недавних работах зарубежных авторов прослеживается тенденция, когда профессиональный статус анализируется относительно профессионализма [32; 37 и др.], особой популярностью пользуется рассмотрение профессионального статуса в качестве идентификационной характеристики личности, определяющей ее способности [36; 39 и др.] или потребности [30; 34; 35 и др.], также проводятся исследования профессионального статуса в контексте определения профессиональной идентичности индивидов [31; 33 и др.]. Единство мнений в научном определении понятия «профессиональный статус» не достигнуто до сих пор.

Методология исследования:

На материалах выпуска газеты «Деловой Петербург» №25 (6081) за 07.03.2025 «Деловой Петербург. 100. Влиятельные женщины Петербурга 2024» был проведен контент-анализ фотоизображений героинь списка и текстов, относящихся к этим фото. Некоторые женщины были удостоены публикации интервью и фото не только в общем списке, но и на отдельных разворотах. Эмпирическую базу исследования составили 100 фото и текстов. Преимущественно расположение героинь в списке обосновано алфавитным порядком фамилий, исключение составляют награды в номинациях за особый вклад в разных областях трудовой деятельности.

«Деловой Петербург» – ведущее деловое издание Северо-Запада, публикуется с мая 1993 года и насчитывает более 6000 выпусков (Деловой Петербург: [сайт]. URL: <https://www.dp.ru/staff>). Тираж газеты в 2025 составляет 6000 экземпляров каждого номера. Газета выходит трижды в неделю и распространяется по подписке, в розницу и через партнеров. Аудитория газеты – деловая элита Петербурга и все интересующиеся экономической жизнью города.

Этапы контент-анализа:

1. определение внешних характеристик медиапортрета по фото;
2. на основании текстовых данных определение профессионального статуса, отрасли трудовой деятельности, семейного положения героинь;
3. при помощи количественного метода выявление самых частых черт в медиаобразе влиятельной женщины Санкт-Петербурга и обозначение усредненного медиапортрета.

Анализ содержания изображений включал:

- определение примерного возраста героинь: оценка производилась «на глаз» – на сколько лет чисто визуально выглядит героиня? Как ее видит среднестатистический читатель издания? Для проверки объективности оценки исследователя частично было применено сравнение с возрастом героинь, указанным в открытых источниках – в большинстве случаев предположение исследователя и реальный возраст совпадали, иногда погрешность составляла 2-3 года;
- определение цвета волос и вариантов их укладки: блондинка, брюнетка, шатенка,

русая, рыжая, седой или нестандартный цвет; распущенные длинные или каре, короткие, убраны в прическу, спрятаны под убором; кудрявые или прямые;

- изучение лиц: цвет глаз, наличие очков, вариант макияжа (естественный, повседневный, яркий) или его отсутствие, улыбалась или задумчива была дама;
- предположение о национальной принадлежности героинь, исходя из внешних данных;
- во что одеты героини и какой цвет на фото преобладает.

На основании текстовых материалов под фото удалось выявить:

- какие женские имена чаще встречаются в списке самых влиятельных;
- профессиональный статус героинь (исходя из подписей непосредственно под фото) и сферу трудовой деятельности;
- указание на наличие высшего образования и ученой степени (кандидатской или докторской);
- частоту указания на семейное положение (замужество, наличие детей и внуков).

Необходимо также указать на неизбежные в любом, как и в этом, исследовании погрешности. Во-первых, ввиду технических характеристик изображений (расширение, масштаб, цветопередача) возможно искажение некоторой части данных, как, например, цвет глаз или волос. Во-вторых, отсутствие части данных в тексте, например, о статусе замужества или наличии детей, не означает, что этого нет в реальной жизни героинь. Тексты не составлены по одному шаблону и отражают разные стороны участниц списка. Наконец, в-третьих, нельзя сбрасывать со счетов субъективность исследователя, влияющую на восприятие и интерпретацию данных.

Результаты исследования:

Список 100 самых влиятельных женщин Санкт-Петербурга представлен в выпуске газеты фотографиями с подписями и текстами одного формата, составляющими в совокупности малые медиапортреты. Кроме общего прослеживаются и отличия в стилевом решении материалов (фото и текстов). Информация об авторах фото и текстов отсутствует, вероятно, они предоставлены самими героинями или организациями, в которых эти женщины трудятся.

В сознании большинства индивидов идея о внешнем облике предвосхищает представления о содержании субъекта, так, фотографии героинь списка самых влиятельных женщин Санкт-Петербурга имеют первостепенное значение для исследования и должны быть в первую очередь подвергнуты анализу. Все фотографии одного размера и формы (квадрат), размещены от 3 до 9 штук на странице. На всех фото изображены лица, нижняя граница кадра расположена чуть ниже уровня плеч.

Предположительная оценка возраста героинь фото стала основанием для определения возраста медиаобраза влиятельной женщины Санкт-Петербурга – 50 лет (среднее значение). Более влиятельными оказались блондинки (37), за ними следуют девушки с волосами всех оттенков русого (21), на третьем месте брюнетки (20), только затем шатенки (12), рыжие (5), седые (2), с неформальным цветом волос (1) и леди в головных уборах (2). Кудри не в тренде у влиятельных женщин – их имеют только 23 из 100 особ. Абсолютное большинство предпочитает носить распущенные волосы (34), на втором месте среди стилевых решений стрижка каре (31), короткие волосы также отличаются

популярностью (21) – вероятно, отсутствие сложных причесок у большинства дам связано с насыщенным темпом жизни. Тем не менее, на макияж петербурженки время находят: повседневный мэйк-ап наблюдается у 44, естественный у 38, без макияжа только 9 женщин, яркий (8) и вечерний (1) практически не в ходу. На фото изображены в очках только 15 из 100 героинь. Насколько это возможно рассмотреть на фото, у 34 голубые глаза, у 27 карие, у 20 серые, у 17 зеленые, двое скрыли глаза за непрозрачными очками. Внешность у большей половины славянская, 64 героини фото улыбаются. В костюмы одеты 66 женщин, 23 – в нарядные блузки и платья, остальные по форме или в повседневную и спортивную одежду. На 37 фото преобладает черный цвет, на 16 – белый и на 16 других – серый, на 7 – голубой, на меньших группах изображений главенствуют другие цвета.

Имя играет большую роль в социализации личности. Результаты исследования показали, что обладательницы имени Елена оказываются гораздо влиятельней других. Так, в списке значится 14 Елен, 8 Анн, 7 Юлий, 6 Ирин, Татьян, 5 Екатерин, Наталий, Светлан, 4 Марии, Ольги, 2 Александры, Аллы, Анастасии, Дарьи, Людмилы, Марины, Надежды, Нины, 1 Алевтина, Алена, Анжела, Валентина, Вера, Виктория, Диана, Ефросиния, Инга, Инна, Карина, Лира, Любовь, Маргарита, Марика, Ника, Тамара, Ульяна, Эльвира, Эмма.

Результаты исследования профессионального статуса основываются на указаниях в подписи к фото, выполненным курсивом. Многие из женщин успевают исполнять несколько ролей, поэтому количество позиций и должностей, отражающих уровень профессионального статуса, близится к двум сотням. Так, влиятельные женщины Петербурга – это 43 директора (из них 25 генеральных и 4 исполнительных), 9 владелиц/владельцев/совладелиц/совладельцев бизнеса, 7 руководителей, 6 председателей, 5 депутатов, 4 основателя, 3 вице-губернатора (включая первого вице-губернатора Ленинградской области), 3 главы, 3 заместителя, 3 ректора, 2 адвоката, 2 актрисы, 2 артистки, 2 врача, 2 начальника, 2 организатора, 2 партнера, 2 певицы, 2 президента компаний, 2 уполномоченных по правам, 2 управляющих, 2 чемпионки, 1 автор, 1 вдохновитель, 1 вице-президент компании, 1 документалист, 1 заведующая, 1 игуменья, 1 медиатор, 1 нейролингвист, 1 неонатолог, 1 педиатр, 1 популяризатор науки, 1 прима, 1 профессор, 1 секретарь, 1 солистка, 1 соорганизатор, 1 телеведущая, 1 тренер, 1 учредитель, 1 фигуристка, 1 художественный руководитель, 1 член Академии российского телевидения.

Наибольшее количество влиятельных женщин Петербурга трудятся в органах власти (22), почти столько же в учреждениях культуры (18) и системе образования (9). Достаточно привлекательными по результатам исследования являются сферы спорта (8), медицины (6), торговли (5), права (5), банковская сфера (4), производственная (4), коммуникаций (4), бизнеса (3), коммунальных услуг (3), науки (3), строительства (3). Наименее востребованными оказались благотворительная (2) и церковная (2) деятельность, ресторанный бизнес (2), меньшее количество героинь профессионально вовлечены в автоспорт (1), гостиничный бизнес (1), инвестиции (1), машиностроение (1), развлечения (1), сделки с недвижимостью (1), сельское хозяйство (1), шоу-бизнес (1). Примечательно, что результаты исследования могут послужить аргументом в пользу существования «женских» специальностей.

Факт наличия высшего образования обозначен в 72 текстах, вероятно, что другие 28 героинь тоже окончили высшие учебные заведения, но авторы заметок о них не сочли эту информацию существенной. Обладание ученой степенью оказалось достаточно престижным среди влиятельных женщин Санкт-Петербурга: 5 из них доктора наук и еще 17 – кандидаты, – то есть, в сумме почти четверть от общего количества. В связи с чем,

можно утверждать, что уровень образования по-прежнему во многом определяет карьерные достижения индивида.

О семейном положении героинь выпуска информация практически не указана, за исключением пары случаев: это тексты о Светлане Агапитовой и Алене Цыганковой. Светлана Агапитова стоит первой в списке самых влиятельных женщин Санкт-Петербурга, поэтому заметка о ней умозрительно задает форму для соответствия всех последующих. Информация о том, что уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге по совместительству мать 4 детей и бабушка 3 внуков наполняет текст личным содержанием – человеческим, а не только формальным. На контрасте с упоминанием членов семьи в начале выпуска отсутствие информации о семье 98 следующих героинь делает тексты о них сухими – реальная жизнь за пределами профессионального статуса остается за закрытыми дверями. Напротив искренним кажется текст об Алене Цыганковой, которая являясь гендиректором, успевает быть женой, мамой 2 детей, а также хозяйкой дома, в котором живут кошки, собаки, попугай, черепаха и рыбки. Эта заметка расположена практически в конце списка, что в очередной раз подчеркивает неполноту остальных 98, заключая сводки о смене мест работы между 2 текстами, транслирующими ценность семьи.

Быть матерью – это уникальный опыт для женщины, который незаслуженно недооценен. В ситуации же, когда статус материнства «стирается» редактором СМИ из биографии героя журналистского материала, медиаобраз становится недостоверным. Задача наделить роль матери престижем актуальна как никогда (в контексте тенденции убыли населения в РФ (Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_06-2024.htm)). Стоит отметить, что в статьях данной газеты героини списка отмечают положительное влияние семьи на их профессиональное становление. Неудачным вариантом обращения к семейным ценностям, пожалуй, стоит признать указание на степень родства по типу «дочь миллиардера», ставящую под сомнение личные заслуги женщины.

Заключение

На материалах специального выпуска газеты «Деловой Петербург» №25 (6081) за 07.03.2025 был проанализирован медиаобраз современной влиятельной петербурженки в аспекте медиапортрета и профессионального статуса. Подводя итог, влиятельная женщина Петербурга с большей долей вероятности – это блондинка приблизительно 50 лет, предпочитает деловой стиль одежды (костюм) и в причёске прямые распущенные волосы. Внешность славянская, поэтому за повседневным макияжем выделяются преимущественно голубые глаза. Зовут ее, скорее всего, Елена. Обязательным является наличие высшего образования, возможно, и ученой степени. Профессиональный статус может быть обозначен как директор, владелица, руководитель; сфера деятельности – власть, культура или образование.

Этот медиапортрет практически в точности описывает обложку исследуемого специального выпуска, на которой изображена Елена Финогенова – эффектная блондинка в красном костюме, адвокат, основатель и партнёр группы «Победа», основатель и идеолог центра «Давайте жить». Выбор конкретного дизайнера для первой страницы газеты свидетельствует о профессионализме редакции, знающей или точно чувствующей, создаваемый ими медиаобраз деловой женщины. Такой подход обещает изданию дальнейшее процветание, которое, впрочем, невозможно без экономической стабильности страны. В связи с чем медиаобраз женщины должен быть дополнен информацией о ее семейном статусе (как, например, раскрыт образ девушки с обложки

Елены Финогеновой в интервью за рамками списка самых влиятельных).

Деловая журналистика обладает потенциалом оказывать влияние суггестивного характера на аудиторию, а значит задавать образцы поведения и раскрывать содержание ролевых моделей и социально значимых понятий. Медиаобраз влиятельной женщины может транслироваться в деловом издании через изображение и текст, обязательно содержащий информацию о профессиональном статусе, однако этого недостаточно для формирования паттерна, способствующего сохранению традиционных ценностей, и поддержания престижа института семьи.

Библиография

1. Барина О.Г. Иррациональные установки в формировании профессиональной идентичности студентов медицинского вуза: бихевиорально-когнитивный подход // Межкультурная коммуникация в образовании и медицине. 2022. № 1. С. 76-89. EDN: ETSXGC.
2. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии / пер. с фр., послесл. и коммент. М. Рыклина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2011.
3. Беззубенко О.И. Бренд-статус врача как основа профессионального и личностного роста медицинского специалиста // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2022. Т. 21, № 7. С. 103-104. DOI: 10.15829/1728-8800-2022-3349 EDN: YBNQBM.
4. Богдан Е.Н. Медиаобраз России как понятие теории журналистики // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2007. № 4. С. 122-127. EDN: ICDKVV.
5. Быков С.А., Волкова Н.А., Медяник Н.П. Применение педагогических инструментов формирования профессиональной идентичности: на примере студентов-первокурсников отраслевых вузов // Современное педагогическое образование. 2022. № 12. С. 20-25. EDN: CBTNBG.
6. Вартанова Е.Л. СМИ и журналистика в пространстве постиндустриального общества // Медиаскоп. 2009. Вып. 2. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/352> (дата обращения: 02.05.2016). EDN: ONHOVF.
7. Влияние речевого поведения на социальную роль и профессиональный статус врача / И.О. Бугаева, Н.А. Клоктунова, М.И. Барсукова, З.Э. Кудашева // Медицинская наука и образование Урала. 2022. Т. 23, № 4(112). С. 164-169. DOI: 10.36361/18148999_2022_23_4_164 EDN: CNNGRM.
8. Вызулина К.С. Профессиональная идентичность студентов на первом этапе учебно-профессиональной деятельности // International Journal of Medicine and Psychology. 2023. Т. 6, № 6. С. 136-141. EDN: UMIWQU.
9. Галинская Т.Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 11(160). С. 91-94. EDN: RSXGRN.
10. Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке / Е. И. Голованова. Челябинск: Наука, 2004. EDN: RQQEGZ.
11. Ерофеева И.В., Мельник Г.С., Зайкина Н.М. Медиаобраз Республики Крым: модель мира российского студента // Регионоведение. 2020. Т. 28, № 3(112). С. 516-542. DOI: 10.15507/2413-1407.112.028.202003.516-542 EDN: KSRGJD.
12. Зубанова Л.Б. Современное медиапространство: подходы к исследованию и принципы интерпретации // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2008. № 2(14). С. 6-17. EDN: JXEKLN.
13. Кравченко А.И. Выбор профессии как социологический феномен: вопросы теории // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23, № 1. С. 49-66. EDN: YQPSFB.
14. Львова С.В. Формирование профессионального самоопределения у студентов //

Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: материалы XV Международной научно-практической конференции, Москва, 25 июня 2022 года. - М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2022. С. 249-254. EDN: EOХКJE.

15. Мельник Г.С., Мисонжников Б.Я. Лингвистические приёмы антироссийской пропаганды - новый тренд массмедиа Германии // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 99-109. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-99-109 EDN: NYKAZB.

16. Сидорская И.В. Об употреблении терминов "образ" и "имидж" в русскоязычных исследованиях проблемы медиарепрезентации территорий // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 3. С. 173-197. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2021.173197 EDN: OLFPQI.

17. Симакова С.И. Визуальный образ - основа формирования визуального языка коммуникации // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 3(37). С. 89-94. DOI: 10.24411/2070-0695-2020-10313 EDN: QWХARM.

18. Симакова С.И. "Цивилизация глаза": специфика визуальной репрезентации события // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 1. С. 125-133. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-1-125-133 EDN: ZQEUXE.

19. Симакова С.И., Кваша Д.И. Медиаобраз как одна из составляющих формирования медиаэстетического кода региона // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29, № 1. С. 28-38. DOI: 10.15826/izv1.2023.29.1.003 EDN: CMVESL.

20. Скрипкина Т.П. Социальные представления о легитимизации агрессии у военнослужащих с разным профессиональным статусом // Прикладная юридическая психология. 2022. № 1(58). С. 6-18. DOI: 10.33463/2072-8336.2022.1(58).006-018 EDN: QKKOCZ.

21. Суворова О.В., Селукова Н.С., Мазурова Е.В. Психологическая готовность к профессиональному общению будущих педагогов: к проблеме онтологического статуса понятия // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1(26). С. 137-149. EDN: LWQBFI.

22. Тарасова А.Н. Прагматический потенциал композиции французского медиа-портрета // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 10(696). С. 256-267. EDN: SGEXIP.

23. Цянь Ч., Мельник Г.С. Медиаобраз России в китайских интернет-мемах // Российско-китайские исследования. 2021. Т. 5, № 1. С. 46-55. DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(1).46-55 EDN: WBFYSQ.

24. Чубарь П.И. Визуальный и медиальный повороты сквозь призму осмысления современной культуры // Молодёжный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры: сб. ст. аспирантов, магистрантов, студентов: прил. к журн. "Вестник СПбГУКИ". СПб. 2016. № 1. С. 5-7. EDN: ХНQXYV.

25. Чумиков А.Н. Современное информационное поле: смыслы, проблемы, коммуникационные решения // Российская школа связей с общественностью. 2015. № 6. С. 32-43. EDN: ТХОJНН.

26. Чумиков А.Н. Социологический инструментарий в измерениях медийного контента // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 1(47). С. 89-98. EDN: HQJOWG.

27. Шуклина Е.А. Преподаватели вузов о социальном благополучии в сфере профессиональной деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2022. № 1. С. 20-34. DOI: 10.15593/2224-9354/2022.1.2 EDN: FBWDHQ.

28. Devi C.N., Singh K.I., Kumar A.R. Gender Inequality and Equality: A Conceptual Analysis // African Journal of Biomedical Research. 2024. No. 27(6C). Pp. 264-266.

29. Du X. An Analysis of the Alienation of Womens Selfhood by Gender Culture

Communication in the New Media Era // Communications in Humanities Research. 2025. No. 64(1). Pp. 104-108.

30. Fox J., Mano I. A duoethnography: female academics' experiences of gendered health issues at the intersection of middleage, ethnic origin, social and professional status in the neoliberal academy // Journal of Organizational Ethnography. 2024. No. 13(3). Pp. 333-351.

31. Ginoy M., Rosales E.F., Martelino I.F., Malonisio C.C., Ruance C.C., Beltran L.A., Nabayra J.N., Ampoyos R.J.A., Dalida R.M.I., Opinion B.C. Examining the Professional Profile and Employment Status of Teacher Education Graduates from 2010-2015 // Educational Administration Theory and Practice. 2023. No. 30(1). Pp. 112-124.

32. Melay S. A critical examination of the professional status of school learning support staff in England // Fields journal of Huddersfield student research. 2024. No. 2(1). Pp. 1-18.

33. Moorhead B., Otani K., Bowles W., Baginsky M., Bell K., Ivory N., Mackenzie H., Savaya R. Toward a definition of professional identity for social work: Findings from a scoping review // British Journal of Social Work. 2025. No. 55(2). Pp. 877-896.

34. Nicholas J.C., Grafenauer S. Investigating pre-professional dancer health status and preventative health knowledge // Frontiers in Nutrition. 2024. No. 10. Pp. 1-11.

35. Oukhheda M., Derouiche A., Kettani A., Saile R., Hassan T. Subjective sleep quality and nutritional status among male professional football players in competition from Morocco // The Journal of Physical Fitness and Sports Medicine. 2025. No. 14(2). Pp. 43-53.

36. Rakei A., Bhattacharya J. Professional Status Matters: Differences in Flow Proneness Between Professional and Amateur Contemporary Musicians // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. 2024. Advance online publication: <https://dx.doi.org/10.1037/aca0000674> EDN: SZKEGY.

37. Rizvi M. Juxtaposition of being professional and becoming professional: lessons from a nationwide study on teachers' conceptions of their professional status // Frontiers in Education. 2023. No. 8. Pp. 1-18. DOI: 10.3389/feduc.2023.1201627 EDN: HRQMYQ.

38. Silverstone R. Media and Morality: On the Rise of the Mediapolis. Cambridge: Polity Press, 2006.

39. Wang Z. The Dilemma and Breakthrough of Gaming Dream: A Study on the Survival Status and Career Path of Semi-Professional Gaming Youths // Advances in Social Behavior Research. 2025. No. 15(1). Pp. 1-4.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи достаточно интересен. Автор обращает внимание на статус женщины в деловой журналистике, мотивируя, что актуальность исследования определена потребностью в научном осмыслении успешного опыта формирования женской модели самореализации. На мой взгляд, разночтений с одной из рубрик издания нет. В начале работы указано, что «определение медиапортрета женщины в деловой журналистике осуществляется посредством научного метода: проведен контент-анализ специального выпуска газеты «Деловой Петербург» №25 (6081) за 07.03.2025 «Деловой Петербург. 100. Влиятельные женщины Петербурга 2024» на предмет медиапортрета и профессионального статуса героинь спецвыпуска». Соглашусь с тем, что «полученные результаты могут быть использованы частными лицами, учеными, журналистами, политиками за пределами региона, открывая возможности для самореализации большему количеству женщин». Работа оригинальна,

самостоятельна; вариант жанрового канона выдержан. Стиль изложения соотносится с собственно научным типом: например, «Доступность образования и перспективного будущего для девочек, девушек и женщин были сформированы в результате планомерных действий по развенчанию стереотипов, влияющих на профессиональную реализацию. СМИ способны трансформировать человеческое восприятие феноменов и менять поведенческие модели...», или «Медиа становятся неотъемлемой частью жизни каждого цивилизованного человека, создавая индивидуальные картины мира посредством медиатизированной информации – Е.Л. Вартанова предлагает понятие «человек медийный» (*homo mediatatus*), обозначающее члена общества, «бытие которого определяется и в значительной степени формируется содержанием СМИ как продуктом, производимым отдельной отраслью современной экономики, медиаиндустрией, и потребляемым в процессах массовой/социальной коммуникации, а также коммуникационными отношениями и интересами индивида» и т.д. Ссылки и цитации даются правильно, серьезной вычитки текста не требуется. Статистические / фактические данные вводятся в работу с учетом объективности: «согласно переписи населения РФ 2021 г. на территории страны проживают 78 млн женщин и 68 млн мужчин (Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya), из них высшим образованием обладают около 15,5 млн женщин и 10,6 млн мужчин (Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom3_Obrazovanie), что свидетельствует о доступности гражданам высшего образования вне зависимости от половой принадлежности». На мой взгляд, тема исследования раскрывается последовательно, планомерно. Цель достигается в рамках полновесной объективации проблемы. Некоторые положения, на мой взгляд, имеют открыто дискуссионный характер, и это хорошо. Например, ряд положений можно расширить в новых работах смежно-тематической направленности: «Под семейным статусом в контексте текущего исследования подразумевается семейное положение индивида (состояние в браке, наличие детей, внуков). Профессиональный статус в рамках этого исследования предлагается трактовать как социальное положение индивида в соответствии с его профессиональной деятельностью, определяющее самоидентификацию и позицию в системе социальных отношений, исходя из представлений о правах и обязанностях присущих специальности». Выводы по работе соотносятся с основным блоком: автор тезизирует, что «деловая журналистика обладает потенциалом оказывать влияние суггестивного характера на аудиторию, а значит задавать образцы поведения и раскрывать содержание ролевых моделей и социально значимых понятий. Медиаобраз влиятельной женщины может транслироваться в деловом издании через изображение и текст, обязательно содержащий информацию о профессиональном статусе, однако этого недостаточно для формирования паттерна, способствующего сохранению традиционных ценностей, и поддержания престижа института семьи». Список источников объемов, его можно использовать в работах смежной направленности. Рекомендую статью «Влиятельные женщины Санкт-Петербурга в деловой журналистике: медиапортрет и профессиональный статус» к публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ван Л. Особенности выражения инструментального значения в речи русских детей и китайских студентов, изучающих русский язык как иностранный // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.74103 EDN: QKTRMG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74103

Особенности выражения инструментального значения в речи русских детей и китайских студентов, изучающих русский язык как иностранный

Ван Лина

ORCID: 0009-0006-2790-0676

аспирант

199058, Россия, Ленинградская область, г. Санкт Петербург, Морская наб., 39, кв. 48

✉ linawang511@gmail.com

[Статья из рубрики "Психолингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.74103

EDN:

QKTRMG

Дата направления статьи в редакцию:

10-04-2025

Дата публикации:

17-04-2025

Аннотация: Предметом исследования статьи являются особенности выражения инструментального значения в речи русских детей и китайских студентов, изучающих русский язык как иностранный. В статье рассматриваются предположно-падежные конструкции с инструментальным значением и специфика их освоения в ходе овладения языком как первым и как вторым. Основная цель – выявление особенностей выражения инструментального значения в детской речи и речи носителей китайского языка, изучающих русский как иностранный. В статье анализируются ответы, которые выбирали в ходе лингвистического эксперимента носители китайского и русского языков в условиях выполнения задания на описание картинки. Материал был получен в ходе эксперимента, в котором испытуемые (25 русскоязычных детей 4–8 лет и 25 носителей

китайского языка) описывали картинки, используя заданные слова. В статье при анализе полученных экспериментальных данных использовались сравнительно-сопоставительный метод и описательный метод. Осваивающие русский язык как первый и как второй имплицитно формулируют внутренние правила выбора форм для выражения инструментального значения и совершают ошибки, обусловленные спецификой устройства данного фрагмента языковой системы. На начальных этапах носители языка и инофоны прибегают к стратегии симплификации, используя винительный без предлога в общеобъектном значении. Затем основным средством становятся формы творительного падежа: у детей без предлога, у инофонов – без предлога и с предлогом с. На более поздних этапах происходит дифференциация способов выражения указания на инструмент, средство и транспорт. Научная новизна предложенной работы заключается в том, что анализ стратегий освоения падежных значений помогает обнаружить сходства и различия в ходе освоения русского языка как родного и как иностранного и уточнить представления о путях доступа к ментальному лексикону на начальных уровнях владения. Полученные результаты могут быть использованы для подготовки студентов по направлениям «Лингвистика» и «Методика» и в практике преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова:

детская речь, инструментальное значение, онтолингвистика, предложно-падежные конструкции, русский как первый, русский как второй, речевые ошибки, иностранный язык, падежное значение, инструментатив

Введение:

В последнее время лингвисты активно обсуждают вопрос о специфике освоения языка в естественной и искусственной ситуациях [\[8, 20, 22\]](#). В методике разрабатываются различные способы обучения падежной грамматике [\[11, 17, 18 и др.\]](#). Однако работ, посвященных анализу ошибок инофонов в области выбора предложно-падежных конструкций на фоне естественного порядка освоения языка, остается недостаточно.

Мы поставили задачу исследовать, какие речевые стратегии выбирают для выражения инструментального значения русскоязычные дети и взрослые носители китайского языка, изучающие русский язык как иностранный.

Мы придерживаемся конструктивистской теории освоения языка [\[15, 19\]](#) и полагаем, что на каждом этапе овладения грамматикой человек самостоятельно вырабатывает собственную систему выбора падежных форм, и ошибки, общие для детей и инофонов, обусловлены сложностью устройства русской грамматики.

С другой стороны, русские дети осваивают родной язык в естественной ситуации, постепенно знакомясь с процедурными языковыми правилами, при этом не формулируют для себя языковые закономерности, а интуитивно ощущают их [\[19, с. 8\]](#). Освоения языка в детстве – коммуникативно направленный процесс. Д. Слобин утверждает, что «появление новых средств, позволяющих распознавать выражение этих намерений в речи» связано с усложнением коммуникативных намерений [\[15, с. 159\]](#). В свою очередь, усложнение коммуникативных намерений вызвано изменениями в когнитивном развитии ребенка. Таким образом, формирование когнитивных структур и структур родного языка протекает одновременно и параллельно.

Взрослый, осваивающий язык в искусственной ситуации, осваивает язык, по выражению А. А. Леонтьева, «сверху вниз» [\[13, с. 7–8\]](#): сначала знакомится с правилами, а потом учится применять их в речи. При этом перед ним стоит задача выразить сложные коммуникативные намерения при недостатке языковых средств, вследствие чего грамматическая система изучаемого языка подвергается редукции, возникает языковая интерференция, которая может быть особенно заметной в речи носителей китайского языка. В китайском языке падежные значения выражаются не флексиями, а порядком слов и служебными словами, при этом одно слово может выступать как предлог, существительное или глагол в зависимости от его позиции в предложении [\[23, с. 28\]](#). Сравнительное описание природы грамматических ошибок детей и инофонов может способствовать осознанию механизмов выражения падежных значений и стать фундаментом для разработки методики грамматической работы.

Материалы исследования

Для выявления специфики выражения инструментального значения в ходе освоения языка как первого и как второго мы провели эксперимент. Испытуемым было необходимо описать 18 картинок, используя заданные слова: Девочка рисует (карандаш); Мама кормит ребенка (ложка). В эксперименте участвовали 25 студентов-филологов и журналистов Санкт-Петербургского университета с родным китайским языком и 25 русскоязычных детей в возрасте 4–8 лет (частная школа «Квадривиум», детский сад «Чудо-град», гимназия № 171, Центр внешкольной работы Центрального района Санкт-Петербурга).

Выражение инструментального значения в русском и китайском языках

Поскольку возникновение ошибок связано со спецификой устройства фрагмента осваиваемой языковой системы, предпримем анализ конструкций, выражающих инструментальное значение, в русском и китайском языках.

Способы выражения инструментального значения в русском языке описаны в [\[3, с. 78–83; 10, с. 352–374\]](#). Так, В. А. Белошапкина и Е. В. Муравенко утверждают, что выбор формы зависит от подвижности инструмента и его пространственной ориентации [\[3, с. 79–80\]](#). В монографии М. В. Всеволодовой и Е. Ю. Владимирского рассматриваются осложненные локативные значения, в том числе способы указания на транспортное средство, инструмент-трассу, инструмент-место и др. [\[7\]](#). Существуют исследования, описывающие ошибки иностранных студентов при выражении инструментатива [\[5, 9, 17\]](#).

На основании анализа научных исследований мы выделили следующие типы инструментальных конструкций:

- *твор. без предлога* – центральный способ указания на орудие и средство действия (*писать пером, открыть ключом, поить молоком* и т. д.);
- *с+твор.* – указание на дополнительный инструмент (*мыть с мылом*);
- *из+род.* – указание на инструмент, дополнительно – на исходную точку движения из внутреннего пространства инструмента (*есть из тарелки, пить из чашки*);
- *с+род.* – указание на инструмент, дополнительно – на исходную точку движения с внешней поверхности инструмента (*есть со сковороды, кормить с ложки*);
- *через+вин.* – 1) указание на посредника (*беседовать через переводчика*), 2) указание на средство, способ действия как на инструмент-трассу (*рассказать через стенгазету, смотреть через микроскоп*);

- *сквозь+вин.* – указание на инструмент-трассу (*смотреть сквозь очки, разглядывать сквозь стекло*);
- *в+вин.* – 1) указание на конечную точку движения внутри инструмента (*поймать в сачок*); 2) указание на инструмент-трассу: направление во внутреннее пространство инструмента (*петь в микрофон, смотреть в телескоп*);
- *на+вин.* – указание на конечную точку движения на поверхности инструмента (*запирать на замок, ловить на удочку*);
- *об (о)+вин.* – указание на неподвижный инструмент (*разбить о стол, вытереть о скатерть*);
- *по+дат.* – указание на способ или средство передачи информации в сочетании с транзитивным значением (*говорить по телефону; читать по книге*);
- *на+ пред.* – 1) указание на протекание действия на поверхности инструмента (*играть на гитаре, печатать на машинке, резать на доске*); 2) указание на средство передвижения (*ехать на автобусе, подниматься на лифте*);
- *в+ пред.* – 1) указание на субъект как на место нахождения инструмента (*читать в очках, плавать в ластах*); 2) указание на средство передвижения (*ехать в автобусе, скакать в карете*).

Инструментальное значение можно также выразить конструкциями с производными предлогами *с помощью+род., при помощи+род., используя+вин., посредством+род., при посредстве+род.* По мнению И. В. Азаровой, В. П. Захарова и А. Д. Москвиной, предлог *помощью* используют для обозначения абстрактных понятий (игры, техники, приемов и т. д.), *при помощи* для указания на реальные предметы-инструменты или устройства (зеркало, микроскоп и т. д.), для обозначения медиативно-активных людей-помощников [\[1, с. 13\]](#).

В китайском языке инструментальное значение чаще всего выражается с помощью 用 (юн). При этом существует две ситуации: в двухкомпонентных конструкциях 用 (юн) употребляется в качестве глагола, переводится как 'использовать' (用 电话 (юн дянь хуа: 'использовать телефон', 用 勺子 (юн шао цзы: 'использовать ложку'); в трехкомпонентных конструкциях с глаголом, берущим на себя функции центра конструкции, 用 (юн) употребляется в значении служебной морфемы (предлога), вводит инструментальное дополнение, обозначающее орудие, средство, материал (用 电话交流 (юн дянь хуа цзяо лю: 'общаться, используя телефон'), 用 勺子喂 (юн шао цзы вэй: 'кормить, используя ложку') [\[24, с. 907\]](#). В конструкциях с глаголом предлог 用 можно опустить [\[25, с. 24\]](#).

Результаты и дискуссия

В русском языке твор. падеж без предлога является центральным способом выражения инструментального значения, указанием на орудие или средство действия [\[10, с. 352-374\]](#). Такой способ можно считать прототипическим

для русскоязычных монолингвов. Дети прибегают к нему, конструируя синтаксему (*рассматривает звёзды телескопом* (32% – в скобках даются проценты от общего количества ответов данной группы), *изучает вирус микроскопом* (24%) или осуществляя выбор одной из возможных (*поливает лейкой* (68%), *кормит ложкой* (76%)). Китайские студенты также часто предпочитали эту конструкцию в том числе, когда ее употребление возможно наряду с другими (*кормит ложкой* (25%), *поливает лейкой* (40%)), и когда ее употребление ненормативно (*спускаться парашютом* (8%), *рассматривать телескопом* (28%), *петь микрофоном* (24%)).

При этом китайские студенты допускали и специфические ошибки, выбирая *с+твор.:*

рисует с карандашом (12%), дирижирует с палочкой (28%), работает с молотком (28%), летает с парашютом (36%). Интересно отметить, что подобные ошибки встречаются в русской речи носителей разных языков: английского – *писать с ручкой, порезал кейк с ножом* [2, с. 122], немецкого – *писать с карандашом, делать подарок с руками* [6, с. 42], итальянского – *с этой леечкой буду смывать, писать с ручкой* [14, с. 163], турецкого – *вытер тарелку с полотенцем* [9, с. 189], фарси – *едет с автобусом, учат писать с шариковыми ручками* [5, с. 144], лезгинского – *писать с карандашом, укрыть с платком* [16, с. 95]; чеченского – *писать с ручкой* [14, с. 164]. В русском языке *твор.+с* указывает на дополнительный предмет, необходимый для выполнения действия. В речи иностранных студентов различий между предложными и беспредложными конструкциями не отмечается. Методисты объясняют такие ошибки влиянием родных языков обучающихся, однако универсальный характер ошибки позволяет предположить, что причиной может быть симплификация русской грамматической системы. При этом русскоязычные дети быстро понимают разницу между конструкциями, указывающими на обязательный и дополнительный инструмент, и не допускают ошибок.

С+твор. студенты из Китая выбирают и тогда, когда предпочтение следует отдавать конструкциям, осложненным выражением локативных отношений. Анализ, предпринятый Всеволодовой и Владимирским [7, с. 74-84 и с. 238-246], показывает: при указании на исходную точку движения из внутреннего пространства инструмента используется *из+род.*, в то время как *с+род.* указывает на исходную точку движения с внешней поверхности инструмента. Инофоны не ощущали данных смысловых оттенков, предпочитая *твор. без предлога* или *твор.+с*: *поливает с лейкой (12%), лейкой (40%); кормит с ложкой (20%), кормит ложкой (52%)*. 4% испытуемых выбрали конструкцию *с ложки*, ответ *из ложки* не был предоставлен. Дети также чаще выбирали *твор. без предлога*: *кормит ложкой (76%), с ложки (12%), из ложечки (8%), ложку (4%); поливает лейкой (68%), из лейки (28%), с помощью лейки (4%)*.

В некоторых случаях возможен выбор между *твор. без предлога* и *в+вин, на+вин.*: *в+вин.* дополнительно указывает на конечную точку действия внутри инструмента (*ловить сачком в сачок; удочкой, на удочку*). Большинство детей прибегали к конструкции *твор. без предлога* (*сачком (96%), в сачок (4%)*). Китайские студенты выбирали *твор. без предлога* значительно реже (*сачком (44%), сачками (12%)*), также использовали *с+твор.* (*с сачком (12%)*), *вин. без предлога*: *сачок (12%), сачки (4%)*. Таким образом, сталкиваясь с, вероятно, неизвестной лексемой *сачок*, китайские студенты прибегали к стратегии грамматической симплификации. Эта стратегия, по мнению С. Н. Цейтлин и Т. А. Кругляковой, используется при освоении языка как второго или иностранного и заключается в игнорировании некоторых грамматических категорий: в данном случае в обозначении самого широкого круга объектных отношений формами *вин. без предлога* [20, с. 142].

Эта стратегия характерна и для детей раннего возраста. На начальном этапе ребенок пользуется исходными формами, затем от замороженного именительного переходит к замороженному винительному: базовые формы маркируют субъект, окончание *-у* – объект (*вырезала бумагу, помогал маму*) [20, с. 144]. Однако в речи монолингвального ребенка такая стратегия быстро сменяется более детальным разграничением актантов [12, с. 275].

В речи китайских студентов *вин. без предлога* как способ общего указания на прямой объект используется в инструментальном значении: *писать карандаш (8%), летает*

парашют (24%), читает очки (8%). В речи русских детей 4–8 лет такие конструкции были единичными: *человек летает парашют (4%), кормит кашу ложку (8%).* (В последнем примере ошибки можно объяснить стремлением к единообразному оформлению синтаксемы.)

Для дополнительного указания на трассу в русском языке используются конструкции с вин. падежом, которые могут передавать разные оттенки транзитивного значения: *в+вин. (смотреть в телескоп)* – направление взгляда во внутреннее пространство инструмента, внимание говорящего сосредоточено на инструменте; *через+вин., сквозь+вин. (смотреть через телескоп)* – направление взгляда через внутреннее пространство инструмента на объект. Конструкции с вин. падежом конкурируют с другими типами указания на инструмент: *в микроскоп – под микроскопом (под+ твор. указывает на направленность действия вниз, расположение объекта снизу относительно инструмента), в микрофон – с микрофоном (с+ твор. подчеркивает дополнительный характер использования инструмента).*

Русские дети и китайские студенты предпочитали *твор. без предлога* с «чистым» инструментальным значением и *с+твор.:* китайские студенты – *рассматривает телескопом (28%), с телескопом (12%), изучает микроскопом (32%), с микроскопом (8%),* русские дети – *рассматривает телескопом (32%), с телескопом (8%), изучает вирус с микроскопом (8%), микроскопом (28%).*

Трудным может оказаться выбор конструкции в случае, когда значение инструмента сочетается с указанием на место его расположения. Если инструмент расположен на субъекте действия, требуется *в+пред.:* *читать в очках* (при возможных *через, сквозь очки* – указание на трассу). С заданием продолжить предложение «Женщина читает газету (очки)» справились 24% детей (*в очках (12%), через очки (4%),* условно правильные *с помощью, при помощи очков (8%)*), 68% студентов (*в очках 48%, через очки 12%, с помощью, при помощи очков 8%*). Вероятно, сам характер экспериментальных заданий подталкивал испытуемых к выбору *твор. падежа:* дети – *с очками (24%);* китайские студенты – *с очками (8%), очками (8%).* Большее количество верных ответов у студентов, вероятно, свидетельствует о большей доли припоминания известных конструкций, чем действия по образцам, в процессе пользования иностранным языком.

Конструкция *на+пред.* указывает на инструмент-место, на внешней поверхности которого совершается действие: *резать на доске.* Пятая часть инофонов использовала формы *твор. падежа:* доска рассматривалась как необходимый инструмент для нарезки хлеба, а не как место, на котором лежит хлеб, когда его режут: *резать хлеб доской (12%), досками (8%).* Дети не рассматривали доску как инструмент и ориентировались на общий характер задания, указывая на нож – инструмент, который человек держит в руках: *режет хлеб ножом (4%), ножом (4%), ножиком (32%), с ножом (4%).* Только 40% детей использовала слово *д о с к а* в инструментально-локативных и инструментально-транзитивных конструкциях: *на доске (20%), с помощью доски (4%); на доску (16%).*

Конструкция *на+пред.* используется в русском языке для обозначения музыкальных инструментов в сочетании с глаголом *играть* 'исполнять музыкальные произведения'. Испытуемым были предложены картинки с изображением гитариста во время исполнения музыки; малыша, дергающего за струны гитары, и мужчины, размахивающего гитарой над головой. Русскоязычные дети выбирали конструкцию *играет на гитаре* в значении 'исполняет музыкальное произведение: 96% – о гитаристе, 72% – о малыше. Только 32% выбрали эту конструкцию для описания последней картинки. В значении 'забавляться с

игрушкой' использовались варианты с *гитарой* (28%) – о малыше, с *гитарой* (52%), *гитарой* (8%) – о мужчине. Только 8% детей использовали вин. без предлога в общем объектном значении, описывая мужчину. Китайские студенты несколько менее уверенно использовали *играть+на+пред.* в значении 'исполнять музыкальное произведение': 80% – о гитаристе, 16% – о ребенке, 4% – о мужчине. При этом для описания первой картинки инофоны, в отличие от детей, использовали конструкции, обычно не употребляемые в данном значении. Для описания всех картинок шире использовались разнообразные средства: *играть гитару* в общеобъектном значении (8% – о гитаристе, 16% – о ребенке, 24% – о мужчине,), *в гитару* (ср. *играть в мяч*; 12% – о гитаристе, 16% – о ребенке, 4% – о мужчине,), *с гитарой* (ср. *играть с мячом*; 48% – о мужчине, 40% – о ребенке), *гитарой* (ср. *играть мячом*; 12% – о ребенке).

Конструкция *на+пред.* возможна и в других случаях, где руки субъекта располагаются на поверхности инструмента: *печатать на машинке*, *набирать на компьютере*. Испытуемым было необходимо описать картинки, на которых в качестве инструмента выступает компьютер, а субъектами действия – девочка и взрослая женщина (ожидаемые конструкции: *работать на компьютере*, *за компьютером* (инструментальное значение совмещено с указанием на расположение субъекта позади инструмента), *играть в компьютер* (по аналогии с другими словосочетаниями с глаголом *играть в мяч*, *играть в куклы*). Китайские студенты выбирали конструкции *с+твор.* и *твор.* без предлога: *мама работает компьютерами*, *компьютером* (20%), *девочка играет с компьютером* (12%) или *в+вин.* как общее указание на объект: *девочка играет компьютер* (16%), *мама работает компьютер* (12%). Дети больше обращали внимание на содержание самой деятельности и выбирали формы *работать за компьютером* (12%), *на компьютере* (64%), *играть в компьютер* (28%), *с компьютером* (16%).

Согласно классификации Белошапковой и Муравенко, конструкция *о+вин.* указывает на неподвижный инструмент, который обычно фиксирован относительно субъекта, а контакт объекта с инструментом происходит в результате перемещения объекта [3, с. 80]. Инофоны не выбирали *вытирать руки о полотенце*, предпочитая твор. падеж: *вытирать полотенцем* (48%), *полотенцей* (4%), *с полотенцем* (12%). Картинку, на которой мальчик вытирает руки висящим на крючке полотенцем, на китайском можно описать конструкцией с служебной морфемой 用 (юн): 用毛巾 擦手 (юн мао цзинь ца: 'используя полотенце, вытирать'). Чтобы подчеркнуть неподвижность инструмента можно воспользоваться рамочной конструкцией 在 (цзай).....上(шан) (на поверхности чего-либо): 在毛巾上擦 (цзай мао цзинь шан ца). Выбор конструкции *с+твор.* можно объяснить интерференцией – влиянием более частотной китайской конструкции. Однако к конструкции с твор. падежом русские дети также прибегали чаще: *мальчик вытирает руки полотенцем* (80%), *полотенцей* (4%). Возможно, происходит постепенное вытеснение соответствующих форм в языке.

Дети и китайские студенты также нередко пользовались конструкциями с производными предлогами: дети – с *помощью телескопа* (4%), *микроскопа* (4%), *лейки* (4%), *палок* (4%), *молотка* (8%), *очков* (4%), *доски* (4%), *при помощи палок* (4%), *при помощи очков* (4%); иностранцы – с *помощью микроскопа* (12%), *лейки* (4%), *палок* (8%), *палки* (4%), *палки* (4%), *очков* (4%), *ложки* (4%), *полотенца* (4%), *с помощью телескопа* (4%), *при помощи очков* (4%).

Конструкции с производными предлогами ожидаемо появлялись в речи китайских студентов: это может быть связано как с интерференцией с китайской конструкцией с предлогом 用 или симплификацией осваиваемой грамматической системы – выбором

универсального предлога с прозрачной семантикой, так и с высоким уровнем овладения письменной формой языка. Производные предлоги использовали и русские дети, понимая, что от них требуется назвать инструмент, но затрудняясь выбрать соответствующую форму. Интересно также отметить, что предлог с *помощью* использовался значительно чаще, чем *при помощи*; выбор его не был связан с разграничением значений – абстрактное (*с помощью*)/ конкретное устройство или предмет (*при помощи*) [1, с. 13], но, вероятно, был обусловлен представлением о конструкции *твор.*+с как типичной для выражения инструментального значения.

Заключение

Резюмируя, можно сделать следующие выводы.

1. Дети и иностранные студенты самостоятельно конструируют собственную языковую систему, поэтому в процессе освоения падежной грамматики родного и иностранного языка есть много общего. На начальных этапах освоения падежной грамматики как дети, так и взрослые иностранцы прибегают к стратегии симплификации, например, используя винительный падеж без предлога для обозначения различных объектных или творительный падеж без предлога для обозначения общих инструментальных значений. Затем происходит постепенное освоение более тонких смысловых оттенков.

2. Способы выражения инструментальных значений оказываются сложными для носителей китайского языка. Дети совершают существенно меньше ошибок, хотя при указании на некоторые инструменты (очки), описывая действие которых принято использовать локативные конструкции с дополнительным инструментальным значением, ошибок оказывается больше.

3. Если иностранные студенты, осваивающие язык в учебной ситуации, часто выбирают форму *с+твор.* как один из центральных способов выражения инструментальных значений, то прототипической формой выражения инструментальных значений в детской речи является *твор.* падеж без предлога, как и в современном языке. Оппозиция «основной/ дополнительный инструмент» оказывается надежно освоенной при овладении русским языком как первым.

4. Затруднения студентов-иностранцев связаны с их стремлением описать сложные логические отношения, которые они умеют описывать на родном языке. Репертуар конструкций инофонов значительно шире, чем в речи детей, что влечет за собой и большее количество ошибок. В конструкциях, сочетающих в себе инструментальные и локативные значения, иностранные учащиеся предпочитают делать акцент на выражении инструментальных значений.

5. Некоторые ошибки можно объяснить межъязыковой интерференцией, однако общность ошибок носителей разных языков позволяет утверждать, что интерференция возникает в том случае, если осваиваемый участок грамматической системы устроен трудно, и направлена на его симплификацию.

Таким образом, стратегии, к которым прибегают дети и иностранцы, имеют много общего, но при этом существуют и большие различия. При выборе методики преподавания русского языка как иностранного необходимо учитывать коммуникативные потребности студентов и стратегии освоения грамматических значений в иностранном языке.

Библиография

1. Азарова И. В., Захаров В. П., Москвина А. Д. Семантическая структура русских

- предложно-падежных конструкций // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии - Интернет и современное общество. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2018. С. 9-16.
2. Барахта А. В. Межъязыковая интерференция в использовании англоговорящими русских служебных частей речи // Рема. Rhema. 2022. № 4. С. 117-127. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-117-127. EDN: XAQNМК.
3. Белошапкина В. А., Муравенко Е. В. Способы выражения инструментального значения в русском языке // Русский язык за рубежом. 1985. № 6. С. 78-83.
4. Беляева Е. В. Когнитивные механизмы возникновения речевых ошибок при усвоении русского языка в иноязычной аудитории: на материале ошибок китайских студентов: автореф. дис. ... к. фил. н. Омск, 2004. EDN: ZMXPDB.
5. Вализаде Х. К. Вопросу о инструментальных значениях русских падежей в зеркале персидского языка // Русский язык за рубежом. 2021. № 1. С. 57-63.
6. Вардиц В. Грамматика русского языка диаспоры: вариативность или языковой сдвиг? // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2019. С. 38-47. EDN: XJPW DU.
7. Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных значений в русском языке. М.: Издательство ЛКИ, 2008. EDN: QTLCBZ.
8. Галкина Е. В., Краснощекова С. В. Типичные ошибки в речи детей-дошкольников в условиях русско-киргизского билингвизма // Вестник НГУ. 2024. № 2. С. 93-103.
9. Джанхотова З. Х., Горбулинская Е. И., Кокова Э. Л. Межъязыковая интерференция в русской речи турецких студентов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2. С. 186-190. EDN: VJUИХ.
10. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988.
11. Иванова Т. А. Имя существительное в аспекте РКИ: учебное пособие. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003.
12. Круглякова Т. А. Освоение способов выражения инструментального значения в речи русскоязычного ребенка // Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2022. С. 271-278. EDN: OTMORP.
13. Леонтьев А. А., Королева Т. А. Методика: Зарубежному преподавателю русского языка. М.: Русский язык, 2012.
14. Позднякова А. А. Лингводидактические методы преодоления интерференции в речи студентов-билингвов // Преподаватель XXI век. 2012. № 3. С. 161-165. EDN: PXBKGT.
15. Слобин Д., Грин Дж. Психоллингвистика / Перевод с английского Е. И. Негневицкой; Под общей редакцией и с предисловием доктора филологических наук А. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1983. 336 с.
16. Селимова З. О., Ходжаева Ш. И. Грамматическая интерференция в условиях лезгинско-русского двуязычия (на материале подчинительных словосочетаний) // Известия ДГПУ. 2016. № 1. С. 93-97.
17. Унежева М. К. Трудности, возникающие у арабских студентов при изучении падежной системы русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11. С. 202-205. EDN: WTIEVF.
18. Холодкова М. В. Преподавание русской падежной системы существительных в англоязычной аудитории: проблема интерференции и пути ее решения // Вестник Тамбовского гос. ун-та. 2012. № 4. С. 275-278.
19. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009.
20. Цейтлин С. Н., Круглякова Т. А. Падежная система в процессе освоения русского языка как первого и второго // Русистика. 2024. № 1. С. 135-149. DOI: 10.22363/2618-

8163-2024-22-1-135-149. EDN: QTISXN.

21. Цейтлин С. Н. Языковые правила и их нарушение в речи детей и взрослых // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2020. № 196. С. 7-17. DOI: 10.33910/1992-6464-2020-196-7-17. EDN: JVIQCH.

22. Babyonyshev M. Acquisition of the Russian case system. // MIT working papers in linguistics. 1993. No 19. P. 1-43.

23. 现代汉语词典/中国社会科学院语言研究所词典编辑室/ 第7版. 北京: 商务印书馆, 2016(2016.9重印)1000. (Современный китайский словарь Института языкознания Китайской академии общественных наук / 7-е издание. Пекин: Коммерческое издательство, 2016 (переиздание в сентябре 2016 г.) 1000 с.)

24. 陈昌来. 汉语语义结构中工具成分的性质[J]. 世界汉语教学, 1998(02): 23-27. (Чэнь Чанлай. Природа инструментальных компонентов в китайской семантической структуре [J]. Обучение китайскому языку в мире, 1998(02). С. 23-27.)

25. 马建忠, 马氏文通校注. 北京: 商务印书馆, 1998. - 448 с. (Ма, Цзяньчжун. Пекин: Коммерческое издательство, 448 с.) ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье являются способы выражения инструментального значения в речи русских детей и китайских студентов, изучающих русский язык как иностранный. Актуальность работы обусловлена недостаточной разработанностью специфики освоения иностранного языка в естественной и искусственной ситуациях («работ, посвященных анализу ошибок инофонов в области выбора предложно-падежных конструкций на фоне естественного порядка освоения языка, остается недостаточно»). В процессе формирования коммуникативной компетенции на иностранном языке обучаемый сталкивается с многочисленными проблемами, среди которых сложности в выражение инструментального значения. Видится важным и необходимым исследовать, какие речевые стратегии выбирают для выражения инструментального значения русскоязычные дети и взрослые носители китайского языка, изучающие русский язык как иностранный. Автор(ы) отмечают, что «сравнительное описание природы грамматических ошибок детей и инофонов может способствовать осознанию механизмов выражения падежных значений и стать фундаментом для разработки методики грамматической работы».

Теоретической базой научной работы обоснованно послужили труды по межъязыковой интерференции; семантической структуре русских предложно-падежных конструкций; способам выражения инструментального значения в языках; по словообразованию и формообразованию в детской речи таких российских и зарубежных исследователей, как В. А. Белашапова, Е. В. Муравенко, С. Н. Цейтлин, Е. В. Беляева, В. Вардиц, М. К. Унежева, А. В. Барахта, Т. А. Круглякова, Чэнь Чанлай и др. Библиография составляет 25 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология проведенного исследования носит комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, обзор научной литературы, описательный, сравнительно-сопоставительный и статистический методы, компонентный и когнитивный анализы, эксперимент. В эксперименте

участвовали 25 студентов-филологов и журналистов Санкт-Петербургского университета с родным китайским языком и 25 русскоязычных детей в возрасте 4–8 лет. В ходе эксперимента испытуемым было необходимо описать 18 картинок, используя заданные слова.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) подробно рассмотреть способы выражения инструментального значения в русском языке, проследить частотность использования данных способов в речи русскоязычных детей и студентов с родным китайским языком, прийти к выводам о специфике выражения инструментального значения в речи русских детей и китайских студентов: «способы выражения инструментальных значений оказываются сложными для носителей китайского языка»; «на начальных этапах освоения падежной грамматики как дети, так и взрослые иностранцы прибегают к стратегии симплификации. Затем происходит постепенное освоение более тонких смысловых оттенков»; «некоторые ошибки можно объяснить межъязыковой интерференцией, однако общность ошибок носителей разных языков позволяет утверждать, что интерференция возникает в том случае, если осваиваемый участок грамматической системы устроен трудно» и др.

Теоретическая значимость исследования безусловна и заключается в его вкладе в решение современных проблем, связанных с изучением иностранных языков, в разработку стратегий освоения грамматических значений второго языка. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов в дальнейших научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории языка, сравнительной лингвистике, в процессе преподавания русского языка как иностранного.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения тяготеет к научному типу. Статья вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Новиков А.В. Формальные элементы постмодернизма: компаративный анализ романов «Дом листьев» Марка З. Данилевского и «2666» Роберто Боланьо // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.74133 EDN: MFQGXU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74133

Формальные элементы постмодернизма: компаративный анализ романов «Дом листьев» Марка З. Данилевского и «2666» Роберто Боланьо

Новиков Артур Викторович

аспирант; кафедра Зарубежной литературы; ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный аграрный университет»
Инженер; ГБУ «Автомобильные дороги»

123104, Россия, г. Москва, ул. Тверская, 25 стр.1

✉ art14ek@tut.by

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.74133

EDN:

MFQGXU

Дата направления статьи в редакцию:

14-04-2025

Дата публикации:

21-04-2025

Аннотация: Предметом исследования является реализация ключевых постструктуралистских и постмодернистских идей в романах Марка З. Данилевского «Дом листьев» и Роберто Боланьо «2666». Объектом исследования выступают указанные романы, рассматриваемые как литературные произведения постмодернизма через призму таких философских концептов, как дискурс и генеалогия М. Фуко, концепция «смерти автора» Р. Барта и М. Фуко, деконструкция Ж. Деррида, ризома, желающие машины и тело без органов Ж. Делеза и Ф. Гваттари, миф как вторичная семиотическая система Р. Барта и общество потребления Ж. Бодрийяра. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как многоуровневая дискурсивная структура романов, механизмы реализации философских концептов и их влияние на восприятие читателя. Особое

внимание уделяется взаимосвязи между философскими идеями и литературной техникой, формированию новой текстуальной реальности и критическому переосмыслению классических нарративных форм. Методологической основой исследования являются постструктуралистская и компаративная методологии анализа текста, ранее апробированные автором на материале романа «Дом листьев» и «2666», впервые рассматриваемых совместно через призму широкого спектра постструктуралистских концепций. Основными выводами проведенного исследования являются подтверждение гипотезы о продуктивности применения постструктуралистских методов к обоим текстам и выявление специфики их реализации философских идей. Особым вкладом автора в исследование темы является детальное описание механизмов работы таких концептов, как дискурс, генеалогия, «смерть автора», деконструкция, желаемые машины и тело без органов, а также обоснование идеи о текстах Данилевского и Боланьо как открытых, ризоматических и децентрализованных структурах. Исследование демонстрирует, что оба романа реализуют модель письма, где смысл не фиксируется, а существует в постоянном движении и трансформации, что позволяет глубже понять механизмы производства и исчезновения смысла в литературе постмодернизма и современной культуре в целом.

Ключевые слова:

Постмодернизм, Дискурс, Деконструкция, Ризома, Генеалогия, Симулякр, Дом листьев, Желательная машина, постструктурализм, Тело без органов

Объектом исследования данной статьи являются романы Марка З. Данилевского «Дом листьев» [\[1\]](#) и Роберто Боланьо «2666» [\[2\]](#) как литературные произведения постмодернизма, рассматриваемые через призму философских концепций характерных для эпохи постмодерна.

Предметом выступают особенности отображения ключевых постструктуралистских и постмодернистских идей в романах «Дом листьев» и «2666», включая следующие концепты и/или труды: дискурс и генеалогия в трактовке М. Фуко [\[3\]](#), [\[4\]](#), [\[5\]](#); «смерть автора» в толковании М. Фуко и Р. Барта [\[6\]](#), [\[7\]](#); «Мифологии» Р. Барта [\[8\]](#); «Общество потребления и потребление катастроф» Ж. Бодрийера [\[9\]](#); деконструкция, голос, феномен, различие Ж. Деррида [\[10\]](#), [\[11\]](#), [\[12\]](#), [\[13\]](#); ризома, желательные машины, тело без органов Ж. Делеза и Ф. Гваттари [\[14\]](#), [\[15\]](#); «Логика смысла» Ж. Делеза [\[16\]](#); «Понимание медиа» М. Маклюэна [\[17\]](#).

Настоящее исследование основывается на методологии, ранее примененной автором при анализе романа «Дом листьев» Марка З. Данилевского. Часть результатов апробации данного подхода была опубликована в четырех научных статьях ВАК, выводы которых частично будут интегрированы в текущий анализ, а ссылки на соответствующие публикации включены в работу [\[18\]](#), [\[19\]](#), [\[20\]](#), [\[21\]](#).

Цель исследования – опытным путем проверить, следовательно, применить ранее предложенные методики анализа романа «Дом листьев» Данилевского к роману «2666» Боланьо, чтобы выявить специфику реализации ключевых постструктуралистских и постмодернистских идей в тексте последнего. Кроме того, исследование направлено на фиксацию общих и отличительных черт поэтик Боланьо и Данилевского в пределах

компаративного анализа, основанного на методологических наработках, взятых из обозначенных выше статей [\[18\]](#), [\[19\]](#), [\[20\]](#), [\[21\]](#).

Дискурс в «Доме листьев» и «2666»

Понятие «дискурс» в данном анализе используется в том же виде, в каком оно было применено к «Дому листьев» в статье «Генеалогия, дискурс и “смерть автора” как фигуры поэтики в романе Марка З. Данилевского “Дом листьев”» [\[19\]](#).

Следует отметить, что, как и в «Доме листьев», в «2666» дискурс выступает в роли ключевого аналитического инструмента, позволяющего рассматривать произведение не как целостный метанарратив, а как множественное переплетение слоев, в которых факты, интерпретации и формы взаимообусловлены и взаимно трансформируются.

Первым шагом данного анализа является выявление дискурсивных слоев текста. Так, в «Доме листьев» это: документально-псевдодокументальный дискурс фильма «Пленка Нэвидсона»; научно-псевдонаучный дискурс книги Дзампано; литературный дискурс комментариев Джонни Труэнта [\[19\]](#).

Роман Боланьо «2666» в дискурсивном отношении имеет немало общего с «Домом листьев». Так, «2666» выстроен как сложная полифоническая структура, где каждая из пяти частей разворачивается в самостоятельном дискурсивном регистре, а в совокупности они создают многомерную модель современной культуры, насилия, безумия и кризиса знания (ср. с «Домом листьев» как с эпистемологическим архивом постмодернизма [\[22, с. 132\]](#)).

В первой части «2666», «Часть о критиках», доминирует (псевдо)академический дискурс. Повествование сосредоточено на группе исследователей, погруженных в поиски писателя-инкогнито Арчимбольди. Через деконструированное изображение интеллектуальной одержимости Боланьо вскрывает ограниченность и условность научного подхода, указывая на разрыв между теоретическим мышлением и живой реальностью.

Во второй части, «Часть об Амальфитано», раскрывается дискурс безумия (проходящий лейтмотивом через весь роман – Ингеборг, Грешник, «поэт Росы и Иммы», художник с отрубленной кистью Эдвин Джонс, «заболевший» шизофренией Гюстав и др.). Постепенное ментальное расщепление главного героя этой части, его страхи, голоса в голове и абсурдные ритуалы создают атмосферу дезориентации и разложения внутреннего порядка. Это повествование показывает, как логика разрушается под натиском иррационального, а субъективность оказывается под угрозой.

Третья часть, «Часть о Фейте», построена в журналистском ключе (журналистский дискурс). Чернокожий репортер, прибывший в приграничный мексиканский город, пытается понять и зафиксировать происходящее. Однако его наблюдения оказываются бессильными перед лицом равнодушия, скрытых интересов и системной жестокости, на которую официальные репортажи не имеют влияния.

В четвертой части, «Часть об убийствах», реализован документально-полицейский дискурс. Повторяющееся перечисление жертв и процедурных отчетов создает ритм, в котором теряется индивидуальность. Эта стилистическая отстраненность подчеркивает обезличенность зла и разрушает надежду на понимание или справедливость.

Пятая часть, «Часть об Арчимбольди», разворачивается в русле историко-политического

дискурса. Биография писателя переплетается с травматической историей XX века – от войны до постиндустриального мира. Через призму личной судьбы раскрывается логика больших процессов, определяющих облик современной эпохи.

Вне этих структурированных слоев в романе присутствуют и дополнительные дискурсы, которые пронизывают текст и связывают отдельные части. Один из них – фикциональный: субъективные нарративы героев постоянно пересекаются с «объективными» хрониками, с эпистолярными вставками, со всевозможными формальными приемами стилистики постмодернистской литературы, нарушая, таким образом, границу между художественностью и документом. Шизофренический дискурс (частично упомянутый прежде) проявляется в образах ментального распада, расщепления сознания, повторяющихся упоминаниях психиатрических учреждений, насилия, прорастающего на почве ненормальности и др. Метафикциональный уровень дискурса позволяет роману осмысливать собственную форму, поднимая вопросы о природе повествования и авторства. Наконец, этический дискурс задает фундаментальное напряжение текста: как возможно репрезентировать насилие, не превращая его в эстетизированное зрелище.

На следующем шаге попытаемся проанализировать отношения между дискурсами внутри романов: конфликтуют ли они, поддерживают ли и расширяют друг друга, масштабируемые ли они, «поднимают» истину на поверхность или же, напротив, дестабилизируют восприятие текста и т.д.

В случае «Дома листьев» дискурсы имеют «вертикальное» расположение: они зачастую накладываются друг на друга, образуя «палимпсест» или «крысиное гнездо надписей», пользуясь терминологией К.Н. Хейлз, взятой нами из авторитетной статьи «Saving the Subject: Remediation in House of Leaves», в которой подробно рассмотрен в том числе и вопрос структуры романа «Дом листьев» [\[23\]](#).

Кроме того, дискурсы в «Доме листьев» могут быть описаны в терминах диалогичности и «синхронии»: дискурсы не действуют изолированно, а находятся в постоянном диалоге (хотя могут быть прочитаны отдельно друг от друга). Фрагменты фильма («Пленка Нэвидсона»), (псевдо)научные рассуждения Дзампано и литературные комментарии Труэнта переплетаются, накладываются, дополняя и одновременно корректируя друг друга. Каждый уровень, по сути, обращается к другому, создавая сетевую, интертекстуальную структуру [\[19\]](#).

Также дискурсы в «Доме листьев» взаимно подкрепляют и дестабилизируют друг друга: с одной стороны, дискурсы усиливают достоверность и многослойность повествования, с другой – их стилистические и жанровые различия вызывают напряженность. Научно-псевдонаучный слой пытается придать объективность, тогда как литературный комментарий постоянно подчеркивает субъективность восприятия. Такое двойственное отношение порождает эффект постоянного сомнения в «целостности» текста, типичный для стратегии деконструкции. Что может свидетельствовать об «деконструктивистских» отношениях между дискурсами [\[19\]](#).

Вместе с тем в «Доме листьев» происходит постоянное смещение «места говорения»: взаимодействие дискурсов приводит к тому, что границы между «автором», «читателем» и «текстом» стираются. Функция автора (Дзампано) постепенно уступает место читателю/интерпретатору (Труэнту), что является одним из ключевых моментов постмодернистской поэтики в связке с концептом «смерти автора» [\[19\]](#).

В романе «2666» тоже прослеживаются похожие дискурсивные элементы. Текст романа представляет собой сложную полифоническую структуру, в которой каждый раздел развернут в особом дискурсивном регистре, которые не просто формируют содержание частей, но вступают в напряженные отношения друг с другом, отражая постмодернистскую поэтику множественности, фрагментарности и неустойчивости смысла. В отличие от строго иерархических или вертикальных моделей (как в «Доме листьев»), здесь преобладает горизонтальная структура: дискурсы не изолированы, но и не накладываются друг на друга, они взаимодействуют на уровне структурных рифм, мотивных пересечений и зеркальных отражений.

Так, литературно-критический дискурс в «Части о критиках», где группа европейских исследователей погружена в поиски писателя Арчимбольди, резонирует с документально-журналистским слоем «Части об убийствах». Оба дискурса движимы стремлением к познанию: первые ищут истину в текстах, вторые – в следственных и газетных хрониках. Однако результат в обоих случаях – фрустрация. Ни научный анализ, ни журналистская (криминалистическая) фиксация не приводят к окончательному знанию. Боланьо выстраивает пространство, где само стремление к смыслу приводит не к упорядочиванию, а к демонстрации хаотичности и сопротивления реальности всякой интерпретации.

Диалогичность дискурсов в «2666» носит менее демонстративный характер, чем в «Доме листьев», однако взаимное отражение сохраняется. Боланьо использует мотив зеркала как метафору взаимодействия нарративных уровней. В сцене с Лиз Нортон, стоящей между двумя зеркалами [\[2, с. 127\]](#), создается эффект удвоения, в котором отражение не совпадает с оригиналом. Это метафора повествовательной стратегии: каждый дискурс как бы «отражает» другой, но не подтверждает, а искажает его. Подобное дублирование возникает и в документально-журналистском дискурсе, например, в эпизоде с депутатом Асусеной, увидевшей в зеркале «женщину, которая не была ею» [\[2, с. 635\]](#). Таким образом, отражения становятся не проявляющим элементом, а механизмом дестабилизации, подмены и утраты аутентичного восприятия.

Значительным моментом дискурсивного взаимодействия становится использование «объектов-посредников», как, например, книга «Геометрический завет». Она появляется в разных контекстах: сначала как объект академического внимания [\[2, с. 150\]](#), затем – как символ психического распада в «Части об Амальфитано» [\[2, с. 206-210\]](#), и наконец – как случайный элемент повествования в «Части о Фейте» [\[2, с. 358-359\]](#). Это пример того, как один и тот же текст приобретает различные смыслы в зависимости от дискурсивной рамки. Знание, таким образом, не является фиксированной категорией, а формируется внутри интерпретационного поля, где значение определяется контекстом.

Отношения между дискурсами в романе двойственны: с одной стороны, они взаимно подкрепляют друг друга, создавая многослойность и видимость комплексности; с другой – их стилистические различия вызывают внутреннее напряжение. Литературно-критический (академический) дискурс стремится к интерпретации и пониманию, но сталкивается с фрагментарной, монотонной хроникой документального слоя, в которой смысл растворяется в повторении, или наталкивается на дискурс безумия, где сам процесс поиска истины становится невозможным, ввиду разрушения рациональности. Эпистемологическое противоречие между стремлением объяснить и невозможностью достичь знания становится внутренним двигателем романа, проявляясь в дискурсивной форме, в том числе и в «Части об Арчимбольди», где историческая хроника превращается в калейдоскоп насилия, безумия, интертекстуальных наплывов и

экзистенциального расщепления персонажей, а сама история превращается в недостоверные генеалогические острова посреди текстуальных разрывов.

Одним из центральных дискурсивных эффектов является смещение «места говорения» в романе. В духе штампованного постмодернизма «2666» «размывает границы» между автором, текстом и читателем. Аналитическая функция критиков, повествовательные голоса журналистов, субъективные истории второстепенных персонажей – все они не получают приоритета, а становятся равноценными элементами сетевой структуры. Читатель вынужден или наделен привилегией самостоятельно выстраивать возможные связи, интерпретировать фрагменты, воссоздавая смысл из разрозненных нарративов. Разумеется, это как бы подчеркивает внутреннее стремление самого текста к децентрализации авторского контроля, чем подсвечивается «смерть автора» в духе Барта.

Далее, результативным способом интерпретации и анализа также является рассмотрение границ и переходов между дискурсами, где наиболее различимы тематические, стилистические, жанровые и иные черты используемых автором произведений дискурсов.

Так, для «Дома листьев» характеры стилистические и жанровые различия, формальные (типографические) и структурные переходы, дискурсивные переходы как моменты синхронизации [\[19\]](#).

В «2666» Боляньо стилистические и жанровые различия между дискурсами маркируются как лексикой, так и структурой. Академическая речь первой части отличается точностью и отстраненностью, тогда как шизофренический дискурс, воплощенный в образе Амальфитано и писем Лолы (безумие и крайняя степень сексуальности в связке с эпистолярным жанром), разрушает логику и последовательность повествования. Журналистские и полицейские материалы оформлены как хроника или протокол, создавая иллюзию объективности, которая вскоре подрывается повторяемостью и бессмысленностью. Историко-политический уровень в «Части об Арчимбольди» объединяет индивидуальную биографию, дневниковую прозу, устные рассказы с фоном коллективной травмы, подчеркивая разрыв между личным и историческим.

Формальные переходы между дискурсами в романе оформлены через смену повествовательных голосов, тональности и стилистики. Каждая часть оформлена в собственной речевой манере – от академического регистра до сухого репортажа и внутреннего монолога. Боляньо активно использует цитаты, структурные разрывы, эпистолярный жанр, дневниковую прозу, приемы остранения и др, маркируя границы, которые одновременно становятся проницаемыми. Эти переходы фиксируют не столько разделенность, сколько подвижность нарратива, соответствующую идее интердискурсивности как ключевого признака постмодернистского письма.

Синхронизация дискурсов в «2666» осуществляется через резонанс тем и мотивов. Размышления критиков о природе литературы из первой части неожиданно находят отражение в описаниях серийных убийств в четвертой. Тема насилия, проходящая сквозь роман, приобретает различное звучание в зависимости от нарративной формы: как теоретическая проблема, как эмпирический факт, как симптом безумия или как историческая закономерность. Такое повторное появление тем позволяет говорить о неочевидных перекрестках, где дискурсы вступают в перекличку, формируя сложный текстуальный резонанс.

В анализе дискурсов в «2666» важно учитывать, что они не фиксированы, а динамичны, как это описано у Фуко [\[3\],\[4\]](#). Текст постоянно создает, разрушает и пересобирает дискурсы, подвергая сомнению их авторитетность и границы.

Вместо поиска единой структуры романа следует анализировать фрагментарность и пересечения дискурсов. Полезно рассматривать метадискурсивные элементы: моменты, когда текст осознает себя как текст, вступает в диалог с другими произведениями, цитирует или пародирует иные стили. Также можно изучить механизмы власти в дискурсе: какие элементы текста кажутся «авторитетными» (например, академический язык), а какие – наоборот, разрушают доверие к нарративу.

На данном этапе, можно утверждать, что методология анализа постмодернистского текста, примененная к «Дому листьев», оказывается эффективной и для изучения «2666». В обоих романах дискурс функционирует как динамическая система, в которой разные слои – литературно-критический, документальный, историко-политический – не просто сосуществуют, но и взаимодействуют, вступают в конфликт и дестабилизируют друг друга.

Переходы между дискурсами оформляются через стилистические, типографические (в случае «Дома листьев») и структурные разрывы, создавая эффект многослойности. Такой подход характерен для постмодернистской деконструкции, где текст не стремится к целостности, а напротив, подчеркивает разрывность, множественность интерпретаций и нестабильность смысла.

Таким образом, «2666» представляет собой не просто совокупность сюжетов, а масштабный дискурсивный конгломерат, в котором литературные, философские, политические и психопатологические регистры взаимодействуют, подрывают и дополняют друг друга. Это превращает роман в поистине глобальное пространство смыслового расслоения и одновременно – в неумолимую хронику мира, где правда, истина, разум – подвержены распаду, в то время как насилие торжествует.

Генеалогия как элемент поэтики в «2666» и в «Доме листьев»

В романе «2666» Роберто Боланьо, как и в «Доме листьев» Марка З. Данилевского, реализуется генеалогическая методология, основанная на принципах Мишеля Фуко, изложенных в статье «Ницше, генеалогия, история» и книге «Археологии знания» [\[19\]](#). Генеалогия в данном контексте – это способ работы с историческим материалом, который не ищет первоисточков и тотальной истины, но вскрывает разрывы, фрагменты и трансформации смыслов во времени [\[5\],\[3\]](#).

В «2666» Боланьо обращается к документальности, но эта документальность оказывается разрушенной, фрагментарной, недостоверной. Если Данилевский создает запутанную структуру из «рукописей», «пленок» и «исторических справок» [\[19\]](#), то Боланьо действует иначе: он создает мозаичную картину насилия, утраты, исчезновения, безумия, в которой нет единой точки отсчета, а «правда» растворяется в хаосе, где преобладает фрагментарная структура, выстроенная по принципу нарративного разрыва. Этот прием напрямую наследует постструктуралистскую традицию, в частности – генеалогический подход Фуко. В «Ницше, генеалогия, история» Фуко подчеркивал, что генеалогия отказывается от идеи линейного, цельного исторического нарратива, подменяя его множеством несовпадающих фрагментов, документов, свидетельств, которые навсегда заслоняют доступ к первоисточку, к подлинной истине [\[5\]](#). Боланьо развивает эту стратегию в структуре романа, состоящего из пяти частей, каждая из которых

представляет собственную версию происходящего. Однако вместо синтеза они формируют расщепленное, множественное пространство, в котором не может быть единого центра.

Первая часть, «Часть о литературоведах», строится вокруг академического поиска – попытки реконструировать фигуру и творчество писателя Арчимбольди. Однако это стремление к истине оборачивается бесконечной интерпретацией. Критики оказываются неспособными подступиться к сути объекта своего исследования, а их деятельность теряет направленность. Смысл в буквальном смысле ускользает, а поиск превращается в самоцель. Таким образом, литературоведение здесь изображено как симуляция познания, подорванная отсутствием твердой онтологической опоры.

Во второй части, «Часть об Амальфитано», внимание сосредоточено на человеке, утратившем способность ориентироваться в мире культурных отсылок и интеллектуальных схем. Профессор Амальфитано – фигура, напоминающая борхесовского библиотекаря, однако в постмодернистской парадигме он утратил доступ к целостной системе знания. Он живет в пространстве, где культурная память дезориентирована, а тексты больше не приводят к пониманию. Его безумие – это результат не утраты знаний, а перенасыщенности ими, потери способности структурировать их в связный нарратив.

Третья часть, «Часть о Фейте», вводит в роман фигуру внешнего наблюдателя – американского журналиста, чье присутствие напоминает позицию этнографа, исследующего не только жестокость, но и собственное место в чуждой среде. Здесь затрагиваются темы насилия, расовой идентичности и постколониальной адаптации. Героем движет стремление понять чужое, но каждый шаг только увеличивает дистанцию между субъектом наблюдения и объектом. Насилие в Санта-Тересе предстает не как нечто объяснимое, а как иррациональное, не поддающееся репрезентации.

В четвертой части, «Часть об убийствах», реализуется, пожалуй, один из самых радикальных жестов по разрушению исторического и криминального нарратива. Здесь отсутствует развитие сюжета, кульминации или развязка. Представлена бесконечная хроника убийств женщин, описанная в сухом, отстраненном стиле, где каждая смерть поглощается следующей, а индивидуальность жертвы стирается в ритме повторения. Это не просто демонстрация насилия, но его банализация и структурное растворение. Нарратив оказывается неспособным преобразовать события в знание, а хроника становится своего рода анти-генеалогией.

Пятая часть, «Часть об Арчимбольди», на первый взгляд, приближается к историографическому нарративу. Здесь появляется широкий исторический контекст, охватывающий как личную биографию Арчимбольди, так и исторические события XX века. Однако этот контекст распадается на воспоминания, дневники, фрагментарные описания, вложенные рассказы, аллюзии, образы безумия и насилия. Отдельные сцены – от травмированных детей, участвующих в расстрелах, до сходящей с ума и впоследствии мертвой жены Ингеборг – не создают обобщающего исторического поля, а, напротив, усугубляют эффект хаоса. История здесь не реконструируется, а рассеивается, будучи пронизанной субъективностью, травматичностью и эстетической неопределенностью.

Таким образом, структура «2666» функционирует как антиисторическая машина. Каждая часть демонстрирует не движение к истине, а ее постоянное отдаление. Разрозненные повествовательные акты не складываются в единый сюжет, а взаимодействуют на уровне разрывов, отложенных смыслов и дезориентирующих пересечений. Это соответствует

фукоянскому пониманию истории как совокупности «разрывов, пауз и переписываний» [5], а не как линейного и телологического процесса. Роман Боланьо тем самым подрывает не только нарративные ожидания, но и саму идею возможного единого знания о человеке, мире и литературе.

Еще один концепт, реализованный в «2666» (как и в «Доме листьев» [19]) – история как поле фрагментов, на примере преступлений в Санта-Тересе.

Фуко писал: «История будет "действительной" в той степени, в какой она сможет ввести разрывность в само наше бытие» [5]. Этот принцип наиболее ярко реализуется в четвертой части «2666», где повествование превращается в каталог убийств. Однако перед нами не традиционная криминальная история с нарастанием интриги, а своего рода генеалогия насилия, лишенная причинно-следственной логики. Преступления в Санта-Тересе описываются с псевдодокументальной точностью, но не складываются в осмысленное целое. Жертвы представлены как следы, не как субъекты. Их смерти фиксируются, но не объясняются, и тем самым подрывается сама возможность интерпретации. Хроника превращается в бессмысленный архив, в котором исчезает фигура преступника, а вместе с ней – и всякая идея расследования и восстановления справедливости.

Структура повествования здесь отрицает любые формы централизованности: нет главного героя, нет детектива, нет единого нарратора, нет финала. Все повествование разрывается на независимые, повторяющиеся эпизоды, лишенные иерархии. Это точное воплощение фукоянской критики классической историографии, которая, по его мнению, больше не может претендовать на универсальность и объективность [5]. Боланьо, по сути, не просто изображает насилие – он оформляет его в виде текстуального архива, в котором исчезает возможность целостной реконструкции прошлого. В этом смысле роман реализует генеалогический метод, предлагая не поиск истины, а погружение в бесконечную серию прерванных нарративов и пустых знаков.

Пятая часть романа – «Часть об Арчимбольди» – разворачивает другую, но родственную стратегию: попытку биографической реконструкции, которая с самого начала обречена на провал. Боланьо предлагает читателю историю писателя в виде разрозненных фрагментов – дневников, воспоминаний, писем, рассказов из третьих рук. Арчимбольди как персонаж растворяется в архиве, становясь не субъектом повествования, а его симулякром. Его жизнь подается не как завершенная биография, а как совокупность интерпретаций, из которых ни одна не обладает статусом окончательной. История Второй мировой войны в этом фрагменте также предстает не как связный и объясненный процесс, а как сгусток разорванной памяти, населенной полуфантастическими фигурами: пьяными детьми-палачами, пропавшими женщинами, травмированными телами, замком Дракулы, распятием. Весь исторический пласт подан не как архив знания, а как поле травмы и смутных образов, лишенных центра или истинности. Символы, смыслы, образы, память – все как бы парит во времени и пространстве художественного мира.

Образ Арчимбольди, таким образом, становится неотъемлемой частью поэтики разрыва. Он не существует как «целостная» фигура, но, подобно Дзампано из «Дома листьев», исчезает в тексте, в аллюзиях и ссылках. Этот мотив растворения субъекта в архивах и документах, на наш взгляд, роднит «2666» с поэтикой постмодернистской историографии, предложенной Фуко, в которой исчезает идея подлинного, фиксированного прошлого. История здесь – это не объективная реальность, а сеть следов, постоянно воспроизводимых и смещаемых в интерпретации.

Таким образом, сопоставление «2666» и «Дома листьев» посредством концепта генеалогии Фуко позволяет говорить о формировании особой литературной формы, которую можно обозначить как «генеалогическую поэтику». В обоих произведениях отрицается линейное, причинно-следственное повествование. История становится архивом следов – не реконструируемым и не объяснимым. У Данилевского эта стратегия реализуется через игру с документами, псевдонаучными трактатами, редакторскими правками и искаженными версиями событий. У Боланьо к этому добавляется невозможный архив насилия, в котором повторение событий обесценивает каждое отдельное преступление, лишая его значения.

В обоих случаях читатель оказывается в положении следопыта, который сталкивается не с задачей интерпретации, а с ее невозможностью. Обломки нарративов не складываются в единое знание – напротив, любое стремление к пониманию возвращает к бесконечным сдвигам и утратам. Таким образом, «2666» и «Дом листьев» воплощают генеалогическую модель письма, в которой субъект исчезает, история разрушена, а текст превращается в лабиринт, не имеющий выхода.

Кризис субъекта в «Доме листьев» Марка Z. Данилевского и «2666» Роберто Боланьо

Феномен кризиса субъекта/субъективности занимает центральное место и в постмодернизме в постмодернистской литературе. Он выражается через размывание границ между автором и читателем, через деконструкцию личной идентичности персонажей и разрушение традиционных повествовательных форм. В романах «Дом листьев» Марка Z. Данилевского и «2666» Роберто Боланьо этот кризис предстает в различных формах, однако в обоих случаях он оформляется как утрата автономного субъекта в условиях текстовой или исторической гиперреальности.

В «Доме листьев» субъектность изображена как принципиально нестабильная структура, расщепленная и дестабилизируемая множеством конкурирующих дискурсов. Фигура Дзампано, предполагаемого автора анализа «Пленки Нэвидсона», изначально лишена индивидуальности: он слеп, его биография неясна, имя – не более чем метка. Его авторство оказывается растворенным в тексте, который после его смерти переходит к другому персонажу – Джонни Труэнту. Дзампано теряет контроль над восприятием своего собственного труда, становясь скорее следом, чем действующим субъектом. Его образ соотносится с кинофигурой из фильма Феллини *La Strada* (1954), еще более подчеркивая его статус исчезающего, несамостоятельного персонажа.

Джонни Труэнт воплощает другой тип кризиса субъекта, связанный с прогрессирующим распадом личности. Его повествование становится ареной конфликта между памятью, галлюцинациями и симуляцией. Постепенно он утрачивает границы между вымышленным и реальным, текст и интерпретация проникают в его повседневность, разрушая его психику. Его субъективность не просто ослабевает – она трансформируется в функцию текста. Первоначально выступая в роли редактора рукописи Дзампано, он в итоге обнаруживает себя как персонажа той же самой книги, которую читает. Так, субъект в «Доме листьев» становится порождением текста, в то время как сам текст замыкается на себя, формируя авто-рефлексивную структуру с особым типом постмодернистского хронотопа. Этот процесс подробно анализируется в работе «"Дом листьев" и проблема постмодернистского хронотопа» [\[18\]](#).

Не менее показательной является фигура Уилла Нэвидсона – героя фильма, анализируемого Дзампано. Его столкновение с аномальным пространством не только

физически изменяет его, но и разрушает его идентичность. Он постепенно превращается в объект, пассивно подчиненный структуре лабиринта, в котором исчезают логика, память и контроль. Пространство поглощает его субъектность, превращая героя в симулякр. Образ Нэвидсона – яркий пример того, как текстуальные и пространственные структуры стирают личностное «я», захватывая его в механизм интерпретации, при этом происходит еще и захват реальной фигуры симулякром: «захват» образом Нэвидсона судьбы реального человека, фотографа Кевина Картера [\[21\]](#).

В «2666» Роберто Боланьо демонстрирует иную модель кризиса субъекта. Здесь исчезновение «я» происходит не внутри текста, а на фоне исторической, социальной и институциональной реальности. Роман изначально строится как множественность параллельных нарративов, ни один из которых не обладает статусом центра. Все персонажи теряют автономию: их субъективность подрывается либо фрагментацией повествования, либо их неспособностью к действию. Боланьо отказывается от доминирующей точки зрения, создавая структуру, в которой ни один голос не обладает привилегией.

Арчимбольди – фигура, в которой особенно ясно выражен принцип исчезающего субъекта. Его биография оказывается недоступной: она реконструируется другими персонажами, но остается расщепленной, непрозрачной, составленной из слухов, текстов, архивных фрагментов. Он существует в дискурсе как миф, тень, образ. Его племянник воспринимает его как гиганта; в детстве он представлен как водоросль, человек-амфибия; в зрелом возрасте – как солдат, судья, убийца, паломник, писатель. Этот образ постоянно переформатируется, скользит между ролями, не становясь цельной личностью. Арчимбольди функционирует как условие появления других дискурсов – он организует текст, он генерирует текст и порождает дискурсы как внутри художественного (вымышленного) мира романа «2666», так и на формальном уровне реального текста Боланьо, но не является субъектом внутри него.

Группа литературоведов, действующая в первой части романа, лишена субъектной силы. Их поиски Арчимбольди не приводят к раскрытию истины, а напротив – запускают процесс рассеивания смысла. Академический дискурс, в котором они функционируют, представляет собой замкнутую систему, неспособную трансформировать реальность: знание здесь не открывает новое, а лишь воспроизводит собственные механизмы. Персонажи не действуют, а интерпретируют, постепенно теряя связь с материальным миром и превращаясь в функции дискурсивного поля.

Их субъектность окончательно размывается в любовной линии, выстроенной вокруг литературоведа Лиз Нортон: ее отношения с каждым из участников группы замыкают сексуальность на внутреннем контуре сообщества, тем самым подчеркивая отсутствие различий между его членами. В этой структуре интимность не служит формированию индивидуальности, а напротив – превращает субъектность в функциональность, подтверждая взаимозаменяемость и репрезентативность каждого.

Наиболее радикально тема утраты субъективности раскрывается, разумеется, в части, посвященной убийствам женщин в Санта-Тересе. Здесь жертвы зачастую лишены даже имени – они фиксируются в полицейских документах, но не получают индивидуального голоса. Их судьбы редуцированы до статистики, до регистра смерти. История этих женщин превращается в бесконечный список, в котором исчезает различие между личностью и телом, между субъектом и объектом насилия. Боланьо демонстрирует, как человеческая жизнь обесценивается в условиях структурного, институционального зла. В отличие от Данилевского, который помещает исчезновение субъекта в текстуальный

лабиринт, Боланьо показывает его растворение в механизмах власти, истории и коллективной травмы.

Таким образом, в «Доме листьев» и «2666» субъект теряет устойчивость, но этот процесс реализуется по-разному. У Данилевского кризис субъекта проявляется как поглощение личностного «я» текстом, как аутоиммунный сбой нарратива, где читатель, автор и персонаж перестают различаться. У Боланьо исчезновение субъектности связано с историческим хаосом, институциональной жестокостью и невозможностью построения цельного «я» в мире, где знание утратило опору, а дискурсы не конструируют, а разрушают идентичность. В обоих случаях субъект представлен не как начало, а как пустое место, занятое следами, цитатами, отражениями, в которых больше нет лица.

В рамках настоящего исследования тема кризиса субъекта получит свое логическое продолжение в разделе «Деконструкция в "Доме листьев" и "2666"».

«Смерть Автора» как элемент поэтики «2666» и «Дома листьев»

Концепция «смерти автора», сформулированная Роланом Бартом и развиваемая Мишелем Фуко [\[7\]](#), [\[6\]](#), занимает центральное место в постмодернистской поэтике и становится методологическим основанием для радикального переосмысления литературного текста. Отказ от идеи автора как суверенного источника смысла ведет к децентрации нарратива и смещению интерпретационного фокуса на читателя или на дискурсивные структуры, в которые текст оказывается встроен. В романах «Дом листьев» Марка З. Данилевского и «2666» Роберто Боланьо эта установка реализуется через разные стратегии, каждая из которых демонстрирует собственную версию исчезновения автора как метафизической и структурной категории.

У Данилевского смерть автора оформляется буквально и текстуально. Номинальный создатель основного текста – Дзампано – умирает до начала повествования, и его рукопись становится объектом последующей компиляции, а не законченного произведения. Его авторство не связано с контролем над нарративом: он слеп, лишен биографии, и существует лишь в виде оставленных следов – сносок, цитат, коллажей, заметок. Сам текст не может быть соотнесен с намерением конкретного субъекта, и потому автор оказывается не личностью, а дискурсивной функцией. Эта структура радикально воплощает идею Фуко о том, что «автор» – не человек, а позиция в тексте (функция внутри дискурса), которая регулирует его интерпретацию и организацию [\[6\]](#).

После смерти Дзампано, рукопись попадает в руки Джонни Труэнта, который сам становится вторичным автором – не потому, что пишет новый текст, а потому что организует чужой, комментирует, размножает смыслы. Его участие разрушает границу между интерпретацией и сочинением: он не столько объясняет прочитанное, сколько втягивается в его гипнотическое поле. Становясь сначала «читателем» в терминологии Фуко, а затем автором в терминологии Барта [\[19\]](#). Его психическое и повествовательное распадение – еще один способ утверждения принципа: автор исчезает, но его отсутствие становится условием существования текста. Более того, третья фигура авторства – Пелафина, мать Труэнта, чьи письма входят в структуру книги, – демонстрирует буквальную смерть автора, завершаемую самоубийством, психическим расстройством и маргинализацией. Таким образом, в «Доме листьев» смерть автора реализуется тройным разрывом: символическим, функциональным и биографическим.

Форма романа закрепляет этот разрыв. Лабиринт из сносок, вставок, пустых и перевернутых страниц, наложенных текстов и чужих фрагментов превращает роман в

систему, лишенную центра. Читатель занимает место отсутствующего автора, но не как суверенный интерпретатор, а как фигура, втянутая в игру смыслов, где любая попытка прояснения только множит новые версии. Автор исчезает, и текст существует как самореферентная структура, отсылающая к себе, а не к внешнему намерению.

У Боланьо «смерть автора» приобретает иное измерение. Если у Данилевского автор теряется в тексте, то у Боланьо – в истории. Исчезновение автора происходит не в рамках интерпретационной модели, а в контексте социального и исторического хаоса. Пятичастная структура «2666» не подчиняется единому нарративному плану, и ни один из персонажей не выполняет функцию организующего сознания. Это отсутствие центра, по Фуко, разрушает понятие «автор – это принцип некоторого единства письма» [\[6\]](#), и в этом смысле Боланьо проводит параллельную деконструкцию авторства.

Центральной фигурой становится Бенно фон Арчимбольди/Ханс Райтер – писатель, вокруг которого выстраивается сюжетная ось первой части. Однако он оказывается радикально удаленным от самого текста: его не видно, он не говорит, его произведения обсуждаются, но не воспроизводятся, его личность реконструируется через чужие догадки и архивные следы. Он – функция внутри текста, скорее миф, чем субъект. Его фигура – это метафора пустого места, символ того, как литература утрачивает фигуру своего создателя, но продолжает функционировать как сеть дискурсивных эхо. К моменту, когда он наконец появляется в последней части романа, он уже не может быть воспринимаем как цельный субъект – его биография рассыпается на маски: солдат, брат, писатель, убийца и т.д. Он не высказывается, а отражается – через реплики других, документы, намеки, литературные реминисценции.

Эта же логика смерти автора распространяется и на другие компоненты текста. В «Части об убийствах» субъектность исчезает и на уровне жертв: женщины, убитые в Санта-Тересе, зафиксированы в отчетах, но не обладают голосом. Их истории не рассказаны, они представлены через статистику, фрагменты, протоколы. Здесь писатель отказывается от традиционной авторской роли рассказчика, передающего смысл: он фиксирует исчезновение, молчание, системное вытеснение субъективности. Автор в этом случае не только молчит, но и отказывается заполнять пустоту, позволяя ей остаться в структуре текста как структурирующий вакуум. Можно еще радикальнее поставить вопрос об авторстве этой части: кто действительно является ее автором – Боланьо, полицейские, журналисты, или сам неуловимый убийца? Каждый из них участвует в создании дискурса, но ни один не берет на себя функцию интерпретации. Автор здесь не высказывается – он конструирует пространство, где субъектность уже невозможна.

В обоих романах смерть автора служит не метафорой, а структурным принципом. У Данилевского она оформлена как деконструкция акта письма и дезавуирование авторского статуса на уровне типографики и композиции. У Боланьо – как стилистическая и философская установка, заключающаяся в отказе от доминирующего повествовательного центра и в демонстративном безмолвии главного «автора» внутри текста. В первом случае читатель наследует хаос письма, во втором – пустоту исторического нарратива, в которой авторская инстанция более невозможна.

Таким образом, «Дом листьев» и «2666» представляют две модели «смерти автора»: текстуальную и историческую. Первая связана с крахом идеи авторской интенции и превращением текста в автономную игру знаков. Вторая – с исчезновением авторской фигуры внутри социальных, политических и культурных механизмов, где литература больше не может опереться на авторское «я» как точку опоры. В обоих случаях произведение продолжает существовать – но уже не как выражение авторского голоса,

а как пространство, в котором автор навсегда исчезает.

Миф как вторичная семиотическая система Барта в «Доме листьев» и в «2666»

В постмодернистском контексте понятие мифа теряет свою традиционную функцию сакрализованного нарратива, структурирующего культурную реальность, и приобретает статус саморефлексивной и неустойчивой семиотической конструкции. Эту трансформацию теоретически предваряет Ролан Барт в разделе «Миф сегодня» из «Мифологии»^[8], где он определяет миф как вторичную семиологическую систему, в которой знак первичного уровня становится означающим в системе второго порядка, – то есть в системе существующей над языком повседневной коммуникации ^[8, с. 265-323]. В рамках этой модели знак первичной системы (синтез означающего и означаемого) в мифе превращается в свободное (от означаемого – смысла) означающее – форму, требующую нового наполнения, которое черпается уже из поля мифологии, то есть идеологии ^{[8, с. 270-271], [24, с. 70]}.

Роман «Дом листьев» Марка Данилевского демонстрирует один из наиболее изощренных примеров реализации бартианского механизма в художественной форме.

Так, следуя логике Барта, можно рассматривать дискурс Дзампано как первичный язык, а дискурс Джонни Труэнта – как вторичную систему. Труэнт интерпретирует тексты Дзампано, превращая их в форму, которую он наполняет своим собственным смыслом, «идеологией» – таким образом, создается новый мифологический знак. Этот процесс полностью соответствует описанному Бартом механизму трансформации первичного знака в мифический ^[8, с. 271].

Аналогичным образом дискурс Дзампано может быть интерпретирован как вторичная система по отношению к «Пленке Нэвидсона». Дзампано, описывая события «Пленки Нэвидсона», превращает ее в форму, которую насыщает своими интерпретациями, и тем самым создает еще один мифический знак. Таким образом, на уровне структуры «Дом листьев» представляет собой цепочку наложенных семиотических систем, где каждый новый уровень осмысляет предыдущий как означающее. Эту структуру справедливо определяет как палимпсест К.Н. Хейлз ^[23, с. 779-780], отмечая по меньшей мере шесть уровней опосредования.

Спускаясь к основанию этой системы, мы приходим к «Пленке Нэвидсона» – первичному слою, который не содержит рефлексии над предшествующими дискурсами. Что же составляет ее знак? По словам самого Данилевского, Нэвидсону удалось запечатлеть пустоту как таковую: «Zampano's piece centers on a documentary film called TheNavidsonRecord made by a Pulitzer Prize-winning photojournalist who must somehow capture the most difficult subject of all: the sight of darkness itself» ^[25, с. xxi]. Таким образом, означаемым оказывается отсутствие, ничто, нигилизм. В семиологическом смысле «Пленка Нэвидсона» становится формой, несущей в себе пустоту как содержание. Это пустое означающее, согласно Барту, требует наполнения, но всякая попытка такого наполнения оказывается обреченной, поскольку форма фиксирует не присутствие, а утрату.

Эта пустота в сердце «Дома листьев» превращается в структурный вакуум – центр, в который ускользают все возможные означаемые. Так строится логика нигилизма, заложенная в самую ткань романа: в нем отсутствует не только субъект или истина, но и сама возможность смыслового завершения. Любая попытка интерпретации превращается в движение вдоль пустого означающего, не способного закрепиться в каком-либо

фиксированном значении.

Здесь уместно провести сравнение с «Улиссом» Джойса. У Джойса, несмотря на фрагментарность и перспективизм, все же существует центр – культура как репертуар цитат и отсылок. У Данилевского же даже этот центр оказывается аннулирован: культурные коды втягиваются в пустоту, теряют устойчивость, и каждый знак становится «наполовину пуст» – сохраняет форму, но утрачивает стабильную референцию.

В этом контексте эффект ускользания становится не просто свойством текста, а самой формой его работы. Данилевский строит то, что Делез назвал бы «абстрактной машиной» [\[14\]](#) – структурой, способной «отыграть» любой дискурс или метанарратив, но ни один не закрепляется в качестве окончательного. Поскольку в ядре романа – пустое означающее, всякий метанарратив, вложенный читателем, работает как временное наполнение этой пустоты. Отсюда – парадокс: читая «Дом листьев», мы читаем, в конечном счете, самих себя – то есть наполняем пустоту в «Доме листьев» нашей личностной идеологией.

Именно эта структура делает возможным применение любых концептуальных моделей к тексту Данилевского – от мифологических до постструктуралистских, от психоаналитических до медиа-теоретических. «Дом листьев» становится зеркалом, бесконечно отражающим интерпретации, не приближая ни к одной из них как к «истине». И это – фигура постмодернистской деконструкции, где центрирование по пустоте становится невозможным, а миф – не способом упорядочивания реальности, а механизмом ее разрушения.

В «2666» Роберто Боланьо пустота (нигилизм) и миф также образуют центральную связку, но организованы по иной логике. В отличие от Данилевского, Боланьо отказывается от интерпретативной игры и переходит в поле постмифологического письма. Миф в «2666» – это не столько объяснительная структура (языковая надстройка над первичным языком), сколько симптоматическая форма, воспроизводящая насилие, безумие (денитрацию субъекта) и исчезновение – то есть миф как форма насилия.

Так, в «Части о критиках» Боланьо строит мифологию литературного пространства через использование вторичной семиотической системы, где язык повседневной научной коммуникации – статьи, исследования, конференции, симпозиумы – функционирует как новая надстройка над первичным означающим (Арчимбольди). Арчимбольди в этом контексте становится знаком, который без дискурсивной обработки был бы самодостаточным текстом или субъектом, но в пределах вторичной системы он превращается в мифическую фигуру.

Повествование выстраивается как пародийное мифическое путешествие, напоминающее движение Одиссея, однако лишенное героической телологии. Поиски Арчимбольди становятся не движением к истоку смысла, а процессом все большей дисперсии и утраты первоначального содержания. Первая сцена насилия – избивание таксиста [\[2, с. 87-90\]](#) – здесь не случайна. Она маркирует начальное смещение: в момент, когда научное стремление понять уступает место бессознательным структурам агрессии и вытеснения, дискурс вторичной системы обнажает свою фундаментальную несостоятельность. Исследовательский интерес, казавшийся нейтральным, обнаруживает свою принадлежность к насилию, скрытому под видом поиска истины.

Таким образом, уже в первой части романа Боланьо демонстрирует, как дискурс научной рациональности может быть мифологизирован, утратив различие между исследованием и

насилием, коммуникацией и вытеснением. Научный язык оказывается не средством постижения, а механизмом отчуждения, где первоначальное означаемое исчезает под напластованиями насилия, кризисности субъективности (было показано ранее) и др.

Во «Части об Амальфитано» роль вторичной семиотической системы берет на себя язык писем Лолы, жены Амальфитано, – язык безумия – фрагментарный, аффективный, нарушающий причинно-следственные связи. Письма Лолы – центрального знака первичной языковой системы, наполнены безумными, вымышленными, трагичными образами, пространственно-временными разрывами и смысловыми провалами формируют новое поле означивания, в котором исчезает данность приобретает вид кошмара наяву. Именно это превращает ее фигуру в «место в дискурсе», инициирующее распад рационального субъекта. Не случайно Амальфитано, перечитывая письма Лолы, произносит: «Безумие заразно...» [\[2, с. 191\]](#). Мифическим мотивом этой части становится странствие, но в отличие от «Части о критиках», здесь путешествие совершается не ради поиска знания, а как форма бегства от травмы и субъективного распада. Лола и ее спутница Имма частично повторяют матрицу античного странствия, но в изломанной, болезненной форме. Их путь может быть прочитан как аллюзия на миф о Мее – фигуре материнского вытеснения и безумия, в которой разрушение обретает сакральный статус.

В «Части о Фейте» вторичной языковой системой становится совокупность идеологических нарративов – постколониальный дискурс, социальное неравенство, криминальные структуры, политическое и институциональное насилие. Мир Фейта – это пространство, где язык массовой культуры и медиального восприятия вытесняет субъективный опыт. Интервью, телерепортажи, разговоры о ставках и боях превращают действительность в поток вторичных означающих, теряющих связь с телесностью и этикой. Фейт, несмотря на свою попытку «вписаться» в этот мир, оказывается вне его кода, а значит – вне самого языка, что предопределяет его отчуждение и изоляцию.

В «Части об убийствах» вторичной языковой системой становится язык архива, надстраивающий над бесконечными убийствами женщин – полицейские отчеты, судебные документы, медицинские заключения – функционирует как предельная форма фиксации. Однако фиксация здесь утрачивает свою репрезентативную функцию: она не свидетельствует, а архивирует без интерпретации. Эта архивная репродукция насилия, по логике Фуко, превращается в «машину забвения», лишенную субъектности и направленности. В духе Деррида это можно определить как состояние «архивной лихорадки» парализующей избыточности, в которой архив перестает быть хранителем памяти и становится топосом бесконечного вытеснения [\[26\]](#).

Санта-Тереса – город, в котором исчезновения не порождают нарратива, а лишь умножают документацию. Здесь природа насилия становится настолько тотальной, что язык утрачивает свою дескриптивную силу. Хроника, утратив функцию свидетельства, превращается в форму пустоты: миф, по Барту, более не скрывает истины, а демонстрирует ее недостижимость. Это – обратная сторона «Дома листьев», где читатель сам конструирует миф. В «Части об убийствах» миф самоуничтожается, теряя даже претензию на интерпретацию. В результате возникает структура, которую можно охарактеризовать по Бодрийяру как симулякр – форма без содержания, знак без референта [\[28\]](#).

В «Части об Арчимбольди» эта тенденция достигает своей кульминации. Арчимбольди – не субъект, но дискурсивная пустота – аналогичная пустоте под домом на Ясеновой улице Данилевского, – фантом авторства, вокруг которого организуется вся система

знаков. Его тексты расщеплены, его фигура исторически размыта, а биография превращена в серию пустот. Он – знак без означаемого, мифический объект, существующий исключительно в системе интерпретаций. Биографические усилия, предпринятые в последней части, не приводят к реконструкции субъекта, а лишь подтверждают невозможность таковой. Арчимбольди становится не писателем, а механизмом, вбирающим в себя проекции – академические, политические, личностные – не возвращая взамен ничего, кроме еще одной формы молчания. Арчимбольди в «2666» – имя нигилизма.

Таким образом, в контексте «Мифа сегодня» Барта романы Данилевского и Боланьо пересекаются: оба текста демонстрируют, что миф, лишенный означаемого, становится формой пустоты, воспроизводящей себя как отсутствие. У Данилевского – через пустоту под «Домом листьев», у Боланьо – через архетипы насилия, путешествия, безумия, хронику исчезновений. Если Дом листьев дает возможность интерпретативной игры (пусть и бесконечной), то «2666» – скорее, отрицание самой возможности интерпретации: каждый документ, каждый персонаж, каждая структура оказывается вовлечена в воспроизводство утраты. Мифологизация Арчимбольди – не акт памяти, а форма коллективной амнезии, икрустация нигилизма именем и мифологическими сюжетами.

Общество потребления и катастрофы в «Доме листьев» и «2666»:

Концепция общества потребления Жана Бодрийяра [\[9\]](#) позволяет рассматривать «Дом листьев» Марка З. Данилевского и «2666» Роберто Боланьо как два примера репрезентации катастрофы в литературе, основанной на логике медийного потребления знаков. В работе Бодрийяра «Общество потребления» в качестве инструмента интерпретации для данного исследования определяющей является глава «Головокружительное потребление катастрофы» [\[9, с. 14-18\]](#).

Оба романа демонстрируют способы поглощения и переработки катастрофических событий в обществе, в котором информация и визуальные образы заменяют само переживание реальности. Однако механизмы работы этих текстов принципиально различны: если у Данилевского катастрофа становится объектом знаковой игры, перерабатываемой в многослойных повествовательных структурах, то у Боланьо она функционирует как монотонная, механическая структура насилия и безумия, лишенная катарсиса и интерпретативного выхода.

В «Доме листьев» катастрофа структурирована через систему палимпсеста, в которой реальные или вымышленные события оказываются многократно переработаны на различных уровнях дискурса. Исчезновение Нэвидсона, его погружение в бесконечные коридоры дома, потери рассудка Труэнтом и Пелафиной, смерти членов экспедиций – все эти события предстают не как непосредственный нарративный материал, а как объект размышлений, комментариев, интертекстуальных напластований и переписываний. Читатель сталкивается не с самой катастрофой, а с ее репрезентациями – текстовыми, визуальными, академическими, документальными, симулякризованными. Каждый слой повествования одновременно дистанцирует и привлекает внимание к катастрофе, создавая эффект отложенного присутствия, который Бодрийяр определял как «головокружительное потребление катастрофы»: переживание катастрофы становится возможным только через ее знаковую симуляцию [\[9, с. 15\]](#).

Этот эффект достигается за счет стилистических и структурных особенностей «Дома листьев». Использование документального дискурса – псевдонаучных комментариев,

сносок, архивных материалов – делает катастрофу частью академического и медийного поля. Подобно новостным сводкам или криминальным хроникам, текст приглашает читателя к исследованию, но при этом постоянно ускользает от фиксированной интерпретации. Медиацентричность романа выражается в манипуляции знаками реальности: Данилевский включает в текст ссылки на реальные события – убийство Кеннеди, войну в Судане, гибель экспедиции на Эвересте, мифологические нарративы – но трансформирует их, создавая иллюзию того, что реальность оказывается частью художественного текста, а не наоборот. В этом отношении «Дом листьев» является моделью симулякра, в которой репрезентация предшествует реальному и замещает его [\[21\]](#).

В «2666» Боланьо использует иной механизм работы с катастрофой и потреблением катастроф. Здесь катастрофа не опосредована знаковыми структурами в той же степени, что у Данилевского, но подана в форме монотонного, циклического повествования, имитирующего документальный стиль, где все диалоги и прямая речь убраны либо в косвенную речь, либо в несобственно-прямую речь. Апофеозом «потребления катастроф», как и следует ожидать, – является центр тяжести романа – серия убийств женщин в Санта-Тересе, которые описываются с механической точностью, превращаясь в статистику. Убийства следуют одно за другим, их подробности сообщаются без эмоционального акцента, создавая эффект серийного, скорее даже конвейерного потребления насилия – насильственного потребления насилия. Читатель сталкивается не с глубиной, которую можно анализировать, как в «Доме листьев», а с бесконечным повторением одного и того же акта насилия, что приводит к притуплению восприятия и невозможности катарсиса.

Этот эффект согласуется с концепцией Бодрийяра о медийной репрезентации насилия в обществе потребления. Как отмечал Бодрийяр, в современной культуре насилие не исчезает, но становится частью знаковой системы, в которой события перерабатываются в форматах новостей, документальных фильмов, криминальных отчетов. Таким образом, насилие превращается в привычный элемент информационного пространства, который не требует эмоционального отклика, а лишь фиксируется как еще один информационный факт [\[9, с. 15\]](#). В «2666» Боланьо доводит этот процесс до предела, устраняя возможность интерпретации и оставляя читателя наедине с механическим воспроизведением жестокости. В этом смысле роман предлагает не рефлексивное погружение в текст, а принудительное участие в потреблении катастрофы, где читатель вынужден стать свидетелем, но не получает возможности осмыслить происходящее.

Различие между этими двумя романами можно объяснить через способы организации катастрофического опыта в тексте. В «Доме листьев» катастрофа эстетизирована, превращена в объект интеллектуального анализа и структурной игры. Читатель переживает катастрофу как художественное явление, в котором страх и ужас подчинены нарративной логике ожидания, сюрприза, интеллектуального поиска. В этом смысле Данилевский выстраивает свою поэтику по принципу фильмов ужасов, в которых страх создается за счет дозированной информации и продуманного эффекта задержки. В «2666» же страх – это не часть игровой структуры, а неизбежное следствие монотонного воспроизводства насилия, его символического избытка, становления гипернасилия. Здесь катастрофа не является нарушением нормальности, как в «Доме листьев», а представляет собой именно что норму, структуру, в которой люди, жертвы, убийцы, полицейские и журналисты становятся функциями социального механизма, производящего смерть и ненормальность.

Тем не менее, оба романа демонстрируют, что в обществе потребления катастрофа теряет свою уникальность и становится частью медийного потока. У Данилевского катастрофа интегрируется в текстуальную игру, приобретая черты интеллектуального аттракциона, в котором страх перерабатывается в интерпретативное удовольствие. У Боланьо катастрофа утрачивает свою интерпретационную значимость и просто существует как факт, который невозможно изменить или осмыслить. В этом смысле оба автора фиксируют кризис восприятия реальности в условиях, когда знаки насилия циркулируют в культуре без привязки к реальному опыту. Если Данилевский предлагает катастрофу как объект исследования, то Боланьо демонстрирует ее как безысходную данность, в которой читатель лишается возможности выбора – он может только погрузиться в поток насилия, но не может найти точку выхода.

Таким образом, «Дом листьев» и «2666» представляют две модели взаимодействия литературы с катастрофическим опытом в эпоху симулякров. В одном случае катастрофа становится материалом для знаковой переработки, в другом – неизбежной структурой, которая не поддается переработке. Оба подхода фиксируют неспособность литературы к прямому воспроизведению реального ужаса: либо он превращается в интеллектуальную игру, либо в механическое повторение. Оба романа показывают, что в постмодернистском обществе катастрофа не является исключительным событием – она становится частью культурного порядка, который либо использует ее как инструмент текстовой рефлексии, либо воспроизводит в режиме непрерывного потока информации.

Деконструкция и различАние в «Доме листьев» и в «2666»

Опорными текстами, через призму которых следует рассматривать деконструкцию являются работы «Позиции» [\[13\]](#), «Письмо к японскому другу» [\[10\]](#), «О грамматологии» [\[12\]](#), а также «Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля» [\[11\]](#). Центральным концептом, организующим деконструктивистское прочтение текстов, является *différance* («различАние»). Этот термин указывает на механизм одновременного откладывания и различения смысла, порождая бесконечную цепочку означающих и не позволяя установить фиксированное присутствие означаемого. В постмодернистской литературе этот концепт проявляется как фундаментальная нестабильность знака, демонстрируя размывание границ между реальностью и ее репрезентацией.

«Дом листьев» Марка З. Данилевского и «2666» Роберто Боланьо представляют собой два варианта радикального воплощения деконструктивной логики *différance*: первый реализует ее через разрушение текстуальной структуры, второй – через подрыв нарративной логики самой реальности.

В «Доме листьев» деконструкция выражена в форме палимпсеста дискурсов, где каждое новое повествовательное измерение разрушает предыдущее, вызывая не только нестабильность смысла, но и невозможность однозначного чтения. Повествование преломляется через тексты Дзампано, Труэнта и вставные комментарии, превращая поиск центра произведения в заведомо провальный процесс. Смысл текста здесь всегда ускользает, оставляя после себя лишь следы исправлений, вычеркиваний и пустот. Письмо Нэвидсона жене Карен становится ярким примером реализации *différance*: «Я не (заслуживаю – вычеркнуто) ожидаю твоего прощения» [\[25, с. 389\]](#). В этом фрагменте смысл разрушается самим форматом высказывания, не позволяя дать окончательный ответ о намерениях героя.

Важнейшей формой проявления *différance* у Данилевского становится деконструкция голоса, который, согласно Деррида, является фундаментальной категорией метафизики

присутствия [\[11, с. 102\]](#). Голос как живое слово считается непосредственным проявлением субъекта в момент речи, однако Данилевский превращает его в след отсутствия говорящего. Яркий пример – «рев» в лабиринте дома [\[25, с. 67\]](#): звук, не имеющий источника, указующий на нечто присутствующее (условного Минотавра), но не поддающееся идентификации. Таким образом, голос становится «фантомным присутствием», лишенным центра, но не теряющим власти над персонажами и читателем [\[27\]](#).

Роман Боланьо «2666» развивает ту же логику, однако у него деконструкция перестает быть лишь литературной игрой и становится свидетельством онтологического распада мира. Структура романа фрагментирована и распадается на несоединимые части, в которых повествование постоянно обрывается, не позволяя достичь целостной интерпретации. В романе срабатывает механизм поэтики «недостижимости»: убийства множатся без объяснений, каждый персонаж потенциально виновен, а любое понимание оказывается невозможным.

Важным пространственным воплощением *différance* в «2666» становится Санта-Тереса – город, превращенный в пространство безысходности и хаоса. Если лабиринт Данилевского еще предполагает возможность движения и поиска смысла, то топография Санта-Тересы не поддается логическому описанию и является зоной бесконечного насилия. Движение здесь теряет смысл, а субъект оказывается в состоянии постоянной онтологической и экзистенциальной дезориентации, крайним выражением чего становится фигура безумца «Грешника», убивающего священников и оскверняющего храмы [\[2, с. 385\]](#).

Фигура Оскара Амальфитано демонстрирует в романе Боланьо закономерный итог жизни в мире, лишенном всякой логики: его разум циклически разрушается и вновь собирается, пока не оказывается поглощен бессмысленностью окружающей реальности. Символическим выражением его безумия становится акт вывешивания книги Рафаэля Диэста на бельевой веревке [\[2, с. 205\]](#), что демонстрирует потерю книгой своей функции источника знания и превращает чтение в бессмысленный жест. Амальфитано слышит призрачные наставления своего покойного отца, превращаясь в промежуточную фигуру между реальностью и бредом, подчеркивая невозможность четкого разделения между реальным и фиктивным.

Дифференциация также проявляется в феномене расщепленного голоса у Боланьо, наиболее ярко представленном в эпизоде с ясновидящей, произносящей по телевидению фрагментированные откровения о преступлениях в Санта-Тересе [\[2, с. 452-453\]](#). Подобно реву у Данилевского, ее голос становится бесплотным следом, звучащим, но не несущим определенного смысла. Таким образом, голос ясновидящей указывает не на истину, а на фундаментальную невозможность ее достижения.

Оба романа демонстрируют, как *différance* воздействует на структуру субъективности. Персонажи «Дома листьев» растворяются в дискурсивных практиках (Дзампано – слеп, Труэнт – часть манускрипта, Нэвидсон – функция лабиринта), а в «2666» субъект исчезает посредством исторической и экзистенциальной аннигиляции. Жертвы становятся статистикой, литературоведы – безликими медиаторами, а писатель Арчимбольди – призраком, текст которого впитывает чужие истории, становясь пространством смерти голоса и смысла. Этот архивный принцип повествования у Боланьо подчеркивает не объяснение событий, а их фиксацию как следы исчезновения.

Таким образом, «Дом листьев» и «2666» являются двумя радикальными пределами деконструкции. Первый текстуально реализует *différance* как игру, в которой читатель вовлекается в интерпретацию, постоянно сталкиваясь с ускользанием смысла, а второй делает *différance* механизмом разрушения самой возможности понимания, демонстрируя исчезновение субъекта, разрушение голоса как координаты присутствия. В конечном счете оба романа выходят за пределы традиционного нарратива и превращают *différance* в единственно возможный принцип повествования постметафизического мира, где любой смысл – это лишь след исчезнувшего присутствия.

Ризома в «Доме листьев» и «2666»: структура, хаос и деконструкция сингулярности

Философский концепт ризомы, разработанный Жилем Делезом и Феликсом Гваттари в работе «Тысяча плато» [\[15\]](#), становится продуктивным инструментом для анализа постмодернистских романов «Дом листьев» Марка З. Данилевского и «2666» Роберто Боланьо. Оба произведения демонстрируют ярко выраженную нелинейность, децентрализацию повествования и сложные межтекстовые связи, что соответствует концептуальной модели ризомы, противопоставленной Делезом и Гваттари древовидной иерархической структуре.

В «Доме листьев» ризома выражается через множественность дискурсов: текст состоит из нескольких независимых уровней повествования (Дзампано, Джонни Труэнт, вымышленные редакторы и читатели), которые взаимодействуют друг с другом по принципу горизонтальной связи без центрального организующего ядра. Эта структура превращает текст в лабиринт интерпретаций, где каждый дискурс одновременно и продолжает, и искажает смысл другого. Пространство дома на Ясеновой улице также действует как ризоматическая структура, не имеющая фиксированного центра, постоянно изменяющая форму и порождающая новые пространства и смыслы. Таким образом, «Дом листьев» представляет собой текст, организованный по принципу бесконечного множества взаимосвязей, создающих новые точки входа и выхода в повествование.

В романе «2666» Боланьо ризома проявляется иначе. Произведение построено из пяти самостоятельных частей, которые пересекаются не на уровне причинно-следственных связей, а через ассоциативные и тематические переплетения. Персонажи, события и темы возникают, исчезают и вновь возвращаются без логического объяснения, создавая впечатление хаотичного и бесконечно расширяющегося пространства повествования. Город Санта-Тереса, место серийных убийств женщин, становится своеобразным рассеянным центром, в котором отсутствует единая точка опоры или ясный смысловой якорь. Таким образом, ризоматическая структура в «2666» выражена через бесконечное и хаотичное расширение нарратива, где читатель сам вынужден выстраивать смысловые связи, не получая окончательных ответов.

Оба романа, используя принцип ризомы, отказываются от традиционного понимания центрального сюжета или главного героя. В «Доме листьев» все персонажи взаимозаменяемы и являются лишь проводниками смыслов, а центральное пространство дома – иллюзорно и постоянно изменчиво. В «2666» фигура Арчимбольди, казалось бы, центральная, остается ускользающей и недостижимой, а насилие и неопределенность становятся главным смысловым фоном повествования. Отсутствие центрального организующего элемента в обоих романах является намеренным приемом, который подчеркивает идею бесконечности интерпретаций и невозможности достижения окончательной истины.

Важным аспектом ризомы в обоих произведениях является ее трансверсальная связь с внешним культурным контекстом. «Дом листьев» активно взаимодействует с кино, философией, мифологией, гиперреальностью, постоянно подключаясь к новым внешним дискурсам. «2666» также демонстрирует широкие межтекстовые и межкультурные связи, пересекая географические и временные границы, объединяя разные литературные жанры и стили повествования. Таким образом, оба романа функционируют не просто как самостоятельные художественные тексты, но и как элементы более широкой культурной ризомы, способные вступать во взаимодействие с различными социальными и интеллектуальными контекстами.

В итоге, оба романа – «Дом листьев» и «2666» – являются яркими примерами ризоматической организации художественного текста, демонстрируя отсутствие иерархии, отказ от центра и бесконечность смысловой интерпретации. Однако если «Дом листьев» создает ризому через формальную и структурную сложность самого текста, то «2666» воплощает ризому в масштабном разрастании нарратива, который не достигает завершенности и существует как постоянно открытая, хаотичная и самодостаточная система смыслов.

«Желающие машины» и «Тело без органов» в контексте «Дома листьев» и «2666»: производство желания и пространство пустоты

Философские концепты «желающие машины» и «тело без органов», введенные Жилем Делезом и Феликсом Гваттари в работе «Анти-Эдип» ^[14], открывают возможность нового взгляда на структуру романов «Дом листьев» Марка З. Данилевского и «2666» Роберто Боланьо, а также на принципы производства желания и организации смысловых пространств в этих текстах.

Понятие «желающих машин» у Делеза и Гваттари связано с постоянным движением и порождением смысловых потоков, где желание не воспроизводит готовые смыслы, а генерирует их заново. В романе Данилевского текст сам становится желаемой машиной: многочисленные дискурсы (голоса Дзампано, Труэнта, редакторов и читателей) создают циклические и бесконечно разветвляющиеся линии интерпретаций. Здесь желание проявляется в бесконечной попытке героев исследовать и понять пустоту, пространство дома на Ясеновой улице, которое само по себе не имеет конкретного смысла, но постоянно стимулирует производство новых значений. Текст вовлекает читателя в этот процесс, заставляя его активно участвовать в создании смыслов и поддерживать работу этой машинерии.

У Боланьо концепт желаемых машин выражен иначе: здесь это сама реальность романа, бесконечный поток событий, не направленный на достижение конкретного смысла или разрешения. Серийные убийства женщин в Санта-Тересе, представленные в романе, постоянно стимулируют желание персонажей найти объяснение и смысл. Тем не менее, это желание остается неудовлетворенным, поскольку события не приводят к финальному смысловому разрешению. Таким образом, текст функционирует как машина бесконечной генерации смысла, но этот смысл всегда оказывается незавершенным, ускользающим и не фиксированным.

Концепт «тело без органов» (термин, восходящий к Антонену Арто) также приобретает важную роль в обоих романах. У Данилевского пустота под домом представляет собой «тело без органов» – активное пространство без внутренней структуры, способное разрушать традиционные связи и создавать новые линии ускользания. Герои, сталкиваясь с этим пространством, теряют привычные ориентиры и вынуждены

перестраивать свое восприятие реальности. Это тело без органов не просто хаос, а особое активное поле, запускающее производство желающих машин текста, поскольку разрушает и вновь пересобирает их связи.

В романе Боланьо «тело без органов» проявляется через образ Санта-Тересы, города без четких координат, поглощающего все объяснения и смыслы. Это пространство становится не просто фоном для событий, но самостоятельной силой, поглощающей и рассеивающей смысл. Если у Данилевского тело без органов – это внутренняя пустота, требующая наполнения новыми смыслами, то у Боланьо это сама структура текста, разрушающая любое построение логических связей и создающая эффект неопределенности и бессмысленности.

Оба романа демонстрируют принципиально разные механизмы работы этих концептов. Если Данилевский создает текст как машину бесконечного порождения новых интерпретаций, используя «тело без органов» как пространство постоянного смыслового обновления, то Боланьо, напротив, показывает, как сама реальность превращается «в тело без органов», в котором исчезают все попытки закрепления смысла. Таким образом, «Дом листьев» становится желаемой машиной текста, открытой для бесконечных прочтений и расширений, тогда как «2666» представляет собой «тело без органов» реальности, постоянно растворяющее смысл и противостоящее окончательной интерпретации.

Оба романа можно рассматривать как открытые текстуальные системы, подтверждающие делезианскую логику ризоматического устройства мира, где смыслы не фиксируются в одном центре, а существуют в постоянном движении и трансформации. Их сравнение показывает разные способы воплощения концепций Делеза и Гваттари, позволяя лучше понять как механизмы производства и исчезновения смысла в литературе постмодернизма, так и саму природу желания и пустоты в современной культуре.

«Дом листьев» и «2666» в «Логике смысла» Жюль Делеза

Романы «Дом листьев» Марка Данилевского и «2666» Роберто Боланьо не просто являются текстами, сложными в композиции и многоуровневыми по смыслу, но представляют собой радикально децентрированные нарративы, вовлекающие читателя в непрерывную игру интерпретаций. Если традиционная литература предполагает глубинный смысл, который можно раскрыть и постичь, то в обоих рассматриваемых романах смысл не фиксируется, а постоянно скользит по поверхности, распадаясь и вновь собираясь в неожиданных комбинациях. Эта характеристика делает их особенно интересными для анализа через «Логiku смысла» Жюль Делеза [\[16\]](#).

Делез рассматривает смысл не как феномен глубины, а как результат взаимодействия различных смысловых серий, которые, пересекаясь, не сливаются друг с другом. В «Доме листьев» такая сериальная структура раскрывается в нескольких взаимосвязанных уровнях: на первом уровне представлены «реальные» события «Пленки Нэвидсона», запечатлевшие пространство, выходящее за рамки физического восприятия; на втором – анализ этих событий персонажем по имени Дзампано, вовлекающим несуществующие цитаты и источники; на третьем – интерпретации Джонни Труэнта, пропускающего текст через призму собственных страхов и паранойи; наконец, четвертый уровень представлен издательским дискурсом, ставящим под вопрос саму природу документа. Чем больше этих слоев возникает в тексте, тем сильнее проявляется отсрочка и неопределенность смысла, что полностью соответствует концепту Делеза об «отсроченной истине».

Роман Боланьо «2666» также строится на серии пересекающихся, но не совпадающих смысловых пластов: исчезновение писателя Арчимбольди, серийные убийства женщин в Санта-Тересе, многочисленные расследования журналистов, литературоведов и полицейских. Каждый из этих слоев предлагает новую попытку построения нарратива, но никогда не приводит к единому смысловому центру. Читатель, как и в случае «Дома листьев», обречен формировать связи между сериями самостоятельно, не получая завершеного объяснения. При этом, если Данилевский создает лабиринт смысла посредством текста и физических свойств книги, то Боланьо делает это через нарративную рассеянность и фрагментарность повествования.

Другой важный аспект анализа – «парадокс глубины». Делез указывает, что глубина смысла – всего лишь иллюзия, порожденная игрой различий на поверхности. В «Доме листьев» читатель постоянно сталкивается с кажущейся тайной глубинной сущности дома Нэвидсона, однако чем глубже исследуется этот «лабиринт», тем яснее становится отсутствие какого-либо окончательного смысла. Дом существует исключительно как набор репрезентаций и знаков. В романе «2666» та же иллюзия глубины связана с загадкой Арчимбольди и убийств женщин: чем больше деталей и информации читатель получает, тем бессмысленнее оказывается любая попытка выстроить завершенную картину реальности.

Особенно значим принцип «смыслового разрыва», который Делез иллюстрирует сценой изменения размеров Алисы в «Алисе в стране чудес». Подобная нестабильность знаковой системы явно проявляется в обоих романах. «Дом листьев» буквально перестраивает себя в процессе чтения через смену шрифтов, формата страниц и ложные ссылки на вымышленные источники. «2666» же постоянно меняет жанровый и тематический контекст: детективный сюжет сменяется политическим триллером, хроника убийств переходит в философские рассуждения. Оба автора играют с нестабильностью текста и восприятия читателя, однако Данилевский делает это формально (через физическое пространство книги), а Боланьо – через повествовательную структуру и жанровую игру.

Наконец, оба романа воплощают тезис Делеза о парадоксе смысла, который рождается там, где рушится логика повествования. В «Доме листьев» таким парадоксом выступает физическое пространство дома, не поддающееся измерению и рациональному объяснению. В «2666» детализированное описание убийств женщин достигает такой степени, что разрушает само понятие повествовательной осмысленности, превращая роман в набор бессмысленных фактов и антиповествование.

Таким образом, романы Данилевского и Боланьо являются образцовыми реализациями Делезианского понимания смысла как поверхностной и бесконечно откладывающейся структуры. «Дом листьев» исследует игру смыслов через эксперимент с текстом и формой, а «2666» – через фрагментацию реальности и разрушение повествовательной логики. Оба текста выступают не только как демонстрация теоретических положений Делеза, но и как иллюстрация бесконечной открытости смысла, где сам акт чтения становится важнейшим творческим событием, демонстрирующим бесконечную потенциальность интерпретаций.

Компаративный анализ «Дом листьев» и «2666» через призму медиа-теории Маршалла Маклюэна

Маршалл Маклюэн, автор концепции «медиа есть сообщение», представленной в работе «Понимание медиа» [\[17\]](#), рассматривает медиа не только как средство передачи

информации, но и как инструмент, меняющий само восприятие человека, его взаимодействие с реальностью и обществом. Исходя из этого подхода, романы «Дом листьев» Марка Данилевского и «2666» Роберто Боланьо можно рассмотреть не просто как литературные произведения, а как самостоятельные медиа-объекты, обладающие собственным уникальным сообщением.

Роман Данилевского становится ярким примером медиа-эксперимента. «Дом листьев» сознательно использует техники гипертекстуальности, свойственные цифровым медиа, посредством сложного нелинейного построения, множества сносок, переменного расположения текста на странице и полиграфических приемов. Это делает процесс чтения интерактивным и напоминающим работу с цифровыми интерфейсами, при этом книга не только имитирует, но и расширяет традиционное восприятие текста. В данном случае само средство коммуникации (роман как физический объект) является сообщением: оно изменяет привычные формы восприятия текста и требует от читателя иного способа взаимодействия с содержанием.

В свою очередь, роман Боланьо «2666» осуществляет деконструкцию традиционного восприятия медиа как источника знаний о мире. Боланьо показывает информационную перегруженность и неспособность современных медиа дать четкие и финальные ответы на важные вопросы. Серийные убийства женщин в вымышленном городе Санта-Тереса представлены в романе как хаотичный медиапоток из отчетов, газетных хроник и телевизионных новостей, которые, однако, не складываются в цельную картину и не ведут к познанию истины. Таким образом, Боланьо представляет медиа как механизм бессилия, документирующий, но не способный проникнуть в суть реальности, которая остается неопределенной и аморфной.

Оба романа также вписываются в другой ключевой тезис Маклюэна, который заключается в том, что любое медиа является продолжением человеческих органов чувств, их амплификацией и экспансией во внешнюю среду. Данилевский демонстрирует это на примере главного героя Уилла Нэвидсона, который воспринимает окружающий мир исключительно через медийные устройства: фото- и видеокамеры, звукозаписывающую аппаратуру. Дом на Ясеновой улице оказывается пространством, неподдающимся полному опосредованию и захвату с помощью этих медиа-инструментов, обозначая границы человеческих органов восприятия и их расширения. Медиа в «Доме листьев» оказываются не только инструментом фиксации действительности, но и средством ее частичного создания, превращая роман в расширение человеческого сознания и восприятия.

В «2666» напротив, медиа становятся не расширением человеческих возможностей, а пространством их исчерпания. Журналисты, детективы и исследователи оказываются бессильны перед лицом хаоса, который не поддается объяснению посредством существующих средств массовой информации. Информация перестает служить инструментом познания, превращаясь лишь в бессмысленный поток данных, не способный восстановить истинный смысл и природу реальности. Таким образом, медиа у Боланьо выступают как барьер, а не инструмент, подчеркивая ограниченность человеческого познания в условиях информационной перегрузки.

Архитектурное измерение в обоих романах также становится выражением медиа-концепции Маклюэна. Дом на Ясеновой улице у Данилевского – это динамическая структура, физическое пространство которой меняется в зависимости от восприятия. Эта архитектура становится метафорой медиа-пространства, постоянно изменяющегося и нестабильного, где человеческие средства фиксации оказываются недостаточными.

У Боланьо Санта-Тереса – это статичная и пустая архитектура, пространство насилия и неопределенности, которое не может быть измерено и познано посредством традиционных медиа-инструментов. Здесь медиа, напротив, не расширяют восприятие, а растворяются в пустоте, неспособные зафиксировать и осмыслить реальность.

Таким образом, Данилевский и Боланьо, используя разные подходы, встраиваются в теорию Маклюэна, демонстрируя, как медиа могут быть не просто средствами передачи информации, но и активно формирующими элементами реальности. Если «Дом листьев» выступает как медиа, расширяющее и изменяющее восприятие, создающее новую архитектуру взаимодействия читателя с текстом и пространством, то «2666» показывает медиа как инструмент, утративший способность объяснять мир, ставший частью хаоса информационного потока и подчеркивающий кризис человеческого познания.

В обоих случаях романы перестают быть только художественными текстами, превращаясь в медиа-объекты, которые наглядно демонстрируют трансформацию сознания и восприятия человека под воздействием современной медиасреды. Анализируя эти произведения через призму Маклюэна, мы видим, как литература XXI века не просто отражает реальность, но активно участвует в ее создании и переосмыслении.

Библиография

1. Данилевский М.З. *Дом листьев: роман* / Пер. с англ. Д. Быкова и др. Екатеринбург: Гонзо, 2016. - 750 с.
2. Боланьо Р. *2666: роман* / Пер. с испан. М. Осиповой. М.: АСТ, 2023. - 908 с.
3. Фуко М. *Археология знания*. Пер. с фр. К.: Ника-Центр, 1996. - 208 с.
4. Фуко М. *Слова и вещи*. СПб.: А-скад : Талисман, 1994. EDN: SHJDHP. - 405 с.
5. Фуко М. *Ницше, генеалогия, история // Ницше и современная западная мысль*. СПб.: Европейский ун-т, 2003. EDN: VVSVHL. - С. 532-560.
6. Фуко М. *Что такое автор? // Воля к истине*. М.: Касталь, 1996. - С. 7-47.
7. Барт Р. *Смерть автора // Избранные работы*. М.: Прогресс, 1989. - С. 384-392.
8. Барт Р. *Мифологии*. М.: Академический проект, 2019. - 351 с.
9. Бодрийяр Ж. *Общество потребления*. М.: Республика; Культурная революция, 2006. EDN: QWMWQB. - 269 с.
10. Деррида Ж. *Письмо к японскому другу // Вопросы философии*. 1992. - С. 53-57.
11. Деррида Ж. *Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля*. СПб.: Алтея, 1999. - 208 с.
12. Деррида Ж. *О грамматологии*. М.: Ad Marginem, 2000. EDN: SMWHKZ. - 512 с.
13. Деррида Ж. *Позиции*. М.: Академический проект, 2007. - 160 с.
14. Делез Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип*. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. - 672 с.
15. Делез Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато*. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. - 895 с.
16. Делёз Ж. *Логика смысла*. М.: Академический проект, 2011. EDN: QXABFT. - 472 с.
17. Маклюэн Г.М. *Понимание медиа*. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. - 464 с.
18. Новиков А.В. «Дом листьев» и проблема постмодернистского хронотопа // *Litera*. 2022. № 6. С. 164-174. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.6.38300 EDN: PCEQBC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38300
19. Новиков А.В. *Генеалогия, дискурс и "смерть автора" как фигуры поэтики в романе Марка З. Данилевского "Дом листьев"* // *Litera*. 2024. № 3. - С. 163-166.
20. Новиков А.В. *Древо "Иггдрасиль" как символический ключ к интерпретации романа "Дом листьев"* // *Litera*. 2024. № 1. - С. 114-143.
21. Новиков А.В. *Марк З. Данилевский "Дом листьев": поэтика симулякров* // *Litera*. 2024. № 2. - С. 19-34.

22. Huber S. *A House of One's Own: House of Leaves as a Modernist Text* // In: *Revolutionary Leaves*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2012. Pp. 123-136.
23. Hayles N.K. *Saving the Subject: Remediation in House of Leaves* // *American Literature*. 2002. Vol. 74, No. 4. Pp. 779-806.
24. Соссюр Ф. де. *Курс общей лингвистики*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. - 432 с.
25. Danielewski M.Z. *House of Leaves*. New York: Pantheon Books, 2000. - 710 p.
26. Derrida, Jacques. *Archive Fever: A Freudian Impression*. Trans. Eric Prenowitz. Chicago: U of Chicago P, 1998. - 113 p.
27. Wu T. *Space and Sound: (Re)Composition in Mark Z. Danielewski's House of Leaves*. Master's thesis, Brown University, 2019. - 38 p.
28. Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть* / Пер. с фр., вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Добросвет; Изд-во "КДУ", 2019. EDN: ZTNBHY. - 392 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье «Формальные элементы постмодернизма: компаративный анализ романов «Дом листьев» Марка Z. Данилевского и «2666» Роберто Боланьо» автором рассматриваются проблемы сравнительного литературоведения в аспекте постмодернизма.

Цель исследования заключается в эмпирической проверке и применении ранее предложенных методик анализа романа «Дом листьев» Данилевского к роману «2666» Боланьо, чтобы выявить специфику реализации ключевых постструктуралистских и постмодернистских идей в тексте последнего, а также в фиксации общих и отличительных черт поэтик Боланьо и Данилевского с помощью компаративного анализа.

Объектом исследования данной статьи являются романы Марка Z. Данилевского «Дом листьев» и Роберто Боланьо «2666» как литературные произведения постмодернизма, рассматриваемые через призму философских концепций характерных для эпохи постмодерна.

Предметом выступают особенности отображения ключевых постструктуралистских и постмодернистских идей в исследуемых произведениях.

Материалом для исследования послужили романы «Дом листьев» и «2666», включая следующие концепты и/или труды: дискурс и генеалогия в трактовке М. Фуко; «смерть автора» в толковании М. Фуко и Р. Барта; «Мифологии» Р. Барта; «Общество потребления и потребление катастроф» Ж. Бодрийяра; деконструкция, голос, феномен, различие Ж. Деррида; ризома, желающие машины, тело без органов Ж. Делеза и Ф. Гваттари; «Логика смысла» Ж. Делеза; «Понимание медиа» М. Маклюэна.

Исследование обладает структурой научной статьи и состоит из введения, основной части, заключения и библиографии.

Основная часть включает в себя 11 подразделов, в которых автор последовательно раскрывает репрезентацию философии постмодернизма в исследуемых произведениях:

- 1) Дискурс в «Доме листьев» и «2666»
- 2) Генеалогия как элемент поэтики в «2666» и в «Доме листьев»
- 3) Кризис субъекта в «Доме листьев» Марка Z. Данилевского и «2666» Роберто Боланьо
- 4) «Смерть Автора» как элемент поэтики «2666» и «Дома листьев»
- 5) Миф как вторичная семиотическая система Барта в «Доме листьев» и в «2666»
- 6) Общество потребления и катастрофы в «Доме листьев» и «2666»

- 7) Деконструкция и различАние в «Доме листьев» и в «2666»
- 8) Ризома в «Доме листьев» и «2666»: структура, хаос и деконструкция сингулярности
- 9) «Желающие машины» и «Тело без органов» в контексте «Дома листьев» и «2666»: производство желания и пространство пустоты
- 10) «Дом листьев» и «2666» в «Логике смысла» Жюль Делеза
- 11) Компаративный анализ «Дом листьев» и «2666» через призму медиа-теории Маршалла Маклюэна

В каждом из 11 подразделов автор доказывает связь элементов анализируемых романов с философскими концепциями постмодернизма.

В результате данного анализа автор приходит к выводу о том, что «Данилевский и Боланьо, используя разные подходы, встраиваются в теорию Маклюэна, демонстрируя, как медиа могут быть не просто средствами передачи информации, но и активно формирующими элементами реальности. Если «Дом листьев» выступает как медиа, расширяющее и изменяющее восприятие, создающее новую архитектуру взаимодействия читателя с текстом и пространством, то «2666» показывает медиа как инструмент, утративший способность объяснять мир, ставший частью хаоса информационного потока и подчеркивающий кризис человеческого познания.

В обоих случаях романы перестают быть только художественными текстами, превращаясь в медиа-объекты, которые наглядно демонстрируют трансформацию сознания и восприятия человека под воздействием современной медиасреды».

Стиль статьи соответствует уровню научной статьи и не содержит существенных недочетов.

Библиография содержит необходимое количество источников.

Таким образом, статья «Формальные элементы постмодернизма: компаративный анализ романов «Дом листьев» Марка З. Данилевского и «2666» Роберто Боланьо» является исследованием, открывающим новые перспективы в области сравнительного литературоведения и может быть рекомендована к публикации в журнале Litera.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Бочаров И.И., Баранова Е.А. Механизмы конструирования пропагандистских сообщений в медиа // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.74097 EDN: MGSTZL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74097

Механизмы конструирования пропагандистских сообщений в медиа

Бочаров Иван Ильич

магистр; кафедра методов и технологий современной пропаганды и контрпропаганды; Российский государственный социальный университет
Старший контент-аналитик; Президентский фонд культурных инициатив

129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4

✉ sergdvmgoncharov@yandex.ru

Баранова Екатерина Андреевна

ORCID: 0000-0003-1794-9936

доктор филологических наук

профессор; кафедра коммуникационного менеджмента и управления отношениями; Российский государственный социальный университет

129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4

✉ kat-journ@yandex.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.74097

EDN:

MGSTZL

Дата направления статьи в редакцию:

14-04-2025

Дата публикации:

21-04-2025

Аннотация: Настоящее исследование представляет собой комплексный анализ технологий манипулятивного влияния в современных медиа на примере скоординированной кампании против Олега Газманова (январь 2023 г.). Предметом

исследования выступают лингвистические (эмотивная лексика, оценочные конструкции), дискурсивные (нарративные стратегии, фрейминг) и сетевые (алгоритмическое продвижение, бот-активность) механизмы конструирования негативного медиаобраза публичной личности в условиях цифровой коммуникации. Цель работы – системное выявление и описание ключевых технологий создания и распространения пропагандистского контента. В работе демонстрируется, как сочетание лингвистических маркеров (в 89% случаев – кликбейтные заголовки) и сетевых моделей (со скоростью вирализации 4.3 публикации/час) трансформирует нейтральные события в масштабные медиаскандалы. Особое внимание уделяется процессам семантического искажения и искусственной поляризации аудитории. Проведен контент-анализ 147 публикаций и 3 218 пользовательских реакций (отобранных за период активной фазы медиакампании) с применением количественных (расчет частотности, процентных соотношений) и качественных методов (дискурс-анализ, лингвистический анализ, идентификация риторических приемов), включая статистическую обработку данных и лингвистический анализ. Научная новизна исследования заключается в применении комплексного анализа медиаманипуляций, сочетающего лингвистические (эмоционально-оценочные конструкции, семантические искажения) и сетевые (алгоритмическое распространение, бот-активность) факторы, в отличие от предыдущих исследований медиаманипуляций, сосредоточенных либо на лингвистических аспектах, либо на сетевой динамике по отдельности. Также выявлен механизм трансформации нейтральных событий в скандалы через искусственную поляризацию аудитории. Основные выводы: 1) современные медиаманипуляции представляют собой системный процесс, сочетающий лингвистические технологии и сетевые алгоритмы: сетевые алгоритмы (соцсетей, поисковых систем) выявляют и продвигают контент с эмоционально заряженными лингвистическими паттернами; 2) эффективное противодействие требует комплексных мер, включающих: а) автоматизированный мониторинг семантических искажений, б) регулирование алгоритмов соцсетей, в) образовательные программы по медиаграмотности. Полученные результаты открывают новые перспективы для разработки технологий цифровой гигиены и защиты информационного пространства; 3) Выявлены социальные последствия медиаманипуляций: когнитивный диссонанс аудитории, ценностная эрозия, репутационный ущерб через механизм "вины по ассоциации". Результаты могут быть использованы для разработки мер по обеспечению информационной безопасности, включая регулятивные и образовательные программы.

Ключевые слова:

медиаманипуляции, негативный контент, кликбейт, виральность, семантическое искажение, информационная поляризация, фейковые новости, дезинформация, пропаганда, медиаконвергенция

Введение

Современные СМИ, функционирующие в режиме экономии внимания, все чаще прибегают к технологиям негативного фрейминга [\[5, с.168\]](#), трансформируя нейтральные информационные поводы в резонансные скандалы, что оказывает негативное влияние на общественное сознание, приводит к поляризации негативных мнений о лидерах общественного мнения, которые формируют общекультурную позитивную повестку, а также потере ценностных ориентиров у аудитории.

Проблему манипулятивного влияния и негативной интерпретации информации в СМИ изучали многие отечественные и зарубежные исследователи в области медиа, социологии и когнитивной лингвистики. Среди зарубежных авторов следует отметить работы Н. Хомского (N. Chomsky) и Е. Хермана (E. Herman) [\[19, с.241\]](#), чьи труды внесли фундаментальный вклад в раскрытие механизмов пропаганды в медиа, а также работы Дж. Лакоффа (G. Lakoff), исследующие роль фрейминга в конструировании общественного сознания [\[21\]](#). В. Беннет (W. Bennett) и С. Ливингстон (S. Livingston) в своей работе «Эпоха дезинформации: политика, технологии и разрушительные коммуникации в Соединенных Штатах» провели анализ дезинформации и манипулятивных стратегий в цифровую эпоху [\[18, с.328\]](#). М. Хамелерс (M. Hameleers) в своей статье «Дезинформация и поляризация в условиях широкого выбора средств массовой информации» рассмотрел роль медиа в усилении поляризации через дезинформацию [\[20, с.215\]](#). И, наконец, Г. Пенник (G. Pennycook) и Д. Рэнд (D. Rand) в своей статье «Психология фейковых новостей» [\[22, с.388\]](#) изучили когнитивные механизмы восприятия ложной информации.

В российской науке значительный вклад в изучение языкового манипулирования внесли А. П. Чудинов [\[17, с.234\]](#), Г. Я. Солганик [\[16, с.952\]](#), Е.И. Шейгал, Д.М. Журавлев [\[9, с.14\]](#), А. Х. Ашрапова [\[1, с.2772\]](#), С. А. Виноградова [\[6, с.87\]](#) и др. Вопросы трансформации общественного сознания через медиа рассматривались в работах С. Г. Кара-Мурзы [\[10, с.862\]](#), И.В. Жилавской [\[8, с.240\]](#) и Т.З. Адамьянц [\[2, с. 158\]](#), которые анализировали влияние медиаконтента на когнитивные и эмоциональные процессы аудитории. В статье «Фейковые новости в эпоху цифровизации» Д. К. Григорян анализирует негативные последствия распространения фейковых новостей в РФ [\[7, с.132\]](#). Е. А. Мельникова в статье «Влияние заголовков новостных медиатекстов на психосферу читателя» [\[13, с. 392\]](#) рассматривает создание негативного эмоционального посыла через заголовки новостных медиатекстов.

Также стоит отметить, что авторы данного исследования в статье «Проблема реализации культурноформирующей функции в отечественных СМИ» [\[4, с. 1\]](#) рассматривали проблему тиражирования скандальных, «кликабельных», негативных новостей в разделах «Культура» на сайтах СМИ в угоду рейтингам, лайкам и просмотрам.

Несмотря на значительное количество исследований, феномен негатива как инструмента манипуляции требует дальнейшего изучения, особенно в условиях цифровизации и роста влияния социальных сетей, где эмоционально заряженный контент распространяется с высокой скоростью. Практики трансформации нейтральных информационных поводов в резонансные скандалы оказывают деструктивное влияние на общественное сознание, способствуя усилению социальной поляризации, формированию искаженной картины мира и постепенной потере ценностных ориентиров у потребителей медиаконтента. В условиях цифровой эпохи, где скорость распространения информации многократно возрастает, а алгоритмы платформ отдают предпочтение эмоционально заряженному контенту, проблема манипулятивного воздействия СМИ приобретает особую актуальность. Необходимо углубленное исследование современных механизмов негативного фрейминга и их последствий для общественного диалога. Данная работа направлена на изучение данных механизмов, предлагает комплексный анализ технологий манипуляции общественным мнением в цифровую эпоху.

Методология исследования

Мы решили изучить процесс создания резонансного скандала на примере медиакампании, сформированной против Олега Газманова в начале 2023 г. Выбор был сделан в пользу данной медиакампании, так как певец является одним из самых популярных публичных личностей в России и неоднократно становился лидером в рейтингах самых популярных артистов [\[12\]](#). К информационному окружению его фигуры существует повышенное внимание общества.

В основу работы положен многоуровневый методологический подход, сочетающий количественный контент-анализ и качественный дискурс-анализ. Исследовательский корпус составили 147 публикаций в российских СМИ и Telegram-каналах за период с 25 января по 1 февраля 2023 г. (период активной фазы медиакампании), а также 3 218 пользовательских реакций (комментарии, репосты, лайки).

Авторы ставили перед собой следующие задачи: 1) Провести анализ негативной медиакампании, запущенной против Олега Газманова 25 января 2023 г.; 2) Выявить маркеры манипулирования, используемые при создании негативных новостей в русскоязычных СМИ; 3) Проанализировать стратегии усиления эмоционального воздействия негативного контента, включая гиперболизацию, эвфемизацию и другие риторические приемы; 4) Предложить возможные механизмы противодействия манипулятивному использованию негатива в СМИ, включая медиаграмотность и этические регулятивные меры.

Обсуждение результатов исследования медиакампании

1) Новость была сделана антироссийским латвийским информационным ресурсом – телеграмм-каналом «Сирена» (*телеграмм-канал «Сирена» признан Минюстом иностранным агентом*). Он был создан активистами «команды Навального» 7 июля 2022 г., которые в настоящее время находятся в эмиграции. Сообщение с надуманным и кликбейтным заголовком было сформировано на основании информационного события (эфир «Вести ФМ» 25 января 2023 г.), которое в объективном изложении прошло практически незаметным для федеральных СМИ по причине отсутствия в информации «трафикогенерирующего контента». 2) Широкую огласку в России негативно интерпретированная новость с передернутыми фактами получила за счет схематичной работы отечественных новостных агрегаторов (акцент на кликбейт заголовка, активный посев вирусной (вирусной) новости), а также из-за сомнительного подхода российских СМИ к формированию информационной повестки. Так, большая часть нейтральных и даже лояльных к власти медиа ссылались на первоисточник – антироссийский телеграмм-канал «Сирена» (*телеграмм-канал «Сирена» признан Минюстом иностранным агентом*) и перепостивший его «Подъем». Практически 95% СМИ, которые включили новость в свои информационные ленты, использовали кликбейтный заголовок, содержащий в себе непроверенную и неверно интерпретированную информацию, делая акцент на следующей формулировке: «Газманов – получил 17 миллионов – патриотизм». Публикации на сайтах авторитетных изданий «Газета.ру» и «Коммерсант», позволили новости «легализоваться», и некоторые СМИ стали ссылаться на эти ресурсы. 3) Все это привело к тому, что в общей информационной повестке страны плотно укоренилась манипулятивная новость, запущенная антироссийским интернет-каналом, которая нанесла репутационный ущерб Олегу Газманову, ПФКИ и проекту «Родники».

Перейдем к подробному анализу медиакампании. 25 января 2023 г. Народный артист РФ Олег Газманов принял участие в эфире программы «Человек Z» на радио «Вести». Программа была посвящена запуску песенного конкурса «Родники», инициатором которого является Газманов. Грант на проведение конкурса выделил Президентский

фонд культурных инициатив. Информация о программе с цитатами гостя о его участии в проекте «Родники» была опубликована на сайте «Смотрим», который входит, как и станция, в медиахолдинг «Россия сегодня».

Новость стала основой для перепостов в региональных СМИ, которые сотрудничают с «Россией сегодня». Как пример, нейтральная информация с сайта «Орловская среда» от 29 января: «Олег Газманов считает, что сейчас в России духоподъемные песни нужны, как во время ВОВ» ^[14]. Широкий информационный шум новость не вызвала: федеральные СМИ не подхватили новость от радиостанции «Вести», ее осветили лишь «регионалы» из «партнерской сетки». Ключевая причина индифферентного отношения медиа: отсутствие в информации «трафикогенерирующего контента». Интересной для телеграмм-каналов и крупных СМИ она стала только после надуманной негативной «упаковки».

30 января телеграмм-канал «Сирена» (*телеграмм-канал «Сирена» признан Минюстом иностранным агентом*) публикует новость об участии Газманова в проекте «Родники» с негативной интерпретацией: акцент делается на фамилии популярного артиста и сумме гранта (17 миллионов рублей), который был получен на проект «Родники». При этом культурная и художественная ценности проекта максимально нивелируются и сводятся до «сбора патриотических песен» — «Олег Газманов проводит конкурс патриотических песен и создает интернет-базу с ними. Президентский фонд культурных инициатив дал на это 17 млн рублей» ^[15].

На протяжении 2022 г. канал «Сирена» (*телеграмм-канал «Сирена» признан Минюстом иностранным агентом*) неоднократно публиковал материалы о Президентском фонде культурных инициатив в негативном ключе. Канал выпустил даже два «больших расследования» ^[11]. Редактор «Сирены», Андрей Затирко (*признан Минюстом иностранным агентом*), журналист из Читы, который опубликовал несколько громких региональных (Забайкальский край) расследований, одно из них привело к уголовному делу и тюремному заключению заместителя мэра Читы. Кроме «Сирены» (*телеграмм-канал «Сирена» признан Минюстом иностранным агентом*), он работает с каналом «Популярная политика», который был запущен сотрудниками «Фонда борьбы с коррупцией» в феврале 2022 г.

Стоит отметить, что эксклюзивного контента на канале «Сирена» (*телеграмм-канал «Сирена» признан Минюстом иностранным агентом*) немного. Чаще всего он постит общеизвестные факты в собственных интерпретациях и «разгоняет» необходимую информацию вместе с другими антироссийскими каналами. Однако контент о деятельности ПФКИ стал «уникальным предложением» от «Сирены» (*телеграмм-канал «Сирена» признан Минюстом иностранным агентом*) и вбрасывается именно через него.

Как шел разгон новости по антироссийским каналам и СМИ

30 января в 15:29	«Сирена» (<i>телеграмм-канал «Сирена» признан Минюстом иностранным агентом</i>) запускает новость
15:36	новость дает «Медуза» (<i>СМИ признано Минюстом иностранным агентом</i>)
16:10	новость дает Любовь Соболь (<i>признана Минюстом иностранным агентом</i>) со ссылкой на «Сирену»
16:17	подключается канал «NEXTA live»
16:34	новость дает «Полъем»

18:35	ТГ-канал ТВ-канала «Дождь» (СМИ признано Минюстом иностранным агентом)
18:35	канал «Лентач»
18:35	сообщение на антивоенном и антироссийском канале «МОБИЛИЗАЦИЯ»
18:39	новость на «Avtozak LIVE»
19:55	программа «Здесь и сейчас» на «Дожде» (СМИ признано Минюстом иностранным агентом) с упоминанием новости
21:15	новость на канале «Радио Свобода» (СМИ признано Минюстом иностранным агентом).
21:21	канал Романа Доброхотова (признан Минюстом иностранным агентом) «Insider»

Табл.1. Разгон негативной новости по антироссийским каналам и СМИ

Мы видим, что новость поддержали многие (но далеко не все) партнерские информационные каналы «Сирены» (телеграмм-канал «Сирена» признан Минюстом иностранным агентом), которые традиционно и регулярно делают перепосты ее самых «трафикоемких» сообщений. Так же к «разгону» подключились «Дождь», «Медуза», «Радио Свобода» (данные СМИ признаны Минюстом иностранными агентами), которые работают в четком антироссийском ключе. Российские «тяжеловесы» с якобы «нейтральной позицией», как Илья Варламов «Varlamov News»; 1 067 816 подписчиков (признан Минюстом иностранным агентом) и Ксения Собчак «Кровавая барыня»; 1 292 222 подписчиков, которые обычно включаются в повестку антироссийских каналов при масштабных атаках, тоже проигнорировали новость. Говорить о широкой и скоординированной информационной атаке «команды Навального» вряд ли оправданно, учитывая, что разгон новости об Олеге Газманове был осуществлен только информационными ресурсами, которые заинтересованы в трафикоемких постах. При этом опыт предыдущих массивных разгонов негативного контента о деятельности ПФКИ показывает, что при необходимости в атаку включаются все ресурсы «вражеских сетей» без исключения, а не только те, кто живет за счет активного охвата аудитории.

Как шел разгон новости по российским СМИ и агрегаторам

30 января в 15:53	Буквально через 24 минуты после публикации «Сирены» (телеграмм-канал «Сирена» признан Минюстом иностранным агентом) и через 17 минут после «Медузы» (СМИ признано Минюстом иностранным агентом) на новость «обратил внимание» агрегатор новостей «INFORMING», который чутко реагирует на потенциально виральные новости и, несмотря на относительно скромное количество ежедневных просмотров — 60–70 тысяч, выводит информацию в баннерные сети и на RSS.
16:13	«Газета.ру». С этого ресурса новость дальше начнет расходиться под кликбейтным заголовком, где фигурирует фамилия Газманова и сумма в 17 миллионов.
16:15	«Дейли.афиша»
16:20	В разгон вирального заголовка включается еще один агрегатор новостей, который размещает свои баннеры с кликбейтными новостями на многих сайтах — Ctnews.
16:30	Волну подхватывает еще один генератор кликбейта

	еще один агрегатор новостей «Общественная служба новостей»
16:30	«СМИ.Тудей»
16:30	еще один агрегатор «RSS+»
16:52	«SM-NEWS»
16:54	агрегатор «Форпост Севастополь»
16:55	«Слово и дело»
16:58	ИА «Национальная служба новостей» (входит в один медиахолдинг «Мультимедиа холдинг» с «Наше радио», «Радио джаз», «Радио Ультра»)
17:01	«Правда.ру»
17:02	«Russia24»
17:05	«Новые известия»
17:11	ИА «LIVE24»
17:21	«Политэксперт» (медиагруппа «Патриот»)
17:25	«Секрет фирмы»
17:28	«NEWS.RU»
17:35	«Свободная пресса»
17:38	питерское сетевое издание «INFOREACTOR»
17:47	«Коммерсантъ»
17:57	«Актуальные новости»
18:02	«Бизнес газета»
18:22	«Лента.ру»
18:43	«Московский комсомолец»
18:45	радиостанция «Бизнес ФМ»
18:46	оценив трафикоемкость новости, «Газета.ру» делает большой материал, переработав открытую информацию на сайте ПФКИ. Но заголовок по-прежнему кликбейтный
19:11	ИА «URA.RU»
19:22	издание с новостями Ленинградской области «47NEWS»
19:31	«Фонтанка»
19:31	РИА «ФАН»
19:47	ультрапатриоты с «Царьграда»
20:28	спустя несколько часов после выхода новости в телеграм-канале сотрудники «Медузы» (СМИ признано Минюстом иностранным агентом) понимают, что лишаются ценного трафика, и делают публикацию на сайте

Табл.2. Разгон новости по российским СМИ и агрегаторам

Далее наступает «эффект снежного кома» [\[3, с.102\]](#), когда веб-редакторы СМИ, администраторы информационных каналов в соцсетях, оценив растущий потенциал новости и ее «хайповость», стали наперегонки выставлять информацию у себя, чтобы получить трафик. 31 января и 1 февраля новость продолжала давать хорошие охваты, поэтому СМИ начинают формировать «длинный хвост» из комментариев по теме с приглашенными экспертами.

Заключение

А) На примере негативной медиакмпании против О. Газманова рассмотрена роль фрейминга в трансформации нейтрального события в резонансный скандал.

Манипуляция осуществлялась через: 1) Селекцию фактов (акцент на сумме гранта при игнорировании содержания проекта); 2) Лексическую трансформацию (подмена термина "конкурс патриотических песен" на кликбейтный конструкт "получил 17 миллионов"); 3) Эмоциональную маркировку (создание ассоциативного ряда "артист-бюджетные деньги-сомнительная ценность").

Б) Выявлены маркеры манипулирования, используемые при создании негативных новостей в СМИ. Выявлена двухуровневая система эскалации негатива: 1) Первичный контур: антисистемные медиа, напр., "Сирена", "Медуза" (*признаны Минюстом иностранным агентом*) как генераторы нарратива; 2) Вторичный контур: российские агрегаторы и СМИ, тиражирующие кликбейтные формулировки.

В) Проанализированы стратегии усиления эмоционального воздействия. Обнаружены характерные приемы: 1) Гиперболизация цифр (акцент на 17 млн рублей); 2) Контекстуальное упрощение (редукция культурного проекта до "сбора песен"); 3) Семантическое заражение (связка "Газманов-грант-патриотизм" как триггер поляризации).

Г) Зафиксированы социальные последствия: 1) Когнитивный диссонанс аудитории (противоречие между статусом артиста и "нецелевым" использованием бюджета); 2) Ценностная эрозия (девальвация понятия патриотизма); 3) Репутационный ущерб через механизм "вины по ассоциации".

Д) Предложены возможные механизмы противодействия манипулятивному использованию негатива в СМИ. 1) Разработка алгоритмов верификации для агрегаторов; 2) Этические стандарты заголовокообразования; 3) Медиаобразовательные программы по распознаванию манипулятивных фреймов; 4) Механизмы оперативного контекстуального реагирования.

Теоретическая значимость исследования заключается в демонстрации того, как нейтральная информация трансформируется в конфликтогенную через лингвистические маркеры. Практическая ценность работы заключается в выявлении уязвимостей современной медиасистемы к целевым манипулятивным атакам.

Библиография

1. Ашрапова А. Х. Языковая манипуляция в трудах отечественных и зарубежных ученых: теоретические вопросы терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, вып. 9. С. 2771-2778. DOI: 10.30853/phil20220493. EDN: DUREGY.
2. Адамьянц Т. З. Социальная коммуникация. М.: ИС РАН, 2005. 158 с. EDN: QOEPOV.
3. Алекян М., Ерицян Е. Эпоха господства информационных потоков и кибер-противостояний: как выстоять и "не заблудиться" // Регион и мир. 2022. № 1. С. 101-104. EDN: JUXVDW.
4. Баранова Е.А., Бочаров И.И. Проблема реализации культуроформирующей функции в отечественных СМИ // Litera. 2023. № 7. С. 1-14. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.43477 EDN: RVZEPV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43477
5. Балдицын П. В. Технология создания негативного образа Дональда Трампа в журнале "Нью-Йоркер" // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2021. № 1. С. 168-182. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.175191. EDN: WGRFV.
6. Виноградова С. А. Речевая манипуляция цифровой информацией // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 2. С. 86-91. EDN: NRXOXJ.
7. Григорян Д. К. Фейковые новости в эпоху цифровизации: технологии противодействия распространению // Юрист-Правоведъ. 2024. № 3 (10). С. 132-136. EDN: LLHIMJ.

8. Жилавская И. В. Медиаобразование молодежи: монография. М.: РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2013. 243 с. EDN: RVPRXB.
9. Журавлев Д. М. Цифровая статистика как средство языкового манипулирования в СМИ // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2024. № 1 (122). С. 13-21. DOI: 10.37972/chgpu.2024.122.1.002. EDN: OYTEWE.
10. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2008. 862 с. EDN: QOIUMT.
11. Как Президентский фонд культурных инициатив превратили в фонд пропаганды войны - лучшие тексты "Сирены" 2022 года // Сирена: ТГ-канал. URL: https://t.me/news_sirena/10413 (дата обращения: 24.03.2025) (*телеграмм-канал "Сирена" признан Минюстом иностранным агентом*).
12. Лучшие артисты страны - 2022 // ВЦИОМ: сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/luchshie-artisty-strany-2022> (дата обращения: 24.03.2025).
13. Мельникова Е. А. Влияние заголовков новостных медиатекстов на психосферу читателя // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6 (91). С. 392-394. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-691-392-394. EDN: MRHYRR.
14. Олег Газманов считает, что сейчас в России духоподъемные песни нужны, как во время ВОВ // Орловская среда: интернет-издание. URL: <https://orelsreda.ru/oleg-gazmanov-schitaet-chto-seychas-v-rossii-duhopodemnye-pesni-nuzhny-kak-vo-vremya-vov/> (дата обращения: 24.03.2025).
15. Олег Газманов проводит конкурс патриотических песен и создает интернет-базу с ними. Президентский фонд культурных инициатив дал на это 17 млн рублей // Сирена: ТГ-канал. URL: https://t.me/news_sirena/10413 (дата обращения: 24.03.2025) (*телеграмм-канал "Сирена" признан Минюстом иностранным агентом*).
16. Солганик Г. Я. Язык СМИ и политика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. 952 с. EDN: WMGIZL.
17. Чудинов А. П., Будаев Э. В., Солопова О. А. Политическая метафорология: Дискурсивный поворот. М.: Флинта, 2020. 234 с. EDN: GUGOYK.
18. Bennett W. L., Livingston S. The Disinformation Age: Politics, Technology, and Disruptive Communication in the United States. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 328 p.
19. Chomsky N., Herman E. S. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. New York: Pantheon Books, 1988. 412 p.
20. Hameleers M., van der Meer T. G. Misinformation and Polarization in a High-Choice Media Environment: Does Media Type Matter? // The International Journal of Press/Politics. 2020. Vol. 25, No 2. P. 215-235.
21. Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. University of Oregon, 1991. URL: <http://metaphor.uoregon.edu/lakoff-l.htm> (дата обращения: 07.04.2025).
22. Pennycook G., Rand D. G. The Psychology of Fake News // Trends in Cognitive Sciences. 2021. Vol. 25, No 5. P. 388-402. DOI: 10.1016/j.tics.2021.02.007. EDN: GPCPDG.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена механизмам конструирования пропагандистских сообщений в медиа. Предмет исследования достаточно актуален и определяется необходимостью системно и целостно осмыслить проблему манипулятивного влияния и

негативной интерпретации информации в средствах массовой информации. Как верно отмечено в работе, «в условиях цифровой эпохи, где скорость распространения информации многократно возрастает, а алгоритмы платформ отдают предпочтение эмоционально заряженному контенту, проблема манипулятивного воздействия СМИ приобретает особую актуальность. Необходимо углубленное исследование современных механизмов негативного фрейминга и их последствий для общественного диалога».

Теоретической основой научной работы явились труды таких российских и зарубежных исследователей, как Г. Я. Солганик, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, Д. М. Журавлев, А. Х. Ашрапова, С. А. Виноградова, С. Г. Кара-Мурза, И. В. Жилавская, Т. З. Адамьянц, Е. А. Мельникова, Н. Хомский, Е. Херман, Дж. Лакофф, В. Беннет, С. Ливингстон, М. Хамелерс, Г. Пенникер, Д. Рэнд и др., посвященные языковому манипулированию; дезинформации и манипулятивным стратегиям в цифровую эпоху; влиянию медиаконтента на когнитивные и эмоциональные процессы аудитории; роли фрейминга в конструировании общественного сознания; когнитивным механизмам восприятия ложной информации и т.п. Библиография включает 22 источника, в том числе 4 электронных ресурса, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи.

Методология исследования определена поставленной целью и задачами и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод, социокультурный анализ; количественный контент-анализ и качественный дискурс-анализ. Эмпирическим материалом послужила медиакампания против Олега Газманова в начале 2023 г. Выбор данной медиакампании обоснован тем, что певец является одним из самых популярных публичных личностей в России и неоднократно становился лидером в рейтингах самых популярных артистов. К информационному окружению его фигуры существует повышенное внимание общества. Исследовательский корпус составили 147 публикаций в российских СМИ и Telegram-каналах за период с 25 января по 1 февраля 2023 г., а также 3 218 пользовательских реакций (комментарии, репосты, лайки).

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи: проведен анализ негативной медиакампании, запущенной против Олега Газманова 25 января 2023 г.; выявлены маркеры манипулирования, используемые при создании негативных новостей в русскоязычных СМИ; проанализированы стратегии усиления эмоционального воздействия негативного контента, включая гиперболизацию, эвфемизацию и другие риторические приемы; предложены возможные механизмы противодействия манипулятивному использованию негатива в СМИ, включая медиаграмотность и этические регулятивные меры.

Результаты, полученные в ходе исследования, безусловно имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в углубление теории дискурса, изучение феномена негатива как инструмента манипуляции. Практическая значимость исследования заключается в выявлении уязвимостей современной медиасистемы к целевым манипулятивным атакам. Полученные результаты могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и при разработке курсов по общему языкознанию, медиакommunikациям, прагмалингвистике и социалингвистике и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль статьи отвечает требованиям научного описания. Рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ковешникова А.В. Специфика использования фразеологических единиц в художественной прозе В. Пелевина // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.74186 EDN: MJYPGR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74186

Специфика использования фразеологических единиц в художественной прозе В. Пелевина

Ковешникова Анна Владимировна

ORCID: 0009-0005-7561-2532

преподаватель; кафедра русского языка; Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище им. В.Ф. Маргелова
аспирант; факультет русской филологии и национальной культуры; Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

390005, Россия, Рязанская обл., г. Рязань, ул. Дзержинского, д. 18, кв. 12

✉ anutka.rodckina@yandex.ru

[Статья из рубрики "Авторская маска"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.74186

EDN:

MJYPGR

Дата направления статьи в редакцию:

16-04-2025

Дата публикации:

23-04-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования являются приемы индивидуально-авторского преобразования и конструирования фразеологических единиц. Объект данного исследования – язык художественной прозы В. Пелевина. Цель исследования заключается в выявлении специфики употребления, преобразования и создания авторских фразеологических единиц в художественной прозе В. Пелевина и установлении их взаимосвязи с идиостилем писателя. В статье рассмотрены преобразования фразеологических единиц в прозаических произведениях В. Пелевина и сконструированные писателем устойчивые сочетания и выражения как характерная черта его идиостиля. Особое внимание уделяется изучению специфики созданных писателем фразеологизмов, которые выходят за рамки имеющихся научных

классификаций. Материалом для исследования послужили художественные произведения В. Пелевина, охватывающие период с 2011 года по 2024 год. В исследовании использованы методы анализа, тематической классификации и систематизации языкового материала, метод контекстуального анализа, герменевтический метод и описательно-аналитический метод. Методологическую базу составили труды В. В. Виноградова, В. Н. Телии, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, Н. А. Божко, И. Ю. Третьяковой, посвященные теоретическим вопросам индивидуально-авторской трансформации фразеологизмов. В результате исследования выявлена специфика использования фразеологических единиц в прозе В. Пелевина. Рассмотрены основные семантические и структурно-семантические приемы индивидуально-авторских преобразований устойчивых сочетаний и выражений. Установлено, что способы и приемы более разнообразны и многогранны, чем в имеющихся научных классификациях. Определены продуктивные способы конструирования авторских устойчивых сочетаний и выражений. Основной вывод проведенного исследования заключается в том, что индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц являются конституирующим признаком идиостиля В. Пелевина. Научная новизна данного исследования состоит в комплексном изучении и описании приемов трансформации и создания авторских устойчивых сочетаний и выражений, а также в определении преобразований фразеологизмов как одной из характерных особенностей идиостиля В. Пелевина.

Ключевые слова:

фразеологические единицы, устойчивые сочетания, индивидуально-авторские преобразования, идиостиль, художественная проза, В. Пелевин, постмодернизм, фразеологизмы, семантическая трансформация, структурно-семантическая трансформация

Введение

Фразеологические единицы являются неотъемлемой частью русского языка в целом и речи его носителей в частности. Они используются авторами художественных произведений для выражения творческой индивидуальности и языковой игры с читателем, а также в качестве средства создания образности и выразительности. В той или иной степени, «индивидуально-авторское изменение устойчивых словесных комплексов характерно для языка большинства русских писателей (Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. М. Достоевского, М. Горького, М. А. Шолохова, В. М. Шукшина, Д. Н. Мамина-Сибиряка и др.)»[\[1, с. 6\]](#). Преобразования не соответствуют нормативному употреблению исходных фразеологизмов, что объясняется поиском оригинальных способов выражения смысла и стратегий текстопорождения, в этом заключается неповторимость и художественное своеобразие того или иного автора.

В настоящее время наблюдается особый интерес к исследованию различных теоретических вопросов функционирования фразеологических единиц, «к формам и способам привлечения внимания читательской аудитории, одним из которых является обращение к фразеологизмам как национально-маркированным единицам языка»[\[2, с. 62\]](#). Устойчивые сочетания содержат в себе культурное наследие, подчеркивают своеобразие и выразительность речи, выступают средством актуализации опыта предшествующих поколений и осуществления диалога между автором и читателем на

основании принадлежности к единому культурному коду, единой культурной общности. Одной из основных целей авторских преобразований фразеологизмов в художественном произведении является «достижение более яркого коммуникативного эффекта – оживление образа, усиление его экспрессии, преодоление “инерции восприятия” устойчивой единицы, стремление к оригинальному самовыражению» [\[3, с. 53\]](#).

Преобразованные или созданные автором художественного произведения на основе узуальных (языковых) способов фразеологические единицы имеют непосредственное отношение к развитию общеязыковой фразеологической системы и выражению авторской картины мира. Употребление таких единиц в художественном тексте, игра с их структурой и семантикой «подчинены авторским интенциям, обусловлены языковой личностью автора и могут выступать в качестве характеристики его идиостиля» [\[4, с. 222\]](#).

Цель, материал и методы исследования

Цель исследования – выявить специфику употребления, преобразования и создания авторских фразеологических единиц в художественной прозе В. Пелевина и установить их взаимосвязь с идиостилем писателя.

Материалом для данного исследования послужили художественные прозаические произведения В. Пелевина, в числе которых «S.N.U.F.F.» (2011), «Смотритель» (2015), «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами» (2016), «iPhuck 10» (2017), «Тайные виды на гору Фудзи» (2018), «Искусство легких касаний» (2019), «Непобедимое Солнце» (2020), «TRANSHUMANISM. INC.» (2021), «KGBT+» (2022), «Путешествие Элевсин» (2023), «Круть» (2024).

В исследовании использованы методы анализа, тематической классификации и систематизации языкового материала, метод контекстуального анализа, герменевтический метод и описательно-аналитический метод. Методологическую базу данной работы составили труды В. В. Виноградова, В. Н. Телии, Н. В. Малышевой, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, Н. А. Божко, И. Ю. Третьяковой, посвященные теоретическим аспектам изучения фразеологии и индивидуально-авторского преобразования фразеологических единиц.

Результаты и обсуждение

Интерес к изучению специфики авторских преобразований фразеологических единиц в сопоставлении с нормативным употреблением возник в 1950-1960-е гг. Широкое и узкое понимание фразеологизмов, их классификация и структурно-семантическая специфика отражены в трудах В. В. Виноградова [\[5\]](#), В. П. Жукова [\[6\]](#), В. Н. Телии [\[7\]](#) и др. Феномен индивидуально-авторских преобразований и окказиональности во фразеологии исследуется в работах А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко [\[8\]](#), Н. В. Малышевой [\[9\]](#), И. Ю. Третьяковой [\[10\]](#), Н. А. Божко [\[11\]](#) и др. По мысли Н. В. Малышевой, изменение фразеологических единиц представляет собой «своеобразный оксюморон, поскольку важными категориальными свойствами фразеологизма являются устойчивость и зафиксированность значения за определенным словесным комплексом, в то же время подверженного разного рода преобразованиям (фразеологической вариативности)» [\[9, с. 6\]](#). В данной работе мы руководствуемся определением Н. А. Божко, которая под «фразеологической трансформацией» понимает «любое (фонетическое, лексическое, синтаксическое и др.) отклонение от общепринятой нормы, способность к семантическому и структурному преобразованию, в целом не нарушающую устойчивость

и семантическую тождественность единицы самой себе, импровизированное изменение» [11, с. 5-6]. Следует добавить, что подобного рода изменения могут осуществляться на основе одного или нескольких приемов одновременно.

На сегодняшний день в работах исследователей наблюдается отсутствие единого мнения по поводу видов и приемов авторских преобразований фразеологических единиц. Е. В. Огольцева использует термин «авторская фразеология» и определяет его как «типичные для того или иного автора приемы "творческой обработки" языковых устойчивых выражений» [3, с. 53]. Г. Н. Абреимова выделяет «узуальные (языковые)» и «окказиональные (индивидуально-авторские)» приемы преобразования устойчивых выражений [1, с. 5]. Н. А. Божко «индивидуально-авторские фразеологические единицы» определяет как «новообразования, которые встречаются в тексте только у одного автора» [11, с. 6], а «окказиональные фразеологизмы» рассматривает как «претерпевшие структурно-семантические или семантические трансформации, обусловленные коммуникативно-прагматическими задачами автора текста, сохранившие деривационные связи с мотивирующим фразеологизмом» [11, с. 10]. Отсутствие единой точки зрения по поводу обозначенных нами вопросов объясняется сложностью и многоаспектностью самого явления, а также непрерывным пополнением качественного и количественного состава преобразований.

Результаты исследования показали, что в художественной прозе В. Пелевина повсеместно используются фразеологические единицы, они переосмысляются, трансформируются в соответствии с выбранными писателем приемами и употребляются согласно языковым нормам, то есть без изменений. Индивидуально-авторские преобразования в произведениях писателя изучены недостаточно и представлены в трудах исследователей фрагментарно. В работе Е. А. Осокиной в качестве языковых особенностей идиостиля писателя рассматриваются «афористичность и идиоматичность», а также «развертывание и реализация идиом» [12, с. 99]. А. А. Кирпичникова, изучая особенности перевода постмодернистского романа на английский язык, пишет о том, что языковая игра в романе «Generation "П"» проявляется «в вольном обращении с фразеологизмами» [13, с. 89]. Н. В. Крицкая и В. В. Сидаш, исследуя специфику передачи идиостиля писателя в английском переводе романа «Generation "П"», отмечают «переосмысление афоризмов и идиом» [14, с. 36]. Тем не менее на сегодняшний день отсутствуют научные работы, в которых комплексно исследуется фразеологический фонд писателя и систематизируются приемы авторской трансформации фразеологических единиц.

В данной работе за основу взята классификация индивидуально-авторских преобразований фразеологизмов А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко [8]. Исследователи выделяют семантические и структурно-семантические преобразования. В первую группу входят устойчивые выражения, в которых изменения касаются семантического и/или стилистического уровня при исходной лексико-грамматической структуре. Ко второй группе относятся фразеологические единицы с измененным компонентным составом, при этом грамматическая форма может как подвергаться трансформации, так и оставаться прежней.

В настоящее время существуют разные точки зрения по поводу того, какие единицы относить к фразеологизмам. Более узкую трактовку находим в работах В. В. Виноградова [5], В. П. Жукова [6], широкое понимание отражено в трудах В. Н. Телии [7]. В данном исследовании мы опираемся на широкую трактовку фразеологизмов и относим к ним

идиомы, пословицы, поговорки и крылатые выражения. Отбор языковых единиц и их анализ показал, что в художественной прозе В. Пелевина широко распространены различные виды устойчивых сочетаний и выражений. Модифицированные фразеологические единицы употребляются писателем преимущественно в разговорной речи героев, делая ее наиболее колоритной и выразительной. Следует отметить, что автором нередко используется несколько приемов одновременно, это в некоторой степени размывает границы между выделенными нами группами. Данное противоречие мы решаем в пользу наиболее значимого, на наш взгляд, приема трансформации.

Семантические преобразования фразеологических единиц встречаются в произведениях В. Пелевина довольно часто. Они становятся возможными благодаря авторскому переосмыслению значения устойчивых сочетаний и выражений. Такая разновидность трансформации реализуется с помощью приема двойной актуализации и буквализации.

1. Двойная актуализация значения фразеологической единицы. Данный прием представляет собой совмещение «образной основы и/или внутренней формы» [\[15, с. 329\]](#), «узуального значения и окказионального смысла» [\[16, с. 64\]](#). Одновременная актуализация двух семантических пластов фразеологической единицы наблюдается в следующих примерах из произведений В. Пелевина: «Ругать я его не стал, поскольку все кончилось удачно, а по военной традиции в таких случаях **разбор полетов** оставляют на потом» [\[17, с. 51\]](#). Фразеологизм одновременно реализует прямое и образное значение, так как герой пелевинского романа является боевым летчиком. «Комета пролетела мимо черной дыры, чуть завернула и унеслась в космос **крутить хвостом...**» [\[18, с. 227\]](#). В этом случае реализуется образное значение и прямое, так как у кометы есть хвост из пыли или заряженных частиц газа.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает следующий пример, в котором наглядно показан процесс актуализации сначала образного, затем и прямого значения:

<...> **Молчите в тряпочку.**

– Именно **в тряпочку?** – поднял бровь Сердюков.

– Именно, – сказала майор Тоня. – **Я вам выдам служебную.** Мы все в такие молчим.
<...> [\[19, с. 290\]](#).

2. Буквализация значения фразеологической единицы. К данной группе относятся случаи употребления компонентов устойчивых сочетаний и выражений в прямом значении (в буквальном смысле): «Вот если уголовное дело – это **картина маслом**, то я пока только на стадии карандашных набросков» [\[20, с. 279\]](#); «Я позвонила в знакомую турфирму, и мне за пятнадцать минут организовали гостиницу на две недели, **билет (в один конец**, сказала я, куда дальше – решу на месте) ...» [\[18, с. 84\]](#).

Структурно-семантическая трансформация фразеологизмов в прозаических произведениях В. Пелевина представлена в виде изменений компонентного состава, грамматических показателей, соединения нескольких фразеологизмов (контаминации) и проч.

1. Замена компонента фразеологической единицы («субституция» [\[21\]](#)). В качестве лексического варианта может выступать другое слово или сочетание слов, а также индивидуально-авторское продолжение пословиц, поговорок, крылатых выражений: «**Сколько людей,** – ответил я, – **столько и кастрюль с несвежими мозгами**» [\[20, с.](#)

[2421](#) – ср.: «сколько людей, столько и мнений». В данном случае следует отметить не только замену, но и дистантное расположение элементов устойчивого выражения.

Преобразования осуществляются в отношении глагольных и именных компонентов, предложно-падежных конструкций, местоимений и проч. Глаголы преимущественно заменяются автором синонимичными: «**Хочешь не хочешь, а захочешь**» [\[22, с. 270\]](#) – ср.: «хочешь не хочешь, а придется». В другом примере замена происходит между контекстуальными синонимами и сопровождается комментарием автора: «**Поживем – пощупаем**. Я не говорю “увидим” или “услышим”, потому что особого доверия к тому, что нам показывают, у меня нет» [\[18, с. 699\]](#) – ср.: «поживем – увидим».

Именной компонент фразеологизма и его индивидуально-авторского варианта может быть представлен собственным или чаще нарицательным именем существительным: «И контролируют ее [*программу* – прим. наше] не люди (с ними всегда можно договориться), а другой алгоритм, такой, что **не приведи Юпитер**» [\[23, с. 67\]](#) – ср.: «не приведи господи»; «Все начинается с осознания этого **краеугольного факта**» [\[24, с. 261\]](#) – ср.: «краеугольный камень»; «Другими словами, следует продавить мессидж, что сдаваться никогда не надо, ибо **человек – сам кузнец своей наковальни**» [\[20, с. 465\]](#) – ср.: «человек – сам кузнец своего счастья». Замена имени прилагательного другим словом или сочетанием слов является также довольно распространенным приемом в художественной прозе В. Пелевина: «Другой торгует шортами, которых ни один из упомянутых монтажников и отделочников <...> даже и **в гриппозном сне не увидит**» [\[25, с. 16\]](#) – ср.: «в страшном сне не снилось»; «Через двести страниц этих безобразно-самодовольных сцен <...> повествование **сдвигается** наконец **с мокрой точки**» [\[25, с. 244\]](#) – ср.: «сдвинуться с мертвой точки». По сравнению с другими способами субституции, замена имени числительного встречается реже: «На шестнадцатой минуте историю обычно раскапывают, выясняется, что автор <...> не несет в себе священного огня diversity – после чего следуют **пятнадцать минут позора**» [\[20, с. 219\]](#) – ср.: «пять минут позора, и жизнь продолжается». В данном примере наряду с заменой отмечаем сокращение компонентного состава.

Замене могут подвергаться два и более компонента одновременно, например, структурные модели «прилагательное + существительное» или «местоимение + существительное». Такие преобразования сопровождаются, как правило, изменением грамматических показателей (род, число, падеж): «Разве мы не начинаем жизнь заново **каждое божье утро?**» [\[26, с. 176\]](#) – ср.: «каждый божий день»; «**Вернемся к нашей баранине**» [\[20, с. 140\]](#) – ср.: «вернемся к нашим баранам».

2. Сокращение компонентного состава фразеологической единицы («эллипсис» [\[10\]](#), «импликация» [\[1\]](#)). Данный прием основан на «количественном изменении компонентов в сторону их уменьшения» [\[10, с. 97\]](#), при этом вербализованная часть способствует узнаванию всей единицы и мысленному достраиванию редуцированных элементов. В произведениях В. Пелевина такого рода преобразования встречаются довольно часто, используются как средство взаимодействия с читателем и служат для усиления смысла включенного в текст структурного компонента: «Эти слова были для Тани **как бальзам**» [\[24, с. 361\]](#) – ср.: «как бальзам на душу»; «Рецензия на наш **первый блин** следует ниже ...» [\[20, с. 342\]](#) – ср.: «первый блин комом»; «Мы взлетели, я **свернула**сь у окошка и

наконец расслабилась» [18, с. 221] – ср.: «свернуться калачиком». Многокомпонентные устойчивые единицы могут сокращаться автором вплоть до одного слова, благодаря которому исходный вариант без труда восстанавливается: «**Не зарекайся**, мист» [19, с. 11] – ср.: «от тюрьмы да от сумы не зарекайся».

3. Расширение компонентного состава фразеологической единицы («экспликация» [27]). В основе приема лежит изменение структуры устойчивых сочетаний и выражений путем количественного увеличения, что приводит к переосмыслению и обновлению семантики. Такой способ модификации преобладает в языке художественной прозы В. Пелевина, а выбранные автором и включенные в состав фразеологизма языковые единицы подчеркивают особенности его творческого своеобразия. Добавочными могут быть слова различных частей речи и сочетания слов.

Новые компоненты, как правило, уточняют и распространяют семантику уже имеющихс. В этой роли могут выступать местоимения: «**В самых общих чертах**» [23, с. 415] – ср.: «в общих чертах»; «**Моя челюсть отвисла**» [23, с. 427] – ср.: «челюсть отвисла»; «Понятно, это был баг, но я **молчал про него в тряпочку**...» [26, с. 508] – ср.: «молчать в тряпочку»; «Потому что в детстве не знаешь, **куда тебя кривая вывезет**» [21, с. 34] – ср.: «куда кривая вывезет». Использование определений, выраженных именами прилагательными, причастиями и порядковыми числительными, не только выполняет функцию уточнения, но и реализует коннотативный потенциал фразеологизма, усиливает его образность и экспрессивность: «Напряжение между двумя альфа-котами нарастало, **электрические тучи сгущались**» [22, с. 423] – ср.: «тучи сгущаются (над головой)»; «Ему не нужна была **искусствоведческая путевка в жизнь**» [20, с. 38] – ср.: «путевка в жизнь»; «И меня смешат любые разговоры <...>, пока рядом **коптят теплое небо** всякие болгары и португальцы» [28, с. 12] – ср.: «коптить небо».

Расширение компонентного состава устойчивых сочетаний и выражений позволяет автору конкретизировать объект, детализировать повествование, наполнять его экспрессивностью: «Не думаю, что команду **прижать PSRT к ногтю** дали с самого низа...» [26, с. 547] – ср.: «прижать к ногтю»; «**С Ахероном шутки плохи**» [19, с. 11] – ср.: «шутки плохи»; «Но еще больше лузеров, надеющихся вернуться в общество через **черный ход искусства**...» [26, с. 177] – ср.: «черный ход»; «Я хотел теперь только одного: чтобы меня **оставили в Красном Доме в покое и одиночестве**...» [29, с. 81] – ср.: «оставить в покое»; «Мы сейчас вынуждены **гадать по пятнам кофейной гущи**...» [29, с. 194] – ср.: «гадать на кофейной гуще»; «... **пусть земля тебе будет пухом и силикон айфаком!**» [20, с. 470] – ср.: «пусть земля будет пухом».

Особый интерес с точки зрения художественной выразительности и проявления идиостилевой специфики представляет следующий пример: «**Натура – дура, судьба – индейка, жизнь – копейка, а княжна Мэри сами знаете кто**» [20, с. 290] – ср.: «натура – дура, судьба – индейка, жизнь – копейка». В. Пелевин предлагает читателю свой индивидуально-авторский вариант устойчивого выражения, при этом новые компоненты меняют структуру и семантику высказывания, усиливают экспрессивность. Несочетаемые элементы оказываются в одном ряду, используется сниженная лексика и книжная. Добавочным компонентом выступает не слово или словосочетание, а предложение.

4. Грамматические изменения компонентов фразеологической единицы. В данную группу мы включаем изменения категориального значения и грамматических показателей.

Наиболее частотными для художественной прозы В. Пелевина являются «внутренние и внешние морфологические и синтаксические преобразования» [15, с. 331], в результате которых вместо глагола употребляются как одиночные причастия или деепричастия, так и причастные и деепричастные обороты: «Есть только бог, только источник, только сила, **заварившая эту кашу**» [26, с. 374] – ср.: «заварить кашу». Кроме обозначенного нами приема, наблюдаем использование добавочного компонента *эту* в функции уточнения. «В центре комнаты стоял **ломающийся от еды круглый стол**» [23, с. 268] – ср.: «стол ломится». В данном примере автором используется также прием расширения компонентного состава и изменение порядка слов (синтаксическая инверсия).

Употребление деепричастий и деепричастных оборотов вместо глаголов также широко распространено в произведениях писателя: «Философскую ленту – это про философов? – спросила я, **валяя дурака**» [20, с. 364] – ср.: «валять дурака»; «... "Второй-Легион-Августа", как он повторял, **словно пробуя на зуб каждое слово** – и объявил, что будет разыграна битва с парфянами» [18, с. 179] – ср.: «пробовать на зуб». Морфологические изменения сопровождаются трансформацией синтаксической формы, деепричастный оборот не просто выражает добавочное действие, а входит в состав сравнительной конструкции. Компонентный состав исходного фразеологизма расширяется путем конкретизации объекта.

Другой разновидностью грамматических изменений фразеологизмов считаем образование субстантивных единиц от глагольных. В данном случае в большей степени размывается связь с исходным вариантом и меняется смысловое наполнение устойчивых сочетаний: «Если ты, милый читатель, тоже не знаешь про фембокс (после **последнего закрута гаек** вероятность, думаю, процентов тридцать-пятьдесят), я коротко расскажу, что это такое» [26, с. 187] – ср.: «закрутить гайки»; «Я все-таки был преторианским переговорщиком – и хорошо знал, чем успешная **операция по промывке мозгов** отличается от неудачи» [26, с. 211] – ср.: «промывать мозги». Глагольный компонент заменяется субстантивным и происходит включение новых структурных элементов *последнего* в функции уточнения и *операция*, который приводит к ослаблению связи с исходным вариантом. «Ясно было одно – Андрон работает в области высоких энергий и **мгновенной ответственности за базар**» [25, с. 12] – ср.: «ответить за базар»; «На тебя будут смотреть как на **обычного прожигателя жизни**» [20, с. 470] – ср.: «прожигать жизнь». Добавочные слова *мгновенной* и *обычного* интенсифицируют семантику преобразованных фразеологизмов, делают их более выразительными.

К обозначенной нами группе фразеологических трансформаций относим также употребление множественного числа компонентов вместо единственного: «Но увиденное в Париже поразило меня **до сокровеннейших глубин души**» [29, с. 8] – ср.: «до глубины души». Помимо изменения грамматического показателя числа, отмечаем еще и расширение компонентного состава путем включения превосходной степени имени прилагательного. «Знал, что любят **шлангами прикидываться**» [25, с. 110] – ср.: «прикинуться шлангом». В данном примере В. Пелевин изменяет порядок слов для наибольшей выразительности разговорной речи одного из героев. «Она выросла на Манхэттене и **с молоком матерей...**» [25, с. 322] – ср.: «впитать с молоком матери». Писатель не заканчивает фразу, используя многоточие и прием недосказанности, вследствие чего глагольный компонент фразеологизма опускается, но легко восстанавливается читателем.

5. Контаминация фразеологических единиц, которая представляет собой «соединение нескольких фразеологизмов» [30, с. 40], «объединение языковых единиц или их частей на основе их структурной, функциональной или ассоциативной близости, приводящее к их семантическому или формальному изменению» [31, с. 197]. В. Пелевин обращается к контаминации как к стилистическому приему, «направленному на обновление образности исходных единиц и создание яркого и экспрессивного художественного текста» [32, с. 51]: «А приедешь, будем **брать тебя за ум ежовыми рукавицами...**» [20, с. 31] – ср.: «браться (взяться) за ум», «держат в ежовых рукавицах»; «**Расслабься и плыви по течению**» [26, с. 399] – ср.: «расслабиться и получать удовольствие», «плыть по течению»; «... **будете в воде своим человеком**, ха-ха...» [23, с. 158] – ср.: «как рыба в воде», «свой человек»; «**Лезть напролом** не стоило, надо было ждать» [26, с. 201] – ср.: «лезть на рожон», «идти напролом»; «Но, если хотите, я честно покажу, **где зарыта моя колокольня**» [26, с. 552] – ср.: «где собака зарыта», «смотреть со своей колокольни»; «И тут я ему начинаю **втирать как по писаному**, сам не знаю, откуда слова берутся...» [25, с. 52] – ср.: «втирать очки», «как по писаному».

6. Структурно-семантические изменения фразеологической единицы, основанные на аналогии по контрасту («одноструктурные антонимы» [8, с. 238]). К данной группе преобразований относим случаи индивидуально-авторского воспроизведения фразеологизма в противоположном значении, в том числе некоторые примеры с приставкой *не* и отрицательной частицей *не*, так как семантика устойчивого сочетания в целом вступает в антонимичные отношения с исходным вариантом: «Иногда **молчание – знак несогласия**» [28, с. 29] – ср.: «молчание – знак согласия»; «Так что **совесть меня не мучила**» [26, с. 85] – ср.: «совесть мучает». В другом примере приставка *не* опускается, что также меняет семантику на противоположную: «В общем, **жизнь заладилась**» [22, с. 480] – ср.: «жизнь не заладилась». Наиболее распространенным способом реализации данного приема является замена компонента фразеологизма словом-антонимом: «Таня тоже имела когда-то шанс, но время было мерзкое и пришлось **сыграть по-мелкому**» [18, с. 55] – ср.: «играть по-крупному»; «**В ногах правда есть**» [19, с. 214] – ср.: «в ногах правды нет»; «Нет, это не было выздоровление – но **тьма в конце ослепительного тоннеля** уже сгущалась вполне отчетливо» [24, с. 351] – ср.: «свет в конце тоннеля». В последнем примере отмечаем расширение компонентного состава путем включения слова *ослепительного*, которое приводит к изменению семантики всего выражения: смысловой акцент смещается, *тоннель* становится *ослепительным*, а в конце вместо света появляется *тьма*.

7. Структурно-семантические изменения фразеологической единицы, которые представляют собой продуктивные способы образования окказиональных фразеологизмов по имеющимся структурным моделям. К данной разновидности мы относим случаи индивидуально-авторского наполнения структурных моделей устойчивых сочетаний. При этом возможна замена всех компонентов либо сохранение значимого компонента, благодаря которому узнается и восстанавливается исходный фразеологизм. Следует подчеркнуть, что главным отличием обозначенного нами приема является обязательное восстановление структуры с помощью выбранных автором языковых единиц, а также переосмысление семантики и частичное либо полное ослабление связи с исходной фразеологической единицей. В романах В. Пелевина такой прием широко распространен: «Но упаси Юпитер думать об этом днем, ибо **что у**

смертного на уме, то и на языке, особенно если выпьешь» [23, с. 25] – ср.: «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке»; «... только подумай, божественный, каково было бронзовому идолу **менять головы как шляпы**» [23, с. 297] – ср.: «менять как перчатки»; «На портретах в присутственных местах его изображали статным красавцем **в зените земной жизни...**» [22, с. 112] – ср.: «в расцвете сил»; «**Ежик ежика чует**, – ухмыльнулся сердобол» [22, с. 282] – ср.: «рыбак рыбака видит издалека»; «**Клен кленом вышибают**» [22, с. 306] – ср.: «клин клином вышибают»; «**Базар гремит, а срок идет**» [19, с. 209] – ср.: «собаки лают, караван идет»; «**Господь Франц-Антон в помощь**, – произвольно пробормотал я» [29, с. 110] – ср.: «бог в помощь».

8. Структурно-семантические изменения фразеологической единицы, в результате которых возникают окказиональные слова либо переосмысливается и автономно употребляется компонент фразеологизма («прием разрушения модели при сохранении значения» [9, с. 7]). Данный прием реализуется В. Пелевиным через создание собственных фразеологических дериватов и индивидуально-авторское употребление уже имеющихся в языке компонентов устойчивых сочетаний: «Если ты читаешь эти строки, то с высокой вероятностью ты со мною уже знаком (хотя бы **понаслышке**)» [20, с. 5] – ср.: «не понаслышке»; «... в случае с Марой мой служебный аспект не был востребован, ибо работа, порученная мне этой особой, сводилась к сбору информации и разного рода **побегушкам**» [20, с. 181] – ср.: «(мальчик) на побегушках». Следующие примеры представляют для нас особый интерес, так как являются авторскими дериватами фразеологизмов: «В пяти из них даже стояли гемодиализ-машины полного цикла – для богатых господ, желающих позволить себе все и выйти утром на службу **огуречно свежими**» [26, с. 181] – ср.: «(свежий) как огурчик». От имени существительного образуется наречие образа действия, вытесняя семантику сравнения, тем не менее смысловой акцент сохраняется и интенсифицируется писателем. «Это было немного **не кобельфо**» [22, с. 306] – ср.: «не комильфо». В данном случае за основу взята структурная модель и исходное семантическое наполнение. Окказионализм образуется автором от имени существительного *кобель* и привносит новый оттенок значения, переводя фразеологизм из высокого стиля в подчеркнуто-сниженный, делая всю фразу наиболее выразительной.

Полученные нами в ходе исследования результаты показали, что индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц в художественной прозе В. Пелевина выходят за рамки имеющихся научных классификаций, более разнообразны и многогранны. В целом, использование устойчивых сочетаний в текстах произведений обращает на себя внимание, так как выражает особенности идиостиля писателя, подчеркивает мастерство владения языком и реализованными с помощью него смыслами.

1. Созданные автором фразеологические единицы. В данную группу включаем «пелевинские фразеологизмы», которые относятся не к преобразованным, а к сконструированным. Таковыми считаем устойчивые сочетания в следующих примерах: «Но **взять меня на славянку?**» [26, с. 315]; «Если Люсик **берет на славянку** человека с преторианским имплантом, значит, он как минимум офицер Претория сам» [26, с. 328]; «Вы помните, как **брать на славянку?**» [19, с. 194]. Фразеологизм *брать (взять) на славянку* в значении 'взять внешнее управление' образован от слова *slave-режим*, который в пелевинском понимании служит для подключения к *импланту* другого человека с целью

управлять им. Особый интерес вызывает тот факт, что созданный писателем фразеологизм также может подвергаться структурно-семантическим преобразованиям, например, в виде замены глагольного компонента: «**Включался Бетховен** (всегда и без исключения, такова была традиция) ...» [22, с. 68]; «... **бетховен** частенько **наступал** на самом деле» [22, с. 71]; «Она намекала на распространенное выражение "**включить Бетховена**", то есть отбросить последнюю надежду» [26, с. 230]. Устойчивое сочетание *включить Бетховена* в разных его вариациях употребляется автором в значении 'отключить мозг в банке от систем жизнеобеспечения'. Фамилия композитора выбрана не случайно, процесс прекращения жизнедеятельности мозга, подробно описанный в романе «Transhumanism. Inc.» (2021), осуществляется под «Лунную сонату» Людвиг ван Бетховена. Следующий пример обращает на себя внимание, так как в тексте произведения выделяется графически и сопровождается авторским толкованием: «Перед тем как *рвать перья* [курсив Пелевина] (то есть наносить шпорами удары, любой из которых мог стать смертельным), петухам полагалось трижды сойтись грудь в грудь, махая руками, словно бойцовые птицы крыльями» [19, с. 218].

2. Выражения, созданные на основе фразеологических единиц. В эту группу мы включаем сконструированные автором высказывания, которые представляют собой перефразирование фразеологизмов, заимствование мотивов и сюжетов. В данном случае структурная организация подвергается изменениям, но смысловая связь с исходным устойчивым сочетанием в определенной степени сохраняется: «**Время имелось, но терять его не хотелось** – надо было срочно искать фактуру» [17, с. 28] – ср.: «не теряя времени»; «Это как оштрафовать **посудную лавку со слонем внутри** за шум, производимый по ночам мышами» [26, с. 262] – ср.: «как слон в посудной лавке»; «Теперь он, как Юпитер, метал свою зеленую молнию с небес» [23, с. 454] – ср.: «метать громы и молнии»; «Наше измерение как бы временно исчезло для Неба – и "**свято место**", не могущее быть пустым, стали занимать химеры» [25, с. 158] – ср.: «свято место пусто не бывает»; «Но моя двадцатидвухлетняя **совесть** была не то что **чиста** – ее вообще ни разу не доставали из чехла, где она хранилась» [29, с. 18] – ср.: «с чистой совестью»; «Мы около часа петляли по тропинкам, ненадолго уединились **в шалаше** «**Рай № 3**» на берегу ручья, затем вскарабкались по почти отвесному обрыву ...» [29, с. 84] – ср.: «с милым рай и в шалаше».

3. Графическое выделение фразеологических единиц в тексте произведений. В. Пелевин нередко использует курсив или прописные буквы для расстановки смысловых акцентов, к этому же приему автор обращается при включении устойчивых сочетаний и выражений. В приведенных ниже примерах курсив принадлежит В. Пелевину: «Это символический *отчий дом*, заменяющий императору банальный тронный зал» [23, с. 36]; «Но вместо этого шарниры реальности опять поворачиваются не туда: *приходишь в чувство* и вспоминаешь, как обстоят дела» [23, с. 45]; «Это был мой шанс *тряхнуть бусами*» [18, с. 31] – ср.: «тряхнуть стариной». Помимо графического выделения в данном примере отмечаем замену компонента *стариной* на компонент *бусами*.

Особый интерес для нас представляет употребление прописных букв при написании фразеологических единиц, которые выносятся в название:

<...> Под статьей помещались отзывы читателей. Я прочел четыре первых:

1. НЕ ВЕТРОМ ЕДИНЫМ<...> [23, с. 216] – ср.: «не хлебом единым жив человек».

Графическое выделение сопровождается сокращением компонентного состава и заменой компонента *хлебом* на слово *ветром*.

В следующем примере фразеологизм включается автором в заголовок статьи, при этом одновременно используются прописные буквы и курсив: «Мое якобы участие в подавлении скоморошьего бунта, о котором писало несколько таблоидов (*У KGBT+ РУКИ ПО ЛОКОТЬ В КРОВИ* и так далее) – просто неправда» [\[26, с. 149\]](#) – ср.: «руки по локоть в крови».

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют прийти к следующим наблюдениям и выводам. Использование идиом, пословиц, поговорок, крылатых выражений является характерной чертой художественной прозы В. Пелевина, занимает особое место в творческом методе писателя и имеет важное значение в создании образности и выразительности авторских произведений. Фразеологические единицы зачастую подвергаются преобразованиям, переосмысляются, что представляется важным для изучения особенностей его идиостиля.

В ходе исследования были выявлены основные приемы трансформации устойчивых сочетаний и выражений, которые используются писателем. К ним относятся семантические (двойная актуализация и буквализация значения фразеологической единицы) и структурно-семантические (замена компонента, грамматические изменения компонентов, контаминация, аналогия по контрасту (одноструктурные антонимы), сокращение либо расширение компонентного состава, образование авторских фразеологизмов по имеющимся структурным моделям и употребление окказиональных слов, созданных на основе фразеологизмов). Было установлено, что автором может применяться несколько приемов одновременно.

Отбор языковых единиц, их анализ и описание результатов исследования показали, что способы и приемы преобразования устойчивых сочетаний и выражений в прозе В. Пелевина выходят за рамки имеющихся научных классификаций. В связи с этим нами были отдельно рассмотрены такие особенности, как создание «пелевинских фразеологизмов» и перефразирование фразеологических единиц, а также графическое выделение в тексте с помощью курсива и/или прописных букв.

Следует подчеркнуть, что использование фразеологических единиц и их преобразования подчиняются авторским задачам, осуществляются выбранными писателем приемами и средствами языка – таким образом проявляется творческая манера В. Пелевина, его неповторимый и оригинальный почерк. В связи с этим считаем возможным утверждать, что индивидуально-авторская трансформация фразеологических единиц является конституирующим признаком его идиостиля.

Библиография

1. Абреимова Г. Н. Индивидуально-авторские приемы преобразования фразеологических единиц в произведении М.М. Пришвина "Кашеева цепь" // *Philologos*. 2017. № 35 (4). С. 5-12. EDN: ZXPVGJ.
2. Вайрах Ю. В., Казорина А. В. Структурно-семантические модификации фразеологических единиц в медиатексте // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 3-1 (69). С. 62-64. EDN: XWRTJT.
3. Огольцева Е. В. Некоторые продуктивные способы трансформации компаративных фразеологизмов // *Вестник Московского государственного областного университета*.

Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 51-67. DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-51-67. EDN: YFPXON.

4. Ковешникова А. В. Индивидуально-авторская трансформация фразеологических единиц в языке художественной прозы В. Пелевина // Слово. Словесность. Словесник: материалы международной научно-практической конференции преподавателей и студентов, посвященной Году педагога и наставника и Году русского языка как языка межнационального общения СНГ, Рязань, 20 апреля 2023 года / Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина. Выпуск IX. Рязань: Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2023. С. 222-226. EDN: XFUEPM.
5. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / отв. ред. В. Г. Костомаров // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.
6. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. М.: Просвещение, 1990. 160 с.
7. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и культурологический аспекты. М.: Шк. "Языки рус. культуры", 1996. 284 с. EDN: SUMHNJ.
8. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Окаzionaliальные преобразования фразеологических единиц // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Издательство: Южно-уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. 2014. № 8. С. 234-252.
9. Малышева Н. В. Фразеологические трансформации в речевой деятельности и переводческой практике (на материале произведений В. Высоцкого и Л. Филатова): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2008. 22 с. EDN: ZNTCFF.
10. Третьякова И. Ю. Эллипсис как приём окаzionaliального преобразования фразеологических единиц // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2011. Т. 17, № 1. С. 97-100. EDN: OJPGNH.
11. Божко Н. А. Индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц в языке художественной прозы (на материале произведений В. Токаревой): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2015. 22 с. EDN: ZPOZHN.
12. Осокина Е. А. Некоторые особенности идиостиля Достоевского, Платонова, Пелевина: степень объективности при описании и толковании текста // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3 (45). С. 96-109. DOI: 10.30982/2077-5911-2020-45-3-96-109. EDN: ITUCBM.
13. Кирпичникова А. А. Языковые особенности постмодернистского романа и специфика его перевода (на примере романа В. Пелевина "Generation "П"" и его перевода Э. Бромфилда) // Казанский лингвистический журнал. 2018. Т. 1, № 3. С. 86-93. EDN: TCWGJP.
14. Крицкая Н. В., Сидаш В. В. Особенности передачи идиостиля В. Пелевина в английском переводе романа "Generation "П"" // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. № 4 (222). С. 34-40. DOI: 10.23951/1609-624X-2022-4-34-40. EDN: WFUJEW.
15. Зимина И. В. Окаzionaliальные трансформации фразеологических единиц тематического поля "Чувства и эмоции" // Преподаватель XXI век. 2020. № 2-2. С. 327-333. DOI: 10.31862/2073-9613-2020-2-327-333. EDN: XPORJP.
16. Бабаева Н. О. Актуализация фразеологической единицы и контекст // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2020. № 4. С. 63-68. DOI: 10.25586/RNU.V925X.20.04.P.063. EDN: PYOXWR.
17. Пелевин В. О. S.N.U.F.F. М.: Эксмо, 2023. 512 с.
18. Пелевин В. О. Непобедимое Солнце. М.: Эксмо, 2020. 704 с.
19. Пелевин В. О. Круть. М.: Эксмо, 2024. 496 с.
20. Пелевин В. О. iPhuck 10. М.: Эксмо, 2018. 480 с.

21. Юсипова Д. Б. Субституция как прием фразеологической модификации в заголовках СМИ // Вестник Московского информационно-технологического университета - Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 50-55. DOI: 10.52470/2619046X_2024_1_50. EDN: ZWKNPI.
22. Пелевин В. О. TRANSHUMANISM. INC. М.: Эксмо, 2021. 608 с.
23. Пелевин В. О. Путешествие в Элевсин. М.: Эксмо, 2023. 480 с.
24. Пелевин В. О. Тайные виды на гору Фудзи. М.: Эксмо, 2019. 416 с.
25. Пелевин В. О. Искусство лёгких касаний. М.: Эксмо, 2021. 416 с.
26. Пелевин В. О. KGBT+. М.: Эксмо, 2022. 560 с.
27. Ефимова С. Ю. Экспликация как механизм образования фразеологических единиц и их вариантов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 2005. 22 с. EDN: NIICAN.
28. Пелевин В. О. Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами. М.: Издательство "Э", 2018. 416 с.
29. Пелевин В. О. Смотритель. М.: ООО "Агентство ФТМ, Лтд.", 2021. 550 с.
30. Лаврентьев В. А., Логачева Е. В. Окказиональное слово-и фразеотворчество в художественной прозе С.А. Есенина // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 33-44. DOI: 10.17223/15617793/483/4. EDN: QMUOFQ.
31. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. 703 с.
32. Внуковская А. В. Контаминация фразеологизмов как средство речевой характеристики персонажей в романе М. А. Шолохова "Поднятая целина" // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 24, № 2. С. 47-57. DOI: 10.37482/2687-1505-V333. EDN: KGFXXRE. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступает специфика использования фразеологических единиц в художественной прозе В. Пелевина. Актуальность работы не вызывает сомнения и обусловлена тем, что фразеология представляет собой неотъемлемый и особо выделенный компонент языка, самый яркий, своеобразный, необычный, культурно значимый и национально специфичный, способный концентрированно выразить не только особенности данного языка, но и его носителя, его мироощущение, склад ума, национальный характер и стиль мышления. Однако при всём многообразии и разносторонности исследований в области фразеологии еще недостаточно изучена специфика узуального употребления фразеологизмов автором художественного произведения, что «имеет непосредственное отношение к развитию общеязыковой фразеологической системы и выражению авторской картины мира». Теоретической основой работы выступили труды по различным аспектам фразеологии; окказиональным преобразованиям фразеологизмов; индивидуально-авторским трансформациям фразеологических единиц в языке художественной прозы, по особенностям идиостиля В. Пелевина таких ученых, как В. В. Виноградов, В. П. Жуков, В. Н. Телия, Н. В. Малышева, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, Н. А. Божко, И. В. Зимина, И. Ю. Третьякова и др. Библиография статьи насчитывает 32 источника, в том числе 11 литературных, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все

цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология исследования определена поставленной целью («выявить специфику употребления, преобразования и создания авторских фразеологических единиц в художественной прозе В. Пелевина и установить их взаимосвязь с идиостилем писателя»), задачами и носит комплексный характер. В ее основе обоснованно лежат общенаучные методы анализа и синтеза, тематической классификации и систематизации языкового материала, метод контекстуального анализа, герменевтический метод и описательно-аналитический метод, а также когнитивный и дискурсивный анализы. Эмпирической базой исследования послужили художественные прозаические произведения В. Пелевина.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования рассмотрены теоретические вопросы функционирования фразеологических единиц и специфика авторских преобразований фразеологизмов в художественном произведении, проведено исследование художественной прозы В. Пелевина, выявлены структурно-семантические трансформации фразеологизмов, характерные для идиостиля писателя. Сформулированы обоснованные выводы о том, что «использование идиом, пословиц, поговорок, крылатых выражений является характерной чертой художественной прозы В. Пелевина, занимает особое место в творческом методе писателя и имеет важное значение в создании образности и выразительности авторских произведений»; «способы и приемы преобразования устойчивых сочетаний и выражений в прозе В. Пелевина выходят за рамки имеющихся научных классификаций»; «индивидуально-авторская трансформация фразеологических единиц является конституирующим признаком его идиостиля» и др.

Теоретическая значимость работы заключается в описании и изучении феномена индивидуально-авторских преобразований и окказиональности во фразеологии. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов как в исследованиях по теории языка, теории дискурса, дискурсивной лингвистике, так и в процессе преподавания вузовских курсов по фразеологии и лингвокультурологии, медиалингвистике и социалингвистике, в спецкурсах по творчеству Виктора Пелевина.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Статья имеет заверченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Обама Ф., Лазарева О. Проблема перевода вербального компонента поликодового текста политической карикатуры на материале русского, английского и французского языков // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.72950 EDN: LEGBYQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72950

Проблема перевода вербального компонента поликодового текста политической карикатуры на материале русского, английского и французского языков

Обама Франк Дональд

студент; Филологический факультет; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
Посыльный; Арарат Парк Хаят

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 13, 404

✉ 1032185893@pfur.ru

Лазарева Олеся Викторовна

ORCID: 0000-0002-1227-4493

кандидат филологических наук

доцент; кафедра общего и русского языкознания; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ lazareva-ov@rudn.ru

[Статья из рубрики "Актуальный вопрос"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.72950

EDN:

LEGBYQ

Дата направления статьи в редакцию:

06-01-2025

Дата публикации:

27-04-2025

Аннотация: Настоящая статья посвящена исследованию лингвистических и культурных

особенностей вербального компонента поликодового текста политической карикатуры на русском, английском и французском языках, оказывающих влияние на интерпретацию и восприятие таких текстов в различных социокультурных контекстах. Политическая карикатура, как форма мультимодального дискурса, сочетает в себе визуальные и вербальные элементы, создавая сложные иронические или саркастические высказывания, адекватный перевод которых представляет собой методологически и практически значимую проблему. Объектом исследования выступают поликодовые тексты политических карикатур, а предметом — перевод вербального компонента, насыщенного культурными аллюзиями, прецедентными феноменами и стилистически маркированной лексикой. В статье рассматриваются примеры, в которых даже нейтральные или позитивно окрашенные выражения в сочетании с мрачным или абсурдным визуальным рядом создают скрытую сатирическую нагрузку, требующую особого внимания со стороны переводчика. В условиях межкультурной коммуникации такие тексты требуют не просто языковой эквивалентности, а адаптации и пояснения, способствующих сохранению смысловой и эмоциональной глубины оригинала. Методологическая основа исследования включает качественный анализ, лингвокультурный и дискурсивный подходы, а также сравнительно-сопоставительный и классификационный методы. Материалом исследования стал корпус из 90 политических карикатур (по 30 на каждом языке), отобранных методом сплошной выборки из открытых онлайн-источников. На основе анализа представленных примеров предложена авторская типология переводимости вербального компонента, включающая три группы: элементы, поддающиеся полному переводу; частично переводимые выражения; и случаи, требующие пояснений или адаптаций. Выбор переводческой стратегии зависит от жанровой специфики, визуального контекста, а также социокультурных реалий. Особое внимание уделяется роли переводчика как интерпретатора и культурного медиатора, от которого требуется высокий уровень креативности, культурной осведомлённости и контекстуальной чуткости. Научная новизна статьи заключается в разработке структурированной типологии переводимости вербального компонента поликодовых политических карикатур, что позволяет более точно определять переводческие стратегии в зависимости от характера текста, целей коммуникации и культурного контекста. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию механизмов межкультурной интерпретации сатирических жанров и расширяют теоретико-практическую базу в области перевода креолизованных текстов.

Ключевые слова:

Поликодовый текст, Политическая карикатура, Вербальный компонент, Культурный контекст, Сатира, Ирония, Лексическое значение, Материал, Культурная осведомленность, Типология

Введение

Проблема перевода вербального компонента поликодового текста политической карикатуры представляет собой актуальную и многогранную тему, которая требует внимательного анализа в контексте лингвистических и культурных особенностей различных языков. Поликодовые тексты, как форма коммуникации, сочетают визуальные и вербальные элементы, создавая тем самым уникальные смыслы и контексты, которые зачастую могут быть утеряны в процессе перевода.

Наша статья продолжает исследование политического дискурса вслед за работами таких

языковедов, как В. А. Барабанова ^[1], А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов ^[2], О. А. Блинова ^[3], О. А. Воронина ^[4], М. Б. Ворошилова ^[5], Гуань Шаоян [6–8], Г. Л. Денисова ^[9; 10], Н. М. Дугалич ^[11; 12], Е. Л. Кабахидзе ^[13], У. Л. Кшеновская ^[14], С. Ю. Павлина ^[15; 16], Н. Б. Руженцева, Е. В. Шустрова, М. Б. Ворошилова ^[17], А. А. Хабаров ^[18], О. Л. Чугунова ^[19], А. П. Чудинов ^[20], Е. И. Шейгал ^[21], которые выделяли следующие компоненты структуры политического дискурса: участников политического дискурса; хронотоп; цели; ценности, в том числе ключевой концепт; стратегии; тематики; жанры; прецедентные тексты; дискурсивные формы.

Политическая карикатура, будучи мощным средством сатиры и критики, выполняет функцию не только развлечения, но и социального комментария, что требует от переводчика глубокого понимания как языковых коннотаций, так и культурных отсылок. В условиях глобализации и межкультурного взаимодействия задача адекватного перевода таких сложных текстов становится особенно значимой, поскольку она способствует взаимопониманию и диалогу между различными культурами. На примере русского, английского и французского языков данный анализ направлен на выявление основных аспектов перевода вербального компонента политической карикатуры, включая частичные переводы, потери смысла, а также необходимость применения дополнительных пояснений для передачи полного контекста. Рассмотрение этих аспектов позволит лучше понять, как лексические и культурные характеристики каждого языка влияют на восприятие и интерпретацию карикатур, а также поднимет вопросы о роли переводчика как интерпретатора и культурного посредника.

Объектом исследования являются поликодовые тексты политических карикатур в русской, английской и французской лингвокультурах. Предметом исследования выступают особенности перевода вербального компонента этих карикатур с акцентом на лексическую, стилистическую и культурную составляющие, а также на степень их трансформации в межкультурном пространстве.

Цель настоящей работы — выявить лингвистические и социокультурные трудности перевода вербального компонента политических карикатур и предложить подходы к их преодолению. Для достижения цели ставятся следующие задачи:

1. Сформировать корпус карикатур на русском, английском и французском языках;
2. Провести лингвокультурный и дискурсивный анализ их вербальных компонентов;
3. Определить ключевые трудности перевода, связанные с жанровыми, стилистическими и культурными особенностями;
4. Сопоставить переводы и выявить закономерности интерпретации текста в разных лингвокультурах;
5. Разработать типологию переводимости вербального компонента политических карикатур.

Материалом послужил корпус из 90 политических карикатур (по 30 на каждом языке), отобранных методом сплошной выборки из открытых источников в интернете (официальные СМИ, сатирические издания, политические блоги), что обеспечивает репрезентативность и актуальность исследуемых текстов.

В процессе исследования использованы как общенаучные, так и специальные лингвистические методы:

- анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение и классификация — для формирования методологической базы;
- описательный, интерпретационный и сравнительный методы — для лингвистического анализа текстов;
- лингвокультурный и дискурсивный анализ — для выявления культурных коннотаций и взаимодействия вербального компонента с визуальным;
- метод сплошной выборки — для построения эмпирической базы.

Таким образом, исследование направлено на более глубокое понимание механизмов восприятия и перевода политических карикатур, а также на выявление потенциала и границ переводимости подобных текстов в контексте межкультурной коммуникации.

1. Степень изученности вопроса

В рамках исследования под политической карикатурой понимается жанр изобразительного искусства, в котором высмеиваются политические деятели, события или общественные явления. В контексте настоящего исследования особое внимание уделяется вербальному компоненту политической карикатуры как ключевому элементу поликодового текста. Именно он представляет наибольшую сложность при переводе, поскольку тесно взаимодействует с визуальной частью и требует глубокого учета культурных, исторических и лингвистических контекстов. По мнению ряда исследователей, политическая карикатура является мощным инструментом социальной критики [\[19, с. 151\]](#). Она использует гиперболу и сатиру для выявления абсурдности политических решений и действий. Например, карикатуры на известных политиков освещают их недостатки и, таким образом, способствуют формированию осознанного отношения граждан к власти.

Другие авторы акцентируют внимание на том, что политическая карикатура является отражением культурных и исторических контекстов, в которых она создается [\[4, с. 14\]](#). То есть, восприятие карикатур может варьироваться в зависимости от культурных традиций, политической ситуации и медийной среды. В этом ключе карикатура выступает как индикатор общественного мнения, фиксируя настроения масс и их реакцию на политические изменения.

В научных изысканиях, посвященных политической лингвистике, выделяется несколько ключевых функций, утрата которых в процессе перевода может привести к заметной деградации политического текста.

Первая функция — социальный контроль, подразумевающий манипуляцию массовым сознанием, как, например, использование риторических приемов для формирования общественного мнения в определенном направлении.

Вторая функция — легитимизация власти, которая включает аргументацию решений государственных органов, например, при распределении бюджетных средств, что необходимо для поддержания общественного доверия.

Третья функция, воспроизводство власти, нацелена на укрепление общественной приверженности существующей системе, что может быть проиллюстрировано средствами массовой информации, способствующими формированию позитивного образа правящей элиты.

Четвертая функция — ориентирование, предполагающая создание и закрепление в общественном сознании определённых ориентиров и целей политической активности, что можно видеть на примере предвыборных программ партий.

Пятая функция, социальная консолидация, направлена на объединение различных групп общества, противостоящих негативным социальным факторам.

Шестая функция, агональная, связана с возникновением социального конфликта и выражением протеста против действий властей, что проявляется в акциях протеста и общественных движениях.

И последняя функция, акциональная функция осуществляется через организацию мероприятий для мобилизации сторонников власти и отвлечения внимания оппозиционно настроенных групп, что прекрасно демонстрируют политические кампании и массовые митинги [\[11, с. 22\]](#).

Одной из ключевых особенностей вербального компонента поликодового текста политической карикатуры является проблема адекватного перевода, которая представляет собой особенно сложную задачу. Данный фактор, прежде всего, связан с тем, что вербальные элементы и иконические (изобразительные) компоненты не просто располагаются в текстовом пространстве, а взаимодействуют друг с другом, создавая многослойное значение, которое невозможно корректно передать путем простой трансляции [\[22, с. 45\]](#). В силу этого тесного переплетения значений, переводчик сталкивается с необходимостью учитывать не только лексическую и грамматическую сторону оригинала, но и культурные контексты, иронию, а также эмоциональную окраску, присущую конкретной карикатуре. Такое взаимодействие элементов требует от переводчика особых навыков декодирования и интерпретации, что подчеркивает важность комплексного подхода к анализу политических карикатур и их переводам.

Ключевым моментом, который следует подчеркнуть, является двойственная природа карикатуры. Как отмечает Ю.А. Сорокин, «карикатуры могут быть как визуальными, так и вербальными знаками, каждый из которых выполняет свою функцию в создании смыслового образа», что подчеркивает необходимость учитывать контекст при переводе [\[22, с. 45\]](#).

Также, стоит отметить, что одним из основных вызовов перевода является культурная специфичность. Каждый вербальный элемент карикатуры часто обрамляет определенные культурные и политические реалии. Например, О.А. Воронина утверждает: «Понимание и адекватный перевод культурных отсылок являются необходимыми условиями для сохранения оригинального смысла» и показывает, что переводчик должен быть не только лингвистом, но и культурным посредником [\[4, с. 14\]](#).

Кроме того, стиль и риторические приемы, используемые в карикатурах, играют важную роль. А.П. Чудинов подчеркивает: «Анализ и перевод риторических фигур могут существенно повлиять на восприятие текста», что требует от переводчика комбинаторного мышления и креативности, чтобы передать иронию, сатиру и другие нюансы оригинала [\[20, с. 56\]](#).

Еще одним важным аспектом является визуальный компонент. Как замечает М.Б. Ворошилова, «визуальная часть карикатуры может усиливать или изменять значение вербальных элементов» [\[5, с. 73\]](#). Таким образом, игнорирование визуального контекста может привести к потере значимости или искажению задумки автора.

2. Степень переводимости поликодового текста

В соответствии с одной из основных задач нашего исследования — разработкой классификации типов переводимости вербального компонента — далее предлагается авторская типология, основанная на степени трудностей перевода. Она включает три категории: полностью переводимые элементы, частично переводимые, а также случаи, требующие дополнительных пояснений. По степени переводимости вербального компонента поликодового текста, к которым принадлежит политическая карикатура, могут быть разделены на три основные группы.

Рассмотрим данную типологию на материале русского, английского и французского языков.

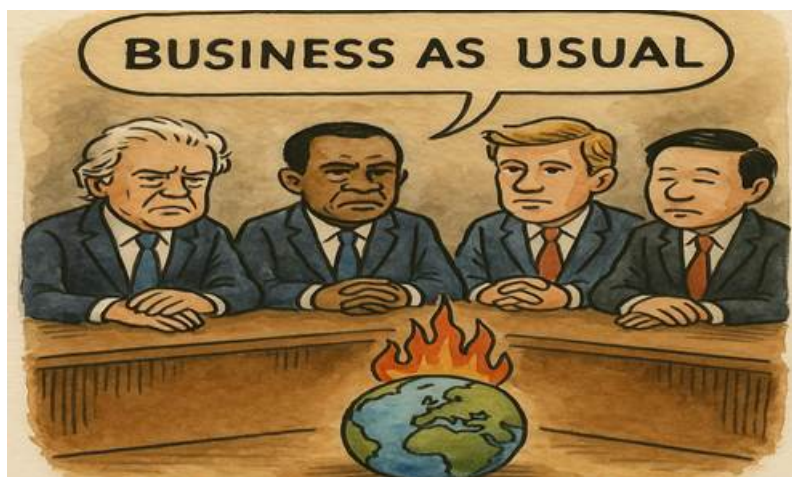
2.1. вербальный компонент, переводимый в полном объеме

Рассмотрим примеры перевода вербального компонента поликодового текста политической карикатуры

1. Русский язык. Карикатура: Изображение российского политического деятеля с плакатом «Лучшие времена — впереди!». Вербальный компонент здесь явно выражен и легко переводим. Словосочетание «Лучшие времена — впереди!» несет позитивный заряд и является ироническим комментарием к политической ситуации.

Перевод на английский язык: «The best times are ahead!». Перевод был выполнен в полном объеме с сохранением значения и подтекста. Интонация сохраняется благодаря эквивалентному позитивному формулированию, что позволяет передать иронию.

2. Английский язык.

Карикатура: Политик, держащий табличку «Business as usual» во время кризиса. Фраза «Business as usual» используется для описания ситуации, когда внешний кризис игнорируется. Данное выражение подразумевает легкость проблемы, что усиливает сатирический эффект.

Перевод на русский язык: «Как обычно». Перевод адекватен по смыслу и стилистике. Несмотря на то, что фраза «Как обычно» может звучать менее выразительно, она сохраняет ироничный подтекст, что позволяет донести основную мысль оригинала.

3. Французский язык.

Карикатура: Политик с надписью «C'est pas moi!» (Это не я!), указывая на растрату средств. Фраза «C'est pas moi!» представляет собой распространенный способ избежать

ответственности. Данное выражение насыщено контекстом и жестко перекликается с культурными реалиями Франции, где ответственность политиков часто ставится под сомнение.

Перевод на русский: «Это не я!» Перевод полностью отражает оригинальное значение фразы и ее насмешливый контекст. Смысл и интонация остаются неизменными, что важно для ощущения карикатуры. Таким образом, в каждом примере перевод вербального компонента выполнен в полном объеме, что позволяет сохранить оригинальное значение и стилистические особенности. Ключевым аспектом является необходимость внимательного подхода к культурным особенностям и контексту фраз, что обеспечивает адекватный и выразительный перевод. Сохранение уровня иронии и специфики языка является важным для передачи и смысловой нагрузки поликодового текста.

б) вербальный компонент, переводимый частично

1. Русский язык. Карикатура: Изображение политика, который стоит на горе с надписью «Тот, кто не рискует, тот не пьет шампанское», в то время как его ноги застрянут в болоте. Вербальный компонент представляет собой ироничную цитату, которая используется, чтобы показать, что политика может привести к непростым последствиям. Фраза имеет позитивный подтекст, но визуальный контекст разрушает ее, создавая противоречие.

Перевод на английский язык: «Those who don't take risks can't drink champagne». В данном случае частичный перевод сохраняет звучание оригинальной фразы, однако теряет визуальный контекст, который делает карикатуру ироничной. Перевод не акцентирует внимание на наглядной метафоре застревания в болоте, что уменьшает эффект.

2. Английский язык. Карикатура:

Политик с надписью: «We will fix it!» на фоне разваливающихся зданий. Фраза «We will fix it!» является оптимистичным обещанием, однако контекст изображает анекдотическую реальность, где слова не соответствуют происходящему. Такой контраст создает комический эффект.

Перевод на русский язык: «Мы всё исправим!». Частичный перевод допускает сохранение основной идеи, однако не передает визуального контекста разрушенных зданий, что ослабляет сатиру. Логика картин не совпадает с оптимистичными обещаниями, и это важно для понимания карикатуры.

3. Французский язык. Карикатура: политик с табличкой «Promis!» (Обещано!), стоя на фоне протестующих. Слово «Promis!» используется для выражения безответственного обещания. Визуальный контекст подчеркивает разрыв между заявлениями политика и реальностью, в которой он находится.

Перевод на русский язык: «Обещано!». Хотя перевод сохраняет основной смысл, он лишается эмоциональной нагрузки, связанной с изображением протестующих, что приводит к недопониманию и снижает сатирический эффект. Важные нюансы, связанные с обществом и политической ситуацией, остаются невостребованными.

Таким образом, сравнивая приведенные примеры, можно сделать вывод о том, что частичный перевод вербального компонента в поликодовом тексте политической карикатуры может привести к потере смысловой нагрузки, если не учитывать визуальный контекст. Для полноценного понимания карикатуры необходимо обращение к таким компонентам, как визуальные элементы и культурные отсылки, которые обеспечивают полноценное восприятие оригинала.

в) вербальный компонент, переводимый со значительными трудностями и необходимостью использования распространенных пояснений

1. Русский язык. Карикатура: политик, стоящий перед большой толпой людей с плакатом «Мы все плывем в одной лодке!» на фоне, где видны утопленные лодки. Фраза «Мы все плывем в одной лодке!» предполагает единство и совместные усилия. Однако визуальный контекст и утопленные лодки создают сатирический эффект, указывая на то, что ситуация на самом деле крайне плачевная. Данное выражение несет как позитивный, так и негативный смысл. Перевод в подобных случаях сохраняет общий смысл, но теряет важные визуальные или культурные отсылки, что требует особой внимательности со стороны переводчика.

Перевод на английский язык: «We are all in the same boat!». Здесь необходимо добавить пояснение о том, что образ лодки символизирует единство, так как контекст изобилует ироничным подтекстом. Следует уточнить, что на карикатуре показано, что лодки уже утонули, что изменяет значение. Перевод фразы сохраняет ее буквальное значение, однако требует пояснения о контексте, чтобы читатели поняли иронию и критику, заложенные в изображении.

2. Английский язык. Карикатура: политик с надписью «I'll make America great again!» на фоне людей, стоящих в очереди за продуктами. Фраза «I'll make America great again!» является слоганом, насыщенным культурной значимостью и использованным в реальной политической кампании. Однако визуальный контекст, где люди стоят в очереди, указывает на существующие социальные проблемы и неоправданные ожидания.

Перевод на русский язык: «Я сделаю Америку снова великой!». Здесь нужно указать на то, что слоган стал символом определенной политической эпохи, а также объяснить, что очередь за продуктами подчеркивает несоответствие между обещанием и реальностью.

3. Французский язык. Карикатура: политик с табличкой «On fait des promesses!» (Делаем обещания!) на фоне разрушенных дорог и протестующих граждан. Фраза «On fait des promesses!» выражает обиденный политический подход к данному вопросу, но на фоне визуального контекста — протестующей толпы и разрушенных дорог — ее значимость становится проблематичной. Слоган также играет на фоне одного из широко распространенных выражений в политике.

Перевод на русский язык: «Мы делаем обещания!». Перевод требует добавления контекста о том, что это распространённое выражение на политической арене, в отличие от того, что на изображении видно, что эти обещания не выполняются и приводят к недовольству народа.

Приведенные примеры демонстрируют, что перевод вербального компонента поликодового текста политической карикатуры может сопрягаться со значительными трудностями, требуя дополнительных пояснений для достижения полного понимания. Без такого контекста читатель может не уловить сатирический подтекст и культурные отсылки, что минимизирует эффект оригинала. Такие случаи наглядно демонстрируют необходимость глубокого знания культуры, контекста и исторических реалий, поскольку буквальный перевод не способен передать полной коммуникативной и сатирической функции оригинала.

Заключение

Изучение проблемы перевода вербального компонента поликодового текста политической карикатуры на примере русского, английского и французского языков показывает, что перевод этих вербальных элементов связан с различными трудностями, затрагивающими как языковые особенности, так и культурный контекст.

В каждом из проанализированных примеров становится очевидным, что ситуации, изображенные на карикатурах, часто противопоставляют оптимистичные или нейтральные фразы мрачным или ироничным визуальным компонентам, что создает двойственность смысла, которая требует от переводчика внимательности и глубокого понимания культурных и политических реалий.

Частичные переводы часто теряют связь с контекстом, в то время как полные переводы невозможны без добавления пояснений, необходимых для того, чтобы адаптировать смысл к другой культурной среде. Например, использование широко известных слоганов и выражений, таких как «Мы все плывем в одной лодке!» или «Я сделаю Америку снова великой!», требует дополнений, чтобы передать не только буквальное, но и эмоциональное содержание, вложенное автором карикатуры. Таким образом, все поставленные задачи исследования были выполнены :

- Сформирован корпус политических карикатур на трёх языках ;
- Проведён лингвокультурный анализ вербального компонента ;
- Выявлены ключевые трудности перевода и их причины ;
- Предложена типология переводимости, соответствующая особенностям жанра и межкультурной коммуникации.

Исходя из вышеизложенного, отметим, что, перевод вербального компонента в поликодовых текстах политической карикатуры является сложной задачей, предполагающей необходимость учитывать не только лексическое значение, но и культурные, исторические и социальные контексты. Отказ от этого может привести к искажению замысла автора и потере критической остроты карикатуры. Таким образом, на наш взгляд, важно, чтобы переводчики не только владели языком, но и обладали культурной осведомленностью, что позволит им успешно передавать такие нюансы, как сатира, ирония и культурные отсылки, что в конечном итоге поможет сохранить целостность и эффективность оригинального произведения.

Библиография

1. Барабанова В.А. Политическая карикатура и проблема ее перевода // Молодой ученый. 2023. № 35 (482). С. 185-187.
2. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991.
3. Блинова О.А. Манипулятивный потенциал мультимодального медиатекста (на материале американской политической карикатуры) // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 1 (37). С. 22-27.
4. Воронина О.А. Карикатура как вид креолизованного текста // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2009. № 2. С. 14-18.
5. Ворошилова М.Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая

лингвистика. 2007. № 23. С. 73-78.

6. Гуань Шаоян. Влияние прецедентных феноменов и метафор на процесс формирования образа страны в политических карикатурах // Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106). С. 297-303.

7. Гуань Шаоян, Сунь Юйхуа. Мультимодальные метафора и метонимия в формировании образа страны (на материале политических карикатур) // Russian Journal of Linguistics. 2023. № 27 (2). С. 444-467.

8. Гуань Шаоян. Политическая карикатура, или мультимодальный политический дискурс // Политическая лингвистика. 2018. № 6. С. 140-143. DOI: 10.26170/pl18-06-20.

9. Денисова Г.Л. Оценочная составляющая метафоры "верх - низ" в немецкой политической карикатуре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. № 12 (3). С. 559-575. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-559-575.

10. Денисова Г.Л. Репрезентация метафоры "БУДУЩИЕ СОБЫТИЯ - ВПЕРЕДИ" в немецкой политической карикатуре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. № 15 (3). С. 646-663. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-646-663.

11. Дугалич Н.М. Проблема перевода вербального компонента креолизованного текста политической карикатуры (на материале арабского и французского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. № 8(4). С. 22-31.

12. Dugalich N.M. Political cartoon as a genre of political discourse // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. № 9 (1). С. 158-172. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-158-172.

13. Кабахидзе Е.Л. Философско-когнитивные аспекты визуальной метафоры в политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. № 28 (4). С. 1086-1105. DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-4-1086-1105.

14. Кшеновская У.Л. Когнитивно-дискурсивная сущность лингвокреативности // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 2. С. 16-21.

15. Павлина С.Ю. Англоязычная политическая карикатура в социокультурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. № 16 (1). С. 63-78.

16. Павлина С.Ю., Сахарова М.И. Передача вербального компонента политических карикатур как переводческая проблема // Труды конференции Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Нижний Новгород, 2022. С. 117-121.

17. Руженцева Н.Б., Шустрова Е.В., Ворошилова М.Б. Юмор и ирония в политическом дискурсе. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2015.

18. Хабаров А.А. Моделирование дискурсивной реальности глобального кризиса: опыт медийной репрезентации пандемии COVID-19 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. № 15 (4). С. 1169-1191.

19. Чугунова О.Л. Языковая игра как объект исследования в англоязычной политической карикатуре // Результаты современных научных исследований и разработок: сборник статей победителей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 12 апреля 2017 года. Пенза: Наука и Просвещение, 2017. С. 151-153.

20. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта, 2012.

21. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.

22. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция

// Оптимизация речевого воздействия. М.: Высшая школа, 1990. С. 45-54.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Проблема перевода вербального компонента поликодового текста политической карикатуры на материале русского, английского и французского языков».

Предмет исследования – особенности перевода вербального компонента поликодового текста политической карикатуры.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением анализа и синтеза, индукции и дедукции, обобщения и классификации, метода сплошной выборки, а также описательного, интерпретационного и сравнительного методов.

Актуальность исследования обусловлена тем, что средства массовой информации являются площадками для активных участников политической дискуссии, где одним из ярких способов предоставления субъективной информации является креолизованный текст политической карикатуры. Политическая карикатура является мощным средством сатиры и критики, а также выполняет функцию социального комментария, её перевод требует глубокого понимания как языковых коннотаций, так и культурных отсылок. Таким образом итоговый перевод политической карикатуры является результатом декодирования и анализа невербального компонента и прецедентных, метафорических, специфических социокультурных данных и других парадигм обеих её компонентов.

Научная новизна обусловлена сопоставительным характером исследования: автор рассматривает проблему адекватного перевода вербального компонента поликодового текста политической карикатуры на материале русского, английского и французского языков.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы, дана характеристика эмпирического материала); степень изученности вопроса (отмечено, что восприятие карикатур варьируется в зависимости от культурных традиций, политической ситуации и медийной среды; автор рассматривает ключевые функции, утрата которых в процессе перевода может привести к заметной деградации политического текста; подчёркнута сложность адекватного перевода вербального компонента поликодового текста политической карикатуры, что обусловлено двойственной природой карикатуры, её культурной специфичностью, стилем, риторическими приемами и визуальным компонентом); степень переводимости поликодового текста (автор рассматривает три основные группы политической карикатуры в зависимости от степени переводимости вербального компонента её поликодового текста; приведены иллюстративные примеры); заключение (автор делает общие выводы; отмечено, что перевод вербального компонента в поликодовых текстах политической карикатуры является сложной задачей, поскольку необходимо учитывать не только лексическое значение, но и культурные, исторические и социальные контексты); библиография (включает 17 источников).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Исследование будет интересно тем, что изучает проблему адекватного перевода вербального компонента креолизованного текста в целом и вербального компонента

поликодового текста политической карикатуры в частности.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы объект, предмет и научная новизна проведенного исследования. Необходимо дать более подробную характеристику эмпирического материала, указать его объем, конкретизировать источники и временные рамки выборки.
2. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу современных научных работ, теоретический анализ именно современных источников является недостаточным. Кроме того, необходимо проверить наличие в тексте ссылок на первоисточники.
3. Было уместно увеличить число иллюстративных примеров, в том числе затрагивающих актуальные проблемы общества, а также добавить рисунки с политическими карикатурами.
4. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.

Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть опубликован в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье «Проблема перевода вербального компонента поликодового текста политической карикатуры на материале русского, английского и французского языков» автором рассматривается феномен мультикодового дискурса карикатуры в сопоставительном аспекте.

Статья обладает структурой научной статьи и состоит из введения, основной части, включающей два подраздела («Степени изученности вопроса» и «Степень переводимости поликодового текста»), заключения и библиографии.

В исследовании был использован комплексный подход, включающий такие общенаучные методы, как анализ и синтез, методы индукции и дедукции, обобщения и классификации. Эмпирические методы исследования: метод сплошной выборки карикатур из сети интернет, используемый для формирования корпуса исследовательского материала; описательный, интерпретационный и сравнительный методы для анализа карикатур в трех рассматриваемых языках; лингвокультурный анализ, а также метод дискурсивного анализа.

В первом подразделе основной части автор рассматривает историю изучения поликодового текста политической карикатуры, а также формулирует семь основных функций карикатуры, такие как социальный контроль, легитимизация власти, воспроизводство власти, ориентирование, социальная консолидация, протест и акционизм.

Во втором подразделе приводятся примеры для созданной автором классификации типов перевода, а именно фраз, которые можно перевести дословно, фраз, дающих возможность лишь частичного перевода и выражений, переводимых с трудом и требующих пространных пояснений.

В результате данного анализа автор приходит к выводу о том, что «ситуации, изображенные на карикатурах, часто противопоставляют оптимистичные или нейтральные фразы мрачным или ироничным визуальным компонентам, что создает

двойственность смысла, которая требует от переводчика внимательности и глубокого понимания культурных и политических реалий.

Частичные переводы часто теряют связь с контекстом, в то время как полные переводы невозможны без добавления пояснений, необходимых для того, чтобы адаптировать смысл к другой культурной среде».

Данные выводы, следующие из приведенных автором примеров, можно считать обоснованными и достоверными.

Стиль статьи соответствует уровню научной статьи и не содержит существенных недочетов.

Библиография содержит необходимое количество отечественных и зарубежных источников.

К сожалению, в статье недостаточно четко описаны предмет, объект, цели, задачи, методы и материалы исследования. Таким образом, непонятно, откуда были взяты приведенные примеры.

Таким образом, статья «Проблема перевода вербального компонента поликодового текста политической карикатуры на материале русского, английского и французского языков» является исследованием, открывающим новые перспективы в области изучения поликодового политического дискурса, и она может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera» после исправления представленных выше замечаний, а именно добавления целей, задач, методов и т. д.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Проблема перевода вербального компонента поликодового текста политической карикатуры представляет собой актуальную и многогранную тему, которая требует внимательного анализа в контексте лингвистических и культурных особенностей различных языков. Автор рецензируемой статьи, объективируя проблему в начале своего труда, отчасти намечает и путь ее решения. Стоит согласиться, что «поликодовые тексты, как форма коммуникации, сочетают визуальные и вербальные элементы, создавая тем самым уникальные смыслы и контексты, которые зачастую могут быть утеряны в процессе перевода». На мой взгляд, выбранная методологическая основа вполне подходит для раскрытия вопроса, достижения итогового результата. Материал имеет завершено-целостный вид, он достаточно грамотно скомбинирован. Ориентир на труды В.А. Барабановой, Ю.Н. Караулова, О.А. Блиновой, М.Б. Ворошиловой, Е.И. Шейгал и других правомерен, указанный базис формирует и т.н. опорную линию исследования. Должный формат ссылок сделан, фактическая правка не требуется. Стиль работы соотносится с научным типом, например, «политическая карикатура, будучи мощным средством сатиры и критики, выполняет функцию не только развлечения, но и социального комментария, что требует от переводчика глубокого понимания как языковых коннотаций, так и культурных отсылок. В условиях глобализации и межкультурного взаимодействия задача адекватного перевода таких сложных текстов становится особенно значимой, поскольку она способствует взаимопониманию и диалогу между различными культурами», или «В научных изысканиях, посвященных политической лингвистике, выделяется несколько ключевых функций, утрата которых в процессе перевода может привести к заметной деградации политического текста. Первая функция — социальный контроль, подразумевающий манипуляцию массовым сознанием, как, например, использование риторических приемов для формирования

общественного мнения в определённом направлении...» и т.д. Удачно в работе сочетается теоретический и практический уровни: автор выстраивает объективно-выверенный анализ на достаточно объемном материале. «Материалом послужил корпус из 90 политических карикатур (по 30 на каждом языке), отобранных методом сплошной выборки из открытых источников в интернете (официальные СМИ, сатирические издания, политические блоги), что обеспечивает репрезентативность и актуальность исследуемых текстов». Считаю, что соразмерны в работе и «визуальные» примеры [пиктограммы] и аналитика оценки [гарикатура: Политик, держащий табличку «Business as usual» во время кризиса. Фраза «Business as usual» используется для описания ситуации, когда внешний кризис игнорируется. Данное выражение подразумевает легкость проблемы, что усиливает сатирический эффект. Перевод на русский язык: «Как обычно». Перевод адекватен по смыслу и стилистике. Несмотря на то, что фраза «Как обычно» может звучать менее выразительно, она сохраняет ироничный подтекст, что позволяет донести основную мысль оригинала]. Иллюстративного фона достаточно для рассмотрения вопроса, подборка, на мой взгляд, разнопланова. Материал целен, практически значим; общие требования издания учтены. В итоге автор приходит к выводу, что «перевод вербального компонента в поликодовых текстах политической карикатуры является сложной задачей, предполагающей необходимость учитывать не только лексическое значение, но и культурные, исторические и социальные контексты. Отказ от этого может привести к искажению замысла автора и потере критической остроты карикатуры. Таким образом, на наш взгляд, важно, чтобы переводчики не только владели языком, но и обладали культурной осведомленностью, что позволит им успешно передавать такие нюансы, как сатира, ирония и культурные отсылки, что в конечном итоге поможет сохранить целостность и эффективность оригинального произведения». Думаю, что данную тему можно продолжить развивать в рамках новых статей, новых исследований. Список источников достаточен; типы и виды изданий разнообразны. Статью «Проблема перевода вербального компонента поликодового текста политической карикатуры на материале русского, английского и французского языков» можно рекомендовать к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Усова Е.В. Применение средств коммуникации при социальном конструировании исторической памяти //

Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.74213 EDN: DEBLHQ URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74213

Применение средств коммуникации при социальном конструировании исторической памяти

Усова Екатерина Владимировна

кандидат политических наук

доцент; кафедра государственно-правовых дисциплин и международного права; Астраханский
государственный университет имени В.Н. Татищева
доцент; кафедра журналистики и медиакоммуникаций; Астраханский государственный университет
имени В.Н. Татищева

414056, Россия, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Татищева, 20, оф. а

✉ sevruga81@yandex.ru[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.4.74213

EDN:

DEBLHQ

Дата направления статьи в редакцию:

24-04-2025

Аннотация: Предметом исследования является современное состояние коммуникационной деятельности в процессе социального конструирования исторической памяти, возникающее между государственной властью и местной общественностью. Объектом исследования является процесс конструирования исторической памяти с применением таких средств коммуникации, как коммеморация, средства массовой информации и интернет. Автор проводит обзор современных исследований, посвященных коммеморативным практикам, определяет сущность и значение коммеморации в современном обществе, устанавливает каналы коммуникации, посредством которых осуществляется воздействие на общественное сознание. Особое внимание автор уделяет исследованию регионального опыта современного периода по формированию исторической памяти о Великой Отечественной войне и подвиге советского народа. Так, на примере Астраханской области автором исследованы процессы, формирующие историческую память посредством создания пространственных

маркеров (памятников, музеев, скверов и т.п.). Внимание уделено освещению этих процессов в СМИ и интернете, вовлечению в них местной общественности. Исследование проводилось с применением общенаучных методов – анализа и синтеза, позволяющих осмыслить коммеморацию как средство коммуникации и элемент социальной действительности. Метод кейс-стади позволил осуществить отбор конкретных средств коммуникации (коммеморации, СМИ, Интернет), очерченных рамками современного периода развития общества. В результате проведенного исследования автор пришел к следующим выводам. Процессу формирования исторической памяти уделяется все большее внимание. Исследование информационных сообщений в средствах массовой информации, каналов в социальных сетях, новостных блоков интернет-сайтов государственных и муниципальных органов власти региона дает основание утверждать, что одной из центральных тем является мобилизация коллективной памяти о значимых событиях Великой Отечественной войны. Прослеживается территориальный характер сохранения в сознании местной общественности исторически значимых событий и формирования отношения к ним. Установлено, что наиболее активно этот процесс осуществляется в преддверии празднования юбилейных дат Победы в Великой Отечественной войне (установление новых памятников, скверов, присвоение улицам имен героев Великой Отечественной войны и др.). Особым вкладом автора в исследование темы является изучение коммеморации как средства коммуникации в процессе конструирования исторической памяти. Новизна исследования заключается в анализе региональных средств коммуникации (на примере Астраханской области), применяемых при социальном конструировании исторической памяти.

Ключевые слова:

средства коммуникации, историческая память, коммеморация, мемориализация, средства массовой информации, общественное сознание, общественное мнение, Великая Отечественная война, социальные сети, пространственные маркеры

Восприятие современным российским обществом событий Великой Отечественной войны.

На современном этапе развития российского общества и государства все большее внимание уделяется проблеме сохранения памяти о прошлом. Ежегодно к изучению общественного мнения обращаются исследователи разных научных направлений и исследовательские организации. Итоги проведенных в 2024 г. ВЦИОМ опросов выглядят оптимистическими. Так, 61% опрошенных называет День Победы самым важным для себя праздником, 89% говорят о Великой Отечественной войне в своей семье, 45% знают о своих родственниках, участвовавших в войне, из семейных архивов, рассказов родных. 56% представителей поколения оттепели и 27% - поколения зумеров хорошо осведомлены о близких – участниках ВОВ. День Победы ассоциируется с днем памяти и скорби (25%), среди поколения, родившегося после 1992г. эта позиция довольно сильна (41-42%). 67% опрошенных воспринимает этот день как самую большую победу в истории российского государства. (9 мая и память о Великой войне // Сайт ВЦИОМ. Дата обращения 06.04.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/9-maja-i-pamjat-o-velikoi-voine>)

Исследователи отмечают, что в результате смены поколений российского общества, изменения форм коммуникации, трансформировалось восприятие исторических событий.

Молодое поколение воспринимает советское время как отдаленное прошлое, не оказывающее непосредственного влияния на настоящее [1]. Если у старшего поколения Великая Отечественная война ассоциировалась с личным опытом, страданиями, смертью родных, то у молодого поколения образ войны формируется рассказами старшего поколения, изучением истории в образовательных организациях, современными СМИ и интернет, что эмоционально отдаляет последних от событий Великой Отечественной войны.

А.А. Андриюшков и др. утверждают, что молодежь не осознает себя наследником целостной истории, поскольку существует разрыв в исторической и культурной преемственности, в обществе отсутствует единое восприятие советского периода, что связано с нивелированием ценностей советского общества в 1990-е гг. [2]

Историческая память имеет значимую роль для сохранения национальной и государственной идентичности. Историческая память формируется разными субъектами, в том числе, государством. Так, в 2022 г. был принят Указ Президента РФ «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», включивший в перечень духовных ценностей ответственность за судьбу Отечества, историческую память, преемственность поколений, единство народов России и др. [3]

Неоспоримая роль в формировании общественного сознания принадлежит средствам массовой коммуникации. Массовая информация носит публичный характер и направлена на удовлетворение потребностей разных социальных групп. Основными средствами массовой информации продолжают быть телевидение и интернет. Цифровые технологии позволяют создавать картины, с большим эффектом воздействующие на эмоции зрителя. Используются компьютерные операции моделирования персонажей, достраивания элементов фона и местности, звук становится более реалистичным, что делает кино понятным и доступным широким массам. В советское время было снято немало фильмов о событиях и героях Великой Отечественной войны. Современные режиссеры продолжают говорить о войне. Кинофильмы о Великой Отечественной войне («Т-34» (2019, Россия), «Солдатик» (2019, Россия, Беларусь), «Я подарю тебе победу» (2019, Россия, Армения), «Подольские курсанты» (2020, Россия), «Калашников» (2020, Россия), «Летчик» (2021, Россия), «Крылья над Берлином» (2022, Россия), «Гигиена Европы» (2023, Россия), «Воздух» (2024, Россия), «Литвяк» (2025, Россия) и др.) обрели популярность и востребованы в современном обществе. Веретенникова И.В. утверждает, что влияние учебной литературы на получение исторических знаний снизилось. Кинофильмы и телепередачи создаются с учетом особенностей восприятия массовым сознанием и являются одним из основных источников информации о войне, которую получает молодое поколение. [4] В монографии «Культурное наследие и связь поколений» высказывается мысль о проблемном состоянии современной исторической науки в осмыслении прошлого, что оказывает влияние на формирование исторического сознания молодого поколения. [5]

Обзор литературы по проблеме исследования.

Исследование средств коммуникации, применяемых при социальном конструировании исторической памяти, занимает одно из главных мест в современной науке. К проблеме обращаются социологи, политологи, историки и др.

Исследованию феномена исторической памяти посвящены труды зарубежных и

российских авторов. Так, М. Хальбвакс ввел понятие «коллективная память» и рассмотрел ее в историческом контексте в труде «Социальные рамки памяти»^[6]. А. Ассман исследует историческую память сквозь призму трагических событий первой половины XX века: Первой и Второй мировых войн, холокоста.^[7] Д. Хайн проводит анализ концепций, рассматривающих взаимосвязь традиционных и цифровых медиа и памяти, приходит к результатам о функциональных возможностях интернета как части культурной памяти и средства ее сохранения.^[8] Х. ван Дейк придерживается концепции медиатизации, считает, что память и медиа настолько связаны друг с другом, что их нельзя исследовать как самостоятельные явления. В частности, автором исследовались процессы взаимосвязи сознания, технологии и культуры.^[9]

Интерес вызывает коллективная монография «Коммеморативные практики как инструмент конструирования общественного сознания» (Казахстан).^[10] В работе авторы делают акцент на тексте исторической памяти, разделяют его на четыре нарратива, соответствующего уровням исторического знания – научный, общественный, официальный и фольклорный. Также существенное внимание уделено визуализации истории.

Проведенный анализ российских исследований показал, что особое внимание в научной среде уделяется коммеморативным практикам. Так, в работе Н.А. Лысовой PR-деятельность рассматривается как одно из направлений государственной политики в сфере культуры. Автор обоснованно утверждает, что ведущая роль в менеджменте PR-деятельности присуща государству, которое и формирует культурную политику. Основное внимание автора приковано к историческим реконструкциям, многообразию «форм представленности коммеморативных репрезентативных практик в исторической реконструкции», а также их продвижению и популяризации. Автор исследует исторические реконструкции как форму репрезентации материальных и духовных ценностей культуры, мемориализации исторического опыта и его утверждения в коллективной памяти.^[11]

В статье Е.А. Токаревой рассмотрены исследуемые социальные практики, свойственные российскому информационному пространству, выражающие политику памяти.^[12]

М.Л. Шуб констатирует, что в настоящее время отсутствует единое понимание сущности коммемораций в современной науке. Обращая внимание на функциональный, содержательный, структурный аспекты данной категории, автор раскрывает ее воспитательный и образовательный потенциал. Исследуя разные концепции проблем формирования исторической памяти, автор приходит к заключению, что они создают особый феномен, сформированный на основе актуальных запросов общества, решающий значимые задачи.^[13] О роли коммеморативных практик в патриотическом воспитании говорится в научной статье М.А. Киндзерской, обращающей внимание на переосмысление феномена памятников и событий Великой Отечественной войны. Автор отмечает их символическое значение.^[14]

К.Э. Сефер исследует паблик-арт в контексте теории «места памяти», метафоризации пространства. Результаты исследования представлены выявлением проблем мемориальной практики, основанных на реальных кейсах паблик-арт проектов. Автор высказывает обоснованное мнение о наружных композициях, выступающих в роли пространственных маркеров, составляющих «карту памяти» города.^[15] Данная позиция автора дает основание для дальнейших исследований коммеморативных практик в

территориальном брендинге, поскольку композиции формируют культурный код территории и образ места, несут смысловую нагрузку.

Отдельные работы в научной среде посвящены социальным проектам, реализуемым региональными СМИ, направленным на формирование историко-культурной памяти о Великой Отечественной войне. Так, П.Н. Хамидуллина анализирует проект «Улица героев», в рамках которого были подготовлены телевизионные сюжеты об улицах, названных в честь Героев Советского Союза, проводит оценку эффективности проекта. Автор обоснованно приходит к выводу, что основа историко-культурной памяти в современном обществе формируется информационной и коммуникационной средой, в том числе медийной. (Хамидуллина П.Н. Телевизионный проект «улица героев» как средство формирования историко-культурной памяти о великой отечественной войне // Культурная память и культурная идентичность / отв. ред. Е.И. Рабинович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 371-374.)

Результаты исследования

Проблема коммуникации в формировании исторической памяти является актуальным направлением. В обществе ощущается потребность в исторической информации. Коммуникация играет важную роль в деле сохранения культурного наследия. Согласимся с мнением Н.А. Лысовой в том, что «принципиально важной оказывается проблема сохранения, трансляции, актуализации и в некоторых случаях реактуализации культурного опыта, культурной памяти и культурного наследия». Е.А. Токарева обращает особое внимание на нарастающий кризис духовной сферы, что требует обращения к исторической памяти. На государственном уровне разработка информационной политики в сфере культуры, ее стратегия и тактика основываются на полученных результатах исследований общественного мнения, при этом учитываются потребности общества и государства. Популяризация и просветительская деятельность, совокупность мер и действий по подготовке и проведению специальных мероприятий выступают основными видами деятельности по формированию общественного мнения об исторических событиях, сыгравших существенную роль в развитии российского общества и государства, утверждению в общественном сознании важных исторических фактов, формированию ценностей, связанных с историческим и культурным опытом.

Как уже было отмечено, коммеморативные практики рассматриваются как средство коммуникации. Коммеморации - акт публичного воспоминания, социальные практики, основой которых стала мобилизованная коллективная память о событиях и личностях, сыгравших в развитии российского общества и государства важную роль. Представленные в различных формах (нарративная (публикации воспоминаний о событиях, литературных и художественных произведений), визуальная (фотографии), монументальная (памятники архитектуры, музеи), церемониальная (формирование традиций празднования памятных дат), художественная (фильмы, книги, театральные постановки и др.) они воздействуют на общественное сознание, сталкиваясь с проблемой смены парадигмы – от полного отрицания советского прошлого до его принятия со всеми противоречиями. Этот факт следует учитывать при планировании и осуществлении коммуникативных программ, направленных на мобилизацию памяти о событиях и личностях Великой Отечественной войны. То, как общество воспринимает и интерпретирует свою историю – в определенной степени результат коммеморации.

Коммуникация в XXI в. претерпела существенные изменения. Применение цифровых технологий стало основой развития новых форм коммуникации. Современные технологии, проникая во все сферы общественной жизни, превратились в ее

интегральную часть. Взаимодействие между людьми приобрело новый формат.^[16] Мануэль Кастельс, развивая идеи о коммуникации в цифровую эпоху, говорил о постепенном совмещении друг с другом горизонтальных сетей коммуникации и традиционных форм однонаправленной массовой коммуникации, а также о возможности разных субъектов генерировать собственный контент и распространять его в киберпространстве.^[17]

Информация о публичных актах воспоминания, чествовании героев, создании экспозиций музеев, посвященных истории и военной тематике, возведении памятников получает широкое освещение в СМИ и интернет, т.к. направлена на широкую общественность.

Следует обратить внимание на тесную связь двух терминов «коммеморация» и «мемориализация». Первый - акт публичного воспоминания, - тесно взаимосвязан со вторым - созданием объектов городского пространства, служащих напоминанием о событиях прошлых лет. Современные исследователи называют такие характеристики коммемораций как публичность, коллективность, ритуальность, ретроориентированность, эмоциональность. Отличительным свойством мемориализации называют ориентированность на создание долгосрочных объектов и пространств, позволяющих сохранить память об историческом событии, личности и др. В качестве таких объектов выступают памятники, мемориалы, музеи и др.

На примере современной Астраханской области проиллюстрируем применение средств коммуникации, направленных на формирование исторической памяти местного населения.

После окончания Великой Отечественной войны в городе и области, как правило, к юбилейным датам воздвигались мемориалы, скульптурные группы, памятники и т.п. В 1965 г. в Братском саду был возведен обелиск и зажжен Вечный огонь, в 1985 - создан Бульвар Победы, открывающийся танком Т-34 и завершающийся памятником погибшим кораблям. В современное время в сквере Победы была возведена стела «Журавли».

Стоит заметить, что процесс коммеморации в городском пространстве реализовывался еще в советское время ^[18]. Тема земляков-героев звучит в мемориальной практике. В 1966 г. на территории школы-интерната был установлен памятник Герою Советского союза Степану Здоровцеву. В послевоенные годы существовала практика присвоения улиц имен героев Великой Отечественной войны - Заслонова, Доватора, Зои Космодемьянской, Криворотова, Бориса Алексеева, Куликова и др. (Улицы с героическими именами. Чем знамениты Борис Алексеев и Наташа Качуевская? // Сайт «Астраханский новостной портал KASPYINFO.RU». Дата обращения 02.02.2025. URL: <https://kaspyinfo.ru/news/komsomolec-kaspiya/29346>). В последние годы число улиц Астрахани, носящих имена героев, продолжает активно пополняться (так, в 2023 г. 26 новым улицам были присвоены имена астраханцев - героев СССР). Присвоение улицам имен героев Великой Отечественной войны символизирует память об отважных летчиках, танкистах, саперах, пулеметчиках, врачах, партизанах (В Астрахани 92 улицы названы в честь героев Великой Отечественной войны // Сайт Администрации муниципального образования «Городской округ город Астрахань». Дата обращения 02.02.2025. URL: <https://astrgorod.ru/news/v-astrahani-92-ulicy-nazvany-v-chest-geroev-velikoy-otechestvennoy-voyny>).

В 2022 г. произошло событие, которое потребовало дополнительных действий по формированию нового представления о городе у населения региона. Указом Президента РФ в 2022 г. городу Астрахани было присвоено почетное звание «Город трудовой

доблести». Этому событию предшествовала работа, инициированная губернатором Астраханской области, по созданию рабочей группы из представителей государственных учреждений культуры, историков и краеведов, результаты которой были подтверждены положительным экспертным заключением РАН, а затем представителями региональной власти и направлены Президенту РФ. Почетное звание «Город трудовой доблести» было присвоено с целью увековечения подвига тружеников тыла во время Великой Отечественной войны. Его удостоиваются города, жители которых внесли значительный вклад в достижение Победы. (Астрахань удостоена почетного звания «Город трудовой доблести» // Сайт Городской Думы Муниципального образования «Городской округ Город Астрахань». Дата обращения 02.02.2025. URL: <https://duma-astrakhan.ru/astraxan-udostoena-pochetnogo-zvaniya-gorod-trudovoj-doblesti/>)

Медиакоммуникация (создание, обработка, трансляция, обмен информацией в массовом, групповом формате по различным каналам массовых коммуникаций [19]) осуществлялась с помощью коммуникативных средств – региональных электронных СМИ, интернет-сайтов органов власти Астрахани и области, групп региональных и местных сообществ. Как правило, именно в региональных каналах можно встретить информацию о событиях, происходящих в нем. Региональные СМИ являются связующим звеном между органами власти, лидерами мнений и жителями региона. Они представляют собой основной источник для исследования регионального информационного пространства.

Используя Интернет, можно формировать общественное мнение об определенных событиях. В роли лидера мнений часто выступает канал, сайт организации, формирующей свою политику. Речевые средства оказывают воздействие на пользователей, формируют общественное мнение. К ним следует отнести объективность в подаче новостей (безэмоциональность, конкретность, точность), прямое воздействие на аудиторию в сообщениях, косвенное воздействие, психологическое воздействие (стабилизирующее и успокаивающее) и др. [20]

Формирование восприятия города Астрахани как города трудовой доблести сегодня является актуальным. Поэтому местная общественность активно вовлекается в коммуникационный процесс посредством:

- голосования за выбор мест для памятных объектов (Так, например, в социальных сетях было проведено «народное голосование» за выбор места для возведения стелы «Город трудовой доблести» к 80-летию Великой Победы. Итоги голосования были объявлены местными СМИ) (Ко Дню Победы в Астрахани установят стелу «Город трудовой доблести» // Сайт «Астрахань24». Дата обращения 02.02.2025. URL: <https://a24.press/news/pobeda/2025-01-25/ko-dnyu-pobedy-v-astrahani-ustanovyat-stelu-gorod-trudovoy-doblesti-182076>);
- информирования о закладке первого камня, ходе строительства и реконструкции памятных объектов (например: «В Астрахани отремонтируют бульвар Победы» // Сайт «Астрахань24». Дата обращения 02.02.2025. URL: <https://a24.press/news/improvement/2025-01-28/v-astrahani-otremontiruyut-bulvar-pobedy-182328>);
- участия в открытии памятников, мемориалов и т.п.

Следует отметить, что в сообщении о планах установки стелы использовались такие речевые средства как объективность информации (сообщалось о дате подписания Указа Президента РФ о присвоении почетного звания городу), также указывалось, что место

установки стелы было выбрано большинством астраханцев, принявших участие в голосовании. В сообщении использовались слова, направленные на эмоции и чувства аудитории, подчеркивающие значимость и важность устанавливаемого объекта. Для косвенного воздействия на общественное сознание использовались следующие выражения: «Стела станет еще одним символом бесконечной благодарности астраханцам за их трудовой подвиг»; «Эта стела имеет огромное значение для каждого астраханца. Уверен, она станет местом притяжения как для жителей города, так и для гостей» (Стела «Город трудовой доблести» станет новым символом Астрахани // Сайт Астраханского регионального отделения партии «Единая Россия». Дата обращения 01.04.2025. URL: <https://astrakhan.er.ru/activity/news/stela-gorod-trudovoj-doblesti-stanet-novym-simvolom-astrahani>). Таким образом, в информационных сообщениях применялись выражения, которые подчеркивают значимость и важность установки стелы, а также ее потенциальное влияние на жизнь города.

Также следует учесть, что в процессе формирования исторической памяти существенная роль традиционно отводится музеям. Современные музеи обладают спецификой коммуникации, что вызвано введением мультимедийных технологий в музейный коммуникационный процесс. Традиционная деятельность музея перестала восприниматься в условиях цифрового века и требует изменения музейного пространства.^[21] Современные цифровые технологии позволяют привлечь общественность не только текстом, но и видеофрагментами, анимацией, изображениями и др., что следует учитывать при разработке коммуникационных проектов. Следует констатировать, что данное направление коммуникации в регионе недостаточно развито.

Таким образом, коммуникация имеет важное место в формировании общественного сознания. Элементы, наполняющие городское пространство в последние годы, следует охарактеризовать как пространственные маркеры, составляющие «карту памяти» города. С одной стороны, создание памятников, музеев, мемориальных комплексов, присвоение улицам имен героев - инструмент формирования культурной идентичности. С другой - выполняя коммуникативные и просветительские функции, осуществляется воздействие на общественное сознание посредством медийных и структурных каналов коммуникации, формируются бренд территории.

Библиография

1. Прошлое, которое не уходит: культурная травма, историческая память и идентичность / Отв. ред. А. В. Митрофанова. М.: ФНИСЦ РАН, 2023.
2. Андрюшков А.А., Ключ А.Г., Михайловский А., Сергеев Ю.Н. Особенности отношения молодёжи к российской истории: влияние профессиональных полей и ценностных позиций // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 11. С. 95-107. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-11-95-107 EDN: MYTBAL.
3. Лиханова Т.Ю. Социокультурные аспекты трансформации национального самосознания в постсоветский период: социально-политический анализ // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 4. С. 55-64.
4. Веретенникова И.В. Феномены отражения в массовом сознании исторических событий Великой Отечественной войны // Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2023. № 19. С. 151-154. EDN: HFXYKI.
5. Культурное наследие и связь поколений / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023.
6. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. EDN: QXSOF.
7. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика /

Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

8. Hein D. Erinnerungskulturen online. Angebote, Kommunikatoren und Nutzer von Websites zu Nationalsozialismus und Holocaust. Konstanz: UVK, 2009.

9. Van Dijck J. Mediated memories in the digital age. Stanford/Ca.: Stanford University Press, 2007.

10. Коммеморативные практики как инструмент конструирования общественного сознания / Под ред. Е. Медеубаева. Астана: Казахстанский институт общественного развития, 2023.

11. Лысова Н.А. PR-деятельность в сфере реализации государственной культурной политики (на примере продвижения исторической реконструкции как направления коммеморативной репрезентации) // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 7 (389). Вып. 101. С. 97-103. EDN: WLWRXT.

12. Токарева Е.А. Историческая память, практики коммемораций и современная политическая история // Вестник МГПУ. Серия "Философские науки". 2021. № 3 (39). С. 28-36. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.03 EDN: EKNBBS.

13. Шуб М.Л. Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал // Челябинский гуманитарий. 2016. № 3 (36). С. 80-87. EDN: WWJVYB.

14. Киндзерская М.А. Памятники героям и событиям Великой Отечественной войны, их роль в патриотическом воспитании // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 3. С. 26-30. EDN: МУНУWY.

15. Сефер К.Э. Актуальные коммеморативные арт-практики (на примере паблик-арта) // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2022. № 1 (41). С. 91-103. DOI: 10.22405/2304-4772-2022-1-1-91-103 EDN: НХНВІQ.

16. Якушина О.И. Современные цифровые средства коммуникации и их влияние на построение личных отношений // Теория и практика общественного развития. 2023. № 7. С. 97-106. DOI: 10.24158/tipor.2023.7.13 EDN: PZDZFD.

17. Кастельс М. Власть коммуникации / Пер. с англ. Н. М. Тылевич. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.

18. Широков О.Н., Широкова М.А., Андреев О.В. Город как пространство памяти: мемориализация Великой Отечественной войны в названиях улиц г. Чебоксары // Вестник Чувашского университета. 2019. № 4. С. 271-275. EDN: MBPZYС.

19. Попов С.А. Региональные средства массовой коммуникации как источник для топонимического мартиролога // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 90-96. DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_90 EDN: BSZІWF.

20. Попова И.Л. Формирование общественного мнения в социальных сетях // Вестник Тверского государственного университета. Серия "Филология". 2024. № 1 (80). С. 236-244. DOI: 10.26456/vtfilol/2024.1.236 EDN: YUQXIV.

21. Историческая память: истоки и современные смыслы / Под общ. ред. Б.П. Черника. Новосибирск: Агентство "Сибпринт", 2024.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена изучению средств коммуникации, применяемых при социальном конструировании исторической памяти. Предмет исследования достаточно актуален, занимает одно из главных мест в современной науке и определяется «проблемным состоянием современной исторической науки в осмыслении прошлого, что

оказывает влияние на формирование исторического сознания молодого поколения». Принимая во внимание неоспоримую роль средств массовой коммуникации в формировании общественного сознания, видится необходимым изучить возможности масс-медиа в конструировании исторической памяти.

Теоретической основой научной работы обоснованно явились труды по вопросам исторической памяти, культурному наследию и связи поколений, коммеморативным практикам, PR-деятельности в сфере реализации государственной культурной политики, формированию общественного мнения в социальных сетях таких российских и зарубежных исследователей, как М. Л. Шуб, Е. А. Токарева, Н. А. Лысова, З. Х. Саралиева, М. А. Киндзерская, Т. Ю. Лиханова, И. Л. Попова, М. Хальбвакс, А. Ассман, М. Кастельс, К.Э. Сефер и др. Библиография включает 21 источник, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Следует отметить высокую актуальность использованных источников, что еще раз свидетельствует о повышенном интересе научного сообщества к изучаемому вопросу. Методология исследования определена поставленной целью и задачами и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод; обзор научной литературы, социокультурный и когнитивный анализы; дискурс-анализ.

В ходе исследования рассмотрено восприятие современным российским обществом событий Великой Отечественной войны («Если у старшего поколения Великая Отечественная война ассоциировалась с личным опытом, страданиями, смертью родных, то у молодого поколения образ войны формируется рассказами старшего поколения, изучением истории в образовательных организациях, современными СМИ...»), проанализированы научные работы по исследованию феномена исторической памяти и коммеморативным практикам и т. д., на примере современной Астраханской области проиллюстрировано применение средств коммуникации, направленных на формирование исторической памяти местного населения. Сформулированы выводы о том, что коммуникация имеет важное место в формировании общественного сознания: «выполняя коммуникативные и просветительские функции, осуществляется воздействие на общественное сознание посредством медийных и структурных каналов коммуникации, формируются бренд территории».

Проведенное исследование имеет теоретическую значимость и практическую ценность: оно вносят определенный вклад в изучение возможностей средств массовой информации воздействовать на общественное сознание, в том числе при социальном конструировании исторической памяти. Полученные результаты могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и при разработке курсов по медиалингвистике, теории дискурса и лингвистике текста.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль статьи отвечает требованиям научного описания. Рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лобанова Т.Н., Середенко В.М. Языковые средства экспрессии и аксиологические стратегии в медиатекстах по проблематике торговой войны Дональда Трампа между США и КНР // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.74114 EDN: DHWHMQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74114

Языковые средства экспрессии и аксиологические стратегии в медиатекстах по проблематике торговой войны Дональда Трампа между США и КНР

Лобанова Татьяна Николаевна

ORCID: 0000-0003-4901-3251

доктор филологических наук

профессор; кафедра индоевропейских и восточных языков; Государственный университет
просвещения
директор Регионального центра китайского языка и китаеведения; ГУП

141031, Россия, Московская область, г. Мытищи, ул. Малая Бородинская, 1, кв. 1

✉ lobanovaty@mail.ru

Середенко Владимир Михайлович

кандидат филологических наук

старший преподаватель; кафедра Дальневосточных языков; Военный университет имени князя
Александра Невского

117335, Россия, г. Москва, ул. Фонвизинская, 7А, кв. 60

✉ ichi210@mail.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.74114

EDN:

DHWHMQ

Дата направления статьи в редакцию:

15-04-2025

Аннотация: Современная сопоставительная парадигма включает разноаспектное и комплексное исследование значимых явлений структурного, функционального и лингвопрагматического порядка языков мира. Для анализа избирается феномен медийного политического дискурса и торговых войн США-Китая на трех языках

(английский, китайский и русский). Впервые исследовательским предметом выступают языковые средства экспрессии в медиатекстах на основании высказываний и речей Дональда Трампа в аспекте лингвоаксиологии медийного и военно-политического дискурса по тематике торговых войн 2025 г. Лидер американской нации Дональд Трамп как выступающий публично политик в современных геополитических условиях должен стремиться эффективно использовать экспрессивные возможности языка с целью убеждения аудитории в правильности своего курса, идей и создания положительного образа своей личности. Изучение функционирования языка Дональда Трампа и используемых им дискурсивных практик в политической риторике является актуальнейшим направлением современной фундаментальной и прикладной лингвистики. Целью статьи является изучение языковых средств экспрессии в медиатекстах по проблематике американско-китайской торговой войны Дональда Трампа в 2025 г. с привлечением функционального подхода (в медийном и военно-политическом дискурсе). Методами исследования выступают дефиниционный анализ, дискурс-анализ, переводческий и лингвокультурологический анализ и др. Основное содержание сконцентрировано вокруг анализа понятий «языковые средства экспрессии», «лингвоаксиология», «политическая риторика Дональда Трампа», «торговые войны» именно с лингвистической точки зрения. Цифровой медиатекст выступает в качестве единицы анализа при изучении современных китайязычных и англоязычных (цифровых) медиа. В рамках данного исследования изучаются такие медиа-источники, как 《环球网》, 《搜狐》, The South China Morning Post, The New York Times, Fox News, The Washington Post, USA Today, The Wall Street Journal и др. Выбор данных цифровых медиа-ресурсов обусловлен тем, что они освещают широкий спектр новостной повестки международного и внутривнутриполитического характера, которые затрагивают как геополитическую, так и общественно-социальную с экономической повестки. Представляется, что такое тематическое разнообразие материала позволит всесторонне изучить проблематику торговых войн Китая и США, а также языковых средств экспрессии в политической риторике Дональда Трампа.

Ключевые слова:

лингвоаксиология, военно-политический дискурс, языковые средства, экспрессия, политическая риторика, Дональд Трамп, цифровой медиатекст, торговые войны, китайязычные медиа, англоязычные медиа

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проводимого исследования заключается в том, что в нем изучаются языковые средства экспрессии в медиатекстах по проблематике американско-китайской торговой войны Дональда Трампа в 2025 г. и вычленяется феноменология лингвоаксиологии военно-политического дискурса (далее – ВПД) в двойке «США-Китай» в связи с развязанной Дональдом Трампом американско-китайской тарифной войной, отражающейся в материалах современных китайязычных и англоязычных (цифровых) медиа. Как в перспективе будут развиваться международные отношения в треугольнике «Россия-Китай-США» во многом зависит не только от факторов управления санкциями и дальнейшей милитаризации/демилитаризации [\[2\]](#), но и от факторов лингвистического характера, где языковые средства экспрессии и языка переговоров и договоренностей играют не последнюю роль.

Становление феноменологии лингвоаксиологии предполагается изучать в рамках медийного политического и военно-политического дискурса США и Китая по проблематике американско-китайской торговой войны. Становление феноменологии лингвоаксиологии предполагается изучать в рамках военно-политического дискурса в двойке «США-Китай» и американско-китайской торговой войны. Торговая война между США и КНР продолжает оставаться в центре внимания глобальных новостей, а китайские и американские медиа тщательно анализируют её последствия для мировой экономики. С недавним повышением тарифов со стороны США для всего мира, ситуация становится всё более напряженной.

Эскалация торгового конфликта между США и Китаем может нанести серьезный ущерб цепочкам поставок как в Китай, так и США с непредсказуемыми последствиями. Торговая война между США и КНР продолжает оставаться в центре внимания глобальных новостей, а китайские и американские медиа тщательно анализируют её последствия для мировой экономики. С недавним повышением тарифов со стороны США для всего мира, ситуация становится всё более напряженной.

В противостоянии США и Китай в экономической сфере, торговле З. Бжезинский указывал на то, что «официальная позиция Китая тоже отражает очевидную культурологическую враждебность к поддерживаемой США глобализации» <...> «Парадоксально, но именно приверженность Китая глобализации, а не противодействие ей может стать препятствием для мирового экономического господства США» [\[2, с. 200\]](#). Очевидно, в силу данного фактора в 2025 г. Китай спокойно реагирует на вводимые Д. Трампом тарифы. Изучение лингвистических вопросов феноменологии политической риторики Дональда Трампа в современных китаеязычных и англоязычных (цифровых) медиа-источниках в аспекте использования языковых средств экспрессии по проблематике торговой войны 2025 г. в русле лингвоаксиологической парадигматики и медиадискурса выступает неотъемлемой частью теории языка, переводоведения, дискурса и медиакommunikаций, так и смежных прикладных гуманитарных областей научного знания.

МЕТОДОЛОГИЯ, МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена изучению языковых средств экспрессии в медиатекстах по проблематике американско-китайской торговой войны Дональда Трампа в 2025 г., а также феноменологии лингвоаксиологии военно-политического дискурса США и Китая в русле антропологической парадигмы. Изучение функционирования языка Дональда Трампа и используемых им дискурсивных практик в политической медиа-риторике является актуальнейшим направлением современной фундаментальной и прикладной лингвистики.

Теоретической базой исследования послужили работы авторов, которые посвящены проблематике дискурса в китаеязычном и англоязычном медиасегменте [\[1\],\[5\],\[9\]](#), концепции авторов по прагмалингвистике и лингвоаксиологии [\[5\],\[6\],\[7\]](#), а также работы по изучению стратегий и тактик речевого воздействия Д. Трампа [\[4\]](#) и др.

Междисциплинарный подход позволит пролить свет на природу военно-политического медийного дискурса США и Китая, выделить его сущностную природу, проследить дискурсивные практики и проанализировать языковые средства экспрессии в медиаматериалах. Термин «военно-политический дискурс» сопряжен с терминами, номинирующими другие виды дискурсов (политический, медийный, масс-медийный,

риторический), которые ученые рассматривают в различных исследованиях. Так политическую риторику зачастую соотносят с риторическим дискурсом или массмедийным риторическим дискурсом [11]. Патриотическая риторика также может служить исследовательским предметом или фокусом в анализе риторического дискурса. Кроме того, возможно изучать культурно-специфические дискурсивные практики реализации патриотической риторики Китая в сопоставительном аспекте на различных языках и устанавливать риторические стратегии с учётом разных адресатов.

Целью статьи является изучение языковых средств экспрессии в медиатекстах по проблематике американско-китайской торговой войны Дональда Трампа в 2025 г. с привлечением функционального подхода (в медийном и военно-политическом дискурсе). Любая знаковая структура с точки зрения семиотики может быть рассмотрена в качестве текста, если эта структура обладает целостным значением и целостной функцией. Соответственно, мы вычленим цифровой медиатекст китайского и английского (американского) военно-политического дискурса в качестве единицы анализа при вычленении и изучении языковых средств экспрессии в материалах современных китаеязычных и англоязычных (цифровых) медиа.

Материалом для отбора цифровых медиатекстов послужили публикации информационных китаеязычных и англоязычных ресурсов-медиаисточников:《环球网》,《搜狐》, The South China Morning Post, The New York Times, The Washington Post, The Wall Street Journal и др. Эмпирическую базу составили аналитические медиапубликации по тематике тарифных и торговых войн Дональда Трампа с Китаем в 2025 г. Всего было рассмотрено 30 публикаций и постов. Хронологически выборка ограничена периодом старта торговой войны в 2025 г.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЭКСПРЕССИИ В МЕДИАТЕКСТАХ ПО ПРОБЛЕМАТИКЕ ТОРГОВЫХ ВОЙН 2025 Г.

Лидер нации Дональд Трамп как выступающий публично политик в современных геополитических условиях стремится эффективно использовать экспрессивные возможности языка с целью убеждения аудитории в правильности своего курса, идей и создания положительного образа своей личности. Выбор языковых средств экспрессии как политиком, так и аналитиками в медиапубликациях не может быть случайным: они представляют собой результат сочетания сдержанности, уверенности в себе наряду с эмоциями и оценками. Под экспрессией в данной статье «круг оттенков, выраженных словом» [3, с. 25]. Учитывая современные достижения лингвистической науки в «экспрессию» считаем целесообразным включить экстралингвистические артефакты в рамках конкретного дискурса.

Изучая стратегии и тактики речевого поведения Д. Трампа, исследователь Д. С. Гальчук подчеркивает, что Трамп «апеллируя к ценностям американцев, упоминает в своих постах такие темы, как прекращение роста преступности, повышение заработной платы и рост экономики, избавление от «дыр» (loopholes) в законах. В качестве паравербальных средств используется прием капитализации (заглавных букв): LAW FUL. Так Трамп акцентирует внимание коллективного адресата на том факте, что все будет в рамках закона. Опираясь также на тактику единения, президент вводит американцев в свой круг (ср. категорию чуждости Е. И. Шейгал) по средством личного местоимения *we* и наречия *together* или *with your help*» [4, с. 33].

Основными стратегиями политического дискурса президента США Д. Трампа выступают стратегии самопрезентации, дискредитации, самозащиты, агитационная. Каждая

стратегия представлена рядом тактик, реализованных посредством определенных маркеров на лексико-семантическом, лексико-грамматическом и синтаксическом уровнях, что обеспечивает адресанту достижение прагматических целей коммуникации. Синхронно стратегии работают на убеждение электората в правильности курса политика [\[4, с. 33\]](#).

С точки зрения динамики реализации медийного дискурса, лингвоаксиологическая компонента (аксиологическая стратегия) состоит в последовательном применении дискурсивных практик в аналитике тематики торговой войны в 2025 г., в данном случае темы американско-китайских тарифов, исходя из коммуникативной и дискурсивной позиций говорящего/пишущего в медиа. Средства экспрессии Д. Трампа используются умеренно, сбалансированно. В статье рассмотрены экспрессивные средства различных языковых уровней.

Пример 1. В статье "Trump inserts himself into Japan tariff talks as China's Xi seeks Asia deals" [Трамп ввязывается в переговоры по тарифам в Японии, в то время как китайский лидер Си стремится к сделкам в Азии] медиаиздания The South China Morning Post (англоязычное гонконгское издание) [\[10\]](#) обнаруживает себя следующий спектр приемов и языковых средств экспрессии, характеризующих язык китайского (англоязычного) медийного дискурса по тематике американско-китайских и американско-азиатских торговых войн:

1) визуализация размера тарифов США в отношении азиатских партнеров в формате инфографики в медиапубликации (см. рис. 1):

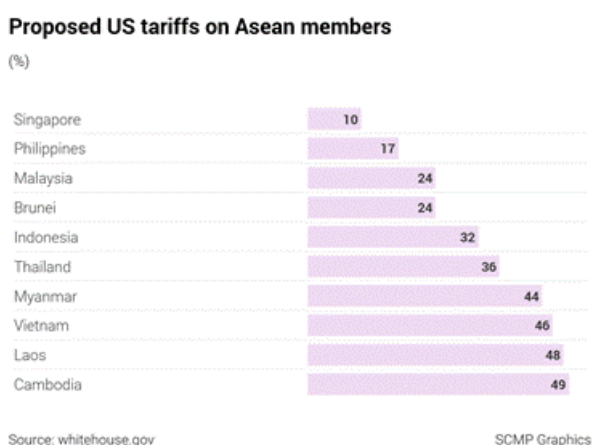

Рис. 1. Визуальный ряд – инфографика в медиапубликации "Trump inserts himself into Japan tariff talks as China's Xi seeks Asia deals" [\[10\]](#)

2) эмоционально-образное и провокативное воздействие на читателя посредством использования сравнения, перифраза и метафор: "US President Donald Trump on Wednesday inserted himself directly into trade talks with Japanese officials, a sign of the high stakes for the United States after **its tariffs rattled the economy** and caused the administration to assure the public that it would quickly reach deals." [«Президент США Дональд Трамп в среду принял непосредственное участие в торговых переговорах с японскими чиновниками, что свидетельствует о высоких ставках для Соединенных Штатов после того, как **его тарифы потрясли экономику** и заставили администрацию заверить общественность, что она быстро достигнет договоренностей.»];

3) использование приема капитализации (заглавных букв) как паравербального средства: "Hopefully something can be worked out which is good (GREAT!) for Japan and

the USA!" Trump wrote in the social media post. [«Надеюсь, удастся выработать что-то хорошее (GREAT!) для Японии и США!» написал Трамп в в своей социальной сети. »];

4) «всплывающее» окно-гипертекст [\[8\]](#) "US-China Trade War" [«Американско-китайская торговая война»] с возможностью перехода по ссылкам к наиболее актуальным публикациям по данной проблематике; применение приема карикатуры (см. рис. 2):

Рис. 2. Визуализация торговой войны 2025 г. в электронном издании The South China Morning Post [\[10\]](#) и карикатура в медиаиздании 搜狐 [\[13\]](#)

Пример 2. В статье "Trumponomics Is a Delusion", опубликованной в медиаиздании The New York Times [Трампономика – это заблуждение] [\[11\]](#), несущей экономическую повестку, находим следующие языковые средства экспрессии:

1) инновационная номинация трамповской экономической модели:

"Trumponomics" [Трампономика];

2) цитирование высказываний из речей Трампа в качестве аргументации критики журналистами и аналитиками происходящего: "America is being ripped off," he said later. "We're a debtor nation, and we have to tax, we have to tariff, we have to protect this country." [«Америку обдирают», - сказал он позже. «Мы – нация-должник, и мы должны платить налоги, мы должны взимать тарифы, мы должны защищать эту страну».] [\[11\]](#) ;

3) визуализация политической метафоры (см. рис. 3):

Рис. 3. Визуализация политических метафор в "TheNewYorkTimes"

Как видно из примеров анализа выше, в медиа США политические метафоры образа по кейсу «Торговые войны и экономика 2025» могут быть визуализированы и поддержаны не только в новостях или статьях общего характера, но и в серьезных

специализированных изданиях.

Китаеязычные медиа в гораздо большей степени демонстрируют средства экспрессии: это обусловлено цензурой прямых номинаций и избытием средств метафоризации в китайском политическом медиадискурсе (лингвистических и визуальных).

Пример 3. В китаеязычной статье [《中美贸易战2025: 硝烟再起, 中国为何敢“硬刚”?》](#) ^[12] [Торговая война между Китаем и США 2025: снова дым (от оружия). Почему Китай решается на «жесткую» позицию?] медиатекст китайского политического дискурса характеризуется следующими стилистическими средствами:

1) избытие метафор, сравнений и перифразы: “贸易战没有赢家, 但中国已证明“尊严只能靠斗争赢得” 特朗普的“梭哈式冒险”暴露了美国霸权的焦虑, 而中国以“反制铁拳”向世界证明: 妥协换不来尊重, 唯有实力才能赢得平等对话权。” [В торговой войне нет победителя, но Китай доказал, что «авторитет можно завоевать только в борьбе». «Авантюра Трампа в формате «карточной игры» подсветила тревожность США по поводу гегемонии, а Китай своим «железным кулаком противодействия» доказал всему миру, что «компромисс нельзя обменять на уважение». Китайский «железный кулак противодействия» доказывает всему миру: компромисс нельзя обменять на уважение, только силой можно завоевать право на равноправный диалог].

2) аргументация статистикой с использованием стилистических средств экспрессии: “中方“精准打击”策略中国反制措施直击美国痛点:

- **稀土武器**: 全球95%稀土精炼产能掌握在中国手中, F-35战机生产线库存仅能维持11个月, 若断供将重创美国军工。

- **产业狙击**: 大豆、飞机等关税针对共和党票仓, 16家美企被列入实体清单, 特斯拉上海工厂扩建计划被迫暂停。” [Стратегия «точного удара» Китая. Китайские контрмеры бьют США по больному месту:

- **Редкоземельное оружие**: 95% мировых мощностей по переработке редкоземельных металлов находится в руках Китая, запасов истребителей F-35 хватит лишь на 11 месяцев, если поставки будут прекращены, это ударит по военной промышленности США.

- **Промышленные снайперы**: тарифы на соевые бобы, самолеты и многое другое нацелены против республиканского электората; 16 американских компаний добавлены в черный список, планы Tesla по расширению завода в Шанхае приостановлены].

Пример 4. В китаеязычной статье [《关税争端, 中国取得了辉煌胜利, 外媒报道: 美国海关发布免税清单》](#) ^[14] [В тарифной войне Китай одерживает блестящую победу, сообщают зарубежные СМИ: таможня США опубликовала список беспошлинных товаров] медиатекст китайского политического дискурса характеризуется следующими стилистическими средствами:

1) риторический вопрос, восклицание: 可不是! 正因为咱们中国毫不退让的反击, 才让特朗普最后扛不住了。中国对特朗普发动的关税战进行了强有力的反制, 真的是牛啊, 最后特朗普也只好妥协了。外媒曝光了美国海关发布的豁免清单, 嘿, 你猜怎么着? 中国的关税也被美国给免掉了。[Но нет! Именно благодаря непреклонной контратаке Китая Трамп не смог в итоге одержать победу. Решительный отпор Китая на тарифную войну, развязанную Трампом, был действительно «бычьим»: в итоге Трампу пришлось пойти на компромисс. Зарубежные СМИ обнародовали список исключений, выданных таможенной службой США, и знаете что? Китайские пошлины также были исключены США.].

Пример 5. В [《关税争端, 中国取得了辉煌胜利, 外媒报道: 美国海关发布免税清单》](#) ^[14] [В тарифной

войне Китай одерживает блестящую победу, сообщают зарубежные СМИ: таможня США опубликовала список беспошлинных товаров] средствами экспрессии выступают риторические вопросы аудитории и прием персонификации: *这句话让很多国家都怒了, 谁不知道你们美国的船只好、港口多。靠着这些好船, 你能省下多少运输费用啊? 那么多港口, 走多少港口能分到钱呀? 就这样, 你还想把关税搞得和别人一样, 真有意思。那你干脆把港口让给我们, 我们的关税比你低一个百分比, 甚至二十个, 看看效果如何。[Такое заявление разозлило многие страны, которые не знают, что у вас, Соединенных Штатов, есть качественные суда и много гаваней. С такими кораблями, сколько вы можете сэкономить на транспортных расходах? Сколько портов вы можете поделить между собой? Вот так! А вы хотите, чтобы ваши тарифы были такими же, как у всех остальных? Это смешно. Почему бы вам просто не отдать нам эти порты, и наши тарифы будут на одиннадцать процентов ниже, а то и на двадцать? Посмотрим, что из этого выйдет!]*.

Таким образом, в китайской речевой культуре медиа языковые средства экспрессии представлены в значительной мере. Культурно-обусловленные особенности китайскоязычной и англоязычной риторики медийного и военно-политического дискурса Китая по проблематике американско-китайских торговых войн 2025 несколько различаются в части применения языковых средств экспрессии: китайскоязычные медиа в большей степени разнообразнее стилистически и богаче. Языковые средства экспрессии представлены в нескольких видах: 1) метафора; 2) сравнения, перифраз, персонификация и противопоставление; 3) национальные нарративы; 4) устойчивые выражения; 5) прецедентные феномены и др.

Исследование также выявило, что достаточно большое число китайских языковых средств экспрессии лакунарно; их семантику определяют китайские фразеологизмы, топонимы, антропонимы: зачастую их достаточно сложно передать на русский язык при помощи дословного перевода или подобрать эквивалент без описательного перевода в связи с различиями в национально-культурной специфике русского и китайского народов.

Заключение

Стратегия Трампа может показаться хаотической, допускающей кучу ошибок. В американской политической культуре есть целая культура ошибок. Суть в том, что если ошибка мелкая, если потом исправлять её не будет слишком дорого, то проще именно исправлять, чем не допускать ошибок вообще. Трамп – носитель именно этой культуры. Поэтому то, что может казаться стратегией полной ошибок, на самом деле является аксиологическим ориентиром американской политической культуры на данном историческом этапе: просто прощупывание ситуации методом «тычков»: попробовали тут — не получилось, отступаем, пробуем дальше.

Данное исследование показывает, что языковые средства экспрессии отражают лингвокультуру в целом; их функционирование в медиатекстах политического дискурса обусловлено некоторыми факторами: 1) традиционностью и ритуальностью, наличием мифологических символов; 2) потребностью создания авторских метафор или перифраза в силу института китайского цензора; 3) потребностью в номинации политических явлений в медиасегменте для американского и китайского общества и др. Политический медиадискурс КНР и США задействует стилистические средства, возвышенную лексику и языковые средства экспрессии для формирования положительного или отрицательного медиаобраза субъекта (Дональда Трампа) и проводимой им политики в целом как для внутреннего потребителя (на территории КНР), так и для зарубежного потребителя медиаконтента. Это своего рода пример того, как правильное использование языковых

средств и приемов помогает привлекать медиа-аудиторию и вовлекать ее в политический медиадискурс. Исследование также продемонстрировало, что англоязычный политический медиадискурс тяготеет к стилистической нейтральности, в то время как китайский политический медиасегмент мастерски использует языковые средства экспрессии для коммуникации и формирования эмоциональной связи со своей аудиторией.

Библиография

1. Бай Сюэ. Дискурсивно-прагматические аспекты патриотической риторики Китая на китайском и английском языках: автореферат дис. ... канд. филологических наук: 5.9.8. Владивосток, 2024.
2. Бжезинский Збигнев. Выбор; Стратегический взгляд. Москва: Изд-во АСТ, 2023.
3. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г. А. Золотовой. М.: Русский язык, 2001.
4. Гальчук Д. С. Стратегии и тактики речевого воздействия Д. Трампа (на материале постов об иммиграционном кризисе на южной границе США) // Политическая лингвистика. 2021. № 4 (88). С. 29-34. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_04_03. EDN: UYVANM.
5. Лобанова Т.Н., Середенко В.М. Лингвоаксиология военно-политического дискурса (на материале китаеязычных и англоязычных медиаресурсов) // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С. 157-171. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.72932 EDN: OGYNEY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72932
6. Матвеева Г. Г. Основы прагмалингвистики: учебник. Москва: ИНФРА-М, 2022.
7. Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М. С. Милованова (отв. ред.), К. Я. Сигал, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Б. И. Фоминых, Н. А. Боженкова, Л. М. Гончарова, А. Н. Матрусова, Р. Р. Шамсутдинова; ИЯз РАН, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. М.: Ярославль: Издательство "Канцлер", 2022. EDN: EJEYWX.
8. Стройков С. А. Англоязычный электронный гипертекст как объект лингвосемиотического исследования: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 5.9.8. Волгоград, 2024. EDN: MOJDLN.
9. Paltridge B. Discourse Analysis. London, New Delhi, New York: Bloomsbury Academic, 2012.
10. Trump inserts himself into Japan tariff talks as China's Xi seeks Asia deals // The South China Morning Post. URL: https://www.scmp.com/news/world/united-states-canada/article/3306821/trump-inserts-himself-japan-tariff-talks-chinas-xi-seeks-asia-deals?module=top_story&pgtype=homepage (дата обращения: 16.04.25).
11. Trumponomics Is a Delusion // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2025/04/16/opinion/trump-tariffs-trumponomics.html> (дата обращения: 16.04.25).
12. 中美贸易战2025:硝烟再起, 中国为何敢“硬刚”? URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1828979102810968042&wfr=spider&for=pc>.
13. 反转! 特朗普暂停对墨加征税, 只为围堵中国? 这招棋高明在哪? 搜狐. URL: https://www.sohu.com/a/855559587_122140578 (дата обращения: 15.02.25).
14. 关税争端, 中国取得了辉煌胜利, 外媒报道:美国海关发布免税清单. 人生真谛. URL: https://mbd.baidu.com/newspage/data/landingsuper?context=%7B%22nid%22%3A%22news_9413194782347797088%22%7D&n_type=1&p_from=4 (дата обращения: 17.04.25).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию языковых средств экспрессии в медиатекстах по проблематике торговой войны Дональда Трампа между США и КНР, а также феноменологии лингвоаксиологии военно-политического дискурса в русле антропологической парадигмы. Актуальность работы аргументируется тем, что «международные отношения в треугольнике «Россия-Китай-США» во многом зависят не только от факторов управления санкциями и дальнейшей милитаризации/демилитаризации, но и от факторов лингвистического характера, где языковые средства экспрессии и языка переговоров и договоренностей играют не последнюю роль». Видится важным изучение категории экспрессивности как одного из основных приемов в медиа-дискурсе и дискурсивных практик в политической медиа-риторике, в том числе на примере политического дискурса Дональда Трампа.

Теоретической основой работы обоснованно явились труды по прагмалингвистике и лингвоаксиологии, вопросам дискурса в китаеязычном и англоязычном медиасегменте, по изучению стратегий и тактик речевого воздействия Д. Трампа таких российских и зарубежных ученых, как В. В. Виноградов, Д. С. Гальчук, Т. Н. Лобанова, В. М. Середенко, С. А. Стройков, Збигнев Бжезинский, Брайан Пэлтридж, Сюз Бай и др. Библиография составляет 14 источников, в том числе 4 электронных ресурса, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Следует отметить высокую актуальность использованных источников, что еще раз свидетельствует о повышенном интересе научного сообщества к изучаемому вопросу.

Методология исследования определена поставленной целью и задачами и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; общелингвистические методы наблюдения и описания, сравнительно-сопоставительный метод, количественный анализ, а также методы когнитивного и дискурсивного анализа. Эмпирическую базу составили аналитические медиапубликации по тематике тарифных и торговых войн Дональда Трампа с Китаем в 2025 г. Всего рассмотрено 30 публикаций и постов. Хронологически выборка ограничена 2025 г.

В ходе исследования проведен качественный, количественный и критический анализ языковых средств экспрессии в американских и китайских медиатекстах по проблематике торговых войн 2025 г. между данными странами; выявлены основные отличия в использовании языковых средств экспрессии в политическом медиадискурсе КНР и США; сформулированы обоснованные выводы о том, что «языковые средства экспрессии отражают лингвокультуру в целом», функционирование которых в медиатекстах политического дискурса обусловлено «традиционностью и ритуальностью, наличием мифологических символов; потребностью создания авторских метафор или перифраза; потребностью в номинации политических явлений в медиасегменте для американского и китайского общества» и др. Исследование также продемонстрировало, что «англоязычный политический медиадискурс тяготеет к стилистической нейтральности, в то время как китайский политический медиасегмент мастерски использует языковые средства экспрессии для коммуникации и формирования эмоциональной связи со своей аудиторией».

Результаты, полученные в ходе исследования, однозначно имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в такие разделы знания, как теория дискурса, категория экспрессивности и лингвоаксиология, могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и при разработке курсов по теории языка, стилистике, переводоведению, политической

риторике и медиакоммуникациям и в смежных прикладных гуманитарных областях научного знания.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Работа выполнена в русле современных научных подходов. Стил ь изложения отвечает требованиям научного описания. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чэнь К. Метафорический дискурс в традиционной китайской медицине на основе теории пяти стихий // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.73746 EDN: DIAWQY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73746

Метафорический дискурс в традиционной китайской медицине на основе теории пяти стихий

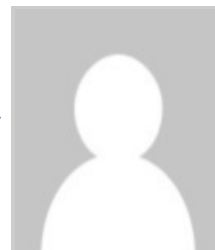
Чэнь Ко

ORCID: 0009-0004-6334-8351

аспирант; кафедра иностранных языков филологического факультета; Российский университет дружбы народов

119361, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10-2а

✉ kuo.chen@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.73746

EDN:

DIAWQY

Дата направления статьи в редакцию:

18-03-2025

Аннотация: Данная статья посвящена изучению метафорического дискурса на основе теории пяти стихий в текстах традиционной китайской медицины (ТКМ). Предметом исследования данной статьи является метафорический дискурс на основе теории пяти стихий в классических работах ТКМ. Цель данной статьи – исследовать метафорическую когнитивную систему пяти стихий в теории пяти стихий как первоисточник, чтобы понять, как древние, благодаря знанию о пяти стихиях, использовали природные характеристики для интерпретации физиологических особенностей человеческого тела, функций внутренних органов, явлений патологии, диагностики, лечения и другие понятия ТКМ. С точки зрения методологии исследования, в данной работе используется метод изучения литературы – обширный сбор соответствующей информации и подробная интерпретация типичных метафорических выражений, а также метод лингвистического анализа – семантический анализ ключевых терминов и выражений с целью изучения их семантических коннотаций и метафорических связей. Научная новизна отражена в углубленном исследовании метафорического дискурса в традиционной китайской

медицине на основе теории пяти стихий, т.е. в углубленном изучении теоретической значимости ТКМ с точки зрения когнитивной лингвистики. ТКМ является сокровищем национальной китайской культуры, а теория пяти стихий – одной из ее основ. В течение долгого времени применение теории пяти стихий в практике ТКМ считалось уникальным культурным феноменом, но в данном исследовании применяется уникальный метод, основанный на передовой перспективе на стыке лингвистики, когнитивной науки и ТКМ, и в результате глубокого анализа выясняется, что теория пяти стихий построила богатую и тонкую метафорическую сеть в дискурсивной системе ТКМ.

Ключевые слова:

Традиционная китайская медицина, метафора, метафорический дискурс ТКМ, когнитивная лингвистика, теория пяти стихий, металл, дерево, вода, огонь, земля

Введение

Теоретическая система ТКМ - это совокупность теоретических систем, содержащих уникальный язык и понятия, и правильное понимание языка и понятий ТКМ является важнейшим первым шагом на пути развития и совершенствования теоретической системы ТКМ. Для того чтобы понять язык и понятия ТКМ, необходимо четко разобраться в формировании языка и понятий ТКМ, и только на основе метафорического познания можно понять, что «говорят» теории ТКМ и «почему так говорят».

Метафора - это способ мышления, при котором одна вещь используется для понимания другой, и она является важным средством понимания мира и получения знаний для человека. Дж. Лакофф и М. Джонсон считали, что метафора воплощается не только в языке, но и в мышлении и поведении. Метафоры вездесущи, присутствуют в повседневной жизни и в то же время влияют на познание. Метафоры не возникают из воздуха, а носят систематический и схожий характер и основаны на человеческом опыте.^[3] Язык ТКМ можно понять как язык, основанный на метафорическом познании, и исходя из анализа большого количества метафорических дискурсов в ТКМ, язык ТКМ может быть интерпретирован более интуитивно.

Теоретическая система ТКМ обладает многовековой историей и содержит множество философских идей и практического опыта, важнейшим краеугольным камнем которого является теория пяти стихий. Теория пяти стихий, в основе которой лежат пять основных стихий - металл, дерево, вода, огонь и земля, выстраивает сложную и упорядоченную сеть взаимосвязей. Эта теория не ограничивается простой классификацией природных веществ, а тонко интегрирована во все аспекты ТКМ, от интерпретации физиологических функций человека, анализа патологических механизмов заболеваний до формулирования диагностических и терапевтических методов, которые несут на себе глубокий отпечаток теории пяти стихий.

В мире ТКМ человеческое тело рассматривается как органическое целое, тесно связанное с миром природы. Теория пяти стихий именно тот мост, который связывает человеческое тело с природой и соединяет микрофизиологию с макровселенной. Стоит отметить, что применение теории пяти стихий в ТКМ в основном представлено в форме метафор. Метафора, как важный когнитивный инструмент и языковое выражение, играет незаменимую роль в наследовании и развитии теорий ТКМ. Метафора преобразует абстрактный язык и понятия ТКМ в яркие, конкретные и легко воспринимаемые образы,

что позволяет теории ТКМ широко распространяться и приниматься, преодолевая ограничения времени и пространства. В данной статье специально рассматривается, как теория Пяти стихий метафорически соотносится с теорией ТКМ.

Основными материалами данной работы являются классические труды по ТКМ: такие как «Трактат Жёлтого императора о внутреннем», «Трактат о разных лихорадочных состояниях, вызванных холодом» и т.д., в которых содержится большое количество метафорических дискуссий. Соответствие между теорией Пяти стихий и теорией ТКМ исследуется в основном при помощи интерпретации метафорических дискуссов в вышеупомянутых китайских медицинских текстах.

Результат и их обсуждение

1. Метафорический дискурс в ТКМ с стихией «Дерева-木(Му)»

Согласно глубокому наблюдению и пониманию «Дерева» с древних времен до наших дней, «Дерево» характеризуется ростом вверх, расширением наружу и обилием ветвей и густой листвой. В связи с этим появляются такие метафорические характеристики «Дерева», как рост, расширение, жизненная сила, способность сгибаться и растягиваться. Подобное применение можно найти и в теории ТКМ, где «Дерево» часто используется в качестве произвольного компонента метафоры для интерпретации понятия человеческого тела, а отображаемый систематический компонент метафоры представляет собой человека с характеристиками дерева, а также печень и желчный пузырь в системе органов.

В системе, построенной в «Оси духа - Двадцать пять типов людей Инь и Ян», пять стихий не только связаны с природой, но и тонко классифицируют человеческое тело. «Между небом и землей внутри шести соединений все не выходит по категориям за пределы пятерки, и люди тоже соответствуют этому», - ясно указано, что человеческое тело тесно соотносится с пятью стихиями. В практическом применении очень удобно классифицировать пять стихий по их пяти цветам. В данном разделе далее подразделяются по их пяти звукам, таким образом, определяя 25 морфологических характеристик, т.е. «сначала нужно определить 5 типов людей по 5 движениям - Металлу, Дереву, Воде, Огню и Земле. Потом разделить их по 5 цветам, провести различия по 5 видам телесной формы, и таким образом получается 25 категорий». Глубокая логика этой теории заключается в том, что количество присущих человеку Ци и крови в организме является основной причиной существования различных форм тела. Когда врач освоит понятие этих 25 форм, у него появится ключ к состоянию внутренних органов на основе внешнего образа тела человека, как говорится в книге, что двадцать пять категорий получаются в результате того, что кровь и Ци имеют свои особенности, и благодаря раздельным наблюдениям из внешнего познавать внутреннее. [\[7, с.247-248\]](#)

В трактате «Оси духа - Двадцать пять типов людей Инь и Ян» основные характеристики человека с формой Дерева описаны так: «Люди, соответствующие движению дерева, по звукам относятся к категории верхнего изюэ. Они схожи с лазоревым владыкой. Поэтому у этих людей преобладает лазоревый цвет, у них маленькая голова, длинное лицо, большие плечи и спина, прямое тело, маленькие руки и ноги, у них хороший ум, они любят приводить в движение сознание. Но у них мало сил тела, и они очень утомляются от дел. Люди, относящиеся к этой группе, хорошо переносят весну и лето и плохо себя чувствуют осенью и зимой. Если возникает воздействие патогенных факторов и рождается болезнь, то меридиан недостаточный инь на ноге попадает под воздействие в первую очередь». [\[7, с.248\]](#) Характер таких людей обычно мирный, спокойный и изящный.

Это происходит через знание дерева и аналогию с ним.

В 64-ом разделе Трактата «Ось духа - Двадцать пять типов людей Инь и Ян» через наблюдение за натуральным деревом по аналогии описываются физические характеристики человека, которые похожи на форму дерева, и видно, что аналогия древних людей с изображением не утяжеляла теорию ТКМ, а позволяла показать теоретические знания, которые они испытывали, в простой манере.

Древние применяли природные характеристики «Дерева» для описания физиологических характеристик печени и желчного пузыря, и эта теория является плодом переплетения знаний и опыта древних с когнитивной системой. «Дерево» состоит в основном из корней, ствола, ветвей и листьев, и процесс роста и развития дерева требует сотрудничества многих необходимых факторов, например, правильного количества питательных веществ в земле и орошения водой. Описание физиологических свойств печени и желчного пузыря (объект метафоры) в теории ТКМ можно понять на фоне содержания природных свойств Дерева (произвольный компонент метафоры). В 5-ом разделе Трактата «Вопросы о простейшем»: «Восток рождает ветер, ветер рождает Дерево..... Из органов-накопителей это печень...».[\[6, с.24\]](#) Это свидетельствует о том, что физиологические свойства печени динамичны, как живое дерево. В 19-ом разделе Трактата «Вопросы о простейшем» говорится, что весенний пульс соответствует печени, а печень из сторон света соответствует востоку, из стихий - Дереву. И поскольку в это время все начинает расти, пульс должен быть мягким и скользким, прямым и длинным, и называется натянутой тетивой, а если пульс противоречит выше описанным свойствам, то это больной пульс.[\[6, с.86\]](#)

2. Метафорический дискурс в ТКМ с стихией «Огня-火(Хуо)»

«Огонь» - одно из самых широко распространенных явлений в природе и важный элемент в процессе зарождения жизни. «Огонь» - один из пяти стихий древнекитайской философии: дерево, огонь, земля, металл и вода, а также один из так называемых «четырёх великих элементов» буддийской культуры (четыре основных элемента, составляющих материальный мир: земля, вода, огонь и ветер), которые имеют ярко выраженные символические черты как в восточных, так и в западных цивилизациях и культурных системах. «Огонь» также является важным понятием в ТКМ.

Восприятие «Огня» в человеческом теле в ТКМ базируется на опыте восприятия «огня» в природе. Концепция «Огня» в ТКМ - это, по сути, метафорический когнитивный процесс отображения от образа «природного огня» к объекту метафоры «огня в человеческом теле».

Понимание древними медиками «свет (дух) Силы сознания сердца» берет начало от «света огня». В 8-ом разделе Трактата «Вопросы о простейшем» говорится: «Сердце в организме выполняет функцию правителя. Из сердца исходит свет Силы сознания».[\[6, с.39\]](#) Еще указано В 81-ом разделе Трактата, что тонкая Сила дыхания (жизненные силы) Огня - это Дух.[\[6, с.489\]](#) Свет Огня освещает четыре направления, сердце является правителем мира, и поэтому дух устанавливает прямую метафорическую связь со светом.

Древние считали, что цвет сердца - красный. В 44-ом разделе Трактата «Ось духа»: «Сердце - это орган янский, и его цвет - красный».[\[7, с.189\]](#) В 4-ом разделе Трактата «Вопросы о простейшем»: «Югу соответствует красный цвет, проникая в организм, сообщаются с сердцем...из 5 стихий соответствует Огонь».[\[6, с.19\]](#) Все выше указывают

на то, что сердце подобно Огню, и его цвет красный. Красный цвет лица - это здоровый цвет, представляющий нормальное физиологическое состояние Огня в организме. Красный цвет - это отражение нормальной работы крови и ци в организме.

Феномен потребления воды и уменьшения количества воды за счет энергии огня использовался в теории ТКМ метафорически для объяснения роли огня в истощении ци и травмировании жидкостей в организме. В 39-ом разделе Трактата «Вопросы о простейшем» говорится: «Воздействие жара приводит к открытию отверстий кожи, в результате чего охранительная и питающая Силы дыхания движутся беспрепятственно, а это приводит к чрезмерному выделению пота... происходит истечение ци (Сила дыхания) с потом». [\[6, с.182\]](#) Таким образом огонь-жар в организме приводит к истощению жидкостей и ци (Сила дыхания).

3. Метафорический дискурс в ТКМ с стихией «Земли-土(Tu)»

Земля - это место, где селятся люди, среда, в которой живут наземные растения, животные и микроорганизмы, обеспечивающая питательными веществами, необходимыми растениям, и растительными организмами, доступными животным, микроорганизмам и человеку.

Функция Земли нести и питать все существа используется метафорически для объяснения функции селезенки по транспортировке и преобразованию воды и зерен в желудке, чтобы произвести пять вкусов и таким образом питать тело. Как в 8-ом разделе Трактата «Вопросы о простейшем» отмечается, что селезенка и желудок выполняют функцию амбара, хранилища - из них происходит пять вкусов, что в высшей степени обобщает физиологические функции селезенки и желудка по хранению воды и зерен и производству питательных веществ. И это понимание очень похоже на функцию Земли-питать все существа. В значительной части литературы в данном случае селезенка и желудок метафорически используются как хранилище для хранения зерна, что указывает на то, что селезенка и желудок имеют функцию приема воды и зерна, а в сознании древних желудок также является основной субстанцией, несущей все существа. Согласно принципу аналогии, Землю можно сравнивать с селезенкой и желудком, а растения и другие вещи - с жидкостью и зерном. [\[9\]](#)

Плодородная Земля благоприятна для роста и развития сельскохозяйственных культур, в то время как неплодородная Земля неблагоприятна для роста культур и других растений, приводит к истончению и увяданию ветвей и листьев. В 19-ом разделе Трактата «Вопросы о простейшем» записано, что пульс селезенки соотносится с стихией Земли, и это отдельный орган-накопитель производит орошение 4 остальных органов-накопителей... В случае недостаточности пульса селезенки нарушается проходимость девяти отверстий организма. [\[9\]](#) Благодаря метафорическому мышлению, Земля предоставляет питательные вещества, селезенка распространяет квинтэссенцию. Питательные вещества и квинтэссенция разбегаются, и тогда растение сильно растет, а для человеческого тела иньвэй ци, кровь и жидкость транспортируются к конечностям и мышцам, чтобы напитать их. В бесплодной земле растение вянет и не растет, в человеческом теле из-за дефицита селезенки вода и зерна не могут быть доставлены к органам, что приведет к головокружению из-за недостатка питательных веществ в органах. Недостаток ци селезенки приводит к неблагоприятному производству эссенции, неспособности передавать эссенцию и обеспечивать питательными веществами пять органов, что приводит к нарушению работы пяти органов и дисгармонии между инь и ян. Поэтому в 18-ом разделе Трактата «Вопросы о простейшем» говорится, что пища и вода -

это корень-основа человеческой жизни, и если человек перестает пить воду и принимать еду, то умирает. [\[6, с.84\]](#) То есть понимание того, что человеческое тело не может питаться без воды и пищи, вырабатываемых селезенкой и желудком исходило из наблюдения, что растения нуждаются в Земле для производства питательных веществ, необходимых для их роста. Аналогичным образом можно утверждать, что метафорическая основа терапевтического принципа питания Ци селезенки и желудка происходит от метода мелиорации и обработки Земли путем внесения в нее удобрений и воды.

4. Метафорический дискурс в ТКМ с стихией «Металла-金(Цзинь)»

Металл - одно из основных веществ, широко используемых в повседневной жизни не только в наше время, но и в древних обществах. От сельскохозяйственного производства (например, сельскохозяйственные орудия), которое ближе всего к жизни и смерти, до безопасности нации (например, оружие), металл необходим, и поэтому древние накопили множество собственных представлений и знаний в процессе изготовления и использования металла.

С богатым опытом использования металлов, понимание Металлов было метафорически перенесено в другие области, такие как система металлов в рамках теории Пяти стихий и система легких и металла в теории диагностики внутренних болезней ТКМ, где знание четкого понятия «Металла» используется для понимания относительно неясных понятий легких внутренних органов.

Изменения в способе обработки металла человеком для производства необходимых в жизни вещей можно сравнить с изменениями в легких, когда они «выдыхают старое и вдыхают новое». Древние народы различными способами изменяли и превращали металлические вещества в предметы, необходимые им в повседневной жизни: сельскохозяйственные орудия, орудия охоты, инструменты и другую повседневную утварь и инструменты. В 66-ом разделе Трактата «Вопросы о простейшем» есть такая метафора: «Небо и Земля - это верх и низ для множества предметов... Металл и Дерево - это конец и начало порождения и завершения». [\[6, с.294\]](#) От работы легких зависит поступление в организм человека тонких веществ, необходимых для выживания, роста и здоровья. Как в 9-ом разделе Трактата «Вопросы о простейшем» говорится, что Небо посылает человеку 5 Сил дыхания, а Земля питает человека 5 вкусами. 5 Сил дыхания попадают в организм через нос и сохраняются в сердце и легких. Дыхание поднимается в верхнюю часть организма, и в результате человек различает цвета и оттенки, может отчетливо слышать звуки. [\[6, с.45\]](#) Еще в 18-ом разделе Трактата «Ось духа» свидетельствуют о том, что в процессе циркуляции питательной Ци (Сила дыхания), так и охранительной Ци (Сила дыхания), помимо того, что селезенка и желудок транспортируют и трансформируют воду и зерна для производства ци, крови и питательных веществ, необходимо также пройти через функцию «изменения» легких, чтобы выделить питательную Ци, так и охранительную Ци, распространить их по всему телу и выполнить свои функции. Поэтому древние считали, что поддерживать жизнедеятельность человека необходимо с помощью легких, выполняющих функцию дыхания, чтобы естественные пять ци превращались в необходимые организму вещества и выделялись отходы после метаболизма. [\[9\]](#)

Металлы, как правило, ковкие, и в процессе закаливания могут проявлять явления вытягивания, утончения. В 21-ом разделе Трактата «Вопросы о простейшем» объяснялось, что путь питательных веществ из желудка во все тело проходит через

функцию легких по дисперсии и транспортировке, чтобы завершить физиологический баланс ци, крови, инь и ян во всем теле. [\[9\]](#)

Металлы тяжелые и всегда естественным образом оседают вниз. В 40-ом разделе Трактата «Ось духа» описывается разница между чистой и мутной ци: чистая ци попадает в легкие, а мутная ци в легких идет вниз в меридианы, благодаря очищению и нисхождению легких и накапливается в груди, превращаясь в моря ци. Этот процесс представляет собой явление движения вниз и внутрь. В 21-ом разделе Трактата «Вопросы о простейшем» указывается, что при метаболизме воды в организме человека тонкие вещества, содержащиеся в воде, сначала попадают в селезенку, затем в легкие. Потом Ци (Сила дыхания) легких при помощи очищения и нисхождения легких регулирует и упорядочивает путь движения воды и внизу попадает в мочевой пузырь и собирается в нем. Все вышеперечисленные физиологические явления реализуются через очищение и нисхождение легких. [\[9\]](#)

Когда патогенный фактор вторгается в организм и поражает функцию дисперсии легких, нужно раскрыть поры тела и вызвать выделение пота. Когда болезнь действует на уровне кожи, следует вызывать пот и стимулировать его выделение. Когда телесная форма человека характеризуется недостаточностью, следует согревать посредством ци (Силы дыхания). Поэтому через продвижение ци легких, открытие пор кожи, регулирование ци и крови злая патогенная ци с потом выделит. Чтобы восстановить способность легких к дисперсии, часто используют потоотделение. Отвар с ветвями коричника и отвар эфедры китайской в «Трактате о болезнях, вызванных холодом» в основном используются для восстановления функции легких по дисперсию путем потоотделения. Ветка коричника и эфедра являются представителями острых и теплых трав. Метод, с помощью которого острые и теплые лекарства помогают легким выполнять свою функцию по дисперсию, происходит от метафоры об отпуске металлов, чтобы повисить их прочность и ковкость.

5. Метафорический дискурс в ТКМ с стихией «воды-水(Шуй)»

Вода - источник жизни, растения должны питаться дождем, люди и животные нуждаются в воде. Растения могут сломаться, и серозная жидкость перельется наружу, люди и животные могут пораниться, и жидкость просочится наружу или даже вытечет из крови. Эти явления очень легко наблюдаются в повседневной жизни. Поэтому древним было легко сформировать следующее понимание: то есть вода есть везде, вода есть во всем, вода питает все, так что все полно жизненной силы. В 32-ом разделе Трактата «Ось духа» гласит, что когда человек не в состоянии есть и пить, то в течение 7 дней умирает, это происходит из-за истощения злаков и жидкости в его кишечнике и желудке. [\[7, с.159\]](#) Древние медики использовали объективные свойства воды в природе, чтобы метафорически проиллюстрировать генерацию, метаболизм и транспортировку воды в человеческом организме, тем самым определяя, как формировались теории ТКМ, а также облегчая понимание.

Вода - это жидкость, которая обладает текучестью, обусловленной гравитационной силой воды, благодаря которой поток воды имеет нисходящее движение. Древние медики связывали почки с стихией воды, поскольку Воды в организме следуют по пути движения жидкости и самое главное - почки управляют жидкостями организма. Вода на земле обычно представлена реками, ручьями, озерами и морями, и по теории ТКМ в организме разделяются 12 меридианов, которые вовне соотносятся с 12 водами (реками), а внутри соединяются со всеми органами. Среди 12 вод-рек бывают большие и малые, глубокие и

мелкие, бывают широкие и узкие, дальние и близкие, и все они отличаются. Все органы также могут располагаться высоко или низко, быть маленькими и большими, могут принимать в себя большое или малое количество пищи, все они неравнозначны. Поэтому 12 вод-рек и органы человека тесно соединяются друг с другом на основе инь и ян Небо и Земли, например, меридиан малый инь на ноге вовне соединяется с водой жу-шуй (название реки), внутри он соединяется с почками. Древние понимали состояние воды в человеческом организме через состояние воды в природе, что вытекало из метафоры «меридианы - это реки», и каково бы ни было состояние воды в реке, состояние воды в меридианах также должно быть одинаковым. Процесс циркуляции воды в человеческом организме подробно описан так, как вода и злаки попадают в рот, потом классифицируются по 5 вкусам, и каждый перетекает в свой орган. И питательные жидкости идут по своему пути. Когда жарко, и много одеваются, тогда раскрываются поры кожи и выходит пот. А когда холодно, поры закрываются, вода опускается вниз и остается в мочевом пузыре, наконец образуется моча.

В патологии ТКМ застоя воды в организме человека из-за потери ее передачи и распределения основаны на том природном явлении, что вода в природе теряет свою текучесть и склонна к гниению и порче. К примеру, почки для желудка являются заставой, если застава закрыта и нет проходимости, то накапливается вода в коже, поэтому образуются водянка и отеки.

Согласно приведенным выше результатам исследования, соответствие между пятью стихиями и пятью органами человека представлено в таблице ниже:

№	Пять стихий	Пять внутренних органов-накопителей	Ассоциированные характеристики
1.	Дерево-木	Печень	Активность, стремление к росту вверх
2.	Огонь-火	Сердце	Светлая, теплая
3.	Земля-土	Селезенка	Несущая, питающая
4.	Металл-金	Легкие	Вяжущая, ковкость, очищение и нисхождение
5.	Вода-水	Почки	Текучесть

Заключение

Метафора является важным средством понимания мира и получения знаний человеком, и это имеет большое значение для изучения теорий ТКМ. Теория ТКМ - это теория, которая опирается на собственный опыт человеческого тела, и истинность ее можно подтвердить опытом, который ощущает человеческое тело. В контексте «взаимодействие человека и природы» древние использовали знания о «дереве», «огне», «земле», «металле» и «воде» в природной среде в качестве метафоры для понимания пяти плотных и шести полых внутренних органов в ТКМ. Характеристики «Дерева», «Огня», «Земли», «Металла» и «Воды» в пяти стихиях метафорически служат для понимания физиологических характеристик пяти внутренностей, патологических изменений и соответствующих правил лечения, а печень, сердце, селезенка, легкие и почки рассматриваются как основные внутренности, которые порождаются ци Неба и Земли в человеческих существах. Человеческий организм - это маленький микрокосм, и многие теории ТКМ построены на таких метафорах, как «печень - это дерево, сердце - огонь, селезенка - земля, легкие - металл, а почки - вода» и т. п. Эти метафорические

дискурсы не только придают языку ТКМ яркую жизненную силу и глубокий смысл, но и делают неясные и труднопонимаемые медицинские знания яркими и колоритными, а также приближают публику к ТКМ.

В заключение следует отметить, что углубленное изучение метафорического дискурса в ТКМ на основе теории пяти стихий не только поможет миру пересмотреть научные и культурные ценности теорий ТКМ, выявить скрытую когнитивную логику и образ мышления, лежащие в их основе, но и предоставит новые перспективы и методы для модернизации и международного распространения ТКМ.

Библиография

1. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 632 с. EDN: UKWWJL.
2. Ван Хайянь, Кузьменко Г. Н. Проблема научного статуса традиционной китайской медицины в КНР // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2023. № 1 (45). С. 68-78.
3. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. – М.: УРСС, 2004. – 252 с.
4. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 255 с. EDN: UJZAZP.
5. Сунь Ц., Карабулатова И. С., Цзоу Ц., Ко Ч. Метафорическая терминология в древних текстах традиционной китайской медицины: проблемы понимания и перевода // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2024. Т. 23, № 6. С. 141-157. (На англ. яз.) DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.10>. EDN: CLNHRU.
6. Трактат Желтого императора о внутреннем. Том первый: Вопросы о простейшем / Под ред. Яо Чуньпэна; пер. с кит. Б. Б. Виногородского. – М.: Шанс, 2024. – 495 с.
7. Трактат Желтого императора о внутреннем. Том второй: Ось духа / Под ред. Яо Чуньпэна; пер. с кит. Б. Б. Виногородского. – М.: Шанс, 2024. – 335 с.
8. Чэнь К. Характеристики и перевод метафорического языка в текстах традиционной китайской медицины // Litera. 2024. № 6. С. 244-252. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.70840 EDN: DLADQM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70840
9. 黄帝内经 // 上:素问.下:灵枢 – 北京:中华书局, 2022年.1471 页. (Трактат Жёлтого императора о внутреннем // первая часть: Вопросы о простейшем. Вторая часть: Ось духа. – Пекин: Чжунхуа Шуцзюй, 2022. – 1471 с.)
10. 张仲景. 伤寒论. 北京市:人民卫生出版社.2005年.198页. (Чжан Чжунцзин. Трактат о болезнях, вызванных холодом. – Пекин: Издательство "Народное здоровье", 2005. – 198 с.)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается метафорический дискурс в традиционной китайской медицине. Актуальность работы не вызывает сомнения. С одной стороны, она обусловлена той ролью, которую играет традиционная китайская медицина в китайском обществе («теоретическая система ТКМ обладает многовековой историей и содержит множество философских идей и практического опыта, важнейшим краеугольным камнем которого является теория пяти стихий»), с другой стороны, исследования метафоры как способа познания национального характера занимают значительное место в современной лингвистике и продолжают оставаться перспективными, в том числе в

развитии теорий традиционной китайской медицины («Метафора, как важный когнитивный инструмент и языковое выражение, играет незаменимую роль в наследовании и развитии теорий ТКМ. Метафора преобразует абстрактный язык и понятия ТКМ в яркие, конкретные и легко воспринимаемые образы, что позволяет теории ТКМ широко распространяться и приниматься, преодолевая ограничения времени и пространства»).

Теоретическую базу данного исследования обоснованно составили труды по когнитивной лингвистике; вопросам метафоры; проблемам научного статуса традиционной китайской медицины в Китае; по специфике метафорического языка в текстах традиционной китайской медицины таких отечественных и зарубежных ученых, как В. А. Маслова, А. Н. Баранов, Джордж Лакофф и Марк Джонсон, Ван Хайянь, Г. Н. Кузьменко, Ц. Сунь, И. С. Карабулатова, Ц. Цзоу, Ч. Ко, К. Чэнь и др. Библиография насчитывает 10 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Следует отметить высокую актуальность использованных источников, что еще раз свидетельствует о повышенном интересе научного сообщества к изучаемому предмету. Методология исследования определена поставленной целью и задачами, носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, сравнительно-сопоставительный и описательный методы, метод качественного анализа метафорических дискурсов в китайских медицинских текстах и др. Материалом исследования послужили классические труды по традиционной китайской медицине: «Трактат Жёлтого императора о внутреннем», «Трактат о разных лихорадочных состояниях, вызванных холодом» и т. д., в которых содержится большое количество метафорических дискуссий.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования подробно рассмотрены метафорические дискурсы в традиционной китайской медицине со стихиями дерева, огня, земли, металла и воды. Делаются выводы о том, что метафора является важным средством понимания мира и получения знаний человеком, что имеет большое значение для изучения теорий традиционной китайской медицины, которая опирается на собственный опыт человеческого тела, и истинность ее можно подтвердить опытом, который ощущает человеческое тело. В контексте «взаимодействие человека и природы» древние использовали знания о «дереве», «огне», «земле», «металле» и «воде» в природной среде в качестве метафоры для понимания пяти плотных и шести полых внутренних органов в традиционной китайской медицине. Отмечается, что углубленное изучение метафорического дискурса в традиционной китайской медицине на основе теории пяти стихий не только поможет миру пересмотреть научные и культурные ценности данных теорий, выявить скрытую когнитивную логику и образ мышления, лежащие в их основе, но и предоставит новые перспективы и методы для модернизации и международного распространения традиционной китайской медицины.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в изучение когнитивных функций метафоры и ее роли в межкультурной коммуникации. Практическая значимость исследования определяется тем, что его материалы могут использоваться в курсах по теории языка, общему языкознанию, когнитивной лингвистике, по межкультурной коммуникации, лексикологии и стилистике, а также будут полезны научному сообществу в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике. Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию.

Однако в тексте встречаются многочисленные технические ошибки, которые не умаляют общего положительного впечатления от рецензируемой работы, но требуют устранения (см «Лакофф и Джонсон обобщают», «Такие люди хорошо переносят весну и лето и

плохо себя чувствуют осенью и зимой. если возникает воздействие патогенных факторов рождается болезнь, то меридиан недостаточный инь на ноге попадает под воздействие в первую очередь», «В случае недостаточности пульса селезенки нарушается проходимость 9 отверстий организма», «5 Сил дыхания попадают в организм чрез нос...», «Дыхание поднимается в верхнюю часть организма, и в результате человек различает цвета и оттенки», «в его кишечнике и желудке», «бывают большие и малые, глубокие и мелкие, бывают широкие и узкие, дальние и близкие» и др.).

В целом, рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после внесения соответствующих правок.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рецензируемой статьи обращается к анализу метафорического дискурса в традиционной китайской медицине. Стоит отметить, что данный вектор исследований не так масштабен, не так объемен, следовательно, работа имеет новаторский характер, ее можно оценить как актуальное конструктивно-целостное изыскание. Методология данного труда соотносится с рядом современных наработок, в данном случае разночтений с каноническими принципами оценки языка нет. Информационная составляющая работы объемна, автор дает избыточный вариант купюр-данных: например, «теоретическая система ТКМ обладает многовековой историей и содержит множество философских идей и практического опыта, важнейшим краеугольным камнем которого является теория пяти стихий. Теория пяти стихий, в основе которой лежат пять основных стихий - металл, дерево, вода, огонь и земля, выстраивает сложную и упорядоченную сеть взаимосвязей», или «в мире ТКМ человеческое тело рассматривается как органическое целое, тесно связанное с миром природы. Теория пяти стихий именно тот мост, который связывает человеческое тело с природой и соединяет микрофизиологию с макровселенной. Стоит отметить, что применение теории пяти стихий в ТКМ в основном представлено в форме метафор. Метафора, как важный когнитивный инструмент и языковое выражение, играет незаменимую роль в наследовании и развитии теорий ТКМ. Метафора преобразует абстрактный язык и понятия ТКМ в яркие, конкретные и легко воспринимаемые образы...» и т.д. При всей положительной оценке работы, считаю, что можно внести некую правку, в частности включение в текст имен [теоретиков, практиков] в полной номинации, а не в режиме усечения: например, «Лакофф и Джонсон считали, что метафора воплощается не только в языке, но и в мышлении и поведении. Метафоры вездесущи, присутствуют в повседневной жизни и в то же время влияют на познание. Метафоры не возникают из воздуха, а носят систематический и схожий характер и основаны на человеческом опыте...» и т.д. В целом стиль работы соотносится с научным типом, терминологический ряд выверен. Аналитика прослеживается по ходу всего труда, например, «согласно глубокому наблюдению и пониманию «Дерева» с древних времен до наших дней, «Дерево» характеризуется ростом вверх, расширением наружу и обилием ветвей и густой листвой. В связи с этим появляются такие метафорические характеристики «Дерева», как рост, расширение, жизненная сила, способность сгибаться и растягиваться. Подобное применение можно найти и в теории ТКМ, где «Дерево» часто используется в качестве произвольного компонента метафоры для интерпретации понятия человеческого тела, а отображаемый систематический компонент метафоры

представляет собой человека с характеристиками дерева, а также печень и желчный пузырь в системе органов» и т.д. Работа дифференцирована на т.н. смысловые блоки, деление оправдано. Считаю, что тема соотносится с одной из рубрик издания, общие требования учтены. И все же работу нужно вычитать, убрать опечатки, неточности: например, «у них хороший ум, они любят приводить в движение сознание. у нихмало силы тела, и они очень утомляются от дел. Такие люди хорошо переносят весну и лето и плохо себя чувствуют осенью и зимой. Если возникает воздействие патогенных факторов и рождается болезнь, то меридиан недостаточный инь на ноге попадает под воздействие в первую очередь...», или «Когда болезнь действует на уровне кожи, следует вызывать пот и стиму-лировать его выделение. Если телесная форма характеризуется недостаточностью, следует согревать посредством ци - Силы дыхания. То есть через продвижение ци легких, открытие фибр и пор, регулирование ци и крови, так что злая патогенная ци с потом выходит» и т.д. Полученные данные обобщены в табличном виде, что, на мой взгляд, тоже уместно. Выводы по работе полновесны, целостны. Автор приходит к выводу, что «теория ТКМ - это теория, которая опирается на собственный опыт человеческого тела, и истинность ее можно подтвердить опытом, который ощущает человеческое тело. В контексте «взаимодействие человека и природы» древние использовали знания о «дереве», «огне», «земле», «металле» и «воде» в природной среде в качестве метафоры для понимания пяти плотных и шести полых внутренних органов в ТКМ. Характеристики «Дерева», «Огня», «Земли», «Металла» и «Воды» в пяти стихиях метафорически служат для понимания физиологических характеристик пяти внутренностей, патологических изменений и соответствующих правил лечения, а печень, сердце, селезенка, легкие и почки рассматриваются как основные внутренности, которые порождаются ци Неба и Земли в человеческих существах». Считаю, что основная тема статьи раскрыта, поставленные задачи решены. Материал может быть использован при изучении ряда дисциплин гуманитарного цикла; список источников достаточен. Рекомендую статью «Метафорический дискурс в традиционной китайской медицине на основе теории пяти стихий» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ергазы Н., Денисенко В.Н. Концепт «вежливость» в контексте семейных отношений // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.73167 EDN: DJANTF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73167

Концепт «вежливость» в контексте семейных отношений

Ергазы Назерке

ORCID: 0000-0003-4346-983X

аспирант; кафедра общего и русского языкознания; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ naz_erke9898@inbox.ru

Денисенко Владимир Никифорович

ORCID: 0000-0001-6021-4068

доктор филологических наук

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания, филологический факультет, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, оф. 623

✉ denisenko-vn@rudn.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.73167

EDN:

DJANTF

Дата направления статьи в редакцию:

27-01-2025

Аннотация: В современном обществе вежливость занимает важное место в межличностных отношениях, особенно в контексте семьи, где она служит основой для построения доверительных и гармоничных связей. Семья как первичная социальная единица требует особого внимания к коммуникации, поскольку именно в ней формируются ценности, нормы и практики взаимодействия. В данной статье исследуется концепт «вежливость» как ключевой элемент успешной коммуникации внутри семьи. Рассматриваются научно-теоретические положения по теме исследования и выявляется

его лингвокультурная специфика, определяющая сознание человека и играющая основополагающую роль в межкультурной коммуникации. Предметом исследования является сопоставительный анализ категории вежливости в казахском и русском языках. Цель работы – выявить лингвокультурологическую специфику ассоциативных рядов концепта «вежливость», формирующих семейные ценности и связи. Особое внимание уделено ассоциативным рядам, что способствует более глубокому пониманию роли вежливости в формировании семейных ценностей и межкультурной коммуникации. Материалом послужили данные опроса среди 181 респондента, включавшего закрытые и открытые вопросы о вежливости в семейном общении, а также данные лексикографических источников и эмпирического анализа. В исследовании использовались методы концептуального анализа, сопоставления, сравнительного анализа и статистической обработки данных. Практическая значимость работы определяется возможностью ее эффективного применения для улучшения навыков коммуникации, в том числе в различных культурных контекстах. В ходе исследования был проведен сравнительный анализ национально-природной специфики концепта «вежливость» в казахском и русском языках и его проявлений в семейном общении. Результаты исследования подтвердили, что вежливость играет ключевую роль в формировании и поддержании доверительных и гармоничных отношений внутри семьи, снижая конфликты и укрепляя эмоциональную связь между ее членами. Таким образом, данное исследование не только обогащает теоретическую базу по теме, но и предлагает практические рекомендации для оптимизации семейного общения, что делает его вклад в область лингвистики и культурологии особенно ценным и актуальным в современном обществе.

Ключевые слова:

вежливость, семейные отношения, коммуникация, русская культура, казахская культура, концепт, языковой барьер, взаимопонимание, уважение, этикет

Введение

Вежливость – это соблюдение оптимального баланса, равновесия между дистантностью и близостью, между формальностью и фамильярностью, который является ситуативно и культурно вариативным, то есть точка этого равновесия варьируется не только в зависимости от конкретного коммуникативного контекста (см. [\[1\]](#), [\[2\]](#), [\[3\]](#), [\[4\]](#)). Категория вежливости представляет собой важную составляющую межличностной коммуникации, способствующую установлению и поддержанию гармоничных отношений, укреплению взаимного уважения и созданию благоприятной социальной среды. В особенности это проявляется в контексте соблюдения семейного этикета и обусловлено стремлением следовать правилам и нормам приличия ведения совместного быта. Данный процесс формируется на протяжении человеческой истории и является результатом взаимной межкультурной коммуникации [\[5, С. 148\]](#).

Категория вежливости составляет важную часть специфики языковой коммуникации в семейном общении, но в настоящее время она недостаточно изучена в лингвокультурологическом сопоставительном аспекте. Сопоставительное изучение оценочной семантики данной категории в контексте лингвокультурологии позволяет выявить и оценить существующие в конкретном социуме критерии оценки вежливости, а также определить роль и место данной этической категории в системе

культурологических ценностей русского и казахского языков (социумов).

Цель исследования – анализ концепта «вежливость» в контексте семейных отношений, выявление его значимости и проявлений в межличностной коммуникации членов семьи, а также исследование влияния вежливости на качество взаимодействия и эмоциональный климат в семье. В рамках работы предполагается рассмотреть культурные и социальные аспекты вежливости, а также ее роль в формировании взаимопонимания и поддержании гармонии в семейных отношениях.

Методы и материалы

При проведении исследования использовались методы, основанные на анализе научно-практических положений, концептуальном анализе, сопоставлении, сравнении, компонентном анализе и статистической обработке данных. Эмпирическую базу исследования составил ассоциативный опрос, среди студентов Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

По результатам опроса собраны данные о том, какие формы вежливости считаются важными и как они влияют на отношения, а статистический анализ выявил количественные закономерности. Участники исследования представляли различные возрастные группы и культурные фоны, что помогло сравнить восприятие вежливости в разных контекстах и углубить понимание ее значимости в семейных отношениях.

Результаты

Эмпирическое исследование базировалось на определении аспектов выражения вежливого общения в семейных коммуникациях среди представителей русской лингвокультуры на фоне казахской. В рамках исследования были проанализированы различные формы вежливости, используемые в семейных отношениях, а также выявлены культурные и языковые особенности, влияющие на стиль общения в каждой из лингвокультур. Был проведен ассоциативный опрос, в котором приняли участие 112 русских респондентов и 69 казахских респондентов (всего 181 студент).

Опросник включал ассоциативное отношение к контекстуальной вежливости и был создан на двух языках. Респонденты были выбраны произвольно независимо от пола и социального статуса. Основным критерием было наличие семейных связей и выражение собственного мнения в контексте категории вежливости.

По окончании эксперимента была проведена следующая работа:

- проанализирована структура ассоциаций;
- выявлена частотность тех или иных ассоциаций (процент повторений).

Респонденты выделили собственные ассоциации к категории вежливости в отношении семейного общения. Результаты эксперимента представлены на рисунке 1.

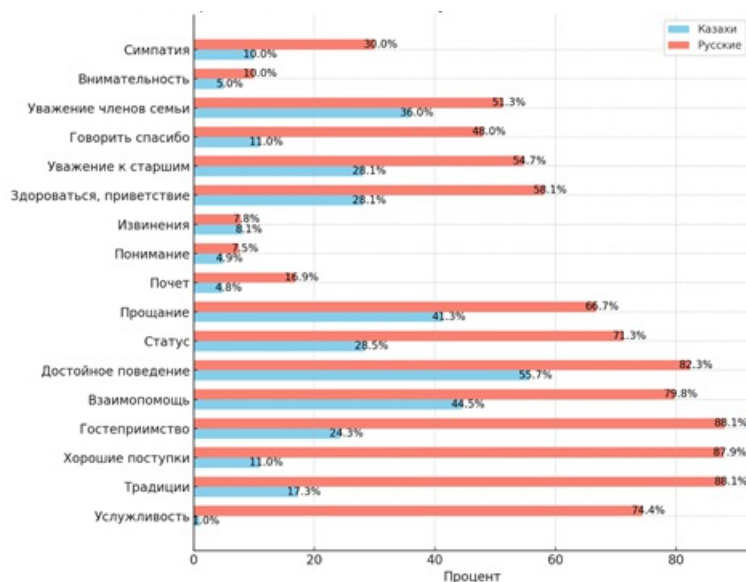

Рис. 1. Собственные ассоциации респондентов к категории вежливости в отношении семейного общения

Полученные сведения позволяют проследить схожесть и различия ассоциативных представлений категории вежливости у людей разных национальностей. В любом языке содержательными компонентами категории вежливости являются воспитанность, уважение и почет. Из результатов опроса видно, что наибольший процент совпадений в ассоциациях выявлен при выделении приветственного отношения, прощания и уважения к старшим. Несовпадения выражались следующим образом: казахские респонденты не называли или называли в меньшей степени такие категории, как внимательность (5%), симпатия (10%), достойное поведение (55.7%), прощание (41.3%), взаимопомощь (44.5%), хорошие поступки (11%). Русские респонденты упоминали о традициях (88.1%), гостеприимстве (88.1%), приветствии (58.1%), уважении членов семьи (51.3%) и услужливости (74.4%).

В анкете также содержались открытые вопросы, которые позволили выяснить отношение представителей казахской и русской культур к проявлению категории вежливости. Казахские респонденты ассоциируют эту категорию с кругом общения и семейными отношениями. Для них особое значение имеют сохранение достоинства в глазах родственников, поддержка, манера разговора, создание приятного впечатления, взаимоуважение и статус. При этом русские респонденты чаще называли личностные характеристики и душевные свойства без привязки к конкретным типам связи – родственным, дружественным, рабочим. Они выделяли доброту, искренность, достоинство, симпатию, улыбчивость, добрый взгляд и дружелюбие. То есть в их представлении категория вежливости больше связана с внутренними эмоциональными проявлениями и искренностью расположения к собеседнику. Отмеченные выше ассоциации с точки зрения респондентов отражали позитивное отношение к соблюдению рамок уважения при контакте с членами семьи. Это связано с употреблением таких ассоциаций, как уважительный тон, приятная речь, культура, взаимопомощь и достоинство.

Последний вопрос анкеты позволил оценить поведение респондентов по отношению к другим людям, особенно при наличии родственных связей. Казахские респонденты отметили, что в первую очередь необходима учтивость в коммуникации с родственниками различного возраста и социального статуса. Русские респонденты, помимо уважительной коммуникации с родственниками, также отметили необходимость соблюдения вежливости

с людьми, имеющими авторитетное положение в обществе. По мнению русских респондентов, более вежливое общение должно соблюдаться при коммуникации с руководителями и работодателями (74%), а также членами семьи старшего возраста (26%). Казахские респонденты при этом не разделяли родственные связи по возрасту и типу.

Проведенное исследование показало, что выражение категории вежливости в семейном общении имеет свои особенности у представителей казахской и русской культур. В казахской культуре вежливость чаще ассоциируется с гостеприимством и уважением к старшим, тогда как в русской культуре выделяются такие качества, как общительность, искренность, доброжелательность и душевность. Большинство ассоциативных компонентов имеют позитивный характер, что подчеркивает значимость вежливого общения в семейных и социальных контекстах. Основные компоненты ассоциативных рядов категории вежливости таковы:

- в казахском языке: гостеприимство (24.3%), уважение к старшим (28.1%);
- в русском языке: общительность (приветствие – 58.1%), душевность (симпатия – 30%).

Русские респонденты подчеркивают необходимость поддержания вежливого тона в общении с людьми высшего статуса и старшими родственниками. Казахские респонденты акцентируют внимание на поддержании вежливых отношений со всеми членами семьи, особенно со старшими.

Обсуждение

В лингвистике понятие «семейное общение» не имеет конкретного определения и рассматривается с точки зрения «семейного диалекта» и вежливой межкультурной коммуникации.

Как отмечает К.Н. Шаршенбек, положительная контекстуальная вежливость может отражаться в особых речевых проявлениях при межличностной коммуникации со «своими» и «чужими» людьми. В семейном общении нередко присутствуют стилистические разновидности языка, жаргонные фразы, которые могут быть понятны только близким собеседникам, что является формой выражения положительного отношения или доверия. Автор также указывает на то, что вежливость может проявляться через невербальные средства коммуникации. Жесты, мимика и даже дистанция между собеседниками играют важную роль в создании атмосферы доверия и уважения. Например, дружеское прикосновение к плечу или взгляд в глаза могут выразить поддержку и понимание [\[6, С. 64\]](#).

Кроме того, вежливость в семейном общении включает готовность идти на компромисс и учитывать интересы других членов семьи. Проявление эмпатии и стремление понять чувства и потребности друг друга являются важными составляющими вежливого общения. Вежливое общение также проявляется в умении слушать и уделять внимание словам и мнениям других, что способствует укреплению семейных связей [\[7, С. 85\]](#).

Н.Г. Брагина и И.А. Шаронов сравнивали стратегии вежливого и невежливого общения. Например, бестактность в разговоре между родственниками может иметь юмористический характер и не приводить к разочарованиям, но требует последующего объяснения своих слов. В случае конфликта это может стать механизмом разрыва связи или потребовать полного подчинения оппонента. Авторы заключили, что вежливое общение зависит от характера межличностной коммуникации и ранее установленного типа отношений. Также

подчеркивается важность контекста общения. В разных культурах вежливость может проявляться по-разному. Например, в одних культурах ценится прямота, в других – тактичность и уважение. Кроме того, вежливость рассматривается как социальный и психологический феномен, зависящий от индивидуальных характеристик, таких как эмпатия, самоконтроль и уверенность в себе [\[8, С. 975\]](#).

Авторы также изучают методы развития навыков вежливого общения, включая активное слушание и эмоциональный интеллект, который помогает распознавать и управлять эмоциями.

С.А. Рисинзон подчеркивает, что в семейном общении ключевую роль играет не только содержание сказанного, но и тон, интонация, а также невербальные сигналы, такие как мимика и жесты. Эти элементы помогают смягчить возможное недовольство и создать атмосферу доверия и понимания.

Семейное общение также включает элементы ритуальности, когда определенные формы общения и поведения становятся привычными и ожидаемыми. Например, утренние приветствия, обсуждение планов на день или совместные семейные обеды. Эти ритуалы создают чувство стабильности и безопасности, укрепляя семейные связи.

Кроме того, автор обращает внимание на то, что в семейном общении важно учитывать возрастные и индивидуальные особенности членов семьи. То, как родители общаются с детьми, может значительно отличаться от их взаимодействия друг с другом. Понимание и уважение этих различий способствуют гармоничному и вежливому общению в семье [\[9, С. 29\]](#).

Таким образом, авторы пришли к выводу, что вежливое общение зависит от степени и характера межличностной коммуникации между оппонентами, что полностью определяется ее ранее установленным типажом. Вежливость является важным аспектом семейного общения, в котором используются как вербальные, так и невербальные средства для выражения уважения и доверия [\[10, С. 176\]](#).

В.В. Леонтьев отмечает, что вежливость включает в себя не только вербальные, но и невербальные элементы общения. Жесты, мимика, интонация и другие невербальные аспекты могут существенно влиять на восприятие вежливости (Леонтьев, 2012). Например, улыбка или кивок головы могут подчеркнуть доброжелательность и уважение, тогда как нахмуренные брови или резкий тон могут указывать на недовольство или раздражение, даже если произнесенные слова сами по себе вежливы [\[11, С. 222\]](#).

Автор также подчеркивает, что вежливость должна быть искренней и отражать подлинное уважение к собеседнику. Показное или фальшивое проявление вежливости может быть легко распознано и привести к недоверию и ухудшению отношений. Поэтому важно не только знать и применять правила вежливости, но и искренне стремиться к уважению и пониманию других людей [\[12\], \[13\]](#).

Вежливое общение в семье представляет собой сложный процесс, включающий как вербальные, так и невербальные аспекты взаимодействия. Оно формируется на основе взаимопонимания, эмпатии и уважения к индивидуальным особенностям каждого члена семьи.

Заключение

Проведенное эмпирическое исследование показало, что у казахских и русских

респондентов в ассоциациях, связанных с категорией вежливости, имеются как общие черты (уважение и воспитанность), так и различия (казахи акцентируют внимание на семейных отношениях и традициях, русские же подчеркивают такие личные качества, как доброта и искренность). Необходимо также отметить различное отношение русских и казахских респондентов к коммуникативной сфере проявления вежливости: для казахов важны круг общения и сохранение достоинства, для русских – общение с авторитетными личностями.

Выявленные сходства и различия реализации концепта «вежливость» в семейной коммуникации представляют интерес для межкультурного взаимодействия, а также для изучения и преподавания русского и казахского языков в иностранной аудитории.

Библиография

1. *Ларина Т.В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: Изд-во РУДН, 2003.
2. *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009.
3. *Ларина Т.В., Козырева М.М., Горностаева А.А.* О грубости и коммуникативной этике в межкультурном аспекте: постановка проблемы // Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика. 2012. № 2. С. 126–133.
4. *Ларина Т.В., Харлова М.Л.* Невежливость и грубость в общении американцев // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика. 2015. № 3. С. 34–42.
5. *Максимова Д.В.* Вежливость и ее отражение в речи современной молодежи // Молодежный вестник ИрГТУ. 2020. Т. 10, № 2. С. 148–152.
6. *Шаршенбек К.Н.* Вежливость. Основные направления изучения категории вежливости // Вестник Кыргызского государственного университета строительства, транспорта и архитектуры им. Н. Исанова. 2015. № 1. С. 64–67.
7. *Шабан А.К., Хомутова Т.Н.* Семантика понятия «вежливость» в различных лингвокультурах: универсальное и культурно-специфическое / Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5. № 1. С. 85–95.
8. *Брагина Н.Г., Шаронов И.А.* «Педагогическая» агрессия в русской бытовой коммуникации // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 4. С. 975–993.
9. *Рисинзон С.А.* Система этикетных действий семейного общения // Филология и человек. 2009. № 3. С. 29–37.
10. *Калиев Г., Сарыбаев Ш.* Диалектология казахского языка. Алматы: Б. И., 1979. 176 с.
11. *Леонтьев В.В.* Дискурсивный поворот в теории лингвистической вежливости: К образованию теории лингвистической невежливости // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. С. 222–228.
12. *Леонтьев В.В.* Понятия невежливости и грубости в современной лингвистике // Экология языка и коммуникативная практика. 2013 № 1. С. 131–141.
13. *Леонтьев В.В.* Лингвистическая (не)вежливость: к проблеме содержания категории // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1 (6). С. 70–83.
14. *Махмудов Х. Х., Мусабаев Г. Г.,* Казахско-русский словарь, Алма-Ата, 1954.
15. *Denisenko V.N., Yergazy N., Rybakov M.A.* Language Means of Expressing Politeness in the Context of Russian Business Communication // Вестник Российского университета дружбына-родов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 575–594.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой статьи ориентирована на вероятную дешифровку и анализ концепта «вежливость» в контексте семейных отношений. На мой взгляд, базис исследования оригинален, нов, и, безусловно, актуален. Автор отмечает, что «категория вежливости составляет важную часть специфики языковой коммуникации в семейном общении, но в настоящее время она недостаточно изучена в лингвокультурологическом сопоставительном аспекте. Сопоставительное изучение оценочной семантики данной категории в контексте лингвокультурологии позволяет выявить и оценить существующие в конкретном социуме критерии оценки вежливости, а также определить роль и место данной этической категории в системе культурологических ценностей русского и казахского языков (социумов)». Верификация выбранного направления, думаю, убедительна и точна. Цель, методы исследования прописаны в тексте статьи полновесно; считаю правомерным и эмпирическую базу исследования, которая составлена в рамках «ассоциативного опроса», среди студентов Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Не вызывает нареканий общая логика разверстки вопроса, ибо автор стремится к максимуму объективности. Текст дробится на т.н. смысловые блоки, они являются стандартными для научной статьи, однако, их функционал также оправдан: потенциально заинтересованный читатель следит за ходом претворения авторских мыслей и суждений. Анкета, на основе которой и компилируется эмпирика исследования, полноценно «описана», в начале дана ее структура, прокомментирован выбор того или иного пункта / вопроса. Стиль данной статьи соотносится с собственно научным типом: например, «в лингвистике понятие «семейное общение» не имеет конкретного определения и рассматривается с точки зрения «семейного диалекта» и вежливой межкультурной коммуникации. Как отмечает К.Н. Шаршенбек, положительная контекстуальная вежливость может отражаться в особых речевых проявлениях при межличностной коммуникации со «своими» и «чужими» людьми. В семейном общении нередко присутствуют стилистические разновидности языка, жаргонные фразы, которые могут быть понятны только близким собеседникам, что является формой выражения положительного отношения или доверия. Автор также указывает на то, что вежливость может проявляться через невербальные средства коммуникации. Жесты, мимика и даже дистанция между собеседниками играют важную роль в создании атмосферы доверия и уважения. Например, дружеское прикосновение к плечу или взгляд в глаза могут выразить поддержку и понимание...». Видим, что цитации даны в верном, академическом режиме, открытость информации есть положительный фактор исследования в целом. Результаты наработок объединены и оценены в виде графика / рисунка. Наглядность в данном случае уместна; фактические оттенки концепта «ВЕЖЛИВОСТЬ» на примере семейных отношений, на мой взгляд, определены объемно. Не помешало бы ввести в работу ряд теоретических положений относительно когнитивных исследований, но и без этого вариант данного изыскания вполне удовлетворителен. Автор вводит в текст и статистические данные, они в свою очередь есть аргументация проекционной точки зрения: «несовпадения выражались следующим образом: казахские респонденты не назвали или назвали в меньшей степени такие категории, как внимательность (5%), симпатия (10%), достойное поведение (55.7%), прощение (41.3%), взаимопомощь (44.5%), хорошие поступки (11%). Русские респонденты упоминали о традициях (88.1%), гостеприимстве (88.1%), приветствии (58.1%), уважении членов семьи (51.3%) и услужливости (74.4%)». Выводы по тексту соотносятся с основной частью. Автор в

фиале работы отмечает: «проведенное исследование показало, что у казахских и русских респондентов в ассоциациях, связанных с категорией вежливости, имеются как общие черты (уважение и воспитанность), так и различия (казахи акцентируют внимание на семейных отношениях и традициях, русские же подчеркивают такие личные качества, как доброта и искренность). Необходимо также отметить различное отношение русских и казахских респондентов к коммуникативной сфере проявления вежливости: для казахов важны круг общения и сохранение достоинства, для русских – общение с авторитетными личностями». На мой взгляд, цель исследования достигнута, поставленные задачи решены, материалы целесообразно использовать на практике, в рамках ряда исследований гуманитарного профиля. Список источников достаточен, формальная правка излишня. Рекомендую статью «Концепт «вежливость» в контексте семейных отношений» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гусейнова Л.Д. Языковые и социокультурные аспекты квебекских интернет-мемов // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.74106 EDN: DODMGL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74106

Языковые и социокультурные аспекты квебекских интернет-мемов

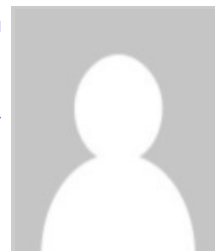
Гусейнова Лала Джаншир кызы

ORCID: 0000-0001-8586-9386

аспирант; кафедра иностранных языков филологического факультета; Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ lalochka555@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.74106

EDN:

DODMGL

Дата направления статьи в редакцию:

15-04-2025

Аннотация: В статье рассматриваются языковые и социокультурные особенности интернет-мемов, распространяющихся в информационно-коммуникативном пространстве франкоязычной провинции Квебек. Объектом исследования послужили мемы, размещенные на веб-порталах или в социальных сетях в качестве малоформатных комических текстов. Предметом исследования являются их языковые особенности с учетом территориальной и социокультурной специфики. Целостность мема определяется его содержательными и формальными характеристиками, а взаимодействие вербальных и визуальных компонентов формирует его коммуникативно-прагматический потенциал. Данное взаимодействие поддерживается средствами выражения экспрессивности на различных уровнях языка, включая морфологический, грамматический, синтаксический и графемный. Базу исследования составили 75 мемов на французском языке за второе полугодие 2024 года, отобранных методом сплошной выборки. К числу ресурсов, обеспечивающих хранение и распространение интернет-мемов, относятся платформы для ведения блогов, такие как ConneriesQc, а также социальные сети – Facebook, Tumblr и др. Выбор тем и особенности их интерпретации определяются целевой аудиторией

указанных ресурсов, что позволяет рассматривать интернет-мем как прецедентную единицу, обладающую специфической культурной и национальной коннотацией. В ходе анализа применялись общие (наблюдение, описание, анализ, синтез, классификация, сопоставление и количественный подсчет) и специфические лингвистические методы: компонентный анализ для описания вербальных и визуальных элементов, дискурс-анализ для оценки влияния условий реализации интернет-мема на его многогранность, контекстуальный анализ для лингвистической интерпретации мемов, а также метод текстовой интерпретации. Научная новизна данного исследования заключается в комплексном подходе к анализу интернет-мемов как культурных феноменов с учетом их языковых особенностей, а также социокультурного контекста. Результаты показывают, что выбор тем для интернет-мемов и их интерпретация зависят от целевой аудитории платформ, что позволяет рассматривать мемы как прецедентные единицы с уникальной культурной и национальной коннотацией. Анализ выявил значительное влияние взаимодействия вербальных и визуальных компонентов на восприятие мемов, а также роль экспрессивных средств в формировании их значимости. Таким образом, данное исследование подчеркивает значимость интернет-мемов как инструмента коммуникации в современном обществе и их способность отражать культурные особенности жителей франкоязычной канадской провинции Квебек.

Ключевые слова:

интернет-мем, юмор, ирония, канадская культура, ценности, социокультурный аспект, французский язык, социальные вопросы, идентичность, квебекцы

Введение

В последнее время интернет-мемы широко распространяются в качестве средства коммуникации в сетевой виртуальной среде. Представляя собой достаточно молодое явление, интернет-мемы считаются лингвокультурными единицами, что обусловливается их принадлежностью к языку и культуре одновременно [\[1\]](#). Настоящее исследование направлено на подтверждение того факта, что содержание рассматриваемых интернет-мемов на уровне лексики и грамматики связано с особым мировоззрением, восприятием окружающей действительности и базовыми представлениями квебекцев как членов единого лингвокультурного сообщества. Данные представления сформировались в их коллективном сознании под воздействием различных факторов: географические условия, климат, исторический и социально-политический контекст, религиозные убеждения и культурные традиции [\[2\]](#).

Анализируя мемы, целесообразно исследовать эмоции, которые они вызывают у квебекцев. Жители провинции Квебек известны своим чувством юмора, и часто мемы служат способом затронуть в шуточной форме социальные проблемы или выразить свое мнение относительно тех или иных событий [\[3, 4\]](#). Например, мемы на тему изменения климата могут быть как ироничными, так и серьезными, отражая обеспокоенность общества [\[5\]](#). Думается, что интернет-мемы являются одним из наиболее ярких средств выражения национальной идентичности квебекцев, так как именно в мемах наиболее быстро и ярко проявляются все трансформации, происходящие в культурной парадигме общества и в сознании языковой личности.

Методологическая основа и материал исследования

Материалом для проведения исследования послужила выборка франкоязычных мемов, распространенных в интернет-среде провинции Квебек за второе полугодие 2024 года. В качестве основной базы для отбора материала была выбрана квебекская веб-платформа для распространения мемов – **ConneriesQc**. Данная платформа начала свое существование еще в 2011 году, будучи простым блогом на Tumblr. Заинтересовав своим контентом немалый круг пользователей, блог продолжал расти, и немного позднее была создана отдельная страница в социальных сетях Facebook и Instagram. Увеличение роста подписчиков позволило странице получить доменное имя ConneriesQc.com и перейти в статус сайта. На сегодняшний день сайт существует уже 14 лет и представляет собой объемное хранилище интернет-мемов на французском языке. Сайт пользуется популярностью как у молодежной, так и у старшей категорий пользователей, и насчитывает около полмиллиона подписчиков.

Анализ квебекских интернет-мемов как лингвокультурных единиц проведен на основе комплексного подхода, включающего как количественные, так и качественные методы. Были применены такие подходы, как наблюдение, анализ, синтез, сопоставление, количественный подсчет, классификация и описание. В том числе основными методами при проведении исследования стали компонентный анализ, позволяющий описать элементы вербального и визуального характера в интернет-мемах, дискурс-анализ для оценки влияния факторов, способствующих созданию интернет-мема, а также метод текстовой интерпретации, позволяющий выявить характер взаимодействия вербальных и невербальных составляющих в малоформатном креолизованном тексте. В рамках исследования также была применена методика анализа креолизованного текста, предложенная Ю. Н. Эбзеевой и Н. М. Дугалич [\[6\]](#).

Результаты исследования

В результате проведенного исследования было выявлено, что мемы играют значительную роль в формировании и выражении лингвокультурной идентичности квебекцев. Анализ показал, что в современных квебекских интернет-мемах преобладают языковые единицы с ярко-выраженной национально-культурной спецификой, прослеживается обращение к тем ценностным предпочтениям, образам и ассоциациям, которые актуальны только для данной целевой аудитории.

На основе проанализированного материала была составлена сводная таблица с распределением тематик (проблем), которые нашли свое отражение в мемах и вызвали активное обсуждение в квебекском веб-сегменте во втором полугодии 2024 года (см. *Таблицу 1*).

Таблица 1

Тематика и количество квебекских интернет-мемов на французском языке за второе полугодие 2024 года

Тема	Количество
Здоровье / Отдых	12
Работа / Взаимоотношения с коллегами	8
Возраст	7
Эмоции	7
Отношения	6

Социальные нормы / Взаимодействие с людьми	6
Время	5
Одиночество / Уединение	5
Еда	4
Воспоминания	4
Животные	3
Деньги	3
Погода	2
Семья	2
Привычки	1
ИТОГО	75

Классификация интернет-мемов по определенным тематическим рубрикам позволила выявить, какие темы больше всего интересовали квебекцев в указанный временной период, как они реагировали на различные социальные, культурные и политические явления. Согласно полученным данным, наиболее популярными темами, которые затронули квебекцы в интернет-мемах во втором полугодии 2024 года, оказались следующие: здоровье / отдых, возраст, эмоции, работа / взаимоотношения с коллегами, время, одиночество / уединение и др. Несомненно, на популярность таких тем повлияли различные факторы, например, такие как: последствия пандемии и ее влияние на общество; изменения рынка труда в Канаде в целом, и в провинции. Так, одной из наиболее популярных проблем стала тема здоровья и отдыха.

**“Pour 2025, je te souhaite
la santé avant tout!”**

Moi depuis le 1er Janvier:

Рис. 1

Techniquement... je ne suis pas si vieux que ça... mais mon dos et mes genoux sont clairement rendus à l'âge de la retraite...

Рис. 2

На рисунках 1 и 2 представлены интернет-мемы, которые явным образом отражают особую чувствительность квебекцев к вопросам поддержания собственного здоровья. Данные мемы могут быть восприняты как шутка о том, как трудно сохранить здоровье в условиях современных вызовов, таких как пандемия и ее последствия, новые вирусы, а также суровые погодные условия зимой на территории Канады. Пожелание здоровья на рисунке 1 (***Pour 2025, je te souhaite la santé avant tout!*** – Желая тебе крепкого здоровья в 2025 году!) подчеркивает важность этой темы и позволяет обсуждать ее в непринужденной и доступной форме. Фраза ***la santé avant tout*** – здоровье прежде всего является универсальной и распространенной, что характеризует чувство общности квебекцев, обеспокоенных своим здоровьем. Ответная реакция на поздравление ***Moi depuis le 1er Janvier:*** – Я первого января: демонстрирует реальность, которая выражается в визуальном изображении кота с насморком.

В меме, изображенном на рисунке 2, сочетаются элементы юмора и самоиронии, связанных с возрастными изменениями и их влиянием на здоровье, что является совершенно оправданным в естественных условиях жизни. Тем не менее данный мем подчеркивает, что, несмотря на еще не пожилой возраст (***Techniquement... je ne suis pas si vieux que ça...*** – Технически... я еще не так уж и стар...), квебекцы уже страдают от физических болей, что прослеживается во фразе ***...mais mon dos et mes genoux sont clairement rendus à l'âge de la retraite...*** – ...но моя спина и колени явно достигли пенсионного возраста... На синтаксическом уровне выделяется неоднократное использование многоточия, что усиливает эмоциональный и психологический эффект. Юмор в данном случае используется для смягчения серьезных тем, таких как возрастные изменения (старение) и здоровье. Применение словосочетания ***l'âge de la retraite*** – возраст выхода на пенсию в меме является отсылкой к актуальным вопросам пенсионного обеспечения и старения населения, которые отражают переживания и страхи квебекцев, связанные с будущим [\[7\]](#).

**Comment je me sens après
avoir pris une bonne douche,
et après avoir fait toute ma
routine skincare**

Рис. 3

**Le vrai bonheur c'est de
pouvoir se permettre de se
coucher tôt un samedi soir
tout en sachant qu'on ne doit
pas régler notre réveil-matin
le lendemain**

Рис. 4

Представленные на рисунках 3 и 4 мемы отражают взаимосвязь заботы о себе, своем здоровье и продолжительного отдыха с приятными ощущениями. Действительно, забота о себе вызывает у квебекцев положительные эмоции, что особенно популярно среди молодежи. Эти мемы подчеркивают важность личного комфорта, а также ежедневных процедур, связанных с уходом за собой, что является значимой частью культуры современного квебекского общества. Использование таких слов и словосочетаний, как ***bonne douche*** – *хороший душ* и ***routine skincare*** – *процедуры по уходу за кожей*, свидетельствует о том, что такая лексика является неотъемлемой частью повседневной речи, особенно среди молодого поколения, приверженного к определенным трендам. Кроме того, можно отметить, что квебекцы, несмотря на меры, направленные на защиту французского языка на территории провинции, не отказываются от англицизмов. Использование английской лексемы ***skincare*** – *уход за кожей* отражает особенности неоднозначной языковой ситуации в провинции Квебек.

На визуальном уровне в канадских мемах прослеживается тенденция использования изображения персонажей мультфильмов, а также животных, что делает их более смешными, и в то же время добрыми, усиливая эмоциональный отклик у пользователей интернет-среды. Мем с изображением спящего Джерри из мультфильма «Том и Джерри» (см. Рис. 4) и фразой на французском языке ***Le vrai bonheur c'est de pouvoir se permettre de se coucher tôt un samedi soir tout en sachant qu'on ne doit pas régler notre réveil-matin le lendemain*** – *Истинное наслаждение – это возможность лечь спать пораньше в субботу вечером, зная, что на следующее утро не нужно ставить будильник* может быть интерпретирован также в контексте отношения квебекцев к работе и балансу между трудом и личной жизнью. В провинции Квебек, как и во многих других странах, наблюдается растущее осознание важности отдыха и личного времени [\[8\]](#). Мем

подчеркивает, что счастье может заключаться в простых радостях, таких как возможность расслабиться и не беспокоиться о завтрашнем рабочем дне. Все это отражает квебекскую национально-культурную специфику. Квебекцы стремятся соблюдать баланс между работой и личной жизнью.

Изображение спящего Джерри вызывает чувство ностальгии и ассоциируется с беззаботным детством, что, в свою очередь, может отражать стремление квебекцев к простым удовольствиям и спокойствию в условиях современного стресса, связанного с работой. Имплицитная легкая критика в шуточной форме в сторону трудоголизма, присутствующего в современном обществе, предлагает альтернативный взгляд на истинное счастье, основанное не на достижениях в работе и успехах, а на простых ежедневных радостях и отдыхе.

**Parfois... je me demande
pourquoi je travaille au
service à la clientèle lorsque
je sais très bien que je
déteste les gens en général**

Рис. 5

**Moi qui calcule la dernière
seconde possible pour me
lever et arriver quand même
à la job à l'heure**

Рис. 6

Представленный на рисунке 5 мем с изображением сидящего в кресле человека в раздумьях с фразой ***Parfois... je me demande pourquoi je travaille au service à la clientèle lorsque je sais très bien que je déteste les gens en général*** – Иногда... я задаюсь вопросом, почему я работаю в сфере работы с клиентами, ведь я прекрасно знаю, что терпеть не могу людей в принципе также отражает несколько лингвокультурных особенностей, которые интересны с точки зрения анализа. Данная фраза содержит элемент самоиронии, который достаточно часто встречается в канадской культуре [9]. Мем подчеркивает противоречие между работой с клиентами и личными чувствами человека, что создает комический эффект. В Квебеке работа в сфере обслуживания является важной частью экономики [10]. Так, в меме отражается общее недовольство, которое испытывают многие сотрудники, работающие в непосредственном

контакте с людьми. Фраза ***je déteste les gens en général*** – я терпеть не могу людей в принципе служит способом выражения скрытых чувств человека, которые не всегда могут быть озвучены в реальной жизни, так как иначе данная фраза будет воспринята как нарушение социальных норм, вежливости и дружелюбия, являющимися важной составляющей квебекского сообщества.

В меме, изображенном на рисунке 6 (***Moi qui calcule la dernière seconde possible pour me lever et arriver quand même à la job à l'heure*** – Я, вычисляющий последнюю возможную секунду, чтобы встать и успеть на работу вовремя), прослеживается одна из преимущественно важных ценностей западных культур, включая канадскую, – пунктуальность. Здесь подчеркивается давление, которое испытывают квебекцы, стремящиеся успеть вовремя на работу, что также отражает социальные нормы, связанные с трудовой этикой и ответственностью. Как и в предыдущем меме (см. Рис. 5), можно увидеть элемент самоиронии, выражающийся в том числе и на визуальном уровне, – на изобразительной части мема представлен человек, подводящий подсчеты, что также создает комический эффект. Кроме того, следует отметить, что данный мем отражает тенденцию среди местной молодежи, предпочитающей дольше поспать, что может быть связано с изменениями в образе жизни и восприятии работы, особенно в контексте удаленной работы и гибкого графика [\[11\]](#).

Выводы

Итак, анализ 75 интернет-мемов на французском языке позволил выявить следующие особенности их вербальной и визуальной репрезентации:

1. Залогом успеха современного интернет-мема является грамотно составленный текст в сочетании с ярким изображением, основная задача которого – привлечь внимание пользователя и помочь ему «переключиться». В данном случае речь идет об определенном терапевтическом эффекте, который мемы могут оказывать на аудиторию посредством юмора.
2. В результате анализа синтаксических особенностей интернет-мемов можно констатировать тенденцию к упрощению синтаксических конструкций. Об этом свидетельствует преобладание простых и утвердительных предложений, а также сравнительно высокая степень употребления нечленяемых и присоединительных конструкций. Простой синтаксис способствует быстрому восприятию идейно-тематического содержания мема. Кроме того, в текстовой части квебекских интернет-мемов часто используется многоточие, что добавляет определенный эмоциональный и психологический эффект. Многоточие, как правило, создает эффект недосказанности и побуждает читателя поразмышлять и глубже прочувствовать содержание.
3. Ключевыми словами интернет-мемов являются общеупотребительные наречия и прилагательные. В целом авторы мемов используют простые лексемы, которые понятны широкой аудитории. Наиболее часто используется личное местоимение первого лица ***je*** – я, что создает ощущение личного обращения, делая мемы более значимыми для каждого пользователя.
4. На графическом уровне преобладает жирный шрифт в текстовой части, что позволяет делать текст более выразительным и ярким, привлекая внимание аудитории. К наиболее частым визуальным элементам квебекских интернет-мемов относятся изображения животных или анимационных персонажей. Подобные картинки придают тексту особую эмоциональность, способствуют комическому эффекту и делают мемы запоминающимися.

Таким образом, квебекские интернет-мемы отражают не только лингвокультурные особенности современного квебекского общества, но и новые вызовы, стоящие перед ним.

Библиография

1. Shifman, L. Memes in Digital Culture. Cambridge: MIT Press, 2013.
2. Гусейнова, Л. Д. Национальная идентичность квебекцев и ее отражение в канадском варианте французского языка // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. 2020. С. 63-68.
3. Smith, J. Memes and Cultural Trends in Canada. Journal of Digital Culture, 2020.
4. Johnson, L. The Humor of Canadians: A Study of Internet Memes. Canadian Journal of Communication, 2021.
5. Brown, A. Climate Change and Humor: The Role of Memes in Social Discourse. Environmental Communication, 2019.
6. Эбзеева, Ю. Н., Дугалич, Н. М. Методика анализа креолизованного текста политической карикатуры на арабском и французском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. № 23 (1). С. 127-133. DOI: 10.22363/2312-9220-2018-23-1-127-133.
7. Giosa, J. L. et al. Aging and Mental Health: Collaborating on Research Priorities with Older Adults, Caregivers and Health and Social Care Providers across Canada. Canadian Journal on Aging / La Revue canadienne du vieillissement, 2024, pp. 1-14.
8. Fang, T., Lee, B., Timming, A. R., & Fan, D. The Effects of Work-Life Benefits on Employment Outcomes in Canada: A Multivariate Analysis. Relations Industrielles / Industrial Relations, 2019, 74 (2), 323-352.
9. Laplante, Y. L'ironie au service du discours social : quand le rire du Québec prend la clé Deschamps. Bulletin d'histoire politique, 2005, 13 (2), 93-98.
10. Bradley, D. M., Elenis, T., Hoyer, G., Martin, D. and Waller, J. Human capital challenges in the food and beverage service industry of Canada: Finding innovative solutions. Worldwide Hospitality and Tourism Themes, 2017, Vol. 9 No. 4, pp. 411-423.
11. Duncan, M. J. et al. Sleep duration change among adolescents in Canada: Examining the impact of COVID-19 in worsening inequity. SSM-population health, 2023, vol. 23, 101477. 28 Jul. 2023.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье являются языковые и социокультурные аспекты квебекских интернет-мемов. Актуальность работы обусловлена, во-первых, повышенным интересом научного сообщества к такому «достаточно молодому явлению», как интернет-мемы; во-вторых, необходимостью рассмотреть интернет-мемы как одно из наиболее ярких средств выражения национальной идентичности квебекцев («жители провинции Квебек известны своим чувством юмора, и часто мемы служат способом затронуть в шуточной форме социальные проблемы или выразить свое мнение относительно тех или иных событий»).

Теоретической основой исследования послужили труды таких отечественных и зарубежных ученых, как Л. Д. Гусейнова, Ю. Н. Эбзеева, Н. М. Дугалич, Лимор Шифман, L. Johnson, A. Brown, J. Smith, J. L. Giosa, Y. Laplante и др., посвященные особенностям интернет-мема; мемам и культурным трендам в Канаде; вопросам национальной

идентичности квебекцев; методике анализа креолизованного текста и др. Библиография насчитывает 11 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Обращаем внимание автора(ов), что рекомендуемый редакцией объем списка литературы для оригинальной научной статьи – не менее 20 источников.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, сопоставление, количественный подсчет, классификация и описание; компонентный анализ, позволяющий описать элементы вербального и визуального характера в интернет-мемах, дискурс-анализ для оценки влияния факторов, способствующих созданию интернет-мема, а также метод текстовой интерпретации, позволяющий выявить характер взаимодействия вербальных и невербальных составляющих в малоформатном креолизованном тексте. В ходе работы применена методика анализа креолизованного текста по Ю. Н. Эбзеевой и Н. М. Дугалич. Эмпирической основой исследования послужила выборка франкоязычных мемов, распространенных в интернет-среде провинции Квебек за второе полугодие 2024 года. В качестве базы для отбора материала была выбрана квебекская веб-платформа ConneriesQc («на сегодняшний день сайт существует уже 14 лет и представляет собой объемное хранилище интернет-мемов на французском языке»).

В результате анализа 75 интернет-мемов на французском языке выявлены особенности их вербальной и визуальной репрезентации, в т. ч. тенденция к упрощению синтаксических конструкций; использование многоточия, общеупотребительных наречий и прилагательных, личного местоимения первого лица *je* – я, что «создает ощущение личного обращения, делая мемы более значимыми для каждого пользователя»; преобладание жирного шрифта в текстовой части, изображений животных или анимационных персонажей и др. На основе проанализированного материала составлена сводная таблица с распределением тематик (проблем), которые нашли свое отражение в мемах и вызвали активное обсуждение в квебекском веб-сегменте за изучаемый период времени. Делается вывод о том, «квебекские интернет-мемы отражают не только лингвокультурные особенности современного квебекского общества, но и новые вызовы, стоящие перед ним».

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в разработку феномена интернет-мема, в изучение языковых и социокультурных аспектов квебекских интернет-мемов. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов в дальнейших научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории дискурса, теории текста, семасиологии и межкультурной коммуникации.

Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика изложения материала четкая. Однако объем рукописи слишком мал для раскрытия темы, особенно в теоретической части: обзор научной литературы по теме представлен чересчур сжато.

В целом статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан Ш. Изображение В. К. Плеве в ретродетективах Николая Свечина // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.73941 EDN: DPWKLV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73941

Изображение В. К. Плеве в ретродетективах Николая Свечина

Чжан Шицун

ORCID: 0009-0006-2519-4560

соискатель; Филологический факультет; Санкт-Петербургский государственный университет

199406, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

✉ aidazh@126.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.73941

EDN:

DPWKLV

Дата направления статьи в редакцию:

02-04-2025

Аннотация: Предметом исследования данной статьи является изображение образа В. К. Плеве в ретродетективах Николая Свечина. В статье рассматривается, как Свечин отражает историю поздней Российской империи через создание образа Плеве — крупного государственного деятеля, одного из ключевых хранителей монархических устоев и порядка в стране. Материалами исследования послужили детективные романы писателя, такие как «Между Амуром и Невой», «Выстрел на Большой Морской» и «Лучи смерти». Тексты этих произведений сопоставляются с документальными источниками, содержащими сведения о личности и деятельности Плеве, включая воспоминания или сочинения современников, а также исследовательские монографии историков. Выявляются соответствия и различия как в изображении личности Плеве, так и в интерпретации связанных с ним событий. Основными методами исследования в данной статье служат сравнительно-исторический метод и историко-генетический метод. Новизна исследования обусловлена тем, что в настоящее время отсутствуют серьезные работы, посвященные изображению образа знаменитых исторических фигур в ретродетективах Николая Свечина. Автор утверждает, что в изображении Плеве Свечин опирается на ряд текстов воспоминаний современников, таких, как С. Ю. Витте, А. А.

Лопухин и др. В то же время Свечин подвергает исторические источники упрощению, которое позволяет продемонстрировать нравственную безупречность Плева и представить его положительный образ как честного и способного чиновника. Конфронтация Плева с группировкой Дурново-Витте-Зубатова, соответственно, переосмысливается как борьба между «другом» главного героя с его врагами. Четкое разделение представителей добра и зла обеспечивает легкость чтения и понимания произведений писателя.

Ключевые слова:

Николай Свечин, В. К. Плева, ретродетектив, история, историческая проза, репрезентация истории, творчество Н. Свечина, сравнительно-исторический метод, историко-генетический метод, массовая литература

Введение

В историческом жанре, как справедливо отмечает В. С. Сергеева, «соотношение истории и вымысла всегда не случайно» [\[1, с. 152\]](#), и особое значение приобретает здесь цель, которую ставит перед собой автор: она определяет принцип отбора материалов и способы их интерпретации. Современное переосмысление отношений литературы и истории в рамках так называемого Нового историзма указывает на некую «однородность» текстов художественной исторической прозы и текстов документальных: писатель, как и историки, проводит своего рода исследование, собирая материалы и интерпретируя события. На этом фоне представляется, что при изучении произведений современной беллетристики, действие которых отнесено в прошлое, целесообразно привлечь, по словам Л. А. Трубиной, «более широкий интертекстуальный и междисциплинарный контекст» [\[2, с. 432\]](#), т. е. задействовать в исследовании обширный круг исторических источников.

Настоящая статья посвящена ретродетективам Николая Свечина, которые стали весьма востребованными среди читателей в последние годы. Эти произведения характеризуются, с одной стороны, стремлением к достоверному воспроизведению описываемой эпохи. Так, согласно Л. Данилкину, романы Свечина «запоминаются не столько криминальной фабулой, сколько удивительными, ни в каких учебниках не сыщешь, сведениями» [\[3, с. 149\]](#). К выводам о том, что в романах писателя первичную роль играет не столько детективный и приключенческий сюжет, сколько исторически-краеведческая составляющая в них, приходят и другие исследователи [\[4, 5\]](#).

С другой стороны, детективный жанр предполагает «жесткие жанрово-тематические каноны, <...> предлагающие определенную сюжетную схему и обладающие общностью тематики, устоявшимся набором действующих лиц или типов героев». «Каноническое начало и типовые шаблоны», по мнению М. А. Черняк, и «формируют "жанровое ожидание" читателя» [\[6, с. 4\]](#). Таким образом, несмотря на стремление писателя к исторической достоверности, изображение прошлого в его романах неизбежно беллетризуется и упрощается, подчиняясь канонам жанра.

Сравнивая тексты Свечина с их возможными историческими источниками, мы попытаемся выяснить, каким образом Николай Свечин оправдывает «жанровое ожидание» читателей, обеспечивая достоверность приведенных сведений об описываемой эпохе,

как он перерабатывает документальные материалы в целях приведения их в соответствие с поэтикой массовой литературы, которой, как правило, чужд анализ сложных моральных проблем.

Система персонажей в ретродетektивах Свечина строится на основе этой упрощенной поэтики, канонической для массовой литературы. Персонажей Свечина можно условно разделить на две группы: друзья и враги Алексея Лыкова. Рассмотрим образ одного из лыковских «друзей» – В. К. Плева.

Обсуждение

Образ министра впервые возникает в романе «Между Амуром и Невой» (в последующих изданиях роман назывался «Роковые числа» и «"Демон" преступного мира»), где Плева изображается почти как некий мифологический герой, который восстанавливает порядок из хаоса, ранее царившего в империи: «К этому времени в воцарившемся хаосе начали закладываться первые камни будущего порядка. 15 апреля директором Департамента государственной полиции <...> был назначен Вячеслав Константинович фон Плева. <...> Плева железной рукой быстро и эффективно начал наводить в империи порядок» [7, с. 25]. Будучи непосредственным начальником Благово, директор Департамента полиции оказывал огромную поддержку проводимым сыщиками операциям. В романе «Выстрел на Большой Морской» Плева изображается как начальник, умеющий ценить достоинства подчиненных и дающий им возможность развиваться. Главные герои относятся к начальнику с полным доверием: «За помощью, – приказал Благово Лыкову, – в случае необходимости, обращай только к Плеве. Больше никому не верь!» [8, с. 76]. В обоих романах постоянно подчеркивается ум Вячеслава Константиновича: «...умница Плева решил отделить его от уголовных арестантов раз и навсегда» [7, с. 398]; «Умный Плева не ошибся в своих опасениях» [8, с. 24]; «Подлетела пароконная коляска, остановилась, и из нее высунулось умное лицо Плева» [8, с. 369] и т. д.

Благородный образ Плева сохраняется и в романе «Лучи смерти», где центральная интрига – убийство профессора Филиппова – раскрывается на фоне борьбы между двумя крупными политическими деятелями эпохи Николая II: министром внутренних дел В. К. Плеве и министром финансов С. Ю. Витте.

В повествовании о политической обстановке в царской России в начале XX века, которое предшествует собственно детективному сюжету, рассказывается о том, как царь спрашивал у Витте и Победоносцева мнение о кандидатуре нового министра внутренних дел: кого выбрать – Плева или Д. С. Сипягина? Этот текст, по-видимому, заимствован из мемуаров Витте, который писал, что, по его мнению, Плева был человек безусловно умный и способный, однако без каких-либо убеждений; Сипягин был гораздо менее способный, но зато с убеждениями. Победоносцев в романе высказывается похожим образом, только резче: «...Плева – подлец, а Сипягин – дурак» [9, с. 377].

Витте, будучи врагом министра внутренних дел, был весьма невысокого мнения о личности Плева, признавая, однако, ум и способность чиновника. Так, в своих мемуарах Витте характеризует личность Плева следующим образом: «...очень умный агент тайной полиции, недурной юрист, оппортунист, поверхностно образованный, хитрый и ловкий карьерист-чиновник, вообще весьма неглупый, но без всякого государственного инстинкта» [9, с. 540]. Свои отношения с Плеве мемуарист описывает так: «Плева имел против меня личный зуб потому, что он думал, что я дважды помешал ему стать министром внутренних дел, он был злопамятен и мстителен. Мы с ним расходились и

относительно государственной политики (я не говорю по убеждениям, так как таковых он не имел) по большинству вопросов. Мое убеждение, что русский Государь должен опираться на народ. Плеве же считал, что Он должен опираться на дворянство» [\[9, с. 502\]](#).

Как мы видим, хотя Витте и утверждает, что у Плеве не было убеждений, он тут же приписывает ему консервативно-монархические взгляды, и противостояние теряет чисто личный характер. В отзывах других крупных деятелей также встречаются указания и на консерватизм, и на отсутствие взглядов у Плеве. Так, Е. М. Феоктистов высоко ценил его «значительный ум, громадную память и способность работать без отдыха», с одной стороны, но признавался, что «можно усомниться, чтобы Плеве относился с сердечным участием к чему-либо, кроме своих личных интересов» [\[10, с. 227\]](#), с другой.

В романе можно найти немало и других совпадений с текстом Витте. Так, в эпилоге автор рассказывает о том, как Плеве незадолго до своей гибели собирался донести о «сотрудничестве» Витте с революционерами и пишет, что «Вячеслав Константинович по уму и по духу являлся полицейским. И методы его были полицейские» [\[11, с. 366\]](#). Витте писал, что «так как он <Плеве. – Ч. Ш.> был лишь умный, культурный и бессовестный полицейский, то, конечно, он и не мог придумывать никаких мер для устранения этого общественного возмущения, кроме мер полицейских, мер силы или мер полицейской хитрости» [\[9, с. 509\]](#). В словах Плеве из разговора с Лыковым есть указание на антисемитские настроения министра внутренних дел: «Он <Витте. – Ч. Ш.> давно состоит на откупе у европейских жидов. Когда займы на биржах размещает. И сам по характеру жид» [\[11, с. 193\]](#). На антисемитизм министра намекает и Витте, рассказывая о своих разногласиях с Плеве по еврейскому вопросу: «Я не решусь сказать, что Плеве непосредственно устраивал эти погромы, но он не был против этого, по его мнению, антиреволюционного противодействия» [\[9, с. 509\]](#).

В реальной истории политика Плеве как министра внутренних дел не устраивала «ни значительную часть правящей элиты, ни либеральное общество, ни, разумеется, революционеров» [\[12, с. 202\]](#). Это обстоятельство упоминается в лыковском монологе: Плеве «действительно нарывался, восстановив против себя всех и вся» [\[11, с. 358\]](#).

Несмотря на то, что в самом начале романа «Лучи смерти» Плеве устами Победоносцева характеризуется как «подлец», в дальнейшем развитии сюжета Вячеслав Константинович предстает как персонаж сугубо положительный. Так, согласно Лыкову, Плеве, «при всей кажущейся суровости, очень трогательно заботился о своих сотрудниках, даже рядовых» [\[11, с. 18\]](#). Министр не только интересуется разногласиями Лыкова с его начальником А. А. Лопухиным и решает служебные проблемы своего верного подчиненного, но и распоряжается начислить пенсию матери погибшего во время полицейской операции поручика Белокопя. Жизнь Плеве находится под постоянной угрозой со стороны революционеров, однако министр проявляет мужество и остается верен долгу: «– Меня могут убить в любой момент. <...> – Не надо меня утешать, я не курсистка. Конечно, убьют! Вопрос в том, что я успею до этого сделать» [\[11, с. 21\]](#). Близкие министру люди, в том числе и Лыков, переживают за Плеве: «Понимаешь, как ему тяжело? Жить и постоянно ждать пули или бомбы...» [\[11, с. 117\]](#). Однако сам министр, несмотря на угрозы, остается трудолюбив и энергичен, самоотверженно работая ради интересов империи. Неприязнь Плеве к Витте была обусловлена не его карьерными поползновениями, как писал в мемуарах министр финансов, а заботой о судьбе государства: «– Витте скоро не

будет, – убежденно ответил Плеве. – Я уберу этого мерзавца из власти. Хватит ему губить страну» [\[11, с. 20\]](#).

В воспоминаниях о Плеве, написанных в апологетическом духе, можно найти много соответствий с этими моментами в романе. Так, его современник писал, что «на многих лиц, приходивших с ним в соприкосновение, Вячеслав Константинович производил обаятельное впечатление задушевною простотою обращения, всегдашнюю готовностью прийти на помощь и сердечною отзывчивостью на всякое истинное горе» [\[13, с. 45\]](#). О «золотом сердце» министра писали после его смерти в консервативных «Московских ведомостях»: «Сделать кому-либо добро было великою для него радостью, и он неоднократно говорил, что его высокое положение имело для него лишь одну привлекательную сторону – большую возможность делать добро» [\[13, с. 63\]](#). Реальный Плеве, если верить современникам, сохранял «постоянную уравновешенность духа» [\[13, с. 43\]](#) перед смертельными угрозами, и «близким ему людям больно было видеть, как он гнал от себя всякую мысль о личном будущем, а будущее это было для него близко и грозно» [\[13, с. 51\]](#). Плеве проявлял самоотверженность и бесстрашие в государственных делах: «Вячеслав Константинович <...> верил в высокое призвание русского народа и бесстрашно шел к осуществлению того, что считал благом России» [\[13, с. 43\]](#).

Вышесказанное позволяет говорить о некоем внутреннем конфликте в образе Плеве у Свечина. С одной стороны, будучи начальником главных героев, Плеве в основных сюжетах детективов неколебимо стоит на их стороне и предстает как персонаж из числа «друзей Алексея Лыкова». С другой стороны, Свечин, хорошо знакомый с различными источниками, не идеализирует личность Вячеслава Константиновича как государственного мученика, вставляя в текст своего исторического повествования эпизоды, рисующие различные темные стороны его биографии. Тем не менее в общих чертах образ Плеве у Свечина остается благородным. Сюжет романа «Лучи смерти» – и, в частности, эпизод с отставкой Зубатова и падением Витте – опровергает приведенное в начале романа суждение Победоносцева о «подлости» министра внутренних дел.

В реальной истории против Плеве активно действовал сам Витте, чья значимость в романе, однако, оказывается снижена. Лидером группы, выступающей против министра внутренних дел в романе Свечина становится Дурново, втайне управляющий ходом борьбы и превращающий министра финансов в «марионетку». Писатель, таким образом, прибавляет к историческому сюжету характерный для его детективов мотив борьбы между крупными сановниками: разоблачение закулисного интригана, который первоначально казался герою человеком нейтральным. Лыков, раскрывая истину об убийстве Филиппова, думает: «Но Дурново... Он уважал Петра Николаевича. Восемь лет Лыков прослужил под его началом. Никогда не возникало между ними недоразумений, это был выдающийся государственный деятель!» [\[11, с. 348\]](#).

Это отталкивание от реальной истории приводит к ряду несоответствий текста романа с историческими источниками. В реальной истории знаменитый провокатор Евно Азеф был связан с П. Н. Дурново только тем, что анонимно писал в Департамент полиции, предлагая сотрудничество, в то время, когда директором Департамента был Дурново. Отсутствуют свидетельства о том, что Петр Николаевич руководил провокационной деятельностью Азефа. Решение о принятии его в сотрудники было принято И. И. Петровым, который стал директором Департамента после отставки Дурново. Будучи учеником Зубатова, Азеф в начале 1900-х гг. оказался под руководством Плеве. В романе, однако, Азеф становится осведомителем, деятельностью которого

непосредственно руководит Дурново. Плеве не участвовал в провокации и, соответственно, стал невинной жертвой интриги против него. Правда, Свечин, зная о неясности реальных обстоятельств убийства Плеве, не указывает однозначно на причины, по которым Азеф организовал покушение. Тем не менее есть основания предполагать, что писатель намекает на то, что убийство Плеве было устроено Дурново. Петр Николаевич, как будто по неосторожности оговорившись, говорит Лыкову: «– <...> скоро Вячеславу Константиновичу конец. И тут же спохватился: – Я имею в виду отставку, а не смерть от бомбы террориста!» [\[11, с. 351\]](#). В эпилоге, завершающем роман, писатель приводит именно ту версию покушения на Плеве, которая связана с Зубатовым: «По одной из версий, осведомитель выполнил просьбу двух отставников – Зубатова и Рачковского. Оба долго «вели» его по службе, имели с провокатором личные отношения» [\[11, с. 367\]](#). Азеф в романе был «осведом» не столько Зубатова, сколько самого Дурново. Когда Лыков понимает, что «Иван Николаевич» – это осведомитель Дурново (это происходит в беседе с последним), автор сразу в сноске объясняет читателю, что это один из псевдонимов знаменитого Евно Азефа. См.: [\[11, с. 352\]](#). Детективно-приключенческий сюжет, таким образом, представляет читателям одну из возможностей реальной истории, которая усиливает конспирологический колорит текста.

Образ Плеве как честного полицейского и жертвы закулисных интриг углубляется за счет художественной переработки его реальных отношений с Зубатовым. Эксперименты Зубатова по внедрению так называемого «полицейского социализма» в исторической реальности получили поддержку со стороны Вячеслава Константиновича. Как утверждал ученик Зубатова А. И. Спиридович, Плеве «очень заинтересовался его проектами по рабочему вопросу <...> Зубатов не упустил, конечно, из виду развить перед новым министром идею, насколько неправ Витте, игнорирующий рабочий вопрос <...> И как только Зубатов был переведен в Петербург <...> ему было разрешено не только опекать уже созданное московское движение, но продолжать таковое же в Минске, ставить его в Одессе, Киеве и, самое главное, в Петербурге» [\[14, с. 81-82\]](#). Зубатов при Плеве стал главным человеком в делах полицейского сыска: «...в сущности теперь вся полицейская часть, – говорил Плеве, – т. е. полицейское спокойствие государства, в руках Зубатова, на которого можно положиться» [\[9, с. 511\]](#). Витте, известный как либерал, наоборот, считал, что «идея зубатовщины столь же проста, как и наивна» [\[9, с. 510\]](#). Зная об отношении к себе министра финансов, Зубатов, согласно Витте, не стремился установить с ним каких-либо личных связей, оставаясь человеком Плеве. В романе, однако, связь Зубатова с Плеве не особо подчеркивается – он оказывается непосредственным подчиненным не Плеве, а Дурново (ради правдоподобия исторических сведений автор в конце романа мимоходом упомянул, что Плеве поддерживал «зубатовщину». См.: [\[11, с. 364\]](#)).

В связи с тем, что непосредственным начальником Зубатова в романе становится Дурново, подвергается переработке и причина вспыхнувшей вдруг неприязни Плеве к Зубатову. В реальной истории, так же, как пишет Свечин в романе, Плеве «в исключительно грубой форме» уволил Зубатова: «в присутствии товарища министра внутренних дел В. В. Валя, не предложив Зубатову сесть, не входя в подробные объяснения, потребовал от него немедленной передачи дел и отъезда из столицы» [\[15, с. 242-243\]](#). Однако увольнение исторического Зубатова было в значительной степени связано с тем, что он изменил своему начальнику: Зубатов устроил вместе с Витте, врагом Плеве, интригу против своего покровителя. «Плеве простил бы ему неудачи с построением “полицейского социализма”, но не интригу» [\[15, с. 243\]](#), – считает историк Ф.

М. Лурье. В романе же поведение Зубатова вызвало у Плеве резкую реакцию по другой причине: «Сергей Васильевич лишь по чину состоял в седьмом классе. Влияние его на внутреннюю политику было выше некоторых министров. Начальник Особого отдела Департамента полиции! Создатель новых охранных отделений, покрывших сетью все важные центры империи. Идеолог внутреннего осведомления и мастер тайного сыска. И вдруг подменяет собой министра, вынося смертный приговор революционеру...» [\[11, с. 357\]](#).

Здесь подчеркивается недовольство руководства самовольным решением Зубатова убить Филиппова, а также беспокойство, которое вызывает огромное влияние чиновника и его амбиции. Иными словами, неприязнь министра внутренних дел по отношению к Сергею Васильевичу исходит, по большому счету, из заботы о благе государства и о законности поведения своих подчиненных.

В романе сюжет об интриге против Плеве и увольнении Зубатова был заимствован в основном из воспоминаний А. А. Лопухина. Согласно мемуаристу, Зубатов подготовил письмо, в котором говорилось о том, что политика Плеве губительна для страны и что министром внутренних дел надо назначить вместо него Витте. «Это письмо Мещерский должен был передать Николаю II, – пишет Лопухин, – как голос народа, и убедить его последовать пути, этим голосом указываемому» [\[16\]](#). Тем не менее по неосторожности Зубатов посвятил в этот план Гуровича, и тот сообщил о письме Вячеславу Константиновичу. Плеве рассказал о готовящей интриге императору, что привело к падению Витте и увольнению Зубатова. Как пишет Лопухин, «во избежание нежелательных для правительства огласки и скандала он <Плеве. – Ч. Ш.> вынужден был связать наложенную на Зубатова кару с политикой последнего в рабочем вопросе» [\[16\]](#).

Интрига Витте-Зубатова-Мещерского против Плеве – это лишь одна из версий причины отставки Витте и Зубатова. Витте, например, вспоминает, как Зубатов, почувствовав опасность, обратился к нему в поисках защиты. Министр финансов, несмотря на давний конфликт с Плеве, однако, решил не вредить Зубатову и не рассказывать Плеве о беседе его с Зубатовым. Сергей Васильевич тогда отправился к князю В. П. Мещерскому за помощью, после чего Мещерский не только рассказал Плеве о мыслях Зубатова, но и сообщил, что тот был у Витте. «Это было достаточным поводом, – пишет министр финансов, – для того, чтобы Зубатова не только устранить от его места, но даже сослать в город Владимир» [\[9, с. 511\]](#).

Заметим также, что, по мнению Витте, меры, предпринятые Плеве по отношению к революционерам, привели министра внутренних дел к гибели.

Что касается отставки Витте с поста министра финансов, то согласно самому Витте, оно «объясняется почти исключительно» его несогласием с политикой на Дальнем Востоке, которая привела к Японской войне [\[9, с. 530\]](#). При этом Витте утверждает, что в его отставке Плеве играл значительную роль: «Я чуял, что во главе всего стоит Плеве, но он не демонстрировался. Когда он был убит и стали разбирать его кабинет, то оказалось, что все документы, касавшиеся дел Дальнего Востока, или в подлинниках или в копиях, очутились у него» [\[9, с. 562\]](#).

Таким образом, версия Лопухина отличается от версии Витте тем, что в ней Плеве выглядит относительно чистым и честным. Министр сам не устраивал интриг против своих врагов, а лишь дал им отпор. Выбирая версию Лопухина как материал для создания

текста о падении Зубатова и Витте, Свечин, с одной стороны, обеспечивает правдоподобность повествования о реальных фигурах в романе (интрига заимствована из исторических источников) и выразительность сюжета (автор выбирает именно версию с интригой). С другой стороны, он стремится к изображению положительного образа Плеве как честного полицейского, чью сторону и выбирает главный герой, неподкупный Алексей Лыков.

Отношения главного героя к врагам Плеве показаны у автора ретродетектива весьма ясно. О Зубатове Лыков отзывался как о некоем «предлагаемом противнике»: «Но тот же Зубатов – выдающийся мастер политического сыска, глупо это отрицать. Пусть он дует на Лыкова, как мышь на крупу. Если умный – а он умный, – то быстро успокоится. Если амбиции возьмут верх, ну и черт с ним» [11, с. 52]. Что касается Витте, то Лыков, считая его человеком малоспособным в государственных делах, желал, чтобы Плеве победил в их борьбе: «– У меня есть сильный противник, вы знаете. Это Витте. И поездка с царской семьей очень важна. По ее итогам кто-то из нас двоих потеряет пост. Или он, или я. – Лучше бы он, – пробормотал сыщик» [11, с. 511]; «– Увольте от такого, – пробормотал сыщик. Потом до него дошло: – Но позвольте, какой же из Витте министр внутренних дел?!» [11, с. 353].

Однако Витте изображается в романе довольно упрощенно. Крупный государственный деятель конца XIX – начала XX века, Витте был, безусловно, сложной личностью. Взгляды министра в реальной истории претерпевали эволюцию (см.: например, суждение историков: «Как государственный деятель Витте отличался редким для представителей русской бюрократии качеством – он был прагматиком и обладал удивительной способностью радикальным образом изменять свои взгляды в зависимости от обстоятельств. Его прагматизм, граничивший с политиканством, часто шокировал современников» [17, с. 7-8]). В романе, однако, Витте предстает прежде всего коррупционером. Беседуя с Лыковым, чиновник не уговаривает Алексея, исходя из своих политических убеждений, а всего лишь старается подкупить собеседника: «Всем людям что-нибудь нужно. И вы не исключение. Чин, аренду, пособие – что желаете?» [11, с. 356]. Этот эпизод доказывает справедливость реплики Плеве о министре финансов: «Всех подкупает, настраивает против меня» [11, с. 193].

Конфронтация Плеве со своими врагами, таким образом, по сравнению с реальной историей, подвергается упрощению. Не вдаваясь в подробный рассказ о конфликтах сановников по поводу разных государственных вопросов, писатель изображает конфронтацию Плеве с группировкой Дурново-Зубатова-Витте как борьбу «друга» главного героя с его врагами, т. е. борьбу между честным, способным и самоотверженным государственным служащим с коррумпированными, корыстными чиновниками.

Заключение

Вышесказанное позволяет нам прийти к следующим выводам. Опираясь при создании художественного текста на обильные документальные материалы, Свечин предоставляет читателям весьма достоверные сведения о таком крупном политическом деятеле, как В. К. Плеве. В то же время писатель, исходя из свойственных массовой литературе ценностей, значительно упрощает образ министра, подчеркивая его нравственную безупречность и изображая его в качестве образцового честного чиновника, который, будучи несомненным «другом» главного героя, выступает в большинстве случаев в роли защитника добра.

Библиография

1. Сергеева В. С. История и вымысел в исторической прозе // Вестник славянских культур. 2016. № 4. С. 151-162. EDN: XDSHKX.
2. Трубина Л. А. Диалог литературы с историей в оценке современного литературоведения // Преподаватель XXI века. 2018. № 4-2. С. 429-443. EDN: VUBYJW.
3. Данилкин Л. Клудж. Книги. Люди. Путешествия. М.: РИПОЛклассик, 2016. 384 с.
4. Лапшина Д. С. Образ Нижнего Новгорода в историческом детективе Николая Свечина "Завещание Аввакума" // Нижегородский текст русской словесности как художественное постижение национальной ментальности: Сборник статей по материалам VII Международной научной конференции. Минский университет, 2019. С. 110-116. EDN: WXVKYZ.
5. Юхнова И. С. Нижегородский детектив Николая Свечина // Духовная культура нижегородского региона: опыт системного описания: Коллективная монография / под ред. М. Г. Уртминцевой. Нижний Новгород, 2018. С. 161-165. EDN: MUUJRB.
6. Черняк М. А. Массовая литература конца XX – начала XXI века: технология или поэтика? // Филологический класс. 2008. № 20. С. 4-11. EDN: OOTWIR.
7. Свечин Н. Роковые числа. М.: Эксмо, 2022. 448 с.
8. Свечин Н. Выстрел на Большой Морской. М.: Эксмо, 2022. 384 с.
9. Витте С. Ю. Воспоминания. Полное издание в одном томе. М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2010. 1247 с.
10. Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. 1848-1896: Воспоминания. М.: Новости, 1991. 464 с.
11. Свечин Н. Лучи смерти. М.: Эксмо, 2023. 384 с.
12. Колпакиди А., Север А. Спецслужбы Российской Империи: Уникальная энциклопедия. М.: Яуза: Эксмо, 2010. 768 с.
13. Памяти Вячеслава Константиновича Плеве. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1904. 132 с.
14. Спиридович А. И. Записки жандарма. М.; Берлин: Директ-Медия, 2020. 204 с.
15. Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы. СПб.: Час пик, 1992. 413 с.
16. Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний (по поводу "Воспоминаний" гр. С. Ю. Витте). URL: <https://doc20vek.ru/node/2290> (Дата обращения: 13.05.2024).
17. Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 438 с. EDN: YUONWI.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Материал, к изучению которого обращается автор статьи «Изображение В. К. Плеве в ретродетективах Николая Свечина», представляет научный интерес и в плане обращения к творчеству писателя, который сумел найти свою форму детективного повествования, стал заметным явлением современной массовой литературы (его произведения активно публикуют столичные издательства, а рецензии на них появляются в таких российских изданиях, как «Российская газета», «Культура», «Профиль» и др., по его книгам снимаются фильмы, в Нижегородском театре комедии уже много лет с успехом идет спектакль «Сыщики»; появились и научные исследования о его творчестве), и в плане теоретического осмысления специфики массовой литературы как явления, принципов работы авторов, работающих в жанре ретродетектива, с историческим материалом.

Автор статьи очень точно обозначает научную проблему – анализ возможных исторических источников произведений Н. Свечина, которая приобретает особое значение на фоне заявлений самого писателя во время встречи с жителями Варнавино о том, что при создании своих произведений он в большей мере руководствуется вымыслом. Наблюдения автора статьи показывают, как трансформируется исторический источник в произведении массовой литературы, как интерпретируются факты, особенности личности реального исторического деятеля в повествовании, рассчитанном на массового читателя.

Цели, который ставил перед собой автор статьи, достигнуты. В работе осуществлен качественный исторический комментарий к произведениям Н. Свечина. Статья хорошо структурирована, с интересом читается. Она, конечно же, должна быть опубликована в журнале после некоторой доработки.

1. Автору статьи необходимо расширить библиографию. В списке литературы в основном указаны произведения Н. Свечина и лишь два исследования. Между тем работ, изучающих и специфику массовой литературы, и жанр детектива, множество. Они могли бы составить теоретическую базу данной статьи. Ритуальной ссылки на известное исследование М.А. Черняк явно недостаточно. Кроме того, творчество Н. Свечина также получило некоторое научное осмысление: есть статьи И.С. Юхновой, Е.М. Дзюбы, О.Ю. Осьмухиной, И.А. Митрофановой, в которых освещались в том числе и проблемы фактографии.

2. Необходимо отредактировать или исправить следующий фрагмент статьи: «... достоверность изображения истории, как он перерабатывает документальные материалы переработке в целях приведения их в соответствие с поэтикой массовой литературы...»

3. Необходимо оформить правильно цитаты (поставить кавычки, «подтянуть» цитату к словам автора):

Свои отношения с Плеве мемуарист описывает так:

Плеве имел против меня личный зуб потому, что он думал, что я дважды помешал ему стать министром внутренних дел, он был злопамятен и мстителен. Мы с ним расходились и относительно государственной политики (я не говорю по убеждениям, так как таковых он не имел) по большинству вопросов. Мое убеждение, что русский Государь должен опираться на народ. Плеве же считал, что Он должен опираться на дворянство. [4, с. 502]

Лыков, раскрывая истину об убийстве Филиппова, думает:

Но Дурново... Он уважал Петра Николаевича. Восемь лет Лыков прослужил под его началом. Никогда не возникало между ними недоразумений, это был выдающийся государственный деятель! [6, с. 348]

В эпилоге, завершающем роман, писатель приводит именно ту версию покушения на Плеве, которая связана с Зубатовым:

По одной из версий, освед выполнил просьбу двух отставников – Зубатова и Рачковского. Оба долго «вели» его по службе, имели с провокатором личные отношения. [6, с. 367]

В романе же поведение Зубатова вызвало у Плеве резкую реакцию по другой причине: Сергей Васильевич лишь по чину состоял в седьмом классе. Влияние его на внутреннюю политику было выше некоторых министров. Начальник Особого отдела Департамента полиции! Создатель новых охранных отделений, покрывших сеть все важные центры империи. Идеолог внутреннего осведомления и мастер тайного сыска. И вдруг подменяет собой министра, вынося смертный приговор революционеру... [6, с. 357].

4. Выделить деепричастный оборот в предложении «Зная об отношении к себе министра финансов Зубатов...»

5. Уточняющее предложение надо начать с маленькой буквы: «...Дурново (Ради правдоподобия...»

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает изображение В. К. Плеве в ретродетektивах Николая Свечина. Актуальность работы аргументируется тем, что ретродетективы Николая Свечина стали весьма востребованными среди читателей в последние годы. Несмотря на стремление писателя к исторической достоверности, изображение прошлого в его романах неизбежно беллетризуется и упрощается, подчиняясь канонам жанра. В настоящем исследовании автор(ы), сравнивая тексты Свечина с их возможными историческими источниками, предпринимают попытку выяснить, «каким образом Николай Свечин оправдывает «жанровое ожидание» читателей, обеспечивая достоверность приведенных сведений об описываемой эпохе, как он перерабатывает документальные материалы в целях приведения их в соответствие с поэтикой массовой литературы, которой, как правило, чужд анализ сложных моральных проблем».

Теоретической основой исследования обоснованно выступили труды таких российских ученых, как М. А. Черняк, И. С. Юхнова, Д. С. Лапшина, Л. А. Трубина, В. С. Сергеева и др., посвященные исторической прозе и анализу исторических детективов Николая Свечина. Библиография составляет 17 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Обращаем внимание на то, что автор(ы) практически не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако в данном случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе. Методология исследования определена целью и поставленным задачам и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод с приёмами наблюдения и обобщения, литературоведческий и художественный анализ, текстуально-герменевтический анализ произведений, а также сравнительно-исторический и историко-генетический методы и др.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи, сформулированы обоснованные выводы о том, что при создании художественных текстов Свечин, «опираясь на обильные документальные материалы, предоставляет читателям весьма достоверные сведения о таком крупном политическом деятеле, как В. К. Плеве». В то же время писатель, «исходя из свойственных массовой литературе ценностей, значительно упрощает образ министра, подчеркивая его нравственную безупречность и изображая его в качестве образцового честного чиновника, который, будучи несомненным «другом» главного героя, выступает в большинстве случаев в роли защитника добра».

Проведенное исследование имеет теоретическую значимость, которая определяется его вкладом в изучение исторической прозы и ретродетективов Николая Свечина, расширяет представление об идиостиле писателя и специфике интерпретации исторических событий и деятелей в текстах его художественной исторической прозы. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее

результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории литературы; стилистике художественной речи; в спецкурсах, посвященных творчеству и идиостилю Н. Свечина и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Все замечания носят рекомендательный характер. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Дейкун И.Д. Гипертекст в художественной литературе как технология и как метафора. На примере "Бесконечного тупика" Д.Е. Галковского // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.73884 EDN: EQQUTY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73884

Гипертекст в художественной литературе как технология и как метафора. На примере "Бесконечного тупика" Д.Е. Галковского

Дейкун Илья Дмитриевич

ORCID: 0009-0002-9809-1010

независимый исследователь

125047, Россия, г. Москва, Мясницкая пл., 6, каб. 405

✉ iliariy@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.73884

EDN:

EQQUTY

Дата направления статьи в редакцию:

30-03-2025

Аннотация: Предметом исследования является гипертекст в художественной литературе. Выясняется, какой объект наиболее адекватен классическому определению гипертекста, устоявшемуся в отечественном научном дискурсе, начиная с 1970-х годов, и предполагающему программное обеспечение гиперссылок, компьютерную презентацию получившейся системы объединения текстов, интерактивность и влияние пользователя на развертывание структуры гипертекста. В литературоведении однако гипертекст трактуется расширительно, подчас как любое нелинейное повествование или как повествование с инструкцией к чтению, с гипертрофированным научно-справочным аппаратом. На наш взгляд, отстаиваемый в этой статье, такое употребление понятия является метафорическим и не несет исследовательской пользы. Мы последовательно разграничиваем метафорическое и буквальное использования понятия гипертекста, а также указываем на образец гипертекста в художественной литературе XX века: на веб-версию романа Д.Е. Галковского "Бесконечный тупик". В данной работе мы пользовались методами истории понятий, семантического анализа понятий, медиологии,

рецептивной эстетики, эмпирического сравнительного анализа. Основным вкладом работы в отечественный научный дискурс является выдвижение тезиса о необходимости строгого употребления понятия гипертекста в литературоведческом анализе. Мы продемонстрировали развитие понятия в отечественном научном дискурсе и подытожили наработки коллег в данной области. Мы предложили строгую и расширенную версию определения понятия, а также развили установленный в отечественной науке тезис о существовании метафоры и мифологемы гипертекста, наряду с реальным гипертекстом. В работе выдвигается также методологический тезис о необходимости сверки художественного текста определяемого как гипертекст с эталоном, образцом. Мы проанализировали "Бесконечный тупик" Д.Е. Галковского с точки зрения различных его медиальных презентаций, и выдвинули тезис, что веб-версия романа является эталоном постмодернистского художественного гипертекста.

Ключевые слова:

гипертекст, постмодернизм, Д.Е. Галковский, история понятий, теория литературы, Бесконечный тупик, гипертекстуальность, нелинейное повествование, методология литературоведения, XX век

Введение

Понятие гипертекста как программно-обеспеченной системы логических и ассоциативных связей между разными документами и как результата этой связи широко применяется в анализе художественной литературы, особенно той, которая относится к эпохе постмодерна. Однако широта употребления понятия скрадывает специфику обозначаемого феномена, позволяя исследователям в их интерпретации относить к гипертексту практически любые нелинейные повествования, повествования с инструкцией к чтению, с гипертрофированным научно-справочным аппаратом, произведения, представляющие серии вариантов, произведения с вкраплениями разных литературных и нелитературных жанров и т.д. При этом дополнительную неясность исследованию гипертекста придаёт существование идентичного по словоформе, но совершенно различного по значению понятия транстекстуальной связи смысловой переработки, трансформации одним художественным текстом другого — гипертекстуальности, в ходе которой, опираясь на гипотекст (предыдущий текст) образуется гипертекст (надтекст): пастиш, пародия, палимпсестный текст. В данной статье мы, обозначив, что существует упомянутая проблематичная омонимия, обратимся не к ней самой, — она из-за отчетливого различия значений омонимов предполагает просто параллельные, впрочем совместимые, исследовательские парадигмы, — а к самому понятию компьютерного гипертекста в его применении к художественной литературе. Мы дадим краткий очерк появления этого понятия в русскоязычном научном дискурсе, в работах, посвященных информатике и библиотечно-библиографической деятельности, приведем ряд первичных и нормативных определений, а также дадим характеристику той трансформации, которую это понятие претерпевает при включении в литературоведческий анализ, и охарактеризуем, как та или иная трактовка понятия влияет на литературоведческую интерпретацию. Для того, чтобы точно понять, что такое гипертекст в художественной литературе, мы постараемся выработать правило определения семантики понятия, без гипертрофии отдельных его компонентов, и укажем на образцовый референт в виде произведения Д.Е. Галковского "Бесконечный тупик", но не в печатной версии и не в форме электронной книги, а именно в форме сайта,

появившегося в конце 1990-х годов, и до сих пор существующего параллельно с текстовыми документами и бумажными изданиями "Бесконечного тупика".

Методы исследования

Объектом данного исследования является произведение Д.Е. Галковского "Бесконечный тупик" в трех его медиальных реализациях: в виде сайта-гипертекста, в виде электронной PDF-книги с гипертекстовыми ссылками, и в виде части бумажного периодического издания, публикации в литературном журнале. Предметом исследования является гипертекст как форма программно-обеспеченной связи документов и ее результат. Главной задачей исследования является уточнение понятия гипертекста в литературоведческом анализе. Для ее решения мы, во-первых, с помощью метода истории понятий укажем на предпосылки той широты интерпретаций, которая образовывается при употреблении понятия гипертекст в литературоведческом исследовании. Во-вторых, пользуясь методом семантического анализа мы сформулируем ряд главных признаков гипертекста, обозначим общенаучный и входящий в него литературоведческий консенсус понимания гипертекста, выраженный в исследовательских работах. В-третьих, опираясь на теорию медиа и положения рецептивной эстетики присутствия, мы проанализируем значение для "Бесконечного тупика" его материальной реализации в документе, в виде сайта, в виде отдельного бумажного издания. Наконец, с помощью метода эмпирического сопоставления разных медиальных реализаций "Бесконечного тупика" и их поэтико-герменевтической интерпретации мы продемонстрируем, насколько тот или иной вариант реализации произведения отвечает критериям гипертекста.

Результаты и дискуссия

Понятие "гипертекст" в русскоязычном научном дискурсе появляется примерно в 1970-е гг. в исследованиях на стыке лингвистики текста и компьютерных наук. Так, например, в диссертации О.А. Лавреновой (1978) вслед за тезисом, что "формализованное описание смысла текста представляет собой в настоящее время одну из главных и наиболее перспективных задач теоретической лингвистики...", дается, еще в кавычках, определение гипертекста с ссылкой на автора этого понятия Т. Нельсона: становится возможным "...построение в памяти ЭВМ массива информации нелинейного вида, сводной системы знаний, заключенных во всем массиве текстов, т.е. так называемого "гипертекста"" [1, с. 3]. Другие работы этого же времени, в основном диссертации или специализированные статьи, также употребляют это понятие в контексте проблем информационного поиска, оптимальной формы презентации научной информации в условиях ее избытка и для облегчения научной коммуникации. В конце 1980-х в начале 1990-х гг. в исследовательских интерпретациях различаются два вида определения гипертекста с разными смысловыми доминантами. В одних акцент ставится на нелинейности получаемого массива текстовых данных, например: "Гипертекст (нелинейный текст) — новый тип информационных моделей [...] В отдельных точках такой ветвящейся многомерной текстовой конструкции движение (навигация) может продолжаться в нескольких различных направлениях" [2, с. 11]; в других — на технологию, обеспечивающую связь между текстами, например: "в наши дни мы становимся свидетелями быстрого развития нового вида информационной технологии - гипертекста, позволяющего ориентироваться в полнотекстовых базах данных и других машиночитаемых текстах нетрадиционным способом без помощи ключевых слов" [3, с. 36]. Из этих цитат видно, что гипертекст мыслился именно в отношении к способам организации научной информации, представленной во множестве отдельных текстов, а

не как вид композиции художественного произведения.

Это важное наблюдение, так как сейчас распространено появившееся значительно позже эпистемологическое обобщение, что “прообразом современного гипертекста следует считать идею “диалога” (М.М. Бахтин), принцип деконструкции (Ж. Деррида), язык бессознательного (Ж. Лакан), концепцию ризомы (Ж. Делез, Ф. Гваттари), концепцию “открытого” текста” (У. Эко)” [\[4, с. 72\]](#). Такая ассоциация постструктуралистской мысли и гипертекста составляет фон современного консенсусного понимания гипертекста в научном гуманитарном дискурсе, которое по всей видимости окончательно сформировалось в 2010-е гг. Так, одно из самых поздних по времени учебных пособий “Теория и практика гипертекстовой коммуникации” В.В. Трифионовой (2022), в библиографии не содержит ссылок на работы о гипертексте, написанные позднее 2017 года, при этом все англоязычные ссылки относятся к 1980-м и 1990-м годам [\[5, с. 64-69\]](#). То же наблюдается и в новейших статьях С.А. Стройкова, Н.И. Никитиной (2025) [\[6\]](#), И.Б. Игнатовой (2024) [\[7\]](#), К.В. Зейналовой (2024) [\[8\]](#), где нет ни одной ссылки на монографии или диссертации о гипертексте, написанные позднее 2009 г.

Вопрос о “консервативности” библиографических референций в отечественных исследованиях, посвященных гипертексту, выходит за рамки этой статьи. Нам лишь важно указать на наличие определенной исследовательской культуры, отправляющейся от предпосылки связи постмодернистского сознания и гипертекста, позволяющей отходить от компьютерной природы гипертекста. Так, у В.В. Трифионовой “французские постструктуралисты фиксируют изменения в структуре текста”, которые только “с появлением технологических возможностей цифровой среды” стало “возможно реализовать” [\[5, с. 6\]](#). Как если бы смена парадигмы понимания текста от замкнутого единства к разомкнутости в бесконечность культурных взаимосвязей была спровоцирована только и сугубо авангардистскими практиками письма 1960-х годов. Так же К.В. Зейналова в 2024 году с одной стороны пишет, что “гипертекстовая литература полностью соответствует определению идеального текста” по Р. Барту, а с другой стороны, приводит цитату из “S/Z”: “идеальный текст пронизан сетью бесчисленных, переплетающихся между собой внутренних ходов...” [\[8, с. 144\]](#), — работы, посвященной скрупулезному анализу новеллы О. де Бальзака “Сарразин” (1830), классическому линейному тексту.

Мы предлагаем обратить внимание на то, что вводя понятие гипертекст в 1965 г., программист и визионер Т. Нельсон думает совсем о другом: “Во-первых, сложные файловые структуры... позволяют создать новые способы их презентации (new media), гипертекст и гиперфильм”. И далее: “Позвольте мне ввести слово “гипертекст” для обозначения совокупности письменного или пиктографического материала, соединенного таким сложным способом, что он не может быть адекватно воспроизведен на бумаге” [\[9, с. 96\]](#). К письменной версии этого доклада дается ссылка на В. Буша, уводящая истоки гипертекста не только к более раннему времени (1945), но и глубже в информационную проблематику: В. Буш в проекте “Мемекса” стремился к удобной репрезентации информации для облегчения и оптимизации работы исследователя. Таким образом, видим, что первейшие употребления понятия “гипертекст” в отечественной науке одновременно и наиболее соответствуют философии, имплицитно предполагаемой оригинальным понятием в англоязычном научном дискурсе.

Обратимся теперь к первому литературоведческому употреблению. По иронии, одним из

самых ранних употреблений словоформы "гипертекст" в литературоведческой работе стало употребление А.К. Жолковским омонима, обозначающего не способ организации информации и ее компьютерную презентацию, а связь трансформации смысла одного художественного произведения другим, последующим. Причем в работе "Бабель" (1994) понятие "гипертекст" употребляется ученым единожды без всяких уточнений, что конкретно имеется в виду, и даже без прямых ссылок на автора понятия Ж. Женетта. Сам Ж. Женетт вводит "hypertextualité" (гипертекстуальность) в работе "Palimpsestes: La Litterature au second degre" (1982), на 17 лет позже Т. Нельсона, определяя его как "отношение, объединяющее текст В (который я назвал бы "гипертекстом") с ранним текстом А (который я назвал бы, конечно, гипотекстом), на который этот текст "прививается", и далее: "это текст, выведенный из другого текста" [10, с. 5]. Оставляя вопрос о том, был ли Ж. Женетт знаком с нововведением Т. Нельсона, надо сказать, что в его системе транстекстуальных связей — включающих интертекст, метатекст, архитекст, паратекст и сам гипертекст — интенция к построению всеобъемлющей парадигмы текстуальных связей доминировала над интенцией к учету возможных междисциплинарных вкраплений. Надо также учитывать, что во времена Ж. Женетта гипертекст в нельсоновском смысле, возможно, еще не входил в интерпретационный инструментарий исследователей литературы. То же, опять с оговоркой "возможно", относится к употреблению понятия А.К. Жолковским.

Одно из первых употреблений именно нельсоновского понятия применительно к художественному тексту осуществлено известным отечественным лингвистом Ю.Д. Апресяном (1995) при анализе структуры романа "Дар" В.В. Набокова. Исследователь пишет о романе, что его "мощная полифония не укладывается в привычные рамки понятий эстетического и экзистенциального, метафизического и мистического, литературы и литературоведения... Больше всего для характеристики его формальной структуры подошло бы понятие гипертекста, но и от того, что обычно называется гипертекстом, он отличается идеальной, хотя и не очевидной согласованностью и гармонией входящих в него текстов" [11, с. 676]. Обращает на себя внимание, как сразу и без всяких оснований опять же в единичном употреблении и без ссылок на какое-либо аналогичное использование в литературоведении значение понятия расширяется до возможного предела. Гипертекст оказывается формой романа, включающего, в случае "Дара" тексты разного жанра: цитаты стихотворений, рецензии, часть историко-биографического труда персонажа, Годунова-Чердынцева, нарратив о жизни этого персонажа. Труд ученого открывает возможность для того, чтобы с легкой руки называть гипертекстом любое литературное произведение, фрагменты или целые главы которого составляют тексты разных литературных жанров, и в которых наличествует фиктивный комментарий. Гипертекстом тогда оказываются многие классические произведения от "Русских ночей" (1844) В.Ф. Одоевского до "Пушкинского дома" (1978) А.Г. Битова. Нам важно отметить, что употребление понятия Ю.Д. Апресяном в своей интерпретации "Дара" основывается на гипертрофии компонента "связь между разными текстами" в семантической структуре понятия.

Другой столь же крайний, сколь и показательный пример в плохом смысле новаторского употребления понятия гипертекста встречается в кандидатской диссертации Н.А. Федоровой (2008). Согласно исследовательнице: "Гипертекст — это текст, разделенный на лексии, которые явно заметны, и при этом чтение гипертекста подразумевает их комбинаторику" [12, с. 6]. Не прижившееся в отечественной науке понятие "лексия" (кальки с *lexia*) Н.А. Федоровой берется из англоязычной теории гипертекста: под лексией понимается фрагмент содержащий гиперссылку на другой фрагмент [13, с. 4]. Это

понятие, в свою очередь, заимствовано из работы Р. Барта "S/Z", где оно обозначает "ряд коротких, примыкающих друг к другу фрагментов", представляющих "единицы чтения" [14, с. 57], причем в русском переводе 2001 года "lexia" дается калькой "лексия".

Но в исследовании Н.А. Федорова после определения "гипертекстуальной формы" как текста, который обладает лишь частью, но не всеми свойствами гипертекста, обладая при этом генетическим с ним родством" [12, с. 6], сосредотачивается буквально на любой литературе, кроме той, которая была бы похожа на гипертекст: на леттристской поэзии и прозе, на средневековых и античных фигурных стихах, на кинетической поэзии, на рукописных книгах авангардистов и т.п. Можно было бы посчитать эту работу мистификацией, но она, по всей видимости, действительно была защищена, и даже в престижном РГПУ им. А.И. Герцена. Возможно, впрочем, что автореферат не отражает истинного содержания диссертации. Для нас важно отметить, что в употреблении Н.А. Федоровой понятия гипертекста осуществляется как бы возвращение к понятию Р. Барта, но с сохранением смутных ассоциаций с чем-то, что является идеей гипертекста, то есть налицо вполне конкретная инволюция.

Два вышеприведенных примера показательны и поучительны. Но они также указывают на то, что гипертекст может быть метафорой, или, скорее, что литературоведческая интерпретация с самого начала нуждалась в метафоре гипертекста при анализе произведений XX века. На это обратила внимание профессор МГУ О.В. Дедова в докторской диссертации "Лингвосемиотический анализ электронного гипертекста" (2006), и в последующей монографии "Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете" (2008). Так, она отмечает, что "специфика электронного гипертекста и последствия его распространения могут осмысляться при помощи разных параллелей: изобретение станка И. Гутенбергом, библиотека как феномен мировой цивилизации... энциклопедия (как образец докомпьютерного гипертекста)..." [15, с. 11] — то есть знакомые по вышеприведенным цитатам исследовательские ходы характеризуются как использование понятия "гипертекст" метафорически. Но О.В. Дедова делает важный шаг дальше, она характеризует вообще совокупность выраженных через подобные метафоры исследовательских представлений о гипертексте как мифологему, они "превращают гипертекст в одну из мифологем современного сознания" [15, с. 11]. Конечно, не оговоренное употребление метафоры является грубой ошибкой, и перечисленные выше исследования Ю.Д. Апресяна (правда, побочное и не относящееся к главной специальности академика), и, особенно, диссертация Н.А. Федоровой запутывают ситуацию и умножают сущности без надобности. На это следует обратить внимание.

С другой стороны, требуется четкое определение гипертекста в новых условиях омонимии и междисциплинарного трансфера понятия. Его и дает О.В. Дедова, а также И.Р. Купер. Определение О.В. Дедовой таково: гипертекст — "это модель организации электронного текста, характеризующаяся специфической структурированностью и разветвленной системой программно поддерживаемых внутритекстовых и межтекстовых переходов, предполагающая возможность читательского интерактивного воздействия на последовательность воспроизведения композиционных единиц" [15, с. 11]. Мы в этом определении выделим четыре критерия гипертекста: а) модель организации (об этом ниже), б) "электронный текст", то есть текст на экране в аналоговом виде воспроизводимый определенной программой, в) система переходов в таком тексте, то есть программное обеспечение ссылки, г) читательское воздействие, меняющее последовательность воспроизведения композиционных единиц, то есть переход по ссылкам. Конечно, в таком переходе есть комбинаторный элемент, но далеко не только

он; есть связь разнородных и разножанровых текстов, но далеко не только она. Да, как отмечают почти все исследователи, технология гипертекста укоренена в постмодернистском сознании, но нельзя распространять это понятие на все более-менее "нелинейные" артефакты этого сознания. Вернемся к вышеозначенному параметру "а", к моменту определения О.В. Дедовой, подразумевающему, что "гипертекст" — это прежде всего "модель организации". Нам кажется, что И.Р. Купер, сопоставляя разные определения гипертекста, делает удачный ход, говоря, что под гипертекстом может пониматься, как "метод объединения документов", так и "текст, организованный по-особому" [16, с. 48], то есть, мы бы уточнили, только и единственно сообразно методу и в форме гипертекстовой связи. Таким образом, мы осмелимся расширить определение О.В. Дедовой, сказав, что это не только "информационное пространство, позволяющее разрушить формальную обособленность отдельного, конкретного текста" [15, с. 9], но еще и сам текст, возможный только в этом пространстве. Если мы и допускаем в этом расширении ошибку, то для того, чтобы указать, что только посредством такого максимально умеренного расширения возможно неметафорическое употребление понятия "гипертекст" применительно к художественной литературе.

В "Бесконечном тупике" Д.Е. Галковского исследователи усматривают и гипертекст, и гипертекстуальность. Так, автор до сих пор не потерявшей актуальность монографии, полностью посвященной этому роману, С.П. Орбий пишет: "Особое внимание следует уделить вопросу гипертекстового строения "Бесконечного тупика". Поэтику примечаний, комментария закономерно соотносят с модернистскими и постмодернистскими текстами XX века..." [17, с. 82]. Здесь видно, как происходит ассоциация гипертекстовой нелинейности и сети примечаний, очевидно мотивированная самим предметом исследования: романом-комментарием. Тогда как комментарий с гипертекстом никак не связан, скорее роман-комментарий конца XX века ориентирован на интернет-гипертекст. В другом исследовании также говорится с ссылками на уже подвергнутую нами критике диссертацию Н.А. Федоровой и на студенческую статью А.А. Плехановой, что "гипертекстовость" является организующим принципом романа-комментария [18, с. 53], при этом самой исследовательницей, В.А. Курницкой, дается и ссылка на "гипертекстовую версию" [18, с. 54]. Однако переход от "гипертекстовости" к "гипертекстовой версии" никак не концептуализирован. Не дан ответ на вопрос, чем "гипертекстовость" последней отличается от других версий романа, или от других романов-комментариев, от "гипертекстовости" нелинейных романов, вроде "Игры в классики" Х. Кортасара.

Конечно, это крайние примеры, но тем яснее нужна на материале романа, признаваемого "гипертекстовым" как в монографиях, так и в кратких научных сообщениях, выяснить, чем является гипертекст в художественной литературе.

Для этого надо подвести концептуальное основание под вышеупомянутый нерелексивный переход от "Гипертекстуальности" к "гипертекстовой версии" "Бесконечного тупика" Д.Е. Галковского, и рассмотреть произведение в трех его медиальных реализациях. Под "медиальностью" нами понимается различие носителей произведения, связанных с его материальной презентацией и влияющих на его смысл и значение. Как то отметил Х.У. Гумбрехт, говоря о новом понимании роли средств коммуникации: "мы больше не верили, что комплекс значений может быть отделен от его медиальности, то есть от тех различий, которые связаны с его появлением на печатной странице, на экране компьютера или же в устном высказывании" [19, с. 24]. "Бесконечный тупик", полное название которого "Примечания к "Бесконечному тупику"" -

произведение, представляющее собой 949 примечаний к работе о В.В. Розанове, озаглавленной "Бесконечный тупик". Сама эта работа, включается в основной текст как аппендикс, обычно после примечаний. Касательно медийности и истории публикаций сам автор "Предисловии к первому изданию" в электронном издании "Бесконечного тупика" пишет: "В начале 90-х отрывки из этого произведения публиковались в более чем двадцати периодических изданиях, в том числе в "Новом мире", "Смене", "Континенте"..." [20, с. 31]. После публикации работы, ее фрагменты вызвали большой резонанс, а фраза "бесконечный тупик" стала метафорой времени (об этом говорит характер употреблений фразы в философских текстах 1990-х). Однако этот фрагментарно публикуемый "Бесконечный тупик" никак нельзя назвать гипертекстом. Если мы посмотрим на публикацию в "Новом мире" (1992, №9), то увидим, что отобранные редактором А.В. Василевским примечания составляют фрагментарный, но тематически целостный нарратив об отце с некоторыми философскими и метарефлексивными отступлениями: взяты практически все примечания из "Большого тупика", которые автобиографичны и где упоминается отец, то есть примерно 1/20 от произведения. В итоге получившийся материал - это новое произведение, а именно в соответствии с данным журнальным заглавием — "Бесконечный тупик. Фрагменты книги". Это произведение входит в ансамбль девятого номера журнала, созвучно вышерасположенной фрагментарной прозе С. Залыгина. Это не гипертекст в строгом смысле, не гипертекст в нашем осторожном расширении, но также этот текст не может быть расценен как подпадающий под метафору гипертекста. Данные около фрагментов произведения указания в скобках, например: "(36. примечание к №30.)" [21, с. 81] — взаимосвязаны, образуют некоторую ветвящуюся систему (из опубликованных примечаний создаются несколько линий: к примечанию №6 идет №22, к №22 — №104, к которому идет №152 и т.д., но, например, примечание №9, №103, №310 и др. образуют отдельные "отростки"), но они не подразумевают читательского воздействия. "Фрагменты" представляют, скорее, результат взаимодействия редактора и автора, а, возможно, и репрезентируют один из "треков" прочтения "Бесконечного тупика" самим А.В. Василевским.

Обратимся к электронному PDF-изданию "Бесконечного тупика", к четвертому изданию 2021 года. Этот документ содержит текст примечаний в книжном формате. Единственное, что отличает это издание от оцифрованной бумажной книги, это то, что отдельные слова и цифры в оглавлении книги, а также в разделах справочного аппарата имеют активную программно обеспеченную ссылку на другой фрагмент этой книги, чаще всего к номеру примечания. Таким образом, на первый взгляд данное издание по критерию наличия программно-обеспеченной системы переходов подпадает под критерий гипертекста. Эта же система как будто обеспечивает и читательское воздействие на текст, и, если подходить к документу совсем формально, то он, в самом деле, может существовать только в электронном виде. Но все же следует признать, что этот PDF-документ не является гипертекстом по О.В. Дедовой, так как это один документ, существующий автономно от сети "Интернет"; не будет он гипертекстом и в нашем расширении, так как он не является результатом проведения гипертекстового метода, возможного только виртуально. Функционально ссылка здесь не переход на "страницу" текста на экране, а просто облегченный переход по аппаратному указателю: при замене интерактивной ссылки на номер страницы поменяется только скорость обращения читателя. Напротив, под метафору гипертекста такое полное представление всех примечаний "Бесконечного тупика" безусловно подпадает, стоит только взглянуть на схему расположенную на предпоследней странице PDF-документа, представляющее древовидный граф [20, с. 2128]. Но какова научная ценность такой метафоры остается загадкой.

Рассмотрим вариант медиальной презентации "Большого тупика", который, как нам кажется, представляет собой гипертекст. Это собственно раздел сайта "Самиздат. Виртуальный сервер Дмитрия Галковского", начиная со страницы "Бесконечный тупик" [22]. На этой страницы есть разделы, представляющие собой оглавления с ссылками: "Правила пользования гипертекстом", "ГИПЕРТЕКСТ", "Именной указатель к гипертексту" и т.д. В ходе доказательства, что перед нами в строгом смысле гипертекст можно пойти легким путем, и указать на авторскую жанровую номинацию: текст на этой веб-странице уже назван "гипертекстом", хотя в приведенных в четвертом издании соответственно четырех предисловиях такая жанровая номинация отсутствует. В PDF-версии она встречается только в аппендиксе, даже не во введении, а в первом абзаце розановедческого труда "Бесконечный тупик": "Настоящий текст содержит отсылки к соответствующим "примечаниям" гипертекста, но в самом гипертексте нет обратных отсылок к "Основной части"" [20, с. 1922]. Отсюда возникает вопрос исследовательской интерпретации: насколько действительно это побочное указание на жанр в аппендиксе к тексту на 1922 странице в контексте издания, содержащего 2129 страниц? По крайней мере, оно не является заглавием или подзаголовком, не входит в напечатанное выше в четвертом же издании "Предисловие к публикации в журнале "Континент"" от 9 сентября 1994 г. [20, с. 1921]. Не является ли вообще употребление понятия "гипертекст" указанием именно на веб-версию или частью авторской игры? В любом случае, ясно, что указание на форму и авторское сознание избираемой формы занимает центральное место только в веб-версии, где жанровая номинация помещена в акцентную позицию заглавия, но не в PDF-документе.

Другим, более эмпирическим доказательством того, что перед нами гипертекст, является сам образ веб-текста. "Входя" в гипертекст, читатель нажимает на соответствующую "кнопку"-ссылку и оказывается на веб-странице, которую занимает одно и только одно примечание. В зависимости от размера примечания страница меняет "длину". Читатель может нажать на кнопки "вперед" и "назад". Но они открываются по мере движения по тексту вниз, тогда внутритекстовые отсылки на примечания замечаются сразу. При этом, "прыгая", например, с 6-го примечания на 21-е, читатель оказывается в пространстве, где соседствующими страницами и, следовательно, возможными областями перехода по кнопкам "веред" и "назад" оказываются страницы 20 и 22, но нельзя вернуться к 6-му примечанию. Таким образом, выстраивается определенная траектория "навигации": мы отправляемся по определенному маршруту, в самом деле создавая ту или иную последовательность фрагментов, актуализируя ту или иную взаимосвязь примечаний. Сам же создающийся в нашем восприятии линейный текст в высшей степени зависит от наших пользовательских действий: если мы прыгнули с 6-го примечания на 21, а затем двинулись к 20-му, вернулись к 21-му, пошли к 22-му и начали читать последовательно, — то наша рецепция неизбежно включает помимо контента страниц и этот "вираж", мы как бы проходим дважды 21-е примечание, мы возвращаемся, а не перечитывая. Пользуясь книжным носителем мы могли бы просто заложить палец на определенную страницу, или использовать закладку, в PDF-документе можно пользоваться поиском по слову. В веб-версии гипертекста искать по слову можно только на той странице, которая в данный момент на экране. Иными словами, целостность текста обеспечивается только и только системой ссылок и программным обеспечением. Сам текст, связанный ссылками, возможен на экране компьютера в окне браузера, в сети интернет, вписанный в разметку htm или html. Перед нами, несомненно, гипертекст по вышеупомянутым критериям. Причем несоответствие строгому критерию гипертекста по О.В. Дедовой мы компенсируем критерием вербализации авторской интенции. Да, веб-версия "Бесконечного тупика" не "информационное пространство" и не "модель связи", но она

авторское, личное возможное только в гипертекстовой среде “информационное пространство” персонажа-философа Одинокова, и это пространство реализует определенную “модель связи”, которую предполагает его мышление и позволяет программное обеспечение. По нашему мнению, именно веб-версия “Бесконечного тупика” - это эталонный референт строго понятия гипертекст, и обратно: говоря “это литературное произведения является гипертекстом” следует сравнивать его образ и медиальную форму с веб-версией “Бесконечного тупика” как с образцом.

Заключение

Нами проведено исследование художественного гипертекста в контексте развития литературоведческого и общенаучного понимания гипертекста. Мы выявили наиболее актуальное для литературоведческого исследования определение понятия гипертекста, данное О.В. Дедовой, которое предполагает три главных параметра: электронный носитель как единственно возможная на данный момент среда презентации гипертекста, программное обеспечение системы ссылок в нем, читательское воздействие на гипертекст при чтении. Однако мы склонны, вопреки О.В. Дедовой, определять как гипертекст, не только среду и модель связи разных текстов, но также как отдельный текст с ссылками, представляющий нечто вроде миниатюры гипертекста, и сохраняющий все его критерии. Мы обозначаем наш ход в определении как “осторожное расширение”. Если гипертекст не может быть одним текстом, тогда никакой литературный или художественный текст, даже коллективный, состоящий из ссылок и возможный только в электронном виде, не может определяться как гипертекст, так как гипертекст — это сам текстовый уровень интернета или интернетообразный сайт, как “Википедия”. Напротив, если принять осторожное расширение и учитывать значимость в литературоведении авторской жанровой и формальной номинации, то литературное произведение может быть определено как гипертекст. Если это так, то надо сохранить строгость определения, а не расширять его, и выявить эталонную репрезентацию литературного гипертекста. Ей, на наш взгляд, является веб-версия “Бесконечного тупика”. Для того чтобы это доказать, мы сравнили три медиальные презентации произведения “Бесконечный тупик”, и выяснили, что только веб-версия подпадает под три критерия гипертекста с учетом нашего расширения.

Библиография

1. Лавренова О.А. Моделирование семантической структуры текстов научно-технического содержания в связи с автоматизацией информационных процессов. Дисс. канд. филол. наук. Москва, 1978. 280 с. EDN: NPKXRB.
2. Хрусталева Е.Ю. Исследование и разработка технологии моделирования экономических информационных систем на основе метода гипертекста: автореферат дис. ... кандидата экономических наук. Моск. экон.-стат. ин-т. Москва, 1992. 26 с. EDN: ZJDVQZ.
3. Гиляревский Р.С. Общие закономерности в развитии дисциплин научной информации и коммуникации: автореферат дис. ... доктора филологических наук: АН СССР. ВИНТИ. Москва, 1989. 47 с.
4. Тренева М. Г. Философское обоснование гипертекста // *Magister Dixit*. 2011. № 3. С. 71-75. EDN: OXBETN.
5. Трифонова В.В. Теория и практика гипертекстовой коммуникации: учебно-методическое пособие. Самара: Издательство Самарского университета, 2022. 76 с.
6. Стройков С.А., Никитина И.Н. Жанровая классификация англоязычного электронного гипертекста как лингвосомиотического исследования // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023. № 7. С. 2260-2265. DOI: 10.30853/phil20230349 EDN: GABPNC.
7. Игнатова И.Б. Литературный сетевой гипертекст в контексте отечественной

- медиакультуры конца 1990-х – начала 2000-х // Наука и школа. 2024. № 2. С. 40-50. DOI: 10.31862/1819-463X-2024-2-40-50 EDN: VZLYYN.
8. Зейналова К.В. Гипертекстовая литература сквозь призму постструктуралистской теории // Гуманитарный вектор. 2024. № 1. С. 142-148. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-1-142-148 EDN: FMBVYK.
9. Nelson T.H. Complex Information Processing: a File Structure for the Complex, the Changing and the Indeterminate. ACM '65: Proceedings of the 1965 20th National Conference. Pp. 84-100.
10. Genette G. Palimpsests. Literature in the Second Degree. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 1997.
11. Апресян Ю.Д. Роман "Дар" в космосе Владимира Набокова // Апресян Ю.Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа "Языки русской культуры", 1995. С. 651-695.
12. Федорова Н.А. Гипертекстуальные формы и функционирование их единиц в русской литературе XX – начала XXI века: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2008. 26 с. EDN: NJHTGZ.
13. Landow G. Hypertext. The Convergence of Contemporary Critical Theory and Technology. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1992.
14. Барт Р. S/Z. Москва: Академический Проект, 2009. 373 с.
15. Дедова О.В. Лингвосемиотический анализ электронного гипертекста (на материале русскоязычного Интернета). Автореферат дисс. ... доктора филологических наук : 10.02.01, 10.02.19. Москва, 2006. 48 с. EDN: NOKNSV.
16. Купер И.Р. Гипертекст как способ коммуникации // Социологический журнал. 2000. № 1/2. С. 37-59.
17. Оробий С.П. "Бесконечный тупик" Дмитрия Галковского: структура, идеология, контекст. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. 224 с.
18. Курницкая В.А. Проблема жанра романа-комментария в современном литературоведении (на материале "Бесконечного тупика" Д. Галковского) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 2 (256). Филология. Искусствоведение. Вып. 62. С. 53-55. EDN: OWTWZH.
19. Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: Чего не может передать значение. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.
20. Галковский Д.Е. Бесконечный тупик. Электронная книга. Четвертое издание. 2021. 2129 с.
21. Галковский Д.Е. Бесконечный тупик. Фрагменты книги // Новый мир. 1992. № 9. С. 78-121.
22. Бесконечный тупик. URL: <http://www.samisdat.com/3/31-bt.htm>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Гипертекст в художественной литературе как технология и как метафора. На примере "Бесконечного тупика" Д.Е. Галковского», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей функционирования гипертекста в художественной литературе.

Работа является актуальной, в последние десятилетия интерес исследователей к проблематике текста, сверттекста, гипертекста, мета- и паратекста возрастает.

В рецензируемой статье автор обращается к исследованию понятия компьютерного гипертекста в его применении к литературе. Автор проводит краткий очерк появления этого понятия в русскоязычном научном дискурсе, в работах, посвященных информатике и библиотечно-библиографической деятельности, приводит ряд первичных и нормативных определений, а также дает характеристику той трансформации, которую это понятие претерпевает при включении в литературоведческий анализ.

Статья является новаторской, одной из первых в российском литературоведении (?), посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке.

Практическим материалом данного исследования является произведение Д.Е. Галковского "Бесконечный тупик" в трех его медиальных реализациях: в виде сайта-гипертекста, в виде электронной PDF-книги с гипертекстовыми ссылками, и в виде части бумажного периодического издания, публикации в литературном журнале.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

В заключительной части автор декларирует «Нами проведено исследование понятия гипертекст в русскоязычном научном дискурсе...», а заглавие статьи обозначено как «Гипертекст в художественной литературе как технология и как метафора. На примере "Бесконечного тупика" Д.Е. Галковского...», из чего возникает вопрос, что же исследовал автор: «научный дискурс», «текст» (ибо это разные филологические категории), как соотносится исследование научного дискурса (речь, погруженная в жизнь определение Арутюновой Н.Д.) и текста, дискурса и гипертекста? Насколько обоснованным в заглавии является «на примере...», возможно, точнее было бы «на материале...».

Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых представлены теоретические работы как на русском языке, так и на иностранном. К сожалению, в статье автор обращается к работам, изданным в советское и постсоветское время, самое свежее исследование датировано 2011 годом (15 лет назад). Думается, что за данный период наука ушла далеко вперед.

В работе есть ряд синтаксических недочетов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории текста, литературоведению, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Гипертекст в художественной литературе как технология и как метафора. На примере "Бесконечного тупика" Д.Е. Галковского» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после уточнения терминологического аппарата, четкого определения автором языковедческим или литературоведческим исследованием является данный труд, актуализации библиографического списка, усиления выводов.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает гипертекст в художественной литературе. Актуальность работы очевидна и обусловлена качественными изменениями, которые претерпела русская литература в конце XX века. Изменение форм коммуникации между автором и читателем привело к актуализации понятия гипертекста. Однако, как верно отмечено в рукописи, «широта употребления этого понятия скрадывает специфику обозначаемого феномена, позволяя исследователям в их интерпретации относить к гипертексту практически любые нелинейные повествования, повествования с инструкцией к чтению, с гипертрофированным научно-справочным аппаратом, произведения, представляющие серии вариантов, произведения с вкраплениями разных литературных и нелитературных жанров и т.д.». Все это подтверждает необходимость и важность исследования художественного гипертекста и уточнения понятия гипертекста в литературоведческом анализе.

Теоретической основой научной работы обоснованно являются труды, посвященные различным аспектам гипертекста (философское обоснование гипертекста; гипертекст как способ коммуникации; жанровая классификация англоязычного электронного гипертекста; литературный сетевой гипертекст; гипертекстуальные формы и функционирование их единиц в литературе) таких отечественных и зарубежных ученых, как Ю. Д. Апресян, Р. С. Гиляревский, С. П. Оробий, Н. А. Федорова, О. В. Дедова, И. Р. Купер, М. Г. Тренева, С. А. Стройков, И. Н. Никитина, И. Б. Игнатова, К. В. Зейналова, G Landow, T. H. Nelson, G. Genette и др. Библиография насчитывает 22 источника, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Практическим материалом исследования послужил философский роман Дмитрия Евгеньевича Галковского «Бесконечный тупик» в трех его медиальных реализациях: в виде сайта-гипертекста, в виде электронной PDF-книги с гипертекстовыми ссылками, и в виде части бумажного периодического издания, публикации в литературном журнале.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, сравнительно-сопоставительный и описательный методы, метод контекстуального и дискурсивного анализа, функционально-семантический анализ, метод эмпирического сопоставления разных медиальных реализаций изучаемого романа Галковского и их поэтико-герменевтическая интерпретация, позволившая установить, насколько тот или иной вариант реализации произведения отвечает критериям гипертекста, а также метод семантического анализа, с помощью которого сформулированы ключевые признаки гипертекста, обозначены общенаучный и входящий в него литературоведческий консенсус понимания гипертекста в исследовательских работах.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи, выявлено наиболее актуальное для литературоведческого исследования определение понятия гипертекста О. В. Дедовой, которое предполагает три главных параметра: электронный носитель как единственно возможная на данный момент среда презентации гипертекста, программное обеспечение системы ссылок в нем, читательское воздействие на гипертекст при чтении. Однако автор(ы) приходят к ценному т.н. «осторожному расширению» понятия «гипертекст»: это «не только среда и модель связи разных текстов, но также отдельный текст с ссылками, представляющий нечто вроде миниатюры гипертекста, и сохраняющий все его критерии».

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключается в том, что результаты исследования расширяют знание в области художественного гипертекста в контексте развития литературоведческого и общенаучного понимания гипертекста, уточняют понятие гипертекста в литературоведческом анализе и могут применяться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по стилистике и интерпретации художественного текста, по дискурсивной лингвистике, медиалингвистике и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стил ь изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Найденова Р.Р. Миф как основа нарратива в творчестве Маргарет Этвуд // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.73811 EDN: ETAYEX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73811

Миф как основа нарратива в творчестве Маргарет Этвуд

Найденова Роксана Романовна

ORCID: 0000-0002-6821-3470

соискатель, кафедра зарубежной литературы, Литературный институт имени А. М. Горького

107207, Россия, г. Москва, ул. Байкальская, 30/2

✉ roksa-moon@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.73811

EDN:

ETAYEX

Дата направления статьи в редакцию:

24-03-2025

Аннотация: Предметом данного исследования являются произведения известной современной канадской писательницы Маргарет Этвуд. Объектом исследования является их нарративная структура. Автор статьи характеризует нарративы М. Этвуд как нарративы жизнеописания, в которых центральную позицию занимает рассказчик. Рассказчик в произведениях М. Этвуд всегда, как правило, является и главным героем. Тексты М. Этвуд – это тотальное пространство ее рассказчиков. Одной из основ для создания нарратива у М. Этвуд выступает миф. М. Этвуд использует для построения сюжетов древнегреческие, европейские и индейские мифы. Такое разнообразие служит отражением молодой канадской идентичности, которую сама М. Этвуд сравнивает с менталитетом "переселенцев". В работе с мифологическими сюжетами М. Этвуд охотно смешивает мифы разного происхождения. Опираясь на наработки отечественных и зарубежных исследователей наследия М. Этвуд, а также на литературоведческие труды самой М. Этвуд, автор статьи описывает, какое место миф занимает в структуре ретроспективных, жизнеописательных нарративов М. Этвуд. Используются нарративный, культурно-исторический, культурно-социальный методы. Новизна данного исследования заключается в том, что автор статьи проводит последовательный, глубокий анализ самого принципа работы М. Этвуд с мифом в целом, тогда как большая часть

исследований по данной теме, как правило, касается того, как М. Этвуд работает с каким-то одним мифологическим сюжетом. Автор статьи делит работу М. Этвуд с мифом на четыре уровня в зависимости от того, насколько сильно М. Этвуд опирается на мифологический сюжет при построении собственного нарратива. Итак, М. Этвуд может использовать миф как смыслообразующее начало всего сюжета – первый уровень. Или М. Этвуд может использовать древний сюжет для описания национального колорита – второй уровень. Иногда миф нужен М. Этвуд для того, чтобы обсудить стереотипы современного общества – третий уровень; или поговорить о принципах искусства – четвертый уровень.

Ключевые слова:

Канадская литература, Маргарет Этвуд, нарратив, миф, спекулятивная фантастика, Нортроп Фрай, Джозеф Кэмпбелл, повествование, канадская идентичность, постмодернизм

Введение

Маргарет Этвуд (р. 1939) — современная канадская писательница, поэтесса и критик. На сегодня она является одной из самых известных англоязычных авторов в мире. Ее книги удостоивались многих наград и премий, в числе которых Букеровская премия, премия генерал-губернатора Канады, премия Артура Кларка и многие другие. А также М. Этвуд считается одной из главных претенденток на Нобелевскую премию. Первой опубликованной книгой автора стал сборник стихов «Двойная Персефона», выпущенный в 1961 году. Однако наибольшую популярность М. Этвуд получила благодаря своим прозаическим работам. Первый ее роман «Съедобная женщина» увидел свет в 1969 году, а первый сборник рассказов «Танцующие девушки» — в 1977 году.

Цель данного исследования: провести анализ и показать, какое важное значение имеет миф в построении нарративов в произведениях М. Этвуд. Объектом исследования являются романы и рассказы канадской писательницы. Предмет данного исследования — роль мифа в построении нарратива у М. Этвуд. Научная новизна исследования заключается в том, что данная тема мало освещена в отечественном литературоведении. В исследовании используется культурно-исторический, культурно-социальный и нарративный методы.

Самой известной книгой М. Этвуд на сегодняшний день является «Рассказ служанки», вышедший в 1985 году. В 2019 году он получил продолжение — «Заветы». Эти произведения М. Этвуд относят к так называемой спекулятивной фантастике (в оригинале: *speculative fiction*) [\[1\]](#). Между научной и спекулятивной фантастикой писательница видит строгое различие: научная фантастика говорит о вещах отвлеченных и умозрительных, а спекулятивная фантастика работает с тем, что существует уже сейчас. Спекулятивной фантастикой концентрируется на той или иной тенденции современного мира (общество потребления, угроза экологической катастрофы и др.) и пытается проследить ее путь до логического завершения [\[2\]](#). Отсюда и само слово «спекуляция» — то есть определенный взгляд на выбранную проблему.

В каком бы направлении ни творила М. Этвуд, ее произведения — это всегда сложный, многоуровневый нарратив, в центре которого стоит рассказчик. Нарратив — это цепочка взаимосвязанных событий, оформленная в единое цельное произведение. Ближе всего к

термину нарратива стоят понятия «повествование» и «рассказ». Само слово «нарратив» происходит от латинского слова *narrare* – «рассказывать». Так «в русском языке слово “нарратив” является заимствованным и происходит от латинского *narrare* — рассказывать, являясь родственным латинскому *gnarus* — знать. Таким образом, уже в самой этимологии этого понятия зафиксирована идея перевода имеющегося “знания” в “рассказывание”. Рассказывая, человек не только прослеживает последовательность событий, но и интерпретирует, познает окружающую действительность и самого себя» [3].

Понятие нарратива пришло в литературу из историографии и широко распространилось во второй половине XX в. в эпоху постмодернизма. У истоков термина — работы Ролана Барта (Франция), Арнольда Тойнби (Великобритания), Поля Рикёра (Франция), Фрэнка Кермоуда (Великобритания). А также Владимира Яковлевича Проппа, введшего в употребление понятие «нарратема» для более мелкого деления сюжета. Нарратемы — это ключевые моменты нарратива, отдельные ситуации, из которых и складывается сюжет.

В данном случае сложный нарратив это не случайность, а намеренное архитектурное сооружение. М. Этвуд по профессии является литературоведом и сама внесла немалый вклад в исследование нарратива: «Выживание: Тематический гид по канадской литературе» (1972 г.), «Переговоры с мертвыми: Писатель о писательстве» (2002 г.) и др. Ее алма-матер — это Университет Торонто, в котором она прослушала курс лекций всемирно известного филолога и фольклориста Нортропа Фрая (1912-1991). Знакомство с мифологической теорией Н. Фрая подтолкнуло ее к дальнейшему изучению структуры мифа, а также нашло отражение во многих художественных произведениях автора [4, 5].

Главная идея ритуально-мифологической теории заключается в том, что в основе литературы лежит ритуал и миф. Таким образом, ядром любой истории, логической цепочки взаимосвязанных событий является иррациональное ритуальное действие. С первобытных времен искусство повествования претерпело серьезные изменения: зародилась письменная культура, возникло множество направлений и жанров, но суть осталась прежней. По мнению Н. Фрая, вся современная цивилизация состоит из ограниченного числа примитивных элементов ритуально-мифологической первобытной культуры. Со временем эти элементы усложнились, но их смысл не поменялся. Эти простейшие единицы можно сравнить с буквами алфавита некоего всемирного языка образов, которым пользовались и пользуются абсолютно все авторы. Выйти из этой системы невозможно, так как любые современные культурные коды являются ее продуктами. Выводы Н. Фрая ясно перекликаются с наработками его современника Джозефа Кэмпбелла (1904–1987). Только если Дж. Кэмпбелл призывает к обновлению устаревшей мифологии, то Фрай утверждает, что мифология везде и всегда едина, в ней нет прогресса и развития, только ее элементы за годы существования сильно усложнились.

После Университета Торонто М. Этвуд поступает в Гарвард (1961 г.) и несколько лет работает над диссертацией, которую так и не заканчивает. В центре ее интересов фантастическая литература викторианской эпохи. Молодая исследовательница претендует на изобретение нового жанра — английский метафизический роман — однако работа заходит в тупик из-за трудностей с описанием его границ. Сама М. Этвуд, вспоминая свои годы в Гарварде, характеризует метафизический роман как содержащий описание сверхъестественных, квази-сверхъестественных или даже божественных существ. От классической фантастики метафизический роман отличало отсутствие интереса к научной стороне вопроса. Историю нового жанра М. Этвуд вела от Джорджа

Макдональда и Генри Хаггарда до Клайва Льюиса и Джона Толкина [\[6\]](#).

Из предшествовавшего непосредственной творческой деятельности пути становится ясно видно две главные темы, интересующие будущего автора: миф как основа современной культуры и переосмысление уже созданных в культуре границ. Обе эти магистральные темы найдут свое отражение в творчестве писательницы. Идея незаконченной диссертации переключается в фантастические романы, которые дадут толчок развития новому направлению — спекулятивной фантастике. А миф станет основным фундаментом для творчества М. Этвуд [\[7, 8\]](#).

Роли мифа в творчестве М. Этвуд уделялось значительное внимание в отечественных и зарубежных исследованиях. Однако большая их часть была посвящена только разбору одного произведения канадской писательницы — «Пенелопиады», чья связь с древнегреческим мифом очевидна. И многие подобные исследования строились вокруг феминисткой повести М. Этвуд, хотя сама писательница никогда себя к феминизму не причисляла [\[9\]](#). К теме гендера на примере работы с мифом в «Пенелопеаде» обращались Е. В. Гранкина [\[7\]](#), О. А. Федосюк [\[8\]](#), А. И. Субботина [\[10\]](#), М. В. Артамонова [\[11\]](#), Ш. Джадж [\[12\]](#) и др.

Чуть менее «повезло» роману «Постижение» и рассказу «Исида во тьме», в которых мифологическая база всё так же очевидна, однако не подана прямо, как в «Пенелопиаде». Действие романа «Постижение», отсылающего нас к «универсальному мифу» Дж. Кэмпбелла, и рассказа «Исида во тьме», опирающегося на древнеегипетскую мифологию, происходит в современной Канаде. И в изучении этих двух произведений исследователи, как правило, делают упор на тему «карнавализации» реальности, смешении реального и воображаемого.

Л. С. Кучмаренко прослеживает в рассказе «Исида во тьме», как точно М. Этвуд следует древнеегипетскому мифу, «пересаживая» его на канадскую почву [\[13\]](#). Г. Грин говорит о том, как сквозь призму древнеегипетского сюжета М. Этвуд описывает канадскую идентичность [\[14\]](#). Тем же путём следует Р. З. Хайруллин [\[15, 16\]](#) в изучении романа «Постижение».

Все остальные произведения М. Этвуд, как правило, остаются в тени, хотя почти во всех них есть явные и скрытые отсылки к мифологии разных стран. В данной статье мы попытались систематизировать подход М. Этвуд к мифу и провести анализ этого подхода, затронув разные тексты автора.

Основная часть

Несмотря на большое разнообразие, в книгах М. Этвуд затронуты практически все популярные современные тенденции: и мультикультурализм, и экоактивизм, и проблема детского насилия в школе — все они, по сути, построены по одной и той же мифологической модели.

Тексты писательницы — это тотальное пространство ее героев. Почти в каждом произведении автора повествование идет от первого лица. Рассказчики М. Этвуд — это не сторонние наблюдатели каких-либо событий, а непосредственные участники происходящего. Рассказчики, как правило, являются одновременно и главными героями, и центром всей истории [\[17\]](#).

Истории героев носят жизнеописательный характер [\[18\]](#). Дар рассказчика к ним приходит

в момент душевного кризиса, когда они не знают, как жить дальше. Как правило, рассказчики — это уже зрелые, сформировавшиеся личности, добившиеся определенного успеха. Оказавшись на распутье, они возвращаются мысленно в прошлое и проходят весь свой путь заново, по-новому переосмысляя прошедшее. В данном случае процесс повествования неразрывно связан с процессом познания. Подобная связь понятий находит свое отражение в термине «нарратив», который происходит от латинского глагола «рассказывать», в свою очередь связанного с глаголом «знать».

Этот нарратив жизнеописания очень похож на «универсальный миф» Дж. Кэмпбелла, изложенный в его книге «Тысячеликий герой». И, действительно, герои автора следуют тем же путем, но только в своем воображении. Их путь в прошлое протекает в пространстве рассказа, самопознания. В мире М. Этвуд слово приравнивается к действию. И миф таким образом переносится в сферу механизмов человеческого мышления. По М. Этвуд, люди думают мифами, историями. Рассказывая, они пересоздают себя и свое прошлое, предлагают свою интерпретацию.

Рассказывание, создание мифа в мире М. Этвуд непосредственно связано с творческим началом. Это отсылает нас к представлению о мифе, как о процессе создания мира. Нарратив и миф в данном случае подразумевают одно и то же действие — переосмысление, объяснение мира через историю о мире.

Итак, первая ступень работы с мифом у М. Этвуд — это использование самого мифа в качестве нарратива, сюжета. Чаще всего роль основы выполняет «универсальный миф» Дж. Кэмпбелла, который, по заверениям самого исследователя, является квинтэссенцией всех более-менее известных мировых мифов. Дж. Кэмпбелла нередко критиковали за популизм и излишнее обобщение, однако для М. Этвуд его теория выглядит наиболее перспективной, так как дает большое пространство для присоединения сопутствующих смыслов и декора на последующих ступенях работы.

Отличительной чертой в переработки универсального мифа у М. Этвуд является особый акцент на ритуале инициации, трактовка которого у автора очень близка идеям В. Я. Проппа. Только у М. Этвуд начало пути героя и его инициация постоянно окрашены в мрачные, пессимистичные тона. Герой начинает рассказывать, подталкиваемый душевным кризисом [\[19\]](#). История — его единственный шанс выйти из тупика. Далее начинается путь в прошлое, где перед читателем предстает детство героя. Как правило, на этом этапе вскрывается потаенная психологическая травма героя, которую он получил будучи ребенком. Далее идет описание борьбы с этой травмой в юности. Здесь происходит инициация. Чтобы победить, герой решает совершить ритуальное самоубийство. В процессе инициации герой меняет имя, хороня тем самым свое прошлое «я», либо меняет место жительства, попадая как бы в иной мир, либо изменяет собственную внешность, отказываясь от прежней атрибутики.

Лучше всего первую ступень можно рассмотреть на примере романа «Леди Оракул» (1976). Главная героиня романа Джоанн столкнулась в детстве с осуждением ровесников и взрослых из-за своей неординарной внешности. В юности она добровольно проходит инициацию: меняет имя и уезжает в другую страну. Однако, добившись успеха на литературном поприще, она впадает в душевный кризис, который заставляет ее совершить мысленное путешествие в прошлое.

На первой ступени М. Этвуд заимствует структуру мифа. На втором она подключает к нему определенные культурные и национальные особенности. Мифологическая структура приобретает специфический окрас [\[20\]](#).

Тут следует указать на специфическую атмосферу, царившую в середине 20 в. в Канаде. Поколение М. Этвуд изучала в школах английскую и американскую литературу. Такого понятия как «канадская литература» в те годы просто не существовало. И только в 60-е–70-е гг. начал зарождаться интерес канадцев к собственной литературе. Одной из вех в этом процессе стала книга М. Этвуд «Выживание: Тематический гид по Канадской литературе», вышедшая в 1972 г. В этом гиде писательница попыталась систематизировать наработки канадских авторов и спрогнозировать дальнейшее развитие канадской культуры. М. Этвуд позиционирует себя именно как канадского автора. В своей литературоведческой книге «Выживание: Гид по современной Канадской литературе» (1972 г.) автор описывает основные отличительные черты канадской литературе. Ключевым в ее концепции является дихотомия двух главных образов — жертвы и мучителя (в оригинале victimvictor). По мнению М. Этвуд, канадские авторы, как правило, пишут от лица жертвы. В роли мучителя могут выступать, как конкретные лица, персонажи, так и природные стихии, злой рок и т. п. [\[21, 22\]](#)

При попытке анализа вскрылся главный парадокс канадской литературы: прыжок из мифа сразу в постмодернизм. М. Этвуд сказала об этом так: «Интерес к прошлому Канады для писателей моего поколения был отчасти интересом к неизведанному – к таинственному, погребенному, забытому, выброшенному, табуированному» [\[23\]](#).

С мифом в канадской культуре связан в первую очередь мир природы, жестокий и таинственный. А с постмодернизмом — город и современные веяния, в числе которых и растущие амбиции канадских писателей. Примечательно, что именно М. Этвуд стала одной из первых канадских авторов, добившихся мирового признания [\[4\]](#).

Основу канадской культуры М. Этвуд искала, в том числе, и в мифологии. Особенность канадской мифологии заключается в ее мультикультурности. С одной стороны расположены древние мифы индейцев — исконных жителей Канады, с другой — европейское наследие. М. Этвуд характеризует канадцев как поселенцев — то есть нечто среднее между колонизаторами и аборигенами. Канадский миф — это в первую очередь индейский миф, но его герои чужды этому мифу [\[24\]](#).

Этот парадокс хорошо виден на примере романа «Постижение» (1972), в котором описывается возвращение безымянной героини из англоязычной части Канады на родину в Квебек. Оказавшись в Квебеке, героиня вновь попадает в родное, но чуждое пространство иной культуры, а значит, и мифа [\[25, 26\]](#). Путь героини — это также путь от цивилизации — к природе, от зрелости — к детству, от настоящего — к прошлому, от сознания — к подсознанию.

Безымянная героиня — глубоко травмированный человек. Она сделала аборт по наущению любовника и теперь пытается забыть об этом. Однако временное ритуальное забвение перестает действовать на территории чужого мифа и культуры. Попав в родное захолустье, героиня попадает в пространство древнейшего индейского мифа, которого не понимает. В тексте постоянно подчеркивается немота, слепота героини, она находит наскальные рисунки исчезнувших индейцев и не может их разобрать. И только когда она проникается силами природы, она обретает духовную связь с той первобытной культурой, которая существовала здесь раньше.

Обретение себя тут непосредственно связано с возвращением к коллективному бессознательному (Карл Юнг). Так главный эпизод романа — погружение героини в воду озера, рядом с которым были начертаны индейские символы. Во время погружения

девушка находит на дне озера без вести пропавшего отца. Ужас от увиденного аккумулирует давно застоявшиеся воспоминания. Вместе с горем об отце приходит и горе о неродившемся ребенке. Это потрясение, в конце концов, помогает героине пережить душевный кризис и начать новую жизнь.

То есть на второй ступени работы с мифом миф превращается в основу для национальной культуры.

На третьей ступени миф актуализируется, чтобы стать платформой для дискуссий о современности. Не случайно Дж. Кэмпбелл говорил о том, что современному человеку нужен современный миф. В данном случае миф используется для критики и разоблачения социальных и культурных стереотипов. На уровне этой ступени создано наибольшее количество произведений автора. Этот способ работы с мифом выглядит наиболее продуктивным для М. Этвуд.

Постмодернизм оставил свой отпечаток на работе М. Этвуд с мифом. Один из главных инструментов автора — это игра. Писательница постоянно переворачивает древние сюжеты, смещает акценты, приходит к неожиданным выводам. Но ее постмодернистская игра не деструктивна, потому что разрушать и разбирать в канадской культуре пока что нечего, а, наоборот — созидательная, собирательная. Играя с одним древним мифом, М. Этвуд пытается создать новый, более актуальный для ее времени и культуры [\[4, 27\]](#).

Самым любимым мифом М. Этвуд был и остается миф о плавании Одиссея. Ему и посвящен ее самый «античный» роман «Пенелопиада» (2005 г.). Но, следуя игре, М. Этвуд смещает внимание с центральной фигуры античного мифа царя Итаки на его жену Пенелопу, а в центре сюжета оказывается противостояние Пенелопы и Елены Троянской [\[4\]](#). Стоит оговориться, что для М. Этвуд излюбленным приемом является смена главных героев мифа на второстепенных: «По аналогии с “Одиссеей” Гомера “Пенелопиада” должна была стать рассказом о странствиях героини... Путешествие, совершаемое протагонисткой, скорее символическое. Это, с одной стороны, движение в глубины своего Я, путь самопознания, с другой стороны, приближение к историческим истокам, реализация правдоискательских устремлений, попытка установить истину» [\[28\]](#).

Итак, перед нами борьба Пенелопы и Елены Троянской, которая в представлении М. Этвуд перерастает в борьбу двух главных женских архетипов и стереотипов: с одной стороны — идеал преданной жены, с другой — *la femme fatale*, роковая женщина, губящая мужчин. Эти два главных полюса определяют отношение к женщине в течение тысячелетий и служат ориентирами для создания новых образов [\[4\]](#): «Гомеровская Греция создала два значительных и во многом противоположных идеала — образ Елены, олицетворение самодовлеющей красоты, которая несет с собой ссоры между мужчинами и является причиной войн, и образ Пенелопы — олицетворение покорности, верности, преданности, терпеливости» [\[29\]](#).

Последняя четвертая ступень в работе с мифом — это использование мифа для разработки филологических теорий, рассуждений о литературном процессе, а также разговоров о предназначении художника.

Одной из главных книг по этому направлению становится «Переговоры с мертвыми: Писатель о писательстве» (2002 г.), в которой М. Этвуд постулирует свой взгляд на творчество как на «переговоры с мертвыми». Творец в таком случае выступает как медиум и жрец, который должен умиротворить духов [\[19\]](#).

Писательница выделяет желание преодоления смертности — как главную мотивацию для творчества. В подтверждение этой мысли автор приводит историю Данте и Беатриче. В понимании М. Этвуд человек творит, чтобы навечно запечатлеть уходящий образ. Так творчество становится неотделимо от работы памяти. Искусство и человеческая память, в представлении автора — это единственное убежище от смерти, которая в первую очередь воспринимается, как забвение [\[30\]](#).

Увековечиванием занимаются и рассказчики писательницы. В одном из главных ее романов «Слепой убийца» (2000 г.) присутствует явная отсылка, закодированная в именах двух главных героинь-сестер. Старшую, которая ведет рассказ, зовут Айрис (Ирида, посланница богов), а младшую, о ком идет речь в рассказе, зовут Лора, то есть Лаура. Так, возвращаясь к образу Данте и Беатриче — творца и музы, следует сказать, что в представлении М. Этвуд, муза является активным началом, а творец повинует ее указаниям. Музы — это те самые «мертвые», с которыми нужно наладить связь, отомстить за них, восстановив справедливость. Творец берется за выполнение этой сложной задачи. Получается, что творчество во многом связано с колдовством и суеверием.

Герои М. Этвуд творят, чтобы подарить новую жизнь давно ушедшим дорогим людям. Память героев предстает как третье измерение, виртуальный мир, в котором не существует течения времени и невозможна смерть. В этом пространстве безвременья могут существовать одновременно люди и события, которые в реальности были никак не связаны между собой. Единственная нить между ними — это история рассказчика.

Заключение

В заключение следует сказать, что все творчество М. Этвуд так или иначе строится на мифе. Миф может использоваться как фундамент и нарративная сетка всей истории на первой ступени, или как признак национального характера — на второй, или как площадка для критики социальных стереотипов — на третьей, или как почва для филологических и философских рассуждений о принципах искусства — четвертой. В любом случае книги М. Этвуд и их популярность доказывают, что и в обществе, в каждом человеке, даже если он не знаком с такими понятиями как миф или нарратив, живут мифологические паттерны. И люди до сих пор продолжают воспринимать и познавать мир с помощью истории.

Библиография

1. Ризванова Д. И., Хрущева О. А. Спекулятивная фантастика как жанр современной литературы // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции, Донецк, 17-18 ноября 2020 года / Под общей редакцией С. В. Беспаловой. Донецк: Донецкий национальный университет, 2020. С. 227-229. EDN: PLTDZX.
2. Найденова Р. Р. Обзор произведений Маргарет Этвуд в русле спекулятивной фантастики // Литература и проблема интеграции искусств: Сборник статей. Том Выпуск 3. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2022. С. 58-67. EDN: OTTTJN.
3. Репьевская М. В. Подходы к изучению нарратива // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 25. С. 136-137.
4. Найденова Р. Р. Состязание Пенелопы и Елены Троянской в «Пенелопиаде» и других романах Маргарет Этвуд // Наука и школа. 2022. № 6. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-6-39-44. EDN: UBIRDB.
5. Campbell J. P. «The Woman as Hero in Margaret Atwood's "Surfacing"». Mosaic: A Journal

- for the Interdisciplinary Study of Literature. 1978. Vol. 11, no. 3. P. 17-28.
6. Atwood M. «The Handmaid's Tale and Oryx and Crake "In Context"». PMLA. 2004. Vol. 119, no. 3. P. 513-517.
7. Гранкина Е. В. Трансформация мифа о Пенелопе в аспекте гендерного анализа в романе Маргарет Этвуд «Пенелопида» // Classical and contemporary literature: continuity and prospects of updating: Materials of the III international scientific conference, Prague, 07-08 ноября 2018 года. Prague: Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o., 2018. С. 35-37. EDN: PJFQGX.
8. Федосюк О. А. Канадская версия древнегреческого мифа - Пенелопида Маргарет Этвуд // Канадский ежегодник. 2018. № 22(22). С. 256-275.
9. Найденова Р. Р. «Протофеминизм Маргарет Этвуд» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 11 (866). С. 142-148. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_11_866_142.
10. Субботина А. И. Специфика художественного воплощения женских образов в произведениях Янки Купалы «Павлинка» и Маргарет Этвуд «Пенелопида» // Мова-літаратура-культура: матеріялы Х Міжнародної наукової конференції, присвячаної 140-годовщину з дня народження Янки Купалы и Якуба Коласа, Минск, 29-30 сентября 2022 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2022. С. 95-99. EDN: FACCLG.
11. Артамонова М. В. Особенности художественного перевода постмодернистской неомифологической прозы (на материале романа М. Этвуд «Пенелопида») // Гуманитарно-педагогические исследования. 2023. Т. 7, № 4. С. 63-68. DOI: 10.18503/2658-3186-2023-7-4-63-68. EDN: JTVJZP.
12. Judge S. «Men Make Terrible Pigs»: Teaching Madeline Miller's Circe and the New Feminist Mythic Archetype // The Classical Outlook. 2023. Vol. 98, no. 3. P. 108-119.
13. Кучмаренко Л. С. Карнавализация в рассказе М. Этвуд «Исида во тьме» // Воропановские чтения: материалы II Международной научно-практической конференции, Красноярск, 13 ноября 2021 года / Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2021. С. 69-72.
14. Greene G. Review of Survival Strategies, by Margaret Atwood // The Women's Review of Books. 1992. Vol. 9, no. 4. P. 6-7.
15. Хайруллин Р. З. Проблемы глобализации в романе М. Этвуд «Постижение» // Россия и Канада: актуальные исследования: Сборник научных материалов. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2022. С. 78-86.
16. Хайруллин Р. З. Роман М. Этвуд «Постижение» в контексте современной североамериканской литературы // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2021. Т. 15. С. 89-95. EDN: BAUXGF.
17. Лозинская Е. В. Взрыв настоящего. Рецензия на кн.: Huber I. Present tense narration in contemporary fiction: a narratological overview // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. 2022. № 1. DOI: 10.31249/lit/2021.02.02. EDN: EVVVQU.
18. Найденова Р.Р. Нарративная стратегия жизнеописания в творчестве Маргарет Этвуд // Филология: научные исследования. 2024. № 3. С. 114-121. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70174 EDN: MEFNGL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70174
19. Найденова Р.Р. Тема смерти в прозе Маргарет Этвуд // Litera. 2025. № 2. С. 351-362. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73003 EDN: DQLIJC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73003
20. Найденова Р.Р. Мифологические герои, исторические личности и персонажи мировой литературы в творчестве Маргарет Этвуд // Филология: научные исследования. 2024. №

3. С. 89-95. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70207 EDN: LVDBFS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70207
21. Найденова Р. Р. Поиск Канадской идентичности в творчестве Маргарет Этвуд // Научные труды молодых ученых-филологов: Материалы Международной конференции молодых ученых-филологов, Москва, 13-16 октября 2021 года. Том XXI. Москва: Общество с ограниченной ответственностью Агентство «Литера», 2022. С. 84-89. EDN: CHLYQK.
22. Найденова Р. Р. Тема выживания в творчестве Маргарет Этвуд // Мировая литература в контексте культуры. 2021. № 13 (19).
23. Atwood M. In Search of Alias Grace: On Writing Canadian Historical Fiction // The American Historical Review. 1998. Vol. 103, no. 5. P. 1503-1516.
24. Еременко К. С. «От колонии к нации и снова к колонии»: траектория национального развития Канады в дискурсе канадских интеллектуалов середины XX века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 1 (47).
25. Gerson C. Margaret Atwood and Quebec: A Footnote on Surfacing // Studies in Canadian Literature. [S. l.], 1976. Vol. 1, no. 1.
26. Atwood M., Gibson M. E. «A Conversation with Margaret Atwood» // Chicago Review. 1976. Vol. 27, no. 4. P. 105-113. <https://doi.org/10.2307/25303482>.
27. Найденова Р. Р. Комическое в творчестве Маргарет Этвуд // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2024. № 6. DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-6-1410-1416. EDN: GZFPQE.
28. Воротникова А. Э. Переосмысление мифа в романе М. Этвуд «Пенелопида» // Вестник ННГУ. 2013. № 6-2.
29. Обжогина Н. Ю., Филиппова К. В. Женщина античная и современная в романе М. Этвуд «Пенелопида» // Теория и практика актуальных исследований. 2017. № 17. С. 36-40. EDN: YRDPX.
30. Atwood M. Negotiating with the Dead: A Writer on Writing. 2003.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Миф как основа нарратива в творчестве Маргарет Этвуд».

Предмет исследования – особенности нарратива в прозаических произведениях Маргарет Этвуд.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, интерпретации, обобщения и синтеза.

Актуальность работы обусловлена тем, что изучение системной организации компонентов художественного текста и исследование особенностей нарратива важны для осознания идейного смысла произведения и для понимания менталитета данной литературной личности.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что миф рассматривается как основа нарратива в творчестве Маргарет Этвуд, автор на конкретных примерах демонстрирует, какие именно мифологические образы интересуют М. Этвуд и с какими идеями она их связывает.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана простым, понятным для читателя языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы; приведена общая информация о творчестве Маргарет

Этвуд; отдельное внимание уделено понятию нарратива и ритуально-мифологической теории; отмечено, до начала творческого пути писательница занималась научной деятельностью и две главные темы, интересовавшие будущего автора: миф как основа современной культуры и переосмысление уже созданных в культуре границ; идея незаконченной диссертации Маргарет Этвуд переключается в фантастические романы, которые дадут толчок развитию новому направлению — спекулятивной фантастике); основная часть (выполнен комплексный анализ прозаических произведений Маргарет Этвуд, выявлены характерные черты произведений; описаны четыре ступени работы с мифом у канадской писательницы; теоретические измышления автора подкреплены конкретными примерами); заключение (автор делает общие выводы; отмечено, что миф в творчестве Маргарет Этвуд может использоваться как фундамент и нарративная сетка всей истории на первой ступени работы с мифом, как признак национального характера — на второй, как площадка для критики социальных стереотипов — на третьей, как почва для филологических и философских рассуждений о принципах искусства — четвертой); библиография (включает 23 источника).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Результаты исследования будут интересны тем, кто занимается исследованием в области современной англоязычной литературы Северной Америки в целом или изучает творчество Маргарет Этвуд в частности. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы цель, объект, предмет, научная новизна и методологические основы проведенного исследования.
2. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ современных источников, в том числе зарубежных, также является недостаточным.
3. Следуют упорядочить использование кавычек в цитатах (< «В русском языке слово "нарратив" ... имеющегося «знания» в "рассказывание". ... и самого себя».>) и в библиографии ("История и филология"). Кроме того, необходимо проверить наличие в тексте ссылок на первоисточники.
4. Стоит расширить библиографию, увеличив долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, после доработки может быть опубликован в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье "Миф как основа нарратива в творчестве Маргарет Этвуд" автором рассматривается роль мифа как компонента произведений М. Этвуд.

Исследование обладает структурой научной статьи и состоит из введения, основной части, заключения и библиографии.

Во введении автор обозначает цель работы - провести анализ и показать, какое важное значение имеет миф в построении нарративов в произведениях М. Этвуд.

Объектом исследования выступают произведения (романы и рассказы) М. Этвуд.

Предмет исследования – роль мифа в нарративах М. Этвуд.

Новизна исследования заключается в том, что, по мнению автора статьи, подобная тематика недостаточно подробно отражена в отечественном литературоведении.

В исследовании используются культурно-исторический, культурно-социальный и нарративный методы.

Во введении также рассматриваются основные термины исследования, такие как спекулятивная фантастика, нарратив, миф. Автор, опираясь на историко-литературный и биографический контекст, постулирует, что миф является основой в творчестве М. Этвуд.

В основной части автор описывает проанализированный материал с точки зрения работы мифа в творчестве писательницы. При этом автор выделяет несколько ступеней данного процесса. Так, на первой ступени можно проследить появление мифа в повествовании, на второй – его культурно-специфичную окраску, на третьей происходит осмысление современности, на четвертой – развитие филологических теорий.

Автор также отмечает особую связь мифа и постмодернизма в творчестве М. Этвуд.

Таким образом, автор последовательно доказывает многослойность мифологической структуры нарративов в произведениях М. Этвуд, а также, развивая теорию Н. Фрая о мифе в современной культуре, показывает универсальность характера мифа.

В заключении автор приходит к выводам о том, что «миф может использоваться как фундамент и нарративная сетка всей истории на первой ступени, или как признак национального характера — на второй, или как площадка для критики социальных стереотипов — на третьей, или как почва для филологических и философских рассуждений о принципах искусства — четвертой. В любом случае книги М. Этвуд и их популярность доказывают, что и в обществе, в каждом человеке, даже если он не знаком с такими понятиями как миф или нарратив, живут мифологические паттерны».

Учитывая большой объем проанализированного материала и обширную теоретическую базу исследования, данное утверждение можно считать достоверным.

Стиль статьи соответствует уровню научной статьи и не содержит существенных недочетов.

Библиография содержит необходимое количество источников.

Таким образом, статья «Миф как основа нарратива в творчестве Маргарет Этвуд» вносит значительный вклад в изучение развития современного канадского литературного процесса и может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Дубаков Л.В., Го С. Музыка сельской жизни в романах «Сандро из Чегема» Фазиля Искандера и «Циньские напевы» Цзя Пинва: гармония природы и прошлого // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.70804
EDN: EEUCQJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70804

Музыка сельской жизни в романах «Сандро из Чегема» Фазиля Искандера и «Циньские напевы» Цзя Пинва: гармония природы и прошлого

Дубаков Леонид Викторович

ORCID: 0000-0003-1172-7435

кандидат филологических наук

доцент, филологический факультет, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне

518172, Китай, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, 1

✉ dubakov_leonid@mail.ru

Го Синь

магистр, филологический факультет, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне

518172, Китай, Гуандун область, г. Шэньчжэнь, ул. Guojidasueyuan, 1

✉ galina.99@qq.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.70804

EDN:

EEUCQJ

Дата направления статьи в редакцию:

20-05-2024

Аннотация: В статье анализируются романы Ф. А. Искандера «Сандро из Чегема» и Цзя Пинва «Циньские напевы» с точки зрения присутствия в них музыкальных образов, связанных с конкретными музыкальными произведениями, исполнителями, жанрами, направлениями и т. д. Музыка оказывает влияние на тематику и проблематику, образы главных героев, систему персонажей, сюжет, мотивную структуру этих книг. В романах

Фазиля Искандера «Сандро из Чегема» и Цзя Пинва «Циньские напевы» музыка – это то, что сохраняет прежнюю, сельскую культуру, обеспечивает культурную преемственность в урбанизирующемся и упрощающемся мире. Музыка циньской оперы и абхазские песни выявляют в романах ритм, соответственно, китайского и кавказского сельского – трудового, семейного, любовного, природного бытия. Данная статья обращается к методам интермедиального и сравнительного анализа, сопоставляя типологически близкие художественные тексты, в которых активно взаимодействуют литературная и музыкальная составляющие. Актуальность статьи определяется высоким интересом современного литературоведения к сопоставлению произведений, созданных в разных национальных культурах, в частности – в русской и китайской, а также к интермедиальным явлениям, в данном случае – к художественному взаимодействию литературы и музыки. Новизна статьи обусловлена ранее не производившимся сравнением романов Фазиля Искандера и Цзя Пинва в аспекте выявления форм и анализа функций их музыкальной составляющей, а также с точки зрения принадлежности их к схожим литературным явлениям – «деревенской прозе» и «литературе поиска корней». Музыка у Фазиля Искандера и у Цзя Пинва позволяет писателям охарактеризовать героев своих произведений и создать неотмирный гармонический хронотоп, в котором связуется прошлое и настоящее, человеческое и природное, земное и небесное. Музыка в «Сандро из Чегема» и в «Циньских напевах» воздействует на разные аспекты реальности и может преодолевать смерть, пронося память о себе через отчаяние, прощание с умершим и переход от жизни к жизни.

Ключевые слова:

Фазиль Искандер, Сандро из Чегема, Цзя Пинва, Циньские напевы, музыкальные образы, деревенская проза, литература поиска корней, компаративистский анализ, интермедиальность, гармония

Роман Ф. А. Искандера «Сандро из Чегема» (1966 – 1989) писался долго и охватил собой несколько десятилетий советской жизни Абхазии. Об этой книге говорят как о произведении, которое соединило «лучшее, наиболее продуктивное, что было у неопочвенников и либеральных демократов» [\[16, с. 26; 6, с. 229\]](#). Речь о том, что, не относясь формально к «деревенской прозе», роман Фазиля Искандера так же, как и она, обращает внимание на разрушительные процессы, приходящие в сельскую жизнь, со стороны большой истории, политики и широко распространившейся урбанизации. Миф о селе Чегеме подобен мифу о русской деревне, с трудом, но сохраняющей живую связь с природной и народнопоэтической реальностью и традиционными ценностями. Одновременно, нужно отметить, писатель был близок и либерально-демократическому течению в культуре, с которым его роднило «отстаивание прав человека, опора на личность» [\[6, с. 229\]](#) – личность, поддержанную традициями Кавказа и смеховой культурой.

Важной частью художественного мира романа «Сандро из Чегема», как и ряда других произведений, относящихся к «деревенской прозе» или так или иначе связанных с ней, является музыка (см., например, статью о прецедентной функции песни в прозе В. М. Шукшина) [\[12\]](#). По словам Е. А. Московкиной, в шукшинской прозе «В риторической функции песня служит стилистическим украшением литературного произведения, придаёт ему эмоциональное звучание, привносит в него гармонизирующее или драматизирующее начало. В семиотической функции тексты песен представляют собой свёрнутый

конденсированный сюжет апеллирующего к ним прозаического сочинения <...> В структурной функции песня как прецедентный текст формирует особый хронотоп: метафизическое пространство, иное художественное измерение, эстетическим кодом которого является музыка» [\[12, с. 53\]](#).

Музыка в романе «Сандро из Чегема» выполняет схожий набор функций. В искандеровском произведении присутствуют отсылки к мировой музыкальной культуре. Так, в первой же главе, одноимённой роману, в фигуре Сандро рассказчик видит нечто оперное. При этом Сандро «как бы иронически» сознаёт «свою оперность и в то же время с оправдательной усмешкой» кивает «на тайное шутовство самой жизни» [\[12, с. 42\]](#). Эта характеристика позволяет писателю указать на одну из особенностей своего героя, в котором многое напоминает о комическом актёре. Также Фазиль Искандер проявляет здесь философский подтекст романа: обнаружение несоответствия жизни вообще её идеалу, который люди конструируют у себя в голове, и то, что единственно верная реакция на этот несоответствие – смех. Наконец, «оперность» фигуры Сандро – это способ включения небольшого Чегема в пространство большой культуры. В этом же ряду стоит и глава «Чегемская Кармен» [\[9\]](#) (чьё название вызывает ассоциации одновременно с новеллой Проспера Мериме и оперой Жоржа Бизе).

Музыка в романе «Сандро из Чегема» играет роль освободителя человеческой души от тёмных страстей. В главе «Пир Валтасара» Сталин слушал песню «Лети, чёрная ласточка», и эта песня «как всегда, освобождала его душу от гнета вечной настороженности» [\[8, с. 367\]](#). Впрочем, и эта песня, с её текстом о воинах и их верных жёнах, не способна по-настоящему перевернуть сталинское сознание: грустная песня обрывается для него ненавистным воспоминанием о матери. В главе «Дудка старого Хасана» песня, «лившаяся из дудки» персонажа, создавала ощущение чего-то непонятного, даже горького. Ощущение вины?» [\[10, с. 173\]](#). Музыка оказывается здесь голосом совести народа, в истории которого есть и светлые страницы, и тёмные – страницы предательства. Мелодию персидской песни, которую напевал дядя Алихан, рассказчик помнит как «цепенящую сладкой горечью бессмысленности жизни, бесконечную, как караванный путь в никуда» [\[8, с. 135\]](#). Дядя Алихан, помимо прочего, через музыку отстраняется от мирской суеты бытия.

Музыка в романе «Сандро из Чегема» характеризует героя. Так, Тали, в образе которой как будто воплощена чистая «вечная женственность», с раннего детства оказывается связана с музыкой. Её люлька раскачивается под неслышимую музыку, и это воспринимается как знак избранничества. Тали «пыталась танцевать под всякий звук, из которого можно было извлечь если не мелодию, то, по крайней мере, ритм. Так, она вырывалась из рук и раскачивалась в люльке, услышав звон коровьих колокольцев, стук града в крышу, хлопанье ладоней по сити и даже кудахтанье кур» [\[8, с. 565\]](#). (Также Кязым переживает грустное сладостное чувство, слыша цоканье копыт жеребца [\[9, с. 373\]](#).) Тали не расстаётся с музыкой даже в моменты своего «умыкания» – первый раз она бежит с гитарой, второй – с патефоном. Но она и сама как музыкальный инструмент со «звонким» голосом. (Напротив, в голове следователя милиции звучит «Смрадно-сладостная музыка <...> недавних процессов» [\[9, с. 232\]](#).)

Тали слышит музыку жизни даже там, где её не может быть. Её внутренняя музыка противостоит абсурду омертвления, умерщвления. Например, в сцене с прослушиванием пластинок с речью Сталина «Неугомонная Тали придумала сопровождать речь вождя игрой на гитаре с паузами в тех местах, где начинались аплодисменты или раздавалось

отчетливое журчание боржома, льющегося в стакан» [\[8, с. 595\]](#). Таков же и её отец – Сандро, который, услышав пение жаворонков, задумывается: «Зачем меньшевики, зачем большевики, зачем вообще я здесь лежу и отслеживаю это деревянное чудище?» [\[8, с. 164\]](#).

Музыка природы в «Сандро из Чегема» обесценивает и покрывает собой суетные дела людей. Старый грецкий орех в «Истории молельного дерева», издающий звуки «кум-хоз», словно смеётся над людьми, что затеяли строительство еще одной «вавилонской башни», и показывает, что такое подлинная духовная вертикаль: «Ствол грецкого ореха был дуплист чуть ли не до самой вершины и при сильном ударе издавал вибрирующий звон, долго не затихавший. Он звенел и гудел, как гигантская струна, протянутая от земли к небу» [\[8, с. 238\]](#).

Абхазка Тали чувствует ритм жизни, как и её отец и музыканты и танцоры ансамбля Платона Панцулая. Для них «мелодия переходит в энергию ритма. Песня сжимается, она отбрасывает лишние одежды, как борец отбрасывает их перед тем, как приступить к схватке» [\[8, с. 339\]](#). Ритм в романе – это главная составная часть музыки и характера Кавказа.

Музыка у Искандера связана с кулинарными мотивами. Без песни нет застолья, но и сама песня становится подобной еде и вину: «Бахут, не успев изменить гневного выражения лица, как бы подхваченный струёй мелодии, стал подпевать. Немного попев, они снова выпили по стаканчику» [\[9, с. 446–447\]](#). Равно и вино воспринимается как музыка. В главе «Джамхух – Сын Оленя, или Евангелие по-чегемски» для Опивало, что углубляется в «смысл кувшина», «Вино поёт» [\[10, с. 540\]](#).

Наконец, музыка в романе «Сандро из Чегема» выступает в качестве метафоры социального и национального пространства Абхазии. Рассказчик обращает внимание на многоголосие своего края: «Я привык слышать в воздухе родины абхазскую речь, русскую речь, грузинскую речь, мингрельскую речь, армянскую речь, турецкую речь, и теперь, когда из этого сладостного многоголосия, из брызжущего свежестью щебета народов выброшены привычные голоса, нет радости слуху моему, нет упоения воздухом родины!» [\[9, с. 324–325\]](#).

Роман Цзя Пинва (кит. 賈平娃, пиньинь Jiǎ Píngwá) «Циньские напевы» (кит. 秦腔, пиньинь Qín Qiāng) (2005) своим названием отсылает к шэньсийской (циньской) опере – «региональной музыкальной драме, зародившейся в эпоху Мин на границе провинций Шаньси, Шэньси и Ганьсу» [\[15, с. 7\]](#), где в третьем веке до н. э. находилось царство Цинь. Главная «Особенность данной драмы – ритм, отбиваемый деревянными кастаньетами-колотушками» [\[15, с. 7\]](#). Мэн Яоюй пишет, что она также характеризуется «простым строением мелодии, без резких смен регистров и интервальных скачков; популярными текстами; преобладанием высокого регистра; строгостью композиции; гомофонным изложением, где пение солиста поддерживается вокальным ансамблем с использованием ударных или совсем без сопровождения» [\[13, с. 130\]](#).

По замечанию А. Н. Коробовой, которая перевела этот роман на русский язык, циньская опера вовлечена «во все значимые события в деревне (от свадеб до похорон)», и циньские арии, цитируемые едва ли не каждым крестьянином деревни Цинфэнцзе, естественным образом вплетаются «в жизненную канву» [\[15, с. 8\]](#).

По словам Ван Лина, «Цинские арии демонстрируют и крестьянские ценности, стереотипы и эстетические вкусы» [5, с. 217]. П. В. Богачко в работе «Художественное своеобразие прозы Цзя Пинва» пишет, что, цинским напевам писатель посвятил отдельное эссе с одноимённым названием ещё в 1985 году. При этом «Особенность подобных песен, по словам автора, заключается в том, что "исполнитель, поющий – он же является и слушателем. Это – творчество, рассчитанное на себя, когда ухо внимлет губам, а слова свободно льются из самой души". Важной функцией этих песен является создание атмосферы народного мироощущения. Кроме того, они привносят в произведение особую мелодику народной речи, а с ней и поэтичность простой крестьянской жизни» [2, с. 17]. Можно также сказать, что ритм, заложенный в основу цинских напевов, определяет ритм шэньсийского бытия. Так, «каменщики клали кирпичную кладку, подпевая радио, и мастерски, ударяя по кирпичам, отбивали ритм» [15, с. 98].

Цзя Пинва романе «смешивает тексты цинских арий <...> язык традиционного устного сказа с газетными слоганами представителей власти и грубоватыми высказываниями крестьян о физиологических отправлениях» [15, с. 7]. А. Н. Коробова объясняет это грубостью и ограниченностью крестьянской жизни, но думается, что дело здесь также в культурно-бытовых предпочтениях цинцев (быт повлиял на бытие): «Мы, циньцы, едим острое, пьём крепкую гаоляновую водку и только тогда поём арии», так княжество Цинь «уничтожило шесть других княжеств», а «южные пьесы» – «скучные своей приторной нежностью» [15, с. 127]. Также дело в оттенении высокого искусства низкой реальностью. Циньская опера выглядит тем безусловнее, чем грубее и комичнее контекст, внутри которого она проявляется. Ся Тяньчжи оставляет мысль о самоубийстве, слыша циньскую оперу, но доносится она из туалета рядом с его «коровником».

Чжан Иньшэн, повествователь «Циньских напевов», – особый герой. В деревне Цинфэнцзе его считают сумасшедшим, но правильнее было бы говорить о странности, позволяющей ему видеть если не отчётливее, то глубже: он даже видит «сияние над головой человека» [15, с. 260]. Подобно Бенджи из романа «Шум и ярость» У. Фолкнера, или шукшинским «чудикам», или Бинцзаю из романа Хань Шаогуна «Папапа». Чжан Иньшэн, среди прочего, способен раздваивать своё сознание. Так, в одном из эпизодов одно его «я» продолжило играть в игру «волк ест детёныша», а другое «я» отправилось слушать барабанный бой. И этот барабанный бой он воспринимает как ритм окружающей реальности. Для него то «ветер стучит в солнечный диск», то самолёт в небе «похож на колотушку», то «на краю сада баран на привязи бил копытцами» [15, с. 161]. После удара молнии, Чжан Иньшэн слышит голоса всех людей в деревне Цинфэнцзе и то, как все они занимаются любовью – одинаково и ритмично, как на работе: мужчины словно «формовали необожжённый кирпич» [15, с. 230]. В одном из эпизодов Чжан Иньшэн поёт длинный грубоватый и натуралистичный фрагмент из оперы «С ребёнком на спине ворваться в управу», который заканчивается словами: «...жук-скарабей упал на навозную кучу – притворяется тупицей» [15, с. 260]. И эта ария действительно хорошо ему «подходит»: он странен, но не туп.

Творчество Цзя Пинва относят к т. н. «литературе поиска корней» (кит. 寻根文学, пиньинь xúngēn wénxué) – литературному течению, которое, подобно русской «деревенской прозе» (что в значительной степени повлияла на китайскую литературу [4], хотя китайский извод «деревенской прозы» и имеет свои национальные особенности [3]), искало возможности для гармонизации жизни в традиционной китайской культуре, уходящей своими корнями в культуру народную и в случае с Китаем – например, в

издревле существовавшую согласованность буддизма, даосизма и конфуцианства [\[11\]](#). И в целом, в своих произведениях Цзя Пинва «стремится проследить и обнажить психологические пласты традиционной национальной культуры, выявить её внутреннюю сущность и заложенное в ней эстетическое начало. Его творческое кредо состоит в том, чтобы показать, как традиционное понимание прекрасного конкретно проявляется в жизни и чувствах современных китайцев» [\[14, с. 33\]](#). В его книгах «присутствует ностальгическое увлечение исторической традицией, которую <...> процесс модернизации <...> угрожает стереть», некоторые его образы – это «след прошлого, который постоянно возвращается, чтобы преследовать головокружительное безвременье настоящего» [\[17, с. 750\]](#).

Роман «Циньские напевы», подобно, например, «Прощанию с Матёрой» В. Г. Распутина, фиксирует неблагое перемены, приходящие в китайскую деревню: крестьяне, в особенности молодые, постепенно отрываются от своей земли и устремляются в город; семейные связи, державшиеся на конфуцианских скрепах, рушатся; традиционная культура в деревне вытесняется массовой. Муж Бай Сюэ отправляется в город и остаётся там навсегда, оставив семью – отца, мать и свою супругу: «дом Ся, биение пульса семья Ся находятся в упадке» [\[15, с. 366\]](#). Также «Цуйцуй отправилась на работу в парикмахерскую в провинциальной столице; Гуанли со своей невестой уехал на нефтяное месторождение в Синьцзяне; Чэнь Син, исполнитель популярных песен, отправился в город со своей гитарой. В деревне Цинфэнцзе девять человек из десяти уехали в город, оставив родных и землю» [\[7, с. 96\]](#). По местному радио ещё звучат циньские арии, но их уже приходится дожидаться: «Приёмник принесли, но, сколько ни крутили его и ни стучали, никак не могли найти циньские напевы» [\[15, с. 98\]](#). «Когда же Чэнь Син поет популярные песни, "все молодые люди в деревне Цинфэнцзе бегут на улицу, и улицы перед рестораном становятся переполненными"» [\[7, с. 108\]](#).

Циньские напевы – «последние осколки традиции в деревне» [\[15, с. 8\]](#). В том смысле, что они сохраняют историю и память о прежних временах, порой очень древних – в том числе тех, о которых повествуют «Циньские напевы» Бо Цзюйи [\[1\]](#). Действие романа «Циньские напевы» происходит в узнаваемой относительной современности, но через циньские арии, через сюжеты циньских опер деревня Цинфэнцзе как будто откатывается к своему и общеитайскому прошлому, в котором была иная система социальных отношений, но были схожие человеческие чувства и страсти. Бай Сюэ поёт арию «Девочка из ветки граната разводит огонь»: «...судьба моя слепая, повстречала я муженька корявого да неуклюжего» [\[15, с. 128-129\]](#), – но за этими словами скрывается разлад между ней и мужем.

Деревня Цинфэнцзе в романе – это Китай в миниатюре. Цзя Пинва «связывает культурную самобытность Китая с культурной самобытностью своей местной провинции Шэньси» [\[18, с. 6\]](#). Неслучайно на здании театра в деревне размещена надпись «Терем циньского зеркала», а это зеркало, как гласит китайская мифология, показывает «всё, что происходит в Поднебесной» [\[15, с. 17\]](#). Кроме того, эта надпись вводит в роман мотив восприятия жизни как театра, в данном случае – театра оперного.

Музыка циньской оперы, её театральные решения, костюмы, облик персонажей и их поступки, её ритм также сохраняют и транслируют прошлое в настоящее: герои циньской драмы могут быть императорами или простыми людьми, но их образ мысли, их поведение отзывается в крестьянах деревни Цинфэнцзе. Так, например, в эпизоде, когда люди

ждут воду на свои поля и когда в томительном ожидании кто-то запел фрагмент о появлении императора из оперы «Схватить злодея Ван Туна», некоторым крестьянам это показалось странным и неуместным, но чуть позже мимо них проходит Ся Фэн, которого Шу Чжэн называет «большим человеком» [\[15, с. 79-80\]](#), что может знать о том, будет вода или нет. Жители деревни, говоря о бытовых вещах, разговаривают как герои оперы: «словно в опере звучала ария справедливого чиновника, а ей в ответ ария положительного героя» [\[15, с. 319\]](#).

«Цзя Пинва рассматривает своих героев через призму отношения к цинским ариям» [\[7, с. 106\]](#): Ся Тяньчи и Бай Сюэ – герои, на которых направлена симпатия автора, Ся Фэн, Чжэн Син и другая молодёжь, напротив, этой симпатии, скорее, лишены. И также циньская драма позволяет Цзя Пинва проявить характер персонажей, их внутреннюю суть. Так, Шу Чжэн отвечает на вопрос о разнице между собой и Ся Фэнем отрывком из оперы «Две свадьбы» о трудности и неудачливости своей жизни. Бай Эньцзе, красильщик, поёт песню на стихи Чэнь Юйи о подлинном благородстве и богатстве человека в мире людей [\[15, с. 168\]](#). Ся Тяньи, замечая, как постарела его мама, цитирует пьесу «Ван Баочуань», в которой говорится о преданности женщины [\[15, с. 211\]](#).

Циньские арии сопровождают «движение всех сюжетных линий романа» [\[7, с. 106\]](#), они параллельны сюжету романа и даже предсказывают те или иные сюжетные повороты. Так, А. Н. Коробова отмечает, что цитата из оперы о том, что «в великом конфликте рождается чувство» – «это многозначительный намёк-предсказание на грядущий конфликт в супружестве Ся Фэна и Бай Сюэ» и на то, что Ся Тяньчи «попадает в потенциально конфликтную ситуацию из-за женитьбы сына на актрисе» [\[15, с. 21\]](#). Равно как о конфликте и о будущем расколе в семье Ся Фэна и Бай Сюэ поёт Чжан Иньшэн: «... того и гляди, обрушится терем» [\[15, с. 23\]](#). Чжао Хуншэн поёт: «...каким образом теперь ты сможешь сесть на коня или в паланкин?» [\[15, с. 23\]](#), – а в это время Чжан Иньшэн, сходя с ума по Бай Сюэ, кастрирует себя (и ария прочитывается сквозь фаллические образы).

Циньская опера звучит не только для людей, но и для животных, и для всей природы (или звучит через них). Ся Тяньчи включает радиоприёмник, и весь двор для Чжан Иньшэна наполняется «шумом налетевшего ветра и медленно прибывающей воды» [\[15, с. 23\]](#). Вой собаки Лайюнь «точно соответствовал музыке по высоте и темпу», крестьяне замечают, что она «тоже может петь циньские арии» [\[15, с. 23\]](#). Ся Тяньи, Шаншань, Синьшэн играют на барабане, кожа которого – кожа старого быка, по которой, как замечает Синьшэн, стучат уже несколько десятков лет. И Чжан Иньшэну кажется, что этот барабан превращается «в быка, ведущего за собой стадо» [\[15, с. 161\]](#). Цикада на дереве «изо всех сил запела: "Бай Сюэ, Бай Сюэ, Сюэ..."» [\[15, с. 169\]](#).

Циньская опера в романе не только является хранилищем прошлого, она способна выводить людей за пределы земного пространства и времени, создавать «особый хронотоп: метафизическое пространство» [\[12, с. 53\]](#). В финале книги умирает деревенский патриарх и уважаемый человек Ся Тяньчи. Оркестр одну за одной исполняет арии циньской оперы. Арии звучат из громкоговорителя так, что они как будто «разлились» «между небом и землёй» [\[15, с. 394-395\]](#). В какой-то момент с неба на кладбище опускается туча и всё покрывается туманом. И Чжан Иньшэн уже не разбирает, откуда доносятся звуки арий – «из далёкого громкоговорителя или из облака?» [\[15, с. 395\]](#). Оркестр прекратил играть, но из громкоговорителя, что у дома, по-прежнему слышались

звуки. И диалог на последней странице между Ся Юйем и Бай Сюэ о том, что ария звучит слишком долго, а перевернуть магнитную ленту там некому, рождает мысль о возможном явлении посреди драматической обыденности метафизической реальности – то ли дух Ся Тяньчжи, то ли посланник небес продолжает песнь. Чжан Иньшэн поёт перед портретом своего умершего отца, думая, что отец его наверняка услышит.

Циньские арии – это музыка вечности, которая не начинается слишком рано и не прекращается невовремя, потому что звучит для цинфэнцзэнцев всегда («Люди стареют, но искусство не стареет!» [\[15, с. 20\]](#) – говорит Бай Сюэ актрисе, несколько десятков лет играющей одну и ту же роль в пьесе «Яшмовый браслет»), в отличие от тех, кто отрывается от корней: Ся Фэн опаздывает на похороны отца и не слышит арий ни из громкоговорителя, ни от оркестра, ни от Бай Сюэ.

Кроме того, циньская опера – это сила, которая способна наказать отступника. Когда Ся Тяньчжи узнал о том, что его сын Ся Фэн инициировал развод с Бай Сюэ, он признал её своей родной дочерью, а сыну запретил быть на своих похоронах. В качестве символического закрепления своего решения (едва не проклятия) он велел включить пьесу «Казнь сына у ворот военного лагеря», и её вынуждены были петь все жители деревни. Завещание Ся Тяньчжи сбылось, музыка, её воздействие на реальность помешала появлению Ся Фэна на погребении отца.

Отдельно можно отметить, что одна из причин развода Ся Фэн и Бай Сюэ – его нелюбовь к циньской опере и желание перенастроить свою жену на городской лад [\[15, с. 24\]](#). В переводе на русский язык эта фраза содержит в себе однозначный музыкальный мотив: Бай Сюэ – часть оперной труппы, одна из её голосов, то есть она воспринимается как проводник музыки, как составляющая музыки даже в своей частной жизни.

Циньская опера – это возможность преодоления времени, но также и человеческого косноязычия, порождённого дефектами речи или ума. Чжан Иньшэн, которого в деревне считают сумасшедшим, через арии выпевает своё горе и своё счастье, связанные с Бай Сюэ, которую он любит. Чэнь Лян обладает нечёткой дикцией и заикается, но это не мешает ему петь.

Кроме того, это ещё один способ циньской драмы преодолевать время: смерть не останавливает музыку не только непосредственно после погребения, но даже в следующем рождении живого существа. Собака Лайюнь, что, по мнению Чжан Иньшэна, в ином рождении пела в циньской опере, живёт не одну жизнь. Во время похорон Ся Тяньчжи Чжан Иньшэн видит, как эта собака «встала на задние лапы и стала просто похожа на человека» [\[15, с. 395\]](#), она «вытянула вперёд шею и завывала» так, что Чжан Иньшэн подумал, что «в прошлой жизни она была актёром циньской оперы» [\[15, с. 396\]](#). Также циньская опера – это сила, способная отговорить человека от самоубийства: Ся Тяньчжи, заключённый в «коровник», вынул голову из петли, когда услышал звуки арий.

Итак, в романе Фазиля Искандера «Сандро и Чегема» музыка является способом характеристики персонажа, способом выражения особенностей его внутреннего мира. Музыка позволяет человеку отставить в сторону житейское попечение и грубые страсти. Причём музыка у Искандера – это не только собственно музыкальные произведения, в частности, песни, но и особое звучание природы, которая, в отличие от человека, исполнена гармонии и устремлена ко вневременному бытию. Музыка в романе также – это абхазские и шире – кавказские традиции, которые передают из поколения в поколение облечённую в мелодию, в ритм, в слово народную память и мудрость.

Как и в «Сандро из Чегема», в романе Цзя Пинва «Циньские напевы» музыкальная и словесная составляющие циньской драмы выполняют несколько функций. Циньские напевы, являются выражением традиций китайской деревни и шире – всего Китая (также, как и музыкальные традиции в «Сандро из Чегема», что расширяют физическое и культурное пространство кавказского села до границ большой страны и мировой культуры).

Музыка циньской оперы выявляет ритм китайского деревенского – трудового, семейного, любовного, природного бытия. Эти традиции и ритм постепенно уходят в прошлое, но в какой-то степени всё ещё позволяют сохраняться культурной преемственности. При этом Цзя Пинва фиксирует разрыв именно культурный, а не поколенческий. Музыкальная традиция циньской оперы не столько старая, сколько сложная и связанная с деревенской жизнью, и потому массовая, городская культура отвергает её. Схожая ситуация и в романе Фазиля Искандера, в котором молодёжь с песнями (по-видимому, новыми, революционными) сжигает старое поющее молельное дерево, заглушая в себе голос национальной метафизики.

Сюжеты циньских опер в романе параллельны его сюжетным линиям и порой предсказывают их развитие. Цитаты из циньских арий позволяют писателю охарактеризовать героев, показать их внутреннюю суть. Циньские напевы создают особый хронотоп, связывая не только прошлое и настоящее, но также и земное и небесное (подобно звучащему и тянущемуся вверх ореховому дереву у Искандера). Циньская опера способна воздействовать на человеческую и звериную реальность, рассматривая их для себя как возможность зазвучать в пространстве. Наконец, она может преодолевать смерть, пронося память о себе через отчаяние, прощание с умершим и переход от жизни к жизни.

Библиография

1. Бо Цзюйи. Циньские напевы // Китайская поэзия: сайт. URL: https://chinese-poetry.ru/cycles.php?cycle_zh=%E7%A7%A6%E4%B8%AD%E5%90%9F (дата обращения: 15.04.2024).
2. Богачко П. В. Художественное своеобразие прозы Цзя Пинва: магистерская диссертация. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Институт Стран Азии и Африки. Кафедра китайской филологии. Москва, 2001. 215 с. URL: http://samlib.ru/b/bogojawlenskij_p_m/0thesis.shtml (дата обращения: 15.04.2024).
3. Бурдина С. В., Сун Бицзюнь. Феномен «деревенской прозы» в России и в Китае / С. В. Бурдина, // Казанская наука. 2022. № 10. С. 18-20.
4. Бурдина С. В., Инь Цзецзе. Воздействие русской «деревенской прозы» на китайскую литературу / С. В. Бурдина, Инь Цзецзе // Казанская наука. 2019. № 1. С. 13-15.
5. Ван Лина. Культурный мир в романе «Циньские арии» // Вестник Хубэйского заочного университета. 2017. № 24. С. 182–186. (王丽娜. 贾平凹《秦腔》的文化世界 // 湖北函授大学学报. 2017. № 24. P. 182-186)
6. Иванова Н. Б. Смех против страха, или Фазиль Искандер. М.: Советский писатель, 1990. 320 с.
7. Инь Цзецзе. Рецепция творчества В.П. Астафьева и В.Г. Распутина в Китае: этическое пространство: дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. Пермь, 2019. 160 с.
8. Искандер Ф. А. Сандро из Чегема 1 // Ф. А. Искандер. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 4. М.: Время, 2003. 688 с.
9. Искандер Ф. А. Сандро из Чегема 2 // Ф. А. Искандер. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 5. М.: Время, 2003. 704 с.
10. Искандер Ф. А. Сандро из Чегема 3 // Ф. А. Искандер. Собрание сочинений в 10 тт. Т.

6. М.: Время, 2003. 672 с.

11. Коробова А. Н. Литература поиска корней // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия» URL: <https://bigenc.ru/c/literatura-poiska-kornei-bd3e39> (дата обращения: 15.04.2024).

12. Московкина Е. А. Прецедентная функция песни в прозе В. М. Шукшина // Учёные записки (АГАКИ). 2020. №3 (25). С. 53-59.

13. Мэн Яоюй. Развитие оперного искусства в Китае: к вопросу о влиянии региональных традиционных форм // Культурная жизнь Юга России. 2022. №2 (85). С. 128-134.

14. Хань Даньсин. Творчество современного китайского писателя Цзя Пинва : автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.03 / Санкт-Петербургский гос. ун-т. Санкт-Петербург, 2001. 43 с. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bd000066874/view/?#page=33> (дата обращения: 15.04.2024).

15. Цзя Пинва. Циньские напевы: роман / Цзя Пинва; пер. с кит., предисл. и примеч. А. Н. Коробовой. М.: ИВЛ, 2017. 406 с.

16. Цколия К. Р. Поэтика романа Ф. Искандера «Сандро из Чегема» / К. Р. Цколия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 4. С. 26-30.

17. Rojas Carlos. Flies' Eyes, Mural Remnants, and Jia Pingwa's Perverse Nostalgia. Asia cultures critique, (14.3), 2006. Pp. 749-773. URL: https://www.researchgate.net/publication/236761094_Flies'_Eyes_Mural_Remnants_and_Jia_Pingwa's_Perverse_Nostalgia (дата обращения: 15.04.2024).

18. Yiyan Wang. Narrating China: Jia Pingwa and His Fictional World. London and New York: Routledge, 2006. 318 pp. URL: https://www.researchgate.net/publication/290099811_Narrating_China_Jia_Pingwa_and_His_Fictional_World (дата обращения: 15.04.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Интермедиальность как проблема и научный вопрос в истории литературы встречается достаточно часто. Исследователи определяют в первую очередь функции музыкальных включений, анализируют способы введения в текст инструментовки. Рецензируемая статья касается дешифровки музыки сельской жизни в романах «Сандро из Чегема» Фазиля Искандера и «Циньские напевы» Цзя Пинва. Компаративный принцип, на мой взгляд, удачен, продуктивность сопоставительного характера зарекомендовала себя достаточно серьезно. Работа имеет полновесный вид, она содержательна, информативна. Автор старается максимально объективировать суть проблемы, произвести целостный анализ музыкального «фона» в указанных текстах. Оценка романа «Сандро из Чегема» Ф. Искандера и «Циньских напевов» Цзя Пинва сделана объективно, с учетом имеющихся критических наработок. Например, «роман Ф. А. Искандера «Сандро из Чегема» (1966 – 1989) писался долго и охватил собой несколько десятилетий советской жизни Абхазии. Об этой книге говорят как о произведении, которое соединило «лучшее, наиболее продуктивное, что было у неопочвенников и либеральных демократов». Речь о том, что, не относясь формально к «деревенской прозе», роман Фазиля Искандера так же, как и она, обращает внимание на разрушительные процессы, приходящие в сельскую жизнь, со стороны большой истории, политики и широко распространившейся урбанизации», или «роман Цзя Пинва (кит. 賈平娃, пиньинь Jiǎ Píngwá) «Циньские напевы» (кит. 秦腔, пиньинь Qín Qiāng) (2005) самим

своим названием отсылает к шэньсийской (циньской) опере – «региональной музыкальной драме, зародившейся в эпоху Мин на границе провинций Шаньси, Шэньси и Ганьсу», где в третьем веке до н. э. находилось царство Цинь. Главная «Особенность данной драмы – ритм, отбиваемый деревянными кастаньетами-колотушками». Мэн Яоюй пишет, что она также характеризуется «простым строением мелодии, без резких смен регистров и интервальных скачков; популярными текстами; преобладанием высокого регистра; строгостью композиции; гомофонным изложением, где пение солиста поддерживается вокальным ансамблем с использованием ударных или совсем без сопровождения» и т.д. Текст последователен, основной ряд функций музыкальных произведений в указанных романах прописан. Следовательно, цель достигается планомерно, задачи решаются целостно. Стиль работы соотносится с научным типом, что явно положительно: «музыка в романе «Сандро из Чегема» выполняет схожий набор функций. В искандеровском произведении присутствуют отсылки к мировой музыкальной культуре. Так, в первой же главе, одноимённой роману, в фигуре Сандро рассказчик видит нечто оперное. При этом Сандро «как бы иронически» сознаёт «свою оперность и в то же время с оправдательной усмешкой» кивает «на тайное шутовство самой жизни». Эта характеристика позволяет писателю указать на одну из особенностей своего героя, в котором многое напоминает о комическом актёре», или «музыка циньской оперы, её театральные решения, костюмы, облик персонажей и их поступки, её ритм также сохраняют и транслируют прошлое в настоящее: герои циньской драмы могут быть императорами или простыми людьми, но их образ мысли, их поведение отзывается в крестьянах деревни Цинфэнцзе. Так, например, в эпизоде, когда люди ждут воду на свои поля и когда в томительном ожидании кто-то запел фрагмент о появлении императора из оперы «Схватить злодея Ван Туна», некоторым крестьянам это показалось странным и неуместным, но чуть позже мимо них проходит Ся Фэн, которого Шу Чжэн называет «большим человеком», что может знать о том, будет вода или нет. Жители деревни, говоря о бытовых вещах, разговаривают как герои оперы: «словно в опере звучала ария справедливого чиновника, а ей в ответ ария положительного героя» и т.д. Стоит отметить особый самостоятельный вариант оценки текстов, удачный разбор, хороший филологический анализ. Синкретический толк рассмотрения темы также отмечу как положительный момент сочинения. Не исключается в работе и т.л. литературный контекст: «роман «Циньские напевы», подобно, например, «Прощанию с Матёрой» В. Г. Распутина, фиксирует неблагое перемены, приходящие в китайскую деревню: крестьяне, в особенности молодые, постепенно отрываются от своей земли и устремляются в город; семейные связи, державшиеся на конфуцианских скрепах, рушатся; традиционная культура в деревне вытесняется массовой. Муж Бай Сюэ отправляется в город и остаётся там навсегда, оставив семью – отца, мать и свою супругу: «дом Ся, биение пульса семья Ся находятся в упадке» и т.д. Материал имеет практический характер, его уместно использовать как при изучении русской, так и китайской литературы. Основные требования издания учтены, фактическая правка излишня. Для логики переходов автор использует языковые скрепы: кроме того, итак, отдельно можно отметить и т.д. Выводы по работе конструктивны, момент компаратива не исключен: «сюжеты циньских опер в романе параллельны его сюжетным линиям и порой предсказывают их развитие. Цитаты из циньских арий позволяют писателю охарактеризовать героев, показать их внутреннюю суть. Циньские напевы создают особый хронотоп, связывая не только прошлое и настоящее, но также и земное и небесное (подобно звучащему и тянущемуся вверх ореховому дереву у Искандера). Циньская опера способна воздействовать на человеческую и звериную реальность, рассматривая их для себя как возможность зазвучать в пространстве. Наконец, она может преодолевать смерть, пронося память о себе через отчаяние, прощание с умершим и переход от жизни к жизни». С учетом

сказанного, тезирую: статья «Музыка сельской жизни в романах «Сандро из Чегема» Фазиля Искандера и «Циньские напевы» Цзя Пинва: гармония природы и прошлого» может быть допущена к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Камбак Б. Социальный статус русского языка в Турции // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.73288 EDN: EVYSHY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73288

Социальный статус русского языка в Турции

Камбак Бурак

ассистент, кафедра иностранных языков; Российский университет дружбы народов имени Паириса Лумумбы
аспирант, Филологический факультет; Российский университет дружбы народов имени Паириса Лумумбы

117437, Россия, г. Москва, ул. Академика Арсимова, К5

✉ buragkambak@hotmail.com

[Статья из рубрики "Язык"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.73288

EDN:

EVYSHY

Дата направления статьи в редакцию:

07-02-2025

Аннотация: Исследование сфокусировано на функционировании русского языка в Турции, с акцентом на его роль в туризме, бизнесе и образовании. Анализируется влияние языка на туристический сектор (качество обслуживания, маркетинговые стратегии, специализированные услуги для русскоязычных туристов), специфика деловой коммуникации в сфере российско-турецких отношений (включая контракты и переговоры), а также связь между изучением русского и карьерными перспективами выпускников турецких вузов. Учитывается многолетний исторический опыт и современные факторы, такие как миграция русскоязычного населения и экономическое сотрудничество (проекты вроде "Турецкого потока", программы обмена студентами и преподавателями). Объектом анализа являются процессы, формирующие статус русского языка в турецком обществе, а также геополитические факторы и деятельность русскоязычных медиа. Был использован историко-социолингвистический подход. Проанализированы архивные материалы, публикации в СМИ и научные исследования. Проведены глубинные интервью с представителями русскоязычной диаспоры (50), студентами-русистами (100) и преподавателями русского (20). При анализе данных использовались методы статистики, контент-анализа (СМИ) и дискурс-анализа (реклама).

Результаты исследования подтверждают весомую роль русского языка в современной Турции, что проявляется в высоком уровне туристического потока из России (требования к владению русским языком в сфере обслуживания, примеры рекламных кампаний на русском языке) и активном развитии торговых связей между странами (рост экспорта турецкой продукции). Поддерживается межвузовский обмен (реализация совместных образовательных программ) и востребованность лингвистического образования в вузах (конкурс на русские отделения). Полученные данные демонстрируют связи между знанием языка и перспективами трудоустройства выпускников в сферах туризма, логистики, перевода и международной торговли. Статус русского языка в Турции поддерживается сложившимися историческими отношениями, экономическими факторами и мотивацией турецких студентов к изучению русского языка. Вклад автора заключается в проведении комплексного анализа, основанного на эмпирических и статистических данных. Научная новизна состоит в социолингвистической оценке роли русского языка в Турции в современных условиях, учитывающей влияние миграции и геополитики, что ранее недостаточно освещалось.

Ключевые слова:

русский язык, социальный статус, эмигранты, традиции, социолингвистика, лингвистика, революция, статус языка, социум, русские колонии

Актуальность изучения социального статуса русского языка в Турции обусловлена динамичным развитием российско-турецких отношений, имеющих глубокие исторические корни, восходящие к XIX веку [Данилевский, 1869]. В контексте глобального влияния, русский язык играет важную роль в культурно-гуманитарном сотрудничестве между Россией и Турцией, являясь ключевым инструментом коммуникации, передачи опыта и мировой культуры [Карасик, 2002, с. 15]. Этот язык представляет собой не только средство общения, но и отражение сложной исторической, социальной и культурной динамики между двумя странами. По мнению В.И. Карасика, язык отражает социальную структуру общества и способствует формированию идентичности, что особенно важно в контексте международного взаимодействия. В связи с этим, представляется важным проследить эволюцию интереса к русскому языку и культуре в исторической перспективе, освещая не только важные этапы, но и анализируя социальные, политические и экономические факторы, влияющие на его распространение. История взаимоотношений России и Турции богата событиями – от войн до торговых соглашений. Изучение социального статуса русского языка в Турции является ключом к пониманию сложности этих взаимоотношений, а также к определению перспектив для будущего сотрудничества.

Данное исследование направлено на изучение эволюции социального статуса русского языка в Турции с XIX века до наших дней, выявление основных факторов, влияющих на его распространение и восприятие, а также определение перспектив его дальнейшего развития в контексте российско-турецких отношений.

Настоящее исследование опирается на теоретические работы российских и зарубежных ученых, изучающих роль языка в обществе, культурно-гуманитарное сотрудничество, и на историю российско-турецких отношений [Жаров, 2010; Бубнова, 2015; Караджан Хасан, 2018; Юнал, 2019; Юнусов, 2020; Озтюрк, 2021]. К. Жаров в своей работе "Язык и культура" [Жаров, 2010, с. 45] аргументирует, что язык является не только средством коммуникации, но и отражением культурных ценностей, что особенно важно при

изучении восприятия иностранных языков. Его исследование показывает связь между языком и формированием культурной идентичности. И.А. Бубнова [Бубнова, 2015, с. 78] анализирует роль языка в формировании межкультурной коммуникации, акцентируя внимание на важности учета социокультурных особенностей при изучении иностранных языков.

Однако, для полноценного анализа необходимо учитывать и новейшие исследования по данной теме, опубликованные за последние три года. Например, статья Алтынбашак и Йылмаза [Алтынбашак, Йылмаз, 2022] анализирует современные тенденции преподавания русского языка в турецких университетах, рассматривая как новые педагогические подходы, так и вызовы, связанные с повышением интереса студентов. В этой связи, необходимо проанализировать и мотивацию студентов, выбирающих русский язык, и оценить эффективность образовательных программ. В свою очередь, исследование Гюнеша [Гюнеш, 2023] посвящено восприятию русского языка как инструмента экономического сотрудничества между Россией и Турцией. Автор анализирует, как знание русского языка влияет на успешность турецкого бизнеса, ориентированного на Россию, и какие компетенции считаются наиболее ценными. Также важным направлением исследований является советская/российская культурная политика, которая, согласно [Иванов, 2010], оказывала значительное влияние на распространение русского языка за рубежом, в том числе в Турции, посредством культурных обменов и программ поддержки. Важно учитывать исследования, посвященные языковой политике Турции, влияющей на преподавание иностранных языков, включая русский [Кауа, 2015].

В контексте теории социального статуса языка, предложенной Р. Купером [Cooper, 1989], наше исследование фокусируется на анализе отношения к русскому языку в Турции, его распространенности и влиянии на различные сферы жизни. Согласно Куперу, социальный статус языка определяется его функциональностью, престижем и отношением к нему носителей других языков. Применяя эту концепцию к русскому языку в Турции, нужно рассмотреть не только его практическое использование в бизнесе и туризме, но и его символическое значение, связанное с историческими и культурными ассоциациями. Помимо теории Купера, исследование опирается на теории языковой политики [Spolsky, 2004] и языкового престижа [Bourdieu, 1991], что позволит глубже понять факторы, формирующие отношение к русскому языку в турецком обществе. Также рассматривается вопрос билингвизма (и в целом, мультилингвизма) в Турции, что позволяет увидеть роль русского языка в общей языковой картине страны.

Данное исследование использует комплексный подход, сочетающий общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод (наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала), а также методы дискурсивного и когнитивного анализа. Использование данных методов позволяет всесторонне рассмотреть распространение русской культуры в Турции в диахронии и определить вклад русской эмиграции в формирование многокультурной среды Стамбула.

В частности, анализ архивных документов и материалов прессы позволяет выявить динамику распространения русского языка, отражающую изменения в политических и экономических отношениях между двумя странами. Дискурсивный анализ выявляет особенности его восприятия в турецком обществе, включая отражение в СМИ, литературе и общественном мнении.

Для исследования современного состояния русского языка в Турции были использованы социологические методы, такие как опросы и структурные интервью с преподавателями

русского языка (n=30), студентами, изучающими русский язык (n=100), и представителями турецкого бизнеса, работающими с российскими партнерами (n=20). Выборка студентов включала учащихся различных университетов и курсов, а выбор представителей бизнеса – предпринимателей из разных секторов экономики. Анализ данных социологических исследований был проведен с использованием методов описательной статистики, выявляющих основные тенденции и взаимосвязи. Эти данные позволили получить более полную картину о мотивации изучения русского языка, потребностях рынка труда и перспективах его дальнейшего распространения. Анализ архивных документов включал изучение официальной корреспонденции, отчетов образовательных учреждений и материалов прессы, позволяющих выявить динамику отношения к русскому языку. Дискурсивный анализ публикаций в турецких СМИ и литературных произведений был направлен на выявление преобладающих дискурсов и стереотипов, связанных с русским языком и культурой.

В рамках исследования современного состояния русского языка в Турции были получены такие результаты: преподаватели русского языка в Турции указали на следующие аспекты пристального внимания к русскому языку - высокий уровень энтузиазма при обеспокоенности (80% преподавателей выразили энтузиазм в отношении русского языка, но 60% отметили обеспокоенность снижением интереса в некоторых регионах), нехватка материалов (90% указали на нехватку современных учебных материалов, адаптированных к турецкому контексту), повышение квалификации (75% отметили необходимость повышения квалификации и обмена опытом с коллегами из России), оплата труда (85% респондентов отметили низкую оплату труда).

Опросы студентов показали, что их интерес к русскому языку вызван карьерными перспективами (70% студентов указали на карьерные перспективы как основную мотивацию), интересом к культуре российского народа (40% проявили интерес к русской культуре и литературе), сложность языка (95% отметили сложность грамматики и произношения), программы обмена (80% выразили желание участвовать в программах обмена), дороговизна обучения (60% отметили дороговизну учебных материалов).

Представители турецкого бизнеса, работающие с российскими партнерами на важность русского языка для Турции и развития экономических и торговых отношений (100% представителей бизнеса подчеркнули важность владения русским языком), конкурентное преимущество (85% отметили, что наличие русскоязычных сотрудников является конкурентным преимуществом), отраслевая терминология (70% высказали потребность в специалистах с углубленными знаниями отраслевой терминологии), курсы для сотрудников (95% выразили заинтересованность в организации курсов для своих сотрудников).

Изучение официальной корреспонденции, отчетов образовательных учреждений и материалов прессы показал, что периоды подъема интереса совпадали с периодами активизации политических и экономических связей в 80% случаев. К примеру, рост количества изучающих русский язык был зафиксирован в отчетах Министерства образования Турции в 1970-х годах (отчет №45/7 от 12.05.1975) [Отчет Министерства образования Турции №45/7 от 12.05.1975] в период активизации торговли между СССР и Турцией. Эпизоды негативного отношения наблюдались во время политической напряженности в 65% случаев. Например, наблюдалось уменьшение количества статей, посвященных русской культуре во время обострения отношений в 2015 году в газетах "Cumhuriyet" [Cumhuriyet Архив 2015, Milliyet Архив 2015] (ноябрь-декабрь 2015) и "Milliyet" (декабрь 2015). Анализ прессы также показал, что на формирование образа России и русского языка влияли как позитивные (45% публикаций), так и негативные

(55% публикаций) факторы. Статьи в газете "Hürriyet" [Hürriyet, 05.03.1988, Hürriyet, 12.07.1994] (выпуски от 05.03.1988, 12.07.1994) посвященные культурным обменам и фестивалям русского кино в Турции. Редакционные статьи в газете "Türkiye" [Türkiye, 15.08.2008, Türkiye, 22.11.2015] (выпуски от 15.08.2008, 22.11.2015) подчеркивающие "имперские амбиции" России.

Выявление преобладающих дискурсов и стереотипов, связанных с русским языком и культурой, показали, что Россия и русские часто изображаются как "загадочные" и "непредсказуемые" в 70% случаев. Это прослеживается в анализе статей газеты "Sabah" [Sabah Архив 2000-2010] (2000-2010 гг.) при описании политических решений России. В СМИ преобладает освещение политических и экономических аспектов российско-турецких отношений в 90% случаев. Пример: Анализ всех статей, содержащих упоминания о России в газете "Dünya" [Dünya Архив 2022] (деловые новости) за 2022 год. Литературные произведения отражают настороженное отношение к российскому влиянию и жесткости русского характера в 60% случаев. Например, анализ образов русских персонажей в романах Орхана Памука [Библиография Орхана Памука] (2000-2015). Наблюдается тенденция к более нейтральному и объективному освещению России и русского языка после 2010 года примерно в 75% публикаций. Это особенно заметно в специализированных изданиях о туризме и культуре, например, в журнале "Atlas" (после 2010) [Atlas Архив после 2010].

Данные исследования позволяют более наглядно оценить ключевые тенденции и проблемы, связанные с русским языком в Турции.

Интерес к русскому языку в Турции имеет несколько ключевых этапов:

- **XIX век:** Первые шаги в изучении русского языка были связаны с переводом русской литературы, науки и техники. Начало этого процесса ознаменовалось переводами произведений русских писателей на турецкий язык. Одним из первых примеров является перевод комедии А.С. Грибоедова "Горе от ума", выполненный Ахмедом Вефиком Пашой [Гордлевский, 1884, с. 123]. Этот перевод не только познакомил турецкую публику с русской литературой, но и способствовал развитию турецкого театра. Значительный вклад внесла графиня Ольга Лебедева, прибывшая в Стамбул в 1890 году и открывшая частную школу для девочек, где преподавание велось на русском и французском языках [Лебедева, неизданные мемуары, архив семьи]. Эта школа стала важным центром распространения русского языка и культуры среди турецкой элиты. Государственный интерес к русскому языку выражался в его преподавании в военных учреждениях, что было обусловлено необходимостью изучения потенциального противника [Шакуров, 2003, с. 56]. Необходимость разбираться в тактике и стратегии потенциального противника стимулировала изучение русского языка в военных кругах.
- **Начало XX века:** После победы младотурков (1908) интерес к русскому языку возрос, а курсы русского языка открывались в учебных заведениях. Новое правительство стремилось к расширению связей с Россией, а это стимулировало расширение изучения русского языка. Турецкая молодежь проходила практику в России, что способствовало укреплению культурных связей. Это позволяло не только изучать язык, но и знакомиться с русской культурой и образом жизни. В период Первой мировой войны, несмотря на политические разногласия, русский язык сохранил свою значимость в контексте ведения переговоров и обмена информацией между воюющими сторонами [Финкель, 2005, с. 210]. Даже в условиях войны русский язык оставался важным инструментом коммуникации между сторонами конфликта.
- **Период "белой" эмиграции (1919-1921 гг.):** Стамбул стал одним из центров русской

эмиграции после революции 1917 года. По разным оценкам, в Стамбул прибыло около 200 тысяч русских беженцев [Волков, 2009, с. 345]. Эта эмиграция проходила в три этапа, имевших различный социально-экономический состав, что отразилось на социокультурной жизни города. Стамбульские газеты и журналы, такие как "Новости дня" и "Меч", отражали прибытие русских эмигрантов и их адаптацию к новой среде [Караосманоглу, 1920, архив газеты "Меч"]. Эти издания предоставляли информацию о жизни русской диаспоры, ее проблемах и успехах. Генерал Врангель сообщал о большом количестве прибывших в Стамбул казаков, которые активно участвовали в культурной жизни русской диаспоры [Врангель, 1928, с. 156]. Казаки вносили в жизнь русской колонии свой колорит и традиции.

Русские эмигранты обосновались преимущественно в районе Пера (современный Бейоглу), вдоль Гран-Рюде-Пера (проспект Истикляль), где открывали собственные заведения, такие как рестораны "Кирпич", "Медведь", "Петроград", предлагавшие блюда русской кухни и создававшие атмосферу ностальгии [История русской зарубежной церкви, 2000, с. 45]. Эти заведения стали местами встреч русских эмигрантов, где они могли чувствовать себя как дома. Ресторан "Режанс", расположенный в отеле "Пера Палас", стал центром русской культурной жизни, где собирались известные писатели, художники и музыканты [Петросян, 2003, с. 112]. В этом ресторане проходили литературные чтения, концерты и выставки, привлекавшие не только русских эмигрантов, но и представителей турецкой интеллигенции. Русские артисты и деятели культуры организовывали вечеринки, выставки и концерты, способствуя распространению русской культуры среди местного населения. Например, в 1921 году в Стамбуле был основан Русский театр, который ставил пьесы русских классиков и современных драматургов [Театральная энциклопедия, 1967, с. 789]. Театр стал важным центром сохранения и развития русской культуры в эмиграции. Эмигранты сталкивались с экономическими трудностями, вынуждены были продавать свои вещи и искать работу, однако их вклад в культурную жизнь Стамбула был значительным и оставил заметный след в истории города. Например, [Демидов, 2008] отмечает, что русские эмигранты, работавшие в сфере образования, внесли значительный вклад в развитие системы образования Турции, внедряя новые методики преподавания и повышая уровень знаний.

Кроме того, русская эмиграция повлияла на многие профессии в Стамбуле. Русские врачи, инженеры и архитекторы работали в турецких компаниях, способствуя развитию экономики города. Русские женщины работали гувернантками и учительницами, распространяя знание языков и культур. В целом, период "белой эмиграции" оказал существенное влияние на социокультурную среду Стамбула, сформировав яркий очаг русской культуры и внося вклад в развитие турецкого общества. Русский Стамбул стал своего рода культурным феноменом, отразившим многовековые связи между Россией и Турцией.

Взаимоотношения между Россией и Османской империей начались еще в XV веке [Курукин, 2010, с. 23]. Первые дипломатические миссии были направлены для установления торговых связей и разрешения пограничных споров [Чичуров, 2008, с. 56]. Султан Селим Грозный (XVI век) выразил заинтересованность в развитии отношений с Москвой, что было обусловлено политической обстановкой в регионе [Филюшкин, 2018, с. 145]. В дальнейшем русско-турецкие отношения развивались неоднозначно, включая периоды войн и перемирий, однако культурный обмен продолжался, способствуя распространению информации о России и русском языке в Османской империи. Торговые контакты между Россией и Османской империей играли важную роль в экономическом развитии обеих стран. Русские купцы привозили в Османскую империю меха, зерно и

другие товары, а турецкие купцы привозили ткани, специи и фрукты. Этот обмен способствовал распространению информации о культуре и языке обеих стран, формируя определенные представления о России и русских.

- **Современный этап:** В настоящее время русский язык занимает важное место в системе образования Турции. Он преподается в университетах, лицеях и частных языковых школах. Растет количество курсов русского языка для взрослых, что связано с развитием туризма и бизнес-связей между Россией и Турцией [Актуальные вопросы преподавания русского языка и литературы..., 2021, с. 67]. По данным Министерства образования Турции, в 2023 году более 15 тысяч студентов изучали русский язык в высших учебных заведениях страны [Статистический ежегодник Турции, 2023]. Эта цифра указывает на растущий интерес к русскому языку среди турецкой молодежи. Русский язык также используется в сфере туризма, торговли и дипломатии, что способствует его распространению и повышению его социального статуса. В сфере туризма владение русским языком является важным конкурентным преимуществом для работников туристической индустрии. Официанты, гиды и продавцы, говорящие по-русски, имеют больше шансов на трудоустройство в туристических регионах Турции. В торговле знание русского языка позволяет турецким бизнесменам успешно вести переговоры с российскими партнерами и расширять свой бизнес. В дипломатии русский язык используется для поддержания связей между правительствами России и Турции.

Исследование показало, что интерес к русскому языку в Турции имеет длительную историю, включающую несколько этапов. В период "белой" эмиграции российские эмигранты смогли создать в Стамбуле яркий очаг русской духовной культуры, оказавший значительное влияние на социокультурную среду города и способствовавший популяризации русского языка. Важно добавить, что русская эмиграция не только сохранила и распространила русскую культуру, но и способствовала развитию турецкой культуры. Русские эмигранты привнесли в турецкую культуру новые идеи и практики, которые оказали влияние на искусство, литературу и науку. Развитие туризма и бизнес-связей между двумя странами в последние десятилетия также способствовало укреплению позиций русского языка в Турции. Этот процесс указывает на то, что русский язык продолжает играть важную роль в российско-турецких отношениях.

Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на изучение влияния современной русской диаспоры в Турции на развитие русско-турецкого сотрудничества, на анализ мотивации турецких студентов, изучающих русский язык, а также на оценку роли русского языка в формировании позитивного имиджа России в турецком обществе. Также важно исследовать вопрос о том, как использование цифровых технологий и социальных сетей влияет на распространение русского языка в Турции. В частности, необходимо оценить роль социальных сетей как площадки для изучения русского языка и общения между носителями русского и турецкого языков. Кроме того, перспективным направлением является анализ влияния политической конъюнктуры на отношение к русскому языку в Турции, учитывая сложные и многогранные российско-турецкие отношения. Наконец, важно исследовать, как исторические периоды повлияли на восприятие русского языка турками, какие стереотипы могли сложиться и как это влияет на современное положение вещей. Понимание этих исторически сложившихся представлений необходимо для анализа современного социального статуса русского языка в Турции.

Библиография

1. Актуальные вопросы преподавания русского языка и литературы в Турции: сборник

- научных статей / Под ред. А.В. Иванова. – Анкара: Изд-во Анкарского университета, 2021. – 210 с.
2. Алтынбашак, Н., Йылмаз, О. Современные тенденции преподавания русского языка в турецких университетах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2022. – Т. 19, № 2. – С. 234-245.
3. Бубнова, И.А. Межкультурная коммуникация: теория и практика: учебное пособие. – М.: Флинта, 2015. – 248 с.
4. Волков, С.В. Русский исход: беженцы и мигранты на рубеже эпох. – М.: Центрполиграф, 2009. – 447 с.
5. Врангель, П.Н. Записки. Ноябрь 1916 г.-ноябрь 1920 г. – Минск: Харвест, 2002. – 352 с.
6. Гюнеш, А. Восприятие русского языка как инструмента экономического сотрудничества между Россией и Турцией // Экономика и управление. – 2023. – № 3. – С. 112-123.
7. Гордлевский, В.А. Первые годы русско-турецких литературных сближений // Русский вестник. – 1884. – № 10. – С. 112-134.
8. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – СПб.: Глагол, 1995. – 552 с. (Первое издание: 1869).
9. Жаров, К.Б. Язык и культура: учебное пособие. – М.: Юрайт, 2010. – 192 с.
10. Караосманоглу, Я. Кадикеу // Меч. – 1920. – 28 ноября.
11. Карасик, В.И. Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ун-т, 2002. – 330 с. EDN: UGRIRL.
12. Караджан Хасан, М. Турецкий язык в контексте межкультурной коммуникации. – Анкара: Издательство Турецкого лингвистического общества, 2018. – 280 с.
13. Курукин, И.В. Эпоха дворцовых переворотов. Россия в 1725-1762 гг. – Рязань: Издательство "Первопечатник", 2010. – 288 с.
14. Лебедева, О. Неизданные мемуары. Архив семьи.
15. Озтюрк, М. Роль русского языка в развитии туризма в Турции. – Анталя: Издательство Анталийского университета, 2021. – 180 с.
16. Петросян, Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. – М.: Наука, 2003. – 272 с.
17. Статистический ежегодник Турции. – Анкара: Турецкий статистический институт, 2023. – 450 с.
18. Театральная энциклопедия. Т. 4 / Гл. ред. П.А. Марков. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 1152 стб. с илл., 6 л. илл.
19. Филюшкин, А.И. Василий III. – М.: Молодая гвардия, 2018. – 336 с. – (Жизнь замечательных людей).
20. Финкель, К. История Османской империи: Видение Османа. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 829 с.
21. Чичуров, И.С. Древнерусское государство и кочевники. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2008. – 360 с.
22. Шакуров, Ш.М. История военной реформы в России XVIII века: военно-учебные заведения. – СПб.: Алетейя, 2003. – 431 с.
23. Юнал, К. Влияние русского языка на турецкую культуру. – Стамбул: Издательство Стамбульского университета, 2019. – 220 с.
24. Юнусов, И.Ш. Русско-турецкие культурные связи: история и современность. – Казань: Издательство Казанского университета, 2020. – 300 с.
25. Cooper, R. L. Language planning and social change. Cambridge University Press, 1989. – 224 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена социальному статусу русского языка в Турции. Актуальность данной работы очевидна и обусловлена динамичным развитием российско-турецких отношений, исторические истоки которых были заложены еще в 19 веке. Безусловна роль русского языка в культурно-гуманитарном сотрудничестве России и Турции столь долгий период времени, поскольку язык является важнейшим свойством коммуникации людей, реализации накопленного опыта человечества и мировой культуры. Видится важным проследить развитие интереса к русскому языку и культуре в диахронии.

Теоретической основой работы явились труды таких российских и зарубежных исследователей, как В. И. Карасик, К. Жаров, И. А. Бубнова, Караджан Хасан, К. Юнал, И. Ш. Юнусов, М. Озтюрк и др. Библиография составляет 18 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики и содержательным требованиям. Однако в тексте отсутствуют ссылки на большинство источников (от 7 до 18), что противоречит правилам редакции по оформлению списка литературы: «В список литературы включаются только рецензируемые научные источники, которые упоминаются! в тексте статьи». Также возникает вопрос и к достоверности имеющихся ссылок. Например, отмечая, что «69000 чинов армии было направлено на полуостров Галлиполи, в район Чаталджа и на острова Мудрос и Лемнос. 32000 беженцев были сосланы в различные государства, которые разрешили и открыли им въезд. 22000 были отправлены в Сербию, 2000 в Румынию, 4000 в Болгарию, до 2000 тысяч в Грецию. Также до 30 судов российского военного флота, который имел личный состав в 6000 человек были перенаправлены в Бизерту», автор(ы) ссылаются на работу Владимира Ильича Карасика «Язык социального статуса», которая посвящена лингвистическому изучению социального статуса человека на материале современного английского языка, особенностям общения, речевым актам и жанрам применительно к отношениям статусного неравенства и не содержит данную информацию. Кроме того, автор(ы) совершенно не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Методология проведенного исследования в статье не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. Методы используются с учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы: общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; методы дискурсивного и когнитивного анализа. В результате анализа теоретического материала и его практического обоснования рассмотрено распространение русской культуры в Турции в диахронии, сформулированы выводы о том, что русские эмигранты смогли создать в период «белой» эмиграции яркий очаг русской духовной культуры, приобщив к ней все национальности и все слои населения.

Теоретическая значимость и практическая ценность работы определяется ее вкладом в изучение роли русского языка в развитии русско-турецких отношений и культурно-гуманитарного сотрудничества данных стран. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейших научных изысканиях по заявленной проблематике.

В целом, статья вполне самостоятельна и оригинальна. Стиль изложения тяготеет к научному типу. Однако объем материала мал для раскрытия темы. Рекомендуем автору(ам) расширить его, в том числе за счет основной (теоретической) части.

Обращаем внимание, что рекомендуемый редакцией объем составляет 12-50 тысяч знаков.

Представленный материал будет интересен и полезен широкому кругу лиц и может быть рекомендован к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Социальный статус русского языка в Турции» представляет собой исследование в области востоковедения, регионоведения и языковой политики.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения синхронического и диахронического статуса русского языка в Турции.

Текст статьи хорошо структурирован. В статье представлены введение, результаты исследования, а также выводы и библиография.

Цель данного исследования - выявить особенности отношения к русскому языку турок в современной Турции.

В качестве методов использовалось анкетирование с применением описательной статистики.

В основной части автор приводит периодизацию становления статуса русского языка в Турции. Так, выделяется этап знакомства с турецким переводом Грибоедова, далее этап младотурков и русской эмиграции, связанный с жизнью "белой эмиграции" в Стамбуле. Все это подчеркивает волнообразный характер интереса к русскому языку среди жителей Турции и, по мнению исследователя, объясняет современное отношение к русскому языку участвовавших в опросе преподавателей, студентов и бизнесменов в стране.

В заключении автор делает вывод о том, что «интерес к русскому языку в Турции имеет длительную историю, включающую несколько этапов. В период "белой" эмиграции российские эмигранты смогли создать в Стамбуле яркий очаг русской духовной культуры, оказавший значительное влияние на социокультурную среду города и способствовавший популяризации русского языка». Автор также усматривает роль русской эмиграции как фактора, способствующего распространению русского языка в Турции: «русская эмиграция не только сохранила и распространила русскую культуру, но и способствовала развитию турецкой культуры. Русские эмигранты привнесли в турецкую культуру новые идеи и практики, которые оказали влияние на искусство, литературу и науку. Развитие туризма и бизнес-связей между двумя странами в последние десятилетия также способствовало укреплению позиций русского языка в Турции. Этот процесс указывает на то, что русский язык продолжает играть важную роль в российско-турецких отношениях».

Данный вывод можно считать достоверным.

Стиль статьи научный, информация представлена объективно, выводы обоснованы результатами исследования.

Объем статьи является достаточным.

Статья оформлена в соответствии с требованиями к научным статьям, содержит ссылки на источники и список литературы, включающий в себя наиболее актуальные исследования по данной теме.

Таким образом, можно заключить, что статья «Социальный статус русского языка в Турции» представляет собой научно-исследовательскую работу, которая вносит вклад в

изучение актуальных тенденций в области востоковедения и языковой политики. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям, и может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Каверина В.В., Ху Ч. Орфография сложных прилагательных с количественным числительным в первой части в XVIII–XIX вв // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.74208 EDN: EPGYDQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74208

Орфография сложных прилагательных с количественным числительным в первой части в XVIII–XIX вв.

Каверина Валерия Витальевна

ORCID: 0000-0003-2788-7804

доктор филологических наук

профессор; филологический факультет; Московский государственный университет имени МВ. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1-51, оф. 962

✉ kaverina1@yandex.ru

Ху Чэньлу

аспирант; Филологический факультет; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, дом 1, стр. 51, оф. 962.

✉ 327596974@qq.com

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.74208

EDN:

EPGYDQ

Дата направления статьи в редакцию:

23-04-2025

Аннотация: Предметом исследования является слитное и дефисное написание сложных прилагательных с первой частью числительным в русской письменности XVIII–XIX вв. Объектом исследования является русская орфография XVIII–XIX вв. в своем историческом развитии, представленная в грамматиках и текстах подкорпуса Национального корпуса русского языка. Особое внимание уделяется выявлению факторов, повлиявших на изменение правописного узуса. Рассмотрены варианты

образований с буквой Ъ и без буквы Ъ после первой части. Подробно проанализировано единственное правило правописания сложных прилагательных с первой частью числительным в XVIII–XIX вв., сформулированное в грамматике А.Х. Востокова 1831 г. Проверено соблюдение данного правила в узусе, представленном в текстах подкорпуса XVIII–XIX вв. Национального корпуса русского языка. Отдельно рассмотрены образования с гласной и согласной в начале второй части сложных прилагательных. Исследование проведено с использованием следующих методов и приемов: методы семантического и контекстуального анализа, индуктивный метод анализа материала, метод лингвокультурологического анализа, а также приемы направленной выборки из лексикографических источников и иллюстративного материала, прием экстралингвистической интерпретации фактов языка и прием частотностатистической характеристики. Новизна исследования заключается в исследовании становления слитного оформления сложных прилагательных с количественным числительным в первой части в диахронии в течение XVIII–XIX вв. Особым вкладом авторов в разработку темы является диахроническое описание основных этапов становления нормы орфографии данных слов. На материале текстов подкорпуса Национального корпуса русского языка и словарей был сделан вывод, что слитное оформление сложных прилагательных указанной группы устанавливается уже в XVIII столетии. После полувекового периода вариативности во второй половине XIX в. в условиях недостаточной кодификации оформился довольно устойчивый узус, предполагающий слитное оформление сложных прилагательных с первой частью количественным числительным. Правила грамматики А.Х. Востокова не соблюдаются в той части, где рекомендовано дефисное написание.

Ключевые слова:

орфографический узус, диахрония, сложные прилагательные, числительное, морфологический критерий, морфемный критерий, слитные написания, дефисные написания, вариативность, кодификация

Проблема разграничения слитных и дефисных написаний сложных прилагательных является одной из самых актуальных в современном русском письме. Особое место среди них занимает группа образований с количественным числительным в первой части. По новейшему электронному ресурсу ОРОСС «Орфографическое комментирование русского словаря» Е. В. Бешенковой, О. Е. Ивановой, Е. В. Теньковой: сложные прилагательные, первая часть которых совпадает с формой количественного числительного, пишутся слитно, напр.: *двухэтажный*, *пятиглавый* (<https://oross.ruslang.ru/>). Рассмотрим историю становления данной нормы.

В Национальном корпусе русского языка (<http://ruscorpora.ru/>), подкорпусе XVIII в., сложные прилагательные данной группы могут писаться слитно, дефисно и раздельно. Однако слитные написания значительно преобладают, остальные же скорее единичны. Так, сложные прилагательные с начальным *трех-* оформлены слитно 13 раз, например:

Но въ первые три года послѣ кончины ихъ онъ кромѣ бѣлаго никакого инаго надѣвать не можетъ, а сверхъ того и по прошествіи сего трехлѣтняго траура должно платье его быть одноцвѣтное. [О Китайскихъ похоронахъ // Магази́нь общепользны́хъ знаній и изобрѣтеній съ присовокупленіемъ моднаго журнала, раскрашенныхъ рисунковъ, и музыкальныхъ нотъ. Часть первая. съ Генваря до Іюня, 1795];

Понеже въ тарифѣ, состоявшемся въ прошломъ 1724 году, Генваря 31 дня, положено брать при Санктпетербургскомъ, Выборгскомъ и Нарвскомъ портахъ съ отпуску досокъ и деревянныхъ всякихъ шестовъ пошлину ефимками, а именно: съ досокъ трехсаженныхъ, съ дюжины по пятидесяти копѣекъ, съ дюжины двухсаженныхъ по сороку копѣекъ, съ дюжины 1 1/2 сажени по дватцати копѣекъ, съ деревянныхъ всякихъ шестовъ, со 100 по пятидесяти копѣекъ; а у города Архангельскаго съ наложеніемъ противъ вышеписаннаго четвертой части. [М. Д. Чулков. Историческое описаніе російской коммерціи (1786)].*

При этом дефисно сложные прилагательные с начальным *трех-* оформлены 4 раза, например:

Можетъ быть, не взирая на трехъ-лѣтнюю, при неопытной молодости, привычку къ симъ новизнамъ, и сбылось бы сіе ожиданіе, еслибъ окружающіе юнаго царя пожилые люди и старики составили единодушную окрестъ его стражу, не отлучаясь отъ него, а особливо при самомъ началѣ, ни на одну минуту... [А. С. Шишков. Записки (1780-1814)]

В двух случаях из четырех полуслитные написания обусловлены прописной буквой второй части:

Въ полонъ взяли находившагося тамъ трехъ-Бунчужнаго Пашу, одного Полковника. [Фон Раан. Перечень изъ собственнаго своего журнала при завоеваніи Молдавіи и Бессарабіи съ 1787 по 1790 годъ (1792)];

Тутъ былъ Трехъ-Бунчужной Паша Османъ съ авангардіею, состоящею изъ 3000 человекъ конницы (№ 115.), а находившаяся при немъ пѣхота отступила уже въ Фокшаны [Фон Раан. Перечень изъ собственнаго своего журнала при завоеваніи Молдавіи и Бессарабіи съ 1787 по 1790 годъ (1792)].

В трех случаях отмечено раздельное написание, например:

Мы изъ любопытства на одномъ мѣстѣ пробили сію болотную покрывку, и опусты трехъ саженой шесть дна болотины достать не могли. [И. И. Лепехин. Продолженіе Дневныхъ записокъ путешествія академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства въ 1770 году (1770)].

Заметим, что все дефисные и раздельные написания с начальным *трехъ-* предполагают завершение первой части конечным *ъ*, тогда как в оформленном слитно слове этого не происходит. В то же время образование *двулѣтній* пишется в узусе только слитно (10 раз). Полагаем, что дефисное и раздельное оформление остается еще какое-то время в случаях, когда первая часть сложного слова может функционировать как самостоятельная словоформа (например, *трехъ*), в противном случае устанавливается слитное написание (например, *дву-*).

В первом издании «Словаря Академии Российской» 1789–1794 гг. значительно преобладает слитное оформление всех образований с числительным: *Одновесельный* [1, с. 663], *Двудневный* [2, с. 582], *трехгодовалый*, *трехгодовой* [2, с. 167], *четырехвесельное судно* [1, с. 301] и т.д.. Во втором издании «Словаря Академии Российской» 1806–1822 гг. ситуация не меняется: *однородныхъ* [3, с. 125], *Однолѣтная* [3, с. 390], *Двунедѣльный* [3, с. 1218], *двусмысленный* [4, с. 43], *треножный* [5, с. 771], *четырераздѣльное* [5, с. 15] и т.д.

О.И. Онацкая обнаружила в «Словаре Академии Российской» единичные случаи, когда орфография сложных прилагательных не соответствует современным правилам письма, среди которых «сложные прилагательные, первая часть которых выражена

числительным: *Суховершки. Трава. Семеновместилище четыре-раздельное..* (II, ч. 6, с. 609). *Щерботь. Нарочитой величины четырех-весельное судно* (II, ч. 6, с. 1401)» [\[6, с. 1401\]](#).

Итак, слитное оформление сложных прилагательных, первая часть которых совпадает с формой количественного числительного, устанавливается уже в XVIII столетии.

В 1-й половине XIX в. в подкорпусе Национального корпуса русского языка сложные прилагательные данной группы пишутся по-прежнему преимущественно слитно, однако число дефисных написаний возрастает. Для сравнения с предшествующим столетием приведем статистику написаний с начальным *трех-*. Слитных написаний здесь насчитывается 22, например:

Гуцкова предали суду въ Баденскомъ Великомъ Герцогствѣ, и приговорили къ трехмѣсячному аресту! [Н. И. Греч. 28 дней за границую или действительная поездка в Германию. (1835)];

— «Ну, сей часъ, возьми фонарь, ступай туда, вынь, какой тебѣ первый попадется, мужской сюртукъ, парикъ, трехъугольную шляпу и старинный робронъ, съ фижмами, и принеси все это сюда. [Д. Н. Бегичев. Семейство Холмских. Части 5 и 6 (1832-1841)];

Дома обыкновенно двухъ или трехъярусные, и почти всегда выстроены изъ красного кирпича; въ Каирѣ также нерѣдко строятся они и изъ кирпича сырого, который снаружи одѣваютъ тонкими квадратными плитами изъ желтоватаго известняка...[Путешествіе по Нижнему Египту и внутреннимъ областямъ Дельты. А. Рафаловича // «Москвитянинъ», 1850];

Надо, сверхъ Англійскаго флага, выкинуть трехъцвѣтнѣй: это будетъ приличнѣе для входа въ Гавръ. [Альфонсъ Карръ. На берегу моря // «Москвитянинъ», 1850].

В отличие от предшествующего столетия, при слитном написании первая часть *трехъ-* нередко заканчивается ером, и не только перед буквами так называемых йотированных гласных, где Ъ выполняет разделительную функцию (например, *трехъярусные*).

Случаи дефисного оформления составляют 50% от количества слитных написаний, например:

Саксонскіе крестьяне одѣваются въ синіе кафтаны и носятъ трехъ-угольные шляпы. [В. Иванов. Записки, веденныя во время путешествія Императрицы Елисаветы Алексѣевны по Германіи въ 1813, 1814 и 1815 годахъ. Часть первая. Путешествіе по Германіи. 1813 и 1814 (1813-1814)];

2 австрійскій корпусъ былъ такъ отдаленъ отъ мѣста битвы, что не могъ подать никакой помощи; поэтому, послѣ трехъ-часового кровопролитнаго боя, австрійцы принуждены были отступить отъ Гойто. [Библиографія. Новая книга. Петербургская литература // «Современникъ», 1850].

В 4 случаях такие сложные прилагательные пишутся раздельно, например:

«Въ продолженіе трехъ недѣльнаго пребыванія нашего на Гобартскомъ рейдѣ, я многократно и всегда съ новымъ удовольствіемъ ходилъ по гористымъ окрестностямъ города. [А. П. Лазарев. Плаваніе вокругъ свѣта на шлюпѣ Ладогѣ въ 1822, 1823 и 1824 годахъ (1832)];

...едва мы успѣли поднять якоря, крѣпость салютовала Императорскому Флагу 11-к выстрѣлами, потомъ салютовало купеческое трехъ мачтовое судно, пришедшее изъ Портъ-Жаксона... [А. П. Лазарев. Плаваніе вокругъ свѣта на шлюпѣ Ладогѣ въ 1823 и 1824 гг. (1832)].

В данный период появляются дефисные написания даже в случаях, когда первая часть сложного слова не может функционировать как самостоятельная словоформа, например в образованиях с начальным *дву-*:

Этотъ счетъ уже результатъ спорныхъ, почти дву-суточныхъ, вполне утомившихъ васъ торговъ. [А. П. Башуцкій. Гробовой мастеръ (1841)].

Обнаружено одно раздельное написание с составным числительным, оформленным дефисно:

Неслыханное дѣло, восклицаетъ одинъ изъ нихъ, чтобы двадцати-четырехъ лѣтънѣй Самодержецъ оставилъ Свое Царство для, того, чтобы научиться лучше царствовать. [Иван Голиков. Историческое изображеніе жизни и всѣхъ дѣлъ славнаго женеваца Франца Яковлевича (Франциска Іякова) Лефорта (1800)].

Отмечен единичный случаи с двумя дефисами:

Всеволодъ Ярославичъ, какъ увидимъ далѣе, тридцати-пяти-лѣтнемъ возрастѣ, и когда дошелъ до изложенія современныхъ происшествій, конечно, не могъ предвидѣть, далеко ли продлится его жизнь и гдѣ онъ принужденъ будетъ остановиться [П. В. Отвѣтъ на новый вопросъ о Несторѣ, лѣтописцѣ русскомъ // «Современникъ», 1850].

В статье О.И. Онацкой не приводится статистики соотношения слитных, дефисных и раздельных написаний, однако дается большое число примеров, демонстрирующих разнообразие словоупотреблений сложных прилагательных с первой частью числительным, оформленных полуслитно: **трехъ-сотныхъ**, **девяносто-лѣтняго**; **двѣнадцати-лѣтняго** и многие другие [7, с. 79]. При этом исследователь обосновывает дефисное оформление таких образований: «Лексико-морфологический принцип лежит в основе дефисного написания и сложных прилагательных с первым компонентом — числительным, наделяя его большой семантической самостоятельностью. Именно такого написания придерживался Н. М. Карамзин: **двадцати-пяти-летнею**, **пятидесяти-летним**. Но если подобное слово осложнено частью с «висячим» дефисом, то. написание соответствует современному: **осьми- или десятилетнего**. В написании сложных прилагательных с числительным в первой части А. С. Пушкин следует за Н. М. Карамзиным: **трех-этажный**, **шести-ярусную**, **четыре-х-фунтовых**, однако появляются и слитные написания: **тридцатилетняя**, **шестимесячныхъ**» [7, с. 80].

В «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. слова данной группы с соединительными гласными пишутся слитно: **ОДНОГЛАВЫЙ**; **ОДНОКРОВНЫЙ** [8, с. 30]; **ДВУДНЕВНЫЙ** [9, с. 313], **ДВУСМЫСЛЕННЫЙ** [9, с. 314], **ДВУОБРАЗНЫЙ** [9, с. 314]; **ДВУЛИСТНЫЙ** [9, с. 313]. **ДВУНОЖНЫЙ** [9, с. 314], **ТРЕГЛАВЫЙ** [10, с. 294], **ТРЕГРАННЫЙ** [10, с. 294], **ТРЕГУБНЫЙ** [10, с. 294], **ЧЕТЫРЕ-РЯДОВЫЙ** [10, с. 438], **ЧЕТЫРЕ-СЛОЙНЫЙ** [10, с. 438], **ЧЕТЫРЕ-ЧАСТНЫЙ** [10, с. 438] и многие другие.

Отмечено лишь одно дефисное написание слова с соединительной гласной — **десяти-фунтовый** [9, с. 24].

В конструкциях с однородными членами, выраженными сложными прилагательными с общей второй частью, образованные по данной модели слова пишутся обычно дефисно, причем в той же словарной статье обнаруживается слитное написание того же слова в одиночном употреблении: *Дву- и одно-осная система... им□ющий дв□ оптическая оси. Двуосная слюда; ДВУЧЛЕННЫЙ, ая, ое, пр. Им□ющий два члена Двучленное количество. Двучленный периодъ. — Дву- и одночленная система* [9, с. 314–315].

Вместе с тем образования с интерфиксами -ехъ и -ухъ иногда употребляются с дефисом: *двухъ-водородный газъ* [9, с. 394]; *на трехъ-дечныхъ корабляхъ* [8, с. 302]; *трех-этажный* [10, с. 295]; *Трех-аршинная* [11, с. 87]; *въ четырехъ-колесныхъ станкахъ* [10, с. 129], *Четырех-часовая* склянка [11, с. 133].

О тенденции к такой орфографической дифференциации свидетельствует словарная статья, где слово с соединительной гласной написано слитно, а с интерфиксом -ехъ — дефисно:

ТРЕКРОВНЫЙ , ая, ое, пр. — вень, вна, о, пр. Церк. Им□ющий три жилья, одно надъ другимъ: *трех-этажный*. Восходъ до середины, а отъ середины до трекровныхъ. 3 Царств. VI. 8 [11, с. 295].

Однако в заголовках словарных статей употребляются только слитные написания прилагательных с интерфиксом -ехъ: *ДВУХКОМПЛЕКТНЫЙ, а я, о е, пр. Состоящий изъ двухъ комплектовъ* [9, с. 315]; *ТРЕХЦВЕТНЫЙ, а я, о е, пр. Им□ющий три цв□та. Трехцв□тный флагъ* [11, с. 297]; *ЧЕТЫРЕХКЛАСНЫЙ, а я, о е, пр. Разд□ленный на четыр класса* [11, с. 438].

В кодифицирующих сочинениях правило употребления дефиса в сложных словах с первой частью числительным появляется довольно поздно. По нашим данным, впервые сформулированы принципы употребления дефиса в таких структурах в грамматике 1831 г. А.Х. Востокова: «3. Числительное, оканчивающееся полугласною Ъ, соединяется посредствомъ единитнаго знака съ притяжательнымъ, начинающимся буквою гласною; напр. *трехЪ-аршинный, четырехЪ-этажный*. Но когда числительное оканчивается гласною, также когда между двумя согласными Ъ выкидывается, тогда единитный знак не нуженъ; напр. *Треугольный, пятиаршинный, двадцатил□тній, двухм□сячный, трехвершковый, четырехстопный*» [12, с. 370].

Как видно из проведенного нами анализа, данное правило не соблюдается ни до выхода в свет грамматики, ни после него. Об этом свидетельствуют отмеченные в данный период примеры слитных написаний с сочетанием Ъ и гласной (*трехъугольную* и *трехъярусные*), или дефисных перед согласными (*трехъ-футовый, дву-конный*), или даже дефисных без Ъ перед гласными (*трех-этажные*).

В Национальном корпусе русского языка, подкорпусе 2-й половины XIX в. — начала XX в. (до 1917 г.), сложные прилагательные данной группы пишутся слитно за редкими исключениями. Здесь обнаружено 113 слитных написаний сложных прилагательных с начальным *трех-*, среди которых только в 8 случаях на конце первой части пишется Ъ. Из 8 слитных написаний с начальным *трехъ-* 5 отмечено перед гласными, например:

Явленіємъ пріятнымъ за январь настоящаго года нужно признать трехъактную комедію г. Писемскаго «Разд□ль». [А. В. Дружинин. Письма иногороднего подписчика о русской журналистике (1853)];

Тащить его баба трехъаршинный чурбанъ, кряхтитъ да сгибается, а Иванъ Петровичъ смотреть на нее и точно удивляется — дескать вишь какую тяжелую штуку тащить, въ пору мужику! [В. Г. Старостин. Мой друг Вагон и его родители (1870)];

Ее всегда узнаете по двумъ минаретамъ. У ней только два трехъяруснаго минареты. Вотъ и конецъ моста. [Н. А. Лейкин. В гостях у турок (1897)].

Однако значительно преобладают варианты без Ъ в конце первой части (106), например:

Открыть плаваніе по Амуру въ предстоящей крайности намъ во всякомъ случаѣ должно, возможно и справедливо; но настоящія междоусобія въ Китаѣ представляютъ къ тому и полное удобство, а успѣшность и безопасность трехлѣтнихъ дѣйствій нашихъ на устьяхъ Амура (Сунгари) служатъ вѣрнымъ ручательствомъ и дальнѣйшихъ успѣховъ. [Н. Н. Муравьев-Амурский. Конфиденціальная записка, представленная Великому Князю генераль-адмиралу. (1853)];

На его груди былъ ваточный, сшитый изъ трехугольныхъ, какъ у арлекина, ситцевыхъ лоскутьевъ, нагрудникъ. [А. К. Шеллер-Михайлов. Въ разбродъ (1869)].

Дефисных написаний с начальным *трехъ*- намного меньше — всего лишь 16 перед согласными, например:

Если вамъ не страшно покажется двухъ или трехъ-часовое чтеніе, прибавилъ я, обращаясь ко всему обществу: — то я прочту вамъ кое-что изъ Memorandum моего пріятеля. [Ф. М. Толстой. Три возраста (1853)];

Вся-то тройка съ санями, точно звѣрь какой трехъ-головый катится по снѣгу. [Е. А. Салиас. Петербургское действо (1880)].

В 4 случаях дефисно пишутся образования с начальным *трехъ*- перед гласными, например:

Старуху какую-то трехъ-аршинную къ дѣвочкамъ взяли [А. К. Шеллер-Михайлов. Голь (1882)];

Зехново — небольшая деревушка, вся состоящая изъ большихъ двухъ-и трехъ-этажныхъ домовъ, приспособленныхъ къ приему богомольцевъ. [С. А. Рачинский. Школьный поход в Нилову Пустынь // Русский вестник, 1887].

В указанный период отмечено также одно раздельное написание:

Въ тѣхъ случаяхъ, когда Патріархомъ будетъ признано, что постановленныя рѣшенія не соотвѣтствуютъ пользѣ и благу Церкви, ему предоставляется право протеста, который долженъ быть заявленъ Патріархомъ въ томъ же засѣданіи и затѣмъ изложенъ въ трехъ-дневный со дня постановленія рѣшенія срокъ въ письменной формѣ... [Опредѣленія Священнаго Собора Всероссийской Православной Церкви: (07.12.1917)].

Встретилось также несколько написаний с двумя дефисами, оформляющими образования со сложными числительными, к примеру:

Впрочемъ, дѣйствительно, въ сравненіи съ сѣверными своими сверстницами, Къярэ можно бы было почестъ за двадцати-двухъ или двадцати-трехъ-лѣтнюю женщину. [Ф. М. Толстой. Три возраста (1853)].

Впрочем, такие образования могут оформляться и с одним дефисом:

Двадцатью годами старше своей супруги, онъ ревновалъ ее во всѣмъ и въ продолженіи двадцати-трехлѣтней супружеской жизни, скрѣпя сердце, переносилъ, что вокругъ нея увивалось все блестящее мужское общество. [Е. И. Апрелева. Без вины виноватые // «Вестник Европы», №№ 7-8, 1877].

Итак, к реформе 1917–1918 гг. складывается очень устойчивый узус, в соответствии с которым правило грамматики Востокова 1831 г. соблюдается лишь отчасти — в отношении слитных написаний, а дефисные написания образований со второй частью на гласную не получают распространения. После грамматики Востокова правил орфографии слов рассматриваемой группы до реформы сформулировано не было.

Предпринятое исследование показало, что слитное оформление сложных прилагательных, первая часть которых совпадает с формой количественного числительного, устанавливается уже в XVIII в.. В 1-й половине XIX в. сложные прилагательные данной группы пишутся по-прежнему преимущественно слитно, вместе с тем возрастает число дефисных написаний, что свидетельствует о стремлении подчеркнуть независимость первой части сложного слова. Однако во 2-й половине столетия такие написания сходят на нет, что, вероятно, объясняется невозможностью употреблять самостоятельно вторую часть образований типа *трехъ-головый, трех-сотныхъ, трех-угольные*. К концу исследуемого периода в условиях недостаточной кодификации сложился довольно устойчивый узус, предполагающий слитное оформление сложных прилагательных с первой частью числительным. Важным представляется тот факт, что устойчивость данной нормы определяется не морфологическим критерием [\[13, с. 264\]](#), в соответствии с которым сформулировано правило в ОРОСС «Орфографическое комментирование русского словаря» Е. В. Бешенковой, О. Е. Ивановой, Е. В. Теньковой, а скорее критерием морфемным [\[13, с. 264\]](#) и основывается на несамостоятельности второй части сложного прилагательного.

Библиография

1. Словарь Академии Российской. Ч. 1. СПб.: При Императорской Академіи Наукъ, 1789.
2. Словарь Академии Российской. Ч. 2. СПб.: При Императорской Академіи Наукъ, 1790.
3. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. 1. СПб.: При Императорской Академіи Наукъ, 1806.
4. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. 2. СПб.: При Императорской Академіи Наукъ, 1809.
5. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. 6. СПб.: При Императорской Академіи Наукъ, 1822.
6. Онацкая О. И. Из истории русской орфографии. Дефис в "Словаре Академии Российской" // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 136-145.
7. Онацкая О. И. Из истории русской орфографии: дефисное написание в произведениях Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина // Филологические науки. 2004. № 5. С. 77-84.
8. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук. Т. 2. Санкт-Петербург: в Тип. Императорской акад. наук, 1847.
9. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук. Т. 1. Санкт-Петербург: в Тип. Императорской акад. наук, 1847.
10. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук. Т. 3. Санкт-Петербург: в Тип. Императорской акад. наук, 1847.

11. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук. Т. 4. Санкт-Петербург: в Тип. Императорской акад. наук, 1847.
12. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. Санкт-Петербург: тип. И. Глазунова, 1831.
13. Каверина В.В. Система критериев выбора написания в диахронической дескриптивной орфографии // Litera. 2024. № 1. С. 261-268. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69588 EDN: BPJDPN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69588

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена проблеме правописания сложных прилагательных с количественным числительным в первой части в XVIII–XIX вв. Предмет исследования достаточно актуален: проблема разграничения слитных и дефисных написаний сложных прилагательных была и остается одной из самых сложных и спорных в русской орфографии. Особое место среди них занимает группа образований с количественным числительным в первой части. Представляется важным проследить возникновение и закрепление в русской орфографии устойчивого узуса, предполагающего слитное оформление сложных прилагательных с первой частью числительным.

Теоретической основой исследования явились труды таких ученых, как А. Востоков, О. И. Онацкая, В. В. Каверина, посвященные истории русской орфографии, истории дефиса в русском языке, системе критериев выбора написания в диахронической дескриптивной орфографии и др. Библиография состоит из 13 источников, в том числе 9 лексикографических (Словарь Академии Российской в 6 частях, 1789–1822; Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук, в 4 томах, 1847); соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Однако автор(ы) практически не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о степени разработанности данной проблемы на современном этапе. Методологическую базу исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, описательный, статистический, структурно-семантический методы, элементы дистрибутивного, трансформационного и компонентного анализа, диахронно-сопоставительный метод, методы лингвистического наблюдения на основе семантического, морфемного и словообразовательного анализа. Выбор методов оправдан и соответствует цели работы.

В ходе исследования проведен качественный, количественный и критический анализ проблемы правописания сложных прилагательных с количественным числительным в первой части в XVIII–XIX вв. Обнаружено, что слитное оформление сложных прилагательных, первая часть которых совпадает с формой количественного числительного, устанавливается уже в XVIII столетии; в первой половине XIX в. появляются дефисные написания даже в случаях, когда первая часть сложного слова не может функционировать как самостоятельная словоформа; в кодифицирующих сочинениях правило употребления дефиса в сложных словах с первой частью числительным появляется довольно поздно. Отмечено, что возникшая позднее устойчивость слитного оформления сложных прилагательных с количественным

числительным в первой части определяется не морфологическим критерием, а скорее критерием морфемным и основывается на несамостоятельности второй части сложного прилагательного. Все выводы сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Теоретическая значимость и практическую ценность работы заключаются в том, что полученные результаты расширяют представления о возникновении и функционировании дефиса в период отсутствия орфографических норм его употребления, а также причин появления в русской орфографии довольно устойчивого узуса, предполагающего слитное оформление сложных прилагательных с числительным в первой части. Полученные результаты могут быть использованы в курсах по языкознанию, морфологии и словообразованию русского языка, по проблемам исторической и современной орфографии.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. Статья самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ермолова К.А. Метафорическое употребление лексемы «театр» в публицистическом стиле современного русского языка // Litera. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.73948 EDN: DRQIHP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73948

Метафорическое употребление лексемы «театр» в публицистическом стиле современного русского языка

Ермолова Карина Андреевна

ORCID: 0009-0005-8938-0103

аспирант; кафедра славистики, общего языкознания и культуры коммуникации; Государственный университет просвещения

129075, Россия, г. Москва, Останкинский р-н, ул. Аргуновская, д. 8, кв. 96

✉ car.ermolowa@yandex.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.4.73948

EDN:

DRQIHP

Дата направления статьи в редакцию:

02-04-2025

Аннотация: Цель работы заключается в том, чтобы исследовать основные механизмы метафоризации лексемы «театр», которые выражаются в значении языковых единиц и в речевом высказывании. В статье исследуются особенности метафорического употребления лексемы «театр» в публицистическом стиле, данный вопрос рассматривается через призму образных средств, характерных для русского языка. Тема данного исследования является актуальной, потому что современные филологи уделяют особое внимание вопросу метафорической интерпретации лексики русского языка и исследуют особенности языковой репрезентации метафорического потенциала национального лексикона посредством образных средств. Исследование основано на когнитивном и лингвокультурологическом подходе к исследованию метафорического потенциала речи и языка. Данные исследования современной периодической печати, посвященной театру, позволяют сделать вывод о важной роли лексемы «театр» в метафоричном мышлении русскоязычного человека. Методы: контекстный и структурно-семантический анализ. Материалом для исследования стали контексты, в которых

отображается метафорический потенциал лексемы «театр», всего было исследовано 300 контекстов из Национального корпуса русского языка, заимствованных из современных русскоязычных средств массовой информации – газет и журналов. Научная новизна работы заключается в выявлении специфики метафоризации наиболее важных качеств и свойств театра, выраженных посредством речевых высказываний и через семантику языковых единиц, на примере современного языка средств массовой информации – газет и журналов. В ходе исследования было установлено, что метафорическое функционирование лексемы «театр» в публицистическом стиле основано на таких исходных признаках, как притворство (фальшь), зрелище (театральное действие), игра, жизнь (имитация, модель реальной жизни). Происходит метафорическая проекция данных качеств на свойства объектов, имеющих материальный и нематериальный характер: мышление и социальная деятельность человека (театр как род деятельности, род профессиональных занятий человека), место (театр как «мир наоборот», как «зазеркалье» – место, где все отличается от реального мира), качества человека (притворство, лживость, стремление к хвастовству, стремление жить и действовать «напоказ»), процесс (динамично меняющаяся жизнь, имеющая циклический характер: рождение – развитие – смерть), результат (театр как продукт творческой деятельности человека). Результаты исследования позволяют воссоздать значимый фрагмент русскоязычной картины мира в аксиологическом и когнитивном аспекте.

Ключевые слова:

концепт ТЕАТР, лексема театр, метафорический потенциал, публицистический стиль, семантика слова, театральная пресса, театральный дискурс, театральный журнал, лексическая сочетаемость, лексико-семантическое поле

Введение

Актуальность исследования обусловлена интересом современных филологов к феномену метафорической интерпретации лексических единиц в мышлении и языке. Метафорическая интерпретация лексических единиц в мышлении и языке – проблема, которая в настоящий момент исследуется в контексте разнообразных подходов русской филологии (когнитивный, психолингвистический, дискурсивно-прагматический). В частности, исследователи уделяют особое внимание изучению концептов, в которых отражены представления о культурологически значимых объектах. К данной категории можно, в частности, отнести концепт ТЕАТР, в лексико-семантическом поле которого ядерной единицей является одноименная лексема.

Предметом исследования является метафорическая репрезентация лексемы «театр» в публицистическом стиле речи посредством образной системы русского языка. Объектом анализа являются контексты из современных средств массовой информации, которые содержат в своем составе лексему «театр» и описывают различные явления окружающей действительности на основе метафоры.

Цель работы - исследовать основные механизмы метафоризации свойств и качеств театра, которые выражаются в значении языковых единиц и в речевом высказывании.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

-исследовать особенности употребления лексемы «театр» в прямом и переносном значении на материале толковых словарей русского языка;

- выявить метафорические значения лексемы «театр» и проиллюстрировать их контекстами из современных русскоязычных средств массовой информации.

В качестве справочного материала были задействованы следующие словари:

- Фразеологический словарь А.И. Федорова. М., 2010. 347 с [\[20\]](#).
- Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. М., 2007. 457 с [\[21\]](#).
- Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М., 2000. 576 с [\[22\]](#).

Тема данного исследования является важной, потому что современные филологи уделяют особое внимание вопросу метафорической интерпретации лексикона русского языка и исследуют особенности языковой репрезентации метафорического потенциала лексических единиц посредством образных средств.

Исследование основано на когнитивном и лингвокультурологическом подходе к исследованию метафорического потенциала речи и языка. Методы: структурно-семантический и контекстуальный анализ. Материалом для исследования стали контексты, в которых отображается метафорический потенциал лексемы «театр», всего было исследовано 300 контекстов из Национального корпуса русского языка, заимствованных из современных русскоязычных средств массовой информации – газет и журналов [\[19\]](#).

Материалы имеют практическое значение и могут быть использованы при изучении принципов анализа метафорического потенциала лексических единиц русского языка, при разработке факультативных курсов и спецкурсов по проблематике лингвокультурологии, лексической сочетаемости.

Обсуждение и результаты

Лексема «театр» является ядерной единицей лексико-семантического поля одноименного концепта. Исследованием концептосферы русского языка и русской культуры занимались такие ученые, как З.Д. Попов, И.А. Стернин [\[1\]](#). Они использовали разные определения данного понятия, занимались изучением концептов и их структуры. Если рассматривать концепт в русле когнитивного и лингвокультурологического подхода, то концепт следует понимать как единицу концептуальной картины мира носителя конкретного языка и члена конкретного социально-культурного сообщества. В данной статье в качестве дефиниции концепта используется определение З.Д. Поповой и И.А. Стернина [\[1\]](#). По их мнению, концептом называется ментальное образование, имеющее дискретный характер, которое может интерпретироваться как базовая единица ментального кода человека – носителя определенного языка и члена определенного культурного сообщества. Кроме этого, данные исследователи трактуют концепт как непосредственный результат познавательной деятельности человека и общества. В концепте содержится максимально полная информация об определенном предмете или явлении, а также об интерпретации данного предмета или явления в сознании конкретного общества. В.И. Карасик полагает, что концептом называется структура знания, которая является многомерной и нелинейной [\[2\]](#). По мнению Ю.С. Степанова, концепт содержит в себе такие признаки предмета или явления, как понятийные, эмоционально-оценочные, ассоциативно-образные [\[3\]](#). В ходе проведенного структурно-семантического, когнитивного и контекстуального анализа образных средств языка мы выявили некоторые особенности метафоризации признаков театра, выраженные

посредством речевых высказываний и семантики ядерной лексемы лексико-семантического поля концепта ТЕАТР.

Многие исследователи рассматривали феномен концепта в контексте явления лексической сочетаемости. В частности, это В.В. Виноградов [\[5, 6\]](#), Е.В. Задорожнева [\[9\]](#), И.С. Куликова [\[14\]](#), Р.Н. Попов [\[17\]](#). Связь концептосферы русского языка с национальной картиной мира рассматривал А.А. Зализняк с соавторами [\[10\]](#). О важной роли концепта ТЕАТР национальной языковой картине мира писали С.В. Евдокимова [\[7\]](#), И.В. Зыкова [\[11\]](#), Е.В. Илова [\[12\]](#), С.А. Калинина [\[13\]](#). Роль театра и концепта ТЕАТР в русском культурном коде рассматривали Н.Н. Евреинов [\[8\]](#), Н.А. Николина [\[15\]](#), П.Пави [\[16\]](#), В.Н. Райков [\[18\]](#).

Результаты и обсуждение

В «Большом толковом словаре» С.А. Кузнецова [\[21\]](#) у лексемы «театр» имеются следующие значения:

1. Вид искусства, основанный на изображении жизненных ситуаций на сцене посредством актерской игры (*классический театр, авангардный театр*).
2. Учреждение культуры, которое занимается организацией театральных и театрализованных представлений (*Театр юного зрителя*).
3. Здание, предназначенное для показа и просмотра театральных спектаклей (*Летний театр*).
4. Собрание произведений писателя-драматурга (*театр А.П. Чехова*).
5. Место какого-либо действия (переносное значение) (*театр военных действий*).

Лексико-фразеологическое поле, используемое для образной репрезентации лексемы «театр» в русском языке включает в себя фразеологизмы, в которых в качестве мотивирующего компонента выступает лексема «театр» в ее трех основных значениях:

- 1) Театр как здание, предназначенное для просмотра спектаклей:

«Пьеса шла с большим успехом в **театрах** 134 городов Союза» [\[19\]](#).

- 2) Театр как игра, представление, театральное действо:

«**Театр** безграничного футбола» [\[19\]](#).

- 3) Театр как социальный институт, как сообщество тех, кто играет в театре и тех, кто смотрит спектакли (союз публики и зрителей):

«Лауреатом фестиваля стал **театр** «Палитра радости» [\[19\]](#).

Лексико-фразеологическое поле образной репрезентации лексемы «театр» включает также лексику, производную от лексемы 'театр': 'театральный', 'театроведение', 'театрал' и наименования лиц и объектов, абстрактных понятий, которые также ассоциируются с театром, но при этом наделены и собственным метафорическим значением, например:

1. 'Актер', 'артист' – работник театра, но в метафорическом значении – человек, который ведет себя лживо, притворно, искусственно:

*« Для пани, — широко осклабился **«артист»**, получше укрепил свои малосвежие ноздреватые ляжки и заиграл «Лили Марлен»*^[19].

2. 'Маска' – предмет, надеваемый на лицо актера, изображающего животное или человека, но в метафорическом значении – образ, изначально несвойственный человеку; образ человека в глазах окружающих, который отличается от реального образа:

*«**Маска**, скрывающая ранимого, житейски неприспособленного художника»*^[19].

3. 'Игра' – процесс театрального действия, но в метафорическом значении – притворство, фальшивое и лживое поведение:

*«А пытаться привлечь внимание серых безликих масс — слишком неблагодарная задача. **Игра** не стоит свеч»*^[19].

4. 'Трагедия'. В прямом смысле – жанр театральной постановки, рассказывающий о серьезных жизненных проблемах, о героических личностях. В переносном смысле – сложная жизненная ситуация, катастрофа, неразрешимая проблема, синоним слова «несчастье», «горе», «беда»:

*«**Трагедия** произошла 15 декабря 2003 года»*^[19].

5. 'Комедия'. В прямом смысле – театральная постановка, цель которой – рассмешить и развлечь зрителей. но в метафорическом понимании: нелепая, странная ситуация (которая, в отличие от 'комедии' в прямом смысле, не всегда является смешной).

*«Эта **комедия** начинала мне надоедать, и я готов был прервать молчание»*^[19].

Как полагают Е.А. Юрина и О.И. Блинова, при помощи мотивационных связей можно распределить образные средства любого языка по мотивационно-образным парадигмам, и в этом случае вершиной каждой парадигмы будет мотивирующая единица^[4]. Исследуя парадигму с вершиной «театр», мы выявили некоторые устойчивые метафорические значения лексемы «театр»:

1. Театр как образ жизни и род деятельности человека, театр как социальная среда существования человека:

*«Вот и с артистами мне кажется тоже самое, пудрят они нам мозги про то, что **театр**, мол, любят»*^[19].

2. Театр как «мир наоборот», «зазеркалье» - мир, в котором все устроено не так, как в реальности, все противоречит реальности:

*«**Театр** живой и он вдохновляет»*^[19].

3. Театр как качество и особенность поведения человека – склонность к лжи, притворству, фальшивому и неестественному поведению:

*«У нее не было такой открытости, как у Сербиной, она являла собой «Большой **театр** на проволоке»*^[19].

Сюда можно также отнести лексемы, которые используются для обозначения людей и объектов, имеющих непосредственное отношение к театру. Если интерпретировать театр

как вид деятельности человека, в данную группу можно отнести слова 'публика', 'закулисье', 'занавес'. Кулисы – метафора другой жизни, невидимой в реальности, а также метафора интриг, тайных заговоров. Занавес – метафора окончания человеческой жизни или одного из ее периодов, метафора подведения итогов, окончания какого-либо события, данная лексема часто используется в составе устойчивого выражения «под занавес»::

*«Под **занавес** «круглого стола» был организован обмен мнениями»* [\[19\]](#).

Если же театр интерпретируется как «другая реальность», «сказочная реальность», «другой мир», с театром связаны лексемы, имеющие отношение к фантазии, воображению, мечте: 'сказка', 'фантазия', 'замысел', 'выдумка':

*«Таков театральный **замысел** мастера»* [\[19\]](#).

Если же театр интерпретируется как качество и особенность поведения человека – склонность ко лжи и притворству, в парадигму входят такие лексические единицы, как 'ложь', 'игра', 'фальшивый', 'наигранный', 'притворство', такие устойчивые выражения, как 'ломать комедию' – разыгрывать перед людьми какую-либо ситуацию, притворяясь; 'прекратить комедию' – перестать вести себя театрально, нелепо или странно:

*«Как раз **комедия** только и начнется с этой ночи, — тревожно предположил он»* [\[19\]](#).

4. Театр как процесс: модель динамично изменяющейся жизни, для которой свойственна цикличная повторяемость трех фаз – рождение, развитие, смерть. Анализ исследуемых контекстов позволил выявить такие примеры сочетаемости, как *театр живет, театр умирает, жить театром*.

*«Олег Табаков буквально жил **театром**»* [\[19\]](#).

Современное общество воспринимает театр не как абстрактное понятие, а как некий живой организм. Театр – это живой организм, у которого есть собственный жизненный цикл. Театр, как человек, живет и умирает, рождается и растет.

*«Драматический **театр** зародился в античной Греции»* [\[19\]](#).

5. Театр как результат (продукт творческой деятельности человека).

Творчество – это не только вид деятельности, это еще и способ существования, когда человек создает для себя собственный мир и существует внутри него, уходя от реального мира в мир своих фантазий и грез. Именно поэтому в русском языке есть такие словосочетания, как *театральное творчество, театральное искусство, театральный художник, креативный театр, творец спектакля*. Работать (служить) в театре значит быть творцом. При этом важно, что творчество – неотъемлемый компонент бытия не только актеров, но и зрителей.

*«Зритель также считается творцом **театра**»* [\[19\]](#).

Театральное искусство метафорически интерпретируется как– созидание, создание чего-то нового; в данном случае лексему «созидание» можно считать контекстным синонимом лексемы «творчество», поскольку речь идет о создании нового мира, новой (театральной) реальности. Театральное искусство представлено как инструмент культуротворчества, заряжающий человека энергией творческого созидания. В следующем примере словосочетание «*искусство театра*» употребляется в одном

контексте с глаголом «жить»; иными словами, творчество представляется как результат существования человека.

*«Искусство **театра** стремится побудить людей проникнуться идеалами»* [\[19\]](#).

В следующем контексте устойчивое словосочетание «театральное искусство» наглядно иллюстрирует связь таких метафорических значений лексемы «театр», как «процесс» (жизнь) и «результат» (творчество):

*«**Театральное искусство** всегда живое»* [\[19\]](#).

Устойчивые словосочетания «театральное искусство», «театральное творчество» сочетаются с причастиями и прилагательными, имеющими нейтральную или положительную коннотацию: *традиционный, оригинальный, уникальный, своеобразный, самобытный, яркий, интересный*. Следовательно, театр - это результат деятельности человека, меняющий человека к лучшему.

Устойчивые словосочетания «театральное искусство», «театральное творчество», «театральная игра» («игра» как синоним лексемы «творчество») сочетаются также с глаголами, посредством которых реализуется такое метафорическое значение лексемы «театр», как «процесс» (театр как жизнь). Это глаголы, обозначающие рождение и смерть, появление и исчезновение, например:

*«Летом **театральное** творчество в провинции умирает, чтобы вновь возродиться с началом сезона»* [\[19\]](#).

Проанализировав собранный языковой материал, мы выявили качества театра, являющиеся основой метафорической трактовки лексемы «театр». Это качества, важные для образной характеристики объектов окружающей действительности (театр - здание, в котором проводятся спектакли), явлений окружающего мира (театр - это вид деятельности человека, в основе которого лежит игра), а также важные для образной характеристики человека (метафора театра, комедии для описания неискреннего поведения, притворства), процесса (театр - род деятельности, образ жизни), результата (театр как коллективный результат творчества актеров, режиссеров, композиторов и других работников культуры и искусства).

Театр - это здание, внутри которого находится иная реальность - реальность, где «все наоборот», все не так, как в жизни:

*«Попасть в **театр** во время репетиции непросто»* [\[19\]](#).

В образных номинациях актуализировано такое свойство театра, как особая социальная организация, социальный институт, одна из главных функций которого - не только развлекать людей, но и воспитывать в них духовные чувства:

*«Народ лысеет, в **театр** не ходит»* [\[19\]](#).

Кроме предметного аспекта содержания концепта ТЕАТР, образная система русского языка включает некоторые культурно маркированные ситуации, которые имеют непосредственное отношение к роли и месту театра в народной культуре. Так, театр в культурной памяти и культурном коде русского народа ассоциируется с земной жизнью, насыщенной событиями и удовольствиями, в противовес жизни духовной. При этом в качестве синонима лексемы 'театр' может использоваться лексема 'балаган' - старинное

русское название ярмарочного театрального действа:

*«Карандаш — великий клоун... можно было всерьез о нем рассказывать, а не устраивать вокруг него какой-то эстрадный **балаган**...» и так далее»* [\[19\]](#).

В образных контекстах может быть актуализирован такой признак театра, как изменчивость, переменчивость, отсутствие стабильности и постоянства в сочетании с элементом новизны:

*«Студенческий **театр** внесет живительную молодую струю...»* [\[19\]](#)

Теперь рассмотрим, феномены каких областей референции и категориальных классов должны иметь образную номинацию и характеристику через метафоризацию исследуемого нами концепта.

Образ театра в предметной сфере применяется прежде всего для того, чтобы охарактеризовать здание, в котором актеры выступают на сцене, а зрители смотрят на них:

*«Похоже на **театр**: первое явление, второе, третье, восемнадцатое»* [\[19\]](#).

В сфере психических процессов и состояний театр образно характеризует состояние веселого, радостного возбуждения:

*«Я не пью. **Театр** заменяет мне вино»* [\[19\]](#).

В сфере речевой и мыслительной деятельности человека с театром ассоциируется фальшивое, неискреннее поведение, притворство:

*«Все это было понарошку, домашний **театр**»* [\[19\]](#).

В сфере общественной жизни образ театра характеризует институт социализации человека, выполняющий воспитательную, образовательную. функцию:

*«Ему **театр** из Баку везут — «Короля Лира»!»* [\[19\]](#).

Метафорический потенциал лексемы «театр» в современных СМИ частично раскрывается через устойчивые выражения – фразеологические единицы. Театр одного актера (моноспектакль) – театр, в котором участвует один актер. В современной театральной прессе данное устойчивое выражение может употребляться как в прямом, так и в переносном смысле, при этом переносный смысл используется чаще, нежели прямой. Когда речь идет о театре одного актера как жанре, в современной прессе обычно используется профессиональный термин «моноспектакль». А фразеологизм «театр одного актера» употребляется, если речь идет о таких негативных сторонах жизни, как закулисные интриги и конкуренция в театре, когда участник театральной жизни пытается любой ценой привлечь к себе внимание и выделиться на фоне конкурентов:

*«Режиссер потребовал прекратить этот **театр** одного актера»* [\[19\]](#).

Исследование фразеологического словаря А.И. Федорова позволило нам выявить 25 фразеологизмов и паремий, в состав которых входит 14 лексем, входящих в лексико-семантическое поле «театр» [\[20\]](#).

Во фразеологическом словаре А.И. Федорова имеется 25 фразеологических и

паремиологических единиц, компонентами которых являются 14 лексем, репрезентирующих концепт ТЕАТР, причём большинство из них могут быть актуализированы как знаки театральности [\[20\]](#).

В словаре были найдены фразеологизмы, в которых фигурируют жанры спектаклей, разыгрываемых в театре: *играть комедию, ломать комедию, прекратить комедию, разыгрывать трагедию*. Было обнаружено 10 фразеологизмов с компонентом *шут* (устаревшее пренебрежительное название актера - скомороха): *шут его знает, шут его разберет, ни шута не выйдет*. Были обнаружены фразеологизмы с лексемами «кулисы» и «занавес»: «*под занавес*» - в самом конце, «*железный занавес*» - социально-экономическая изоляция государства от других стран, «*закулисье чего-либо*» - обратная сторона какого-либо явления, неизвестная широким массам («*закулисье большого спорта*»).

Большинство фразеологизмов с лексемами, входящих в лексико-семантическое поле Театр, используются в публицистическом стиле для того, чтобы охарактеризовать конкретные жизненные ситуации с точки зрения театральности. При этом категория театральности оценивается негативно; театральность рассматривается как явление, воспринимаемое с пренебрежением и неодобрением. Негативная коннотация фразеологизмов, связанных с театром, свидетельствует о том, что на Руси театр традиционно воспринимали как нечто глупое, несерьезное, постыдное. Показателен еще и тот факт, что фразеологизмы с лексемой *шут* (*шут его знает, шут его разберет, иди к шутам, ни шута не смыслит*) могут использоваться в качестве эвфемизмов – как замена фразеологизмам, которые имеют ту же структуру, но содержат обсценную табуированную лексику вместо компонента «шут». В публицистическом стиле подобные фразеологизмы, как правило, встречаются в заголовках, с целью привлечь внимание читателя. В таких заголовках могут обыгрываться прецедентные тексты. Например, в приведенном ниже газетном заголовке лексема «шут» используется при перефразировании строк популярной песни «*И кто его знает, чего он моргает*». Данная лексема используется для того, чтобы придать заголовку эмоциональность, экспрессивность:

И шут его знает, зачем он летает... (заголовок статьи об американской военной авиации) [\[19\]](#).

Еще один пример раскрытия метафорического потенциала лексемы «театр» включает перефразированное для газетного заголовка устойчивое выражение, которое употребляется в значении «Все кончено, прежнее течение жизни разрушено» (необратимое нарушение привычного порядка бытия):

«Театр сгорел, и клоуны разбежались» (заголовок статьи о трудном периоде в жизни регионального художественного театра) [\[19\]](#).

Автор перефразировал прецедентный текст (название русского фильма 1998 года) и заменил компонентом «театр» изначальный компонент «цирк» (оригинальный прецедентный текст: «*Цирк сгорел, и клоуны разбежались*»). В данном случае контекстная синонимия лексем «театр» и «цирк» свидетельствует о том, что в современном обществе, несмотря на важную роль театра в культурной жизни, сохранилось давнее представление о театре как о чем-то несерьезном, развлекательном, «шутковском» (отождествление «актера» и «клоуна», по-народному – «шута»). Здесь обыгрывается еще один прецедентный текст – фразеологизм «*артист (актер) из погорелого театра*». Так называют человека, который ведет себя неестественно, пытаясь выглядеть лучше, чем он есть на самом деле. *Погорелый*

(сгоревший) *театр* - метафора жизни, которая только со стороны кажется стабильной и хорошей, а на самом деле изобилует проблемами, синоним устойчивого выражения «*карточный домик*» (что-то нестабильное, быстро разрушающееся, но красивое внешне).

Анализ исследуемого фразеологического материала позволил нам распределить фразеологизмы, содержащие лексику «театр» и лексемы, связанные с ней семантически, в зависимости от коннотации. Было обнаружено, что 70% исследуемых лексем имеют негативную коннотацию, в них реализуется такое метафорическое значение лексики «театр», как «притворство, фальшь»: *артист из погорелого театра, ломать комедию, шут гороховый*. При этом 20% лексем обладает нейтральной коннотацией, реализуется такое метафорическое значение слова «театр» как «место» или «действие, ситуация»: *анатомический театр, театр военных действий, театр абсурда*. Оставшиеся 10% фразеологических единиц имеют положительную коннотацию: *на первых ролях* (самый важный, самый главный), *играть главную роль* (иметь первостепенное значение), *снять маску* (открыть всю правду о себе, показать себя правдивым и искренним человеком). Распределение фразеологических единиц, содержащих лексику «театр» или связанные с ней лексические единицы, представлено на рисунке 1.

Рисунок 1 – Распределение фразеологических единиц, содержащих лексику «театр» или связанные с ней лексемы, в зависимости от коннотации

Заключение

Таким образом, метафорическое функционирование лексики «театр» в публицистическом стиле основано на таких исходных признаках, как притворство (фальшь), зрелище (театральное действие), игра, жизнь (имитация, модель реальной жизни). Происходит метафорическая проекция данных качеств на свойства объектов, имеющих материальный и нематериальный характер: мышление и социальная деятельность человека (театр как род деятельности, род профессиональных занятий человека), место (театр как «мир наоборот», как «зазеркалье» - место, где все отличается от реального мира), качества человека (притворство, лживость, стремление к хвастовству, стремление жить и действовать «напоказ»), процесс (динамично меняющаяся жизнь, имеющая циклический характер: рождение – развитие – смерть), результат (театр как продукт творческой деятельности человека). Результаты исследования позволяют воссоздать значимый фрагмент русскоязычной картины мира в аксиологическом и когнитивном аспекте. Данные исследования современной периодической печати, посвященной театру, позволяют сделать вывод о важной роли лексики «театр» в метафоричном мышлении русскоязычного человека.

Библиография

1. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 2001. 189 с. EDN: UDBLDL.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2004. 477 с.
3. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. 824 с. EDN: QOFIUL.
4. Блинова О. И., Юрина Е. А. Образная лексика русского языка // Язык и культура. 2008. № 2. С. 5-13. EDN: JFNBBH.
5. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
6. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 162-189.
7. Евдокимова С. В. Сопоставительный анализ семантической структуры лексем театр, книга, море, сон, удовольствие, а также их ассоциатов // Наука. Технологии. Инновации. Сборник научных трудов: в 9 частях. 2015. С. 318-320. EDN: VPVOSP.
8. Евреинов Н. Н. Демон театральности. М. – СПб.: Летний сад, 2002. 535 с.
9. Задорожнева Е. В. Категория лексической сочетаемости / Е. В. Задорожнева // Известия ВГПУ. 2007. № 4. С. 51-66.
10. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с. EDN: PVXTND.
11. Зыкова И. В. Константа культуры "Весь мир – театр" и ее отражение в английской фразеологии // Критика и семиотика. 2012. Вып. 17. С. 213-223. EDN: VKYUYZ.
12. Илова Е. В. Лингвокультурный концепт "театр" в коллективном и индивидуально-авторском сознании: автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2008. 24 с. EDN: NKODOF.
13. Калинина С. А. Лексико-фразеологическая репрезентация концепта "театр" в русской и английской лингвокультурах // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 374-377. EDN: OYKRXN.
14. Куликова И. С. Сочетание слов как минимальный контекст лексического значения слова / И. С. Куликова // Языковые единицы и контекст. Л., 1973. С. 33-47.
15. Николина Н. А. Театральный код в русской культуре // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура. Сборник статей по материалам Международной научной конференции "Национальные коды в языке и литературе". Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2018. С. 207-213. EDN: YQUSGL.
16. Пави П. Словарь театра. М.: Прогресс, 1991. 504 с.
17. Попов Р. Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. Методы исследования фразеологического состава русского языка. Орел, 1976.
18. Райков В. Н. Феномен театральности: социально-философский анализ: автореф. дисс. ... к. филос. н. Саратов, 2010. 21 с. EDN: ZOBGR.
19. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 03.04.2025).
20. Фразеологический словарь А. И. Федорова. М., 2010. 347 с.
21. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. М., 2007. 457 с.
22. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М., 2000. 576 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает метафорическая репрезентация лексемы «театр» в публицистическом стиле речи. Актуальность работы не вызывает сомнения: изучение метафоры как способа познания национального характера занимает значительное место в современной лингвистике и продолжает оставаться перспективным: «метафорическая интерпретация лексических единиц в мышлении и языке – проблема, которая в настоящий момент исследуется в контексте разнообразных подходов русской филологии (когнитивный, психолингвистический, дискурсивно-прагматический)». Выбор концепта «театр» в качестве объекта исследования аргументируется тем, что ученые уделяют особое внимание изучению концептов, в которых отражены представления о культурологически значимых объектах, к которым, бесспорно, относится театр. Эмпирической базой исследования стали контексты, в которых отображается метафорический потенциал лексемы «театр». Всего рассмотрено 300 контекстов из Национального корпуса русского языка, заимствованных из современных русскоязычных средств массовой информации – газет и журналов. В качестве справочного материала задействованы Фразеологический словарь А. И. Федорова (2010), Большой толковый словарь русского языка С. А. Кузнецова (2007) и Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова (2000).

Теоретической базой исследования обоснованно выступили труды по когнитивной лингвистике; категории лексической сочетаемости; основным типам лексических значений слова; по вопросам фразеологии; лексико-фразеологической репрезентации концепта «театр» в русской и английской лингвокультурах таких отечественных и зарубежных ученых, как В. В. Виноградов, З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. И. Карасик, Ю. С. Степанов, А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев, Е. В. Задорожнева, О. И. Блинова, Е. А. Юрина, С. В. Евдокимова, С. А. Калинина и др. Библиография составляет 22 источника, в том числе 5 лексикографических, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. К сожалению, автор(ы) не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о достижениях современного научного сообщества в данной области знания.

Методология исследования определена поставленной целью и задачами (проанализировать «особенности употребления лексемы «театр» в прямом и переносном значении на материале толковых словарей русского языка; выявить метафорические значения лексемы «театр» и проиллюстрировать их контекстами из современных русскоязычных средств массовой информации») и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; сравнительно-сопоставительный и статистический методы; структурно-семантический и контекстуальный анализ; методы когнитивного и лингвокультурологического анализа и др.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования рассмотрено лексико-фразеологическое поле образной репрезентации лексемы «театр»; выявлены некоторые устойчивые метафорические значения данной лексемы; фразеологизмы, содержащие лексему «театр», и лексемы, связанные с ней семантически, распределены в зависимости от коннотации; сформулированы выводы относительно исходных признаков, на которых основано метафорическое функционирование лексемы «театр» в публицистическом стиле. Отмечается, что «исследования современной периодической печати, посвященной театру, позволяют

сделать вывод о важной роли лексемы «театр» в метафоричном мышлении русскоязычного человека» и «позволяют воссоздать значимый фрагмент русскоязычной картины мира в аксиологическом и когнитивном аспекте».

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом его результатов в развитие таких современных научных направлений, как когнитивная лингвистика, прагматика, лингвокультурология; в изучение механизмов метафоризации свойств и качеств театра, которые выражаются в значении языковых единиц и в речевом высказывании. Практическая ценность работы заключается в возможности использования полученных результатов при изучении принципов анализа метафорического потенциала лексических единиц русского языка, при разработке факультативных курсов и спецкурсов по проблематике лингвокультурологии, лексикологии, фразеологии, лексической сочетаемости и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Обращаем внимание автора(ов), что в одном разделе дважды дан один и тот же заголовок: «Обсуждение и результаты» и «Результаты и обсуждение».

Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Все замечания носят рекомендательный характер. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Англоязычные метаданные

Urbanonymy of new towns in Transbaikalia (case-study of Severobaikalsk)**Varfolomeeva Yuliya Nikolaevna**

Doctor of Philology

Associate Professor; Institute of History and Philology; Buryat State University named after Dorji Banzarova

670000, Russia, Rep. 24a Smolina Street, Sovetsky district, Ulan-Ude, Buryatia

✉ yulvar83@mail.ru

Baikalov Nikolai Sergeevich

Doctor of History

Director; Institute of History and Philology; Buryat State University named after Dorji Banzarova

670000, Russia, Rep. 24a Smolina Street, Sovetsky district, Ulan-Ude, Buryatia

✉ baikalchik@yandex.ru

Abstract. The relevance of this work is associated with the attention of modern linguistics to the problems of studying the language of the city – a multifaceted phenomenon studied today from linguistic, historical, cultural and other sides. The purpose of the study is to classify urban names of new cities of Transbaikalia using Severobaikalsk as an example. The town is the most important settlement, the emergence of which is inextricably linked with the construction of the Baikal-Amur Mainline, so the study of the Soviet legacy and new nomination practices is especially interesting. The area of consideration includes the most stable layer of onomastics – godonyms and the most mobile – ergourbonims, which very quickly reflect social and cultural changes. The research methods : the continuous sampling method was used to select the empirical material (godonyms and ergourbonims). Structural-descriptive and quantitative methods were used to classify urbonyms and interpret the results, allowing to focus on the content of urbonyms and calculate the frequency of urbonym groups. The scientific novelty consists in the fact that works on the study of urbonymy and ergourbonymy of new towns of Transbaikalia are practically absent. The paper involves unused factual material, 177 urbonyms (names of streets, lanes, avenues, quarters) and more than 270 ergourbonyms (names of cafes, canteens, shops, studios, hairdressers, hotels and other objects of Severobaikalsk) are analyzed, their functions are described. The results of the study consist in identifying 11 thematic groups of godonyms and 11 groups of ergurbonims, among which are names referring to the Soviet past, geographical, metaphorical, navigational names, etc. The role of the Soviet past is great in the system of godonyms, ergurbonims to a greater extent reflect modern trends in the development of the onomastic system.

Keywords: Transbaikalia, new town, types of ergourbonyms, classification of godonyms, Severobaykalsk town, ergonym, onomastics, urban name, godonym, city language

References (transliterated)

1. Amirova R. M. Funktsionirovanie kommercheskikh ergonimov goroda Kazani v usloviyakh dvuyazychiya // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2016. № 3(57). Ch. 1. S. 74-77. EDN: VKNUNR.
2. Baikalov N. S., Varfolomeeva Yu. N. Toponimicheskoe prostranstvo novykh gorodov

- Zabaikal'ya: sovetskoe nasledie i sovremennye nominatsii // *Oriental Studies*. 2024. T. 17. No 6. S. 1309-1330. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-76-6-1309-1330. EDN: NDZJVU.
3. Baikalov N. S., Poplevina A. I. Godonimy v sotsiokul'turnom prostranstve gorodskikh poselenii Baikal'-Amurskoi zheleznodorozhnoi magistrali (BAMa) // *Manuskript*. 2019. T. 12. Vyp. 1. S. 19-23. DOI: 10.30853/manuskript.2019.1.3. EDN: YUQVJR.
 4. Vairakh Yu. V. Ergourbonimiya goroda Irkutska: strukturno-semanticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty issledovaniya: avtoref. kand. filol. nauk. Ulan-Ude, 2011. 24 s. EDN: WZUBSP.
 5. Varfolomeeva Yu. N. Imidzhevaya i navigatsionnaya funktsii tekstov gorodskoi sredy (na materiale ergourbonimov g. Ulan-Ude) // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2021. T. 14. Vyp. 12. S. 3758-3763. DOI: 10.30853/phil20210613. EDN: YLEEJO.
 6. Vepreva I. T., Kharitonova A. V. Onomasticheskoe prostranstvo Ekaterinburga: urovnevaya organizatsiya markerov regional'noi identichnosti // *Voprosy onomastiki*. 2023. T. 20. № 3. S. 184-199. DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.3.037. EDN: LUVORC.
 7. Golomidova M. V. Ekaterinburg – Sverdlovsk – Ekaterinburg: obraz goroda v dinamike toponimicheskogo teksta // *Slovo.ru: baltiiskii aktsent*. 2023. T. 14. № 1. S. 29-53. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-2. EDN: KYVTIY.
 8. Golomidova M. V. Urbanonimy v kontekste kul'tury sovremennogo goroda // *Ezhegodnik nauchno-issledovatel'skogo instituta russkoi kul'tury*. Ekaterinburg: UrGU, 1995. S. 76-86.
 9. Kozlov R. I. Ergourbonimy kak novyi razryad gorodskoi onomastiki: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.01 / Ural'skii gos. un-t, Ekaterinburg, 2000. 23 s. EDN: QDJIZN.
 10. Mkrtychyan S. V., Zaonegina V. V. Verifikatsiya modeli toponimicheskogo prostranstva na diakhronicheskom materiale // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya"*. 2023. No 2 (77). S. 59-68. DOI: 10.26456/vtfilol/2023.2.059. EDN: HWMRFG.
 11. Podberezhkina L. Z. Lingvisticheskoe gradovedenie (o perspektivakh issledovaniya yazykovogo oblika Krasnoyarska) // *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya: nauchno-metodich. byul. Vyp. 6*. Krasnoyarsk-Achinsk, 1998. S. 91-98.
 12. Podol'skaya N. V. Slovar' onomasticheskoi terminologii. 2-e izd., pererabot. i dop. M.: Nauka, 1988. 192 s.
 13. Pushkareva Yu. G., Dorzhieva G. S. Ulitsy Ulan-Ude: istoriya i sovremennost'. Ulan-Ude: VSGUTU, 2016. 168 s.
 14. Fedotova T. V. Toponimicheskii slovar' Zabaikal'skogo kraya. Chita: ZabGU, 2017. 272 s. EDN: MVIPVT.
 15. GIS – elektronnyi spravochnik s kartami gorodov [elektronnyi resurs]. URL: <https://2gis.ru> (data obrashcheniya: 20.02.2025).
 16. MapData – Karta Rossii s gorodami, informatsiya o gorodakh i ulitsakh Rossii [elektronnyi resurs]. URL: <https://mapdata.ru> (data obrashcheniya: 20.02.2025).

The Problem of Media Brand Expansion

Doctor of Philology

Professor; Department of Communication Management and Relationship Management; Russian State Social University
Correspondent; Komsomolskaya Pravda Publishing House

4 Wilhelma Peak St., Moscow, 129226, Russia

✉ kat-journ@yandex.ru

Abstract. Some large media companies, faced with the crisis associated with the emergence of the Internet, gradually came to the idea of extending the media brand. They sought to create revenue models that would go beyond charging for content and selling audiences to advertisers. Their goal was to use the value of the media brand, expanding it to new products and services. The purpose of this paper is to study how media companies use brand equity with positive, strong and unique associations to facilitate the launch of new, non-traditional media products or services. The subject of the study is the influence of the media brand on the commercial viability of media activities in the context of digitalization. The object of the study is the problem of expanding the media brand. The article examines the experience of foreign and Russian companies in the field of horizontal (media) and vertical (non-media) expansion of the media brand. The study for the first time focuses on the experience of the media holding "Komsomolskaya Pravda", which took initiatives aimed at developing other sources of income to expand the boundaries of the business. Using the method of in-depth interviews conducted with an employee of the online sales service of a media holding in 2019 and 2025, the author studied the long process of creating a full-fledged book publishing house based on the Komsomolskaya Pravda media holding. The experience of this media outlet can be used in the practical activities of editorial offices of Russian media companies. The author came to the conclusion that in the 21st century, media companies began to actively use brand equity with positive associations to facilitate the launch of goods or services on the market. The sale of non-news products is more complex and is only advisable for strong brands with a strong image. It can have a great influence on the attitude towards the additional product, since consumers rely on their impression of the original brand. Strong media brands are positioned in people's minds even when they do not consume them. Media companies are in a unique position in creating and expanding their brand equity. The fact that they own and control communication tools that reach a huge number of consumers every day is a huge asset.

Keywords: Branding, Media image, Non-news media products, Club system of the media company, Media convergence, Online Media Stores, E-commerce, Media Brand Expansion, Media Brand, Brand equity

References (transliterated)

1. Barashkina E.A., Vyrovtsseva E.V., Gorshkova L.A., Maslenkova N.A. Rechevaya model' mediabrenda kak sub"ekta kommunikatsii: postanovka problemy // Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 10. Zhurnalistsika. 2024. № 3. S. 14-35. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2024.1435 EDN: PKUBWH.
2. Baranova E.A. Innovatsionnye sposoby finansirovaniya pechatnykh SMI i poisk putei sokrashcheniya raskhodov v usloviyakh mediakonvergentsii // Litera. 2022. № 3. S. 87-97.
3. Baranova E.A. Mediakonvergentsiya kak sistemoobrazuyushchii faktor transformatsii instituta SMI: dis. ... dok. filol. nauk: 10.01.10. – M. 2019. EDN: NNDGFO.
4. Baranova E.A. Mediamenedzhment. Teoriya i praktika: uchebnoe posobie dlya vuzov.

- M.: Izdatel'stvo Yurait, 2024. EDN: CGMUCS.
5. Vasil'chenko M.A. Stil' v strukture mediabrenda (na primere cover-stories amerikanskogo i rossiiskogo izdaniia zhurnala "Forbs"): dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.10. – M. 2021. EDN: OTKUUI.
 6. Vasil'chenko M.A. Stil' kak strukturnyi element mediabrenda // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura. 2019. № 16 (4). S. 557-575. DOI: 10.21638/spbu09.2019.402 EDN: BTUWKF.
 7. Gvozdetskaya I.V. Strategicheskoe razvitie brendov kompanii // Brend-menedzhment. 2024. № 3. S. 170-178.
 8. Kalaitanova N.N. Diversifikatsiya i rasshirenie zhurnal'nogo brenda // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2014. № 6. S. 204-213. EDN: TIHREJ.
 9. Kusherbaeva D.A., Mashkova S.N. Osobennosti prodvizheniya kazakhstanskikh SMI v sotsial'nykh setyakh // Vestnik Evraziiskogo natsional'nogo universiteta imeni L.N. Gumileva. Seriya Zhurnalistika. 2021. № 3(136). S. 75-83. DOI: 10.32523/2616-7174-2021-136-3-75-83 EDN: DQARFJ.
 10. Pisareva E.V. Inflyuens-marketing kak instrument effektivnoi kommunikatsii v tsifrovoi srede // BENEFICIUM. 2023. № 4(49). S. 85-91. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2023.4(49).85-91 EDN: BYBJVA.
 11. Semenova K.L. Tendentsii razvitiya mediabrendinga glyantsevykh zhurnalov v Rossii i za rubezhom // Kommunikatsii. Media. Dizain. 2019. T. 4. № 2. S. 142-158. EDN: FUPKTM.
 12. Baek S., Nam S., Chang B. Feedback effect of brand extension in cable networks established by parent newspaper brands: Applying expectation disconfirmation theory // Journal of media economics. 2017. V. 30. No 4. P. 173-190.
 13. Baranova E., Zheltukhina M., Shnaider A., Zelenskaya L. New Media Business Philosophy in Conditions of Mass Media Convergence // Online Journal of Communication and Media Technologies. 2020. No 10 (4). Pp. 1-9.
 14. Barland J. Innovation of New Revenue Streams in Digital Media // Nordicom Review. 2013. Special Issue. Pp. 99-112.
 15. Cid A., Blanchet P., Robichaud F., Kinuani N. A Sectorial Validation and Application of a Conceptual Framework for Creating a Brand Management Strategy // Businesses. 2023. No 3. P. 424-440. DOI: 10.3390/businesses3030026 EDN: XXBRJQ.
 16. Elliott R., Wattanasuwan K. Brands as symbolic resources for the construction of identity // International journal of advertising. 1998. V. 17. No 2. Pp. 131-144.
 17. Hem L., De-Chernatony L., Iversen N. Factors influencing successful brand extensions // Journal of marketing management. 2023. V. 19. No 7-8. Pp. 781-806.
 18. Holt D. Why do brands cause trouble? A dialectical theory of consumer culture and branding // Journal of consumer research. 2002. V. 29. No 1. Pp. 70-90.
 19. McDowell W. Issues in marketing and branding // Handbook of media management and economics. N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 2005.
 20. Na M., Rong L., Ali M.H., Alam S.S. The mediating role of brand trust and brand love between brand experience and loyalty: a study on smartphones in China // Behav. Sci. 2023. Pp. 2-21.
 21. Nel F., Radcliffe D. World Press Trends Outlook 2023-2024. Frankfurt: WAN-IFRA, 2024.
 22. Ots M. Media Brands and Branding // JIBS Research Reports. 2008. No 2008-1. Pp. 1-7.
 23. Sangil L., Campos-Freire F., Pérez-Latre F. Monetization of digital newspapers:

Experimentation with brand extension and buying influence // Profesional de la información. 2023. V. 32. No 1. Pp. 1-15.

24. Saulīte L., Ščeuļovs D. Importance of news media branding in a contemporary media environment // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2023. V. 9, No 3. Pp. 1-16.

The Dreams in M. Y. Lermontov's Lyrics: Between Reality and Illusion

Su Ke

Postgraduate student; Faculty of Philology, Department of the History of Russian Literature; Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory str., Moscow, 119991, Russia

✉ ZXCVBNM0515@yandex.ru

Abstract. The article examines the motif of dreams in the works of M. Yu. Lermontov as a key element of his artistic world, reflecting the poet's philosophical reflections on fate, reality, and illusion. Analyzing Lermontov's poetic works, the author identifies the main functions of the dream: the desire to escape from reality, prophetic revelations, the recognition of the illusory nature of the world, and the symbol of inanimate nature. Special attention is given to the dualism of dreams and reality, where the protagonist balances between the ordinary and the fantastic, striving to find the truth but facing even greater uncertainty. The relevance of the research article is to enrich the experience of studying Russian literature, and that in deepening the analysis of the works of M.Y. Lermontov. The methodological foundation of the research includes elements of comparative and structural analysis, allowing the study of the artistic representation of dreams in Lermontov's poetry. Methods such as descriptive method, system-semantic analysis method and comparative method will be used as the main method. The research results show that dreams in Lermontov's works serve not only a narrative and symbolic function but also express philosophical concepts related to existential questions of human existence. The study demonstrates that the dream in Lermontov's poetry is multifaceted: it symbolizes the boundary between reality and illusion, foresees inevitable fate, and serves as a means to access various levels of consciousness.

The scientific novelty of the study consists in the expansion and deepening of the dream motif in the lyrics of M. Y. Lermontov. The conclusions of the article emphasize the importance of this motif for understanding Lermontov's worldview, his views on life, death, and the impossibility of achieving absolute knowledge. The motif of dreams occupies an important place in Lermontov's poetry.

Keywords: artistic world, boundaries of consciousness, metaphysics of dreams, existential philosophy, fate, prophetic dream, reality and illusion, Romanticism, Lermontov, dream motif

References (transliterated)

1. Gu Yun'pu. Issledovanie Lermontova. Pekin: Izdatel'stvo pekinskogo universiteta, 2014. 292 s. (顾蕴璞, 莱蒙托夫研究, 北京:北京大学出版社, 2014, 292 页)
2. Kiseleva I.A. Funktsii dialoga v pozdnei lirike M.Yu. Lermontova // Kul'tura i obrazovanie. 2019. № 3 (34). S. 21-29. DOI: 10.24411/2310-1679-2019-10303 EDN: JLSQST
3. Kiseleva I.A., Potashova K.A. Dinamicheskaya poetika v istorii teksta stikhotvoreniya

- M. Yu. Lermontova "Son" // Problemy istoricheskoi poetiki. 2020. T. 18. № 1. S. 130-145. DOI: 10.15393/j9.art.2020.6742 EDN: PUOTBR
4. Kosyakov G.V. Khudozhestvennaya floristika v pozdnei lirike M.Yu. Lermontova // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya. 2024. T. 18. № 1. S. 17-31. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.2 EDN: FDEUTA
5. Kumbasheva Yu. A. Motiv sna v russkoi lirike pervoi treti XIX veka: dis. ... kand. filol. nauk. – Sankt-Peterburg, 2001. – 230 s. EDN: NLWHNX
6. Lermontov M. Yu. Sobr. soch.: V 6 t. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1954. T. 2. 388 s.
7. Moskvina G. V. Kontsepty "Smert'", "Son", "Lyubov'" v lirike M. Yu. Lermontova // Lermontovskie chteniya – 2009. – SPb.: Liki Rossii, 2010. – S. 84-89.
8. Solov'ev V.S. Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika. M.: Iskusstvo, 1991. – 702 s.
9. Khodanenko L. A., Yamadzi Asuta. Poeticheskaya mifologiya snov v tvorchestve M.Yu. Lermontova // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 2 (62). T. 4. S. 179-183. EDN: TXHRCL
10. Eikhenbaum B. M. Varianty i kommentarii // Lermontov M. Yu. Poln. sobr. soch. : v 5 t. – M.; L. : Academia, 1936. – T. 2: Stikhotvoreniya, 1836-1841. – S. 159-274.

Comparative analysis of Russian and Chinese literary traditions: F. M. Dostoevsky's works translation and adaptation to the cultural context

Zhang Wanjiang

Postgraduate student; Institute of Foreign Languages, Department of Theory and Practice of Foreign Languages;
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198

✉ zhangwanjiang2025@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the specifics of the interaction of literary traditions of Russia and China, considered within the framework of a comparative analysis of the original and translation of the works of F. M. Dostoevsky and presented in the context of the cultural characteristics of both nations. The purpose of the study is to identify the key features of the original and translation of the writer's works into Chinese and their relationship with the Chinese literary tradition within the framework of the development of Russian-Chinese cultural relations. Objectives of the study: to examine how the central themes and motifs of Dostoevsky's works are perceived and interpreted within the framework of the Chinese literary tradition; to identify significant cultural factors characteristic of China and having a significant impact on the perception of the works. The research methodology is represented by: methods of comparative analysis, which allow us to compare both the original texts with their translations, and the Russian and Chinese literary traditions in general; methods of content analysis, aimed at studying the specifics of the interpretation of key themes and motifs; methods of cultural anthropology for a deeper understanding of the cultural context in which the translation is carried out. In accordance with the main findings of the study, it is important to note that translations of Dostoevsky's works into Chinese demonstrate significant cultural transformations, caused mainly by differences in mentality and worldview. The novelty of this study lies in the fact that for the first time a comparative analysis is conducted not only of the original and translation of Dostoevsky's works, but also of the cultural context of their perception and interpretation, which allows for a deeper understanding of how Russian and Chinese literary traditions intersect and interact with each other.

Keywords: text adaptation, intercultural dialogue, interpretation, artistic techniques, central themes, cultural context, works by Dostoevsky, cultural transformations, literary traditions, philosophical ideas

References (transliterated)

1. Ai Khueizhun. Retseptsiya tvorchestva Dostoevskogo v kitaiskikh perevodakh, khudozhestvennykh proizvedeniyakh i nauchnykh issledovaniyakh // Nauchnyi dialog. – 2020. – № 11. – S. 154-176. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-154-176 EDN: RUAYBR.
2. I Fan' Van, Khalina N. V. Aksiologiya dialoga kul'tur: "kitaiskaya" retseptsiya tvorchestva F. M. Dostoevskogo v XX-XXI vv. // Kul'tura i tekst. – 2024. – № 2 (57). – S. 210-223.
3. Valeeva G. V. Problema dobra i zla v tvorchestve F. M. Dostoevskogo // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo. – 2017. – № 3 (23). – S. 49-54. EDN: ZXFYST.
4. Chzhao Khun, Dubkova O. V. Perevod i issledovanie tvorchestva F. M. Dostoevskogo v Kitae v KhKhI v. // Kommunikativnye issledovaniya. – 2021. – T. 8. – № 4. – S. 671-686. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).671-686 EDN: OLZOLI.
5. In' Lu. Khudozhestvennaya metafizika F. M. Dostoevskogo v tvorcheskoi refleksii kitaiskikh pisatelei 1920–1930-kh gg.: Lu Sin', Mao Dun', Yui Dafu: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. – Krasnodar, 2019. – 24 s.
6. Machkarina O. D., Kravtsov V. A., Malyshko A. A., Vasil'eva V. N. Personalizm F. M. Dostoevskogo i ego rol' v formirovanii kontseptsii lichnosti v russkoi filosofii // Vestnik Murmanskogo gos. tekhn. un-ta. – 2012. – T. 15. – № 3. – S. 662-665. EDN: RGQVRH.
7. Dostoevskii F. M. Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t. – T. 6: Prestuplenie i nakazanie: Roman v 6 chastyakh s epilogom / tekst podgot. L. D. Opul'skaya. – Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1973. – 423 s.
8. 陀思妥耶夫斯基 全集. 第七卷罪与罚 (上). 陈燊主编. 力冈、袁亚楠译. – 石家庄: 河北教育出版社, 2010. – 351 页 [Polnoe sobranie sochinenii F. M. Dostoevskogo. T. 7. Prestuplenie i nakazanie (chast' 1). Pod red. Chen' Shenyua. Perevod Li Gana i Yuan' Yan'nanya. – Shitszyachzhuan: Hebei Education Press, 2010. – 351 s.].
9. Shen'. Katalog terminov // Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. – 2022. – URL: <https://bigenc.ru/c/shen-7f88f2?ysclid=m8q659aoyy720266409> (data obrashcheniya: 23.03.2025).
10. Dostoevskii F. M. Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t. – T. 8: Idiot: Roman / tekst podgot. I. A. Bityugova, N. N. Solomina. – Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1973. – 511 s.
11. 陀思妥耶夫斯基 全集. 第九卷白痴 (上). 陈燊主编. 张捷、郭奇格译. – 石家庄: 河北教育出版社, 2010. – 442 页 [Polnoe sobranie sochinenii F. M. Dostoevskogo. T. 9. Idiot (chast' 1). Pod red. Chen' Shenyua. Perevod Chzhan Tsze i Go Tsige. – Shitszyachzhuan: Hebei Education Press, 2010. – 442 s.].
12. Tokarev D. A. Ponyatie stradaniya v filosofii drevnikh daosov v sravnenii s konfutsianstvom // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. – 2020. – Ch. 2. – № 5 (95). – S. 203-205. DOI: 10.23670/IRJ.2020.95.5.078 EDN: IDSELO.
13. Dostoevskii F. M. Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t. – T. 14: Brat'ya Karamazovy. Kn. 1-10 / tekst podgot. V. E. Vetlovskaya, E. I. Kiiko. – Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1976. – 510 s.
14. 陀思妥耶夫斯基. 卡拉马佐夫兄弟 (上, 下). 臧仲伦译, 石家庄: 河北教育出版社, 2009. – 817 页

[Dostoevskii F. M. Brat'ya Karamazovy (chast' 1 i 2). Perevod Tszan Chzhunlunya. Shitszyachzhuan: Hebei Education Press, 2009. – 717 s.].

From the literature of the "New Wave" to contemporary English-language fantasy: Zelazny, Martin, Gaiman

Anisimova Olga Vladimirovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Higher School of Linguistics and Pedagogy; Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

19 Politechnicheskaya str., Saint Petersburg, Russia, 194021

✉ lesoleil81@mail.ru

Savushkina Tat'yana Aleksandrovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Foreign Languages; St. Petersburg State Institute of Technology (Technical University)

197706, Russia, Saint Petersburg, Sestroretsk, Primorskoe highway, 270, sq. 32

✉ tasavushkina@yahoo.com

Abstract. The article is dedicated to the study of the evolution of "New Wave" fantasy literature from the 1960s to the 1970s, based on the works of three central figures in contemporary English-language fantasy literature: Roger Zelazny, George Martin, and Neil Gaiman. It specifically discusses the transformation that fantasy underwent over several decades, starting with the movement of so-called "New Wave" authors in the second half of the 20th century, up to the postmodern literature of the early 21st century. The focus is primarily on identifying and characterizing key features of contemporary English-language fantasy, such as intertextuality, the inclusion of mythological symbols in the text, references to psychoanalytic theory, and the blending of various genres. The methodology employed in this study includes comparative, literary, and historical-cultural analysis, as well as the study and generalization of information. The scientific novelty of this research lies in the attempt to trace the roots of contemporary fantasy, the canons of which were shaped by the work of American science fiction writer Roger Zelazny. Analyzing the key works of the discussed authors allowed for the identification not only of common features but also for pointing out the vector of their transformation and reinterpretation in the works of fantasy writers from the late 20th to the early 21st century. The literature of the "New Wave" in the 1960s and 1970s revolutionized fantastic literature by breaking down the boundaries that existed between genres, bringing popular literature closer to high literature, and fostering their mutual enrichment. The poeticization of prose, the use of multilayered allusions, psychoanalytic theories, syncretism, and the blending of various mythological systems with contemporary realities constitute the creative legacy of Zelazny, which is organically embraced by his followers—Martin and Gaiman.

Keywords: Gaiman, Martin, Zelazny, science fantasy, science fiction, English language fantasy, New Wave, foreign fiction, intertextuality, mythology

References (transliterated)

1. Akhmedov R.Sh. "Myagkaya" i "tverdaya" nauchnaya fantastika. Obshchestvo

- budushchego v trilogii A. Azimova "Osnovanie" // Academic research in educational sciences. 2024. S. 494-501.
2. Manakhov A.A. Fantastika i fentezi: stilisticheskie razlichiya // Science and Education. 2023. № 2. S. 1279-1283.
 3. Anisimova O.V. Portret pisatelya: osobennosti khudozhestvennogo metoda Rodzhera Zhelyazny // Litera. 2021. № 4. S. 145-153. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.4.35298 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35298
 4. Zelazny R. Fantasy and Science Fiction: A Writer's View // Intersections: Fantasy and Science Fiction. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1987. P. 55-62.
 5. Martin G. Foreword. The Two Rogers // Shadows and Reflections. A Roger Zelazny Tribute Anthology. Tallinn: Positronic Publishing, 2017.
 6. Yung K.-G. O psikhologii bessoznatel'nogo // Yung K.-G. Psikhologiya bessoznatel'nogo. M.: Kanon+, 2003. S. 27-174.
 7. Beletskaya A.Yu. Postmodernistskaya kontseptsiya khaosa v tsikle romanov R. Zhelyazny "Khroniki Embera" // MNKO. 2023. № 1 (98). S. 392-395. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-198-392-395 EDN: GWURIE
 8. Bakusev V.M. Karl Gustav Yung: paradoksy zhizni i tvorchestva // Yung K.-G. Psikhologiya bessoznatel'nogo. M.: Kanon+, 2003. S. 6-24.
 9. Yung K.-G. O psikhologii bessoznatel'nogo // Yung K.-G. Psikhologiya bessoznatel'nogo. M.: Kanon+, 2003. S. 27-174.
 10. Yung K.-G. Otnosheniya mezhdu Ya i bessoznatel'nym // Yung K.-G. Psikhologiya bessoznatel'nogo. M.: Kanon+, 2003. S. 175-316.
 11. Anisimova O.V., Makarova I.S. Simvolizm angloyazychnoi literatury: o labirinte i korable (na materiale romanov Rodzhera Zhelyazny i Gregori Normintona) // Vestnik Armyanskogo Universiteta. 2024. № 1. Erevan. S. 156-161.
 12. Anisimova O.V., Makarova I.S. Mythopoetic Images of Irish Mythology in American Fantasy (the case of Roger Zelazny's "Chronicles of Amber" - Corwin Cycle) // Litera. 2023. № 4. S. 92-101.
 13. Anisimova O.V. Allyuzii v «Khronikakh Embera» Rodzhera Zhelyazny (tsikl Korvina) // Litera. 2017. № 1. S. 18-30. DOI: 10.7256/2409-8698.2017.1.22216 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22216
 14. Rotanov A.N. Zhanrovoe svoeobrazie v tvorchestve Nila Geimana // Tashkentskii literaturovedcheskii forum - 2024. 2025. № 3. S. 84-88.
 15. Lozovik E.V. Mif i skazka v tvorchestve Nila Geimana // Diskussiya. 2013. № 4 (34). S. 124-132. EDN: PZSSDZ
 16. Geiman N. Tri avtora: o L'yuisse, Tolkinge i Chestertone (vystuplenie v kachestve pochetnogo gostya na Mifkone-35) // N. Geiman. Vid s deshevykh mest. M.: AST, 2017. S. 48-54.
 17. Geiman N. Da kak ty smeesh'?! Ob Amerike i o tom, kak o nei pisat' // N. Geiman. Vid s deshevykh mest. M.: AST, 2017. S. 83-85.
 18. Teplov A.I. Sravnenie kosmologii i khronotopa v "Otbleskakh Eterny" V. Kamshi i "Pesne l'da i ognya" Dzh. Martina // Sibirskii filologicheskii forum. 2025. № 1. S. 93-109. DOI: 10.24412/2587-7844-2025-1-93-109 EDN: MWDIWW
 19. Makarova I.S. Obraznoe pole "korabl'" v zapadnoevropeiskoi literature. SPb.: Nestor-istoriya, 2025. 540 s.
 20. Polyanskaya A.I. Obraz materi v fentezi-romane Dzh. Martina "Igra prestolov" // Litera. № 4. S. 324-331.

21. Polyanskaya A.I. Problema klassifikatsii fentezi-proizvedenii // Vestnik MGPU. 2023. № 2 (50). S. 185-194.

National Stereotypes Representation in Humorous Film Discourse

Shavtikova Aurika

Assistant Professor; Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ shavtikova_at@pfur.ru

Abstract. The scientific novelty of this study lies in its innovative perspective on the role of stereotypes as comedic tools in television productions, specifically investigating their impact on audience perception and intercultural communication. This research introduces a novel approach by focusing on the British sitcom "Mind Your Language," which serves as a case study for examining how national stereotypes are employed to produce humor within a televised format. By dissecting the exaggerated portrayal of national traits—such as accents, cultural characteristics, and behaviors—the article provides fresh insights into the mechanisms through which these elements elicit comedic effects and contribute to entertainment value. What sets this study apart is its dual focus on both the comedic and sociocultural dimensions of stereotype usage. It not only analyzes the immediate humor derived from these portrayals but also delves into the broader implications for cross-cultural understanding and dialogue. The research acknowledges criticisms surrounding the potential overuse of stereotypes and the risk of reinforcing negative perceptions; however, it simultaneously highlights the role of such stereotypes in diffusing tension and promoting humorous engagement with cultural differences and misunderstandings. Moreover, the study opens avenues for further exploration by proposing an analysis of the influence of national stereotypes in cinematic discourse on viewers from diverse cultural backgrounds. It advocates for assessing the effectiveness of humor as a strategic tool for bridging intercultural gaps, enhancing mutual understanding, and fostering tolerance. This expanded perspective underscores the potential of television comedy not only as a source of entertainment but also as a platform for promoting intercultural empathy and dialogue in an increasingly globalized world.

Keywords: humor, cultural Barriers, exaggeration, cultural characteristics, intercultural communication, national stereotypes, comedic effect, audience Perception, film discourse, linguoculture

References (transliterated)

1. Akmalov Sh. I. Natsional'no-psikhologicheskie osobennosti pakistantsev i ikh vliyanie na natsional'nuyu identichnost' // Academic research in educational sciences. – 2022. – S. 283-289.
2. Altunina T. S., Muchkina E. S. Verbalizatsiya stereotipnogo znaniya o frantsuzakh v tsikle romanov S. Klarka // Innovatsii. Nauka. Obrazovanie. – 2021. – № 33. – S. 1994-2001. – EDN OVDTPL.
3. Bushueva L. D., Bushueva T. V. Kinezika, kinesika i biomekhanika – vzaimosvyaz' v dvizheniyakh // Aktual'nye problemy i perspektivy teorii i praktiki fizicheskoi kul'tury, sporta, turizma i dvigatel'noi rekreatsii v sovremennom mire. – 2017. – T. 17. – S. 7. – EDN: ZMHLKJ.

4. Vilinbakhova E. L. Stereotip v lingvistike: ob"ekt ili instrument issledovaniya? // Problemy yazyka: Sb. nauch. statei po materialam Pervoi konferentsii-shkoly "Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh". – M.: Institut yazykoznaniya RAN, 2012. – S. 19-28. – EDN: UCUTJJ.
5. Goreglyad E. N., Kuliev A. A. Frantsiya i frantsuzy: stereotipy vospriyatiya v kontekste mezhkul'turnoi kommunikatsii // Frantsuzskii yazyk na perekrestke kul'tur: aktual'nye voprosy i perspektivy issledovaniya. – 2019. – S. 98-102. – EDN: WRNWVZ.
6. Doroshina L. F. K voprosu o lingvisticheskom statuse etnoverbal'nykh stereotipov // V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii. – 2013. – № 2 (25). – S. 46-54. – EDN: QLJLHZ.
7. Zhun'mei Ch. Yazykovaya reprezentatsiya etnokul'turnykh stereotipov nositelei russkogo yazyka o kitaitсах // Voprosy psikholingvistiki. – 2017. – № 3 (33). – S. 218-229.
8. Kapkova S. Yu. Yazykovaya igra kak sposob realizatsii komicheskogo // Universum: filologiya i iskusstvovedenie. – 2014. – № 2 (4). – S. 7. – EDN: RVRSEB.
9. Kobozeva I. M. Nemets, anglichanin, frantsuz i russkii: vyavlenie stereotipov natsional'nykh kharakterov cherez analiz konnotatsii etnonimov // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. – 1995. – T. 9. – S. 102-116.
10. Kovako V. M., Golovanova I. S. Stereotipy russkikh o frantsuzakh // Vestnik molodykh uchenykh Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. – 2017. – № 1 (35). – S. 238-240. – EDN YPVCNJ.
11. Larionova M. V. Rossiya i Ispaniya v zerkale gazetno-publitsisticheskogo diskursa: metafory i stereotipy // Vestnik MGIMO Universiteta. – 2010. – № 2. – S. 247-254. – EDN: NBOJBL.
12. Molchanova G. G. Kognitivnaya neverbalika kak polikodovoe sredstvo mezhkul'turnoi kommunikatsii: kinesika // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – 2014. – № 2. – S. 13-30. – EDN: SECFQJ.
13. Poddubnaya N. N. Priemy sozdaniya komicheskogo effekta v korotkom yumoristicheskom rasskaze (na primere nemetskogo shvanka) // Filologiya i chelovek. – 2010. – № 2. – S. 163-168. – EDN: NDBVDN.
14. Prozhilov A. V. K voprosu o stereotipakh v lingvistike // Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. NF Katanova. – 2013. – № 6. – S. 78-82.
15. Prostitova M. V. Rol' natsional'nykh stereotipov v aspekte kognitivnoi lingvistiki // Filologiya i lingvodidaktika v sovremennom nauchnom i obrazovatel'nom prostranstve. – 2021. – S. 133-146. – EDN: ZNYXWN.
16. Raevskaia M. M. K voprosu o stereotipakh natsional'nogo soznaniya: ispanskii natsional'nyi portret epokhi Vozrozhdeniya // Sovremennaya filologiya: teoriya i praktika. – 2013. – S. 275.
17. Rostomyan D. M. Problemy mezhnatsional'noi tolerantnosti v usloviyakh megapolisa // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. – 2013. – T. 195. – S. 143-145. – EDN: RCWRVF.
18. Rysiatova M. S. K voprosu izucheniya natsional'nykh stereotipov v sovremennoi etnicheskoi psikhologii // Problemy teorii i praktiki sovremennoi psikhologii. – 2017. – S. 253-256. – EDN: YSGBAP.
19. Semashko T. F. Mezhdistsiplinarnyi genezis ponyatiya "etnicheskii stereotip" // Science and Education a New Dimension: Philology. – 2014. – S. 102-105.
20. Tarasova A. A. Kinezika kak sredstvo neverbal'noi kommunikatsii // Novaya nauka – novye vozmozhnosti. – 2022. – S. 223-234. – EDN: IOHQPH.

21. Khrushcheva T. V. Rol' stereotipov v mezhkul'turnoi kommunikatsii (na primere geterostereotipov o russkikh i kitaitсах) // Filologicheskii aspekt. – 2016. – № 12. – S. 78-87. – EDN: XIPFET.
22. Chesnokova O. S. Frazeologizmy kak otrazhenie etnicheskikh stereotipov v kul'ture i professional'noi deyatel'nosti ispantsev // Diskurs professional'noi kommunikatsii. – 2020. – T. 2. – № 2. – S. 71-82. – DOI: 10.24833/2687-0126-2020-2-2-71-82 – EDN: BBEXTI.
23. Shaova O. A. Rossiya i Frantsiya: natsional'nye stereotipy i ikh metaforicheskaya reprezentatsiya (na materiale frantsuzskikh i rossiiskikh gazet): dis. – 2005. – EDN: NNGCLJ.
24. Shchekotikhina I. N. Stereotip: aspekty i perspektivy issledovaniya // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. AS Pushkina. – 2008. – № 5 (19). – S. 69-80. – EDN: JWMKQF.
25. Barzini, L. The Italians. New York: Atheneum, 1964.
26. Bhabha, H. K. The location of culture. London: Routledge, 1994.
27. Clyne, M. Language and Society in the Germanic Speech Communities. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
28. Dugalich N. M., Shavtikova A. T., Izildin O. Strategies for Creating the Image of a Politician in an Arabic Polycode Text of the Series "اختيار" // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. – 2023. – T. 14. – № 3. – S. 946-959. – DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-946-959 – EDN: ISLZAW.
29. Hinner M. B. Stereotyping and the Country-of-Origin Effect // China Media Research. – 2010. – T. 6. – № 1.
30. Kachru, B. B. The alchemy of English: The spread, functions, and models of non-native Englishes. Oxford: Pergamon Press, 1986.
31. Levitin, D. J. The Organized Mind: Thinking Straight in the Age of Information Overload. New York: Dutton, 2012.
32. Morris, D. Bodytalk: A World Guide to Gestures. London: Jonathan Cape, 1994.
33. Motsi T., Park J. E. National stereotypes as antecedents of country-of-origin image: The role of the stereotype content model // Journal of International Consumer Marketing. – 2020. – T. 32. – № 2. – S. 115-127.
34. Perinbanayagam, R. S. The Dravidian Self. New York: Peter Lang, 1998.
35. Said, E. W. Orientalism. New York: Pantheon Books, 1978.
36. Ward, D. German Phrase Book. Footscray: Lonely Planet, 2010.

Standards for Assessing the Quality of Political Discourse Translation Using Large Language Models

Liu Miao

PhD in Philology

Associate Professor; Faculty of Russian Language and Literature; Peking University

5 Yiheyuan Street, Beijing, 100871, China

✉ liumiaolm@pku.edu.cn

Abstract. The subject of this research is the development of a comprehensive system of standards for assessing the quality of political discourse translation using large language

models. The study focuses on creating an integrative approach to evaluating the translation of Chinese political discourse into Russian, which is particularly relevant in the context of strengthening the Russian-Chinese strategic partnership. The developed three-level assessment model takes into account the specifics of political discourse, characterized by a high degree of terminological density, conceptual specificity, and ideological marking. The model is based on parameters of informational integrity, linguistic accuracy, and intercultural readability, providing a comprehensive analysis of translation at all levels: from lexical and syntactic correspondence to the transfer of semantic relations and cultural-pragmatic aspects. Special attention within the research is given to applying the technological capabilities of large language models for automated analysis of translation problems and improving the political text translation. The proposed system takes into account the requirements of the "Basic Standards for Translating Chinese Political Discourse," adapting them to the context of Russian-Chinese intercultural communication. The research methodology is based on a systematic analysis of classical and modern translation assessment models, followed by functional modeling of an integrative approach that combines linguistic theories, computational methods, and the capabilities of large language models for translation assessment. The scientific novelty of the research lies in bridging the gap between theoretical models of translation assessment and their practical implementation by integrating traditional linguistic approaches, computational methods, and industry standard requirements with the technological capabilities of large language models. For the first time, a detailed structure for assessing the quality of political discourse translation with 10 second-level parameters and 36 third-level parameters is proposed, providing a comprehensive analysis of translation activity. It has been proven that the use of large language models significantly increases the efficiency and objectivity of assessment through deep semantic analysis and automated diagnosis of translation problems. The developed system has high practical value, being applicable both for analyzing completed translations and for predicting potential difficulties in translating political texts in the context of Russian-Chinese intercultural communication.

Keywords: Russian-Chinese communication, automated translation diagnostics, intercultural readability, linguistic accuracy, information integrity, integrative approach, large language models, political discourse, assessment standards, translation parameters

References (transliterated)

1. Fedorov A. V. Vvedenie v teoriyu perevoda: (lingvistich. problemy). – 2-e izd., pererab. – Moskva: Izd. lit. na inostr. yaz., 1958. – 374 s.
2. Barkhudarov L. S. Yazyk i perevod. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. – 235 s.
3. Komissarov V. N. Lingvistika perevoda. – Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. – 167 s.
4. Rais K. Vozmozhnosti i granitsy kritiki perevoda. – Myunkhen: M. Khyuber, 1971. – 124 s.
5. House J. Translation Quality Assessment: A Model Revisited. – Gunter Narr Verlag, 1997. – 207 p.
6. Williams M. Translation quality assessment: An argumentation-centred approach. – University of Ottawa Press, 2004. – 209 p.
7. Specia L., Raj D., Turchi M. Machine Translation Evaluation versus Quality Estimation // Machine Translation. – 2010. – Vol. 24. – P. 39-50. DOI: 10.1007/s10590-010-9077-2 EDN: QHHKQW
8. Yui Shiven'. O nekotorykh issledovaniyakh v oblasti vychislitel'noi lingvistiki //

- Primenenie yazyka i pis'mennosti. – 1993. – № 3. – S. 55-64.
9. Callison-Burch C., Fordyce C. S., Koehn P., Monz C., Schroeder J. (Meta-) Evaluation of Machine Translation // In Proceedings of the Second Workshop on Statistical Machine Translation. – 2007. – P. 136-158.
 10. Kocmi T., Federmann C. Large language models are state-of-the-art evaluators of translation quality // arXiv preprint arXiv:2302.14520. – 2023.
 11. Denisenko V. V., Chesnikov L. S. Strategii optimizatsii i metody otsenki dlya tochnoi nastroiки bol'shikh yazykovykh modelei // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2024. – № 4-1 (91). – S. 180-184. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-4-1-180-184 EDN: MGIFYI
 12. Lyu M., Shao Ts., Se G. Avtomatizirovannyi perevod politicheskogo diskursa: ot bol'shikh yazykovykh modelei k mul'tiagentnoi sisteme MAGIC-PTF // Litera. 2024. № 11. S. 28-46. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.11.72197 EDN: GFRZMO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72197
 13. Chzhao Tszyun'fen, Li Syan. Issledovanie postroeniya i primeneniya perevodcheskikh agentov na osnove bol'shikh yazykovykh modelei // Prepodavanie inostrannykh yazykov s pomoshch'yu elektronnykh tekhnologii. – 2024. – № 5. – S. 22-28, 75, 108.
 14. Li Defen, Van Khuashu, Lyu Shitsze. Natsional'nye vozmozhnosti perevodcheskikh tekhnologii i bol'shie yazykovye modeli // Shankhaiskii perevod. – 2025. – № 2. – S. 18-24.
 15. Lu Q., et al. Error analysis prompting enables human-like translation evaluation in large language models // arXiv preprint arXiv:2303.13809. – 2023.
 16. Huang H., et al. Towards making the most of llm for translation quality estimation // CCF International Conference on Natural Language Processing and Chinese Computing. – Cham: Springer Nature Switzerland, 2023.
 17. Zhang B., Haddow B., Birch A. Prompting large language model for machine translation: A case study // International Conference on Machine Learning. – PMLR, 2023.
 18. Chzhao Yan', Chzhan Khuei, Yan Ichen'. Sravnitel'noe issledovanie kachestva bol'shikh yazykovykh modelei v perevode tekstov - na primere perevoda "Tsveteniya" // Prepodavanie inostrannykh yazykov s pomoshch'yu elektronnykh tekhnologii. – 2024. – № 4. – S. 60-66, 109.
 19. Byuler K. Teoriya yazyka: Reprezentativnaya funktsiya yazyka. – Iena: Gustav Fisher, 1934. – 434 c.
 20. Chzhan Meifan. Funktsional'nyi podkhod k issledovaniyu perevoda. – Shankhai: Shankhaiskoe izdatel'stvo obrazovaniya po inostrannym yazykam, 2005. – 233 c.
 21. House J. A Model for Translation Quality Assessment. – TBL-Verlag Narr, 1977. – 344 p.
 22. Yuan' Khun. Ob'yasnitel'naya sila tipologii teksta i funktsional'noi lingvistiki v otsenke kachestva perevoda // Zhurnal Khunan'skogo instituta gumanitarnykh nauk i tekhnologii. – 2007. – № 1. – S. 158-161.
 23. Newmark P. Approaches to Translation. – Oxford: Pergamon Press, 1981. – 344 p.
 24. Newmark P. A textbook of translation. – Vol. 66. – New York: Prentice Hall, 1988. – 402 p.
 25. Gu Chzhengkun'. O mnogomernoi vzaimodopolnyayushchei teorii standartov perevoda // Kitaiskii perevod. – 1989. – № 1. – S. 16-20.
 26. Pen Chun'yan'. Novaya teoriya standartov perevoda - peresmotr sistemy standartov

- perevoda, ustanovlennoi professorom Gu Chzhengkunem // Nauchnyi zhurnal Universiteta Sun' Yatsena. – 2004. – № 5. – S. 237-241.
27. Sy Syan'chzhu. Issledovanie modeli otsenki kachestva perevoda s tochki zreniya funktsional'noi lingvistiki // Prepodavanie inostrannykh yazykov. – 2004. – № 4. – S. 45-50.
28. Khe San'nin. Issledovanie modelei otsenki kachestva perevoda. – Pekin: Tsentral'noe izdatel'stvo perevodov, 2015. – 256 s.
29. Papineni K., Roukos S., Ward T., Zhu W. J. "BLEU: A Method for Automatic Evaluation of Machine Translation." // In Proceedings of the 40th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. – 2002. – P. 311-318.
30. Doddington G. "Automatic Evaluation of Machine Translation Quality Using N-gram Co-occurrence Statistics." // In Proceedings of the Second International Conference on Human Language Technology Research. – 2002. – P. 138-145.
31. Duh K. "Ranking vs. Regression in Machine Translation Evaluation." // In Proceedings of the Third Workshop on Statistical Machine Translation. – 2008. – P. 191-194.
32. Bazovye normy perevoda kitaiskogo politicheskogo diskursa na angliiskii yazyk / Pod red. redaktsionnoi gruppy. – Pekin: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 2023. – 234 s.

Linguocultural foundations of Russian and Chinese proverbs about husbands and wives

Li Lusi

PhD in Philology

independent researcher

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow region, 117198, Russia

✉ 1368683201@QQ.COM

Lazareva Olesya Viktorovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of General and Russian Linguistics; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ lazareva-ov@rudn.ru

Abstract. The subject of the study is the paremiological fund of the Russian and Chinese languages. The object of the research is proverbs as elements of the phraseological system that reflect the cultural and value attitudes of ethnic groups. The author examines such aspects of the topic in detail as the interpretation of proverbs in Russian and Chinese linguistic traditions. In Russian linguistics, paremiology is defined as stable, reproducible expressions with instructive content, which encapsulate folk wisdom, morality, and traditional views. In Chinese linguistics, proverbs are classified as part of phraseology and include forms such as (idiom, chengyu), (proverb, yanyu), (allegory, xiehouyu), (phraseological combination, guanyunyu), and (saying, suyuy). Special attention is given to the reflection of historical experience and the system of value dominants in Russian and Chinese proverbs. A linguistic and cultural analysis of proverbs related to the image of a husband and wife reveals their connection to patriarchal moral and ethical attitudes. Despite the emphasis on the dependent position of women, proverbs also capture the idea of mutual respect and agreement as

essential values of family life. The description of the roles of husbands and wives in Russian and Chinese paremiology has an ambivalent nature. This article employs comparative, component analysis and linguistic and cultural commentary methods. The main conclusions of the conducted research are the identification of the fact that proverbs about husbands and wives in the Russian and Chinese paremiological fund reflect traditional patriarchal and androcentric notions of family roles. In both linguistic cultures, the importance of agreement and mutual respect between spouses is emphasized as the foundation of family well-being, despite the noted dependence of the wife on the husband. A unique contribution of the author to the research topic is the comparative analysis of proverbs from the two languages, allowing for the identification of common value orientations associated with family and drawing attention to the ambivalence of the images of husbands and wives, which reflects the multifaceted cultural perception of marital relations. The novelty of the research lies in the linguistic and cultural approach to the study of paremiology, revealing deep layers of national worldview, fixed in brief and metaphorical sayings. The author demonstrates that, despite cultural differences, both traditions convey important family values through proverbs, passed down from generation to generation.

Keywords: Russian linguistics, Chinese linguistics, linguistic and cultural foundations, paremiological foundation, proverb, paremia, husband, wife, Chinese language, Russian language

References (transliterated)

1. Bochina T.G. Kontrast kak lingvokognitivnyi printsip russkoi poslovitsy: avtoreferat dis. ... doktora filologicheskikh nauk: 10.02.01 / Kazan. gos. un-t. – Kazan', 2003. – 50 s.
2. Mokienko V.M. Russkie poslovitsy v shkole (opyt uchebnoi leksikografii) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 1-1 (61). – T. 1. – S. 101-105.
3. Savenkova L.B. Russkaya paremiologiya: semanticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. – Rostov n/D: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 2002. – 239 s.
4. Prokhorov Yu. E. Poslovitsa // Russkii yazyk. Entsiklopediya / Gl. red. Yu. N. Karaulov. – M.: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya; Drofa, 1997. – 703 s.
5. Bochina T.G. Dialogichnost' russkoi paremiki // Paremiologiya v diskurse: Obshchie i prikladnye voprosy paremiologii. Poslovitsa v diskurse i tekste. Poslovitsa i yazykovaya kartina mira / Pod red. O.V. Lomakinoi. – M.: URSS, 2015. – S. 26-47.
6. Bredis M.A. Predstavleniya o denezhnykh otnosheniyakh v poslovitsakh: na materiale russkogo, latyshskogo, litovskogo, nemetskogo i angliiskogo yazykov: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.20 / Bredis Mikhail Alekseevich; [Mesto zashchity: Ros. un-t druzhby narodov]. – M., 2017. – 346 s.
7. Mieder W. Proverbs: A Handbook. – Westport, CT: Greenwood Press, 2004. – 304 p.
8. Bredis M.A., Dimoglo M.S., Lomakina O.V. Paremi v sovremennoi lingvistike: podkhody k izucheniyu, tekstoobrazuyushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. – 2020. – T. 11. – № 2. – S. 265-284. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284.
9. Ma Gofan'. Ocherki po frazeologii. – 成语简论马国凡. – 辽宁出版社, 1959. – 51 s.
10. Gotlib O.N., Mu Khuain. Kitaisko-russkii frazeologicheskii slovar': okolo 3500 vyrazhenii / O. M. Gotlib, Mu Khuain; Irkutskii gos. lingvisticheskii un-t, Severo-vostochnyi ped. un-t (g. Chanchun', KNR), Gumanitarnyi in-t. – 2 izd. stereotip. – Irkutsk: IGU, 2019. –

596 s.

11. Sun' Veichzhan. Kitaiskaya frazeologiya. – 长春: 吉林教育出版社, 1989年 - 4;2;389页。
12. 现代汉语词典. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. – 北京: 商务印书馆, 1997. – 1958页.
(Slovar' sovremennogo kitaiskogo yazyka (SSKYa) / Ispravlennoe izdanie / Otdel redaktirovaniya slovary NII Lingvistiki Kitaiskoi akademii sotsial'nykh nauk. – Pekin: Shan''uin'shuguan', 1997. – 1958 s.
13. Paremiologiya na perekrestkakh yazykov i kul'tur: monografiya / M. A. Bredis, E. E. Ivanov, O. V. Lomakina [i dr.]. – M.: Rossiiskii un-t druzhby narodov, 2021. – 245 s.
14. Alefirenko N.F. Lingvokul'turologiya: tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka: uchebnoe posobie / N. F. Alefirenko. – M.: Flinta: Nauka, 2016. – 282 s.
15. Ivanov E.E. Paremiologicheskii minimum i osnovnoi paremiologicheskii fond // Paremiologiya v diskurse. – M.: Lenand, 2015. – S. 48-66.
16. Mokienko V.M. Bol'shoi slovar' russkikh poslovits: okolo 70000 poslovits / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina, E. K. Nikolaeva; Mezhdunar. assots. prepodavatelei russkogo yaz. i lit., Rossiiskoe o-vo prepodavatelei russkogo yaz. i lit., Sankt-Peterburgskii gos. un-t, Mezhhafedral'nyi slovarnyi kab. im. prof. B. A. Larina. – M.: OLMA Media Grupp, 2010. – 1023 s.

The Glass Paperweight in the Symbolic Framework of 1984: Historical Falsification, Cognitive Control, and Dehumanization

Song Xueying

Postgraduate Student; School of Art; Peking University

5, Summer Palace St., Beijing, 100871, China, Peking University, Red Building 6

✉ ZSSL101@outlook.com

Chang Yukai

PhD in Philology

Postdoctoral fellow; Faculty of Russian Language; Peking University

5 Iheyuanlu St., Beijing University, Building of the Faculty of Foreign Languages, Beijing, 100871, China, Haidian District, Beijing

✉ chang.yukai2015@yandex.ru

Abstract. This study analyzes the symbolic role of the glass paperweight in George Orwell's 1984 as a lens to expose totalitarian mechanisms governing history, memory, and humanity. The artifact embodies three key functions: a relic of a lost past, a metaphor for resistance against "Ingsoc," and a symbol of freedom's fragility. It connects to historical falsification via the "Ministry of Truth" and "memory holes," activates Winston's suppressed memories, and contrasts with the dehumanizing "telescreens" that erase individuality. Its destruction allegorizes the eradication of dissent, while its fragility mirrors Winston's fate and its transparency echoes the regime's omnipresent surveillance. Methodologically, the study combines structural-semantic text analysis (lexical patterns), philosophical interpretation of totalitarianism, and comparative examination of Oceania's dystopian elements ("Newspeak," surveillance). The novel contribution lies in systematizing the paperweight's symbolism, previously overlooked, to unify the novel's core themes: historical manipulation, cognitive control, and dehumanization. Key findings reveal: The paperweight materializes "forbidden" memory; its shattering by the Thought Police parallels Winston's psychological collapse, illustrating individual resistance's futility. Its destruction marks the triumph of technological

control ("telescreens") over human emotion and aesthetics, while fragmented memories fail to reconstruct alternative histories. The artifact's contrast with totalitarian tools underscores the power imbalance in pursuing truth, highlighting rebellion's impossibility under panoptic surveillance. By framing Orwell's use of a minor object to convey universal dystopian principles, the study bridges 1984 to modern digital authoritarianism—mass surveillance and algorithmic manipulation—demonstrating its enduring relevance. These insights deepen understanding of the novel's symbolic structure and its resonance with 20th–21st-century political philosophy, offering frameworks to analyze evolving totalitarian practices.

Keywords: Suppression of Dissent, Ingsoc Ideology, Dystopian Literature, Surveillance and Monitoring, Technological Authoritarianism, Memory and Oblivion, Dehumanization, Historical Falsification, Totalitarian Control, Symbolism of the Glass Paperweight

References (transliterated)

1. Nurutdinova A.R., Ismagilova G.K., Tuganova S.V., Vagner K.R., Gagarina V.R., Dmitrieva E.V. Fenomen yazyka i ritoriki v politike: lingvisticheskaya manipulyatsiya SMI kak instrument massovogo ubezhdeniya (na primere russkogo i angliiskogo yazykov) // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. 2023. T. 135, № 13. S. 1-10.
2. Slobodnyuk S.L. K voprosu o vozmozhnosti slovara arkhetipov krizisnogo soznaniya: "svoboda", "pravo", "zakon" // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2009. S. 786-791.
3. Litvyak O.V., Kamenchuk A.S. Reprezentatsiya "kafkianskoi" i "oruellovskoi" real'nosti v literaturnom dvizhenii modernizma XX veka // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2020. S. 237-241.
4. Orwell, George. Nineteen Eighty-Four. London: Penguin Books in association with Martin Secker & Warburg Ltd, 1989. P. 99. [= Oruell Dzh. 1984. London: Izdatel'stvo "Pingvin"; Izdatel'stvo Martina Sekkera i Varburga, 1989. S. 99].
5. Young, J.W. Totalitarian Language: Orwell's Newspeak and Its Nazi and Communist Antecedents. Charlottesville: University Press of Virginia, 1991. [= Yang Dzh.U. Totalitarnyi yazyk: novoyaz Oruella i ego natsistskie i kommunisticheskie pedshestvenniki. Sharlotsvill: Izdatel'stvo Virdzhinskogo universiteta, 1991.].
6. Lutz, William (Ed.). Beyond Nineteen Eighty-Four: Doublespeak in a Post-Orwellian Age. National Council of Teachers of English, 1989. [= Luts V. (red.). Posle 1984: Dvumyslennost' v postoruellovskuyu epokhu. Natsional'nyi sovet prepodavatelei angliiskogo yazyka, 1989.].
7. Jackson, Tony E. Oceania's Totalitarian Technology: Writing in Nineteen Eighty-Four // Criticism. 2017. Vol. 59, No. 3. Pp. 375-393. DOI: <https://doi.org/10.13110/criticism.59.3.0375>. [= Dzheksn T.I. Totalitarnye tekhnologii Okeanii: pis'mo v romane "1984" // Kritika. 2017. T. 59, № 3. S. 375-393.].
8. Awan, A. G., & Raza, S. A. The Effects of Totalitarianism and Marxism towards Dystopian Society in George Orwell's Selected Fictions // Global Journal of Management and Social Sciences. 2016. Vol. 2, No. 4. Pp. 21-37. [= Avan A.G., Raza S.A. Vliyanie totalitarizma i marksizma na distopicheskoe obshchestvo v izbrannykh proizvedeniyakh Dzhordzha Oruella // Global'nyi zhurnal menedzhmenta i sotsial'nykh nauk. 2016. T. 2, № 4. S. 21-37.].
9. Howe, Irving. 1984-Utopia Reversed // New International. 1950. November-December. Pp. 560-568. [= Khou I. 1984 - utopiya naoborot // N'yu Interneshnl. 1950. № 11-12. S. 560-568.].

10. Schorer, Mark. An Indignant and Prophetic Novel // New York Times Book Review. 1949. 12 June. P. 1, 16. [= Shorer M. Vozmutitel'nyi i prorocheskii roman // N'yu-Iork Taims Buk Rev'yu. 1949. 12 iyunya. S. 1, 16.].
11. Strachey, John. The Strangled Cry // The Strangled Cry. London: The Bodley Head, 1962. Pp. 25-32. [= Streichi Dzh. Udushennyi krik // Udushennyi krik. London: Bodli Khed, 1962. S. 25-32.].
12. Trilling, Lionel. Orwell and the Future // New Yorker. 1949. 18 June. Pp. 78, 81-83. [= Trilling L. Oruell i budushchee // N'yu-Iorker. 1949. 18 iyunya. S. 78, 81-83.].
13. Fiderer, Gerald. Masochism as Literary Strategy: Orwell's Psychological Novels // Literature and Psychology. 1970. Vol. 20. Pp. 3-21. [= Fiderer Dzh. Mazokhizm kak literaturnaya strategiya: psikhologicheskie romany Oruella // Literatura i psikhologiya. 1970. T. 20. S. 3-21.].
14. Ali, Fares Mohammed S., and Anand Ubale. Research article George Orwell and the idea of sadism in nineteen eighty-four: A psychoanalytic perspective. 2024. [= Ali F.M.S., Ubale A. Dzhordzh Oruell i ideya sadizma v romane "1984": psikhoanaliticheskiy podkhod. 2024.].
15. Resch, Robert Paul. Utopia, Dystopia, and the Middle Class in George Orwell's Nineteen Eighty-Four // Boundary 2. 1997. Vol. 24, No. 1. DOI: <https://doi.org/10.2307/303755>. [= Resh R.P. Utopiya, distopiya i srednii klass v romane Dzhordzha Oruella "1984" // Boundary 2. 1997. T. 24, № 1.].
16. Nora, P'ér. Mesta pamyati / per. Khuan Yan'khun i dr. Nankin: Izd-vo Nankinskogo universiteta, 2015. [= Nora P. Les Lieux de mémoire / per. s fr. Khuan Yan'khun i dr. Nankin: Izd-vo Nankinskogo universiteta, 2015.].
17. Khal'bvakhs, Moris. Kollektivnaya pamyat' / per. Bi Zhan', Go Tszin'khua. Shankhai: Shankhaiskoe narodnoe izd-vo, 2002. [= Halbwachs M. La Mémoire collective. Bi Zhan', Go Tszin'khua. Shankhai: Shankhaiskoe narodnoe izd-vo, 2002.].
18. Arendt, Khanna. Istoki totalitarizma / per. Lin Syankhua. Pekin: SDX Joint Publishing Company, 2008. S. 9. [= Arendt H. The Origins of Totalitarianism. Lin Syankhua. Pekin: SDX Joint Publishing Company, 2008. S. 9.].

Strategies of new words formation in Chinese and Japanese in the 21st Century

Bahkmatova Anna

Postgraduate student; Institute of Asian and African Countries; Lomonosov Moscow State University; Chinese linguistics, interpreter (Chinese & English)

117152, Russia, Moscow, Donskoy district, Sevastopolsky ave., 3 room 5, sq. 7

 annabakhmatova@yandex.ru

Abstract. In the 21st century, globalization has led to the emergence of new objects, concepts, and phenomena, prompting the creation of new words and neologisms. Languages that use logographic writing systems possess a unique tool for recording neologisms, which enables them to coin new words not only through phonetic borrowings but also by creating compounds from meaningful character-morphemes that reflect the essence of the concepts they denote.

This article explores the strategies of recording and the methods of forming new words in 21st-century Chinese and Japanese, as well as the relationships between them. Particular attention is given to the potential mutual influence of Chinese and Japanese word-formation processes, considering the presence of neologisms in both languages that share identical or

similar logographic compositions. To identify the mechanisms of neologism formation and to determine the differences and intersections between the two languages, a sample of 70 high-frequency English neologisms—documented in the Oxford Dictionary after the year 2000—was compiled. These neologisms were grouped into seven thematic categories. For each English term, corresponding equivalents in Japanese and Chinese were identified and subsequently analyzed through comparative methods. The analysis reveals that Japanese tends to favor phonetic borrowings, whereas Chinese shows a stronger inclination toward calquing and the creation of new logographic compounds. In scientific vocabulary, both languages exhibit parallel word formation, wherein new words are independently coined in each language without direct borrowing from one another. Borrowings of neologisms from Japanese into Chinese are occasionally observed in scientific domains such as physics, chemistry, and medicine. However, borrowings from Chinese into Japanese are virtually nonexistent, aside from a few rare phenomena related to popular culture. Overall, globalization has contributed more to the growing lexical dependence of both languages on English than on each other.

Keywords: Japanology, Sinology, root compounding, linguistic globalization, word formation, phonetic borrowings, partial calques, calques, logography, neologisms

References (transliterated)

1. Van Fen'yan. Ieroglifika. Chanchun': Tszilin' ven'shi chuban'she, 1989. 986 s.
2. Yan Zhun'lu. Obshchie rassuzhdeniya o sovremennoi ieroglifike. Pekin: Chanchen chubanyshe, 2000. 285 s.
3. Khamatova A. A. Tendentsii razvitiya leksiki kitaiskogo yazyka v nachale XXI veka // Vestnik Irkutskogo gos. inv. un-ta. 2012. № 4 (21). S. 9-13.
4. Khamatova A. A. Slovoobrazovanie sovremennogo kitaiskogo yazyka. M.: VKN, 2022. 232 s.
5. Arakava Kiekhide. Znachenie ieroglifov v sovremennom yaponskom yazyke // Sopostavitel'nye issledovaniya yaponskogo i kitaiskogo yazykov. 1986. № 11. S. 71-84.
6. Chen' Livei. Vasei-kango i kitaiskii yazyk // Ezhegodnik Tsentra sravnitel'nogo yaponovedeniya Universiteta Otyanomidzu. 2012. № 8. S. 217-222.
7. Chen' Shenbao. Kitaiskie zaimstvovaniya v yaponskom yazyke. Kioto: Institut yaponovedeniya, 1997. 91-i forum Instituta yaponovedeniya. S. 1-33.
8. Maevskii E. V. Leksicheskaya "revolyutsiya Meidzi" // Aktual'nye voprosy yaponskogo i obshchego yazykoznaniya: Pamyati I. F. Vardulya / Otv. red. V. M. Alpatov, M. Shalyapina. M.: Vost. lit., 2005. S. 245-255.
9. Strizhak U. P. Osnovy teorii i praktiki yaponskoi ieroglifiki. M.: Monogatari, 2012. 143 s.
10. Semenas A. L. Leksika kitaiskogo yazyka. M.: Vostok-Zapad, 2005. 280 s.
11. Gorelov V. I. Leksikologiya kitaiskogo yazyka. M.: Prosveshchenie, 1984. 216 s. EDN: WAVIYJ.
12. Tsutomu Akamatsu. Khaos v yaponskoi leksike // Lingvistika. 2020. № 56 (2). S. 3-18.
13. Shafeeva V. E., Guruleva T. L. Angloyazychnye zaimstvovaniya v sovremennom kitaiskom yazyke // Nauchnoe obozrenie. Referativnyi zhurnal. 2018. № 2. S. 44-49.
14. Perfil'eva N. V., Khu Peipei. Sposoby assilyatsii angliiskikh zaimstvovaniy v kitaiskii yazyk // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2018. T. 9. № 2. S. 287-301. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-287-301. EDN: XREMYH.

15. Sushkova I. M., Sun' Naisyui. Inoyazychnaya leksika v sovremennom kitaiskom yazyke // Vestnik nauki Sibiri. 2014. № 1 (11). S. 188-192. EDN: SCJVNБ.
16. Chzhan Ke. Ponimanie termina "zaimstvovannoe slovo" v russkoi i kitaiskoi lingvistike // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2017. T. 8. № 3. S. 724-734. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-724-734. EDN: ZIONGX.
17. Pashkovskii A. A. Slovo v yaponskom yazyke // Pod obshch. red. i s predisl. I. F. Vardulya. Izd. 2-e, ispr. M.: KomKniga, 2006. 306 s. EDN: HPMNVD.
18. Kraevskaya I. O., Mikhailova I. V. Osobennosti perevoda spetsial'noi leksiki sfery "Komp'yuternye tekhnologii" s angliiskogo na kitaiskii yazyk // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 10 (46). S. 1-6. doi: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.46.19>. EDN: FRYJKE.
19. Litovkina A. M. Vektory gosudarstvennoi yazykovoi politiki Rossii i Kitaya v otnoshenii natsional'nogo yazyka i dialektov (sopostavitel'nyi aspekt) // Russko-kitaiskie issledovaniya. 2022. T. 6, № 4. S. 295-302.
20. Siota Yudai. V podderzhku uvelicheniya inostrannykh slov v 6 raz. Issledovaniya variativnosti v yaponskom yazyke // NHK. 2022. № 1, dekabr'. S. 22-39.

Comparative analysis of lexical units as a tool for studying cultural and linguistic sovereignty in the works of N. A. Berdyaev

Ma Lin

Postgraduate student; Department of Russian Language and Teaching Methods; Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198

✉ LinMa2025@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of lexical units in the context of cultural and linguistic sovereignty, viewed through the prism of the works of Berdyaev. The purpose of the study is to identify lexical elements that serve as a reflection of cultural and linguistic sovereignty, as well as the philosophical views of the author, which allows for a deeper understanding of the relationship between language, culture and philosophy. The methodology of the research is represented by the methods of comparative analysis (which allowed to compare the vocabulary presented in the works «Russian Idea...», «Self-knowledge...», «The Fate of Russia...», etc.), contextual analysis (made it possible to identify the influence of social, historical, cultural factors on the formation of the meanings of units in these works), interpretation of texts (ensures the analysis of units that form the cultural context and semantic connections). As a result of the study, it was established that the lexical units used by Berdyaev can be conditionally divided into two main groups: the first group is lexical units of cultural-linguistic sovereignty in the implicit mental sphere; the second group is lexical units of cultural-linguistic sovereignty in the explicit sphere of historical mentality. The obtained results of the study can be used in the development of methodological recommendations in the field of teaching philosophy and cultural studies, and can also become the basis for subsequent philological research. The novelty of the study is due to the fact that for the first time, within the framework of the analysis of Berdyaev's works «The Russian Idea...», «Self-Knowledge...», «The Fate of Russia...», etc., a systematization of vocabulary reflecting cultural and linguistic sovereignty is carried out, with an emphasis on its influence on the formation of domestic philosophical and cultural identity.

Keywords: vocabulary of explicit culturalism, vocabulary of russian messianism, vocabulary of russian orthodoxy, vocabulary assessing catholicism, cultural identity, explicit sphere, implicit mental sphere, comparative analysis, creativity of Berdyaev, cultural and linguistic sovereignty

References (transliterated)

1. Berdyaev N. A. Russkaya ideya: Osnovnye problemy russkoi mysli XIX v. i nachala XX v. – SPb.: Azbuka-klassika, 2008. – 315 s.
2. Berdyaev N. A. Samopoznanie: Opyt filosofskoi avtobiografii. – M.: Mir knigi: Literatura, 2010. – 414 s.
3. Berdyaev N. A. Sud'ba Rossii: Opyty po psikhologii voyny i natsional'nosti / predisl. L. Polyakova. – Reprint. vosproizvedenie izd. 1918 g. – M.: Izdatel'stvo MGU, 1990. – 240 s.
4. Berdyaev N. A. Filosofiya svobody. – Khar'kov: Folio; M.: Izdatel'stvo AST, 2002. – 732 s.
5. Khil'ko E. P. Yazykovaya reprezentatsiya natsional'no-kul'turnoi spetsifiki v rabote N. A. Berdyaeva "Russkaya ideya" // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – № 22 (203). – S. 130-135. EDN: NTNQKD
6. Pilyak S.A. Ponyatie kul'turnogo suvereniteta v strukture Osnov gosudarstvennoi kul'turnoi politiki // Filosofiya i kul'tura. 2023. № 4. S. 217-226. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.4.40391 EDN: VCXCEV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40391
7. Kornilov O. A. Yazykovye kartiny mira kak otrazheniya natsional'nykh mentalitetov: avtoref. dis. ... d-ra kul'tur.: 24.00.04. – M., 2000. – 45 s. EDN: NLSUZR
8. Egorova O. S., Kirillova O. A. "Svoboda" i "Volya" kak klyuchevye kontsepty russkoi kul'tury // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. – 2012. – T. 1. – № 4. – S. 161-167. EDN: PXIVNT
9. Karpov A. N. Problema stradaniya v filosofii N. A. Berdyaeva: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.13. – M., 2008. – 33 s. EDN: NKVUZF
10. Voitenko V. P., Sokolov V. A., Lubskii R. A. Kollektivizm i individualizm v Rossii kak predmet teoreticheskoi refleksii // Filosofiya prava. – 2019. – № 3 (90). – S. 71-77. EDN: MDVQAE
11. Safronov N. A. Kontseptsiya khristianskogo gosudarstva // NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. – 2020. – T. 45. – № 4. – S. 775-780. DOI: 10.18413/2712-746X-2020-45-4-775-780 EDN: LWIWPI
12. Kovaleva M. V., Telegin A. A. N. A. Berdyaev: fenomen tvorchestva v kul'ture // Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. – 2018. – T. 43. – № 3. – S. 465-469. DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-3-465-469 EDN: VNADKC
13. Vol'ter O. V. "Russkaya ideya". Istoriya i smysl: Kontseptsiya N. A. Berdyaeva: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.03. – Krasnodar, 2002. – 129 s. EDN: QDUPZP
14. Starodubets S. N. Ideologizirovannaya leksika kak yazykovoe vyrazhenie personalisticheskoi kartiny mira v diskurse N. A. Berdyaeva: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. – Orel, 2000. – 20 s. EDN: PNMNQM
15. Losskii N. O. Istoriya russkoi filosofii / predisl., s. 3-18 i komment. V. A. Kuvakina, M. A. Maslina. – M.: Vysshaya shkola, 1991. – 559 s.

Composition of negative emotions' naming in the Russian

language

Kukushkina Olga Vladimirovna

Doctor of Philology

Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department of the Faculty of Philology Moscow State University named after M.V. Lomonosov

117574, Russia, Moscow, Yasenevo district, Golubinskaya str., 7, room 2, sq. 379

✉ ovkukush@mail.ru

Sun Jialin

Postgraduate student of the Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

108802, Russia, Moscow, Kommunarka district, Novomoskovsky district, Maloe Ponomarevo str., 4, sq. 262

✉ 1094106440@qq.com

Abstract. The subject of the study in the article is the composition of Russian lexemes naming negative emotions. For this purpose, the content of the concept of "negativity" is considered. Attention is drawn to the fact that when using it, it is necessary to distinguish between emotions that bring suffering to the subject and emotions that are negatively assessed by society and the object to which they are directed. In addition, the issue of objective criteria is discussed, on the basis of which it is possible to separate the names of emotions from emotive vocabulary of another type - from the designations of manifestations of emotions. As a result, following O. N. Lyashevskaya and E. V. Paducheva, it is proposed to use as the main criterion for the presence of the function of naming an emotion in a lexeme its stable combinability with the words to experience, to feel and feeling. The second part of the article presents the results of applying this criterion to the preliminary list of candidate words. In its compilation, the material of semantic dictionaries and the division into groups of emotions proposed by L. G. Babenko in the dictionary "Alphabet of Emotions" were used. The analysis was carried out based on the search for collocates in the Main Corpus of the National Corpus of the Russian Language. As a result, from the original list, which included lexemes denoting not only emotions, but also their manifestations (events, qualities, etc.), nouns were extracted that most often mean what native Russian speakers characterize as names of negative feelings. The results obtained are presented in the form of complete lists of nouns distributed among groups of negative emotions. In conclusion, it is concluded that the applied method allows to establish the lexical core of Russian names of negative emotions, as well as to establish the most lexically differentiated groups of such emotions in the Russian language. Such groups turned out to be GRIEF, SHAME and HOSTILITY.

Keywords: analysis of lexical meaning, semantic groups, semantic dictionaries, corpus linguistics, collocates, combinability, negative emotions, names of emotions, category of emotiveness, comparison of languages

References (transliterated)

1. Babenko L. G. Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsii v russkom yazyke / L. G. Babenko. – Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1989. – 182 s.
2. Babenko L. G. Alfavit emotsii: slovar'-tezaurus emotivnoi leksiki / L. G. Babenko. – Ekaterinburg; Moskva: Kabinetnyi uchenyi, 2021. – 432 s.
3. Vezhbetskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie: [per. s angl.] / A. Vezhbetskaya; otv. red. i

- sost. M. A. Krongauz; vstup. st. E. V. Paduchevoi. – Moskva: Russkie slovari, 1996. – 411 s.
4. Dal' V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka / V. I. Dal': v 4 t. – T. 2: I-O. – M.: RIPOl klassik, 2006.
 5. Efremova T. F. Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi / T. F. Efremova. – M.: Russkii yazyk, 2000.
 6. Lyashevskaya O. N., Paducheva E. V. Ontologicheskie kategorii imen emotsii / O. N. Lyashevskaya, E. V. Paducheva. // Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2: Informatsionnye tekhnologii. – 2021. – № 3. – S. 45-50.
 7. Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii / T. 3. RAN. In-t rus. yaz.; Pod obshchei red. N. Yu. Shvedovoi. – M.: Azbukovnik, 1998.
 8. Slovar'-tezaurus sinonimov russkoi rechi: 600 klyuchevykh ponyatii, 8000 sinonimicheskikh ryadov, 47 slov-sinonimov / red. L. G. Babenko. – Moskva: AST-PRESS, 2007. – 512 s.
 9. Sun' Tszyalin', Kukushkina O. V. Opisanie emotivnoi leksiki v russkikh semanticheskikh slovaryakh / Sun' Tszyalin', O. V. Kukushkina. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. – 2025. – № 1. – S. 98-108. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-01-8.
 10. Brown R. W., Ford M. Address in American English // Language in culture and society / ed. D. H. Hymes. – New York: Harper and Row, 1964. – P. 234-244.

Influential Women of St. Petersburg in Business Journalism: Media Portrait and Professional Status

Chernova Anastasia Nikolaevna

Postgraduate student; Institute 'Higher School of Journalism and Mass Communications'; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9

✉ anastasiamurzinaa@gmail.com

Abstract. The object of the study is the media image of a successful woman in business journalism. The subject of the research is the professional status in the media portrait of an influential woman from Saint Petersburg according to the newspaper "Delovoy Peterburg." The author examines aspects of the topic such as the visibility of journalistic material in a business publication, the alignment of the media image of women with national security interests, and the impact of the media portrait on public perception of female role models. Special attention is given to understanding women's roles within the family, which are particularly significant for women's successful self-realization in society. The method or methodology of the research: using the method of content analysis on the materials of a special issue of the leading business newspaper in the Northwestern region, "Delovoy Peterburg" No. 25 (6081) dated March 7, 2025, the media image of a contemporary influential woman from Saint Petersburg was identified in terms of media portrait and professional status. The empirical basis of the research consisted of 100 photos and texts. The novelty of the research lies in identifying the relevant media image of an influential woman from Saint Petersburg based on primary data derived from the materials of the leading business publication in the Northwestern region; a scientific definition of the concept "media portrait" is proposed. The main findings of the study include assumptions about the portrait of a businesswoman: a blonde with straight loose hair and Slavic appearance, around 50 years old.

The most likely name is Elena. Possession of higher education, possibly a doctoral degree, is mandatory. The professional status may be designated as director, owner, or manager; the field of activity includes power, culture, or education. The media image of an influential woman should be conveyed not only through image and text but also contain information about professional status and family situation. A particular contribution of the author to the study of the topic is the identification of the compatibility of family and career within the female role model, as well as noting the insufficiency of this data in the media image of an influential woman from Saint Petersburg.

Keywords: image of a woman, influential woman, mediatization, marital status, business woman, media portrait, professional status, business publication, media image, Media

References (transliterated)

1. Barinova O.G. Irratsional'nye ustanovki v formirovanii professional'noi identichnosti studentov meditsinskogo vuza: bikheviortal'no-kognitivnyi podkhod // Mezhekul'turnaya kommunikatsiya v obrazovanii i meditsine. 2022. № 1. S. 76-89. EDN: ETSXGC.
2. Bart R. Camera lucida. Kommentarii k fotografii / per. s fr., poslesl. i komment. M. Ryklina. M.: Ad Marginem Press, 2011.
3. Bezzubenko O.I. Brend-status vracha kak osnova professional'nogo i lichnostnogo rosta meditsinskogo spetsialista // Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika. 2022. T. 21, № 7. S. 103-104. DOI: 10.15829/1728-8800-2022-3349 EDN: YBNQBM.
4. Bogdan E.N. Mediaobraz Rossii kak ponyatie teorii zhurnalistiki // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Zhurnalistika. 2007. № 4. C. 122-127. EDN: ICDAKV.
5. Bykov S.A., Volkova N.A., Medyanik N.P. Primenenie pedagogicheskikh instrumentov formirovaniya professional'noi identichnosti: na primere studentov-pervokursnikov otraslevykh vuzov // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2022. № 12. S. 20-25. EDN: CBTNBG.
6. Vartanova E.L. SMI i zhurnalistika v prostranstve postindustrial'nogo obshchestva // Mediaskop. 2009. Vyp. 2. Rezhim dostupa: <http://www.mediascope.ru/node/352> (data obrashcheniya: 02.05.2016). EDN: ONHOVF.
7. Vliyanie rechevogo povedeniya na sotsial'nuyu rol' i professional'nyi status vracha / I.O. Bugaeva, N.A. Kloktunova, M.I. Barsukova, Z.E. Kudasheva // Meditsinskaya nauka i obrazovanie Urala. 2022. T. 23, № 4(112). S. 164-169. DOI: 10.36361/18148999_2022_23_4_164 EDN: CNNGRM.
8. Vyzulina K.S. Professional'naya identichnost' studentov na pervom etape uchebno-professional'noi deyatel'nosti // International Journal of Medicine and Psychology. 2023. T. 6, № 6. S. 136-141. EDN: UMIWQU.
9. Galinskaya T.N. Ponyatie mediaobraza i problema ego rekonstruktsii v sovremennoi lingvistike // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 11(160). S. 91-94. EDN: RSXGRN.
10. Golovanova E.I. Kategoriya professional'nogo deyatelya: Formirovanie. Razvitie. Status v yazyke / E. I. Golovanova. Chelyabinsk: Nauka, 2004. EDN: RQEGZ.
11. Erofeeva I.V., Mel'nik G.S., Zaikina N.M. Mediaobraz Respubliki Krym: model' mira rossiiskogo studenta // Regionologiya. 2020. T. 28, № 3(112). S. 516-542. DOI: 10.15507/2413-1407.112.028.202003.516-542 EDN: KSRGJD.
12. Zubanova L.B. Sovremennoe mediaprostranstvo: podkhody k issledovaniyu i printsipy interpretatsii // Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv. 2008. № 2(14). S. 6-17. EDN: JXEKLH.

13. Kravchenko A.I. Vybor professii kak sotsiologicheskii fenomen: voprosy teorii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. 2017. T. 23, № 1. S. 49-66. EDN: YQPSFB.
14. L'vova S.V. Formirovanie professional'nogo samoopredeleniya u studentov // Vysshaya shkola: opyt, problemy, perspektivy: materialy XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 25 iyunya 2022 goda. – M.: Rossiiskii universitet druzhby narodov (RUDN), 2022. S. 249-254. EDN: EOXKJE.
15. Mel'nik G.S., Misonzhnikov B.Ya. Lingvisticheskie priemy antirossiiskoi propagandy – novyi trend massmedia Germanii // Gumanitarnyi vektor. 2020. T. 15, № 5. S. 99-109. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-99-109 EDN: NYKAZB.
16. Sidorskaya I.V. Ob upotreblenii terminov "obraz" i "imidzh" v russkoyazychnykh issledovaniyakh problemy mediareprezentatsii territorii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika. 2021. № 3. S. 173-197. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2021.173197 EDN: OLFPIQI.
17. Simakova S.I. Vizual'nyi obraz – osnova formirovaniya vizual'nogo yazyka kommunikatsii // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2020. № 3(37). S. 89-94. DOI: 10.24411/2070-0695-2020-10313 EDN: QWXARM.
18. Simakova S.I. "Tsivilizatsiya glaza": spetsifika vizual'noi reprezentatsii sobytiya // Gumanitarnyi vektor. 2020. T. 15, № 1. S. 125-133. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-1-125-133 EDN: ZQEUXE.
19. Simakova S.I., Kvasha D.I. Mediaobraz kak odna iz sostavlyayushchikh formirovaniya mediaesteticheskogo koda regiona // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2023. T. 29, № 1. S. 28-38. DOI: 10.15826/izv1.2023.29.1.003 EDN: CMVESL.
20. Skripkina T.P. Sotsial'nye predstavleniya o legitimizatsii agressii u voennosluzhashchikh s raznym professional'nym statusom // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. 2022. № 1(58). S. 6-18. DOI: 10.33463/2072-8336.2022.1(58).006-018 EDN: QKKOCZ.
21. Suvorova O.V., Selukova N.S., Mazurova E.V. Psikhologicheskaya gotovnost' k professional'nomu obshcheniyu budushchikh pedagogov: k probleme ontologicheskogo statusa ponyatiya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta voisk natsional'noi gvardii. 2024. № 1(26). S. 137-149. EDN: LWQBFI.
22. Tarasova A.N. Pragmaticheskii potentsial kompozitsii frantsuzskogo media-portreta // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2014. № 10(696). S. 256-267. EDN: SGEXIP.
23. Tsyann' Ch., Mel'nik G.S. Mediaobraz Rossii v kitaiskikh internet-memakh // Rossiisko-kitaiskie issledovaniya. 2021. T. 5, № 1. S. 46-55. DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(1).46-55 EDN: WBFYSQ.
24. Chubar' P.I. Vizual'nyi i medial'nyi povoroty skvoz' prizmu osmysleniya sovremennoi kul'tury // Molodezhnyi vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury: sb. st. aspirantov, magistrantov, studentov: pril. k zhurn. "Vestnik SPbGUKI". SPb. 2016. № 1. S. 5-7. EDN: XHQXYV.
25. Chumikov A.N. Sovremennoe informatsionnoe pole: smysly, problemy, kommunikatsionnye resheniya // Rossiiskaya shkola svyazei s obshchestvennost'yu. 2015. № 6. S. 32-43. EDN: TXOJHH.
26. Chumikov A.N. Sotsiologicheskii instrumentarii v izmereniyakh mediinogo kontenta // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2023. № 1(47). S. 89-98. EDN: HQJOWG.
27. Shuklina E.A. Prepodavateli vuzov o sotsial'nom blagopoluchii v sfere professional'noi

- deyatel'nosti // Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2022. № 1. S. 20-34. DOI: 10.15593/2224-9354/2022.1.2 EDN: FBWDHQ.
28. Devi C.N., Singh K.I., Kumar A.R. Gender Inequality and Equality: A Conceptual Analysis // African Journal of Biomedical Research. 2024. No. 27(6C). Pp. 264-266.
 29. Du X. An Analysis of the Alienation of Womens Selfhood by Gender Culture Communication in the New Media Era // Communications in Humanities Research. 2025. No. 64(1). Pp. 104-108.
 30. Fox J., Mano I. A duoethnography: female academics' experiences of gendered health issues at the intersection of middlescence, ethnic origin, social and professional status in the neoliberal academy // Journal of Organizational Ethnography. 2024. No. 13(3). Pp. 333-351.
 31. Ginoy M., Rosales E.F., Martelino I.F., Malonisio C.C., Ruance C.C., Beltran L.A., Nabayra J.N., Ampoyos R.J.A., Dalida R.M.I., Opinion B.C. Examining the Professional Profile and Employment Status of Teacher Education Graduates from 2010-2015 // Educational Administration Theory and Practice. 2023. No. 30(1). Pp. 112-124.
 32. Melay S. A critical examination of the professional status of school learning support staff in England // Fields journal of Huddersfield student research. 2024. No. 2(1). Pp. 1-18.
 33. Moorhead B., Otani K., Bowles W., Baginsky M., Bell K., Ivory N., Mackenzie H., Savaya R. Toward a definition of professional identity for social work: Findings from a scoping review // British Journal of Social Work. 2025. No. 55(2). Pp. 877-896.
 34. Nicholas J.C., Grafenauer S. Investigating pre-professional dancer health status and preventative health knowledge // Frontiers in Nutrition. 2024. No. 10. Pp. 1-11.
 35. Oukhheda M., Derouiche A., Kettani A., Saile R., Hassan T. Subjective sleep quality and nutritional status among male professional football players in competition from Morocco // The Journal of Physical Fitness and Sports Medicine. 2025. No. 14(2). Pp. 43-53.
 36. Rakei A., Bhattacharya J. Professional Status Matters: Differences in Flow Proneness Between Professional and Amateur Contemporary Musicians // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. 2024. Advance online publication: <https://dx.doi.org/10.1037/aca0000674> EDN: SZKEGY.
 37. Rizvi M. Juxtaposition of being professional and becoming professional: lessons from a nationwide study on teachers' conceptions of their professional status // Frontiers in Education. 2023. No. 8. Pp. 1-18. DOI: 10.3389/educ.2023.1201627 EDN: HRQMYQ.
 38. Silverstone R. Media and Morality: On the Rise of the Mediapolis. Cambridge: Polity Press, 2006.
 39. Wang Z. The Dilemma and Breakthrough of Gaming Dream: A Study on the Survival Status and Career Path of Semi-Professional Gaming Youths // Advances in Social Behavior Research. 2025. No. 15(1). Pp. 1-4.

Features of the expression of instrumental meaning in the speech of Russian children and Chinese students studying Russian as a foreign language.

Wang Lina

graduate student

199058, Russia, Leningrad region, Saint Petersburg, Morskaya nab., 39, sq. 48

Abstract. The subject of the research is the peculiarities of expressing instrumental meaning in the speech of Russian children and Chinese students learning Russian as a foreign language. The article examines prepositional-case constructions with instrumental meaning and the specifics of their acquisition during language learning as both a first and second language. The main aim is to identify the features of expressing instrumental meaning in children's speech and the speech of Chinese language speakers learning Russian as a foreign language. The article analyzes the responses chosen by native speakers of Chinese and Russian during a linguistic experiment in the context of a task to describe a picture. The material was obtained during an experiment in which participants (25 Russian-speaking children aged 4-8 and 25 native Chinese speakers) described pictures using designated words. In the analysis of the experimental data obtained, a comparative and descriptive method was employed. Those learning Russian as a first and second language implicitly formulate internal rules for choosing forms to express instrumental meaning and make errors due to the specifics of this fragment of the language system. In the initial stages, language speakers and non-native speakers resort to a simplification strategy, using the accusative case without a preposition in a general object meaning. Then, the main means become the forms of the instrumental case: for children without a preposition, and for non-native speakers – both without a preposition and with the preposition "c." In later stages, differentiation occurs in ways of expressing instruments, means, and transport. The scientific novelty of the proposed work lies in the analysis of strategies for mastering case meanings, which helps to uncover similarities and differences in the process of acquiring Russian as a native and as a foreign language, and to clarify understandings of access routes to the mental lexicon at the initial levels of proficiency. The results obtained can be used for preparing students in the fields of "Linguistics" and "Methodology" as well as in the practice of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: case meaning, foreign language, speech errors, Russian as a second language, Russian as a first language, prepositional-case constructions, ontolinguistics, instrumental meaning, child speech, instrumentative

References (transliterated)

1. Azarova I. V., Zakharov V. P., Moskvina A. D. Semanticheskaya struktura russkikh predlozhenno-padezhnykh konstruktsii // Komp'yuternaya lingvistika i vychislitel'nye ontologii - Internet i sovremennoe obshchestvo. SPb.: Sankt-Peterburgskii gos. un-t, 2018. S. 9-16.
2. Barakhta A. V. Mezhyazykovaya interferentsiya v ispol'zovanii anglogovoryashchimi russkikh sluzhebnykh chastei rechi // Rema. Rhema. 2022. № 4. S. 117-127. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-117-127. EDN: XAQNМК.
3. Beloshapkova V. A., Muravenko E. V. Sposoby vyrazheniya instrumental'nogo znacheniya v russkom yazyke // Russkii yazyk za rubezhom. 1985. № 6. S. 78-83.
4. Belyaeva E. V. Kognitivnye mekhanizmy vozniknoveniya rechevykh oshibok pri usvoenii russkogo yazyka v inoyazychnoi auditorii: na materiale oshibok kitaiskikh studentov: avtoref. dis. ... k. fil. n. Omsk, 2004. EDN: ZMXPDB.
5. Valizade Kh. K. Voprosu o instrumental'nykh znachenyakh russkikh padezhei v zerkale persidskogo yazyka // Russkii yazyk za rubezhom. 2021. № 1. S. 57-63.
6. Vardits V. Grammatika russkogo yazyka diaspor: variativnost' ili yazykovoi sdvig? //

- Russkaya grammatika: aktivnye protsessy v yazyke i rechi. Yaroslavl': Izd-vo YaGPU, 2019. S. 38-47. EDN: XJPW DU.
7. Vsevolodova M. V., Vladimirskii E. Yu. Sposoby vyrazheniya prostranstvennykh znachenii v russkom yazyke. M.: Izdatel'stvo LKI, 2008. EDN: QTLCBZ.
 8. Galkina E. V., Krasnoshchekova S. V. Tipichnye oshibki v rechi detei-doshkol'nikov v usloviyakh russo-kirgizskogo bilingvizma // Vestnik NGU. 2024. № 2. S. 93-103.
 9. Dzhankhotova Z. Kh., Gorbuninskaya E. I., Kokova E. L. Mezhd'yazykovaya interferentsiya v russkoi rechi turetskikh studentov // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 2. S. 186-190. EDN: VJUIIX.
 10. Zolotova G. A. Sintaksicheskii slovar': repertuar elementarnykh edinits russkogo sintaksisa. M.: Nauka, 1988.
 11. Ivanova T. A. Imya sushchestvitel'noe v aspekte RKI: uchebnoe posobie. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2003.
 12. Kruglyakova T. A. Osvoenie sposobov vyrazheniya instrumental'nogo znacheniya v rechi russkoyazychnogo rebenka // Russkaya grammatika v dialogue nauchnykh shkol, napravlenii, metodov. Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2022. S. 271-278. EDN: OTMORP.
 13. Leont'ev A. A., Koroleva T. A. Metodika: Zarubezhnomu prepodavatelyu russkogo yazyka. M.: Russkii yazyk, 2012.
 14. Pozdnyakova A. A. Lingvodidakticheskie metody preodoleniya interferentsii v rechi studentov-bilingvov // Prepodavatel' XXI vek. 2012. № 3. S. 161-165. EDN: PXBKGT.
 15. Slobin D., Grin Dzh. Psikholingvistika / Perevod s angliiskogo E. I. Negnevitskoi; Pod obshchei redaktsiei i s predisloviem doktora filologicheskikh nauk A. A. Leont'eva. M.: Progress, 1983. 336 s.
 16. Selimova Z. O., Khodzhaeva Sh. I. Grammaticheskaya interferentsiya v usloviyakh lezginsko-russkogo dvuyazychiya (na materiale podchinitel'nykh slovosochetanii) // Izvestiya DGPU. 2016. № 1. S. 93-97.
 17. Unezheva M. K. Trudnosti, vznikayushchie u arabskikh studentov pri izuchenii padezhnoi sistemy russkogo yazyka // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 11. S. 202-205. EDN: WTIEVF.
 18. Kholodkova M. V. Prepodavanie russkoi padezhnoi sistemy sushchestvitel'nykh v angloyazychnoi auditorii: problema interferentsii i puti ee resheniya // Vestnik Tambovskogo gos. un-ta. 2012. № 4. S. 275-278.
 19. Tseitlin S. N. Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi. M.: Znak, 2009.
 20. Tseitlin S. N., Kruglyakova T. A. Padezhnaya sistema v protsesse osvoeniya russkogo yazyka kak pervogo i vtorogo // Rusistika. 2024. № 1. S. 135-149. DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-1-135-149. EDN: QTISXN.
 21. Tseitlin S. N. Yazykovye pravila i ikh narushenie v rechi detei i vzroslykh // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. 2020. № 196. S. 7-17. DOI: 10.33910/1992-6464-2020-196-7-17. EDN: JVIQCH.
 22. Babyonyshev M. Acquisition of the Russian case system. // MIT working papers in linguistics. 1993. No 19. P. 1-43.
 23. 现代汉语词典/中国社会科学院语言研究所词典编辑室/ 第7版. 北京: 商务印书馆, 2016(2016.9重印)1000. (Sovremennyi kitaiskii slovar' Instituta yazykoznaniya Kitaiskoi akademii obshchestvennykh nauk / 7-e izdanie. Pekin: Kommercheskoe izdatel'stvo, 2016 (pereizdanie v sentyabre 2016 g.) 1000 s.)
 24. 陈昌来. 汉语语义结构中工具成分的性质[J]. 世界汉语教学, 1998(02): 23-27. (Chen' Chanlai.

Priroda instrumental'nykh komponentov v kitaiskoi semanticheskoi strukture [J].

Obuchenie kitaiskomu yazyku v mire, 1998(02). S. 23-27.)

25. 马建忠, 马氏文通校注. 北京: 商务印书馆, 1998. - 448 s. (Ma, Tszyan'chzhun. Pekin:

Kommercheskoe izdatel'stvo, 448 s.)

Formal elements of postmodernism: a comparative analysis of the novels *House of Leaves* by Mark Z. Danielewski and *2666* by Roberto Bolaño

Novikau Artur Viktorovich

Postgraduate student, Department of Foreign Literature, Gorky Literary Institute

123104, Russia, g. Moscow, ul. Tverskaya, 25 str.1

✉ art14ek@tut.by

Abstract. The subject of this study is the implementation of key poststructuralist and postmodernist ideas in Mark Z. Danielewski's "House of Leaves" and Roberto Bolaño's "2666". The object of the research is these novels themselves, examined as works of postmodern literature through the lens of philosophical concepts such as Michel Foucault's discourse and genealogy, the "death of the author" as formulated by Roland Barthes and Michel Foucault, Jacques Derrida's deconstruction, the rhizome, desiring-machines, and the body without organs developed by Gilles Deleuze and Félix Guattari, Barthes' notion of myth as a secondary semiotic system, and Jean Baudrillard's theory of the consumer society. The author closely analyzes such aspects of the topic as the novels' multilayered discursive structures, the mechanisms by which philosophical concepts are implemented, and their influence on the reader's perception. Particular attention is paid to the interrelation between philosophical ideas and literary technique, the formation of a new textual reality, and the critical rethinking of classical narrative forms. The methodological foundation of the research is based on poststructuralist and comparative approaches to textual analysis, previously tested by the author in the study of *House of Leaves*. The novelty of the research lies in its integrative approach to analyzing *House of Leaves* and *2666*, which are here examined together for the first time through the lens of a broad range of poststructuralist concepts. The main conclusions of the study confirm the hypothesis that poststructuralist methods are productive for analyzing both texts and reveal the specific ways in which philosophical ideas are realized. The author's particular contribution lies in the detailed description of the workings of such concepts as discourse, genealogy, the "death of the author," deconstruction, desiring-machines, and the body without organs, as well as the substantiation of the idea that the texts of Danielewski and Bolaño function as open, rhizomatic, and decentralized structures. The study demonstrates that both novels enact a model of writing in which meaning is not fixed but exists in constant motion and transformation—an insight that enables a deeper understanding of the mechanisms of meaning production and disappearance in postmodern literature and contemporary culture as a whole.

Keywords: The body without organs, Post-structuralism, The Desire Machine, *House of leaves*, Simulacrum, Genealogy, Rhizome, Deconstruction, Discourse, Postmodernism

References (transliterated)

1. Danilevskii M.Z. *Dom list'ev: roman* / Per. s angl. D. Bykova i dr. Ekaterinburg: Gonzo, 2016. – 750 s.
2. Bolan'o R. *2666: roman* / Per. s ispan. M. Osipovoi. M.: AST, 2023. – 908 s.

3. Fuko M. *Arkheologiya znaniya*. Per. s fr. K.: Nika-Tsentr, 1996. – 208 s.
4. Fuko M. *Slova i veshchi*. SPb.: A-cad : Talisman, 1994. EDN: SHJDHP. – 405 s.
5. Fuko M. *Nitsshe, genealogiya, istoriya // Nitsshe i sovremennaya zapadnaya mysl'*. SPb.: Evropeiskii un-t, 2003. EDN: VVSVHL. – S. 532-560.
6. Fuko M. *Chto takoe avtor? // Volya k istine*. M.: Kastal', 1996. – S. 7-47.
7. Bart R. *Smert' avtora // Izbrannye raboty*. M.: Progress, 1989. – S. 384-392.
8. Bart R. *Mifologii*. M.: Akademicheskii proekt, 2019. – 351 s.
9. Bodriyar Zh. *Obshchestvo potrebleniya*. M.: Respublika; Kul'turnaya revolyutsiya, 2006. EDN: QWMWQB. – 269 s.
10. Derrida Zh. *Pis'mo k yaponskomu drugu // Voprosy filosofii*. 1992. – S. 53-57.
11. Derrida Zh. *Golos i fenomen i drugie raboty po teorii znaka Gusserlya*. SPb.: Alteya, 1999. – 208 s.
12. Derrida Zh. *O grammatologii*. M.: Ad Marginem, 2000. EDN: SMWHKZ. – 512 s.
13. Derrida Zh. *Pozitsii*. M.: Akademicheskii proekt, 2007. – 160 s.
14. Delez Zh., Gvattari F. *Anti-Edip*. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2008. – 672 s.
15. Delez Zh., Gvattari F. *Tysyacha plato*. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel', 2010. – 895 s.
16. Delez Zh. *Logika smysla*. M.: Akademicheskii proekt, 2011. EDN: QXABFT. – 472 s.
17. Maklyuen G.M. *Ponimanie media*. M.: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole, 2003. – 464 s.
18. Novikov A.V. «Dom list'ev» i problema postmodernistskogo khronotopa // *Litera*. 2022. № 6. S. 164-174. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.6.38300 EDN: PCEQBC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38300
19. Novikov A.V. *Genealogiya, diskurs i "smert' avtora" kak figury poetiki v romane Marka Z. Danilevskogo "Dom list'ev" // Litera*. 2024. № 3. – S. 163-166.
20. Novikov A.V. *Drevo "Iggdrasil" kak simvolicheskii klyuch k interpretatsii romana "Dom list'ev" // Litera*. 2024. № 1. – S. 114-143.
21. Novikov A.V. *Mark Z. Danilevskii "Dom list'ev": poetika simulyakrov // Litera*. 2024. № 2. – S. 19-34.
22. Huber S. *A House of One's Own: House of Leaves as a Modernist Text // In: Revolutionary Leaves*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2012. Pp. 123-136.
23. Hayles N.K. *Saving the Subject: Remediation in House of Leaves // American Literature*. 2002. Vol. 74, No. 4. Pp. 779-806.
24. Sosyur F. de. *Kurs obshchei lingvistiki*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1999. – 432 s.
25. Danielewski M.Z. *House of Leaves*. New York: Pantheon Books, 2000. – 710 p.
26. Derrida, Jacques. *Archive Fever: A Freudian Impression*. Trans. Eric Prenowitz. Chicago: U of Chicago P, 1998. – 113 p.
27. Wu T. *Space and Sound: (Re)Composition in Mark Z. Danielewski's House of Leaves*. Master's thesis, Brown University, 2019. – 38 p.
28. Bodriyar Zh. *Simvolicheskii obmen i smert' / Per. s fr., vstup. st. S.N. Zenkina*. M.: Dobrosvet; Izd-vo "KDU", 2019. EDN: ZTNBHY. – 392 s.

Mechanisms for constructing propaganda messages in the media

Graduate student; Department of Methods and Technologies of Modern Propaganda and Counter-Propaganda;
Russian State Social University Senior Content Analyst; Presidential Foundation for Cultural Initiatives

4 Wilhelma Peak St., Moscow, 129226, Russia

✉ sergdmgoncharov@yandex.ru

Baranova Ekaterina Andreevna

Doctor of Philology

Professor; Department of Communication Management and Relationship Management; Russian State Social University

4 Wilhelma Peak St., Moscow, 129226, Russia

✉ kat-journ@yandex.ru

Abstract. The present study is a comprehensive analysis of manipulative influence technologies in modern media using the example of a coordinated campaign against Oleg Gazmanov (January 2023). The subject of the study are linguistic (emotive vocabulary, evaluative constructions), discursive (narrative strategies, framing) and network (algorithmic promotion, bot activity) mechanisms of constructing a negative media image of a public personality in the context of digital communication. The purpose of the work is to systematically identify and describe key technologies for creating and distributing propaganda content. The paper demonstrates how a combination of linguistic markers (clickbait headlines in 89% of cases) and network models (with a viralization rate of 4.3 publications per hour) transforms neutral events into large-scale media scandals. Special attention is paid to the processes of semantic distortion and artificial polarization of the audience. The content analysis of 147 publications and 3,218 user reactions (selected during the active phase of the media campaign) was carried out using quantitative (frequency calculation, percentage ratios) and qualitative methods (discourse analysis, linguistic analysis, identification of rhetorical techniques), including statistical data processing and linguistic analysis. The scientific novelty of the study lies in the application of a comprehensive analysis of media manipulation, combining linguistic (emotional-evaluative constructions, semantic distortions) and network (algorithmic distribution, bot activity) factors, unlike previous studies of media manipulation, focused either on linguistic aspects or on network dynamics separately. The mechanism of transformation of neutral events into scandals through artificial polarization of the audience is also revealed. The main conclusions: 1) modern media manipulation is a systemic process combining linguistic technologies and network algorithms: network algorithms (of social networks, search engines) identify and promote content with emotionally charged linguistic patterns; 2) effective counteraction requires comprehensive measures, including: a) automated monitoring of semantic distortions, b) regulation of social network algorithms, c) educational programs on media literacy. The results obtained open up new prospects for the development of digital hygiene technologies and the protection of the information space; 3) The social consequences of media manipulation are revealed: cognitive dissonance of the audience, value erosion, reputational damage through the mechanism of "guilt by association". The results can be used to develop information security measures, including regulatory and educational programs.

Keywords: media convergence, fake news, disinformation, propaganda, information polarization, semantic distortion, virality, clickbait, negative content, media manipulation

References (transliterated)

1. Ashrapova A. Kh. Yazykovaya manipulyatsiya v trudakh otechestvennykh i

- zarubezhnykh uchenykh: teoreticheskie voprosy terminologii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. T. 15, vyp. 9. S. 2771-2778. DOI: 10.30853/phil20220493. EDN: DUREGY.
2. Adam'yants T. Z. Sotsial'naya kommunikatsiya. M.: IS RAN, 2005. 158 s. EDN: QOEPOV.
 3. Alekyan M., Eritsyan E. Epokha gospodstva informatsionnykh potokov i kiber-protivostoyanii: kak vystoyat' i "ne zabludit'sya" // Region i mir. 2022. № 1. S. 101-104. EDN: JUXVDW.
 4. Baranova E.A., Bocharov I.I. Problema realizatsii kul'turoformiruyushchei funktsii v otechestvennykh SMI // Litera. 2023. № 7. S. 1-14. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.43477 EDN: RVZEV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43477
 5. Balditsyn P. V. Tekhnologiya sozdaniya negativnogo obraza Donal'da Trampa v zhurnale "N'yu-Iorker" // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika. 2021. № 1. S. 168-182. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.175191. EDN: WGRRFV.
 6. Vinogradova S. A. Rehevaya manipulyatsiya tsifrovoy informatsiei // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2011. № 2. S. 86-91. EDN: NRXOXJ.
 7. Grigoryan D. K. Feikovyie novosti v epokhu tsifrovizatsii: tekhnologii protivodeistviya rasprostraneniyu // Yurist-Pravoved". 2024. № 3 (10). S. 132-136. EDN: LLHIMJ.
 8. Zhilavskaya I. V. Mediaobrazovanie molodezhi: monografiya. M.: RITs MGGU im. M. A. Sholokhova, 2013. 243 s. EDN: RVPRXB.
 9. Zhuravlev D. M. Tsifrovaya statistika kak sredstvo yazykovogo manipulirovaniya v SMI // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. 2024. № 1 (122). S. 13-21. DOI: 10.37972/chgpu.2024.122.1.002. EDN: OYTEWE.
 10. Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniem. M.: Eksmo, 2008. 862 s. EDN: QOIUMT.
 11. Kak Prezidentskii fond kul'turnykh initsiativ prevratili v fond propagandy voiny - luchshie teksty "Sireny" 2022 goda // Sirena: TG-kanal. URL: https://t.me/news_sirena/10413 (data obrashcheniya: 24.03.2025) (*telegramm-kanal "Sirena" priznan Minyustom inostrannym agentom*).
 12. Luchshie artisty strany - 2022 // VTsIOM: sait. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/luchshie-artisty-strany-2022> (data obrashcheniya: 24.03.2025).
 13. Mel'nikova E. A. Vliyanie zagolovkov novostnykh mediatekstov na psikhosferu chitatelya // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2021. № 6 (91). S. 392-394. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-691-392-394. EDN: MRHYRR.
 14. Oleg Gazmanov schitaet, chto seichas v Rossii dukhopod"emnye pesni nuzhny, kak vo vremya VOV // Orlovskaya sreda: internet-izdanie. URL: <https://orelsreda.ru/oleg-gazmanov-schitaet-chto-seychas-v-rossii-duhopodemnye-pesni-nuzhny-kak-vo-vremya-vov/> (data obrashcheniya: 24.03.2025).
 15. Oleg Gazmanov provodit konkurs patrioticheskikh pesen i sozdaet internet-bazu s nimi. Prezidentskii fond kul'turnykh initsiativ dal na eto 17 mln rublei // Sirena: TG-kanal. URL: https://t.me/news_sirena/10413 (data obrashcheniya: 24.03.2025) (*telegramm-kanal "Sirena" priznan Minyustom inostrannym agentom*).
 16. Solganik G. Ya. Yazyk SMI i politika. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2012. 952 s. EDN: WMGIZL.
 17. Chudinov A. P., Budaev E. V., Solopova O. A. Politicheskaya metaforologiya: Diskursivnyi povорот. M.: Flinta, 2020. 234 s. EDN: GUGOYK.

18. Bennett W. L., Livingston S. The Disinformation Age: Politics, Technology, and Disruptive Communication in the United States. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 328 p.
19. Chomsky N., Herman E. S. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. New York: Pantheon Books, 1988. 412 p.
20. Hameleers M., van der Meer T. G. Misinformation and Polarization in a High-Choice Media Environment: Does Media Type Matter? // The International Journal of Press/Politics. 2020. Vol. 25, No 2. P. 215-235.
21. Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. University of Oregon, 1991. URL: <http://metaphor.uoregon.edu/lakoff-l.htm> (data obrashcheniya: 07.04.2025).
22. Pennycook G., Rand D. G. The Psychology of Fake News // Trends in Cognitive Sciences. 2021. Vol. 25, No 5. P. 388-402. DOI: 10.1016/j.tics.2021.02.007. EDN: GPCPDG.

The specifics of using phraseological units in the artistic prose of V. Pelevin

Koveshnikova Anna Vladimirovna

Russian Language Department; Ryazan Higher Airborne Command School named after V.F. Margelov
Postgraduate student; Faculty of Russian Philology and National Culture; Ryazan State University named after
S.A. Yesenin

18 Dzerzhinskiy str., square 12, Ryazan, 390005, Russia, Ryazan region

✉ anutka.rodckina@yandex.ru

Abstract. The subject of this study is the techniques of individual-author transformation and construction of phraseological units. The object of this research is the language of the artistic prose of V. Pelevin. The aim of the study is to identify the specifics of the usage, transformation, and creation of authorial phraseological units in the artistic prose of V. Pelevin and to establish their relationship with the writer's idiolect. The article examines the transformations of phraseological units in the prose works of V. Pelevin and the stable combinations and expressions constructed by the writer as a characteristic feature of his idiolect. Special attention is given to studying the specifics of the phraseologisms created by the writer, which go beyond existing scientific classifications. The material for the study includes artistic works by V. Pelevin, covering the period from 2011 to 2024. The study employs methods of analysis, thematic classification, and systematization of linguistic material, contextual analysis, hermeneutic method, and descriptive-analytical method. The methodological framework consists of the works of V. V. Vinogradov, V. N. Telia, A. M. Melerovich, V. M. Mokiienko, N. A. Bozhko, and I. Yu. Tretyakova, dedicated to theoretical issues of transformation of phraseological units. As a result of the study, the specifics of the usage of phraseological units in the prose of V. Pelevin were identified. The main semantic and structural-semantic techniques of individual-author transformations of stable combinations and expressions were examined. It was established that the methods and techniques are more diverse and multifaceted than those in existing scientific classifications. Productive ways of constructing authorial stable combinations and expressions were identified. The main conclusion of the research is that individual-author transformations of phraseological units are a constitutive feature of V. Pelevin's idiolect. The scientific novelty of this study lies in the comprehensive examination and description of the techniques for transforming and creating authorial stable combinations and expressions, as well as the identification of

phraseological transformations as one of the characteristic features of V. Pelevin's idiolect.

Keywords: structural-semantic transformation, semantic transformation, phraseologisms, postmodernism, literary prose, V. Pelevin, idiolect, individual-author transformations, stable combinations, phraseological units

References (transliterated)

1. Abreimova G. N. Individual'no-avtorskie priemy preobrazovaniya frazeologicheskikh edinits v proizvedenii M.M. Prishvina "Kashcheeva tsep" // Filologos. 2017. № 35 (4). S. 5-12. EDN: ZXPVGJ.
2. Vairakh Yu. V., Kazorina A. V. Strukturno-semanticheskie modifikatsii frazeologicheskikh edinits v mediatekste // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 3-1 (69). S. 62-64. EDN: XWRTJT.
3. Ogol'tseva E. V. Nekotorye produktivnye sposoby transformatsii komparativnykh frazeologizmov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2021. № 2. S. 51-67. DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-51-67. EDN: YFPXON.
4. Koveshnikova A. V. Individual'no-avtorskaya transformatsiya frazeologicheskikh edinits v yazyke khudozhestvennoi prozy V. Pelevina // Slovo. Slovesnost'. Slovesnik: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelei i studentov, posvyashchennoi Godu pedagoga i nastavnika i Godu russkogo yazyka kak yazyka mezhnatsional'nogo obshcheniya SNG, Ryazan', 20 aprelya 2023 goda / Ryazanskii gosudarstvennyi universitet im. S.A. Esenina. Vypusk IKh. Ryazan': Individual'nyi predprinimatel' Konyakhin Aleksandr Viktorovich, 2023. S. 222-226. EDN: XFUEPM.
5. Vinogradov V. V. Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinits v russkom yazyke / otv. red. V. G. Kostomarov // Vinogradov V. V. Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya. M.: Nauka, 1977. 312 s.
6. Zhukov V. P. Semantika frazeologicheskikh oborotov. M.: Prosveshchenie, 1990. 160 s.
7. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i kul'turologicheskii aspekty. M.: Shk. "Yazyki rus. kul'tury", 1996. 284 s. EDN: SUMHNJ.
8. Melerovich A. M., Mokienko V. M. Okkazional'nye preobrazovaniya frazeologicheskikh edinits // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Izdatel'stvo: Yuzhno-ural'skii gosudarstvennyi gumanitarno-pedagogicheskii universitet. 2014. № 8. S. 234-252.
9. Malysheva N. V. Frazeologicheskie transformatsii v rechevoi deyatel'nosti i perevodcheskoi praktike (na materiale proizvedenii V. Vysotskogo i L. Filatova): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Komsomol'sk-na-Amure, 2008. 22 s. EDN: ZNTCFF.
10. Tret'yakova I. Yu. Ellipsis kak priem okkazional'nogo preobrazovaniya frazeologicheskikh edinits // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2011. T. 17, № 1. S. 97-100. EDN: OJPGNH.
11. Bozhko N. A. Individual'no-avtorskie preobrazovaniya frazeologicheskikh edinits v yazyke khudozhestvennoi prozy (na materiale proizvedenii V. Tokarevoi): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tyumen', 2015. 22 s. EDN: ZPOZHN.
12. Osokina E. A. Nekotorye osobennosti idiosyliya Dostoevskogo, Platonova, Pelevina: stepen' ob'ektivnosti pri opisani i tolkovanii teksta // Voprosy psikholingvistiki. 2020. № 3 (45). S. 96-109. DOI: 10.30982/2077-5911-2020-45-3-96-109. EDN: ITUCBM.
13. Kirpichnikova A. A. Yazykovye osobennosti postmodernistskogo romana i spetsifika

- ego perevoda (na primere romana V. Pelevina "Generation "P"" i ego perevoda E. Bromfilda) // Kazanskii lingvisticheskii zhurnal. 2018. T. 1, № 3. S. 86-93. EDN: TCWGJP.
14. Kritskaya N. V., Sidash V. V. Osobennosti peredachi idiosilya V. Pelevina v angliiskom perevode romana "Generation "P"" // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 4 (222). S. 34-40. DOI: 10.23951/1609-624X-2022-4-34-40. EDN: WFUJEW.
 15. Zimina I. V. Okkazional'nye transformatsii frazeologicheskikh edinits tematicheskogo polya "Chuvstva i emotsii" // Prepodavatel' XXI vek. 2020. № 2-2. S. 327-333. DOI: 10.31862/2073-9613-2020-2-327-333. EDN: XPORJP.
 16. Babaeva N. O. Aktualizatsiya frazeologicheskoi edinitsy i kontekst // Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire. 2020. № 4. S. 63-68. DOI: 10.25586/RNU.V925X.20.04.P.063. EDN: PYOXWR.
 17. Pelevin V. O. S.N.U.F.F. M.: Eksmo, 2023. 512 s.
 18. Pelevin V. O. Nepobedimoe Solntse. M.: Eksmo, 2020. 704 s.
 19. Pelevin V. O. Krut'. M.: Eksmo, 2024. 496 s.
 20. Pelevin V. O. iPhuck 10. M.: Eksmo, 2018. 480 s.
 21. Yusipova D. B. Substitutsiya kak priem frazeologicheskoi modifikatsii v zagolovkakh SMI // Vestnik Moskovskogo informatsionno-tehnologicheskogo universiteta - Moskovskogo arkhitekturno-stroitel'nogo instituta. 2024. № 1. S. 50-55. DOI: 10.52470/2619046X_2024_1_50. EDN: ZWKNPI.
 22. Pelevin V. O. TRANSHUMANISM. INC. M.: Eksmo, 2021. 608 s.
 23. Pelevin V. O. Puteshestvie v Elevsin. M.: Eksmo, 2023. 480 s.
 24. Pelevin V. O. Tainye vidy na goru Fudzi. M.: Eksmo, 2019. 416 s.
 25. Pelevin V. O. Iskustvo legkikh kasanii. M.: Eksmo, 2021. 416 s.
 26. Pelevin V. O. KGBT+. M.: Eksmo, 2022. 560 s.
 27. Efimova S. Yu. Eksplikatsiya kak mekhanizm obrazovaniya frazeologicheskikh edinits i ikh variantov: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Elets, 2005. 22 s. EDN: NIICAN.
 28. Pelevin V. O. Lampa Mafusaila, ili Krainyaya bitva chekistov s masonami. M.: Izdatel'stvo "E", 2018. 416 s.
 29. Pelevin V. O. Smotritel'. M.: OOO "Agentstvo FTM, Ltd.", 2021. 550 s.
 30. Lavrent'ev V. A., Logacheva E. V. Okkazional'noe slovo-i frazeotvorchestvo v khudozhestvennoi proze S.A. Esenina // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 483. S. 33-44. DOI: 10.17223/15617793/483/4. EDN: QMUOFQ.
 31. Russkii yazyk: entsiklopediya / gl. red. Yu. N. Karaulov. M.: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1997. 703 s.
 32. Vnukovskaya A. V. Kontaminatsiya frazeologizmov kak sredstvo rechevoi kharakteristiki personazhei v romane M. A. Sholokhova "Podnyataya tselina" // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2024. T. 24, № 2. S. 47-57. DOI: 10.37482/2687-1505-V333. EDN: KGFXRE.

The problem of translating the verbal component of political cartoons in English, Russian and French

Student; Faculty of Philology, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
The Messenger; Ararat Park Hyatt

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 13, 404

✉ 1032185893@pfur.ru

Lazareva Olesya Viktorovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of General and Russian Linguistics; P. Lumumba Peoples' Friendship University
of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ lazareva-ov@rudn.ru

Abstract. This article explores the linguistic and cultural characteristics of the verbal component in polycode political cartoons in Russian, English, and French, focusing on how these factors affect interpretation and perception in diverse sociocultural contexts. As a form of multimodal discourse, political cartoons integrate visual and verbal elements to produce complex ironic or sarcastic messages, whose translation presents both methodological and practical challenges. The object of the study is polycode political texts, while the subject is the verbal component, often saturated with cultural allusions, precedent phenomena, and stylistically marked language. The analysis demonstrates that even neutral or positively charged expressions, when juxtaposed with dark, absurd, or hyperbolic imagery, convey layered satirical meaning, which the translator must decode and render effectively. In intercultural communication, such texts often require not just linguistic equivalence but contextual adaptation and explanatory additions to preserve both the semantic and emotional depth of the original. The methodological framework of the study includes qualitative analysis, linguocultural and discourse-based approaches, as well as comparative and classification methods. The research material comprises a corpus of 90 political cartoons (30 in each language), selected through continuous sampling from open online sources. Based on the analysis, the article proposes an original typology of translatability for the verbal component, which includes three categories: fully translatable elements, partially translatable expressions, and those requiring adaptation or explanatory commentary. The choice of translation strategy depends on the genre specifics, visual context, and broader sociocultural conditions. Special attention is paid to the translator's role as an interpreter and cultural mediator, whose work demands a high degree of creativity, cultural awareness, and contextual sensitivity. The scientific novelty of the study lies in the development of a structured typology of translatability for the verbal component in political cartoons. This framework allows for a more precise selection of translation strategies based on textual characteristics, communicative goals, and cultural background. The findings contribute to a deeper understanding of cross-cultural interpretation mechanisms in satirical genres and expand the theoretical and practical foundation of multimodal translation studies.

Keywords: Cultural awareness, Base, Lexical meaning, Irony, Satire, Cultural context, Verbal component, Political cartoon, Polycode, Typology

References (transliterated)

1. Barabanova V.A. Politicheskaya karikatura i problema ee perevoda // Molodoi uchenyi. 2023. № 35 (482). S. 185-187.

2. Baranov A.N., Karaulov Yu.N. Russkaya politicheskaya metafora: materialy k slovaryu. M.: In-t russkogo yazyka AN SSSR, 1991.
3. Blinova O.A. Manipulyativnyi potentsial mul'timodal'nogo mediateksta (na materiale amerikanskoi politicheskoi karikatury) // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 1 (37). S. 22-27.
4. Voronina O.A. Karikatura kak vid kreolizovannogo teksta // Vestnik Tsentra mezhdunarodnogo obrazovaniya Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika. 2009. № 2. S. 14-18.
5. Voroshilova M.B. Kreolizovannyi tekst v politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2007. № 23. S. 73-78.
6. Guan' Shaoyan. Vliyanie pretsedentnykh fenomenov i metafor na protsess formirovaniya obraza strany v politicheskikh karikaturakh // Politicheskaya lingvistika. 2024. № 4 (106). S. 297-303.
7. Guan' Shaoyan, Sun' Yuikhua. Mul'timodal'nye metafora i metonimiya v formirovanii obraza strany (na materiale politicheskikh karikatur) // Russian Journal of Linguistics. 2023. № 27 (2). S. 444-467.
8. Guan' Shaoyan. Politicheskaya karikatura, ili mul'timodal'nyi politicheskii diskurs // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 6. S. 140-143. DOI: 10.26170/pl18-06-20.
9. Denisova G.L. Otsenoch'naya sostavlyayushchaya metafora "verkh - niz" v nemetskoj politicheskoi karikature // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2021. № 12 (3). C. 559-575. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-559-575.
10. Denisova G.L. Reprezentatsiya metafora "BUDUSHchIE SOBYTIYa - VPEREDI" v nemetskoj politicheskoi karikature // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2024. № 15 (3). C. 646-663. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-646-663.
11. Dugalich N.M. Problema perevoda verbal'nogo komponenta kreolizovannogo teksta politicheskoi karikatury (na materiale arabskogo i frantsuzskogo yazykov) // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2017. № 8(4). S. 22-31.
12. Dugalich N.M. Political cartoon as a genre of political discourse // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2018. № 9 (1). S. 158-172. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-158-172.
13. Kabakhidze E.L. Filosofsko-kognitivnye aspekty vizual'noi metafora v politicheskom diskurse // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya. 2024. № 28 (4). C. 1086-1105. DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-4-1086-1105.
14. Kshenovskaya U.L. Kognitivno-diskursivnaya sushchnost' lingvokreativnosti // Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal. 2020. № 2. S. 16-21.
15. Pavlina S.Yu. Angloyazychnaya politicheskaya karikatura v sotsiokul'turnom kontekste // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2025. № 16 (1). S. 63-78.
16. Pavlina S.Yu., Sakharova M.I. Peredacha verbal'nogo komponenta politicheskikh karikatur kak perevodcheskaya problema // Trudy konferentsii Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova. Nizhnii Novgorod, 2022. S. 117-121.
17. Ruzhentseva N.B., Shustrova E.V., Voroshilova M.B. Yumor i ironiya v politicheskom diskurse. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2015.
18. Khabarov A.A. Modelirovanie diskursivnoi real'nosti global'nogo krizisa: opyt mediinoi

representatsii pandemii COVID-19 // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2024. № 15 (4). С. 1169-1191.

19. Chugunova O.L. Yazykovaya igra kak ob'ekt issledovaniya v angloyazychnoi politicheskoi karikature // Rezul'taty sovremennykh nauchnykh issledovaniy i razrabotok: sbornik statei pobeditelei II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Penza, 12 aprelya 2017 goda. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2017. S. 151-153.
20. Chudinov A.P. Politicheskaya lingvistika. M.: Flinta, 2012.
21. Sheigal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa. M.: Gnozis, 2004.
22. Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya // Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya. M.: Vysshaya shkola, 1990. S. 45-54.

The use of communication tools in the social construction of historical memory.

Usova Ekaterina Vladimirovna

PhD in Politics

Associate Professor; Department of Public Law and International Law; Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev
Associate Professor; Department of Journalism and Media Communications; Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

Office a, 20 Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russia, Astrakhan region

✉ sevruga81@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the current state of communication activities in the process of social construction of historical memory, which emerges between state power and local communities. The object of the study is the process of constructing historical memory using communication means such as commemoration, mass media, and the internet. The author reviews contemporary research dedicated to commemorative practices, defines the essence and significance of commemoration in modern society, and establishes the channels of communication through which influence on public consciousness is exerted. Special attention is given to the study of regional experiences concerning the formation of historical memory about the Great Patriotic War and the feats of the Soviet people. For instance, using the Astrakhan region as an example, the author examines the processes that shape historical memory through the creation of spatial markers (monuments, museums, parks, etc.). The focus is on the coverage of these processes in the media and the internet, as well as the involvement of the local community. The research was conducted using general scientific methods of analysis and synthesis, allowing for the understanding of commemoration as a means of communication and an element of social reality. The case study method enabled the selection of specific communication means (commemoration, mass media, the internet) defined within the framework of the modern period of societal development. As a result of the conducted research, the author arrived at the following conclusions. There is an increasing focus on the process of forming historical memory. The study of information messages in mass media, social media channels, and news sections of websites belonging to regional state and municipal authorities supports the assertion that one of the central themes is the mobilization of collective memory about significant events of the Great Patriotic War. A territorial character is evident in the preservation of historically significant events in the consciousness of the local community and the formation of attitudes towards them. It has been established that this process is most actively carried out in anticipation of celebratory anniversaries of the Victory in the Great Patriotic War (the establishment of new monuments, parks, naming

streets after heroes of the Great Patriotic War, etc.). The author's specific contribution to the study of the topic is the examination of commemoration as a means of communication in the process of constructing historical memory. The novelty of the research lies in the analysis of regional communication means (using the example of the Astrakhan region) utilized in the social construction of historical memory.

Keywords: Great Patriotic War, public opinion, public consciousness, mass media, memorialization, commemoration, historical memory, communication tools, social networks, spatial markers

References (transliterated)

1. Proshloe, kotoroe ne ukhodit: kul'turnaya travma, istoricheskaya pamyat' i identichnost' / Otv. red. A. V. Mitrofanova. M.: FNISTS RAN, 2023.
2. Andryushkov A.A., Klyus A.G., Mikhailovskii A., Sergeev Yu.N. Osobennosti otnosheniya molodezhi k rossiiskoi istorii: vliyanie professional'nykh polei i tsennostnykh pozitsii // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2024. T. 33. № 11. S. 95-107. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-11-95-107 EDN: MYTBAJ.
3. Likhanova T.Yu. Sotsiokul'turnye aspekty transformatsii natsional'nogo samosoznaniya v postsovet'skii period: sotsial'no-politicheskii analiz // Sotsial'no-politicheskie nauki. 2023. T. 13. № 4. S. 55-64.
4. Veretennikova I.V. Fenomeny otrazheniya v massovom soznanii istoricheskikh sobytii Velikoi Otechestvennoi voyny // Pozitsiya. Filosofskie problemy nauki i tekhniki. 2023. № 19. S. 151-154. EDN: HFXYKI.
5. Kul'turnoe nasledie i svyaz' pokolenii / Pod obshch. red. Z.Kh. Saralievoy. N. Novgorod: NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2023.
6. Khal'bvaks M. Sotsial'nye ramki pamyati / Per. s fr. S.N. Zenkina. M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. EDN: QXSXF.
7. Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika / Per. s nem. B. Khlebnikova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.
8. Hein D. Erinnerungskulturen online. Angebote, Kommunikatoren und Nutzer von Websites zu Nationalsozialismus und Holocaust. Konstanz: UVK, 2009.
9. Van Dijck J. Mediated memories in the digital age. Stanford/Ca.: Stanford University Press, 2007.
10. Kommemorativnye praktiki kak instrument konstruirovaniya obshchestvennogo soznaniya / Pod red. E. Medeubaeva. Astana: Kazakhstanskii institut obshchestvennogo razvitiya, 2023.
11. Lysova N.A. PR-deyatelnost' v sfere realizatsii gosudarstvennoi kul'turnoi politiki (na primere prodvizheniya istoricheskoi rekonstruktsii kak napravleniya kommemorativnoi reprezentatsii) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 7 (389). Vyp. 101. S. 97-103. EDN: WLWRXT.
12. Tokareva E.A. Istoricheskaya pamyat', praktiki kommemoratsii i sovremennaya politicheskaya istoriya // Vestnik MGPU. Seriya "Filosofskie nauki". 2021. № 3 (39). S. 28-36. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.03 EDN: EKNBBS.
13. Shub M.L. Sovremennye kommemorativnye praktiki: obrazovatel'nyi i vospitatel'nyi potentsial // Chelyabinskii gumanitarii. 2016. № 3 (36). S. 80-87. EDN: WWJVYB.
14. Kindzerskaya M.A. Pamyatniki geroyam i sobytiyam Velikoi Otechestvennoi voyny, ikh rol' v patrioticheskom vospitanii // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2020. № 3. S. 26-

30. EDN: MUHYWY.
15. Sefer K.E. Aktual'nye kommemorativnye art-praktiki (na primere publik-art'a) // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo. 2022. № 1 (41). S. 91-103. DOI: 10.22405/2304-4772-2022-1-1-91-103 EDN: HXHBIQ.
 16. Yakushina O.I. Sovremennye tsifrovye sredstva kommunikatsii i ikh vliyanie na postroenie lichnykh otnoshenii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2023. № 7. S. 97-106. DOI: 10.24158/tipor.2023.7.13 EDN: PZDZFD.
 17. Kastel's M. Vlast' kommunikatsii / Per. s angl. N. M. Tylevich. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2017.
 18. Shirokov O.N., Shirokova M.A., Andreev O.V. Gorod kak prostranstvo pamyati: memorializatsiya Velikoi Otechestvennoi voyny v nazvaniyakh ulits g. Cheboksary // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2019. № 4. S. 271-275. EDN: MBPZYC.
 19. Popov S.A. Regional'nye sredstva massovoi kommunikatsii kak istochnik dlya toponimicheskogo martirologa // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. 2023. № 2 (33). S. 90-96. DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_90 EDN: BSZIWf.
 20. Popova I.L. Formirovanie obshchestvennogo mneniya v sotsial'nykh setyakh // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya". 2024. № 1 (80). S. 236-244. DOI: 10.26456/vtfilol/2024.1.236 EDN: YUQXIV.
 21. Istoricheskaya pamyat': istoki i sovremennye smysly / Pod obshch. red. B.P. Chernika. Novosibirsk: Agentstvo "Sibprint", 2024.

Language Expressive Means and Axiological Strategies in Media Texts on the issues of Donald Trump's Trade Wars between the US and China

Lobanova Tatiana Nikolaevna

Doctor of Philology

Professor, Department of Indo-European and Oriental Languages, State University of Education; Director of the Regional Center for Chinese Language and Chinese Studies, GUP

Malaya Borodinskaya str., 1, sq. 1, Mytishchi, Moscow region, 141031, Russia

✉ lobanovaty@mail.ru

Seredenko Vladimir Mihailovich

PhD in Philology

Senior Lecturer, Department of Far Eastern Languages; Prince Alexander Nevsky Military University

Fonvizinskaya str., 7A, sq. 60, Moscow, 117335, Russia

✉ ichi210@mail.ru

Abstract. The modern comparative paradigm includes a multidimensional and comprehensive study of significant phenomena of structural, functional and linguo-pragmatic order of the world's languages. The phenomenon of military-political discourse and US-China trade wars in two languages is being analyzed in the article. The research subject is language expressive means in media texts on the issues of Donald Trump's US-China trade war in 2025 with a functional approach (in media and military-political discourse). The US-China trade war continues to be the focus of global news, with Chinese and American media scrutinizing its implications for the global economy. With the recent increase in tariffs from the US to the rest of the world, the situation is becoming increasingly tense. Donald Trump, the leader of the American nation, as a publicly speaking politician in the current geopolitical environment,

must endeavor to effectively use the expressive possibilities of language in order to convince the audience of the correctness of his course, ideas and create a positive image of his personality. The study of Donald Trump's language functioning and discursive practices in political rhetoric is the most urgent direction of modern fundamental and applied linguistics. The aim of the article is to study the linguistic means of expression in Donald Trump's speeches during the US-China trade war of 2025, as well as the phenomenology of linguo-axiology of US-China political-military discourse. The main content is concentrated around analyzing the concepts of 'linguistic means of expression', 'linguo-axiology', 'Donald Trump's political rhetoric', and 'trade wars' precisely from a linguistic point of view. The digital media text acts as a unit of analysis in the study of contemporary Chinese-language and English-language (digital) media. This study examines such authoritative sources as 《环球网》,《搜狐》,The South China Morning Post, The New York Times, Fox News, The Washington Post, CNN, USA Today, The Guardian, The Wall Street Journal Guardian, and others. The choice of these digital media resources is conditioned by the fact that they cover a wide range of news agenda of international and domestic political character, which affect both geopolitical and social and economic agendas. It seems that such thematic diversity of material will allow us to comprehensively study the issues of China-US trade wars and linguistic means of expression in Donald Trump's political rhetoric.

Keywords: linguo-axiology, political-military discourse, language means, expression, political rhetoric, Donald Trump, digital media text, English-language media, Chinese-language media, trade wars

References (transliterated)

1. Bai Syue. Diskursivno-pragmaticheskie aspekty patrioticheskoi ritoriki Kitaya na kitaiskom i angliiskom yazykakh: avtoreferat dis. ... kand. filologicheskikh nauk: 5.9.8. Vladivostok, 2024.
2. Bzhezinskii Zbigneu. Vybory; Strategicheskii vzglyad. Moskva: Izd-vo AST, 2023.
3. Vinogradov V. V. Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) / Pod red. G. A. Zolotovoi. M.: Russkii yazyk, 2001.
4. Gal'chuk D. S. Strategii i taktiki rechevogo vozdeistviya D. Trampa (na materiale postov ob immigratsionnom krizise na yuzhnoi granitse SShA) // Politicheskaya lingvistika. 2021. № 4 (88). S. 29-34. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_04_03. EDN: UYBAHM.
5. Lobanova T.N., Seredenko V.M. Lingvoaksiologiya voenno-politicheskogo diskursa (na materiale kitaeyazychnykh i angloyazychnykh mediaresursov) // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2025. № 2. S. 157-171. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.72932 EDN: OGYNEY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72932
6. Matveeva G. G. Osnovy pragmalingvistiki: uchebnik. Moskva: INFRA-M, 2022.
7. Obshchaya i russkaya lingvoaksiologiya: Kollektivnaya monografiya / M. S. Milovanova (otv. red.), K. Ya. Sigal, V. I. Karasik, G. G. Slyshkin, B. I. Fominykh, N. A. Bozhenkova, L. M. Goncharova, A. N. Matrusova, R. R. Shamsutdinova; IYaz RAN, Gos. IRYa im. A. S. Pushkina. M.: Yaroslavl': Izdatel'stvo "Kantsler", 2022. EDN: EJEYWX.
8. Stroikov S. A. Angloyazychnyi elektronnyi gipertekst kak ob'ekt lingvosemioticheskogo issledovaniya: avtoreferat dis. ... doktora filologicheskikh nauk: 5.9.8. Volgograd, 2024. EDN: MOJDLN.
9. Paltridge B. Discourse Analysis. London, New Delhi, New York: Bloomsbury Academic, 2012.

10. Trump inserts himself into Japan tariff talks as China's Xi seeks Asia deals // The South China Morning Post. URL: https://www.scmp.com/news/world/united-states-canada/article/3306821/trump-inserts-himself-japan-tariff-talks-chinas-xi-seeks-asia-deals?module=top_story&pgtype=homepage (data obrashcheniya: 16.04.25).
11. Trumponomics Is a Delusion // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2025/04/16/opinion/trump-tariffs-trumponomics.html> (data obrashcheniya: 16.04.25).
12. 中美贸易战2025:硝烟再起, 中国为何敢“硬刚”? URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1828979102810968042&wfr=spider&for=pc>.
13. 反转! 特朗普暂停对墨加征税, 只为围堵中国? 这招棋高明在哪? 搜狐. URL: https://www.sohu.com/a/855559587_122140578 (data obrashcheniya: 15.02.25).
14. 关税争端, 中国取得了辉煌胜利, 外媒报道: 美国海关发布免税清单. 人生真谛. URL: https://mbd.baidu.com/newspage/data/landingsuper?context=%7B%22nid%22%3A%22news_9413194782347797088%22%7D&n_type=1&p_from=4 (data obrashcheniya: 17.04.25).

Metaphorical discourse in traditional Chinese medicine based on the theory of the five elements

Chen Kuo

Postgraduate student; Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University

119361, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 10-2a

✉ kuo.chen@mail.ru

Abstract. This article is dedicated to the study of metaphorical discourse based on the theory of the five elements in Traditional Chinese Medicine (TCM) texts. The subject of this research is the metaphorical discourse based on the theory of the five elements in TCM classics. TCM theories are based on bodily experience, and they employ the metaphorical discourse of "the ability to find an example close (to oneself)" to explain concepts, using what a person knows to explain what they do not know. The aim of this article is to explore the metaphorical cognitive system of the five elements in the theory of five elements as a primary source, to understand how the ancients, through knowledge of the five elements, utilized the natural characteristics of the five elements as metaphors for interpreting the physiological features of the human body, the functions of internal organs, pathological phenomena, diagnosis and treatment, and other TCM concepts. From the perspective of research methodology, this work employs a literature study method—extensive collection of relevant information and detailed interpretation of typical metaphorical expressions—as well as a linguistic analysis method—semantic analysis of key terms and expressions to study their semantic connotations and metaphorical connections. The scientific novelty is reflected in the in-depth study of metaphorical discourse in Traditional Chinese Medicine based on the theory of the five elements, i.e., in the profound examination of the theoretical significance of TCM from the perspective of cognitive linguistics, which opens an innovative and scientific path for research. TCM is a treasure of national Chinese culture, and the theory of the five elements is one of its foundations. For a long time, the application of the theory of the five elements in TCM practice has been regarded as a unique cultural phenomenon, but this study employs a unique method based on an advanced perspective at the intersection of linguistics, cognitive science, and TCM. As a result of deep analysis, it is revealed that the theory of the five elements has constructed a rich and intricate metaphorical network within the discursive system of TCM.

Keywords: earth, fire, water, wood, metal, five elements theory, TCM metaphorical discourse, Traditional Chinese Medicine, cognitive linguistics, metaphor

References (transliterated)

1. Baranov A. N. Deskriptornaya teoriya metafory. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014. – 632 s. EDN: UKWWJL.
2. Van Khaiyan', Kuz'menko G. N. Problema nauchnogo statusa traditsionnoi kitaiskoi meditsiny v KNR // Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki. 2023. № 1 (45). S. 68-78.
3. Lakoff D., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem. – M.: URSS, 2004. – 252 s.
4. Maslova V. A. Kognitivnaya lingvistika. – Minsk: TetraSistems, 2004. – 255 s. EDN: UJZAZP.
5. Sun' Ts., Karabulatova I. S., Tszou Ts., Ko Ch. Metaforicheskaya terminologiya v drevnikh tekstakh traditsionnoi kitaiskoi meditsiny: problemy ponimaniya i perevoda // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie. 2024. T. 23, № 6. S. 141-157. (Na angl. yaz.) DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.10>. EDN: CLHHRU.
6. Traktat Zheltogo imperatora o vnutrennem. Tom pervyi: Voprosy o prosteishem / Pod red. Yao Chun'pena; per. s kit. B. B. Vinogradskogo. – M.: Shans, 2024. – 495 s.
7. Traktat Zheltogo imperatora o vnutrennem. Tom vtoroi: Os' dukha / Pod red. Yao Chun'pena; per. s kit. B. B. Vinogradskogo. – M.: Shans, 2024. – 335 s.
8. Chen' K. Kharakteristiki i perevod metaforicheskogo yazyka v tekstakh traditsionnoi kitaiskoi meditsiny // Litera. 2024. № 6. S. 244-252. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.70840 EDN: DLADQM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70840
9. 黄帝内经 // 上:素问.下:灵枢 – 北京:中华书局, 2022年.1471 页. (Traktat Zheltogo imperatora o vnutrennem // pervaya chast': Voprosy o prosteishem. Vtoraya chast': Os' dukha. – Pekin: Chzhunkhua Shutszyui, 2022. – 1471 s.)
10. 张仲景. 伤寒论. 北京市:人民卫生出版社.2005年.198页. (Chzhan Chzhuntszin. Traktat o boleznyakh, vyzvannykh kholodom. – Pekin: Izdatel'stvo "Narodnoe zdorov'e", 2005. – 198 s.)

The concept of «politeness» in the context of family relationships

Yergazy Nazerke

Postgraduate student; Department of General and Russian Linguistics; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ naz_erke9898@inbox.ru

Denisenko Vladimir Nikiforovich

Doctor of Philology

Professor, Head of the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Mklukho-Maklaya str., 6, office 623, Moscow, 117198, Russia

✉ denisenko-vn@rudn.ru

Abstract. Politeness occupies an important place in interpersonal relationships, especially in the family, where it forms trusting and harmonious relationships. As the primary social unit, the family requires attention to communication, in which values and norms of interaction are laid down. This article explores the concept of «politeness» as a key element of successful communication within the family. The scientific and theoretical approaches are considered; its linguistic and cultural specifics are revealed. The subject of the study is a comparative analysis of the category of politeness in Kazakh and Russian languages. The purpose of the work is to identify the linguistic and cultural specifics of the associative series of the concept of «politeness», which form family values and bonds. The material was based on survey data among 181 respondents, which included closed and open questions about politeness in family communication, as well as data from lexicographic sources and empirical analysis. The research used methods of conceptual analysis, comparison, comparative analysis and statistical data processing. The practical significance of the work is determined by the possibility of its effective application to improve communication skills, including in various cultural contexts. The study conducted a comparative analysis of the national and natural specifics of the concept of «politeness» in Kazakh and Russian languages and its manifestations in family communication. The results of the study confirmed that politeness plays a key role in forming and maintaining trusting and harmonious relationships within the family, reducing conflicts and strengthening the emotional bond between its members. Thus, this study enriches the theoretical base on the topic and offers practical recommendations for optimizing family communication, which makes his contribution to the field of linguistics and cultural studies especially valuable and relevant.

Keywords: language barrier, concept, kazakh culture, russian culture, communication, mutual understanding, family relationships, politeness, respect, etiquette

References (transliterated)

1. *Larina T.V.* Kategoriya vezhlivosti v angliiskoi i russkoi kommunikativnykh kul'turakh. M.: Izd-vo RUDN, 2003.
2. *Larina T.V.* Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009.
3. *Larina T.V., Kozyreva M.M., Gornostaeva A.A.* O grubosti i kommunikativnoi etike v mezhkul'turnom aspekte: postanovka problemy // Vestnik RUDN. Ser.: Lingvistika. 2012. № 2. S. 126–133.
4. *Larina T.V., Kharlova M.L.* Nevezhlivost' i grubost' v obshchenii amerikantsev // Vestnik NGU. Ser.: Lingvistika. 2015. № 3. S. 34–42.
5. *Maksimova D.V.* Vezhlivost' i ee otrazhenie v rechi sovremennoi molodezhi // Molodezhnyi vestnik IrGTU. 2020. T. 10, № 2. S. 148–152.
6. *Sharshenbek K.N.* Vezhlivost'. Osnovnye napravleniya izucheniya kategorii vezhlivosti // Vestnik Kyrgyzskogo gosudarstvennogo universiteta stroitel'stva, transporta i arkhitektury im. N. Isanova. 2015. № 1. S. 64–67.
7. *Shaban A.K., Khomutova T.N.* Semantika ponyatiya «vezhlivost'» v razlichnykh lingvokul'turakh: universal'noe i kul'turno-spetsificheskoe / Nauchnyi rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki. 2019. T. 5. № 1. S. 85–95.
8. *Bragina N.G., Sharonov I.A.* «Pedagogicheskaya» agressiya v russkoi bytovoi kommunikatsii // Russian Journal of Linguistics. 2019. T. 23. № 4. S. 975–993.
9. *Risinzon S.A.* Sistema etiketnykh deistvii semeinogo obshcheniya // Filologiya i chelovek. 2009. № 3. S. 29–37.

10. *Kaliev G., Sarybaev Sh.* Dialektologiya kazakhskogo yazyka. Almaty: B. I., 1979. 176 s.
11. *Leont'ev V.V.* Diskursivnyi povorot v teorii lingvisticheskoi vezhlivosti: K obrazovaniyu teorii lingvisticheskoi nevezhlivosti // Kommunikativnye aspekty sovremennoi lingvistiki i lingvodidaktiki. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2012. S. 222–228.
12. *Leont'ev V.V.* Ponyatiya nevezhlivosti i grubosti v sovremennoi lingvistike // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2013 № 1. S. 131–141.
13. *Leont'ev V.V.* Lingvisticheskaya (ne)vezhlivost': k probleme sodержaniya kategorii // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2016. № 1 (6). S. 70–83.
14. *Makhmudov Kh. Kh., Musabaev G. G.*, Kazakhsko-russkii slovar', Alma-Ata, 1954.
15. *Denisenko V.N., Yergazy N., Rybakov M.A.* Language Means of Expressing Politeness in the Context of Russian Business Communication // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2023. T. 14. № 3. S. 575–594.

Linguistic and sociocultural aspects of Quebec Internet memes

Guseynova Lala Dzhanishir kyzy

Postgraduate student; Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ lalochka555@gmail.com

Abstract. This article focuses on the linguistic and sociocultural features of Internet memes spreading in the information and communication space of the French-speaking province Quebec. The object of the study is memes posted on web portals or social networks as small-format comic texts. The subject of the study is their linguistic features, including territorial and sociocultural specifics. The integrity of a meme is determined by its content and formal characteristics, while the interaction of verbal and visual components forms its communicative and pragmatic potential. This interaction is supported by the means of expressiveness at different levels of language, including morphological, grammatical, syntactic and graphemic. The base of the study consisted of 75 French memes discovered during the year 2024, selected using a continuous sampling method. Resources for storing and disseminating Internet memes include blogging platforms such as ConneriesQc and social networks such as Facebook, Tumblr, etc. The choice of topics and the specifics of their interpretation are determined by the target audience of these resources, which allows us to consider an Internet meme as a precedent unit with specific cultural and national connotations. During the analysis, general (observation, description, analysis, synthesis, classification, comparison and quantitative counting) and specific linguistic methods were used: component analysis to describe verbal and visual elements, discourse analysis to assess the influence of the conditions of Internet meme realization on its versatility, contextual analysis for the linguistic interpretation of memes, as well as the method of textual interpretation. The scientific novelty of this study lies in the comprehensive approach to analyzing Internet memes as cultural phenomena, taking into account their linguistic features as well as sociocultural context. The results show that the choice of topics for Internet memes and their interpretation depend on the target audience of the platforms, which allows us to consider memes as precedent units with unique cultural and national connotation. The analysis revealed a significant influence of the interaction of verbal and visual components on the memes, as well as the role of expressive means in shaping their significance. Thus, this study emphasizes the

importance of Internet memes as a communication tool in modern society and their ability to reflect the cultural characteristics of the residents of the French-speaking Canadian province Quebec.

Keywords: French language, sociocultural aspect, values, Canadian culture, irony, humor, Internet meme, social issues, identity, Quebecers

References (transliterated)

1. Shifman, L. *Memes in Digital Culture*. Cambridge: MIT Press, 2013.
2. Guseinova, L. D. Natsional'naya identichnost' kvebektsev i ee otrazhenie v kanadskom variante frantsuzskogo yazyka // *Aktual'nye problemy mezhkul'turnoi kommunikatsii*. 2020. S. 63-68.
3. Smith, J. *Memes and Cultural Trends in Canada*. *Journal of Digital Culture*, 2020.
4. Johnson, L. *The Humor of Canadians: A Study of Internet Memes*. *Canadian Journal of Communication*, 2021.
5. Brown, A. *Climate Change and Humor: The Role of Memes in Social Discourse*. *Environmental Communication*, 2019.
6. Ebzeeva, Yu. N., Dugalich, N. M. Metodika analiza kreolizovannogo teksta politicheskoi karikatury na arabskom i frantsuzskom yazykakh // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*. 2018. № 23 (1). S. 127-133. DOI: 10.22363/2312-9220-2018-23-1-127-133.
7. Giosa, J. L. et al. *Aging and Mental Health: Collaborating on Research Priorities with Older Adults, Caregivers and Health and Social Care Providers across Canada*. *Canadian Journal on Aging / La Revue canadienne du vieillissement*, 2024, pp. 1-14.
8. Fang, T., Lee, B., Timming, A. R., & Fan, D. *The Effects of Work-Life Benefits on Employment Outcomes in Canada: A Multivariate Analysis*. *Relations Industrielles / Industrial Relations*, 2019, 74 (2), 323-352.
9. Laplante, Y. *L'ironie au service du discours social : quand le rire du Québec prend la clé Deschamps*. *Bulletin d'histoire politique*, 2005, 13 (2), 93-98.
10. Bradley, D. M., Elenis, T., Hoyer, G., Martin, D. and Waller, J. *Human capital challenges in the food and beverage service industry of Canada: Finding innovative solutions*. *Worldwide Hospitality and Tourism Themes*, 2017, Vol. 9 No. 4, pp. 411-423.
11. Duncan, M. J. et al. *Sleep duration change among adolescents in Canada: Examining the impact of COVID-19 in worsening inequity*. *SSM-population health*, 2023, vol. 23, 101477. 28 Jul. 2023.

The image of V. K. Pleve in Nikolai Svechin's retro-detectives

Zhang Shicong

Postgraduate student; Faculty of Philology; St. Petersburg State University

7-9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199406, Russia.

 aidazh@126.com

Abstract. The subject of this article is the depiction of V. K. Pleve in the retro-detectives of Nikolai Svechin. The article examines how Svechin reflects the history of the late Russian Empire through the creation of the image of Pleve—a prominent statesman and one of the key guardians of monarchical foundations and order in the country. The research materials include

the detective novels of the author, such as "Between the Amur and the Neva," "The Shot on Bolshaya Morskaya," and "Rays of Death." The texts of these works are compared with documentary sources containing information about Pleve's personality and activities, including memoirs or writings of contemporaries, as well as research monographs by historians. Correspondences and differences are identified both in the depiction of Pleve's personality and in the interpretation of the events associated with him. The main research methods employed in this article are the comparative-historical method and the historical-genetic method. The novelty of the research is due to the fact that there are currently no serious works dedicated to the portrayal of famous historical figures in the retro-detectives of Nikolai Svechin. The author asserts that in his depiction of Pleve, Svechin draws on a number of texts from the memoirs of contemporaries, such as S. Y. Witte, A. A. Lopukhin, and others. At the same time, Svechin simplifies historical sources, which allows him to demonstrate Pleve's moral integrity and present his positive image as an honest and capable official. The confrontation between Pleve and the Durnovo-Witte-Zubatov faction is, accordingly, reinterpreted as a struggle between the protagonist's "friend" and his enemies. The clear division of representatives of good and evil provides ease of reading and understanding of the author's works.

Keywords: popular literature, historical-genetic method, comparative-historical method, creativity of N. Svechin, historical prose, representation of history, history, retro-detective, V. K. Pleve, Nikolai Svechin

References (transliterated)

1. Sergeeva V. S. Istoriya i vymysel v istoricheskoi proze // Vestnik slavyanskikh kul'tur. 2016. № 4. S. 151-162. EDN: XDSHKX.
2. Trubina L. A. Dialog literatury s istoriei v otsenke sovremennogo literaturovedeniya // Prepodavatel' KhKhI veka. 2018. № 4-2. S. 429-443. EDN: VUBYJW.
3. Danilkin L. Kludzh. Knigi. Lyudi. Puteshestviya. M.: RIPOLklassik, 2016. 384 s.
4. Lapshina D. S. Obraz Nizhnego Novgoroda v istoricheskom detektive Nikolaya Svechina "Zaveshchanie Avvakuma" // Nizhegorodskii tekst russkoi slovesnosti kak khudozhestvennoe postizhenie natsional'noi mental'nosti: Sbornik statei po materialam VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Minskii universitet, 2019. S. 110-116. EDN: WXBKYZ.
5. Yukhnova I. S. Nizhegorodskii detektiv Nikolaya Svechina // Dukhovnaya kul'tura nizhegorodskogo regiona: opyt sistemnogo opisaniya: Kollektivnaya monografiya / pod red. M. G. Urtmintsevoi. Nizhnii Novgorod, 2018. S. 161-165. EDN: MUUJRB.
6. Chernyak M. A. Massovaya literatura kontsa KhKh – nachala KhKhI veka: tekhnologiya ili poetika? // Filologicheskii klass. 2008. № 20. S. 4-11. EDN: OOTWIR.
7. Svechin N. Rokovye chisla. M.: Eksmo, 2022. 448 s.
8. Svechin N. Vystrel na Bol'shoi Morskoj. M.: Eksmo, 2022. 384 s.
9. Vitte S. Yu. Vospominaniya. Polnoe izdanie v odnom tome. M.: Izdatel'stvo AL"FA-KNIGA, 2010. 1247 s.
10. Feoktistov E. M. Za kulisami politiki i literatury. 1848-1896: Vospominaniya. M.: Novosti, 1991. 464 s.
11. Svechin N. Luchi smerti. M.: Eksmo, 2023. 384 s.
12. Kolpakidi A., Sever A. Spetssluzhby Rossiiskoi Imperii: Unikal'naya entsiklopediya. M.: Yauza: Eksmo, 2010. 768 s.
13. Pamyati Vyacheslava Konstantinovicha Pleve. SPb.: tip. M-va vn. del, 1904. 132 s.

14. Spiridovich A. I. Zapiski zhandarma. M.; Berlin: Direkt-Mediya, 2020. 204 s.
15. Lur'e F. M. Politseiskie i provokatory. SPb.: Chas pik, 1992. 413 s.
16. Lopukhin A. A. Otryvki iz vospominanii (po povodu "Vospominanii" gr. S. Yu. Vitte).
URL: <https://doc20vek.ru/node/2290> (Data obrashcheniya: 13.05.2024).
17. Anan'ich B. V., Ganelin R. Sh. Sergei Yul'evich Vitte i ego vremya. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2000. 438 s. EDN: YUONWI.

Hypertext in literary art as a technology and as a metaphor. An example from "Endless Dead End" by D.E. Galkovsky.

Deikun Iliia Dmitrievich

Independent researcher

Office 405, Mususkaya pl., 6, Moscow, 125047, Russia

✉ iliariy@mail.ru

Abstract. The subject of the study is hypertext in literary fiction. The research aims to determine which object is most aligned with the classical definition of hypertext, established in domestic scientific discourse since the 1970s, which implies software for hyperlinks, computer presentation of the resulting system of text integration, interactivity, and user influence on the unfolding structure of hypertext. However, in literary studies, hypertext is interpreted broadly, sometimes as any nonlinear narrative or as a narrative with reading instructions, featuring an oversized scientific-referential apparatus. In our view, such usage of the concept is metaphorical and bears no research value. We systematically distinguish between metaphorical and literal uses of the concept of hypertext and point to a specific example of hypertext in 20th-century literary fiction: the web version of D.E. Galkovsky's novel "Infinite Dead End." In this work, we employed methods from the history of concepts, semantic analysis, media studies, receptive aesthetics, and empirical comparative analysis. The main contribution of this work to domestic scientific discourse is the assertion of the necessity for a strict application of the concept of hypertext in literary analysis. We demonstrated the evolution of the concept in domestic scientific discourse and summarized the work of colleagues in this area. We proposed a strict and expanded version of the definition of the concept and developed an established thesis in domestic science regarding the existence of the metaphor and mythologem of hypertext, alongside actual hypertext. The work also advances a methodological thesis on the necessity of cross-referencing a literary text defined as hypertext with a standard or model. We analyzed "Infinite Dead End" by D.E. Galkovsky from the perspective of its various media presentations and proposed the thesis that the web version of the novel is a benchmark of postmodern artistic hypertext.

Keywords: methodology of literary studies, non-linear narrative, hypertextuality, Infinite Dead End, literary theory, history of concepts, D.E. Galkovsky, postmodernism, hypertext, 20th century

References (transliterated)

1. Lavrenova O.A. Modelirovanie semanticheskoi struktury tekstov nauchno-tekhnicheskogo soderzhaniya v svyazi s avtomatizatsiei informatsionnykh protsessov. Diss. kand. filol. nauk. Moskva, 1978. 280 s. EDN: NPKXRB.
2. Khrustalev E.Yu. Issledovanie i razrabotka tekhnologii modelirovaniya ekonomicheskikh informatsionnykh sistem na osnove metoda giperteksta: avtoreferat dis. ... kandidata

- ekonomicheskikh nauk. Mosk. ekon.-stat. in-t. Moskva, 1992. 26 s. EDN: ZJDVQZ.
3. Gilyarevskii R.S. Obshchie zakonomernosti v razvitii distsiplin nauchnoi informatsii i kommunikatsii: avtoreferat dis. ... doktora filologicheskikh nauk: AN SSSR. VINITI. Moskva, 1989. 47 s.
 4. Treneva M. G. Filosofskoe obosnovanie giperteksta // Magister Dixit. 2011. № 3. S. 71-75. EDN: OXBETN.
 5. Trifonova V.V. Teoriya i praktika gipertekstovoi kommunikatsii: uchebno-metodicheskoe posobie. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo universiteta, 2022. 76 s.
 6. Stroikov S.A., Nikitina I.N. Zhanrovaya klassifikatsiya angloyazychnogo elektronnoho giperteksta kak lingvosemioticheskogo issledovaniya // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. № 7. S. 2260-2265. DOI: 10.30853/phil20230349 EDN: GABPNC.
 7. Ignatova I.B. Literaturnyi setevoi gipertekst v kontekste otechestvennoi mediakul'tury kontsa 1990-kh – nachala 2000-kh // Nauka i shkola. 2024. № 2. S. 40-50. DOI: 10.31862/1819-463X-2024-2-40-50 EDN: VZLYYH.
 8. Zeinalova K.V. Gipertekstovaya literatura skvoz' prizmu poststrukturalistskoi teorii // Gumanitarnyi vektor. 2024. № 1. S. 142-148. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-1-142-148 EDN: FMBVYK.
 9. Nelson T.H. Complex Information Processing: a File Structure for the Complex, the Changing and the Indeterminate. ACM '65: Proceedings of the 1965 20th National Conference. Pp. 84-100.
 10. Genette G. Palimpsests. Literature in the Second Degree. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 1997.
 11. Apresyan Yu.D. Roman "Dar" v kosmose Vladimira Nabokova // Apresyan Yu.D. Izbrannye trudy, tom II. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. M.: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", 1995. S. 651-695.
 12. Fedorova N.A. Gipertekstual'nye formy i funktsionirovanie ikh edinits v russkoi literature KhKh – nachala XXI veka: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk. Sankt-Peterburg, 2008. 26 s. EDN: NJHTGZ.
 13. Landow G. Hypertext. The Convergence of Contemporary Critical Theory and Technology. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1992.
 14. Bart R. S/Z. Moskva: Akademicheskii Proekt, 2009. 373 s.
 15. Dedova O.V. Lingvosemioticheskii analiz elektronnoho giperteksta (na materiale russkoyazychnogo Interneta). Avtoreferat diss. ... doktora filologicheskikh nauk : 10.02.01, 10.02.19. Moskva, 2006. 48 s. EDN: NOKNSV.
 16. Kuper I.R. Gipertekst kak sposob kommunikatsii // Sotsiologicheskii zhurnal. 2000. № 1/2. S. 37-59.
 17. Orobii S.P. "Beskonechnyi tupik" Dmitriya Galkovskogo: struktura, ideologiya, kontekst. Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU, 2010. 224 s.
 18. Kurnitskaya V.A. Problema zhanra romana-kommentariya v sovremennom literaturovedenii (na materiale "Beskonechnogo tupika" D. Galkovskogo) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 2 (256). Filologiya. Iskuststvedenie. Vyp. 62. S. 53-55. EDN: OWTWZH.
 19. Gumbrekht Kh.U. Proizvodstvo prisutstviya: Chego ne mozhet peredat' znachenie. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 184 s.
 20. Galkovskii D.E. Beskonechnyi tupik. Elektronnaya kniga. Chetvertoe izdanie. 2021. 2129 s.
 21. Galkovskii D.E. Beskonechnyi tupik. Fragmenty knigi // Novyi mir. 1992. № 9. S. 78-

121.

22. Beskonechnyi tupik. URL: <http://www.samisdat.com/3/31-bt.htm>.

Myth as the foundation of the narrative in the works of Margaret Atwood.

Naydenova Roksana Romanovna

Postgraduate student, Department of Foreign Literature, Maxim Gorky Literature Institute

30/2 Baikalskaya str., Moscow, 107207, Russia

 roksa-moon@yandex.ru

Abstract. The subject of this research is the works of the famous contemporary Canadian writer Margaret Atwood. The object of the study is their narrative structure. The author of the article characterizes Atwood's narratives as life-descriptive narratives, in which the narrator occupies a central position. The narrator in Atwood's works is usually also the main character. Atwood's texts create a total space for her narrators. One of the foundations for creating a narrative in Atwood's work is myth. Atwood uses ancient Greek, European, and indigenous myths to construct plots. This variety reflects the young Canadian identity, which Atwood herself compares to the mentality of "settlers." In her work with mythological plots, Atwood willingly blends myths of different origins. Drawing on the contributions of both domestic and foreign researchers of Atwood's legacy, as well as Atwood's own literary works, the author of the article describes the place of myth in the structure of Atwood's retrospective, life-descriptive narratives. Narrative, cultural-historical, and cultural-social methods are utilized. The novelty of this research lies in the fact that the author conducts a sequential, in-depth analysis of Atwood's overall approach to myth, whereas most studies on this topic typically focus on how Atwood engages with a specific mythological plot. The author divides Atwood's work with myth into four levels, depending on how heavily Atwood relies on the mythological plot when constructing her own narrative. Thus, Atwood may use myth as the meaning-generating foundation for the entire plot — the first level. Alternatively, Atwood may use an ancient plot to describe national color — the second level. Sometimes myth serves Atwood to discuss the stereotypes of contemporary society — the third level; or to talk about the principles of art — the fourth level.

Keywords: postmodernism, Canadian Identity, storytelling, Joseph Campbell, Northrop Frye, speculative fiction, myth, narrative, Margaret Atwood, Canadian Literature

References (transliterated)

1. Rizvanova D. I., Khrushcheva O. A. Spekulyativnaya fantastika kak zhanr sovremennoi literatury // Donetskie chteniya 2020: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Donetsk, 17-18 noyabrya 2020 goda / Pod obshchei redaktsiei S. V. Bespalovoi. Donetsk: Donetskii natsional'nyi universitet, 2020. S. 227-229. EDN: PLTDZX.
2. Naidenova R. R. Obzor proizvedenii Margaret Etvud v rusle spekulyativnoi fantastiki // Literatura i problema integratsii iskusstv: Sbornik statei. Tom Vypusk 3. Nizhnii Novgorod: Natsional'nyi issledovatel'skii Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N. I. Lobachevskogo, 2022. S. 58-67. EDN: OTTJN.
3. Rep'evskaya M. V. Podkhody k izucheniyu narrativa // Vestnik YuUrGU. 2012. № 25. S. 136-137.

4. Naidenova R. R. Sostyazanie Penelopy i Eleny Troyanskoi v «Penelopiade» i drugih romanakh Margaret Etvud // Nauka i shkola. 2022. № 6. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-6-39-44. EDN: UBIRDB.
5. Campbell J. P. «The Woman as Hero in Margaret Atwood's "Surfacing"». Mosaic: A Journal for the Interdisciplinary Study of Literature. 1978. Vol. 11, no. 3. P. 17-28.
6. Atwood M. «The Handmaid's Tale and Oryx and Crake "In Context"». PMLA. 2004. Vol. 119, no. 3. P. 513-517.
7. Grankina E. V. Transformatsiya mifa o Penelope v aspekte gendernogo analiza v romane Margaret Etvud «Penelopiada» // Classical and contemporary literature: continuity and prospects of updating: Materials of the III international scientific conference, Prague, 07-08 noyabrya 2018 goda. Prague: Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o., 2018. S. 35-37. EDN: PJFQGX.
8. Fedosyuk O. A. Kanadskaya versiya drevnegrecheskogo mifa - Penelopiada Margaret Etvud // Kanadskii ezhegodnik. 2018. № 22(22). S. 256-275.
9. Naidenova R. R. «Protofeminizm Margaret Etvud» // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2022. № 11 (866). S. 142-148. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_11_866_142.
10. Subbotina A. I. Spetsifika khudozhestvennogo voploshcheniya zhenskikh obrazov v proizvedeniyakh Yanki Kupaly «Pavlinka» i Margaret Etvud «Penelopiada» // Mova-litaratura-kul'tura: materyaly X Mizhnarodnai navukovai kanferentsyi, prysvechanai 140-goddzyu z dnya naradzhennya Yanki Kupaly i Yakuba Kolasa, Minsk, 29-30 sentyabrya 2022 goda. Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet, 2022. S. 95-99. EDN: FACCLG.
11. Artamonova M. V. Osobennosti khudozhestvennogo perevoda postmodernistskoi neomifologicheskoi prozy (na materiale romana M. Etvud «Penelopiada») // Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya. 2023. T. 7, № 4. S. 63-68. DOI: 10.18503/2658-3186-2023-7-4-63-68. EDN: JTVJZP.
12. Judge S. «Men Make Terrible Pigs»: Teaching Madeline Miller's Circe and the New Feminist Mythic Archetype // The Classical Outlook. 2023. Vol. 98, no. 3. P. 108-119.
13. Kuchmarenko L. S. Karnavalizatsiya v rasskaze M. Etvud «Isida vo t'me» // Voropanovskie chteniya: materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Krasnoyarsk, 13 noyabrya 2021 goda / Krasnoyarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. V. P. Astaf'eva. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. V. P. Astaf'eva, 2021. S. 69-72.
14. Greene G. Review of Survival Strategies, by Margaret Atwood // The Women's Review of Books. 1992. Vol. 9, no. 4. P. 6-7.
15. Khairullin R. Z. Problemy globalizatsii v romane M. Etvud «Postizhenie» // Rossiya i Kanada: aktual'nye issledovaniya: Sbornik nauchnykh materialov. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet, 2022. S. 78-86.
16. Khairullin R. Z. Roman M. Etvud «Postizhenie» v kontekste sovremennoi severoamerikanskoi literatury // Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov. 2021. T. 15. S. 89-95. EDN: BAUXGF.
17. Lozinskaya E. V. Vzryv nastoyashchego. Retsenziya na kn.: Huber I. Present tense narration in contemporary fiction: a narratological overview // Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7, Literaturovedenie: Referativnyi zhurnal. 2022. № 1. DOI: 10.31249/lit/2021.02.02. EDN: EVVVQU.
18. Naidenova R.R. Narrativnaya strategiya zhizneopisaniya v tvorchestve Margaret Etvud

// Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2024. № 3. S. 114-121. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70174 EDN: MEFNGL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70174

19. Naidenova R.R. Tema smerti v proze Margaret Etvud // Litera. 2025. № 2. S. 351-362. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73003 EDN: DQLIJC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73003
20. Naidenova R.R. Mifologicheskie geroi, istoricheskie lichnosti i personazhi mirovoi literatury v tvorchestve Margaret Etvud // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2024. № 3. S. 89-95. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70207 EDN: LVDBFS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70207
21. Naidenova R. R. Poisk Kanadskoi identichnosti v tvorchestve Margaret Etvud // Nauchnye trudy molodykh uchenykh-filologov: Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh-filologov, Moskva, 13-16 oktyabrya 2021 goda. Tom XXI. Moskva: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu Agentstvo «Litera», 2022. S. 84-89. EDN: CHLYQK.
22. Naidenova R. R. Tema vyzhivaniya v tvorchestve Margaret Etvud // Mirovaya literatura v kontekste kul'tury. 2021. № 13 (19).
23. Atwood M. In Search of Alias Grace: On Writing Canadian Historical Fiction // The American Historical Review. 1998. Vol. 103, no. 5. P. 1503-1516.
24. Eremenko K. S. «Ot kolonii k natsii i snova k kolonii»: traektoriya natsional'nogo razvitiya Kanady v diskurse kanadskikh intellektualov serediny XX veka // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2019. № 1 (47).
25. Gerson C. Margaret Atwood and Quebec: A Footnote on Surfacing // Studies in Canadian Literature. [S. l.], 1976. Vol. 1, no. 1.
26. Atwood M., Gibson M. E. «A Conversation with Margaret Atwood» // Chicago Review. 1976. Vol. 27, no. 4. P. 105-113. <https://doi.org/10.2307/25303482>.
27. Naidenova R. R. Komicheskoe v tvorchestve Margaret Etvud // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya». 2024. № 6. DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-6-1410-1416. EDN: GZFPQE.
28. Vorotnikova A. E. Pereosmyslenie mifa v romane M. Etvud «Penelopiada» // Vestnik NNGU. 2013. № 6-2.
29. Obzhogina N. Yu., Filippova K. V. Zhenshchina antichnaya i sovremennaya v romane M. Etvud «Penelopiada» // Teoriya i praktika aktual'nykh issledovaniy. 2017. № 17. S. 36-40. EDN: YRDMPX.
30. Atwood M. Negotiating with the Dead: A Writer on Writing. 2003.

The Music of rural Life in the novels «Sandro from Chegem» by Fazil Iskander and «The Shaanxi Opera» by Jia Pingwa: harmony of Nature and the Past

Dubakov Leonid

PhD in Philology

Associate Professor, Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University

518172, China, Shenzhen, Guojidaxueyuan str., 1

✉ dubakov_leonid@mail.ru

Guo Xin

Abstract. The article analyzes the novels of F. A. Iskander "Sandro from Chegem" and Jia Pingwa "The Shaanxi Opera" from the point of view of the presence of musical images associated with specific musical works, performers, genres, directions, etc. Music influences the themes and issues, the images of the main characters, the character system, the plot, the motivational structure of these books. In Fazil Iskander's novels "Sandro from Chegem" and Jia Pingwa's "The Shaanxi Opera", music is what preserves the old, rural culture, provides cultural continuity in an urbanizing and simplifying world. The music of the Qin opera and Abkhazian songs reveal in the novels the rhythm, respectively, of Chinese and Caucasian rural – labor, family, love, and natural existence. The music of Fazil Iskander and Jia Pingwa allows them to characterize the heroes of their works, to create an otherworldly harmonic chronotope. The music in "Sandro from Chegem" and in "The Shaanxi Opera" affects human and natural reality, considering them for themselves as an opportunity to sound in space. Finally, the music in these works can overcome death, carrying the memory of oneself through despair, farewell to the deceased and the transition from life to life. The relevance of the article is determined by the high interest of modern literary criticism in comparing works created in different national cultures, in particular in Russian and Chinese, as well as to the artistic interaction of literature and music. The novelty of the article is due to the previously unseen comparison of the novels of Fazil Iskander and Jia Pingwa in terms of identifying the forms and analyzing the functions of their musical component, as well as from the point of view of their belonging to similar literary phenomena – "village prose", "root-searching literature".

Keywords: The Shaanxi Opera, musical images, village prose, root-searching literature, comparative analysis, intermediality, harmony, Jia Pingwa, Sandro from Chegem, Fazil Iskander

References (transliterated)

1. Bo Tszuyii. Tsin'skie napevy // Kitaiskaya poeziya: sait. URL: https://chinese-poetry.ru/cycles.php?cycle_zh=%E7%A7%A6%E4%B8%AD%E5%90%9F (data obrashcheniya: 15.04.2024).
2. Bogachko P. V. Khudozhestvennoe svoeobrazie prozy Tszya Pinva: masterskaya dissertatsiya. Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M.V. Lomonosova. Institut Stran Azii i Afriki. Kafedra kitaiskoi filologii. Moskva, 2001. 215 s. URL: http://samlib.ru/b/bogojawlenskij_p_m/0thesis.shtml (data obrashcheniya: 15.04.2024).
3. Burdina S. V., Sun Bitszyun'. Fenomen «derevenskoi prozy» v Rossii i v Kitae / S. V. Burdina, // Kazanskaya nauka. 2022. № 10. S. 18-20.
4. Burdina S. V., In' Tszetsze. Vozdeistvie russkoi «derevenskoi prozy» na kitaiskuyu literaturu / S. V. Burdina, In' Tszetsze // Kazanskaya nauka. 2019. № 1. S. 13-15.
5. Van Lina. Kul'turnyi mir v romane «Tsinskie arii» // Vestnik Khubeiskogo zaochnogo universiteta. 2017. № 24. S. 182–186. (王丽娜. 贾平凹《秦腔》的文化世界 // 湖北函授大学学报. 2017. № 24. P. 182-186)
6. Ivanova N. B. Smekh protiv strakha, ili Fazil' Iskander. M.: Sovetskii pisatel', 1990. 320 s.
7. In' Tszetsze. Retseptsiya tvorchestva V.P. Astaf'eva i V.G. Rasputina v Kitae:

- eticheskoe prostranstvo: dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01. Perm', 2019. 160 s.
8. Iskander F. A. Sandro iz Chegema 1 // F. A. Iskander. Sobranie sochinenii v 10 tt. T. 4. M.: Vremya, 2003. 688 s.
 9. Iskander F. A. Sandro iz Chegema 2 // F. A. Iskander. Sobranie sochinenii v 10 tt. T. 5. M.: Vremya, 2003. 704 s.
 10. Iskander F. A. Sandro iz Chegema 3 // F. A. Iskander. Sobranie sochinenii v 10 tt. T. 6. M.: Vremya, 2003. 672 s.
 11. Korobova A. N. Literatura poiska kornei // Nauchno-obrazovatel'nyi portal «Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya» URL: <https://bigenc.ru/c/literatura-poiska-kornei-bd3e39> (data obrashcheniya: 15.04.2024).
 12. Moskovkina E. A. Pretsedentnaya funktsiya pesni v proze V. M. Shukshina // Uchenye zapiski (AGAKI). 2020. №3 (25). S. 53-59.
 13. Men Yaoyui. Razvitie opernogo iskusstva v Kitae: k voprosu o vliyanii regional'nykh traditsionnykh form // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2022. №2 (85). S. 128-134.
 14. Khan' Dan'sin. Tvorchestvo sovremennogo kitaiskogo pisatelya Tszya Pinva : avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.03 / Sankt-Peterburgskii gos. un-t. Sankt-Peterburg, 2001. 43 s. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bd000066874/view/?#page=33> (data obrashcheniya: 15.04.2024).
 15. Tszya Pinva. Tsin'skie napevy: roman / Tszya Pinva; per. s kit., predisl. i primech. A. N. Korobovoi. M.: IVL, 2017. 406 s.
 16. Tskoliya K. R. Poetika romana F. Iskandera «Sandro iz Chegema» / K. R. Tskoliya // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2012. № 4. S. 26-30.
 17. Rojas Carlos. Flies' Eyes, Mural Remnants, and Jia Pingwa's Perverse Nostalgia. Asia cultures critique, (14.3), 2006. Pp. 749-773. URL: https://www.researchgate.net/publication/236761094_Flies'_Eyes_Mural_Remnants_and_Jia_Pingwa's_Perverse_Nostalgia (data obrashcheniya: 15.04.2024).
 18. Yiyan Wang. Narrating China: Jia Pingwa and His Fictional World. London and New York: Routledge, 2006. 318 pp. URL: https://www.researchgate.net/publication/290099811_Narrating_China_Jia_Pingwa_and_His_Fictional_World (data obrashcheniya: 15.04.2024).

The social status of the Russian language in Turkey"

Kambak Burak

Assistant; Department of Foreign Languages; Pairs Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
Postgraduate student; Faculty of Philology, Pairs Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117437, Russia, Moscow, Akademika Arsimovich str., K5

✉ buragkambak@hotmail.com

Abstract. The study focuses on the functioning of the Russian language in Turkey, with an emphasis on its role in tourism, business and education. The influence of the language on the tourism sector (quality of service, marketing strategies, specialized services for Russian-speaking tourists), the specifics of business communication in the field of Russian-Turkish relations (including contracts and negotiations), as well as the relationship between the study of Russian and the career prospects of graduates of Turkish universities is analyzed. Long-term historical experience and modern factors are taken into account, such as migration of the

Russian-speaking population and economic cooperation (projects like the Turkish Stream, student and teacher exchange programs). The object of the analysis is the processes shaping the status of the Russian language in Turkish society, as well as geopolitical factors and the activities of Russian-language media. A historical and sociolinguistic approach was used. Archival materials, media publications, and scientific research are analyzed. In-depth interviews were conducted with representatives of the Russian-speaking diaspora (50), Russian students (100) and Russian teachers (20). Statistical methods, content analysis (mass media) and discourse analysis (advertising) were used in data analysis. Russian language plays a significant role in modern Turkey, which is reflected in the high level of tourist flow from Russia (requirements for proficiency in Russian in the service sector, examples of advertising campaigns in Russian) and the active development of trade relations between the countries (the growth of exports of Turkish products). Interuniversity exchange (implementation of joint educational programs) and the demand for linguistic education in universities (competition for Russian departments) are supported. The data obtained demonstrate the links between language proficiency and the employment prospects of graduates in the fields of tourism, logistics, translation and international trade. Russian status in Turkey is supported by established historical relations, economic factors, and the motivation of Turkish students to learn Russian. The author's contribution is to conduct a comprehensive analysis based on empirical and statistical data. The scientific novelty consists in a sociolinguistic assessment of the role of the Russian language in Turkey in modern conditions, taking into account the influence of migration and geopolitics, which was previously insufficiently covered.

Keywords: Russian colonies, society, status of language, revolution, social status, emigrants, sociolinguistic, linguistic, traditions, Russian language

References (transliterated)

1. Aktual'nye voprosy prepodavaniya russkogo yazyka i literatury v Turtsii: sbornik nauchnykh statei / Pod red. A.V. Ivanova. – Ankara: Izd-vo Ankarskogo universiteta, 2021. – 210 s.
2. Altynbashak, N., Iylmaz, O. Sovremennye tendentsii prepodavaniya russkogo yazyka v turetskikh universitetakh // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'. – 2022. – T. 19, № 2. – S. 234-245.
3. Bubnova, I.A. Mezhekul'turnaya kommunikatsiya: teoriya i praktika: uchebnoe posobie. – M.: Flinta, 2015. – 248 s.
4. Volkov, S.V. Russkii iskhod: bezhentsy i migranty na rubezhe epokh. – M.: Tsentrpoligraf, 2009. – 447 s.
5. Vrangeli, P.N. Zapiski. Noyabr' 1916 g.-noyabr' 1920 g. – Minsk: Kharvest, 2002. – 352 s.
6. Gyunesh, A. Vospriyatie russkogo yazyka kak instrumenta ekonomicheskogo sotrudnichestva mezhdru Rossiei i Turtsiei // Ekonomika i upravlenie. – 2023. – № 3. – S. 112-123.
7. Gordlevskii, V.A. Pervye gody russko-turetskikh literaturnykh sbliuzhenii // Russkii vestnik. – 1884. – № 10. – S. 112-134.
8. Danilevskii, N.Ya. Rossiya i Evropa: vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu. – SPb.: Glagol, 1995. – 552 s. (Pervoe izdanie: 1869).
9. Zharov, K.B. Yazyk i kul'tura: uchebnoe posobie. – M.: Yurait, 2010. – 192 s.

10. Karaosmanoglu, Ya. Kadikeu // Mech. – 1920. – 28 noyabrya.
11. Karasik, V.I. Yazyk sotsial'nogo statusa. – M.: In-t yazykoznaniya RAN; Volgogr. gos. ped. un-t, 2002. – 330 s. EDN: UGRIRL.
12. Karadzhan Khasan, M. Turetskii yazyk v kontekste mezhkul'turnoi kommunikatsii. – Ankara: Izdatel'stvo Turetskogo lingvisticheskogo obshchestva, 2018. – 280 s.
13. Kurukin, I.V. Epokha dvortsovykh perevorotov. Rossiya v 1725-1762 gg. – Ryazan': Izdatel'stvo "Pervopechatnik'", 2010. – 288 s.
14. Lebedeva, O. Neizdannye memuary. Arkhiv sem'i.
15. Oztyurk, M. Rol' russkogo yazyka v razvitii turizma v Turtsii. – Antal'ya: Izdatel'stvo Antaliiskogo universiteta, 2021. – 180 s.
16. Petrosyan, Yu.A. Osmanskaya imperiya: mogushchestvo i gibel'. – M.: Nauka, 2003. – 272 s.
17. Statisticheskii ezhegodnik Turtsii. – Ankara: Turetskii statisticheskii institut, 2023. – 450 s.
18. Teatral'naya entsiklopediya. T. 4 / Gl. red. P.A. Markov. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1967. – 1152 stb. s ill., 6 l. ill.
19. Filyushkin, A.I. Vasilii III. – M.: Molodaya gvardiya, 2018. – 336 s. – (Zhizn' zamechatel'nykh lyudei).
20. Finkel', K. Istoriya Osmanskoi imperii: Videnie Osmana. – M.: AST: Astrel', 2005. – 829 s.
21. Chichurov, I.S. Drevnerusskoe gosudarstvo i kochevniki. – M.: Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke, 2008. – 360 s.
22. Shakurov, Sh.M. Istoriya voennoi reformy v Rossii XVIII veka: voenno-uchebnye zavedeniya. – SPb.: Aleteiya, 2003. – 431 s.
23. Yunal, K. Vliyanie russkogo yazyka na turetskuyu kul'turu. – Stambul: Izdatel'stvo Stambul'skogo universiteta, 2019. – 220 s.
24. Yunusov, I.Sh. Russko-turetskie kul'turnye svyazi: istoriya i sovremennost'. – Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 2020. – 300 s.
25. Cooper, R. L. Language planning and social change. Cambridge University Press, 1989. – 224 p.

The spelling of compound adjectives with quantitative numerals in the first part in the XVIII–XIX centuries

Kaverina Valeriia Vital'evna

Doctor of Philology

Professor; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

1-51 Leninskie Gory str., office 962, Moscow, 119991, Russia

✉ kaverina1@yandex.ru

Hu Chenlu

Postgraduate student; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, building 51, office 962, Moscow, 119991, Russia.

✉ 327596974@qq.com

Abstract. The subject of the research is the spelling of compound adjectives with a numeral as the first part in Russian writing of the 18th-19th centuries. The object of the research is Russian orthography of the 18th-19th centuries in its historical development, represented in grammars and texts from the subcorpus of the National Corpus of the Russian Language. Special attention is paid to identifying factors that influenced the change in spelling conventions. Variants of formations with and without the letter *ъ* are examined. The only rule for the spelling of compound adjectives with a numeral as the first part in the 18th-19th centuries, formulated in A.Kh. Vostokov's grammar of 1831, is analyzed in detail. Compliance with this rule is checked in the usage represented in texts from the 18th-19th century subcorpus of the National Corpus of the Russian Language. Separate formations with a vowel and consonant at the beginning of the second part of compound adjectives are also considered. The study employs the following methods and techniques: methods of semantic and contextual analysis, inductive analysis of the material, methods of linguocultural analysis, as well as directed sampling from lexicographic sources and illustrative material, methods of extralinguistic interpretation of language facts, and methods of frequency-statistical characterization. The novelty of the research lies in the study of the establishment of the unified spelling of complex adjectives with quantitative numerals in the first part in diachrony over the 18th-19th centuries. A significant contribution of the authors to the development of the topic is the diachronic description of the main stages of the formation of the orthographic norm for these words. Based on the material of texts from the subcorpus of the National Corpus of the Russian Language and dictionaries, it was concluded that the unified form of compound adjectives of the specified group was already established in the 18th century. After a half-century period of variability in the second half of the 19th century, a fairly stable usage emerged under conditions of insufficient codification, which assumed the unified form of compound adjectives with a numeral as the first part. The rules of A.Kh. Vostokov's grammar are not followed in the part where hyphenated writing is recommended.

Keywords: codification, variability, hyphenated writing, written as one word, morpheme criterion, morphological criterion, numeral, orthographic usage, compound adjectives, diachrony

References (transliterated)

1. Slovar' Akademii Rossiiskoi. Ch. 1. SPb.: Pri Imperatorskoi Akademii Nauk", 1789.
2. Slovar' Akademii Rossiiskoi. Ch. 2. SPb.: Pri Imperatorskoi Akademii Nauk", 1790.
3. Slovar' Akademii Rossiiskoi po azbuchnomu poryadku raspolozhennyi. Ch. 1. SPb.: Pri Imperatorskoi Akademii Nauk", 1806.
4. Slovar' Akademii Rossiiskoi po azbuchnomu poryadku raspolozhennyi. Ch. 2. SPb.: Pri Imperatorskoi Akademii Nauk", 1809.
5. Slovar' Akademii Rossiiskoi po azbuchnomu poryadku raspolozhennyi. Ch. 6. SPb.: Pri Imperatorskoi Akademii Nauk", 1822.
6. Onatskaya O. I. Iz istorii russkoi orfografii. Defis v "Slovare Akademii Rossiiskoi" // Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. 2004. № 2 (8). S. 136-145.
7. Onatskaya O. I. Iz istorii russkoi orfografii: defisnoe napisanie v proizvedeniyakh N. M. Karamzina i A. S. Pushkina // Filologicheskie nauki. 2004. № 5. S. 77-84.
8. Slovar' tserkovno-slavyanskago i russkago yazyka, sostavlennyi Vtorym Otdeleniem Imperatorskoi akademii nauk. T. 2. Sankt-Peterburg: v Tip. Imperatorskoi akad. nauk, 1847.
9. Slovar' tserkovno-slavyanskago i russkago yazyka, sostavlennyi Vtorym Otdeleniem

- Imperatorskoi akademii nauk. T. 1. Sankt-Peterburg: v Tip. Imperatorskoi akad. nauk, 1847.
10. Slovar' tserkovno-slavyanskago i russkago yazyka, sostavlennyyi Vtorym Otdeleniem Imperatorskoi akademii nauk. T. 3. Sankt-Peterburg: v Tip. Imperatorskoi akad. nauk, 1847.
11. Slovar' tserkovno-slavyanskago i russkago yazyka, sostavlennyyi Vtorym Otdeleniem Imperatorskoi akademii nauk. T. 4. Sankt-Peterburg: v Tip. Imperatorskoi akad. nauk, 1847.
12. Russkaya grammatika Aleksandra Vostokova, po nachertaniyu ego zhe Sokrashchennoi grammatiki, polnee izlozhennaya. Sankt-Peterburg: tip. I. Glazunova, 1831.
13. Kaverina V.V. Sistema kriteriev vybora napisaniya v diakhronicheskoi deskriptivnoi orfografii // Litera. 2024. № 1. S. 261-268. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69588 EDN: BPJDPN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69588

Metaphorical use of the lexeme "theater" in the publicistic style of the modern Russian language

Ermolova Karina Andreevna

Postgraduate student; Department of Slavic Studies, General Linguistics and Culture of Communication; State University of Enlightenment

129075, Russia, Moscow, Ostankinsky district, Argunovskaya str., 8, sq. 96

✉ car.ermolowa@yandex.ru

Abstract. The aim of the paper is to investigate the main mechanisms of metaphorization of the lexeme "theater", which are expressed in the meaning of linguistic units and in the speech utterance. The article explores the features of metaphorical use of the lexeme "theater" in the journalistic style, this issue is considered through the prism of figurative means characteristic of the Russian language. The topic of this study is relevant, because modern philologists pay special attention to the issue of metaphorical interpretation of the Russian language lexicon and study the features of linguistic representation of the metaphorical potential of the national lexicon through figurative means. The research is based on the cognitive and linguocultural approach to the study of metaphorical potential of speech and language. Methods: contextual and structural-semantic analysis. The material for the study were the contexts in which the metaphorical potential of the lexeme "theater" is displayed. 300 contexts from the National Corpus of the Russian Language, borrowed from modern Russian-language mass media - newspapers and magazines - were studied in total. The scientific novelty of the work consists in identifying the specifics of metaphorization of the most important qualities and properties of the theater, expressed through speech utterances and through the semantics of linguistic units, on the example of the modern language of mass media - newspapers and magazines. In the course of the study it was established that the metaphorical functioning of the lexeme "theater" in the journalistic style is based on such initial features as pretense (falsity), spectacle (theatrical action), play, life (imitation, model of real life). There is a metaphorical projection of these qualities onto the properties of objects having material and immaterial character: human thinking and social activity (theater as a kind of activity, a kind of professional occupation of a person), place (theater as "the world on the contrary", as "looking-glass" - a place where everything is different from the real world), human qualities (pretension, deceitfulness, the desire to boast, the desire to live and act "for show"), process (dynamically changing life, which has a cyclical character: birth - development - death), result (theater as a "show"), process (dynamic life, which has a cyclical

character: birth - development - death). The results of the study allow us to reconstruct a significant fragment of the Russian-language picture of the world in the axiological and cognitive aspect. The data of the study of modern periodicals devoted to the theater allow us to conclude about the important role of the lexeme "theater" in the metaphorical thinking of the Russian-speaking person.

Keywords: lexico-semantic field, lexical combinability, theatrical magazine, theatrical discourse, theatrical press, semantics of the word, publicistic style, metaphorical potential, lexeme theater, concept THEATER

References (transliterated)

1. Popova Z. D., Sternin I. A. Ocherki po kognitivnoi lingvistike. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 2001. 189 s. EDN: UDBLDL.
2. Karasik V. I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2004. 477 s.
3. Stepanov Yu. S. Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniya. M.: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", 1997. 824 s. EDN: QOFIUL.
4. Blinova O. I., Yurina E. A. Obraznaya leksika russkogo yazyka // Yazyk i kul'tura. 2008. № 2. S. 5-13. EDN: JFNBBH.
5. Vinogradov V. V. Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinits // Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya. M., 1977.
6. Vinogradov V. V. Osnovnye tipy leksicheskikh znachenii slova // Vinogradov V. V. Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya. M., 1977. S. 162-189.
7. Evdokimova S. V. Sopostavitel'nyi analiz semanticheskoi struktury leksem teatr, kniga, more, son, udovol'stvie, a takzhe ikh assotsiatov // Nauka. Tekhnologii. Innovatsii. Sbornik nauchnykh trudov: v 9 chastyakh. 2015. S. 318-320. EDN: VPVOSP.
8. Evreinov N. N. Demon teatral'nosti. M. – SPb.: Letnii sad, 2002. 535 s.
9. Zadorozhneva E. V. Kategoriya leksicheskoi sochetaemosti / E. V. Zadorozhneva // Izvestiya VGPU. 2007. № 4. S. 51-66.
10. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. Klyuchevye idei russkoi yazykovoi kartiny mira: sb. st. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2005. 540 s. EDN: PVXTND.
11. Zykova I. V. Konstanta kul'tury "Ves' mir – teatr" i ee otrazhenie v angliiskoi frazeologii // Kritika i semiotika. 2012. Vyp. 17. S. 213-223. EDN: VKYUYZ.
12. Ilova E. V. Lingvokul'turnyi kontsept "teatr" v kollektivnom i individual'no-avtorskom soznanii: avtoref. diss. ... k. filol. n. Volgograd, 2008. 24 s. EDN: NKODOF.
13. Kalinina S. A. Leksiko-frazeologicheskaya reprezentatsiya kontsepta "teatr" v russkoi i angliiskoi lingvokul'turakh // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2011. № 8. S. 374-377. EDN: OYKPXN.
14. Kulikova I. S. Sochetanie slov kak minimal'nyi kontekst leksicheskogo znacheniya slova / I. S. Kulikova // Yazykovye edinitsy i kontekst. L., 1973. S. 33-47.
15. Nikolina N. A. Teatral'nyi kod v russkoi kul'ture // Natsional'nye kody v yazyke i literature. Yazyk i kul'tura. Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Natsional'nye kody v yazyke i literature". Natsional'nyi issledovatel'skii Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N. I. Lobachevskogo, 2018. S. 207-213. EDN: YQUSGL.
16. Pavi P. Slovar' teatra. M.: Progress, 1991. 504 s.
17. Popov R. N. Frazeologizmy sovremennogo russkogo yazyka s arkhaychnymi

znacheniyami i formami slov. Metody issledovaniya frazeologicheskogo sostava russkogo yazyka. Orel, 1976.

18. Raikov V. N. Fenomen teatral'nosti: sotsial'no-filosofskii analiz: avtoref. diss. ... k. filos. n. Saratov, 2010. 21 s. EDN: ZOBLGR.
19. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (data obrashcheniya: 03.04.2025).
20. Frazeologicheskii slovar' A. I. Fedorova. M., 2010. 347 s.
21. Kuznetsov S. A. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka. M., 2007. 457 s.
22. Ushakov D. N. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. M., 2000. 576 s.